Люди и ВЛАСТЬ

Леонид Млечин

ФОРМУЛА ВЛАСТИ

от ЕЛЬЦИНА к ПУТИНУ

Люди и ВЛАСТЬ

Леонид Млечин

ФОРМУЛА ВЛАСТИ.

От Ельцина к Путину

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2000

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)-4
М72

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «ЛЮДИ И ВЛАСТЬ»
выпускается с 1998 года

Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова

Млечин Л.М.
М72 Формула власти. От Ельцина к Путину. — «Люди и власть». — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. — 570 с.

ISBN 5-227-00715-2

Ведущий тележурналист Л. Млечин рассказывает в своей книге о трудном пути Президента России Б.Н. Ельцина от свердловского прораба до хозяина Кремля. Одновременно перед читателем проходит вся история нашего государства последних десятилетий XX столетия — от начала горбачевской перестройки до прихода к власти В.В. Путина. Автор, хорошо знакомый с близким окружением Б.Н. Ельцина, дает правдивую картину его жизни, сообщая малоизвестные читателю факты.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)-4

© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2000
© Художественное оформление, ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2000

ISBN 5-227-00715-2

ФОРМУЛА ВЛАСТИ

От Ельцина к Путину

От автора

Десять лет Борис Николаевич Ельцин определял нашу жизнь, а мы, похоже, толком так и не успели в нем разобраться. Сам он вообще не любил говорить о себе, о своих мыслях, чувствах, эмоциях, планах и идеях. Никто, за исключением самых близких людей, не слышал его откровений. Если он вообще способен на откровенность. Книги, написанные за него, не в счет. Другие, конечно, много чего наговорили о Ельцине, в том числе и всякой несусветной и обидной бессмыслицы.

Надо отдать должное Ельцину. Он вел себя достойно. Стойко переносил клевету и никогда не отвечал ни на брань, ни на критику.

Его эпоху называют десятилетием упущенных возможностей, временем великих надежд и разочарований. Но только ли Ельцин виноват в том, что не сбылись наши чаяния? Это задача не для одного человека. Просто мы наивно надеялись, что все произойдет как-то само собой, без нашего участия. Что он все сделает за нас один. Не получилось, и тогда Ельцина стали топтать ногами с той же остервенелостью, с какой еще недавно потрясали его портретами на митингах и демонстрациях.

Это ведь мы сами, нарушив заповедь, творили себе кумиров. Десять лет назад новое поколение политических лидеров воспринималось как отряд мессий, спустившихся с небес. Это была ошибка. Мессианство вообще ни к чему хорошему не приводит. Политик, возомнивший себя мессией, нередко добива-

ется успеха, но обществу его появление сулит большие неприятности. Полезнее всего честолюбивые, но и трезво оценивающие свои личные способности люди, которые уверены в том, что умеют принимать взвешенные и разумные решения.

В представительной демократии таится бездна подвохов и разочарований. Идеальных людей не бывает. Многие блестящие персонажи, которым избиратели с готовностью отдавали голоса, не оправдали надежд. И люди огорчаются, не понимая, что это горе поправимо: неумелого можно переизбрать.

Мы, скорее всего, недооценили масштаб личности Ельцина. Он из тех, кто делает историю. Он из породы людей, которые неостановимо идут к власти. Для них власть — это, пожалуй, единственное, что приносит удовольствие всегда. Все остальное доставляет лишь кратковременную радость. На наше счастье, Ельцин пришел к власти и оставался у власти с помощью механизма демократии.

Нарушив историческую традицию, Ельцин перестал давить своих подданных, насильно тянуть нас в светлое будущее. Нельзя сказать, что народ ему за это сильно благодарен. Впрочем, окончательный вердикт всегда выносит только история.

Часть первая
МЕСТО В ИСТОРИИ

Глава первая
«Я СДЕЛАЛ ВСЕ, ЧТО МОГ»

9 января 2000 года в Большом театре вручали премии «Триумф», присуждаемые выдающимся мастерам литературы и искусства. В царской ложе появился Борис Николаевич Ельцин с Наиной Иосифовной. Зал встал. И художественный руководитель Большого театра Владимир Васильев сказал ему фантастические слова:

— Вы триумфально пришли и триумфально ушли.

Зал вновь встал. Это было признание. Ему забыли все плохое. Люди отходчивы. С той минуты, как Ельцин добровольно отрекся от власти, он вошел в историю. Самый талантливый режиссер не сумел бы так искусно покинуть политическую сцену, как это сделал первый президент России.

Прощаясь 31 декабря 1999 года со страной, Борис Ельцин говорил, что он уходит раньше положенного срока не потому, что плохо себя чувствует:

— Посмотрев, с какой надеждой и верой люди проголосовали на выборах в Думу за новое поколение политиков, я понял: главное дело своей жизни я сделал. Россия уже никогда не вернется в прошлое. Россия всегда теперь будет двигаться только вперед. И я не должен мешать этому естественному ходу истории. Полгода еще держаться за власть, когда у страны есть сильный человек, достойный быть президентом и с которым сегодня практически каждый россиянин связывает свои надежды на будущее? Почему я должен ему мешать?

Борису Николаевичу написали очень хорошие слова для прощальной речи. Он просил у страны прощения за то, что не оправдал надежд, что многие мечты не сбылись и не удалось одним махом перенестись в светлое и счастливое будущее.

— Я сам в это верил, — говорил Ельцин. — Казалось, одним рывком — и все одолеем.

Он не лукавил, действительно в это верил.

«Весной 1986 года, — вспоминает тогдашний посол в ФРГ Юлий Квицинский, — первый секретарь Московского горкома партии Борис Ельцин, приехав в Западную Германию, убежденно говорил, что перестройку надо сделать за три-четыре года. Ради этого Ельцин готов был спать несколько часов в сутки, пожертвовать своим здоровьем и даже жизнью».

Посол Квицинский засомневался: потерять здоровье и загнать себя — дело не хитрое, но так быстро завершить перестройку едва ли удастся.

— Надо не бояться один раз сделать больно, — повторил Ельцин, — потом будет легче.

ЕМУ НУЖНА ВСЯ ВЛАСТЬ

Где же в России место обитания власти? Всякий скажет — в Кремле. Знающий уточнит — в первом корпусе, где расположен кабинет президента. Это так и не так. Когда президентом был Борис Ельцин, власть была сосредоточена в нем самом, где бы он ни находился.

При этом в момент общения с ним, говорят хорошо знающие Бориса Николаевича люди, не ощущаешь этой эманации власти. Он не властный человек в прямом смысле слова, но все его существо было настроено на достижение власти и на ее удержание.

Летом 1989 года помощник президента СССР Георгий Шахназаров спросил Горбачева:

— А почему бы вам не удовлетворить амбиции Ельцина? Скажем, сделать его вице-президентом?

Михаил Сергеевич отрезал:

— Не годится он для этой роли, да и не пойдет. Ты его не знаешь. Ему нужна вся власть.

Ельцин принадлежит к числу людей, которые лучше всего проявляют себя в роли полновластного хозяина. А вот подчиненные из них получаются неважные.

Он родился таким, такова его генетическая структура. Вся его жизнь была подчинена этой внутренней программе. И даже когда он уходил в отставку (а он делал это дважды), то с глубоким смыслом. Не стоит забывать, что в его жизни первая отставка привела к победе и к президентству, вторая — словно перечеркнула все его ошибки, неудачи и промахи и обеспечила ему место в истории.

Он не постоянно находился в состоянии борьбы. Он вступал в нее где-то в середине игры, когда становилось ясно, что возможен проигрыш. Тогда он брался за дело, и ситуация сразу менялась. Он не машина. В нем решение должно было созреть. Когда это происходило, он действовал. А так он мог как бы дремать, порождая самые странные предположения на свой счет.

— Он хитрый, — говорит Андрей Козырев, бывший министр иностранных дел России. — Он следил за всем полем. И многие ошибались, думая, что он уже потерял хватку. Впечатление создавалось такое, будто крокодил спит. И я видел, как многих людей это подводило. Он, возможно, специально делал вид, что спит. Хотел посмотреть: а как они себя поведут?..

Он тоже совершал ошибки, ведь и самый гениальный шахматист иногда проигрывает. Он потерпел множество мелких поражений, он оставил страну в бедственном положении, но в борьбе за власть выиграл все основные битвы. В этом его отличие от Горбачева, блистательного тактика, который одерживал одну мелкую победу за другой, но проиграл главную битву и лишился власти. Ельцина никто не сумел лишить власти. Он ушел сам, когда счел это целесообразным.

Противники Ельцина относятся к нему уничижительно. Но как же в таком случае ничтожны его противники, которые постоянно ему проигрывают! Наверное, многим это сознавать неприятно, но он побеждал во всех выборах, в которых участвовал. Ему дважды пытались объявить импичмент. Причем оба раза депутаты — сначала Верховного Совета, потом Государственной Думы — были уверены, что избавятся, наконец, от этого человека. И все равно Ельцин их обставил.

Мелкий политик, как и шахматист средней руки, ставит перед собой конкретную цель, достигнув ее, переходит к следу-

ющей, словом, карабкается наверх шаг за шагом, всякий раз просчитывая всего лишь несколько ходов вперед.

Гроссмейстер, шахматист от Бога, сразу представляет себе, как будет развиваться вся партия и какая позиция ему нужна, чтобы добиться успеха. Так и прирожденный политик Ельцин сначала формулировал в голове окончательную цель и лишь потом думал о том, как к ней приблизиться, что нужно сделать сейчас, а что потом.

По словам некоторых его помощников, наблюдать за действиями и ходами Ельцина было так же интересно, как следить за игрой шахматного чемпиона Гарри Каспарова или слушать лекции гениального физика Льва Ландау.

Занимаясь политикой всю жизнь, Ельцин конечно же многому научился. Но главное было заложено в нем с детства.

В прежние времена Ельцин завоевывал сердца избирателей в тот момент, когда неожиданно улыбался, крепко жал кому-то руку и произносил одну, максимум две фразы. И это не те фразы, которые в состоянии выдумать самые талантливые консультанты. Это простые фразы, которые подсказывал Ельцину его политический инстинкт.

— Это беспредельно талантливый человек, — вспоминает бывший помощник президента Георгий Сатаров. — Борис Николаевич учился, впитывал от других. У него колоссальная память. Он любил ею блеснуть, фундаментально готовился к поездкам, и мы ему всегда организовывали общение с интеллектуалами, независимыми экспертами, чтобы он мог обогатиться. Ему это дико нравилось!

Он, конечно, любит блеснуть, себя показать. И на серьезной международной встрече мог повергнуть своего партнера на переговорах в полное недоумение интересными подробностями, неожиданными поворотами. Он это обожал! Поэтому он ценил, когда ему предлагали оригинальные идеи, выкладывали интересную информацию. Он все впитывал, понимал с ходу. Это не было систематическим образованием, но внутренний талант позволял ему умело эксплуатировать новые идеи.

Советское, конечно, в нем тоже оставалось. Прежде всего это касалось каких-то общих вещей, понимания принципов управления страной. Ему все-таки самым важным казалось управление через кадры. Это классическое советское искусство. Новый принцип — естественное управление посредством законов — давался Ельцину тяжело...

Он получал огромное количество информации, все читал и запоминал. Он человек с феноменальной памятью, это свойство многих партийных работников, можно сказать, критерий профессионального отбора. Без отличной памяти невозможно было продвинуться наверх, потому что приходилось часто менять сферу деятельности и заниматься вещами, о которых еще вчера не имел ни малейшего понятия.

— Он все и всех помнит, — говорит Евгений Савостьянов, бывший заместитель руководителя президентской администрации. — Ему не надо было, называя фамилию, объяснять, о ком идет речь...

Ельцин все мгновенно усваивал и умело пользовался информацией. Он поражал партнеров на переговорах своей осведомленностью. Причем цитировал и цифры и факты на память, не заглядывая в бумаги. Он сначала побаивался поездок за границу, поэтому, готовясь, собирал специалистов, внимательно слушал их и очень многое запоминал.

Поэтому когда Ельцин принимал заведомо неудачные решения, никто не хотел верить, что это он сам придумал. Грешили на других, на тех, кто дает ему советы. Хотя его окружение никогда не позволяло себе выходить из определенных рамок. Ссылки на окружение лишь маскировали ясно выраженную президентскую волю.

Он менялся. Он расстался со многими представлениями и мифами советских времен.

После того как осенью 1999 года в немецкой клинике умерла от лейкемии Раиса Максимовна Горбачева, Ельцин послал за ее телом спецсамолет из правительственного авиаотряда. Вражда двух президентов осталась в прошлом, делить больше нечего и незачем. Возможно, Ельцин понял, что все в жизни преходяще и перед лицом смерти уже ничто не имеет значения.

Он многое в себе поборол. Он так и не захотел стать диктатором, даже не пытался. Средства массовой информации годами буквально обливали его помоями. А он решил для себя, что свобода печати должна сохраниться, и ни один журналист его не боялся. Разносить президента было безопаснее, чем любого чиновника в стране.

Его не раз толкали в сторону чуть ли не военной конфронтации с Западом. Анатолий Чубайс однажды рассказал журналистам «Нового времени» о том, как шло совещание в Кремле по поводу расширения НАТО:

— Какие там варианты обсуждались! Просто волосы дыбом вставали. Пересмотр бюджета, деньги на военно-промышленный комплекс, поддержать Федеральную службу безопасности и другие спецслужбы, усилить разведку, мобилизация экономики, Центральному банку денег напечатать...

И все-таки Ельцин на это не пошел. Чувствовал, что может погубить страну.

ДАВАЙТЕ ПОСПОРИМ?

Аналитикам казалось, что Ельцин постоянно ошибается, все делает не так, как надо. Но аналитики руководствуются обычной логикой, основываясь на известных им фактах, на анализе ситуации. А у него совершенно иная логика, основанная на интуиции, а не на изучении деталей.

— Он производил впечатление человека, который не хотел вникать в детали, хотел из всего сразу получить главное, конкретное, — вспоминает генерал Николаев. — Он не хотел вникнуть в суть вопроса. Он хотел получить ответы на тот блок вопросов, который был ему интересен, и извлечь главное звено — то, что он считал важным...

Ельцин очень опытный политик.

— Когда я обращался к нему с каким-то делом, он иногда мог сказать: «Ну что, вы сами не можете решить этот вопрос?» — рассказывает Андрей Козырев. — Это означало, что он оставляет себе свободу рук, чтобы потом, в случае неблагоприятного развития событий, иметь возможность сказать: вот я вам доверил, а вы ошиблись. Но мне важно было позвонить и доложить. Я, по крайней мере, честен: я не взял на себя то, что не должен был брать. А если он хочет оставить себе свободу рук — это его право...

Ельцин быстро принимал решения, но не спешил их обнародовать. Устраивал совещания, выслушивал противоположные мнения, иногда казалось, что он склоняется в сторону тех, с кем в реальности не согласен. Те, кого он в действительности поддерживал, уже готовы были подать в отставку, и тут он объявлял решение, которое для многих становилось неожиданным.

— Он полагался на мнение окружающих его людей? Или както сразу понимал: это хорошо, а это плохо? — задал я вопрос Георгию Сатарову.

— Во-первых, он для себя решал, можно ли полагаться на то, что говорит этот человек, или нельзя. Я уверен, что он собирал информацию об окружающих его людях, да ему и стучали на всех. Во-вторых, конечно, у него были собственные представления о том, как надо решать многие проблемы.

Сатаров вспоминает, как он пришел к президенту с аналитической запиской, в которой предсказывались напряженные политические баталии:

— Борис Николаевич, вы, конечно, все знаете и без меня, но нас ждут такие вот потрясения...

Ельцин положил руку на стол:

— Давайте поспорим, что все будет нормально?

Сатаров заулыбался:

— Борис Николаевич, я с удовольствием поспорю и с еще большим удовольствием проиграю, но я обязан отработать и наихудший вариант.

Президент согласился:

— Это правильно, это ваша обязанность.

Но в конце концов президентская интуиция победила расчет его помощников...

— Значит, у него действительно есть интуиция, о которой некоторые говорят с восхищением?

— Он хорошо знает политическую элиту, знает людей, с которыми имеет дело, и это помогает его интуиции. Вот пример — отставка Примакова. Если бы в тот момент я был помощником президента, я бы ему сказал, что ни в коем случае этого не надо делать. Нельзя трогать Примакова — будут большие потрясения. Я был в этом уверен на сто процентов. Он бы мне так же протянул бы руку: давай поспорим, что все пройдет спокойно! И он оказался прав...

История болезни Бориса Николаевича Ельцина составляет не один толстенный том. Букета даже известных всем нам заболеваний достаточно, чтобы другого человека — не президента — давно отправили бы на покой.

Правда, нам постоянно говорили, что его интеллектуальные способности не затронуты. Но в последние годы на телевизионном экране мы видели малоподвижного человека, который говорил крайне медленно и с видимым трудом.

— Обычно человек говорит так же, как и думает. Борис Николаевич только на экране такой или в жизни тоже? Он тугодум,

или это обманчивое впечатление, или это следствие одолевающих его болезней?

— Он же интроверт, — отвечает Георгий Сатаров. — Интроверты всегда говорят медленно. У них процесс речи связан с приоткрыванием самого себя, это проблема для них. Он не человек живой речи. Такова его физиология, личная психофизика.

Со стороны очень странно было наблюдать, как Борис Николаевич медленно, словно с трудом, букву за буквой выводит на документе свою простую подпись. Когда нам показывали такую сцену по телевидению, это воспринималось как очевидный симптом каких-то серьезных болезней. То ли рука ему не подчиняется, то ли он вообще с трудом управляет собой.

Но люди из ближайшего окружения Ельцина говорят, что так было всегда. Многие люди подписываются быстро и размашисто. Борис Николаевич всегда медленно и старательно выводил свою подпись. Вообще относился к этому делу всерьез.

Возможно, в молодые годы он не был таким. Но, обосновавшись в Кремле в роли президента самостоятельной России, Борис Николаевич серьезно изменился. У него были свои представления о том, как должен вести себя президент великой России, и он старательно играл эту роль. Изменились его манеры, взгляд, даже походка стала неспешной. Он стал избегать стремительных движений — теперь они казались замедленными...

В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ ВЫЗОВУТ НЕ СКОРО

— Подпись под указами или распоряжениями — дело десятое. Значительно важнее другой вопрос — как он реагировал на поступающую к нему информацию, понимал ли, что ему хотят сказать, объяснить, доказать? Его реакция была такой же замедленной? Или же он достаточно быстро соображал, но не подавал вида, не спешил проявить свои эмоции? — продолжал я задавать вопросы Сатарову.

— По глазам, по мимике можно были видеть, как он реагирует — и ловит быстро. А выдавал свою реакцию медленно. Может быть, внутри переваривал... Но ловил быстро.

«Он вообще человек немедленных, быстрых реакций, — считает Сергей Филатов, бывший руководитель президентской администрации. — Если его что-то зацепило, он мог тут же по селектору позвонить: тут у меня Филатов, есть интересная мысль,

давайте сделаем то-то и то-то... Если его идея захватывала, он тут же начинал действовать».

— В разговоре Ельцин предпочитал слушать или говорить? — спросил я у Евгения Савостьянова.

— Как правило, больше приходилось говорить самому. Он слушал. Не отличался говорливостью. Он вызывал человека не для того, чтобы при нем произносить речи. Он вызывал, чтобы выслушать подчиненного о его работе, иногда дать какие-то указания, замечания.

— Ельцину интересно беседовать с человеком, который приходит к нему по делу? Он его внимательно слушает, вникает? Он смотрит в глаза собеседнику или безразлично отводит взгляд?

— Пока ты говоришь, он всегда смотрит в глаза. По всей вероятности, хочет понять, насколько ты сам готов к разговору, в какой степени владеешь материалом. Обычно такие встречи длились минут двадцать. За это время надо доложить, как идут дела по тем направлениям, которыми занимаешься. На каждый вопрос уходило три-четыре минуты. Нельзя растекаться мыслями по древу и философствовать.

— Заранее предупреждали, по какому вопросу предстоит докладывать президенту?

— Нет, просто говорили: «Президент вызывает сегодня на двенадцать часов. Встреча в таком-то помещении». Дальше это его дело, о чем он будет спрашивать. Ты идешь докладывать свое. Но через двадцать минут надо встать и уходить. С Ельциным можно было спорить. Но, желательно, не публично. Не следовало, скажем, на совещании обязательно стараться настоять на своей точке зрения, чтобы президент вначале сказал одно, а потом признал: вот, Иван Иванович все правильно придумал, а я ошибался...

Но спорить с ним можно было, с этим соглашаются все, кто работал с президентом. Он всегда выслушивал своих сотрудников и никогда не говорил: «Заткнитесь, замолчите!»

Он любил полагаться на профессионалов. Резолюцию «Не согласен!» можно было увидеть очень редко. Как ни странно.

Ельцин был надежным партнером: если он принял решение, то от него не отступался. Это происходило только в том случае, если ему подсовывали какую-то ненадежную бумагу, которую потом оспаривали другие чиновники. Если его с аргументами в руках убеждали в необходимости какого-то решения, то он с

ним соглашался. Вел себя порядочно. Он знал, что принял это решение и разделяет ответственность за него. Даже если не подписал документ, а всего лишь сказал: «Действуйте по своему усмотрению».

Бывало другое: он знал, что решение заведомо непопулярное, и хотел, чтобы критиковали какое-то ведомство, а не его самого. Тогда разыгрывалась соответствующая игра: президент возмущался тем, что принимаются какие-то решения, о которых он ничего не знает! Таким образом он выводил себя из-под удара.

Вопрос к Андрею Николаеву, бывшему директору Федеральной пограничной службы:

— А переубедить Ельцина можно было? Или если он занял какую-то позицию, то будет до последнего стоять на своем? И его с места не сдвинешь?

— Вполне можно было. Он совершенно точно чувствовал, когда человек квалифицированно докладывает, а когда пытается лапшу на уши вешать. Мгновенно мог оценить ситуацию и сказать: «Хорошо, спасибо, идите работайте». Он не занимался политесами, мог любого остановить, сказать: «Разберитесь, мы к этому вопросу еще вернемся». Как правило, в следующий раз этому человеку не скоро предоставлялась возможность докладывать президенту.

Но мстительным он не был. Плохого работника мог без сожаления уволить, но поверженного не топтал. И тех, кто не подчинялся его воле, тоже не заносил в черный список.

Эдуард Россель, губернатор Свердловской области, рассказывал журналистам, как в 70-е годы, когда он работал на комбинате «Тагилтяжстрой», его пытались сделать председателем горисполкома в Нижнем Тагиле.

Ельцин, тогда еще секретарь обкома, приехал в город, вызвал Росселя и сказал:

— Вы, конечно, знаете, что у нас нет председателя горисполкома?

— Знаю.

— Так вот, я переговорил с секретарями райкомов партии, парткомов, рабочими, Советом директоров Нижнего Тагила — все единогласно рекомендуют вас.

И Россель вдруг отказался. Ельцин был изумлен. Он всегда вертел в левой руке, на которой не хватает двух пальцев, карандаш. Услышав отказ, Ельцин от раздражения сломал карандаш и металлическим голосом произнес:

— Я ваш отказ запомню и не прощу.

Тем не менее Ельцин продолжал ценить Росселя и продвигал его по строительной части.

ОН ЛЮБИЛ СЛУШАТЬ, А НЕ ЧИТАТЬ

Генералу Николаеву президент сказал:

— Вы будете ко мне приходить раз в неделю в такой-то день.

Николаев попросил его сделать так, чтобы он имел возможность обращаться к президенту по делам службы в любое время.

— Поэтому мы достаточно часто встречались, — вспоминает Николаев. — К каждой встрече предварительно готовили материалы, которые позволяли президенту заранее вникнуть в тему. Как правило, он с документами знакомился, и начало разговора показывало, что он читал, разобрался и понимает, о чем идет речь и какие проблемы я бы хотел решить. Как правило, на встречу выносилось один-два вопроса, самых важных, хотя в беседе мы выходили на решение, может быть, и десяти вопросов. Он сразу давал необходимые поручения.

— Вам приходилось его заставлять принимать нужные вам решения? — спросил я. — Или он прислушивался к вам как к специалисту?

— В девяти случаях из десяти принимал мои предложения. Мы никогда не предлагали президенту непродуманные, спонтанные решения. Если он не считал возможным согласиться, то говорил: «Давайте еще подумаем, а вы посоветуйтесь». И называл имена людей, с которыми я должен встретиться. Добавлял: «Вернемся к этому вопросу через две недели». Не было случая, чтобы он не вернулся к этому вопросу в условленное время. Пустых разговоров, не связанных с темой, у нас практически никогда не было. Никаких бесед о жизни. Только то, что касалось работы и службы.

— То есть президент не испытывал желания просто поговорить, расспросить, что-то самому рассказать?

— Нет. И у меня никогда не было в мыслях использовать время, которое мне было предоставлено, для того, чтобы решать какие-либо иные вопросы, кроме службы.

— Вы могли разбудить его среди ночи? Была такая техническая возможность?

— Если возникала нужда, то да.

— Он не обижался?

— Он просто знал, что я никогда не сделаю этого зря. Если Николаев звонит ночью (а это случалось, может быть, раза два), значит, это совершенно необходимо.

— А не было случая, когда он реагировал эмоционально: ну что вы ко мне с этим пристаете?..

— Нет. Никогда не было. Он знал, что я не пристану к нему, как вы выразились, с чем-то несерьезным...

Многие знающие Ельцина отмечали его очень сильное качество — умение слушать. Тот, кто умел убедительно говорить, способен был добиться от президента большего, чем тот, кто представил самый точный и разумный анализ, но в письменном виде. Ельцин предпочитал не читать, а слушать.

Но, как известно, недостатки — это продолжение наших достоинств. Тот, кому удавалось втереться в доверие, кто научился убеждать президента, использовал свое умение себе во благо. Когда Ельцин прислушивался к таким людям, это приводило к печальным последствиям.

— Я понимаю, что руководитель все в голове держать не может, — говорит Сергей Филатов. — Он доверяет своим помощникам, доверяет тем, с кем общается, кто к нему приходит. Не случайно говорили: у Ельцина мнение последнего посетителя.

— Да вы поймите, что в тот момент решения принимались с ходу, времени на анализ не было, — возражает Андрей Козырев. — История не отпускала времени на долгие размышления. Было так: человек приходил к президенту не с идеей, а с последней новостью — что-то случилось! Это же меняет ситуацию, верно? Если дом горит, надо вещи выносить. А человек, который утром приходил, он еще не знал, что дом сгорит. И советовал проводить капитальный ремонт. Решение изменилось, но изменилась и ситуация. Так что не совсем честно его за это упрекать.

ДУМАЕТЕ ЛИ ВЫ О БОГЕ?

Люди добравшиеся до вершины власти кажутся нам какими-то особенными. В определенной степени это так и есть.

Испытывал ли Борис Николаевич какие-то обычные чувства, доступные всем нам? Точный ответ могут дать только самые близкие люди. Он закрытый человек и либо скрывает свои эмо-

ции, либо их изображает. Ни чувством юмора, ни чем-либо иным природа его не обделила.

Осенью 1995 года на пресс-конференции Ельцину прислали записку:

«Думаете ли вы о Боге, Борис Николаевич?»

Ельцин удивленно переспросил:

— О чем?

Его тогдашний пресс-секретарь Сергей Медведев повторил:

— О Боге, о великом. Это записка от тверских журналистов.

Ельцин ответил охотно:

— Вчера полдня только о Боге и думал. Был на богослужении, потом участвовал, хоть и немного, значит, в крестном ходе. Потом был, значит, на крестинах своего внука, успел под самый конец, чтобы, не дай Бог, без меня другим именем не назвали. И только, понимаешь, отец Георгий хотел имя назвать, я говорю: «Глеб», и он сказал: «Глеб». И все, и на этом дело закончилось... Конечно, думаю.

Медведев обратился к залу:

— Еще вопросы?

Ельцин проявил инициативу:

— Ну дайте девушке, уж вся извелась, понимаешь.

Медведев попросил другого журналиста потерпеть:

— Уступите девушке?

Уступает девушке.

Корреспондентка петербургского телевидения спросила Ельцина:

— Борис Николаевич, в народе есть свое представление о российском президенте. Ну, общеизвестно, что крепкий политик, сибирский мужчина, семьянин, теннисист, а что бы вы сами добавили к этому?

— Что, и негативные стороны тоже говорить?

— Нет, просто как вы думаете, что бы вы сами добавили, чтобы образ получился цельный?

— Нет, я согласен с тем, что вы сказали.

Журналисты расхохотались и захлопали.

Политик по определению должен быть циничным, иначе он просто не сможет существовать.

— Ельцин был равнодушен к горестям и трагедиям жизни? — обращаюсь я к Андрею Козыреву.

— Я был очень близок с ним в первую чеченскую войну, — отвечает Козырев, — и видел: он чудовищно переживал, видя

гибель гражданского населения, разрушения. Другое дело, что в нем политик и администратор всегда брали верх над личными переживаниями. Но только незнающие могут говорить, что ему все было безразлично. Никакого цинизма в нем нет. В нем есть политическая рациональность.

— Но Борис Николаевич так легко расставался с самыми близкими людьми, что создавалось ощущение, будто он вовсе не способен к обычным человеческим эмоциям.

— У него личные привязанности не довлеют над политической целесообразностью, как он ее понимает. За это его можно критиковать, но политик такого плана должен ставить во главу угла дело, а не личные отношения. И я бы мог сказать: мы пять с лишним тяжелых лет были вместе, и вдруг он меня сдает... Но я понимаю, что он должен руководствоваться только политическими интересами. Нельзя критиковать его за то, что он политические соображения ставит выше личных отношений...

Соратники, союзники и помощники были нужны Ельцину для выполнения определенной цели. Как только цель достигнута, он расставался с этим людьми. Особенно если они начинали говорить о нем что-то плохое, как это произошло с Коржаковым. Он уволил своего помощника Льва Суханова, который прошел с ним самые трудные годы и был исключительно ему предан, и даже не нашел времени для прощальной аудиенции. Суханов вскоре умер, так и не услышав слов благодарности за верную и беспорочную службу.

Расставшись с ненужными работниками, Ельцин тут же набирал себе новую команду, которая добивалась вместе с ним следующей цели.

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ПРИГЛАШАЕТ ПОУЖИНАТЬ

Общение с Ельциным не было простым. Человек он очень разный. И никогда заранее нельзя узнать, с кем сегодня встретишься.

— Я это наблюдал много лет, — вспоминает Андрей Козырев. — Может утром раздаться звонок человека, который говорит медленно, с трудом — такое впечатление, что у него в голове проворачиваются какие-то жернова. А вечером вы встречаетесь с человеком, который очень быстро на все реагирует, шутит. Причем это может измениться за несколько часов.

Мы разговаривали с ним минимум раз в день. Всякий раз я пытался в первую секунду оценить: с кем я беседую? От этого многое зависело: как докладывать? В какой форме? Либо совсем упрощенно — в расчете на жернова, тогда и сам начинаешь говорить медленно, чтобы это проникло в жернова. Либо ты должен делать это в совсем иной манере — с шутками.

— А с чем это связано? — задаю я вопрос.

— Не могу вам сказать.

— Но была какая-то закономерность?

— Не определил. Я просто знал, что это так. Особенно это важно было понять при телефонном разговоре. При встрече сразу можно определить, в каком он состоянии. А по телефону это гораздо сложнее, ты же человека не видишь. И если он звонил, было легче. По первым фразам можно представить, в каком президент настроении. А если сам звонишь? Он откликается: да, здравствуйте. А дальше надо излагать дело, но совершенно не знаешь, с кем из двоих ты сейчас столкнешься.

А от этого многое зависит. Если вы человеку, который находится в заторможенном состоянии, начнете быстро, с шуточками, с вензелями что-то рассказывать, он ничего не поймет. В то же время, если человеку, который находится в прекрасном расположении духа, все соображает, начнете медленно что-то втолковывать, вы и половины не расскажете из того, что нужно.

— На службе он один, а в неформальном общении, где-нибудь на даче, — совсем другой?

— Нет, он был одним и тем же человеком. Уезжая с работы, Ельцин, насколько я знаю, никогда не прекращал работать, заниматься политикой. Он не переключался, за исключением игры в теннис. Да и на корте мог начать говорить о том, что обсуждалось днем.

— А зачем он вас звал к себе на дачу? Вы с ним такие разные люди.

— Он считал, что с теми, с кем он часто общается — это некое политбюро, состоящее из наиболее важных министров, — у него должны быть не только официальные, но и дружеские отношения. И он их целенаправленно развивал. Потом уже и привычка к общению возникла. Это было движение не столько души, сколько ума, который говорил, что с этими людьми должны быть и неформальные, товарищеские отношения...

В прежние годы Ельцин активно общался со своими приближенными. Пока был здоров, играл с ними в волейбол, по-

том в теннис — четыре-пять раз в неделю. Если проигрывал, то настроение у него безнадежно портилось. Он купался, даже если температура воды не превышала одиннадцати градусов. Весной и осенью плавал в Москва-реке, буквально расталкивая льдины, чувствовал себя после этого прекрасно.

Ельцин любил застолье, устраивал званые ужины в президентском клубе в особняке на Ленинских горах.

Жизнь высшего эшелона власти в России была устроена несколько необычно. Собирается министр вечером после работы домой, ему звонит президент:

— Ну как, сегодня в теннис играем? Поужинаем?

Могло быть иначе. Министр уже садится в машину, когда его охранник спрашивает невинным голосом:

— Ну как, в президентский клуб поедем?

— А почему в клуб?

— Потому что там Борис Николаевич, — со значением говорит охранник.

Министр откладывал любые дела и ехал в клуб. Отказ не предполагался. Причем было известно, что если президент не желал кого-то видеть, то охрана ему о клубе не напоминала.

Когда он стал болеть, такие посиделки с обильной выпивкой и закуской прекратились. Смена образа жизни была полезна для печени. Но одновременно Борис Николаевич лишился общения, распался круг людей, которые худо-бедно рассказывали ему о происходящем вокруг.

Ельцин был прост в обращении, не высокомерен.

Его тренер по теннису Шамиль Тарпищев, ставший потом министром спорта, описывал в газетном интервью, как он близко познакомился с Ельциным. Тарпищеву позвонил начальник президентской охраны генерал Александр Коржаков:

— Шамиль, надо срочно поехать в аэропорт встретить президента Международного олимпийского комитета Самаранча.

Тарпищев поехал, но в аэропорту маркиза Хуана Антонио Самаранча не оказалось. Позвонил Коржакову. Тот сказал:

— Ладно, приезжай на дачу к Самому, доложишь.

Ельцин выслушал его и говорит:

— День у вас все равно потерян. Оставайтесь. Пообедаем, в бильярд сразимся.

— Ну я и остался, — заключил Шамиль Тарпищев.

Как оказалось, надолго.

При Ельцине теннис стал символом здоровья и динамизма новой политической элиты. В теннис играли самые близкие к президенту люди — Геннадий Бурбулис, Александр Коржаков, Валентин Юмашев, Виктор Илюшин, Андрей Козырев...

ДЕГУСТАЦИЯ В КРЕМЛЕ

Всякие неожиданные перемены в настроении Ельцина, его внезапные исчезновения из Кремля, когда он пропадал то на несколько дней, то на неделю, оставив дела и бросив страну на помощников, трактуются однозначно: Борис Николаевич злоупотреблял горячительными напитками.

— На ваших глазах Борис Николаевич много пил? — спросил я Андрея Козырева.

— У нас есть определенные традиции застольного общения, — дипломатично ответил бывший министр иностранных дел.

— Но это сказывалось на работе?

— Ничего, что выходило за рамки традиций, я не наблюдал, — последовал еще более дипломатичный ответ.

Я задавал те же вопросы и другим людям, которые работали с Борисом Николаевичем. Ведь страна была уверена, что президент очень крепко пил.

— Так насколько заметна была его страсть к спиртному в близком общении? — спросил я у генерала Николаева.

— Могу сказать абсолютно честно, я никогда не видел президента выпивающим. Ни разу. Ну, кроме шампанского при подписании официальных документов. А так ни разу не видел, хотя обедал вместе с ним.

— А вкусно кормили у президента?

— Очень просто. Я, во всяком случае, особых изысков не видел. Кормили прилично, но ничего особенного. Вообще, меня тема питания не очень интересует, в еде я человек скромный, можно даже сказать, аскетический. К тому же обед опять-таки носил деловой характер. Он обычно предлагал: «Хорошо, давайте продолжим разговор за обеденным столом». Принципиальные вопросы мы уже решили, а во время обеда обговаривали детали...

— Мне пришлось всего один раз за время службы в Кремле видеть его пьющим водку, — вспоминает Георгий Сатаров. — В этом момент я и сам это делал. Это было на стадионе в Луж-

никах. Было очень холодно, мы приехали туда с Сашей Лившицем, помощником президента по экономике, а потом неожиданно появился президент. Там всегда накрыт стол, и, уходя, он поднял рюмку водки и уехал...

Я видел, как он на приемах пьет шампанское, но потом и это прекратилось. Я помню встречу Нового года. Мы, помощники, пришли его поздравить. Подняли по бокалу. Он грустно сказал: «Вам налили шампанское, а у меня заменитель». Врачи ввели ограничения, и, насколько я знаю, после конца 1995-го употребление напитков пошло резко вниз. Хотя, может быть, отдельные рецидивы были... А до этого случалось. Я не был свидетелем, но видел последствия.

— А это сказывалось на работе? С похмелья не срывал какие-то важные дела?

— Что касается тех мероприятий с участием президента, которые я вел, такого не было ни разу. О других эпизодах знаю только по рассказам.

— Можно ли было увидеть на его лице следы вчерашних злоупотреблений? Вот приходят к нему помощники и видят, что после вчерашнего Борис Николаевич в плохом состоянии, попросту говоря, страдает от похмельного синдрома?

— Обычно это проявлялось (во всяком случае, мне так казалось) в некоей заторможенности. Но я особого значения этому не придавал. Человек он не шибко здоровый, и этому могло быть много объяснений.

«Если утром на Бориса Николаевича смотришь и видишь, что он не в форме, — вспоминает Сергей Филатов, — то я это больше связывал не с горячительными напитками, а с простудным заболеванием, вообще с нездоровьем. Я не могу подтвердить, были ли у него запои. Мне кажется — нет. Это лучше знают домашние, охрана. Слухов, конечно, много на эту тему ходило. Я не исключаю, что по этой причине он иногда покидал работу, а иногда исчезал на более долгий срок. То, что это мешало работе, — это факт».

Спрашивать, почему Ельцин пил, наверное, нелепо. В нашей стране удивление скорее вызывают непьющие люди. Впрочем, помимо национальных традиций есть, наверное, и другие причины для злоупотребления горячительными напитками. Психиатры уверяют, что Борис Николаевич таким образом спасался от постоянных стрессов. К этой теме мы еще вернемся... В молодости он, говорят, предпочитал коньяк и мог употреблять его

в завидных количествах. Потом оценил водку, настоянную на тархуне. После операции на сердце в 1996 году вынужден был ограничивать себя красным вином.

Когда Ельцин во время визита в Германию, славно угостившись, взялся дирижировать немецким оркестром, его неумеренность стала очевидной всему миру. Но на людях такие печальные истории происходили не часто. Ближний круг, конечно, видел всякое.

«Однажды после пресс-конференции я шел по коридору, — вспоминает Сергей Филатов, — вижу, стоит группа охраны, значит, там президент. Открываю дверь — сидит Борис Николаевич в рубашечке. Перед ним пять или шесть стопок с коньяком, а в стороне бутылки стоят. Он выпивает стопку за стопкой и каждую оценивает, а охранники его оценки записывают. Вот это я видел своими глазами. Не знаю, часто ли бывало нечто подобное. Мне стало не по себе. Сидеть — неудобно, встать и уйти — тоже неудобно. Пришлось сидеть до конца, пока эта процедура дегустации не завершилась».

И ПОРТРЕТ С ПОРТРЕТОМ ГОВОРИТ

— Считал ли Ельцин себя вождем, лидером? Размышлял ли о себе и о своем месте в истории?

На мой вопрос отвечает Андрей Козырев:

— Он о себе вслух никогда не говорил. Это ему несвойственно. Никогда не слышал, чтобы он занимался каким-то самоанализом. Но у него был ярко выраженный советский вождизм. Это наследие. Он же секретарь обкома. Он человек, который считает, что может и должен руководить, что это естественная для него роль. Но при этом о себе не говорят! Это тоже представление о мистичности власти. Советская бюрократия была страшно замкнутая и закрытая. Мы ведь видели только портреты, и эти люди старались вести себя как портреты даже между собой. С определенного уровня человек ведет себя особым образом — мало говорит и только произносит лозунги, отдает руководящие указания — в том числе своим детям. Почему в этих семьях было много наркоманов и пьяниц? Потому что у них не было нормального общения с родителями, в семье не было отца или деда, а был член политбюро. У Бориса Николаевича это тоже есть. Хотя в своей семье он нормальный папа и дедушка, я это видел...

— И все-таки он, наверное, думал о себе: «Это я построил новую Россию»? — спросил я у Георгия Сатарова.

— Сложно ответить. Ельцин — человек, который не признавал местоимения «я». Это особенно заметно по его выступлениям. Когда я стал участвовать в подготовке его речей, один из первых уроков, которые мы получили: «Ельцин не любит местоимения «я». Это проявлялось и в общении. Он про себя очень не любил говорить. Мне просто трудно вспомнить, чтобы он произнес: «Мне это неприятно». Когда нужно было сказать о себе, он говорил в третьем лице: «президент». Журналисты его на этом ловили — но это не мания величия! Это совсем другое! И о своих чувствах, эмоциях он не говорил. Так что можно только строить предположения.

— Когда он разговаривал с окружающими, видно было, что Ельцин всякую минуту помнит, что он — президент?

— Да, безусловно. Это часть его игры. «Я первый президент России и поэтому должен быть именно таким».

— А это сознание собственного величия переходило в обычное начальственное барство?

— В личном кругу, среди помощников, членов президентского совета, я этого не замечал. Рассказы такого типа слышал, но это, может быть, касалось самых близких людей, которых Борис Николаевич использовал — сорвать на них напряжение, разрядиться как-то. Он мог бросить какую-то непонравившуюся бумагу, но не в лицо. Конечно, мог проявить раздражение... Но это видели буквально несколько самых близких.

«Грубости я никогда не видел, — вспоминает Козырев. — Барского, советского хамства тоже не встречал — ни в отношении к себе, ни к другим. Он всегда обращался на «вы» — за исключением редких случаев интимного общения вне работы. И по имени-отчеству. Он вообще не ругается матом. У нас в ряде случаев это просто общепонятный технический язык, а он этого не выносит. В работе с ним было много приятных сторон, царила более культурная, интеллигентная обстановка, чем в советские времена».

— Звучит удивительно! Всегда считалось, что Ельцин — обкомовский человек, чуть что — кулаком по столу. Или это он не со всеми себя так вел? — продолжаю я беседу с Сатаровым.

— Он же артист, — отвечает мой собеседник. — Умеет играть. Он, может быть, не всегда правильно строит свою роль, но всегда играет. Он, может быть, с нами тоже играл, но то была дру-

гая игра — с теми, кого он сам выбрал, кто ему должен помогать. Он иногда любил говорить добрые слова. Например: «Георгий Александрович, я наблюдаю за вашей работой, даже знаю о ней больше, чем вы думаете, и я вами доволен». В этих словах тоже есть своя игра. Но приятно...

В президентском клубе, где собиралось высшее руководство страны — заниматься спортом или ужинать, — Ельцин даже ввел штраф: сто рублей за каждое нецензурное слово. Желающие рассказать скабрезный анекдот сразу выкладывали деньги, а потом веселили публику. Но Ельцин к этому все равно относился неодобрительно, хотя анекдоты любил.

УПОВАНИЕ НА ЧУДО

Он стал думать о своем месте в истории после 1996 года. Выиграв вторые президентские выборы, Ельцин словно успокоился, как альпинист, покоривший Эверест.

В 1997 году Ельцин стал говорить, что не станет баллотироваться на третий срок, что в 2000 году передаст свой пост преемнику. Никто ему не верил. И напрасно.

Ельцин удержал власть, и появилась другая цель — остаться в истории великой фигурой. Поэтому он и сменил команду, убрал аналитиков и заменил их специалистами по имиджу. Ему понадобились профессионалы, которые знали, как представить его в выгодном свете людям и истории.

Хочется воскликнуть: о каком месте в истории говорит этот человек, которым все недовольны? Но пройдет несколько лет, и все оценки изменятся. Ведь даже Леонид Ильич Брежнев, который при жизни был только объектом насмешек, персонажем анекдотов, сейчас оценивается иначе и многим кажется олицетворением стабильности, сытой и спокойной жизни.

Тут дело в самой природе власти в России и нашем отношении к власти.

Высокий и немногословный Ельцин с его твердым характером более всего соответствовал вошедшему в нашу плоть и кровь представлению о начальнике, хозяине, вожде, отце, даже царе, и нашему желанию прийти к лучшей жизни, которое должно совершиться по мановению чьей-то руки. Как выразился один замечательный историк, в самом глухом уголке самой религиозной страны на нашей планете не встретишь такого упования на чудо,

какое существует в России, в которой атеизм многие десятилетия был одной из опор государственного мировоззрения.

Ельцин понимал, что при неблагоприятном развитии событий его, конечно, могли бы привлечь к ответственности за то, что при нем происходило. Он, наверное, даже готов был стать жертвой. Значит, он тем более войдет в историю. Говоря шахматным языком, это жертва ферзя ради выигрыша партии.

Ельцин нисколько не сомневался, что через несколько лет его роль в истории России будет оценена по достоинству. И это произойдет вне зависимости от того, как поведет себя его преемник — будет ли он с уважением относиться к ушедшему в отставку первому президенту России или же по традиции возложит на него вину за все беды и неудачи.

Впрочем, преемника Борис Николаевич тоже выбрал по собственному вкусу.

— Мне всегда говорили — и его охранники, и те из помощников, кто был к нему близок, — что он любит напористых, даже хамоватых, — рассказывал мне Сергей Филатов. — Ему нравятся люди инициативные, безусловно преданные, те, кому можно доверить свои тайны. Он Путиным восхищается, потому что тот смело и твердо проводит линию в Чечне. А вот хлипких Ельцин не любит. И я заметил, он не любит совестливых глаз. Боится их. Может быть, поэтому он не очень часто раскрывается, боится показать себя.

Глава вторая

ВЛАДИМИР ПУТИН: ЧЕЛОВЕК БЕЗ ПРОШЛОГО

9 августа 1999 года Борис Ельцин своим указом ввел в состав кабинета министров должность третьего заместителя премьер-министра и назначил на этот пост Владимира Путина, поручил ему временно исполнять обязанности главы правительства. Он отправил в Думу письмо с просьбой дать согласие на назначение Путина главой правительства.

Когда стало известно об отставке Сергея Степашина, все задавали один вопрос: за что? Короткое премьерство Степашина оказалось на редкость удачным с точки зрения экономики.

Почему Ельцин сместил Примакова — понятно: Евгения Максимовича трудно назвать единомышленником президента. Но Степашин всегда был исключительно предан Ельцину. Впрочем,

возможно, в роли премьер-министра он показался излишне независимым. Он вел себя самостоятельно, оспаривал кадровые назначения, очень успешно съездил в Соединенные Штаты, где произвел хорошее впечатление.

Премьер-министр Сергей Степашин постоянно утверждал:

— Я не Пиночет.

С ним расстались.

Путин на посту премьер-министра был сверхлоялен, все согласовывал, не позволял себе ни намека, ни шага, которые бы кого-то в президентском окружении смутили. В своем телеобращении Ельцин веско произнес:

— Я в нем уверен.

Путин стал третьим подряд — после Примакова и Степашина — руководителем спецслужб, добравшимся до кресла главы правительства. За три дня до назначения Путин похоронил отца — Владимира Спиридоновича (он, как и мать Путина Мария Ивановна, покоится на Серафимовском кладбище в Санкт-Петербурге), но в первый премьерский день держался, как всегда, спокойно и уверенно.

Выступая по телевидению по случаю назначения Путина премьер-министром, Ельцин сказал:

— Ровно через год будут президентские выборы. И сейчас я решил назвать человека, который, по моему мнению, способен консолидировать общество, опираясь на самые широкие политические силы, обеспечить продолжение реформ в России. Он сможет сплотить вокруг себя тех, кому в новом XXI веке предстоит обновлять великую Россию. Это секретарь Совета безопасности, директор Федеральной службы безопасности Владимир Владимирович Путин...

Слова Ельцина и назначение Путина всерьез никто не воспринимал. Казалось: пришел еще один калиф на час. В окружении Ельцина думали иначе.

В конце августа 1999 года Наина Иосифовна рассказывала корреспондентам:

— Это просто глупо думать, что президент снимает премьер-министра, потому что на него кто-то влияет. Это было (назначение Путина — *Л.М.*) абсолютно продуманное решение. Сейчас его трудно объяснить, но пройдет некоторое время, и все поймут, что решение было правильным...

Когда Путин возглавил правительство, закончилась, собственно, эпоха Ельцина. Ни мы, ни он сам об этом еще не по-

дозревали. Но в тот день, когда удивленная и раздраженная страна узнала, что появился новый глава правительства, началась эпоха почти еще никому не известного Владимира Путина.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ В КГБ

Путин родился в Ленинграде в 1952 году. Его отец работал слесарем на заводе, был инвалидом Великой Отечественной. В ногах у него застряли осколки гранаты, и ноги постоянно ныли в непогоду. Мать — Мария Ивановна — пережила блокаду. Володя Путин — белобрысый паренек с чубчиком — запомнился одноклассникам как «нормальный пацан».

Не откровенничал, в свои личные дела никого не допускал, ни с кем особо не дружил. «Жесты, ухмылочка, смех в кулачок — это все сохранилось, — рассказывали бывшие соученики Путина корреспондентам «Комсомольской правды». — С ним как с Михаилом Сергеевичем Горбачевым: поговоришь час — и ни о чем...»

После восьмого класса он перешел в школу с усиленным преподаванием химии. Но учился неважнецки — получал тройки по химии, физике, алгебре и геометрии. Зато был упрямым. На выпускном вечере поспорил с классной руководительницей, что съест поднос эклеров — двадцать штук, и съел — правда только четырнадцать.

После школы он поступил на юридический факультет Ленинградского государственного университета, где слушал лекции профессора Анатолия Александровича Собчака. Этот человек сыграет в его жизни ключевую роль.

Однокурсникам по факультету Путин запомнился спокойным, сдержанным, умеющим владеть собой. Ничем особо не выделялся. Упорный, не пил, не курил и даже не обращал особого внимания на девочек.

Юный Путин увлекался самбо и дзюдо, в студенческие годы стал даже чемпионом Ленинграда. Рассказывают, что его друг, которого он уговорил участвовать в соревнованиях, получил травму шейных позвонков и умер. Путин сильно переживал. В конце учебы у него появился свой «Запорожец» — выиграл машину в лотерею.

Владимира Путина воспринимают в первую очередь как выходца из Комитета государственной безопасности.

Пятнадцать лет — большую часть сознательной жизни — он прослужил во внешней разведке. Одних это пугает — зачем нам выбирать чекиста в президенты? Другие довольны: чекист — значит, надежный и серьезный человек. Но в отношениях Путина с известным ведомством на Лубянке не все так просто.

Карьера Путина не типична, потому что он в 1991 году перешел на сторону новой власти и расстался с партийным билетом. Это — непростой выбор. Из КГБ на сломе эпох ушли многие. Уходили в бизнес, в банки, в частные службы безопасности, но не в политику и тем более не к демократам. А Путин работал у Анатолия Собчака, который считался врагом Комитета госбезопасности. Могло ли это понравиться товарищам Путина по Ленинградскому областному управлению КГБ?

Благодаря Путину на старом здании КГБ на Лубянской площади вновь появилась памятная доска, посвященная Юрию Андропову. В 1999 году, когда отмечалось 85-летие со дня рождения Андропова, Путин возложил венок к памятнику председателю КГБ. В роли главы правительства в декабре 1999-го Путин выступал на коллегии ФСБ — по случаю Дня чекиста, и сказал: «Позвольте доложить, что прикомандированные вами к правительству сотрудники ФСБ с работой справляются». Это вызвало бурю восторгов.

Он хотел сделать приятное своим подчиненным, а может быть, и загладить тот свой поступок — уход из КГБ. Ведь чекистов воспитывали в убеждении, что эта служба — на всю жизнь.

Путина пригласили в Комитет государственной безопасности, когда он заканчивал юридический факультет Ленинградского университета.

Кадровые аппараты подбирали людей очень тщательно.

Молодой человек принимал решение идти на службу, не очень представляя, что его ждет. И брали не тех, кто мечтал об этой работе. В КГБ было такое понятие — «инициативник»: это когда кто-то настойчиво просил принять его на службу. В отношении «инициативников» в комитете всегда существовала определенная настороженность: еще надо выяснить подлинные мотивы его стремления работать в госбезопасности, разобраться в этом человеке.

Вербовщики из КГБ интересовались пятикурсниками. Они приглашали к себе понравившегося студента, расспрашивали о семье, о планах, говорили, что по своим качествам он подходит для ответственной работы с языком, с людьми, но придет-

ся получить специальное образование. К концу пятого курса студента приглашали на еще одно собеседование, из которого студент понимал, что его жизнь внимательно изучали.

Теми, кого собирались пригласить на работу в КГБ, занимались подразделения, которые курировали учебное заведение, в первую очередь опрашивали агентуру — то есть студентов — осведомителей госбезопасности.

По каким критериям кадровики КГБ в те годы отбирали для себя молодых людей?

Первое и главное — это морально-политические взгляды, преданность партии. Второе — проверяли родственников. Если в семье были судимые, никогда не брали. Конечно, учитывались личные качества — психологическая устойчивость, физическая подготовка, собранность, умение ладить с людьми, приличные оценки.

Проверяли не один месяц. Если все было хорошо, студента-пятикурсника приглашали в учебную часть и давали номер телефона, принадлежавший куратору университета от КГБ. Студент набирал заветный номер. Его просили зайти, предлагали заполнить кучу фантастически подробных анкет (и про бабушек, и про дедушек) и велели принести две рекомендации от достойных товарищей по факультету, желательно членов партии. Без указания адресата, разумеется. Просто: «Знаю такого-то как преданного интересам партии и рекомендую его на ответственную работу».

Дальше следовала строгая медицинская комиссия. Если, скажем, гланды превышали предельно допустимую для чекистов норму, приказывали удалить. После приемной комиссии — короткие военные сборы, во время которых надо было, среди прочего, прыгнуть с вышки с парашютом. А осенью уже начиналась настоящая учеба.

Комитет государственной безопасности считался завидным местом. Работа в комитете сочетала в себе желанную возможность ездить за границу с надежностью армейской службы: звания и должности, во всяком случае до какого-то предела, идут как бы сами, присваиваются за выслугу лет.

Красная книжечка сотрудника КГБ была и своего рода масонским знаком, удостоверявшим не только благонадежность ее обладателя, но и его принадлежность к некоему закрытому ордену, наделенному тайной властью над другими.

Учебные заведения КГБ находились в разных городах. Контрразведчиков учили в Минске (эту школу окончил товарищ и наследник Путина на посту директора Федеральной службы бе-

зопасности Николай Патрушев). Разведывательная школа располагалась на окраине Москвы.

Иногородние жили в общежитии — комната на двоих. Москвичей в субботу после обеда отпускали по домам. В понедельник рано утром возле определенной станции метро их ждал неприметный автобус, который вез слушателей в лесную школу.

Один из разведчиков, вспоминая годы учебы, говорил мне:

— Самое сильное впечатление на меня произвела возможность читать служебные вестники ТАСС. Право читать на русском языке то, что другим не положено, создавало впечатление принадлежности к особой касте. Специальные дисциплины были безумно интересными. Изучали методы контрразведки, потому что ты должен был знать, как против тебя будут работать. Умение вести себя, навыки получения информации. Нас учили исходить из того, что любой человек, с которым ты общаешься — даже если он не оформлен как агент, — источник информации. А если от него невозможно получить информацию, то не стоит терять на него время...

У меня был близкий друг, который учился в этой школе — на несколько лет позже Путина. Когда его взяли в КГБ, мы по-прежнему продолжали видеться — по выходным, но разговоры наши становились все скучнее.

Он мало что рассказывал о своей новой жизни, а я расспрашивать не решался — понимал, что он обязан все держать в секрете. Не очень-то ладился и разговор на более общие темы — насчет того, что происходит в стране. Брежнев еще был жив, и что тогда говорилось на московских кухнях, известно. Но мог ли я обсуждать все это с моим другом?

Разумеется, я не боялся, что он донесет на меня. Я убедился в его порядочности. Я думал о том, как бы своими разговорами не поставить его в двойственное положение.

Когда его приняли в разведшколу, он решил жениться. Начальник курса пришел к нему домой познакомиться с будущей женой чекиста. Седовласый полковник снял пальто и, потирая руки, с порога строго спросил:

— Так, где у вас книги?

Книг оказалось немного, но, когда полковник угостился пирогами, которые все утро пекла невеста, он расчувствовался и благословил брак.

Однажды мой приятель пришел ко мне с женой и товарищем, с которым вместе учился: аккуратный, неприметный мо-

лодой человек с очень внимательным взглядом. Они уже были навеселе, а у меня хорошо добавили.

В какой-то момент жена друга отвела меня в сторону и пожаловалась:

— Ты обратил внимание, что мой пьет, а этот только пригубливает? Завтра доложит куратору курса, что мой злоупотребляет алкоголем.

— Зачем? — искренне удивился я.

— Распределение близится. Завидных мест мало, а желающих много.

Все курсанты мечтали о зачислении в ПГУ, первое главное управление КГБ — внешнюю разведку. Но известно было, что всех не возьмут.

— В ПГУ нужно въезжать на белом коне, — говорил слушателям начальник курса и требовал только отличных оценок от тех, кто хочет служить в разведке.

Главный упор — помимо специальных дисциплин — делался на изучение иностранного языка.

После двухлетнего курса выпускникам присваивали следующее звание, и новоиспеченные старшие лейтенанты поступали в первое главное управление КГБ.

Почему, интересно, Владимир Путин попал именно в первое управление, в разведку, а не в контрразведку, например, или в другие оперативные отделы?

Известный разведчик полковник Михаил Любимов говорит, что Ленинград всегда был на особом положении, выпускники Ленинградского университета ценились в КГБ:

— Ленинград — это марка. Скажем, для скандинавского отдела разведки Ленинград всегда представлял особый интерес из-за близости Финляндии. Когда я был резидентом в Дании, у меня было двое ленинградцев с хорошей подготовкой, очень способные ребята. Так что мы использовали Ленинград значительно больше любого иного провинциального города. Скажем, Киева.

ЕГО ЗВАЛИ ШТАЗИ

Молодой человек, пожелавший стать разведчиком, выбирал сферу деятельности, к которой не применимы обычные правила морали и нравственности. Задача разведчика — уговари-

вать других идти на преступления: ведь завербованного агента заставляют красть документы, выдавать секреты, лгать всем, включая самых близких, предавать друзей и Родину. И при этом офицер-вербовщик знает, что его агент может закончить свою жизнь за решеткой или даже погибнуть.

Для того чтобы с чистой совестью и уверенностью в собственной правоте заставлять других преступать закон и мораль, надо, видимо, что-то изменить в себе. Циниками, как и солдатами, не рождаются, а становятся.

Впрочем, сотрудники спецслужб — такие же люди, как и все. Среди них есть и дураки, и умные, дальновидные и недалекие, порядочные и не очень. Есть, конечно, и черты, характерные именно для сотрудников спецслужб или, во всяком случае, для большинства из них.

Правила конспирации — на всю жизнь; болтунов в госбезопасности не терпят, хотя ничто человеческое и им не чуждо, и после обильных возлияний они иногда выкладывают женам то, что тем знать совсем не обязательно.

Разведчики не только привыкли скрывать свое подлинное занятие, но и таят свои истинные эмоции, чувства и взгляды. Когда разведчик с кем-то разговаривает, он пытается узнать о собеседнике все, при этом ничего не сказав о себе. Он постоянно прикидывает, что вы за человек, можно ли с вами иметь дело, выясняет, какие у вас связи. Разведчик подозрителен, его так воспитывали.

Это не совсем воинская служба, но все-таки что-то от военного было и в сотруднике КГБ. Разведка — это военизированная организация, хотя там не надо поминутно щелкать каблуками и можно дискутировать со старшим по званию.

Всем разведчикам присваивают воинские звания, но форму они не носят. Надевают мундир только для того, чтобы сфотографироваться на удостоверение. Для этого в служебном фотоателье хранятся форменные рубашки с галстуками и несколько кителей с разными погонами.

Естественно, в разведке обращаются друг к другу не по званиям, а по имени-отчеству, то есть атмосфера более демократичная, чем в других структурах госбезопасности (скажем, в контрразведке). Атмосферу в разведке определяют и сами люди — с двумя образованиями, владеющие несколькими иностранными языками, поработавшие за рубежом. И в центральном аппарате разведки, и в зарубежных резидентурах было принято все обсуж-

дать, каждому офицеру предоставлялась возможность высказаться, изложить свою точку зрения, хотя последнее слово оставалось, разумеется, за руководителем.

Тем не менее и разведчики — военные. У любого разведчика развито чувство субординации, безукоризненного выполнения приказов, исполнительность.

Не воспитывает ли все это в человеке привычку больше подчиняться, чем самому принимать решения? И не испытывает ли бывший разведчик большие психологические трудности, оставшись без командира и приняв на себя всю ответственность?

На этот вопрос нет однозначного ответа. Конечно, служба КГБ воспитывала в первую очередь привычку подчиняться, но люди ведь разные. Есть исполнители от природы, есть излишне самостоятельные.

Самое страшное для разведчика — сгореть. Если офицера брали с поличным и высылали из страны, на его оперативной карьере фактически ставили крест. Загранкомандировки заканчивались, как и вообще интересная работа, и до пенсии предстояло заниматься бумажками. В этом смысле служба в Восточной Германии, куда получил назначение Владимир Путин, считалась безопасной. Здесь можно было погореть только по бытовым мотивам — напиться или завести с кем-то роман.

Кстати говоря, до 1987 года руководителем представительства КГБ в ГДР был Василий Тимофеевич Шумилов, тоже ленинградец, бывший первый секретарь Ленинградского обкома комсомола. Путин даже рассказывал журналистам, как ему трудно приходилось первые месяцы в ГДР. Звонят телефоны, а он боится взять трубку, потому что вдруг не поймет, что там немцы говорят, и не сможет правильно ответить... Но языковой барьер он преодолел быстро.

В Санкт-Петербурге, когда Владимир Путин уже работал в мэрии у Собчака, его за глаза ласково называли Штази — так сокращенно именовалось министерство государственной безопасности ГДР, с которым он тесно сотрудничал во время командировки в Восточную Германию.

МГБ ГДР представляло собой огромного спрута, опутавшего всю страну. После крушения ГДР открылись архивы госбезопасности, и там обнаружилось шесть миллионов досье. Многие имели возможность ознакомиться со своим досье в МГБ. Они были потрясены: зачем госбезопасность годами следила за каждым их шагом, проверяла всех их знакомых и записывала все разговоры?

Сейчас в комплексе зданий на Норманен-штрассе в Берлине, которые принадлежали МГБ ГДР, работает комиссия, которая разбирает архивы госбезопасности. Я был там, в этих серых и тусклых зданиях: низкие потолки, линолеум на полу, стандартная мебель. Стены сделаны из звукопоглощающего материала. Окна без форточек. Тоскливое место.

В огромных подвалах, где можно заблудиться, свалены тысячи мешков с документами. В последний момент, когда ГДР рушилась, офицеры МГБ пытались всю документацию уничтожить, но машины для превращения бумаг в лапшу не осилили такую кучу. Рвали вручную. Эти обрывки теперь тоже собраны в надежде восстановить их содержание.

Там же, в подвалах, в наглухо закупоренных банках хранились носовые платки, которыми арестованные должны были провести у себя между ногами, чтобы потом — в случае их побега — служебные собаки, понюхав платок, могли бы отыскать их по запаху. Свет не видел более предусмотрительных людей, чем немцы из МГБ...

Мне показали знаменитую картотеку агентуры. Она была поделена между двумя помещениями, которые по соображениям безопасности размещались на разных этажах. Карточки написаны от руки или отпечатаны на машинке. Компьютеризировать это хозяйство восточные немцы не успели.

На карточке, которая хранится в одном зале, записано полное имя человека, его год рождения, адрес и код. На карточке в другом зале нет фамилий — только кличка, номер и имя офицера, который с этим человеком работает. Картотека была суперсекретной. Тем, кто работал в одном зале, не разрешали входить в другой. Поэтому они не могли знать, чью карточку держат в руках — осведомителя или того, за кем следят. Доступ к обеим карточкам — по специальному разрешению — получали офицеры-оперативники.

Сотрудников комиссии я спрашивал: что вас больше всего удивило при изучении архива?

— Самое поразительное, — говорили немецкие архивисты, — состоит в том, что, как правило, в досье нет ничего интересного, это макулатура, впустую потраченное время и деньги. Хотя на кого-то было досье объемом аж в сто тысяч страниц...

Толстенные досье — результат работы множества офицеров госбезопасности и их помощников. Если человека в чем-то по-

дозревали, его окружали множеством осведомителей, которые исписывали килограммы бумаги.

В одном досье обнаружились поминутные отчеты о том, что происходило в доме человека, за которым следили: когда хозяин ночью вставал в туалет, когда плакал маленький ребенок... А какой в этом смысл? Разве это не профанация работы?

Одна супружеская пара подала заявление на выезд из ГДР в Западную Германию. Вдруг в их доме пропали все голубые полотенца, затем они появились, а пропали зеленые, затем зеленые появились, и пропали белые.

Их знакомые удивленно выслушивали рассказы о таинственном исчезновении и появлении полотенец. Теперь выяснилось, что это была операция госбезопасности — в надежде выставить уезжающих людей сумасшедшими: дескать, только сумасшедший желает уехать из ГДР...

При таком гигантском аппарате министерство государственной безопасности ГДР не справилось со своей главной и единственной задачей — оно не спасло государство от распада. Пока государственная безопасность занималась всякой чушью, ГДР исчезла с политической карты мира.

Население Восточной Германии не превышало семнадцати миллионов человек. Аппарат министерства государственной безопасности составлял сто тысяч штатных сотрудников. В нацистские времена в гестапо служило вдвое меньше, хотя население ГДР было в четыре раза меньше населения довоенной Германии! А было еще девяносто пять тысяч неофициальных сотрудников госбезопасности — то есть осведомителей. Такого даже в Советском Союзе не наблюдалось. В некоторых городах один сотрудник госбезопасности приходился на каждые двести жителей. А вот с врачами в ГДР было похуже — один на четыреста человек.

Все граждане Восточной Германии знали, что осведомители МГБ рядом — в учебной аудитории, на рабочем месте, в автобусе или поезде. И совсем немногие понимали, что осведомителем может оказаться даже любимый человек. После исчезновения ГДР с политической карты мира некоторые люди с ужасом узнали, что на них стучали собственные жены и лучшие друзья.

Стратегия МГБ состояла не столько в репрессиях, сколько в жестком контроле, в том, чтобы парализовать волю, блокировать любую несанкционированную активность. Само знание,

что агенты и осведомители рядом, действовало как взгляд змеи. Люди боялись говорить откровенно. Как показал опыт МГБ, угроза террора ничуть не менее эффективна, чем сам террор.

Впрочем, как и в Советском Союзе, сотрудники министерства госбезопасности ГДР время от времени бежали на Запад. В общей сложности убежали 484 немецких чекиста. Одиннадцать человек были казнены за такую попытку, из них семерых выкрали на Западе, тайно вернули в ГДР и тут расстреляли.

ЛАВКА САМООБСЛУЖИВАНИЯ

Представительство КГБ СССР по координации связи с министерством государственной безопасности ГДР размещалось в помещении бывшей больницы в берлинском пригороде Карлсхорст. Сотрудники КГБ занимали большой комплекс зданий, окруженный колючей проволокой и тщательно охраняемый.

По советским понятиям восточные немцы жили прекрасно, поэтому командировка в ГДР считалась весьма престижной. В последние годы часть зарплаты выдавалась в свободно конвертируемой валюте. Счастливчикам разрешалось ездить в Западный Берлин, где магазины ничем не уступали лондонским или парижским, где можно было посидеть в пивной или посмотреть порнофильм — это экзотическое удовольствие советскому человеку еще было в новинку.

Как мне рассказал бывший начальник информационно-аналитического отдела представительства полковник Иван Кузьмин, представительство КГБ СССР находилось в унизительной материальной зависимости от немецких коллег.

Министерство госбезопасности ГДР организовало в Берлине закрытый магазин для советских чекистов. Но это заведение превратилось в «лавку самообслуживания» для самих немцев, которые обкрадывали советских братьев — выносили через черный ход лучшие продукты.

Представительство КГБ в ГДР было крупнейшим аппаратом советской разведки за рубежом.

Понятно почему — там находилась группа советских войск. Ее надо было, говоря профессиональным языком, «обслуживать», то есть следить, чтобы наших офицеров там не завербовали и чтобы они не убежали на Запад.

А наши разведчики использовали ГДР как плацдарм для проникновения в НАТО и для вербовки американцев на территории Западной Германии. Вторая задача — она считалась как бы второстепенной — это сбор информации о том, как ведут себя наши друзья — восточные немцы. Но этим следовало заниматься очень осторожно.

По инструкции, утвержденной ЦК КПСС, представительство КГБ в Восточной Германии не имело права вести агентурно-оперативную работу среди друзей.

На агента, на любого человека, с которым сотрудничал КГБ, заводилось дело, папка с документами. Вербовать граждан социалистической страны, заниматься конспиративной деятельностью строжайше запрещалось. А раз нет документа, нет и агента... Но запрет обходили: вербовка не оформлялась, хотя недостатка в источниках информации не ощущалось.

Генерал-лейтенант Сергей Кондрашов, который всю жизнь работал на немецком направлении советской разведки, рассказывал:

— Некоторые наши подразделения занимались анализом обстановки в ГДР, чтобы не утерять нерв развития обстановки, но и они не вели агентурной работы, не вербовали людей...

Во всех социалистических государствах высокопоставленные политики, начиная с членов политбюро, сами охотно сообщали представителям КГБ все, что интересовало Москву. Только что в очередь не выстраивались, чтобы первыми успеть донести до московского представителя самую свежую информацию.

Многие из них считали, что тесные связи с представителем КГБ улучшат их политические позиции. В критические моменты некоторые члены политбюро просили представителя КГБ организовать им разговор по «ВЧ» (междугородной правительственной связи) с советским руководством. Это происходило, когда какая-то группа членов политбюро пыталась свергнуть своего генерального секретаря и хотела заручиться поддержкой Москвы.

Ситуация в ГДР, правда, несколько отличалась от положения в других европейских социалистических странах (за исключением Румынии и Югославии). Министр государственной безопасности ГДР Эрих Мильке считал себя лучшим другом Советского Союза, но пресекал попытки товарищей по партии наладить столь же близкие отношения с посланцами Москвы. Мильке покровительственно, иногда пренебрежительно относился к со-

трудникам представительства КГБ, особенно к тем, кто не знал немецкого языка, поучал их, объяснял, как надо работать.

Отношения немецких чекистов с Москвой всегда складывались сложно. Тех, кто был слишком близок к Москве, не считали своими. Сначала ты должен быть немцем, а потом уже другом Советского Союза.

В последние годы существования ГДР внутри разведывательного аппарата представительства КГБ была сформирована оперативная группа, которая полностью сосредоточилась на анализе положения дел внутри Восточной Германии.

В группу, насколько мне известно, включили разведчиков, которые не были официально представлены немцам как сотрудники КГБ — то есть те, кто работал под журналистским или коммерческим прикрытием. Впрочем, руководство разведки это никогда не подтверждало...

— Не возникало необходимости в создании такой группы, — сказал мне генерал-майор Виктор Буданов, который был первым заместителем главы представительства КГБ СССР в ГДР. — Мы делали то, что было необходимо, но никогда восточным немцам не раскрывали до конца нашу работу. Так же, как и они, к сожалению. Это более всего проявилось в последние годы. Мы не обязаны были им докладывать о том, что мы делаем. Более того, был период, когда у нас возникли подозрения, что они за нами следят.

— А зачем, интересно, немецкие друзья следили за своими старшими братьями, за советскими разведчиками? — спросил я.

— Потому что они боялись, что мы будем работать с их людьми. Понимаете ситуацию? Естественно, они всегда этого боялись и предприняли определенные меры. Не без оснований. Но то, что мы делали, не было нарушением соглашений о статусе представительства комитета в Берлине, которые были подписаны между КГБ и МГБ...

В 80-е годы в Москве перестали доверять руководству Восточной Германии, считая генерального секретаря ЦК Социалистической единой партии Германии Эриха Хонеккера немецким националистом. Руководители ГДР, которые хотели сменить Хонеккера, обращались в представительство КГБ, чтобы довести свои взгляды до сведения Москвы.

А немецкие чекисты следили не только за своими советскими коллегами, но и даже за советским послом. Этим занимался сам Эрих Мильке, генерал армии и член политбюро.

Я беседую с бывшим советским послом в ГДР Вячеславом Кочемасовым, который прекрасно помнит, как все происходило:

— Я знал, когда меня Мильке записывал, когда перестал это делать. Вначале он следил за каждым моим шагом. Он всегда знал, где я нахожусь. Еду в Вюнсдорф, в ставку нашей группы войск — он точно знал, куда и к кому я еду, сколько там пробыл, когда вернулся в Берлин. Один раз он даже похвалился тем, что он все знает обо мне. Поэтому я был с ним очень осторожен.

— Это значит, что министр госбезопасности постоянно следил за советским послом?

— У него были свои методы наружного наблюдения, — усмехнулся Кочемасов. — Это сложнейшая система, дорогой мой! Надо было поискать такую разведку и контрразведку, как в ГДР...

Слежка за советским послом не смутила Москву. К 80-летию Эриху Мильке присвоили звание Героя Советского Союза. У него было шесть орденов Ленина. Мильке очень ценили в КГБ. Он начал свою карьеру в тайном военном аппарате довоенной компартии Германии.

В 1931 году молодой член партии Эрих Мильке в составе боевой группы коммунистов участвовал в нападении на полицейский патруль в Берлине. Двое полицейских в звании капитана были убиты, третий — вахмистр — ранен. Мильке тогда пришлось бежать в Советскую Россию. С тех пор он тесно сотрудничал с НКВД.

— Какое впечатление производил Мильке?

— Мильке? — переспросил Кочемасов. — Этот человек не моргнет глазом и сделает то, что нужно для интересов страны, как говорится. Профессионал крепкий...

Мильке подписал инструкцию, согласно которой хорошенькие девушки, находившиеся под опекой МГБ, должны были проверять моральную устойчивость сотрудников Совета Экономической Взаимопомощи, когда товарищи из социалистических стран собирались в Восточной Германии, особое внимание уделялось советским друзьям.

— А восточные немцы подозревали, что советские разведчики ведут собственную линию, обижались на это? — спросил я у генерала Кондрашова.

— Они понимали, что у нас мало информации. Мы и раньше пытались сами работать в Восточной Германии. Мы понимали, что невозможно вечно держать народ разделенным. Когда-то объединение произойдет, вот тогда нам и потребуются собствен-

ные разведывательные данные. Но Мильке всегда говорил: зачем вы пытаетесь работать самостоятельно? Я же вам все даю! Он делился информацией...

— А представительство КГБ в ГДР должно было согласовывать свои операции с немецкими коллегами? — Это уже вопрос к генералу Буданову.

— Мы не были обязаны докладывать им о своей работе, — отвечает генерал. — Мы иногда входили с восточногерманскими коллегами в контакт, если проводили какое-то мероприятие или акцию, которая могла затронуть их интересы. Тогда, чтобы не было неприятностей, недопонимания, мы все обсуждали...

Немцы тем не менее раздражались и в отместку стали подлавливать советских чекистов на разных проступках. Например, если кто-то увлекался выпивкой или заводил роман на стороне, немецкие братья с удовольствием доносили об этом в советское посольство и радовались тому, что незадачливого сотрудника КГБ в двадцать четыре часа отправляли домой.

КО ВСЕМУ ЛИ МОЖНО ПРИВЫКНУТЬ?

О Путине ходят разные слухи. Говорят, что часть своей карьеры в КГБ он даже выдавал себя за немца. Вроде бы иногда, понизив голос, не без гордости сообщал питерским друзьям: ребята, имейте в виду — я десять лет проработал без единого провала.

Известно, впрочем, что последние пять лет существования ГДР он работал вполне легально — причем не в центральном аппарате представительства КГБ, а в Дрездене, где находилась небольшая группа советских офицеров связи при окружном управлении госбезопасности. Главная задача — пытаться вербовать западных бизнесменов и ученых, которые приезжали в этот город. Неизвестно, удалось ли Путину добиться больших успехов в этом направлении. Вербовка — несомненная удача в карьере разведчика. За вербовку американца раньше давали орден. Иногда за всю профессиональную жизнь разведчику удавалось завербовать только одного человека.

Окружное управление МГБ располагало собственной станцией подслушивания телефонных разговоров, оборудованием для вскрытия писем. В гостиницах, где останавливались иностранцы, рядом с телефонным коммутатором находилось помещение

для сотрудников госбезопасности, куда дублировались все телефонные линии гостиницы. Немецкие чекисты могли слушать разговоры своих гостей.

Начальник Дрезденского окружного управления МГБ генерал-майор Хорст Бёме был, по воспоминаниям, малоприятным человеком, который без особого пиетета относился к советским офицерам связи. Тем не менее немецкие товарищи, как было положено, после нескольких лет наградили Путина медалью «За заслуги перед Национальной народной армией ГДР». Это был знак вежливости. Об успехах или неуспехах офицера КГБ им знать ничего не полагалось.

После крушения ГДР Хорст Бёме покончил с собой. Говорили, что причина — его осведомленность в особых операциях советской разведки на немецкой территории. В реальности он ушел из жизни потому, что для него, высокопоставленного офицера госбезопасности, с воссоединением Германии жизнь кончилась... Восточные немцы по-разному приспособились к новой жизни. В худшем положении оказались офицеры госбезопасности, перед ними закрылись все дороги. Они ждали суда и тюрьмы.

— Какие качества в разведчике воспитывает такая работа за границей, когда есть опасность быть разоблаченным? Когда за тобой каждый день следят, это сильно действует на психику? Или человек ко всему может привыкнуть? — задаю я очередной вопрос Буданову.

— Конечно, это действует. Находясь за рубежом, ты постоянно вынужден помнить, что можно, что нельзя. Но нас к этому готовили, проверяли, можем ли с этим справиться. Некоторые слушатели разведшколы, когда видели, что им либо это не нравится, либо они не потянут работу в таких условиях, — уходили... Конечно, напряжение большое. Очень важно уметь владеть собой, регулировать свое состояние. Все сделал как надо, вернулся домой, расслабился. Но помнишь, что и дома лишнего не говори. Правило ввел для себя такое и живешь нормально. Но это надо уметь, конечно. И большинству удавалось. Мы умели и расслабиться, и повеселиться, и поиграть в волейбол.

— Неужели можно вовсе забыть, что каждый твой шаг контролируется, что за тобой следят?

— Полного расслабления, конечно, нет и быть не может. Забыть о том, где ты и чем занимаешься, — невозможно. Я скажу так: иногда чувствуешь себя спокойнее, если обнаруживаешь за собой слежку. Если видишь хвост, значит, делаешь то, что дол-

жен в такой ситуации. Либо сходишь с маршрута, возвращаешься домой, либо принимаешь другие меры... Всему этому учат. Хуже, если ты не уверен, есть слежка или нет. Это большое напряжение.

В КГБ в целом и в разведке в частности шла постоянная борьба за выживание, за должности, за внимание начальства, за командировку в хорошую страну и под хорошим прикрытием...

В загранкомандировке тоже было не просто. В резидентуре ревностно относились к успехам друг друга. Нравы советской колонии были малосимпатичными, все следили за тем, кто что купил, что жена на обед приготовила, куда поехал. Лишнего шага без разрешения начальства не сделаешь.

— А какой была атмосфера в разведывательном коллективе? Как в спортивной команде — давай-давай! Нужен результат! Главное — вербовка! Или как в научной лаборатории — ребята, копайте глубже, не торопитесь?

— Все зависит от количества и сложности задач, которые перед разведаппаратом ставятся, — продолжает свой рассказ генерал Буданов. — И это часто бывало так: давай-давай, надо! Это тоже серьезный пресс, который иногда приводит к предательству. Был такой случай. Приехал в одну точку заслуженный человек. Он оказался старше всех в резидентуре. А дела у него не пошли, потому что он пришел в эту сферу сравнительно поздно — после сорока. Это молодым легко, а сложившемуся человеку трудновато освоить новое дело.

Он очень переживал — человек заслуженный, а вербовок нет. А рядом молодые сотрудники добиваются результата.

В итоге человек заглотил подставу, которую ему подвела местная контрразведка. В другой ситуации он отнесся бы к этому более критично. Но офицер так надеялся, что у него получится. Конечно, не он последняя инстанция, не он утверждает продолжение работы с источником, но его вина состояла в том, что он на что-то закрыл глаза, а в итоге оказался в капкане...

Со временем пойдут разговоры о том, что Владимир Путин принадлежит к числу супершпионов XX века, хотя в реальности он был офицером на небольшой должности и в малых чинах. Путин не сделал грандиозной карьеры в разведке. Может быть, если бы сделал, то сидел бы сейчас на пенсии и копался в огороде, как очень многие, кто отличился и сделал карьеру...

В ТЕНИ СОБЧАКА

Он дослужился до подполковника и в 1990-м вернулся в родной город. Говорят, что ему предложили бесперспективную должность в управлении кадров ленинградского управления. Он отказался, сказал, что найдет себе работу сам. В те времена это приветствовалось, потому что шло сокращение аппарата госбезопасности, и его перевели в действующий резерв КГБ.

Сначала он нашел себе незавидное место помощника проректора Ленинградского университета по международным вопросам — надо было следить за иностранными студентами, аспирантами и преподавателями, выявлять среди них тех, кто представляет интерес для КГБ в смысле вербовки.

Путину не нравилась эта работа. Он стал подумывать о защите диссертации по международному частному праву, уже подбирал литературу, полагая, что либо станет преподавателем, либо уйдет в бизнес.

Но тут все устроилось наилучшим образом — он перешел к Анатолию Собчаку, избранному к тому времени председателем Ленсовета. Анатолий Собчак сделал его своим советником. Собчака критиковали за то, что он взял на работу бывшего офицера КГБ, но Анатолий Александрович коротко отвечал:

— Он мой ученик.

Демократические политики тоже хотели иметь свои маленькие спецслужбы. Именно Путин с группой охраны встречал Собчака в аэропорту в день путча 19 августа 1991 года.

Путин возглавил в мэрии Ленинграда Комитет по внешним связям, очень влиятельный, потому что он занимался всеми внешнеэкономическими делами. К комитету у петербуржцев были претензии. Городские газеты писали, что путинский комитет выдавал лицензии на экспорт сырья и цветных металлов в обмен на поставки продовольствия, которое в город так и не попало. Впрочем, такие истории происходили тогда по всей России. А Путин в целом проявил себя дельным администратором.

Путин всегда поддерживал хорошие отношения с Анатолием Чубайсом и Егором Гайдаром, хотя, скажем, Собчак в роли мэра с ними конфликтовал.

Собчак ему безоговорочно доверял. Десять лет Путин состоял при нем безотлучно.

В марте 1994-го он стал первым заместителем мэра Петербурга, но должность председателя Комитета по внешним связям сохранил за собой. Путин старался держаться в тени. Его даже называли серым кардиналом Смольного.

Один из его коллег по Санкт-Петербургу рассказывал мне:

— Кабинет мэра находился на третьем этаже, заместители разместились на втором, Путин сидел на первом — подчеркнуто скромно. Он действительно был серым кардиналом, никогда не выставлялся. Мы все высовывались, и нас нещадно били. А он был незаметен...

Жизнь могла сложиться по-разному, поэтому в 1996 году в Санкт-Петербургском горном институте он предусмотрительно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Стратегическое планирование воспроизводства минерально-сырьевой базы региона в условиях формирования рыночных отношений» и получил степень кандидата экономических наук.

Путин был одним из руководителей предвыборного штаба Анатолия Собчака, но на этом посту не преуспел. Собчак потерпел поражение. Для Путина этот проигрыш обернулся большим выигрышем.

К Собчаку он навсегда сохранил чувство благодарности. Против бывшего петербургского мэра прокуратура начала дело по обвинению в коррупции. Его попытались посадить. Собчака с сердечным приступом положили в больницу, а потом жена увезла его лечиться за границу. Многие думали тогда, что Анатолий Александрович просто спасается от прокуратуры, пока в феврале 2000 года не пришло известие о его скоропостижной кончине. У Собчака было больное сердце.

Но все-таки он смог вернуться на родину — благодаря Путину, который, став директором Федеральной службы безопасности, не отрекся от своего бывшего профессора и начальника.

Когда Собчак умер, Путин отправил спецсамолет, чтобы доставить его гроб в Санкт-Петербург, и сам, бросив все дела, приехал на похороны.

«ОН ПРОСТО ОЧАРОВЫВАЕТ...»

Владимир Путин не захотел работать в команде нового губернатора. Он подал в отставку и перебрался в Москву, куда переехало много влиятельных выходцев из Петербурга, начиная с

Анатолия Чубайса, который возглавлял тогда администрацию президента России.

Путин получил в 1996 году назначение заместителя управляющего делами президента России.

Восемь месяцев он занимался российской собственностью за рубежом, на которую претендовали разные ведомства. Управляющий делами Павел Бородин подписал у Ельцина указ, по которому все имущество отошло управлению делами президента. По официальным данным, это приносило каждый год десять миллионов долларов прибыли.

Путина быстро оценили и перевели в администрацию президента. В марте 1997 года он возглавил Главное контрольное управление администрации президента. А через год стал первым заместителем руководителя администрации. Он занимался отношениями с регионами, выяснял, как используются кредиты, куда уходят деньги, получаемые губернаторами. Но на этом посту Путин пробыл каких-нибудь два месяца.

25 июля 1998 года Путин был утвержден директором Федеральной службы безопасности. Когда премьер-министр Сергей Кириенко представлял его коллегии ФСБ, новый директор сказал, что вернулся в родной дом.

Путин так понравился президенту, что в марте 1999 года тот назначил Владимира Владимировича еще и секретарем Совета безопасности — вместо уволенного генерала Николая Бордюжи. Два таких ключевых поста одновременно еще никто не занимал.

Путин быстро вошел в узкий круг тех, кто принимал важнейшие решения, — и отнюдь не потому, что руководил Федеральной службой безопасности. Его предшественник на этом посту Николай Ковалев не был допущен до высших тайн.

Один из бывший коллег Путина сказал мне, что Владимир Владимирович за месяц до увольнения Евгения Примакова с поста премьер-министра назвал день, когда это произойдет. Коллега возразил:

— Этого нельзя делать, ведь тогда будет импичмент!

Путин сказал:

— Не беспокойся.

Когда он возглавил Федеральную службу безопасности, на него обратили внимание в стране. Отметили, что он сохраняет хладнокровие, не выходит из себя, не повышает голоса, не делает оплошностей. Путин тверд, но старается ни о ком плохо не говорить. По характеру жесткий и резкий. Очень точен и настой-

чив в достижении цели. С юмором и хорошей реакцией. Несколько высокомерен и чуть-чуть кокетлив.

Его жена, Людмила Шкребнева, впервые показалась на публике, когда пришла на похороны Раисы Горбачевой вместе с Наиной Ельциной. Людмила привыкла вести себя незаметно, как положено жене сотрудника КГБ. Говорят, что она попала в тяжелую автомобильную катастрофу, повредила позвоночник, но Путин никогда не заговаривает на эту тему.

Людмила жила в Калининграде, работала стюардессой в Калининградском авиаотряде. Как-то с подругой поехала в Ленинград и на выступлении Аркадия Райкина познакомилась с Путиным.

Она училась в Калининградском техническом институте, но ушла со второго курса, переехала в Ленинград и поступила на рабфак филологического факультета ЛГУ.

Теща Путина, Екатерина Тихоновна, работала кассиром в автоколонне, тесть, Александр Аврамович, — на Калининградском ремонтно-механическом заводе.

Путин счастлив в семейной жизни. У Путиных две дочери, их назвали в честь бабушек. Жена не работает, а ее сестра попрежнему летает стюардессой.

Публику сразу оповестили, что Путин прихожанин храма Живоначальной Троицы на Воробьевых горах. В рождественскую ночь 2000 года он умело получил благословение у патриарха. В отличие от Ельцина, Путин осеняет себя крестным знамением, он знает, как вести себя в церкви. После назначения премьер-министром стал часто приезжать к патриарху.

31 декабря 1999 года Алексий II с амвона храма Христа Спасителя призвал «молитвенно поддержать Владимира Владимировича».

Даже те, кто работал с Путиным не один год, говорят, что совершенно его не знают, — он не раскрывается, он вещь в себе. О политике судят не только по словам, но и по тому, как он действует в той или иной ситуации. А политическая карьера Путина, по существу, началась летом 1999 года.

Если бы не чеченская война, Путина считали бы промежуточным премьером. Но в военной ситуации его напор и решительность выгодно контрастировали с вялостью его предшественников.

Взрывы в Москве и в других городах напугали людей, и вдруг появился защитник, который излучал уверенность, кото-

рый обещал наказать преступников и начал действовать жестоко и беспощадно. Он олицетворял власть, которая не страшится угроз, не боится проблем, а берется их решать, не огорчается, не кряхтит, не жалуется на трудности, а работает и все успевает.

Сила Путина оказалась в том, что никто ничего о нем не знал. Он был человеком без прошлого, человеком, вышедшим из тени. И это — неоспоримое преимущество на выборах.

За полтора месяца до ухода в отставку Ельцин сказал журналистам о Путине:

— С каждым днем я больше и больше убеждаюсь, что это единственный вариант для России, наиболее приемлемый... Он может, будучи президентом, повести Россию за собой. Поэтому моя поддержка его личной кандидатуры была и есть, мало того — она не только остается, убежденность моя нарастает с каждым днем. Вы посмотрите на его действия, вы проанализируйте его поступки: насколько они логичны, умны, сильны...

В семье Ельцина к Путину относились с нежностью.

Наина Иосифовна сказала в январе 2000 года о Путине:

— Когда его ближе узнаешь, он просто очаровывает.

При этом между Путиным, «монархическим наследником республиканского президента», как выразился Александр Солженицын, и Борисом Николаевичем Ельциным, который в тяжелейшей борьбе завоевывал Кремль, кажется, нет ничего общего.

Часть вторая
ПЕРВЫЙ ВЗЛЕТ И ПЕРВОЕ ПАДЕНИЕ

Глава третья
ВОСПИТАНИЕ В СВЕРДЛОВСКЕ

В разгар одной из антиельцинских кампаний 90-х годов заборы в Москве были испещрены надписями «Беня Эльцин — предатель». Заборы разрисовывали озлобленные граждане, которые не знали, как бы еще больнее уязвить президента России, виновного, по их мнению, во всех бедах и несчастьях народа.

Глядя на себя в зеркало, Борис Николаевич, должно быть, веселился: ну в каком дурном сне можно увидеть в его облике семитские черты? Ельцин для всего мира — олицетворение русского характера. Для россиян он свой, такой же, как они, потому в период расцвета Ельцин и пользовался такой фантастической популярностью.

Биография Ельцина хорошо известна. Однако сейчас, в новом веке возникает потребность вновь обратиться к главным вехам его жизненного пути, чтобы увидеть, как формировался характер первого президента России и каким путем он пришел к власти.

ВНУК КУЛАКА

Борис Николаевич Ельцин родился 1 февраля 1931 года в селе Бутка Талицкого района Свердловской области в крестьянской семье. Здесь жили его отец — Николай Игнатьевич Ельцин и мать — Клавдия Васильевна Старыгина. Борис был первым ребенком. Позднее у него появились брат и сестра.

Ельцин вспоминал — видимо, со слов матери, — что во время крещения хорошо угостившийся священник опустил будущего президента в купель, то есть просто в бадью, а вынуть, заговорившись, забыл. Мать выловила его где-то на дне. Мальчика еле откачали.

Некоторые уральцы, впрочем, сомневались потом насчет правдивости этой истории, считали ее байкой — в начале 30-х церкви на Урале закрывали одну за другой, да и угощать священника было нечем. Однако мать Бориса Николаевича не походила на человека, который мог бы придумать такую историю. Похоже, ангел-хранитель и в самом деле не обходил Бориса Ельцина своей заботой. Не один раз он помогал ему выпутываться из историй, которые могли закончиться самым плачевным образом.

Семью Ельциных раскулачили. Деда, церковного старосту, лишили гражданских прав и выслали на Север, где он вскоре умер. Отец и дядя уехали из родной деревни, завербовались на строительство Казмашстроя, плотничали. «Кулацкое наследство» дорого обошлось детям. Николая Игнатьевича Ельцина и его младшего брата Андрея арестовали в апреле 1934-го. Уже став президентом, Ельцин сумел увидеть дело своего отца. Обвинили их вместе с группой вчерашних крестьян в том, что они «проводили систематически антисоветскую агитацию среди рабочих, ставя своей целью разложение рабочего класса и внедрение недовольства существующим правопорядком. Используя имеющиеся трудности в питании и снабжении, пытались создать нездоровые настроения, распространяя при этом провокационные слухи о войне и скорой гибели Советской власти. Вели агитацию против займа, активно выступали против помощи австрийским рабочим — т.е. совершили деяние, предусмотренное статьей 58-10 УК».

Печально знаменитая 58-я статья Уголовного кодекса РСФСР карала всех, кого в те времена именовали государственными преступниками.

Судебная «тройка» Государственного политического управления (так именовались тогда органы госбезопасности) Татарской АССР 23 мая 1934 года приговорила Николая Игнатьевича Ельцина к трем годам исправительно-трудовых лагерей.

Некоторые исследователи считают, что внук и сын кулака Ельцин затаил ненависть к советской власти и потому, став президентом, запретил КПСС и развалил Советский Союз. Такие романтические мстители встречаются только в плохих авантюр-

ных романах. Репрессированные родственники были и у Егора Лигачева, и у других видных партийных руководителей, что не мешало им до последнего отстаивать преимущества реального социализма.

Большую часть жизни Ельцин тоже находился во власти представлений того времени: да, при Сталине были перегибы, но сама партия их осудила и исправила...

Скрывал ли Ельцин неблагоприятные по тем временам обстоятельства своей биографии?

Один из свердловских исследователей биографии Ельцина нашел его старые анкеты, которые Борис Николаевич заполнял собственноручно. Там нет и упоминания о том, что его родные были репрессированы. Но не стоит думать, что об этом никто не знал.

Один из ученых, который изучал архивы бывшего КГБ, рассказывал мне: он обратил внимание на то, что совсем старые дела, еще 20-х и 30-х годов, казалось бы никому не нужные, постоянно просматривались аппаратом госбезопасности. Зачем? Искали репрессированных родственников у тех, кто шел на большую работу, или трудился на режимных предприятиях, или собирался поехать за границу. И вполне уважаемому работнику вдруг отказывали в загранкомандировке, потому что кто-то из его родственников участвовал, например, в Кронштадтском восстании в 1921 году.

Притом проверяли не до третьего колена, а значительно глубже. Так что и биографию Ельцина знали до малейшей запятой. Но в его судьбе те старые приговоры, видимо, значения не имели. Он безостановочно продвигался вверх. Не потому, что ему кто-то ворожил. А потому, что не продвигать его было невозможно.

ШЕСТЕРО В ОДНОЙ КОМНАТЕ, НЕ СЧИТАЯ КОЗЫ

В бараке Ельцины прожили десять лет. Зимой было очень холодно, грелись возле козы, которая спасла их в голодные военные годы — давала в день литр молока, хватало его только детям. Клавдия Васильевна подрабатывала шитьем. Вшестером, не считая козы, жили в одной клетушке, спали на полу. Теплой одежды не было, а зимы на Урале суровые. Рассказывают, что в те годы Борис Ельцин твердо решил выбиться в начальники, чтобы расстаться с этой нищей и голодной жизнью.

Когда отца арестовали, семью приютили добрые люди. Через много лет Ельцины найдут способ выразить им свою благодарность. Жена Ельцина, Наина Иосифовна, отыскала в Казани женщину, которая в 30-е годы совсем еще девочкой заботилась о маленьком Борисе. На свои деньги президент Ельцин купил ей двухкомнатную квартиру...

Характер у Николая Игнатьевича Ельцина был крутой, он нещадно лупил сына ремнем, считая это лучшим методом воспитания. Мать всегда защищала сына. К ней Борис Николаевич сохранил особые чувства. Клавдия Васильевна почти до последних дней жила в Свердловске.

Помощник Ельцина Лев Суханов вспоминал: «Когда у сына были тяжелые моменты, когда его травили все, кому не лень, Клавдия Васильевна очень переживала и спрашивала у него: «Борь, скажи, нужно тебе это или не обязательно?» Он неизменно отвечал: «Нужно, мама... И пока ты за меня болеешь, ничего со мной не случится...»

Ее уход из жизни Борис Николаевич переживал особенно тяжело. Он плакал и на похоронах отца, но смерть матери стала для него настоящей трагедией.

Клавдию Васильевну похоронили на Кунцевском кладбище, рядом с могилой известного хоккеиста Валерия Харламова. Это — элитное кладбище, здесь хоронят только по распоряжению начальства.

Оба деда Ельцина — долгожители, пересекли девяностолетний рубеж. Его мать умерла, когда ей было за восемьдесят, отец скончался в семьдесят три года. И Борис Ельцин появился на свет с неисчерпаемым, казалось, запасом сил.

С помощью своего верного биографа Валентина Юмашева, который написал за него две книги, Ельцин охотно рисовал себя прирожденным лидером и борцом за справедливость, человеком, который не умеет подчиняться, но способен руководить другими.

Это был не просто верный ход в предвыборной борьбе. Лидерское начало проявилось в нем очень рано — высокий, физически крепкий, задиристый, он увлекал за собой ватагу таких же сорванцов, как и сам. И с юности в нем проявился его знаменитый упрямый характер, способность, сжав зубы, добиваться своего, несмотря на любые препятствия.

Школьные годы Ельцина прошли весело. Занятиями он себя не утомлял, а развлекались будущий президент со товарищи

незамысловато: например, втыкали иголки в стул преподавателю немецкого языка... Не удивительно, что по поведению ему неизменно ставили двойку.

В юности Борис Ельцин любил подраться. Однажды ему врезали оглоблей по голове. Не будь голова у Бориса Николаевича такой крепкой, история России пошла бы иным путем.

Бойцовский характер у Ельцина сохранился на всю жизнь. Оглоблей его больше не били, но доставалось ему изрядно, пожалуй, больше, чем любому политику этого поколения.

В юности Ельцин увлекался волейболом, выступал за сборную города. Ему не мешало и то, что на левой руке у него нет двух пальцев — большого и указательного. Борис покалечил себя, когда мальчишкой украл на складе оружия две гранаты и решил их разобрать. Ударил молотком по гранате, и она взорвалась. Еле добрался до больницы, где ему отрезали пальцы. Еще повезло: мог и зрения лишиться, и на всю жизнь остаться инвалидом. Несчастный случай его не напугал и не заставил быть осторожнее.

Борис решил поступать на строительный факультет Уральского политехнического института. Строитель — в конце 50-х это вполне уважаемая и перспективная профессия. Судя по его собственным рассказам, все институтские годы Ельцин уделял спорту значительно больше времени, чем учебе. Ездил с волейбольной командой по стране, играл с удовольствием.

Спорт привлекал его возможностью бороться и побеждать, вновь и вновь переживать волнующее чувство триумфа. Предвкушение борьбы горячило кровь. Никогда не боялся схваток, в этом было что-то наполеоновское: ввязаться в бой, а там видно будет. Позднее это неизменно давало ему преимущество над более осторожными и вялыми игроками на политической сцене, боявшимися рисковать...

Однажды он заболел ангиной, но все-таки пошел играть. Закончилось это плохо — впервые в жизни заболело сердце. Врачи прописали постельный режим. Но Ельцин сбежал из больницы. Отлежался у родителей, встал на ноги и сразу двинул на спортивную площадку.

Крепкий и спортивный, он жил в ощущении, что ему все под силу и он способен справиться с любыми трудностями. Но эта история не прошла даром для его сердца, хотя Борис Николаевич почувствует это не сразу. Молодой Ельцин на здоровье не жаловался. И лечиться не любил, к врачам обращался лишь в случае крайней необходимости — это в нем сохранится надолго.

В юности Ельцин был компанейским парнем и заводилой. Характерно, что и закончив институт, он продолжал дружить с однокурсниками. Каждые пять лет они вместе проводили отпуска, и долгие годы эта традиция не нарушалась.

Старых друзей он позвал на свое шестидесятилетие, которое председатель Верховного Совета России отмечал в пансионате под Зеленоградом. Поздравить Бориса Николаевича с юбилеем приехало человек сто, гуляли всю ночь, жгли костры, варили глинтвейн, пели песни. Тамадой был академик Юрий Рыжов.

В 1992 году президент России собрал друзей в бывшем гостевом доме КГБ, где всего год назад сиживали члены ГКЧП. Он по-прежнему был прост и доступен.

Но больше они в таком составе уже не собирались.

«Я ВСЕ РАВНО УДАРЮ ПЕРВЫМ...»

Распределили Ельцина после института в трест «Уралтяжтрубстрой». Стройка — суровая школа жизни, воспитывавшая жесткость и привычку добиваться своего любыми средствами. Главное — план: кровь из носу, но сделай! Имеет значение только результат — победителя не судят.

Работать приходилось даже с заключенными. Побывав в такой компании, уже никого и ничего не боишься. О себе Ельцин не без удовольствия скажет: «Вообще мой стиль работы назвали жестким. И это правда». Стройка приучала и к спиртному, и к привычке объясняться исключительно матом.

От горячительных напитков Ельцин не отказывался, а матом практически не ругался. Он — может быть, единственный во всей высшей номенклатуре — на дух не переносил матерщины. И ко всем, кроме самых близких людей, обращался исключительно на «вы». Это сохранится и когда он станет хозяином Кремля.

Некоторые опытные чиновники с удивлением отметят, что атмосфера в кремлевских апартаментах при «свердловском медведе» стала куда интеллигентнее, чем прежде. Хотя, скажем, в горбачевском окружении было немало интеллектуалов, но тон задает все-таки руководитель...

Ельцин быстро поднимался по служебной лестнице — начальник участка, главный инженер управления, начальник управления. Управляющий трестом, по его словам, попался злой, упрямый, самодур, иногда только что до драки дело не доходило. Ельцин

мрачно предупредил начальника: «Имейте в виду, если вы сделаете хоть малейшее движение, у меня реакция быстрее — я все равно успею ударить первым».

От многих неприятностей молодого Ельцина спасал второй секретарь Свердловского горкома Федор Морщаков. Борис Николаевич надолго сохранит к нему благодарное чувство. Именно Морщакова Ельцин назначит первым управляющим делами президента России — до того, как присмотрит на эту должность якутского мэра Павла Бородина.

ПЕРВЫЙ ОРДЕН

На строительной площадке Ельцина приметил человек, который сыграет в его судьбе ключевую роль, — один из самых заметных партийных работников Свердловска Яков Петрович Рябов.

Он вырос на Урале, работал на оборонном заводе, в тридцать с небольшим стал секретарем райкома и стремительно делал себе карьеру. Когда они с Ельциным познакомились, Рябов занимал пост второго секретаря Свердловского обкома, причем был самым молодым — коллеги были его старше на два-дцать лет.

Первый секретарь — Константин Кузьмич Николаев — часто болел и многие заботы с видимым удовольствием передоверял энергичному второму.

В судьбах Рябова и Ельцина много общего. Родители Рябова приехали на Урал в 1930 году строить Уралмаш, отец — плотник, мать — штукатур. Яков — девятый ребенок в семье.

Рябов рассказывал мне:

— Сначала мы жили в землянке, потом в бараке. Когда построили барак с коридорной системой — это уже нам показалось сказочным житьем...

Рябов после техникума работал на Уральском турбомоторном заводе, делал танковые двигатели. Энергичный, умеющий ладить с людьми молодой начальник цеха быстро выдвинулся на партийную работу.

В качестве второго секретаря обкома Рябов курировал промышленность и строительство. Всех толковых строителей знал сам. Яков Петрович объяснял:

— Где бы ты ни работал, у тебя под рукой должны быть подготовленные кадры, когорта, на кого ты можешь опираться и

кем можешь заменить слабого работника. Не станешь заниматься кадрами, много глупостей наделаешь...

Так он обратил внимание на Бориса Ельцина. В 1963 году в области создали комбинат крупнопанельного домостроения, главным инженером поставили Ельцина, а вскоре он стал директором. Рябов очень симпатизировал настырному и упрямому строителю. Ельцин мало говорил и много делал; он знал, что от выполнения плана зависит репутация области, и не подводил начальство.

Рябов повсюду вел за собой Ельцина, спасая его в тяжелых ситуациях.

В 1966 году по итогам пятилетки Ельцина представили к ордену Ленина. Руководство области вылетело в Москву на XXIII съезд КПСС, и вдруг телеграмма из Свердловска: ночью рухнул почти готовый пятиэтажный крупнопанельный дом, построенный домостроительным комбинатом Ельцина. Первый секретарь Свердловского обкома тут же приказывает отозвать наградные документы Ельцина. Остальные согласны. Рябов говорит:

— Не надо торопиться. Поручите мне как второму секретарю обкома разобраться.

Комиссия, в которую вошли строители, проектировщики и представители прокуратуры, вскоре доложила Рябову: фундамент клали зимой, и он не успел схватиться, а весной оттаял и «пополз», в результате дом рухнул. Но фундамент клал другой строительный трест, Ельцин не виноват. Рябов добился, чтобы Ельцин все-таки получил награду. Не орден Ленина, конечно, а «Знак Почета».

ЧЕЛОВЕК ВЛАСТИ

А через два года Рябов пригласил Ельцина к себе в аппарат Свердловского обкома — заведовать отделом строительства.

Прежнему заведующему отделом было пятьдесят четыре года, и он казался Рябову человеком в возрасте, а секретарю понадобился молодой и энергичный работник.

Заведующих отделами обком подбирал себе сам. С Москвой, с ЦК КПСС, полагалось для приличия посоветоваться, но скорее, чтобы выказать уважение. Заведующий отделом областного комитета, говоря бюрократическим языком того времени, — учет-

но-контрольная номенклатура, это значит, что уже после его назначения в Москву в отдел организационно-партийной работы ЦК посылали объективку.

Рябов рассказывал мне, как, остановившись на кандидатуре Ельцина, он позвонил в Москву, в ЦК, объяснил:

— Есть желание сменить заведующего строительным отделом. Гуселетов, нынешний завотделом, уже стар, надо укрепить отдел. Есть предложение назначить Ельцина Бориса Николаевича...

В ЦК не возражали: ну, если подходит, решайте сами. А в Свердловске переход Ельцина на партийную работу понравился отнюдь не всем.

Рябов вспоминает:

«Когда я решил взять Ельцина, ребята, которые с ним учились, пытались меня отговорить. Пришли и говорят: «Яков Петрович, вы его не знаете, а он при необходимости через любого перешагнет. Имейте это в виду». Я спрашиваю: а о его деловых качествах что можете сказать? Они говорят: вот тут вопросов нет. Я их выслушал и объяснил: вы дали ему хорошую характеристику. Я ведь его беру не на идеологическую работу, и не я к нему в подчинение иду, а он ко мне. А я умею в руках людей держать. И я заставлю его работать. И он у меня работал».

Ельцину в это время исполнилось тридцать семь лет. На партийную работу он не рвался.

Пригласив Ельцина, Рябов среди прочего сказал ему:

— Вот меня предупредили, что у тебя есть такие-то и такие-то недостатки...

Ельцин его сразу спросил:

— А кто вам это рассказал?

Рябов его одернул:

— Борис Николаевич, разве такой вопрос надо задавать? Следует, наоборот, сказать: да, это во мне есть, постарюсь исправить...

— Так он их все равно вычислил, — рассказывал мне Рябов, — и потом не давал им ходу, хотя ребята отличные.

Борис Ельцин четырнадцать лет проработал на стройке, прежде чем его пригласили в партийный аппарат. Вот что отличало его, к примеру, от Лигачева или Зюганова и вообще всех тех, кто всю жизнь провел на комсомольско-партийной работе, перебираясь из кабинета в кабинет.

Науку власти Ельцин постигал под руководством Рябова. Тот учил его не отсиживаться в кабинете, быть общительным, встречаться с людьми и находить с ними общий язык, почаще выступать и изучать своих подчиненных.

Ельцин и без того научился на стройке быть жестким, а тут еще школа Рябова, который строго спрашивал с подчиненных. Мастер спорта по классической борьбе, Рябов умел заставлять других работать и сам работал много. Вот, по словам Рябова, его кредо: «Я всегда объяснял: тех, кто не выполняет моих заданий, я могу раз предупредить, второй раз. А третьего предупреждения уже не будет. Я так говорю: или ты должен уходить, или я. Но я-то не уйду, меня может освободить только вышестоящий орган. Так лучше я тебя уберу, не стану ждать, пока насчет меня примут решение».

Это дивный принцип: умри сначала ты, а потом я! Так и делались карьеры. Вверх шли по головам менее ловких и умелых. Ничему иному партийная жизнь и не могла научить Ельцина. Стоило ли потом удивляться и возмущаться, что Ельцин, став первым секретарем в Москве, жестоко ломал судьбы своих партийных подчиненных, не способных обеспечить ему успех? Он рвался вверх, и рядом с ним выживали только те, кто мог ему помочь подняться еще на одну ступеньку. И всю свою профессиональную жизнь он без сожаления расставался с теми, кто стал ему не нужен.

Заведующий строительным отделом обкома был под постоянным контролем Рябова, который следил за тем, чтобы все планы выполнялись, особенно когда речь шла о жилье. По существовавшим тогда правилам, если область не успела достроить промышленный объект до 31 декабря, то на следующий год еще дадут деньги, чтобы завершить строительство. А если область не достроила социальный объект — жилой дом, школу, больницу, — то все потеряно, новых денег не получишь.

Рябов вспоминает, что они с Ельциным постоянно были вместе.

Свердловская область — это целое государство или, точнее сказать, промышленная империя. Здесь находится самый крупный машиностроительный завод в мире — Уралмаш.

На Уралвагонзаводе работало пятьдесят тысяч человек — они выпускали железнодорожные вагоны и танки. Уралвагонзавод и Челябинский тракторный — два крупнейших в стране танкограда. Завод имени Калинина выпускал артиллерийские

орудия, потом ракеты, теперь — зенитно-ракетные комплексы «С-300». В области сосредоточили и секретное ядерное производство: один объект назывался Свердловск-44, другой — Свердловск-45.

После ухода Николаева Рябов становится первым секретарем Свердловского обкома. С него прежде всего спрашивали за выполнение плана по промышленности и по оборонному заказу. Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, пока еще был здоров, часто звонил в Свердловск первому секретарю, заботливо спрашивал:

— Как у тебя дела?

Яков бодро докладывал:

— Все нормально, с промышленностью хорошо, с оборонкой тоже.

Следующий обязательный вопрос генерального секретаря:

— А как на селе?

Яков Рябов рассказывал мне:

— Я просыпался и ложился спать с одной мыслью — как мне накормить почти пять миллионов человек? Девяносто три процента жителей области связаны с промышленностью — не только в городах, но и в поселках. Свердловск — дотационная область. Мы обеспечивали себя овощами, яйцами. Но не хватало мяса, молока. Фруктов, естественно, не было...

В момент острого противостояния с Ельциным, на XIX партийной конференции второй секретарь ЦК КПСС Егор Лигачев будет упрекать своего оппонента, что тот не сумел накормить свердловчан, посадил область на талоны.

Рябов с этим обвинением не был согласен:

— Зря Егор Кузьмич насчет талонов говорил: многие области в те времена на талонах сидели. Резкое ухудшение произошло, когда при Хрущеве началась ликвидация подсобного хозяйства. У нашей семьи всегда были огороды, всегда корову держали. А тут всем велели избавляться от домашнего скота. Моя мать сопротивлялась: как можно с коровой расстаться? Ну, убедили ее. И первое время, когда принялись резать коров, мясо в магазинах появилось. Мать еще удивлялась: ну, как хорошо, а я-то всю жизнь мучилась... А потом стало совсем плохо: в магазинах и молоко исчезло, и мясо. И своего уже не осталось.

НЕВЕСТА НА ВЫДАНЬЕ

Работа Ельцина в обкоме нравилась Рябову. У них сложились уже не только служебные, но и личные отношения, они дружили семьями. Яков Петрович Рябов видел в своем подчиненном человека, который далеко пойдет, собирался двигать его дальше и даже велел Ельцину найти себе преемника.

Ельцин предложил Олега Ивановича Лобова, который потом последует за Ельциным в Москву и сделает большую карьеру — станет первым заместителем главы правительства, секретарем Совета безопасности. А тогда Олег Лобов был главным инженером Уральского проектного института промышленного строительства. Рябову Лобов очень понравился — спокойный, разумно мыслящий.

Итак, преемник был найден. Но продвижение Ельцина на следующую ступеньку партийной лестницы произошло не скоро. Он семь лет просидел в кресле заведующего отделом.

Ельцин уже был на виду, его заметили, на него обратили внимание и за пределами Свердловска, молодого партийного работника приглашали в другие области. Первый секретарь Костромского обкома партии Юрий Баландин позвал Ельцина в себе в обком уже на должность секретаря. Ельцин, как положено, пошел к Рябову советоваться.

Рябов сказал ему:

— Если хочешь — иди, но что тебе рваться из такого обкома, как наш, у тебя и здесь есть перспектива роста.

Ельцина пригласили в Москву — заместителем председателя Государственного комитета СССР по строительству. Переехать в столицу, выйти на союзный уровень — заманчивое предложение. Ельцин опять пошел к Рябову советоваться, но тот не хотел его отпускать.

В Госстрой Ельцин все-таки попадет — через много лет, когда его снимут с должности первого секретаря Московского горкома партии. И это будут худшие годы его жизни...

А пока что Ельцин чувствовал себя невестой на выданье. Но засиживаться в невестах не хотелось. Пока Ельцин сидел в кресле заведующего отделом, другие, через его голову, шли наверх, занимая более важные посты. Еще один любимец Рябова, Геннадий Колбин, из секретарей горкома продвинулся в обком, потом стал вторым секретарем. Еще одним секрета-

рем стал Евгений Коровин, а Ельцин все сидел на прежнем месте, и, видно, его это сильно расстраивало.

Ельцину пришлось дожидаться, когда освободится, место второго секретаря. Им был Геннадий Колбин, которого Рябов очень ценил. Но в 1975 году Колбина назначили вторым секретарем ЦК компартии Грузии. Это была ступенька к большой самостоятельной работе. На место Колбина пришел Евгений Александрович Коровин, а Ельцин стал просто секретарем. Сбылась его мечта. На новой должности он уже стал самостоятельной и видной фигурой. Все меньше тех, кто может тебе приказывать, все больше тех, кому приказываешь ты.

Ему поручили все строительство, благоустройство области и дороги, строительную, деревообрабатывающую и лесную промышленность. Заведующим отделом вместо него стал Олег Лобов.

Секретарей обкома Рябов тоже подбирал себе самостоятельно, в ЦК их не утверждали, в Москву не вызывали, полагалось только согласовать кандидатуру. Ельцина Рябов выбрал лично, хотя теперь, четверть века спустя, Яков Петрович находит в своем бывшем подчиненном больше недостатков, чем достоинств. Он говорил мне:

— Когда Борис ездил, ему обязательно надо было, чтобы его проводили, чтобы встретили. Он карьерист. Стоило мне приказать, он разобьется, но сделает. Я скажу: такой-то объект надо ввести в декабре. Он все сделает. Он хороший организатор, но с кадрами расправлялся. Мне постоянно жаловались на его грубость и бездушное отношение к кадрам. Я говорил ему: Борис Николаевич, ну будь ты к людям почеловечнее. Тебя знают, тебя уважают. Но только стоит ему подняться над кем-то, этот ярус его не интересует... Чувствуя, что я скоро уйду, он стал вести себя правильно. Я думал, он сделал выводы из наших разговоров и изменился. А он просто притаился...

Рябов приводит в своих воспоминаниях записи из дневника:

«Вынужден ему снова сделать замечания.

1. За его высокомерие.

2. Неуважение к товарищам по работе, в том числе и к членам бюро ОК КПСС, грубость, резкость в обращении и ненароком, напоминание им, что вы лезете не в свое дело, если не понимаете.

3. Это выражается в том, что он очень болезненно воспринимает замечания в адрес строителей, как обиду для себя.

4. Сам резок к людям, даже груб и нетактичен, до оскорбления, в то же время обидчив и вспыльчив, даже при законной просьбе или постановке вопроса товарищами.

5. Никак не может отойти от ведомственности, а это плохо, даже пагубно, для секретаря обкома и члена бюро.

Выслушал замечания, надулся, нахмурился, опустил голову, даже не повернул ее в мою сторону и спросил:

— Все?

Я сказал:

— Пока да.

Он заявил:

— Можно подумать?

Я сказал:

— Пожалуйста, подумайте, но надо делать выводы. Это у меня с вами не первый разговор на эту тему, в том числе уже на должности секретаря обкома партии.

Ему ничего не оставалось, как встать и уйти.

После каждого подобного разговора он делал выводы, но, к сожалению, выдержки ему не хватало до конца. Я Бориса не раз упрекал, что его неуважительное отношение к товарищам приводит к тому, что по многим вопросам, которые находятся в его компетенции, его же коллеги к нему не идут, а под разными предлогами выходят на меня.

В то же время я понимал, что это сильный работник, волевой, может себя и других заставить работать...

После последнего с ним разговора он, видимо, серьезно все проанализировал, взвесил и через некоторое время, при разборе состояния дел на каком-то строительном объекте, когда мы остались вдвоем, Борис сам заговорил:

— Яков Петрович, ну действительно, может быть, я забываюсь и веду себя не очень тактично по отношению к тем, кто проваливает дело. А их пробивает только нажим, но нажим мой, может быть, не всегда бывает корректным.

Вот этим Борис меня подкупал и успокаивал. Он не раскис, а, наоборот, отрегулировал свои отношения с секретарями обкомов партии, с другими руководящими кадрами, продолжал работать ответственно, с достаточной требовательностью и отдачей».

Рябов пристрастен к своему выдвиженцу. Надо думать, что четверть века назад он все-таки значительно больше ценил Ельцина и не видел в нем одни только недостатки, иначе не оставил бы его вместо себя в Свердловске.

ВСТРЕЧА С ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ

Ельцин проработал секретарем обкома всего год, как Рябова забрали в Москву. Молодого, напористого и умелого свердловчанина Брежнев сделал секретарем ЦК КПСС по военной промышленности — вместо Дмитрия Федоровича Устинова, который стал министром обороны.

В ЦК Рябов продержался всего три года. Моторный и упрямый, он не сработался с влиятельным членом политбюро и министром обороны Устиновым, к которому Брежнев очень прислушивался...

Но тогда еще Рябов был в фаворе, и Брежнев спросил его:

— Кого будем ставить вместо тебя в Свердловске?

Рябов хотел оставить на своем месте Геннадия Колбина. Предложил Брежневу:

— Давайте Колбина вернем из Тбилиси. Он потянет.

Но Брежневу эта идея не понравилась. Он считал, что Колбин в Грузии нужнее. Второй секретарь в национальной республике был наместником Москвы, но при этом должен был вести себя достаточно деликатно, чтобы не обижать национальные кадры. И срывать Колбина с места Брежневу не хотелось.

Словом, Колбину не повезло. Если бы тогда его вернули в Свердловск, его карьера сложилась бы успешнее. После Тбилиси Колбина избрали первым секретарем Ульяновского обкома. А в конце 1986 года Горбачев поставил его во главе Казахстана вместо стремительно отправленного в отставку члена политбюро Динмухамеда Кунаева.

Колбин возглавил крупнейшую республику — это было большое повышение. Но назначение варяга вместо коренного жителя, русского вместо казаха, спровоцировало декабрьские волнения в Алма-Ате. Демонстрацию разогнали силой, виновных наказали. Но и Колбина с поста первого секретаря ЦК компартии республики вскоре убрали. Эта трагическая история наложила отпечаток на его дальнейшую карьеру...

Когда кандидатуру Колбина отвергли, Рябов предложил своего воспитанника Бориса Ельцина.

Рябов рассказывал мне:

— Ельцина в Москве не знали, поэтому провести его кандидатуру было трудно. Он даже не был депутатом Верховного Совета России. Когда я поднял вопрос о Ельцине в разговоре с Брежневым, он удивленно говорит: а кто он такой? Мы его не

знаем. Почему не хочешь второго секретаря? Брежневу секретарь ЦК по кадрам Иван Капитонов уже дал объективку на второго секретаря Евгения Александровича Коровина. А он российский депутат, подходил по анкете...

Но Рябов считал, что Коровин в первые секретари не годится, и проявил настойчивость.

В отделе организационно-партийной работы ЦК КПСС был кадровый резерв на каждую номенклатурную должность. Когда возникал вопрос о замене первого секретаря обкома, отдел представлял генеральному секретарю несколько кандидатур. Другое дело, что иногда они не нравились, и начинался поиск подходящего человека. В данном случае Рябов имел возможность оставить в Свердловске своего человека. Он сказал Брежневу:

— Ельцин — это человек, с которого можно спросить. Человек, который может заставить работать, который сам работает. И человек, который прошел у меня хорошую школу. Я его сам воспитывал.

Брежнев внимательно выслушал Рябова и согласился:

— Тебе виднее. Раз ты уверен, я поддерживаю.

Брежнев благоволил к Рябову, взял его в Москву и, соглашаясь с его выбором, демонстрировал особое доверие.

Пока решалась его судьба, Ельцин находился в Москве — на месячных курсах в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Его неожиданно вызвали в ЦК. Сначала с ним разговаривал секретарь ЦК по кадрам Иван Капитонов, потом секретарь ЦК по промышленности и очень близкий к Брежневу Андрей Кириленко, потом секретарь по идеологии Михаил Суслов. Никто из них ничего конкретно Ельцину не сказал. Его спрашивали, к нему присматривались. Это были смотрины.

Только Михаил Андреевич Суслов, фактически второй человек в партии, чуть прояснил ситуацию, когда стал спрашивать, чувствует ли в себе Ельцин силы для самостоятельной работы, хорошо ли знает областную парторганизацию?

Ельцин понял, что он возглавит Свердловск вместо Рябова. Но право произнести такие слова оставалось за самим генеральным секретарем.

Потом Капитонов и Рябов отвезли его в Кремль к Брежневу. Высокий и надежный Борис Ельцин понравился генеральному секретарю. Вопрос был решен.

2 ноября 1976 года на пленуме Свердловского областного комитета Бориса Николаевича Ельцина избрали первым секре-

тарем. Он сразу убрал неудачливого соперника — второго секретаря обкома Коровина, перевел его в областной совет профсоюзов. Сменил и председателя облисполкома. Поставил своих людей. Таково было еще одно правило аппаратной жизни — зачем держать рядом с собой людей, у которых ты еще недавно был в подчинении, кто будет по привычке вести себя на равных? Надо окружать себя теми, кто видит в тебе вождя, кто не сомневается в твоем превосходстве, кто с первого дня привык смотреть на тебя снизу вверх...

Почему Ельцин, который сравнительно поздно перешел на партийную работу, обогнал профессиональных партийных работников и добрался до вершины?

Кто в недавние годы имел дело с профессиональным комсомолом, знает, что это за школа, знает, что больше всего ценилось в комсомольских работниках, какие качества надежно обеспечивали продвижение наверх — к желанному креслу в соседнем здании партийного комитета.

Если молодой человек с юности поднаторел в составлении звонких лозунгов, умело организовывал «группы скандирования», ловко отчитывался о массовой посещаемости несуществующей системы комсомольской учебы, переписывал текущий доклад с прошлогоднего, аккуратно меняя даты и цитаты, то какие еще качества ему были нужны для успешной карьеры?

Если, перебравшись в партийный аппарат, он долгие годы занимался «выколачиванием» плана, бдительно присутствовал в роли куратора на партийных собраниях, сочинял самые фантастические справки, то какой политический опыт он приобретал? Аппаратных интриг. Дворцовых переворотов. Умение лавировать, уходить от опасных решений, осторожность.

Вверх шли очень осторожные, цепкие и хитрые, те, кто никогда не совершал ошибок и не ссорился с начальством. Но они пасовали, столкнувшись с сильным характером, с прирожденным лидером. Другое дело, что и очень яркие люди обычно не могли прорваться сквозь трясину аппаратной жизни. Но если это случайно происходило, как в случае с Ельциным, такой человек был вне конкуренции. В подковерной борьбе за очередную ступеньку вверх аппаратные кадры научились выходить победителями. А в схватке с людьми, рожденными властвовать, неминуемо проигрывали.

Многие потом замечали, что Ельцин лучше всего чувствует себя в роли первого человека. А вот подчиненные из таких лю-

дей, как он, выходят неважнецкие. Это совершенно точное наблюдение. Он по характеру хозяин, который органически нуждается в полной, ничем не ограниченной власти.

С той минуты, как Борис Ельцин стал первым секретарем, он поверил в то, что может и должен руководить всем и всеми. И это естественная для него роль.

— В нем чувствовался ярко выраженный советский вождизм, — говорил мне Андрей Козырев. — Это черта поколения. Он временами пытался с этим подсознательно бороться, но безуспешно... Советская бюрократия была страшно замкнута и закрыта. И в быту тоже. Мы ведь видели только портреты, и они старались вести себя как портреты даже между собой, даже в семье.

Я в институте учился с внуками и детьми членов политбюро и имею косвенное представление о том, как все происходило в их семьях. Внуки и дети не знали, что думает отец или дед...

ДОМА И НА ДАЧЕ

Свердловский обком — один из самых больших в стране. В нем работало примерно двести человек — с учетом сотрудников Дома политического просвещения и партийного архива. Пять секретарей, множество отделов: тяжелой промышленности, машиностроения, оборонной промышленности, лесной промышленности, строительства, торговли и бытового обслуживания, науки и культуры, административных органов, пропаганды и агитации, организационно-партийной работы, общий...

Ельцин заботился об авторитете власти и построил самое высокое в стране здание обкома партии — высотку, в которой свердловчане увидели некий фаллический символ и потому именовали самым неприличным образом — «член КПСС».

Борис Ельцин, как и его предшественник Рябов, любил порядок и старался планировать работу. Очень рано приезжал в обком, собирал секретарей, обсуждал распорядок дня и недели, определял, кто чем займется: один секретарь поедет на стройку, другой — на пуск промышленного объекта, третий — на городскую конференцию.

По вторникам проходило бюро обкома. Первый вопрос — утверждение кадров, потом все остальное. В повестке все расписано: когда начинается обсуждение вопроса, когда заканчи-

вается, кто отвечает за его подготовку. Но иногда обсуждение затягивалось и засиживались до позднего вечера. Ельцин, следуя примеру Рябова, следил за тем, чтобы бюро шло по графику. Если секретарь обкома или заведующий отделом, которые поставили вопрос, не управлялись в отведенное время, их ждала выволочка.

Ельцин держал дистанцию, ни на минуту не забывал, что он первый человек в области. Но одновременно считал необходимым поддерживать с ближайшим окружением личные отношения — не только работать, но и отдыхать вместе. Членов бюро обкома вместе с женами Ельцин заставил играть в волейбол — все вместе выходили на площадку два раза в неделю.

Будущую жену Ельцин встретил в институте.

Анастасия Иосифовна Гирина, которую звали просто Наина, на год моложе Бориса Николаевича. Она родилась в Оренбургской области. Детство у нее было таким же трудным, как и у мужа, — в семье шестеро детей. В 1950 году она поступила на строительный факультет Уральского политехнического института, тот самый, где учился Борис Ельцин.

Студенческий роман перерос в крепкое чувство. Наина Ельцина прошла рядом с мужем весь его трудный путь. Он, наверное, по-своему всегда ее любил, но был слишком занят своей карьерой.

Наталья Константинова, бывший работник пресс-службы Кремля, так пишет о Наине Иосифовне: «Возможно, все эти сорок с лишним лет ей не хватало тепла и заботы, хотя какая женщина признается в этом вслух. Только однажды вырвалось в разговоре с младшей дочерью Татьяной о семейном житье-бытье: «Если бы меня мой муж каждую минуту так целовал, как твой Леша...»

В 1956-м они поженились, через год родилась Елена, еще через три года — Татьяна. Ельцин хотел сына, но вырастил двух девочек. Отсутствие наследника в семье со временем сделает более обостренным поиск наследника политического...

Когда молодой строитель Ельцин женился, он получил комнату в коммунальной квартире. Двухкомнатную квартиру ему дали, когда родилась Елена и он стал начальником управления.

Избранный первым секретарем, Ельцин въехал в пятикомнатную квартиру, в которой прежде жил Рябов. А потом он велел пристроить к хорошему дому возле пруда новый подъезд, и там квартиры получили члены бюро обкома.

Руководителям области полагались дома в дачном поселке, выстроенном еще в 30-е годы, с участками — у секретаря обкома, первого секретаря Свердловского горкома, председателя облисполкома, главы профсоюзов и начальника областного управления КГБ.

Первого секретаря обслуживала «Чайка», естественно, с номером 00-01. Но по области он обычно ездил на «Волге» с номером 00-02. А охотиться или рыбачить — на «газике» 00-13.

Потом в Москве Ельцин прикажет построить для высшего руководства отдельный дом — на Осенней улице и сам определит, кто станет там жить, не понимая, что через несколько лет прежние добрые отношения расстроятся.

Сергей Филатов, который руководил президентской администрацией, рассказывал мне, что он присутствовал при дележе квартир в президентском доме:

— Противная сцена, очень противная... Я вообще считаю, что это было неправильно — построить президентский дом и какую-то группу людей туда поселить. Что теперь с этим домом? Гадючник какой-то образовался. Сплошной клубок — как пауки в банке. Там ни одного друга нет — одни недруги.

ФАНАТИК ПАРТРАБОТЫ

И в роли первого секретаря Ельцин не стал кабинетным работником. Он отличался тем, что не боялся встречаться с людьми: директорами школ, предприятий, молодыми партработниками. Не только сам говорил, но и отвечал на вопросы.

Борис Николаевич запросто мог по нескольку часов, без бумажки, без заранее заготовленных ответов беседовать со студентами. Его принимали в разных аудиториях. Однажды даже выступал в прямом эфире областной телестудии и отвечал на вопросы телезрителей.

Михаил Ненашев, партийный работник, который был редактором газеты «Советская Россия» и возглавлял Гостелерадио, в 1984 году побывал в Свердловске.

— Как мне поведали свердловские коллеги, отношение к своему первому секретарю обкома было у них уважительным и доброжелательным, — рассказывал он. — Они считали, что авторитет первого лица в области идет не только от должности, но и от того, что по своим качествам он действительно представляет собой

неформального лидера. Мне рассказывали, как сплочены и дружны работники обкома, и не только на работе, но и на волейбольных баталиях, на товарищеских семейных вечерах.

Ненашев заметил и другие черты будущего президента России, которые многое объясняют в его поведении:

— Б. Ельцин как представитель партийных работников-фанатиков, сторонников волевого стиля, считал, что мой тезис: «Не количество часов рабочего времени, не будни без выходных определяют успех дела, а эрудиция и высокий профессионализм» — неправомерен, ибо в условиях, когда так многое зависит от партийного вмешательства, нельзя работать исходя из рациональных подходов, экономя время.

«У нас в Свердловске у партийных работников нет временных регламентов, работаем, не жалея времени и себя, столько, сколько требует дело».

Категоричность в суждениях, не очень большая расположенность понять собеседника, робость и безмолвность присутствующих на встрече моих свердловских коллег-идеологов свидетельствовали, что Б. Ельцин — сторонник прямых, откровенных отношений, но из тех людей, кто рожден повелевать, принимать самостоятельные решения, и большим демократом он мне не показался.

СЕКРЕТНЫЙ ПАКЕТ ИЗ МОСКВЫ

В самом центре Свердловска находился дом купца Ипатьева, в котором провели последние дни своей жизни император Николай II и его семья. Здесь они и были расстреляны в июле 1918 года. Когда-то сюда водили на экскурсии пионеров и иностранных гостей — расстрелом врагов трудового народа гордились. Потом настроения в обществе менялись, возник неподдельный интерес к старой России, к императорской семье. Идеологическое и чекистское начальство забеспокоилось: дом Ипатьева превращается в объект поклонения.

26 июля 1975 года председатель КГБ Юрий Андропов написал записку в ЦК КПСС: «Антисоветскими кругами на Западе периодически инспирируются различного рода пропагандистские кампании вокруг царской семьи Романовых, и в этой связи нередко упоминается бывший особняк купца Ипатьева в городе Свердловске. Дом Ипатьева продолжает стоять в центре го-

рода... Представляется целесообразным поручить Свердловскому обкому партии решить вопрос о сносе особняка в порядке плановой реконструкции города. Проект постановления ЦК КПСС прилагается. Просим рассмотреть».

На ближайшем заседании политбюро приняло решение снести ипатьевский дом. Но это решение было исполнено только через два года.

Предшественник Ельцина Яков Рябов утверждает, что постановление политбюро давно было получено в обкоме, но он не спешил его выполнить, потому что краеведы хотели сохранить дом как памятник истории. А Ельцин, напротив, проявил инициативу и снес дом.

Борис Николаевич потом рассказывал, что на него Москва очень сильно давила, что он дважды отказывался исполнить приказ о сносе дома Ипатьева, а потом все-таки капитулировал. Так или иначе, но в те времена отношения с КГБ у Ельцина были очень хорошие.

Бывший генерал госбезопасности Валерий Воротников пришел в краевое управление КГБ с поста второго секретаря Свердловского обкома комсомола. Он рассказывал мне:

— Ельцин часто у нас бывал. Я ему докладывал об обстановке. К нашей информации он относился внимательно, принимал меры. Была проблема, которая состояла в том, что областные руководители считали, что местные подразделения контрразведки — это «их» информационная служба. Но в КГБ был очень строгий принцип — это централизованная структура. Информация, поступающая в центр из любой точки, должна быть полной и объективной. То есть мне не сообщить в Москву всю правду о том, что творится на моей территории, — это грех самый тяжкий. Бывали такие случаи, когда не хотелось какую-то информацию сообщать в центр, но я не мог не сообщить.

А система была такая. Я подписываю шифровку, и, если речь идет о важной информации, ее — даже без подписи председателя КГБ — автоматически отправляют высшим руководителям страны. То есть хозяин области отдает себе отчет в том, что произойдет после того, как такая информация уйдет в Москву. Ему сразу позвонят из ЦК или из Совета министров и спросят с него за то, что случилось.

Поэтому мы действовали так: нравится кому-то информация или не нравится, но в нужный момент руководители страны ее получат. Когда происходило чрезвычайное происше-

ствие, тут начинались проблемы. С точки зрения местной власти, это пустяк. А с точки зрения центра, это очень важно. Например, прорвало трубы, снабжающие теплом рабочий поселок. Это произошло ночью. Утром уже стали восстанавливать. Я все выяснил: масштабы ЧП, ход работ. И собрался доложить первому секретарю. Тут мне звонят и слезно просят не говорить Ельцину: «Мы уже все сделали, авария ликвидирована. Зачем Бориса Николаевича беспокоить?»

И без этого было что докладывать, поэтому в понедельник во время беседы с Ельциным я об этом деле умолчал.

Вернулся к себе. Через полчаса звонит телефон, и я получил очень серьезный втык от Ельцина: почему не рассказал о ЧП? Мне было стыдно, это был урок, и я понял, что не докладывать всю информацию — чревато...

С КГБ Ельцину пришлось тесно сотрудничать в апреле 1979 года, когда в городе произошла тщательно скрываемая вспышка таинственной эпидемии. Многие люди умерли, потому что медицина оказалась бессильна против неизвестной болезни. Официальное объяснение — люди скончались после употребления в пищу мяса зараженных животных.

Но этой версии никто не поверил. Летом 1992 года Ельцин во время поездки в Соединенные Штаты признал, что в Советском Союзе врали, когда говорили, что не производят биологическое оружие. Он сообщил, что эпидемия в Свердловске возникла из-за того, что биологическое оружие вырвалось на свободу.

По мнению специалистов, в Свердловске находится один из заводов, который занимался созданием биологического оружия. В результате аварии в воздух попал аэрозоль, содержащий патогенные микроорганизмы. Ветер разнес их над городом. Видимо, это был новый вид оружия, вакцину против которого еще не разработали. Спасти заболевших было невозможно. До сих пор неизвестно, какой именно вирус мог вырваться на свободу в Свердловске. Считается, что это один из штаммов сибирской язвы. Другие специалисты полагают, что, судя по симптомам, это была или Q-лихорадка, или лихорадка Марбурга.

После своей поездки в США Ельцин уже не был так откровенен. Видимо, ему объяснили, что не стоит раскрывать все карты, когда речь идет об оружии. Поэтому трагедия в Свердловске все еще остается таинственной историей. Сам Ельцин конечно же точно знает, что тогда произошло: первому секретарю сообщали все.

ЗНАКОМСТВО С «КУРОРТНЫМ СЕКРЕТАРЕМ»

Как оценивать итоги работы Ельцина в Свердловске? Видимо, положительно.

В 1978 году Ельцина избрали депутатом Верховного Совета СССР. В 1981 году на XXVI съезде КПСС — членом ЦК.

Первый секретарь обкома мог рассчитывать на особое внимание руководства партии. Приезжая в Москву, он стучался в самые высокие кабинеты, его всегда принимали.

Первые секретари обкомов — одна из главных опор режима. От них зависел даже генеральный секретарь, потому он старался с ними ладить.

Первые секретари встречались между собой в Москве на сессиях Верховного Совета и пленумах ЦК, общались в номерах гостиницы «Москва», собирались по группам, обсуждали ситуацию, старались дружить и помогать друг другу.

Так первый секретарь Свердловского обкома Борис Ельцин познакомился с первым секретарем Ставропольского обкома Михаилом Горбачевым.

Аграрный Ставрополь был менее значимым регионом, чем промышленный Свердловск, но не Ельцина, а Горбачева первым приметили в Москве и перевели в ЦК. Одни считают, что Горбачеву пошла на пользу работа «курортным секретарем».

К нему в край на отдых каждое лето приезжали руководители партии и правительства. Михаил Сергеевич знал, как их встретить, был внимателен к старшим товарищам, прислушивался к советам, помнил вкусы и слабости. Всегда относился к этому очень серьезно, не жалел на гостей ни времени, ни сил, и уже тогда рядом с ним была Раиса Максимовна. Поэтому Горбачеву благоволили и всесильный Михаил Суслов, и председатель КГБ Юрий Андропов.

Предшественник и покровитель Горбачева — секретарь ЦК по сельскому хозяйству Федор Кулаков стал членом политбюро. А предшественник и покровитель Ельцина Яков Рябов сам не очень прижился на партийном Олимпе.

А может быть, все дело в том, что обходительный, улыбчивый и хорошо говорящий Горбачев вызывал больше симпатий, чем жесткий и немногословный Ельцин. Он мог понравиться тем, кому импонировала его обходительность и напористый стиль. Такой человек и возглавил страну после смерти Брежнева.

Глава четвертая
ПЕРЕЕЗД В МОСКВУ

Михаил Сергеевич Горбачев позже старательно уверял, что перевод Ельцина в Москву в 1985 году совершился не по его инициативе: «Лично я знал его мало, а то, что знал, настораживало». Эти слова кажутся странными.

Если бы генерального секретаря Горбачева, затеявшего перестройку, что-то настораживало, Ельцина бы в ЦК не взяли. Этот вопрос Михаил Сергеевич решил бы для себя сразу.

«А ТЫ, БОРИС, ВСЕ-ТАКИ ПОДУМАЙ...»

11 марта Горбачева избрали генеральным секретарем. День был пасмурный и тоскливый. Но на Старой площади царило приподнятое настроение. И судьба Ельцина решалась в эти дни. Он был одним из тех, кого Горбачев сразу призвал под свои знамена в Москву. Буквально через десять дней после избрания Горбачев приискал Ельцину место в аппарате ЦК.

21 марта на заседании политбюро, после того как закончилось обсуждение запланированных вопросов, Горбачев вдруг заговорил о том, что вскоре соберется сессия Верховного Совета РСФСР и надо освободить от должности заместителя председателя Совета министров России А. Калашникова. А на его место поставить заведующего отделом строительства ЦК КПСС Ивана Дмитриева.

Предложение генерального секретаря в своей напористой манере поддержал Лигачев. Это означало, что Горбачев и Лигачев заранее обговорили этот вопрос.

Виталий Воротников, глава правительства России, согласился. Лишь позже он понял, что таким образом в аппарате ЦК освободили место для Ельцина.

Горбачев пишет, что сразу заметил недостатки Ельцина: «Я отметил для себя, что свердловский секретарь неадекватно реагирует на замечания в свой адрес».

Добрые люди сообщили Горбачеву, что Борис Николаевич к тому же злоупотребляет горячительными напитками. Тоже звучит сомнительно. Горбачев был человеком малопьющим, Лигачев пьяниц на дух не выносил. Если бы им сказали, что Ельцин

изрядно закладывает за воротник, он бы не только в Моску не попал, но и в Свердловске не усидел.

Горбачев поинтересовался мнением тогдашнего секретаря ЦК по экономике Николая Рыжкова, которому в те годы очень доверял. Рыжков, бывший директор Уралмаша, хорошо знал Ельцина по Свердловску и отозвался о нем неодобрительно:

— Намыкаетесь вы с ним горя. Я его знаю и не стал бы рекомендовать.

Тогда Горбачев поручил Егору Лигачеву, ведавшему кадрами, еще раз взвесить все «за» и «против». Лигачев поехал в Свердловск и через несколько дней позвонил Горбачеву:

— Я здесь пообщался, поговорил с людьми. Сложилось мнение, что Ельцин — тот человек, который нам нужен. Все есть — знания, характер. Масштабный работник, сумеет повести дело.

— Уверен, Егор Кузьмич? — строго переспросил Горбачев.

— Да, без колебаний.

Значит, Ельцина вытащил из Свердловска Егор Лигачев?

Ближайший помощник Горбачева Валерий Болдин излагает свою версию появления Ельцина в Москве.

В Свердловске были трудности с продовольствием, об этом свидетельствовала многочисленная почта, поступавшая в ЦК. Бригада из сельскохозяйственного отдела побывала в области и составила подробную записку с критикой обкома, то есть самого Ельцина, который все замечания отверг. Тогда руководители сельскохозяйственного отдела ЦК доложили, что первый секретарь Свердловского обкома реагирует неадекватно и тем самым нарушает партийную дисциплину.

«Было поручение провести с Б.Н. Ельциным серьезный разговор в ЦК, — пишет Болдин. — Видимо, беседу эту проводил Е.К. Лигачев. В то время он возглавлял организационно-партийный отдел. Разговор такой состоялся. Б.Н. Ельцин понравился Е.К. Лигачеву, о чем он говорил и Горбачеву».

Ельцин вспоминает, как он приехал в Москву и пришел к секретарю ЦК по сельскому хозяйству Михаилу Сергеевичу Горбачеву.

«Он спрашивает:

— Познакомился с запиской? — с каким-то внутренним чувством неодобрения моих действий.

Я говорю:

— Да, познакомился.

И Горбачев сказал сухо, твердо:

— Надо сделать выводы!

Я говорю:

— Из постановления надо делать выводы, и они делаются, а из необъективных фактов, изложенных в записке, мне выводы делать нечего.

— Нет, все-таки ты посмотри...»

Значит, Ельцин и Горбачев знали друг друга? А из воспоминаний Горбачева можно сделать вывод, что генеральный секретарь вообще узнал о Ельцине только со слов Егора Лигачева... В реальности все первые секретари были знакомы, перезванивались, помогали друг другу. При социализме неформальные отношения были еще полезнее, чем при капитализме.

На самом деле Ельцина приметил еще Юрий Андропов в бытность его генеральным секретарем. Может быть, с подачи свердловских чекистов, может, какие-то другие причины заставили его обратить внимание на свердловчанина. Андропов и принял решение его выдвинуть.

Сам Борис Николаевич, выступая позднее в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, на вопрос о его отношении к Андропову заявил: «Отношение самое, самое хорошее. Я был у него два раза за короткий срок, когда он был генеральным секретарем. Должен отметить, что и разговор его очень умный, и реакция на просьбы, и оперативное решение вопросов, которые я ставил. А как он вел пленумы... Конечно, нам не хватало такого генерального секретаря».

Андропов подбирал себе очень разнообразную команду. Единомышленниками этих людей не назовешь. Он приблизил к себе не только Горбачева и Рыжкова, но и перевел в Москву ленинградского секретаря Григория Романова и Гейдара Алиева из Баку. Вероятно, какую-то роль в своих планах он отводил и Борису Ельцину. У Андропова не было цельной программы действий, но брежневских людей, хотя среди них у него были личные друзья, он собирался заменить своими.

Лигачев рассказывал мне:

— Юрий Владимирович брал не тех, с кем прежде работал, как это происходило и при Хрущеве, и при Брежневе, а подбирал людей из разных мест страны. Горбачев — с юга России, Воротников — из Центральной России, Рыжков — с Урала, я — из Сибири...

Егор Лигачев не раз вспоминал, как в конце декабря 1983 года ему из больницы позвонил Андропов и попросил при случае по-

бывать в Свердловске и «посмотреть» на Ельцина. Это не был вопрос: разузнайте, хорош или плох свердловский секретарь? Ответ у Андропова уже был, но он хотел, чтобы выдвижение Ельцина шло обычным порядком.

Лигачев правильно понял Андропова и поручение выполнил немедленно. В январе он приехал в Свердловск: формально — принять участие в областной партконференции, а в реальности — увидеть, каков Ельцин в деле.

Лигачев не мог не доложить Андропову, что генеральный секретарь, как всегда, прав в подборе кадров. Тем более, что энергичный и решительный первый секретарь наверняка понравился и самому Лигачеву.

Какие же качества ценил Егор Кузьмич?

— Дело! — убежденно говорил мне Лигачев. — Уважение к рядовым людям, сопереживание, сострадание, заботы о них. Главное — дела, а не слова. Если человек не способен к делу, он для меня не представляет большого интереса с точки зрения выдвижения...

Но Ельцина так и не выдвинули, потому что Андропов умер, обновление кадров приостановилось и возобновилось уже при Горбачеве.

В марте 1985-го после смерти Константина Черненко и накануне избрания нового генерального первые секретари обкомов заходили к секретарю по кадрам Егору Лигачеву.

Один из его сотрудников, Валерий Легостаев, вспоминает: «Помню, ко мне в кабинет заглянул один из помощников Е.К. Лигачева и радостно проговорил: «У «нашего» только что был первый секретарь Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцин и официально заявил, что, если у политбюро будут другие предложения, то он уполномочен партийным активом области выступить на пленуме и выдвинуть кандидатуру М.С. Горбачева».

Свердловская организация относилась к числу крупных и авторитетных в партии, и голос ее первого секретаря обладал значительным весом».

«ЕГОР, НАДО ЗАДЕРЖАТЬСЯ...»

Первый секретарь Свердловского обкома был заметной фигурой, считался сильным и перспективным партийным работником, поэтому Горбачев и поспешил включить его в свою

команду. Большую роль в судьбе Ельцина действительно сыграл Лигачев, главный кадровик перестройки, человек неординарный.

Люди, знавшие Егора Кузьмича еще Юрой Лигачевым, молодым секретарем райкома комсомола в Новосибирске, с удовольствием вспоминали, что «были буквально влюблены в энергичного молодежного вожака».

Егор Лигачев семнадцать лет проработал первым секретарем в Томске. В Москву его вытащил Андропов.

Лигачев часто и с удовольствием вспоминал, как началось его возвышение. Он приехал в Москву на совещание по вопросам сельского хозяйства, которое проводил Андропов, выступал, на следующий день должен был лететь назад в Томск. Вечером в квартире сына Лигачева, который жил в Москве, раздался телефонный звонок. Звонил Горбачев:

— Егор, это Михаил... Надо, чтобы завтра утром ты был у меня.

Горбачев ко всем обращался на «ты» и по имени. К себе же требовал обращения только на «вы» и по имени-отчеству.

— Михаил Сергеевич, но у меня билет в кармане, вылетаю рано утром.

— Надо задержаться, Егор. Придется сдать билет.

В десять утра Лигачев был у Горбачева во втором подъезде здания ЦК на Старой площади. Тот сразу сказал:

— Егор, складывается мнение, чтобы перевести тебя на работу в ЦК и утвердить заведующим организационно-партийным отделом. Вот что я пока могу тебе сказать. Не больше. Все зависит от того, как будут развиваться события. Тебя пригласил Юрий Владимирович для беседы. Он меня просил предварительно с тобой переговорить, что я и делаю.

Горбачев снял трубку «кукушки» — прямого телефона, связывающего генерального секретаря с членами политбюро:

— Юрий Владимирович, у меня Лигачев. Когда вы могли бы его принять?.. Хорошо, я ему передам.

Андропов уже ждал Лигачева.

Егор Кузьмич поднялся на пятый этаж. Андропов сидел в кабинете номер шесть, который еще недавно занимал Брежнев. Ждать в приемной пришлось недолго.

Андропов спросил:

— Горбачев с вами говорил?

— Говорил.

— Я буду вносить на политбюро предложение, чтобы вас утвердить заведующим орготделом. Как вы на это смотрите? Мы вас достаточно хорошо изучили...

— Я согласен. Спасибо за доверие.

— Тогда сегодня в одиннадцать часов будем утверждать вас на политбюро.

— Уже сегодня?

— А чего тут ждать? Надо делать дело...

Лигачев вышел из ЦК и по улице Куйбышева пошел к Кремлю, где по традиции собиралось политбюро.

Утвердили Лигачева мгновенно, и в половине двенадцатого он вышел из зала заседаний политбюро в новом качестве.

Андропов поручил Лигачеву провести серьезное обновление высших партийных кадров. Оно замедлилось при Черненко и развернулось при Горбачеве.

С Ельциным Егора Кузьмича роднила бешеная энергия и отсутствие иных интересов, кроме работы. Но, говоря словами Николая Рыжкова, «как одноименные заряды, они обязаны были рано или поздно оттолкнуться друг от друга...».

«ПОЛОЖЕНИЕ МОЕ ВРЕМЕННОЕ...»

3 апреля 1985 года Ельцину прямо в машину позвонил секретарь ЦК Владимир Иванович Долгих.

Долгих сказал, что политбюро поручило ему сделать Ельцину предложение — перебраться в Москву и поработать в ЦК заведующим отделом строительства. Ельцин отказался.

Почему он это сделал?

Во-первых, таков был партийный ритуал: надо было продемонстрировать готовность трудиться на своем месте, не рваться в столицу. Во-вторых, Ельцин сознавал свое положение хозяина крупнейшей области и искренне считал, что роль заведующего отделом для него маловата. Первый секретарь такого крупного обкома мог рассчитывать сразу на пост секретаря ЦК. Так произошло с его предшественником Рябовым.

На следующий день Борису Николаевичу позвонил Лигачев, он уже разговаривал в командном тоне: есть решение политбюро, коммунист обязан подчиниться.

12 апреля Ельцин уже приступил к работе на Старой площади. Вероятно, в разговоре с Лигачевым мелькнуло обещание не

держать его долго в кресле заведующего отделом: это положение временное. Так то обещания, а пока что Ельцин, который уже привык быть полным хозяином, оказался в кресле подчиненного, высокопоставленного, но чиновника. Это сильно угнетало самолюбивого и самостоятельного Ельцина.

К тому же он помнил, как Яков Рябов семь лет держал его на посту заведующего отделом обкома. Ему все это обрыдло. Хотя Владимир Долгих, которому он подчинялся, вел себя очень прилично. Бывший секретарь Красноярского крайкома, Долгих, металлург по профессии, в сравнительно молодом возрасте стал секретарем ЦК, к нему производственники относились с уважением. Горбачев почему-то Долгих невзлюбил и вскоре от него избавился.

Руководитель отдела ЦК был хозяином в своей отрасли. Он вызывал к себе на Старую площадь не только министров, но и заместителей председателя Совета министров СССР.

Однако внутри аппарата ЦК Ельцин был всего лишь одним из двух десятков руководителей отделов. Он постоянно получал указания от курирующего секретаря ЦК и отчитывался перед ним. А он уже привык к самостоятельности, к тому, что сам решал, чем заняться сегодня, а чем завтра. И Борис Николаевич видел, что, несмотря на высокую должность, он всего лишь исполнитель.

Ключевые решения принимались на секретариате ЦК, где он мог присутствовать с правом совещательного голоса — сидеть у стеночки и слушать. На заседания политбюро его приглашали только в том случае, если рассматривался вопрос, связанный со строительными делами. Как только его вопрос заканчивался, Ельцин должен был выйти. Члены политбюро, занятые государственными делами, смотрели на него невидящими глазами.

Руководители партии сидели во втором подъезде серого здания ЦК на Старой площади. Первый, парадный подъезд предназначался для иностранных гостей. В обычной жизни им не пользовались.

Горбачев и Лигачев вдвоем занимали пятый этаж. Туда пускали даже не всех сотрудников аппарата ЦК, а только тех, у кого был особый штамп в цековском удостоверении. Ельцин приходил сюда на заседания секретариата. Горбачев его к себе не приглашал. А Борис Николаевич ждал от Горбачева какого-то знака внимания, но тот, казалось, мало интересовался делами заведующего отделом строительства.

Но мнительный Ельцин напрасно обижался на Горбачева, который вполне положительно оценивал активную работу нового завотделом. Он писал: «Ельцин мне импонировал, и на июльском Пленуме я предложил избрать его секретарем ЦК. Не скрою, делал это, уже «примеривая» его на Москву».

Впрочем, в те времена Ельцин вел себя как положено партийному чиновнику. Бунтарем он станет не сразу.

Личный повар Горбачева Анатолий Галкин рассказывал через несколько лет в газетном интервью: «С Ельциным у нас были прекрасные отношения, когда Горбачев пригласил его из Свердловска. Мы с ним за руку здоровались, могли поговорить по-простому. Ельцин часто у меня спрашивал: «Как там Наш, как у Него настроение?»

ПРИОБЩЕНИЕ К ПОРТРЕТАМ

На заседании политбюро 29 июня 1985 года Ельцина рекомендовали избрать секретарем ЦК по строительству. Через день, 1 июля, на пленуме ЦК, который продолжался всего полчаса, произошли важные кадровые изменения.

Пленум проходил в Свердловском зале Кремля. Места в зале не были закрепленными, но все знали, кому где полагается сидеть. Чужие места не занимали.

По традиции кадровые вопросы обсуждались первыми. Все кандидатуры предлагал генеральный секретарь, ничего лишнего не говорили. Вопросы не задавали.

Горбачев — он даже не пошел на трибуну — с места заговорил о новых задачах Верховного Совета и плавно перешел к предложению назначить на пост председателя президиума Андрея Андреевича Громыко. А ему на смену — в министерство иностранных дел — генеральный выдвинул Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе, первого секретаря ЦК Грузии, что было фантастической неожиданностью.

Но никто не позволил себе даже движением бровей выразить недовольство или недоумение. Шеварднадзе сразу из кандидатов перевели в члены политбюро.

Без объяснений из политбюро вывели Григория Васильевича Романова, секретаря по оборонной промышленности, который считался соперником Горбачева, и избрали двух новых секрета-

рей: Льва Николаевича Зайкова — по оборонной промышленности и Ельцина — по строительству.

Заведующим отделом пропаганды ЦК утвердили идеолога перестройки Александра Николаевича Яковлева, общим отделом — однокурсника Горбачева по юридическому факультету Московского университета Анатолия Ивановича Лукьянова. Иначе говоря, на этом пленуме решилась судьба многих ключевых фигур перестройки, но в тот момент это осталось незамеченным, потому что многих еще плохо знали. И все говорили только о назначении Эдуарда Шеварднадзе министром иностранных дел.

5 июля на заседании политбюро Горбачев распределил обязанности в секретариате ЦК. Лигачев — второй секретарь и секретарь по организационным вопросам. Он же ведет заседания секретариата ЦК и курирует орготдел. Рыжков получил под свое управление экономический отдел, Зайков — отделы оборонной промышленности и машиностроения, Долгих — отдел тяжелой промышленности и энергетики, Капитонов — отделы торговли и легкой промышленности, Никонов — сельскохозяйственный, Пономарев — международный, Русаков — отдел соцстран, Зимянин — отделы пропаганды и культуры.

Борис Николаевич остался заведующим отделом строительства и получил указание сосредочить внимание на капитальном строительстве.

Избрание секретарем ЦК резко изменило статус и положение Ельцина. Он вошел в состав высшего руководства страны.

Когда пленум окончился, Ельцина бросились поздравлять недавние коллеги первые секретари, жали ему руку и многозначительно желали успеха. Его сразу же из зала пригласили пройти в комнату президиума, где собиралась партийная верхушка. Здесь пили чай с бутербродами и пирожными, обменивались мнениями. Начался новый раунд поздравлений — на сей раз Ельцину пожимали руку те люди, чьи портреты трудящиеся по праздникам носили на Красной площади. Отныне он стал одним из них.

После пленума Ельцин вернулся в свой старый кабинет, в приемной его ждал офицер девятого (охрана высших должностных лиц) управления КГБ — прикрепленный к нему охранник, который станет неотлучно сопровождать его повсюду.

Борис Николаевич сразу попал в жестко очерченную жизнь высшего партийного руководителя, доселе ему неизвестную.

Как первый секретарь обкома или как заведующий отделом ЦК он и так был обладателем всех благ, но секретарю ЦК полагалась охрана, машина «ЗИЛ», собственный врач...

Оклад у секретаря ЦК — восемьсот рублей, такова была зарплата всех секретарей, включая генерального, но деньги никого из них не интересовали, потому что покупать, собственно, было нечего, все выдавали или бесплатно, или платить приходилось сущие пустяки.

Скажем, секретарь ЦК Ельцин получил возможность заказывать продукты на спецбазе на сумму двести рублей (членам политбюро выдавали харчей на четыреста рублей, кандидатам в члены политбюро — на триста), но эти цифры ничего не говорят, потому что цены на спецбазе были мифически ничтожные.

На рабочем месте секретарь ЦК завтракал, обедал и ужинал бесплатно, и с собой ему завертывали все, что душа пожелает. Существовала система закрытых магазинов для семей высшего партийного руководства, где продавали одежду исключительно зарубежного производства.

Ельцину тут же подобрали государственную дачу. В отпуск или в командировку секретарь ЦК летал теперь не рейсовым, а спецсамолетом. Ни за дачу, ни за отдых в государственной резиденции платить ничего не надо было.

Люди из девятого управления КГБ взяли на себя заботу не только о его безопасности, но и о всех бытовых проблемах — его собственных и всей семьи.

Как заведующий отделом Борис Николаевич делил дачу с Анатолием Лукьяновым, а тут получил бывшую дачу Горбачева.

Отныне Ельцин мог существовать только в рамках особого протокола, не допускающего отступлений, хотя этот протокол далеко не всем нравился.

Личного общения между высшими руководителями партии практически не было. Они недолюбливали друг друга и, безусловно, никому не доверяли. Сталин не любил, когда члены политбюро собирались за его спиной, и страх перед гневом генерального сохранился. Друг к другу в гости не ходили, общались только по делу.

Даже члены политбюро не были уверены, что их не подслушивают. Скорее наоборот. Известно было, что телефонные разговоры контролируются.

Ельцин с трудом привыкал к московским нравам и обычаям. Привинциал, он втайне боялся показаться смешным и нелепым

и потому настороженно относился к москвичам. Не один Ельцин чувствовал себя в Москве неуютно. Горбачев, который перебрался в столицу несколько раньше, поначалу испытывал нечто сходное: «С первого дня возникло чувство одиночества — будто выбросило нас на необитаемый остров, и никак не сообразишь, где мы, что с нами и что вокруг...»

Ельцин получил квартиру на четвертом этаже нового дома на 2-й Тверской-Ямской, у Белорусского вокзала. Этот дом, построенный для начальства, стоит в глубине квартала, укрыт от нескончаемого потока машин на улице Горького (теперь Тверская), но после Свердловска район показался Борису Николаевичу грязным и шумным.

В квартире — два туалета, большая кухня, лоджии, обширный холл, две спальни, кабинет Бориса Николаевича, комната дочери Татьяны и ее мужа Алексея и комната внука Бориса. В квартире развесили много картин, большей частью уральские пейзажи.

В этом же доме получит квартиру сотрудник идеологического отдела ЦК КПСС Геннадий Андреевич Зюганов. Несколько лет они будут соседями, пока Ельцин не переберется на дачу.

СЕКРЕТАРИАТ И ПОЛИТБЮРО

Зато теперь Ельцин обрел решающий голос на заседаниях второго по значению органа власти — секретариата ЦК КПСС.

Заседал он каждую неделю по вторникам в четыре часа дня. В зал на пятом этаже приглашались, помимо секретарей, руководители отделов аппарата, некоторых идеологических учреждений, начальник Главного политического управления армии и флота, главные редакторы центральных партийных изданий.

Теоретически секретариат занимался работой партийных комитетов, проверкой исполнения решений съездов и пленумов, решений политбюро, утверждением на должности номенклатуры секретариата — редакторов центральных изданий, секретарей партийных комитетов.

Номенклатура — это перечень должностей, назначение на которые и смещение с которых проходило под контролем партийного комитета. Своя номенклатура была начиная с райкома партии. Нельзя было переизбрать даже секретаря первичной парторганизации, не согласовав кандидатуру с райкомом.

Номенклатура ЦК КПСС делилась на несколько категорий. Низший уровень — учетно-контрольная, это когда вопрос о назначении решался в отделе ЦК, где с кандидатом на должность беседовал инструктор, заведующий сектором или заместитель заведующего отделом.

Номенклатура секретариата ЦК — более высокий уровень. Одних кандидатов на высокие должности приглашали непосредственно на секретариат по вторникам. В день утверждалось назначение нескольких десятков человек.

Другие назначались путем заочного голосования секретарями ЦК. Они получали краткие личные дела кандидатов, подготовленные отраслевым отделом, и должны были в случае согласия поставить свою подпись. Часто секретари ЦК этих людей не знали и просто расписывались, полагаясь на мнение отдела.

И еще была номенклатура политбюро: первые секретари обкомов, крайкомов, национальных республик, министры и заместители председателя Совета министров, высший командный состав армии, послы и некоторые главные редакторы газет и журналов.

Но предварительно эти кандидатуры обсуждались и на секретариате ЦК, что поднимало роль Лигачева в аппарате.

Как пишет бывший помощник Горбачева Валерий Болдин, после того как обсуждение вынесенных в повестку дня вопросов завершалось, в зале оставались только секретари ЦК и иногда кто-то из руководителей отделов. Рассматривались самые деликатные вопросы — злоупотребления и проступки высших чиновников. За некоторые из них в аппарате карали очень жестоко. Если работника ЦК заставали пьяным, могли безжалостно выгнать из аппарата.

Но главные решения в стране принимались на политбюро, которое заседало каждый четверг в 11.00 в Кремле в здании правительства на третьем этаже.

На этом же этаже располагался кремлевский кабинет генерального секретаря (второй, рабочий, находился в здании ЦК на Старой площади). Из приемной генеральный проходил в так называемую Ореховую комнату, где перед заседанием за круглым столом собирались все члены политбюро. Собственно, здесь часто — еще до начала заседания — проговаривались важнейшие вопросы, поэтому иногда начало заседания задерживалось на пятнадцать—двадцать минут.

Секретарям ЦК и кандидатам в члены политбюро в Ореховую комнату вход был заказан. И они покорно ждали, пока появятся настоящие хозяева жизни.

В зале члены политбюро рассаживались в соответствии с занимаемой должностью и весом в партии. У каждого было свое место, чужое кресло не занимали.

Ельцин, принадлежавший пока, по его собственному выражению, к третьей категории, присматривался к членам политбюро, оценивал их с одной позиции: как они относятся к нему. Прикидывал, как следует себя вести, когда нужно говорить, а когда промолчать.

На политбюро вызывали министров, маршалов, академиков, директоров, словом, любых чиновников. Они докладывали, потом шло обсуждение, и принималось решение. По традиции почему-то не приглашались только ждавшие назначения послы. Они сидели в приемной, пока принималось решение отправить их в ту или иную страну.

В тесном зале было душновато, а если обсуждение затягивалось, и вообще становилось тяжело дышать. Михаил Сергеевич любил поговорить, высказаться по тому или иному поводу, и коротким разговор никогда не получался.

В этом смысле Ельцин был полной противоположностью Горбачеву, поэтому новый секретарь ЦК в основном помалкивал. Михаила Сергеевича это удивляло. Он возлагал большие надежды на Ельцина. Борис Николаевич должен был показать, на что способна перестройка. Причем не где-нибудь, а в столице.

СТОЛИЧНЫЕ ХОЗЯЕВА ВЫДОХЛИСЬ

Первым делом Горбачев сменил главу правительства. Вместо брежневского соратника престарелого Николая Тихонова назначил своего — Николая Рыжкова. Затем Горбачев стал искать первого секретаря для Москвы. Смену столичного хозяина он считал первоочередной задачей.

Тут, несомненно, были и личные мотивы — первый секретарь МГК КПСС Виктор Васильевич Гришин когда-то не очень приветливо встретил человека из Ставрополья. Горбачев это запомнил. А когда умирал Черненко, ходили упорные слухи, что Гришин вознамерился сменить его на посту генерального сек-

ретаря. Это, разумеется, исключало возможность совместной работы Горбачева и Гришина.

Гришин чувствовал, что новый генсек ему, мягко говоря, не симпатизирует, но подавать в отставку не собирался.

«Будучи в ЦК партии у М.С. Горбачева, я рассказал о предстоящем пленуме МГК. Он сказал:

— Вы пригласили бы на пленум МГК Лигачева.

Я ответил, что предстоящий пленум обычный, очередной. В его работе, как всегда, будут участвовать инструктор и заведующий сектором или заместитель заведующего отделом оргпартработы ЦК и что не следует отвлекать секретаря ЦК от его дел.

— На пленумах МГК КПСС секретари ЦК партии бывали только в случаях, когда заменялся первый секретарь горкома, — сказал я в шутку (но так оно и было в действительности).

Видимо, это было воспринято М.С. Горбачевым как мое нежелание контроля за деятельностью горкома партии со стороны руководства ЦК КПСС. Во всяком случае, этот факт оставил какой-то след в его памяти...»

Но более значимыми для Горбачева были деловые соображения. Вся брежневская когорта должна была освободить места для нового поколения.

Виктор Васильевич Гришин занимал свою должность восемнадцать с половиной лет. Он пришел на смену Николаю Григорьевичу Егорычеву, энергичному человеку, который оставил о себе хорошую память в Москве. Но Егорычев был слишком самостоятелен, критиковал то, что считал неверным, отстаивал свою точку зрения, словом, был неудобен, поэтому Брежнев быстро от него отделался — отправил послом в Данию.

Гришин поставил своей задачей ничем не огорчать генерального секретаря. И этим он очень нравился Брежневу.

Гришин вспоминал, как они с Брежневым отправились в Польшу на съезд польских коммунистов:

«В Варшаву и обратно мы ехали поездом. Леонид Ильич приглашал меня в свой вагон на завтраки и обеды. Рассказывал о своем детстве и юности, о матери и отце. Он любил простую пищу: утром — жареный картофель с салом, пирожки с горохом, приготовленные в подсолнечном масле, в обед — украинский борщ, то есть то, чем в детстве потчевала его мать.

Однажды он сказал мне: «Виктор, готовь себе замену в горкоме партии, ты перейдешь на работу в ЦК КПСС».

Я сказал, что в горкоме работаю еще очень недолго, на подготовку замены потребуется немало времени, в общем, мне надо еще поработать секретарем МГК КПСС».

СИБИРЯКИ НАУЧАТ МОСКВИЧЕЙ

Гришин был малосимпатичен большинству окружающих и нравился только узкому кругу приближенных. И внешность, и манера вести себя выдавали в нем скучного, неинтересного человека. Правда, один из его бывших помощников, покойный ныне Евгений Аверин, рассказывал мне, что Гришин свои обязанности исполнял неукоснительно. Например, никогда не уходил в отпуск, не убедившись в том, что на овощебазах заложен достаточный запас на зиму.

После смерти Брежнева для Гришина наступили трудные времена. Коллеги по партийному руководству его недолюбливали. Орудием борьбы с Гришиным был избран железный Лигачев. Московский секретарь сразу почувствовал хватку нового руководителя отдела организационно-партийной работы.

В начале 1984 года к Гришину пришел первый секретарь Киевского райкома партии и встревоженно рассказал, что у него в райкоме побывал Лигачев. Он устроил разнос, заявив, что москвичи «зазнались, работают плохо, даже снег с улиц города убирать не умеют; они заелись и им надо поучиться работе у сибиряков».

Это был сигнал. По собственной инициативе Лигачев на такие резкие слова ни за что бы не решился.

Летом 1984 года по указанию Лигачева провели проверку садоводческого кооператива работников Московского обкома КПСС. Там построили дачи и несколько человек из аппарата горкома. Проверяльщики установили недопустимые в те времена нарушения общего порядка: у кого-то площадь участка превышала установленные нормы, а кто-то позволил себе устроить под домом подвал. Лигачев приказал ликвидировать допущенные «нарушения». Многим пришлось просто отказаться от своих дач и сдать участки...

Московский партийный аппарат, в прежние времена выведенный из зоны критики, не был готов к начальственному недовольству, а тут еще и газеты стали писать о бедственном положении социально-бытовой сферы в столице.

Гришин возмущался: «Газеты и журналы нагнетали атмосферу недовольства людей положением в Москве, подвергали необоснованной критике все, что было сделано и делалось для развития экономики столицы...»

На самом деле журналистам впервые за все эти годы разрешили откровенно писать о столичных недостатках. В прежние времена, когда в горкоме узнавали, что какая-то газета готовит критический материал о столице — пусть даже по самому мелкому поводу, главному редактору звонил член политбюро Гришин, и статья в свет не выходила...

Егор Лигачев приехал на пленум Московского областного комитета, разнес работу подмосковного начальства, после чего первого секретаря обкома и председателя облисполкома отправили на пенсию. Следующего удара ожидало городское начальство.

Осенью 1985 года тяжелый удар по репутации Гришина нанесло новое поручение Лигачева. Тогда Комитет народного контроля СССР провел сплошную проверку качества домов, построенных московскими строителями.

По мнению Гришина, «проводилась она тенденциозно, с требованием к проверяющим непременно найти недостатки».

Недостатков оказалось много и серьезных: «Комитетом народного контроля СССР было исключено из отчетности более двухсот тысяч квадратных метров жилых домов... По указанию Секретариата ЦК этот вопрос пришлось обсуждать на бюро МГК партии, наказывать некоторых руководителей...»

Гришин не знал, что предпринять. Фактически Москву обвинили в приписках, а его самого в том, что он заставил принять в эксплуатацию жилье, которое в реальности оказалось недостроено.

Тогдашний глава правительства России Виталий Воротников вспоминает, как в сентябре 1985 года ему позвонил Гришин:

«Без обычного менторского тона, просительно стал говорить, что Комитет народного контроля Союза проверяет правильность приемки жилья в Москве в 1984 году, мол, есть приписки. Но почему нам, московскому горкому, не доверяют самим принять меры? Комитет народного контроля требует цифры от Центрального статистического управления СССР. Нельзя ли поручить ЦСУ РСФСР «уточнить» цифры?»

Воротников тогда возмутился:

— Как это можно сделать? «Уточнить» — значит исправить. Это же подлог!

Гришин стал как-то неопределенно просить «разобраться».

Воротников позвонил начальнику ЦСУ России. Он объяснил:

— Только сейчас Статистическое управление Москвы прислало записку и просит снять с выполнения плана 1981—1984 годов большие объемы ввода жилья и социально-бытовых объектов.

Значит, приписки были. Зачем же звонил Гришин? Обычная манера — в Москве должно быть все хорошо. Видимо, под его нажимом оформили приписки, а когда все вскрылось, захотел исправить, но чужими руками.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ МИЛЛИОНЕР В МОСКВЕ

Еще больше Гришин был скомпрометирован несколькими громкими уголовными процессами. Тогда впервые заговорили о коррупции в столице.

Валерий Болдин вспоминает, как в его присутствии Горбачев разговаривал с Гришиным. Московский секретарь, вернувшись из отпуска, узнал, что в ЦК КПСС занимаются проверкой связей торговых работников столицы с партийным аппаратом.

Гришин возмутился вторжением в его епархию:

— Партийная организация МГК КПСС не может нести ответственность за всех жуликов, тем более недопустимы намеки на личные связи руководства города с Трегубовым, другими руководителями торговли...

— Забеспокоился, — положив трубку, сказал Горбачев, — наверняка там не все чисто. Надо дело довести до конца.

И Горбачев довел дело до конца. Сам Гришин считал, что все эти уголовные дела — подкоп под него:

«Однажды, в начале 1984 года ко мне в горком партии пришел министр внутренних дел В.В. Федорчук. Он просил направить на работу в министерство некоторых работников МГК КПСС и горисполкома. Потом, как бы между прочим, сказал:

— Знаете ли вы, что самый большой миллионер в Москве это начальник Главторга Н.П. Трегубов?

Я ответил, что этого не знаю, и если у министра есть такие данные, то надо с этим разобраться и принять соответствующие меры.

После завершения следствия о преступлениях в магазине «Гастроном» № 1 вопрос о воровстве и взяточничестве в мага-

зине и системе Главторга Мосгорисполкома был обсужден на бюро МГК КПСС...

Несколько работников были исключены из КПСС, другие (в том числе Трегубов) получили строгие партийные взыскания, сняты с занимаемых постов. Н.П. Трегубов был освобожден от должности начальника Главторга, ушел на пенсию, но стал работать в Минторге СССР».

Летом 1984 года, когда Гришин находился в отпуске, Трегубова вызвали в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Его исключили из партии и тут же арестовали, обвинив во взяточничестве. Против Трегубова свидетельствовали его подчиненные. Но тщательный обыск на его квартире не увенчался успехом: никаких особых ценностей не нашли. На следствии и на суде он отказывался признать себя виновным.

«Я знал Н.П. Трегубова, — вспоминал Гришин. — В мою бытность первым секретарем МГК КПСС он почти пятнадцать лет являлся начальником Главторга Мосгорисполкома. Работал энергично, не считаясь со временем. Он, безусловно, виноват в том, что в московской торговле были факты воровства, обмана, взяточничества.

Но у меня до сих пор остается сомнение в том, что он сам брал взятки...»

Николай Трегубов был известным в Москве человеком. Его арест многих изумил — даже всезнающих столичных журналистов. О том, что он брал взятки, они не подозревали. Знали, что не отказывался помочь нужным людям — то есть разрешал купить дефицитный товар, найти который в открытой продаже было невозможно. Но взамен ничего не просил.

Тогда процветала не столько система взяток, когда деньги или товар вручались за конкретную услугу, а главным образом бартер. Люди, сидящие у кормушек, обменивались, кто чем владеет, и делились с сильными мира сего и просто с важными и полезными людьми.

К концу 1985-го Гришин и его команда были окончательно скомпрометированы, хотя никаких конкретных обвинений им не предъявили. Соответствующие службы рыли землю носом, чтобы найти на Гришина какие-то материалы и обвинить его, но ничего так и не нашли. Гришин не был ни взяточником, ни махинатором, а просто типичным советским чиновником.

Он так описывает свои последние дни в горкоме:

«19 декабря 1985 года, за полчаса до начала очередного заседания политбюро ЦК КПСС я был вызван к генеральному секретарю ЦК. В очень кратком разговоре М.С. Горбачев сказал, что на работу московских организаций, горкома партии поступают жалобы и заявления. Что в этих условиях мне следует подать заявление об уходе на пенсию...

Я попросил не решать этот вопрос сейчас, за полтора месяца до городской партийной конференции. Дать мне возможность на конференции отчитаться о работе горкома партии. Отчитавшись, я заявлю о своем уходе с работы в горкоме КПСС.

Мне было сказано, что это исключено... Вопрос о моем уходе на пенсию надо решать теперь...»

В тот же день вышло постановление политбюро:

«О Гришине В.В.

1. Удовлетворить просьбу Гришина В.В. об освобождении его от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС и первого секретаря Московского горкома КПСС и направить в группу государственных советников при президиуме Верховного Совета СССР. Внести вопрос об освобождении т. Гришина В.В. от обязанностей первого секретаря МГК КПСС на рассмотрение Пленума Московского городского комитета партии.

2. Одобрить проект постановления Президиума Верховного Совета СССР (прилагается).

3. Утвердить постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР о материально-бытовом обеспечении т. Гришина В.В. (прилагается)».

Группа советников при президиуме Верховного Совета была создана для того, чтобы уходящие на пенсию члены политбюро имели где-то кабинет с телефоном. Многие из них искренне тосковали, вовсе оставшись без дела, и рады были возможности вызвать утром машину и поехать хотя бы на какую-то, но все-таки работу.

Сменить Гришина должен был Борис Ельцин.

Глава пятая

СХВАТКА НА СТАРОЙ ПЛОЩАДИ

23 декабря, в неурочный день в кабинете генерального секретаря собрались члены политбюро — не позвали только столичного хозяина Виктора Гришина. Зато сверх списка Горбачев

пригласил секретаря ЦК по строительству Бориса Ельцина, а также нового заведующего отделом организационно-партийной работы Георгия Разумовского.

Горбачев коротко сообщил коллегам, что член политбюро и первый секретарь Московского городского комитета партии Виктор Гришин подал заявление об уходе на пенсию. Горбачев рассказал, что накануне у них была беседа. Разговор шел трудно. По его мнению, Виктор Васильевич неадекватно воспринимает ситуацию. Не хотел уходить, просил отложить решение этого вопроса. Он настаивал. Гришин попросил разрешения подумать. Ну а потом все-таки принес заявление.

Члены политбюро тут же постановили заявление Гришина удовлетворить. Затем Горбачев коротко предложил:

— А первым секретарем Московского горкома будем рекомендовать Бориса Николаевича Ельцина. Он не возражает.

Горбачев сделал вопросительный жест в сторону Ельцина. Тот подтвердил. Ни замечаний, ни вопросов не последовало.

«ОН НЕ ГОДИТСЯ НА ЭТУ РОЛЬ»

Для членов политбюро эта большая кадровая перемена не была неожиданностью, потому что опытный Горбачев уже со всеми поговорил. Он избегал дискуссий на заседаниях политбюро и предпочитал заранее в разговоре один на один заручиться поддержкой своих коллег.

Виталий Воротников вспоминает, как ему позвонил Горбачев, завел разговор о трудном положении в Москве: «Идут в ЦК КПСС письма, высказывания в активе, в коллективах о Гришине. Общественное мнение восстает против него — барство, показуха, лозунги вместо дела. Добраться до него руководителям предприятий, секретарям райкомов невозможно. Назрел вопрос о его замене. Я беседовал с некоторыми членами политбюро. Они такого же мнения. Как ты? Согласен? Ну, договорились».

Почему выбор остановился именно на Ельцине?

Москва должна была стать витриной перестройки — и как можно скорее. Горбачев и Лигачев резонно предполагали, что Борис Николаевич, человек со стороны, способен быстро добиться успеха, стать примером для всей страны, продемонстрировать колеблющимся реальные результаты перестройки.

Против кандидатуры Ельцина — и то лишь во время предварительного разговора с Горбачевым, а не на политбюро — высказался один только Рыжков.

Сам Николай Иванович вспоминает, как вечером его попросил зайти генеральный секретарь. У Горбачева уже был Лигачев. Горбачев объяснил:

— Ты ведь знаешь, что настало время укрепить руководство столицы. Мы с Егором сейчас обсуждали возможную кандидатуру на пост первого секретаря Московского городского комитета. Хотели бы посоветоваться с тобой.

— Я надеюсь, что у вас есть уже предложения?

— Да. Нам нужен туда крепкий и боевой товарищ. Наше мнение с Егором Кузьмичом, что это должен быть Ельцин. Ты его знаешь, твое мнение?

Рыжков был против. Он стал горячо говорить, что в столице нужен другой человек — умный, гибкий, интеллигентный руководитель. А Ельцин человек другого склада.

— Он — разрушитель. Наломает дров, вот увидите! Ему противопоказана большая власть. Вы сделали уже одну ошибку, переведя его из Свердловска в Москву, в ЦК, не делайте еще одну, роковую.

Доводы Рыжкова ни на Горбачева, ни на Лигачева не произвели впечатления. На прощанье Николай Иванович сказал:

— Я вас не убедил, и вы пожалеете об этом. Когда-то будете локти кусать, но будет уже поздно!

В словах Рыжкова звучит что-то очень личное. Вероятно, совместная работа в Свердловске оставила у Николая Ивановича тяжелый след. Или же эта оценка — наслоение более поздних политических столкновений с Ельциным? В любом случае к Николаю Ивановичу Горбачев не прислушался, о чем потом горько пожалеет...

24 декабря, на следующий день после заседания политбюро, собрался пленум Московского горкома, который должен был решить кадровый вопрос. Несколько опасаясь враждебной реакции гришинского окружения, на пленум приехал сам Горбачев. Он попросил членов городского комитета освободить от должности Гришина и избрать Ельцина.

Помощник генерального секретаря ЦК КПСС Анатолий Черняев записал в дневник: «Сегодня день ликования всей Москвы: сняли наконец Гришина, заменили Ельциным...»

Гришин получил возможность выступить на пленуме и поблагодарить за совместную работу.

Его перевели на пенсию, освободили от обязанностей члена политбюро, члена президиума Верховного Совета, члена исполкома Моссовета, члена военного совета Московского округа противовоздушной обороны. Этим дело не закончилось.

Критический вал разоблачений столичных властей нарастал. В августе 1987-го были приостановлены его полномочия депутата Верховного Совета СССР и РСФСР. Гришина освободили от обязанностей государственного советника при президиуме Верховного Совета. Это решение ему сообщил один из его предшественников на посту первого секретаря МГК Петр Нилович Демичев, который занимал пост первого заместителя председателя президиума Верховного Совета.

Демичев объяснил Гришину, что таково решение политбюро, принятое по письмам москвичей.

Сына Гришина освободили от работы, дали ему выговор по партийной линии. Сняли с должности зятя, уволили племянника. Через несколько лет Гришин умер в очереди в собесе, куда пришел хлопотать о пенсии. Ему стало плохо с сердцем...

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

Когда Ельцину предложили возглавить московскую партийную организацию, он для порядка возразил: по профессии он инженер-строитель, не знает московские кадры, ему будет трудно работать.

Ельцин конечно же не собирался отказываться от такого высокого назначения, но сразу соглашаться не полагалось.

Члены политбюро говорили ему, что партийная организация Москвы дряхлеет, плетется в хвосте, нужно обновление. Словом, уговорили.

Борис Николаевич перебрался из ЦК в соседнее здание, где располагался горком, с твердым намерением показать, на что он способен. Москва, конечно, больше Свердловска, но эта работа ему знакома. И наконец-то он опять будет сам себе хозяин.

Ельцин не сомневался, что справится с задачей, и принялся за новое дело со всей свойственной ему энергией. Он исходил из того, что ключ к решению всех проблем — это кадры. Надо

решительно убирать неумелых и разленившихся гришинских людей, поставить вместо них новых и дельных работников.

Ельцин первым делом расстался с председателем исполкома Моссовета Владимиром Федоровичем Промысловым. За исключением короткого периода, когда Промыслов был министром строительства и заместителем председателя Совета министров РСФСР, он всю жизнь провел в столичном аппарате. На посту мэра Москвы он находился с 1963-го, двадцать два года.

Промыслов, кстати, не был человеком Гришина. Тот тоже недолюбливал своего главного хозяйственника, упрекал в том, что он мало занимается делами и слишком любит ездить за границу. Но Промыслов и Гришину был не по зубам.

У Владимира Федоровича, который раздавал квартиры, гаражи, земельные участки, дачи влиятельным людям, было много покровителей. Он нравился Брежневу, которого вполне устраивало, что два первых человека в столичном руководстве едва выносят друг друга.

Промыслов тоже не собирался на пенсию и изъявил готовность поработать вместе с новым первым секретарем. Но Ельцину он был не нужен. 4 января 1986 года сессия Московского городского Совета народных депутатов отправила Промыслова на пенсию. Мэром Ельцин сделал генерального директора ЗИЛа Валерия Тимофеевича Сайкина, с которым познакомился всего за несколько дней до этого.

27 декабря, почти сразу после избрания первым секретарем, Ельцин поехал на ЗИЛ, прошелся не только по цехам, но и заглянул во Дворец культуры, заводскую больницу, охотно разговаривал с рабочими, расспрашивал их, внимательно слушал. Поговорил с директором и решил, что Сайкин ему подходит.

ПЕРВЫЙ УСПЕХ

24 января на городской партийной конференции Ельцин сделал свой первый доклад.

На конференцию — небывалый случай! — приехали все члены политбюро во главе с Горбачевым. Михаил Сергеевич хотел поддержать Ельцина, если понадобится, а заодно посмотреть, как справляется новый первый секретарь и как к нему отнесется городской актив. Пришел и Гришин, он еще оставался и членом политбюро, и членом горкома.

Ельцин произнес невиданную по тем временам речь — о бюрократизме и показухе, о том, что московская парторганизация оказалась вне зоны критики.

Впервые за десятилетия первый секретарь горкома говорил о провалах и о бедственном положении столицы. Причины — старое мышление руководителей и оторванность партийного аппарата от жизни. Горком производит тонны бумаг, а на предприятиях партийные руководители не бывают.

Его речь напечатала «Московская правда», за скучной городской газетой утром выстроились очереди. Ее читали, не веря своим глазам. Вся Москва обсуждала этого Ельцина, которого никто не знал. С этого момента и началась его слава.

После конференции в комнате президиума Горбачев удовлетворенно сказал, что «конференция произвела на него большое впечатление». Он обещал Москве помочь и сказал, что в городе «надо все менять к лучшему, перестраивать работу всех кадров».

С таким напутствием и приступил к работе Ельцин.

ЖЕНЩИНЫ БЫЛИ ПОКОРЕНЫ

18 февраля на пленуме ЦК Ельцина избрали кандидатом в члены политбюро. Из третьего класса партийных руководителей он перешел во второй и был уверен, что в самом скором времени займет место среди членов политбюро. Первый секретарь Москвы по партийной традиции всегда был членом высшего руководства.

Через неделю, в тридцатую годовщину знаменитого XX съезда, который закончился разоблачением сталинских преступлений, открылся XXVII съезд партии — первый горбачевский.

Ельцин на съезде получил слово вторым — после первого секретаря ЦК Украины Виктора Васильевича Щербицкого. Но Щербицкий был уходящей фигурой, а на Ельцина смотрели с нескрываемым интересом. В его речи прозвучало именно то, что люди хотели слышать, и зал встречал его резкие пассажи одобрительными аплодисментами.

Ельцин говорил:

— Нет у ряда партийных руководителей мужества своевременно и объективно оценить обстановку, свою личную роль, сказать пусть горькую, но правду, оценивать каждый вопрос

или поступок — и свой, и товарищей по работе, и вышестоящих руководителей...

Далее он произнес фразу, сразу расположившую к нему людей:

— Делегаты могут меня спросить, почему же об этом не сказал, выступая на XXVI съезде партии? Ну что ж, могу ответить, и откровенно ответить: видимо, тогда не хватило смелости и политического опыта...

Резкая речь Ельцина не могла не обратить на себя внимания. Как странно: Ельцин никогда не умел говорить так складно и легко, как Горбачев. И речи Михаилу Сергеевичу писали лучшие в стране мастера. Но по прошествии лет никто не вспомнит ни одной речи генерального секретаря, поразившей людей. А выступления Ельцина всякий раз производили неизгладимое впечатление.

Помощник Горбачева Георгий Шахназаров вспоминает, как сильно на него подействовала речь Бориса Николаевича:

«Он уже входил в правящую партийную элиту, будучи членом ЦК, но оставался деятелем провинциального масштаба. Публично покаявшись в том, что не нашел смелости выступить против благоглупости брежневского режима, Борис Николаевич сразу перешел в разряд деятелей общенациональных.

Так непривычно, так дико было слышать подобные признания с высокой съездовской трибуны, что свердловский первый секретарь покорил сердца многих, истосковавшихся по искреннему, идущему от сердца слову. К тому же могучее телосложение, благородная седая шевелюра, открытый взгляд выразительных серых глаз, горделивая осанка — все это производило отрадное впечатление. Женщины были покорены, мужчины не скупились на похвалы...

Сам я, не скрою, с восторгом выслушал его выступление на съезде и уже в первом перерыве, обсуждая услышанное с коллегами, высказал мнение, что Горбачев получил сильного союзника, который может быть использован как своего рода «таран» демократических реформ...»

Ельцин мог выступать более напористо и смело, а Горбачеву оставалось проследить за реакцией и либо поддержать смельчака, либо пожурить за излишнюю прыть. В таком тандеме они могли бы продержаться долго.

Однако очень скоро выяснилось, что Ельцин не намерен играть роль «горбачевского авангарда» и будет добиваться соб-

ственного места на политическом небосклоне. Одновременно выявился его стиль как политического деятеля — резкие неожиданные шаги, нежелание идти на компромисс, готовность рисковать, ставить все на карту, чтобы не ограничиваться отдельными выигрышами, а «снять весь банк».

ИТОГИ? НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНЫЕ

Весь первый месяц работы в горкоме Ельцин провел в поездках по городу. Это было нечто небывалое для Москвы.

Первый секретарь побывал на Петровке, в Главном управлении внутренних дел, а потом поехал на один завод, на другой, третий, четвертый...

Он заходил в магазины, столовые. Интересовался зарплатой, жилищными делами, детскими садами, пионерскими лагерями. Спрашивал не просто так: просьбы, которые мог исполнить, выполнял. Если обещал открыть в новом районе магазин или пустить дополнительный автобус, то делал. Об этом сразу становилось известно.

Ельцин ездил на метро и в автобусе, чтобы увидеть, как чувствуют себя люди. Он сразу стал очень популярным.

Людей влекло к Ельцину. Открытый и откровенный, он совсем не походил на других партийных чиновников.

При Ельцине сократился ввоз рабочей силы — лимитчиков. Столица и без того перегружена, говорил он, пусть предприятия повышают производительность труда. Открылись полторы тысячи новых магазинов, стали проводиться торговые ярмарки. Первый секретарь устраивал в городе «санитарные пятницы» — выгонял чиновников убирать улицы.

Теперь, когда магазины открываются в силу экономической потребности, а не решением горкома, его усилия вызывают, наверное, улыбку, но тогда все это нравилось.

Люди жаждали очищения и обновления, и он был человеком, который пытался очистить партийный аппарат от гнили и вообще преобразовать его. Москвичи увидели в нем искреннее желание улучшить их жизнь. Хотя было и другое — он хотел отличиться, доказать, что способен изменить жизнь в городе.

Ельцин провел кампанию по искоренению семейственности в кадрах министерства иностранных дел и министерства внешней торговли. Он требовал, чтобы в элитарный мидовский Институт

международных отношений принимали не только детей большого начальства, и вообще обещал добиться справедливости при приеме в столичные высшие учебные заведения. Став президентом, Борис Николаевич уже не будет так строг к родным и родственникам. Как минимум, его собственная семья приобретет невиданное влияние на государственные дела.

6 мая 1987 года вечером на Манежной площади собралась манифестация известного тогда общества «Память», которое начиналось с заботы о русской старине, но быстро сосредоточилось на борьбе с «вредоносным влиянием» Запада и евреев. Участники манифестации требовали зарегистрировать их организацию. Вволю поговорив о заговоре сионистов, манифестанты двинулись к Советской площади, к зданию Моссовета и потребовали встречи с первым секретарем Московского горкома.

Неожиданно манифестантов провели в Мраморный зал, к ним вышел Ельцин и два часа с ними разговаривал. Ему горячо доказывали, что простому человеку невозможно пробиться к руководителям страны, а «Память» могла бы вместе с партией сражаться против общего врага — космополитизма, рок-ансамблей, американизации жизни...

Ельцин отвечал очень спокойно:

— Эмоциональности вашего всплеска я не хочу сейчас касаться. Я постоянно встречаюсь с людьми — в магазинах, на улицах. В мой адрес каждый день приходит сто пятьдесят—двести писем...

Ему стали говорить: когда же зарегистрируют «Память»?

— Вокруг вас много спекуляций, — ответил Ельцин. — Многие вас охаивают. Но вы даете повод к этому близкими к антисоветским высказываниям. Мы рассмотрим вопрос о регистрации, но на истинно патриотической основе...

Эта встреча породила подозрения: «Память» была одиозной организацией, порядочные люди с ней дела не имели. Так, может быть, Ельцин разделяет идеологию «Памяти»? Сочувствует ей? Или же просто не разобрался?

Но больше он с людьми из «Памяти» не встречался. Скорее в тот день просто хотел показать, что не побоится выйти из кабинета и заговорить с возмущенной толпой.

Никаких оснований для подозрений в антисемитизме Ельцин не давал. Хотя и поговаривали, что в свое время первый секретарь Свердловского обкома Борис Ельцин красным карандашом

подчеркивал еврейские фамилии в списке работников Свердловской киностудии. Если это и было, то развития не получило.

В 1991 году Горбачев с раздражением говорил министру иностранных дел Александру Бессмертных и своему помощнику Анатолию Черняеву:

— Посмотрите, кто окружает Ельцина, кто его команда: евреи — все евреи.

Еще более известной стала устроенная в Доме политпросвещения встреча с пропагандистами. Она продолжалась шесть часов. Борис Николаевич говорил очень откровенно и свободно. Такого еще не было. Потом эту встречу описывали все биографы Ельцина.

Ельцин сам о ней вспоминал так:

«Мне передали записку: «Говорят, Ельцин ездит в метро. Но мы его не видели. Он поднимает проблему транспорта. Откуда такие впечатления — неужели из окна?» Что могу сказать? Я вас тоже не видел. Очевидно, потому, что в Москве слишком много народа, да и я еще «молодой» москвич, не все еще знают меня в лицо.

Я поставил себе за правило хотя бы раз в неделю бывать в магазинах. К сожалению, меня начинают узнавать. Каким-то образом узнают о моих маршрутах. Наводят марафет, встречают в белых халатах, вытаскивают из-под прилавка дефицит. Тут что-то надо предпринимать. Показуха мне не нужна...

Я побывал на многих московских рынках. Таких цен, как на рынках Москвы, я нигде не видел... Но ограничивать цены нельзя, потому что этот метод уже применялся и не дал результатов. Торговцы просто перекочевывают в другие города и области. На рынок надо давить торговлей. У каждого рынка нужно строить кооперативный магазин...»

Ельцина спросили, почему освобожден от должности второй секретарь Октябрьского райкома Данилов.

«Он снят с работы и получил партийное взыскание. Квартиру в многоквартирном доме он отгрохал себе барскую, с персональным камином и персональной дымовой трубой, пронизавшей весь дом. Таким князьям не место в партии! На партработе должны работать кристально чистые люди».

Забавно перечитывать эти слова сейчас, когда новая номенклатура понастроила себе дворцов. Стремление к обогащению, которое стало так заметно при новой власти, естественно, но Борис Ельцин не сделал ничего, чтобы помешать разложению

своих чиновников, и даже скорее это поощрял. Во всяком случае, за камин в квартире он никого не увольнял.

Принимает ли первый секретарь простых посетителей? — спрашивали его тогда.

«Да, принимаю. Вот несколько дней тому назад принимал молодую женщину, продавщицу, мать двоих детей. Мы с ней проговорили два часа. Она подробно раскрыла мне систему поборов, существующих в торговле. За последние месяцы в Москве арестовано восемьсот руководителей торговли. Черпаем, черпаем, а дна в этом грязном колодце пока не видно. Но надо до конца вычерпать эту грязь. Мы стараемся разорвать преступные связи, изолировать руководителей, на их место посадить честных и преданных партии людей, а затем постепенно идти вглубь. Работа предстоит трудная и долгая, но мы твердо намерены вычерпать эту грязь до конца».

Тогда он еще думал, что коррупцию можно победить. Потом его грозные обещания покончить с коррупцией уже не воспринимались всерьез. Это превратилось в ритуал.

С горожанами первый секретарь беседовал участливо, интересовался их делами и мнением, не отмахивался от чужих забот. С руководителями говорил жестко, несправившихся требовал немедля снимать с работы. Городская номенклатура, избалованная тихими гришинскими временами, пришла в ужас.

Секретарей горкома он сменил быстро. Отправил на пенсию второго секретаря Раису Дементьеву, вместо нее назначил Василия Захарова, который до этого был первым заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК и секретарем Ленинградского обкома. На пенсию ушел и секретарь МГК по промышленности Леонид Борисов, его место занял генеральный директор станкостроительного завода «Красный пролетарий» Олег Королев.

В январе 1987-го он подводит итоги выполнения годового плана, несправившихся Ельцин сразу же снимает с работы.

Ельцин сменил двадцать три из тридцати трех первых секретарей райкомов.

Приезжая на бюро горкома, ни один первый секретарь райкома не знал, кем он вернется назад. Самое тесное общение с Ельциным не избавляло от жесткой критики и увольнения. Сначала это производило колоссальное впечатление на москвичей, которые видели, что сметается целая генерация партийных чиновников, не вызывавших у людей никаких чувств, кроме пре-

зрения. Потом острота впечатлений притупилась. Прежние чиновники исчезали, появлялись новые, но точно такие же.

А серьезного результата, когда можно было бы сказать, что жизнь в столице радикально изменилась, все не было. Делать вид, что все хорошо, Ельцин не хотел. Пока еще он не боялся признаваться в неудачах. Трудно даже сказать почему — настолько был уверен в своих силах? Или же им руководил безошибочный политический инстинкт?

Пленум горкома пришел к неутешительному выводу — итоги работы были признаны неудовлетворительными. Ельцин вновь сменил состав бюро, руководителей отделов горкома, нашел нового редактора «Московской правды» — Михаила Полторанина, который станет его верным соратником. Полторанин превратил скучную городскую газету в одну из самых читаемых. Защищенная до поры до времени авторитетом первого секретаря, «Московская правда» громила номенклатуру и ее привилегии.

На Ельцина в ЦК пачками пошли жалобы от обиженных чиновников. Его поведение искренне возмущало партийных коллег. Они считали, что Ельцин подрывает основы власти.

Валентин Месяц, первый секретарь Московского обкома, потом скажет об этом на пленуме ЦК. Месяц возмущался тем, что на очередной сессии Моссовета первый секретарь Ельцин и все члены бюро горкома не сели по-хозяйски в президиум, а неожиданно расположились в зале вместе с простыми депутатами. А в президиуме только председатель Моссовета и секретарь. Чиновники в обкоме засуетились: как им быть? Может, надо делать как Ельцин? Месяц приказал областную сессию проводить как всегда и не паниковать.

Постепенно у самого Ельцина накопились раздражение и недовольство — решения принимаются разумные, секретари и в горкоме, и в райкомах новые, а в целом ничего не меняется. Почему? Объяснение Ельцин находил неверное. Он полагал, что все можно исправить, если радикально обновить партийный аппарат, посадить новых людей и заставить их работать. Мысль о том, что понадобятся куда более глубинные преобразования, придет к нему не скоро.

Ельцин не понимал, что самый хороший секретарь райкома не в состоянии наполнить магазины продуктами и построить столько квартир, сколько необходимо.

Борис Николаевич сам заходил в магазины, в заводские столовые, стараясь застать продавцов и поваров врасплох, прове-

рял, что продается, что спрятано под прилавком. Его охранник Александр Коржаков записывал замечания первого секретаря, потом ехал в горком, сам звонил секретарю горкома по торговле, сообщал, как прошла проверка, и диктовал замечания. Так Коржаков привыкал делать не свое дело. Собственно, он в этом не был виноват, его приучили.

Ельцин видел, что продукты уходят налево, разворовываются, достаются местному начальству и нужным людям. Он возмущался, требовал бороться с коррупцией в торговле, не понимая еще, что в условиях тотального дефицита добиться порядка невозможно.

И в ЦК им были недовольны: где перемены? Близкого контакта с Горбачевым у него не было. А тут еще разладились отношения с Лигачевым.

ВЛАСТЬ СЕКРЕТАРИАТА

Егор Кузьмич достиг пика своего влияния, и от него многое зависело в чисто практических делах. Он много ездил по стране, хотел все знать и старался во все влезать.

Он держался нарочито строго и жестко, считая, что любое проявление либерализма, нарушение иерархии взаимоотношений между начальником и подчиненным — губительно для руководящей и направляющей роли партии.

Валерий Легостаев, который хорошо знает своего бывшего руководителя, пишет, что семнадцать лет работы первым секретарем Томского обкома в значительной степени сформировали горизонты Лигачева:

«Самые приятные воспоминания о тех годах он связывал с ощущением, которое охватывало его, когда он смотрел поздней слякотной осенью из окна служебного кабинета на город, с удовлетворением сознавая в душе, что все немалое хозяйство области полностью подготовлено к долгой сибирской зиме.

Оставались позади предзимняя заготовительная горячка, планерки, совещания, мотания по области на тягачах и вертолетах, шефские кампании по оказанию помощи селу. Всем было нелегко, зато теперь урожай собран, в селах фермы подготовлены к зимовке, в городе «под завязку» загружены овощехранилища, отлажены отопительные системы. Приятное чувство отлично и в

срок сделанной работы, в которой сам ты был далеко не лишним человеком.

Наблюдая за работой Е.К. Лигачева в должности ведущего секретаря ЦК, мне иной раз казалось, что он тщетно пытается пробудить в себе похожее чувство по отношению к стране в целом. Вроде как бы в ней все сделали, все привели в порядок, устроили и уложили, и можно теперь спокойно постоять у окна».

С несправившимися Лигачев разговаривал очень жестко и не желал слышать их объяснения. Егор Кузьмич, как и Борис Николаевич, полагал, что не бывает невыполнимых заданий. Надо подобрать толковых людей, сконцентрировать все силы на главном направлении и всем вместе навалиться.

Заняв второй по значению пост на Старой площади, он сохранил областную привычку контролировать всех и вся, пытался следить за каждой мелочью и устраивал разносы за уклонение от «генеральной линии». Он исходил из того, что секретариат ЦК имеет право спросить с любого коммуниста, какую бы должность тот ни занимал. Егор Кузьмич объявлял выговоры даже тем, кто считал, что подчиняется только генеральному секретарю.

Под руководством Лигачева секретариат стал вмешиваться и в дела правительства. Формально это называлось обсуждением работы партийной организации какого-нибудь министерства, а фактически придирчивому изучению подвергалась вся деятельность министра и целой отрасли.

Егор Лигачев вел заседания секретариата исключительно жестко, выжимая из людей нужное ему решение. Председатель Совета министров Николай Рыжков реагировал на это очень бурно. Он не терпел вмешательства в свои дела.

Против методов Егора Кузьмича возражал и глава российского правительства Виталий Воротников. Но несмотря ни на что, Лигачев рассматривал отчеты Совета министров РСФСР и республиканских министерств.

Воротников вспоминает: «Попикировались мы с Егором Кузьмичом достаточно... Это, собственно, было начало активизации деятельности Лигачева. Он стал напористо «пробиваться» вперед, используя «повышение роли секретариата». В чем затем перестарался. Это принесло ему немало проблем и конфликтов, в том числе с Рыжковым».

Лигачев был предан Горбачеву, но не человеку, а должности. Он искренне, а не из-под палки служил генеральному сек-

ретарю, но только до той поры, пока считал, что Горбачев ведет правильную линию.

Егор Кузьмич, по-видимому, так распределил обязанности между собой и Горбачевым. Генеральный секретарь разрабатывает общую стратегию, представительствует, занимается глобальной политикой, международными делами, идеологией, а он, Лигачев, ведет все текущие дела. И в частности, расставляет кадры и контролирует их работу.

Лигачев подбирал Горбачеву новую команду, понемногу убирая стариков, сидевших в секретарских креслах десятками лет. Он вызывал к себе на разговор первых секретарей обкомов, министров, а выходили они из его кабинета персональными пенсионерами союзного значения.

Первые секретари при Брежневе привыкли к почти полной самостоятельности. Ни генеральный секретарь, ни его помощники глубоко в областные дела не залезали. Если первый секретарь не допускал никаких скандалов и провалов, он мог годами оставаться полным хозяином у себя в области. Лигачев нарушил эту практику, он передвигал первых секретарей, которые стали сильно от него зависеть.

Лигачев, придя в ЦК, принял решение не брать на работу в аппарат людей, которые прежде не были на освобожденной партийной работе. Специалистам путь в ЦК был закрыт. Зато в аппарат хлынули профессиональные партийные секретари, целиком обязанные переводом в Москву Лигачеву.

Опытный аппаратчик, Лигачев хорошо овладел всеми механизмами власти, знал, как быстро провести нужное решение, добившись у генерального резолюции «Разослать по политбюро, подготовить проект постановления».

И он в полной мере использовал роль человека, который каждую неделю вел заседания секретариата ЦК. Он прибрал к рукам так много власти, что уже пытался руководить другими членами политбюро, проверял их работу, заставлял их перед ним отчитываться, безапелляционным тоном делал им замечания и щедро раздавал указания. Егор Кузьмич никогда не сомневался в своей правоте. Больше всех его проверки и накачки раздражали главу правительства Николая Рыжкова.

При Хрущеве секретариат по очереди вели «старшие» секретари — то есть возведенные в ранг членов политбюро.

Брежнев, отвергнув поползновения Николая Подгорного получить формальный ранг второго секретаря, поручал вести сек-

ретариаты двоим — Суслову и Кириленко, Суслову и Черненко, Черненко и Андропову.

Брежнев боялся усиления второго секретаря, поскольку человек, ведущий секретариаты и располагающий сиреневой печатью ЦК КПСС номер 2, становился важнейшей фигурой для работников центрального аппарата и местных партийных секретарей: он назначал и снимал их, отправлял в заграничные командировки и на учебу, то есть он сажал «уездных князей» на «кормление». Завися от благорасположения второго человека, партсекретари старались демонстрировать ему лояльность.

Горбачев вначале передал Лигачеву все полномочия второго секретаря, поручая ему делать то, чем не хотел заниматься сам: проводить кадровую чистку, закручивать гайки, осуществлять повседневный контроль. Потом забеспокоился, видя, что власти у Егора Кузьмича слишком много.

Сам Лигачев вспоминает: «В приемной моего кабинета с утра до вечера были люди... Не обходили меня и первые секретари обкомов, крайкомов партии. Приезжая в Москву, они обязательно поднимались в кабинет номер 2, и я их принимал в любое время... Кто-то, видимо, принялся внушать Горбачеву мысль о том, что Лигачев слишком много берет на себя, что он «обрастает» слишком сильными связями в партии, среди членов ЦК. В печати стали поговаривать о «заговоре» Лигачева в ЦК».

И действительно: всякий раз, когда генеральный секретарь уезжал из Москвы — по делам или в отпуск, начинались разговоры о заговоре со стороны Лигачева.

Заговора как такового, конечно, не было, но Лигачев, оставшись на хозяйстве, вел себя решительно и напористо, пытаясь командовать всей страной и навязывая всем свое мнение, которое постепенно стало расходиться с позицией Горбачева.

УМЕНИЕ ОРГАНИЗОВАТЬ РАЗНОС

Ельцин был не единственным, кто жаловался на мелочную опеку Лигачева, но Борису Николаевичу доставалось больше других. Егор Кузьмич пытался держать московского секретаря в ежовых рукавицах и жестко контролировал его деятельность. Во-первых, Ельцин был тут, под рукой, в соседнем подъезде. Во-вторых, если руководители правительства могли хотя бы

формально отстаивать свою независимость, то уж Московский горком точно подпадал под власть секретариата ЦК.

Лигачев рассчитывал, что Ельцин станет его человеком. Но Борис Николаевич знал себе цену. Он не желал слепо подчиняться не только Лигачеву, но и самому генеральному секретарю. Егор Кузьмич исходил из того, что Ельцин должен быть ему по гроб жизни обязан за перевод в столицу. Но Борис Николаевич опять же не испытывал таких чувств.

Лигачев, видимо, быстро разочаровался в своем выдвиженце. Он не любил своенравия и знал, как прищемить хвост. Для этого у него в руках были все необходимые рычаги.

Он дергал Ельцина по мелочам, по каждому поводу заставлял отчитываться, считая, что таким путем укротит строптивого. А Борис Николаевич просто перестал ходить на секретариаты и при случае сам атаковал Егора Кузьмича. Уже потом он рассказывал, как пришел к Горбачеву и сообщил: в разгар антиалкогольной кампании закупленное в Чехословакии оборудование для пивных заводов демонтировали и сломали.

Горбачев развел руками:

— Что сделаешь?..

На политбюро Ельцин заговорил о том, сколько вырублено виноградников, сколько заводов перепрофилировано.

Лигачев завелся:

— Позвольте?..

Ельцин:

— Я еще не закончил!

Лигачев:

— Позвольте, я скажу.

Горбачев молча наблюдал за перепалкой.

Ельцин закончил свою речь словами:

— За такие дела надо снимать с работы и судить!

Видя, что московский секретарь бунтует, Егор Кузьмич пустил в ход тяжелую артиллерию.

В августе 1986 года на заседании политбюро Ельцин заговорил о том, что в Моссовет обращаются разные группы, которые пытаются проводить в Москве демонстрации и митинги. Они требуют, чтобы Моссовет решил, где проводить такие мероприятия, сколько людей могут в этом участвовать и так далее. Ельцин выразился в том смысле, что такое решение придется принимать.

Горбачев согласился и поручил Ельцину готовить предложения. Прошел месяц, Горбачев уехал в отпуск. Заседания полит-

бюро вел Лигачев. И вдруг, вспоминает член политбюро Воротников, Егор Кузьмич «поднял вопрос о публикации в московской печати (по-моему, в «Вечерке») Моссоветом правил проведения митингов и демонстраций».

Лигачев резко отчитал московского секретаря:

— Почему Ельцин не рассмотрел этот вопрос на бюро МГК? Кто обсуждал их и с кем? Ведь еще 6 августа, когда ты, Борис Николаевич, поднимал на политбюро этот вопрос, то Горбачев просил тебя проработать и внести предложения о порядке проведения всяких демонстраций, митингов и шествий. Ты согласился. А сделали по-другому. Ведь принятый Моссоветом порядок беспределен. Он не определяет многие параметры: предварительное согласование, место и продолжительность демонстраций, количество людей. Кто ответствен за безопасность и т. п.

Ельцин оправдывался:

— Это дело Советов, я же докладывал на политбюро, было дано добро.

— Неверно, — возмущался Лигачев, — было дано принципиальное согласие — разработать правила проведения митингов, шествий. Горбачев сказал: вносите предложения, а вы пустили на самотек. Надо же иметь единый порядок не только по Москве, но и по стране.

Ельцин даже несколько растерялся. Он пытался объясниться, но обвинения следовали одно за другим.

Академик Александр Яковлев, присутствовавший на том заседании политбюро, вспоминает: «Честно говоря, я тоже растерялся, наивно полагая, что вопрос возник спонтанно. Выступая, я выразил недоумение ходом обсуждения, сказав при этом, что Б.Н. Ельцин всего лишь выполнял поручение политбюро. Только позднее я понял на собственном опыте, что подобные «разносы» организуются заранее...»

«ТАКОЙ У МЕНЯ ХАРАКТЕР...»

Динамизм Ельцина нравился немногим в политбюро. Остальных он раздражал, и это выплеснулось. Опытные партийные чиновники почувствовали, что отношение Горбачева к Ельцину изменилось к худшему.

Генеральный секретарь надеялся, что Борис Николаевич, выполняя его указания, покажет, чего можно добиться под зна-

менем перестройки. Первоначально Горбачеву нравилось, как действует неутомимый Ельцин. Он хвалил Бориса Николаевича за то, что тот решительно очищает столицу от гришинского наследства.

Но особыми успехами Москва похвастаться не могла (как, впрочем, и вся страна). Зато сам Ельцин стал как бы теснить Горбачева в сознании людей. На фоне московского секретаря Михаил Сергеевич казался вялым и консервативным. Горбачеву это совсем не нравилось. К тому же ему стали жаловаться на то, что Ельцин беспощадно расправляется с московскими кадрами, а результата все равно нет.

Горбачев хмурился, а тонко улавливающие настроения начальства высшие партийные чиновники сразу сообразили, что Ельцин больше не фаворит, и стали держаться от него подальше. Ельцин почувствовал себя в изоляции, на политбюро молчал. Но Горбачев не давал ему молчать, просил Бориса Николаевича тоже высказываться. Это привело к еще большему обострению отношений.

В январе 1987 года на пленум ЦК КПСС был вынесен вопрос о кадрах. Накануне пленума доклад Горбачева обсуждался на политбюро. Ельцин, по обыкновению, молчал. Горбачев спросил его мнение. Лучше бы он этого не делал...

Ельцин высказался резко и безапелляционно: предложил дать оценку членам политбюро, которые виновны в застое, но все еще сидят на своих местах, реальнее оценить скромные успехи перестройки, быть самокритичнее, не спешить себя хвалить — пока не за что. Во многих эшелонах власти не произошло ни оздоровления, ни перестройки. Критика идет в основном сверху вниз. Ельцин не упустил случая высказаться в адрес Лигачева: мы никак не можем уйти от нажимного стиля в работе, это идет от аппарата ЦК...

Вадим Медведев и Александр Яковлев на том заседании политбюро обменялись короткими записками относительно Ельцина, который неожиданно открылся им с новой стороны.

Медведев написал Яковлеву: «Оказывается, есть и левее нас, это хорошо».

Яковлев ответил Медведеву: «Хорошо, но я почувствовал какое-то позерство, чего не люблю».

Медведев — Яковлеву: «Может быть, но такова роль».

Яковлев — Медведеву: «Отставать — ужасно, забегать — разрушительно».

Горбачев был раздосадован словами Ельцина. И в заключительном слове перешел в контратаку, обрушился на московского секретаря, сказал, что «надо вести линию на приток свежих сил, но недопустимо под видом усиления требовательности устраивать гонение на кадры, ломать «через колено» судьбы людей. Перестройка начата во имя утверждения в обществе и партии демократических принципов, этих целей не достичь на подходах, далеких от демократии...».

Слова Горбачева были небывало резкими. Почувствовав, что перегнул палку, Борис Николаевич вновь взял слово и пошел на попятный:

— Для меня это урок. Думаю, что он не запоздал.

Ельцин не ожидал такого выпада со стороны генерального секретаря. Он даже почувствовал себя плохо. Когда все разошлись, он все еще сидел в зале заседаний политбюро, приходил в себя. Вызвали врача, но Ельцин отказался от его помощи.

А Горбачев был возмущен словами Бориса Николаевича и никак не мог успокоиться. На следующий день он стал обзванивать членов политбюро, говорил, что вчерашнее выступление Ельцина оставило у него неприятный осадок, что Борис Николаевич заигрывает с массами, а ситуация в Москве не улучшается, много слов, да мало дела.

Когда генеральный секретарь начинает делиться негативными впечатлениями, это верный признак грядущей опалы. Но когда Ельцин позвонил члену политбюро Виталию Воротникову, тот не стал его предупреждать об опасном развитии событий.

Ельцин же переживал после неудачного выступления на политбюро:

— Занесло меня опять. Видимо, я перегнул где-то, как считаете?

Воротников его успокоил:

— Нередко и другие вступают в споры. Только ведь надо как-то спокойнее, самокритичнее выступать. Ты всегда обвинитель, обличитель. Говоришь резко, безапелляционно. Так нельзя.

Ельцин согласился:

— Такой характер. А выступать на пленуме надо ли?

Воротников его подбодрил:

— Конечно, надо.

Ельцин был благодарен:

— Ну, спасибо.

Стараясь восстановить отношения, Ельцин попросился на прием к Горбачеву. Почти два с половиной часа разговаривали. Вроде бы объяснились. Но на очередном пленуме ЦК, выступая, Ельцин опять говорил очень резко:

— Прошло два года, а перестройка вглубь не пошла.

И снова критиковал стиль работы секретариата, то есть непосредственно Лигачева:

— Ничего не изменилось — обилие бумаг, администрирование.

Коллеги по политбюро не понимали поведения Ельцина. С одной стороны, он не хотел ссориться с генеральным секретарем, с другой — как только начинал говорить, вступал в спор.

На заседании политбюро, где обсуждался проект доклада Горбачева к 70-летию Октября, Ельцин высказал массу замечаний. Горбачев буквально взорвался и наговорил Борису Николаевичу много неприятного.

После этого заседания отношение Горбачева к первому секретарю Московского горкома резко изменилось. Он как бы не замечал Ельцина.

Это был очень дурной признак. Ельцин не наивный человек. Понимал: при таких отношениях с генеральным секретарем долго не проработаешь. Так оно и произошло.

Глава шестая

БУНТ И ОТСТАВКА

Ни сам Ельцин, ни кто-либо другой за эти годы так и не сумели толком объяснить, почему он осенью 1987 года вдруг взбунтовался. Это глядя из сегодняшнего дня мы знаем, что он интуитивно поступил правильно, что этот бунт со временем и сделал его народным любимцем и первым президентом России.

Но никто, в том числе он сам, тогда и представить себе не мог такого фантастического поворота событий.

Никакой здравый расчет в тот момент не мог подвигнуть его на выступление против генерального секретаря и вообще против партийного руководства.

Он рискнул всем — и карьерой, и здоровьем, и чуть ли не всей жизнью, и потерял тогда почти все. Его считали конченым

человеком, который сам себя погубил. И все были уверены, что ему уже не подняться.

Так что же, бунт Ельцина был ошибкой недальновидного человека, которого потом совершенно случайно подхватила волна народной симпатии и сделала своим лидером?

Возникает соблазн заговорить на такую странную тему, как политический инстинкт. Потом, когда Ельцин станет главой российского парламента, а затем и президентом и на него будут обращены взгляды миллионов людей, люди, которые окажутся близко к нему, будут утверждать, что им действительно руководят инстинкты. Не арифметический расчет, не тщательное взвешивание плюсов и минусов, что доступно многим из нас, а некое интуитивное понимание того, как именно нужно поступить. При этом он сам не в состоянии объяснить, почему действует так, а не иначе.

Ельцин, несомненно, всю свою политическую жизнь руководствовался определенной логикой. Но в ней, как ни парадоксально, больше интуиции, чем самой логики, если такое вообще возможно. В книгах, написанных за него Валентином Юмашевым, есть какие-то попытки обосновать его действия. Но это желание перевести на простой арифметический язык хитроумные ельцинские построения не очень удачно. Во всяком случае, это какая-то совершенно иная, нестандартная, своеобычная логика, которая не раз приводила его к весьма неожиданным и странным решениям.

СКОЛЬКО МОЖНО СТОЯТЬ В ПРЕДБАННИКЕ?

Внешне все выглядело как конфликт Ельцина с Лигачевым и Горбачевым. Егор Кузьмич своими придирками и проверками сделал жизнь Ельцина в горкоме невыносимой. А Горбачев фактически отказал Борису Николаевичу в поддержке. Или Ельцину так показалось. А объясниться с генеральным секретарем у него не получалось.

Дело в том, что личное общение с Горбачевым было нелегким делом. Даже просто поговорить с ним не всегда удавалось, хотя беседовать он любил. Но предпочитал говорить, а не слушать.

Бывший первый секретарь Литвы Альгирдас Бразаускас вспоминает: «Вообще манера общения Михаила Горбачева своеоб-

разна — вначале выговориться самому, высказаться по всем темам и только потом дать собеседнику изложить свои мысли, аргументы».

Иногда ввиду недостатка времени собеседнику высказаться так и не удавалось. Ельцину, который говорит медленно и словно бы с трудом, приходилось особенно сложно. Он не поспевал за стремительной речью генерального секретаря.

Горбачевым тогда восхищалась страна, вскоре ему будет аплодировать весь мир. Но любопытно, что люди из окружения Михаила Сергеевича, имевшие возможность сравнить его с Брежневым, однозначно делали выбор в пользу Леонида Ильича как более человечного вождя.

Брежнев загубил страну, но был внимателен и заботлив к ближнему кругу, относился к челяди по-отечески, заботился о ней. Горбачев пытался спасти страну, но пренебрежительно относился к своему окружению, помощникам, охране. Лишенные начальственных милостей, они обижались.

Бывший союзный депутат и мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак вспоминал: «Для меня Горбачев — загадка. Он может согласиться с твоими доводами, и ты пребываешь в уверенности, что убедил его. Не торопись. Второе никак не следует из первого: решение, которое он примет, может основываться не на твоих, а на каких-то иных, неведомых тебе доводах».

Уж если хитроумному Собчаку трудно было общаться с Горбачевым, то Ельцину и вовсе приходилось туго.

Ельцин обижался на генерального секретаря, считал, что Михаил Сергеевич мог бы его поддержать и сделать членом политбюро, чтобы укрепить его позиции.

Тогдашний преданный сторонник Ельцина редактор «Московской правды» Михаил Полторанин много позже, уже расставшись и разругавшись с Ельциным, довольно жестко скажет о своем шефе: «Он сидел на заседаниях политбюро, и в нем ревность разгоралась, как костер. Почему он, такой умный, такой сильный, могучий, в этом не участвует, а замухрышки тут, понимаешь, политику государственную определяют...»

Разница в положении члена и кандидата в члены политбюро была огромна. Дело не только в том, что кандидат имел право изложить свое мнение только после того, как уже выступили старшие по должности товарищи, а в том, что самые важные

вопросы решались до начала заседания, в Ореховой комнате, где неофициально собирались члены политбюро и заранее все обговаривали. Кроме того, с членами политбюро — просто по телефону прямой связи — генеральный секретарь обговаривал свои кадровые решения.

Ельцин считал, что он сталкивался с Лигачевым, потому что не привык скрывать свои мысли, его раздражало одномыслие, но другие вспоминают, что на политбюро он обыкновенно молчал. По своему типу Ельцин отличался от остальных членов политбюро. Он не человек речевой культуры, ему было неуютно среди давно обжившихся в Москве умельцев и говорунов.

Ему хотелось первенствовать. Но за огромным столом секретариата ЦК Ельцин не был первым. Первым был еще более энергичный и быстрый в словах и поступках Егор Лигачев. В политбюро Ельцин как кандидат и вовсе ощущал себя второсортным. Его это угнетало.

Горбачев пишет так:

«До меня доходили переживания Ельцина, что Горбачев держит в «предбаннике» — кандидатом в члены Политбюро — первого секретаря столичной партийной организации, что мешает ему действовать более авторитетно и решительно. И это, мол, в то время, когда в Политбюро сохранились от прошлого «мастодонты и динозавры», об удалении которых он писал мне 12 сентября в Крым, где я находился на отдыхе...

После январского и июньского Пленумов ЦК наша номенклатура почувствовала, что начинают затрагиваться ее коренные интересы, и стала сопротивляться, причем умело, хитро. И Ельцин, как мне представляется, оказался в эпицентре этой борьбы...

Близилась пора отчета о результатах работы, проделанной им в качестве секретаря МГК, а по существу ничего не менялось, обещания повисли в воздухе...

Ельцин начал нервничать, впадать в панику, в административный зуд. Не зная, что делать, устраивал бесконечные разносы, забывая о своих призывах к развитию демократии...

Или ощущение бессилия, нарастающей неудовлетворенности оттого, что мало удалось добиться в Москве, вывело его из равновесия, привело к срыву...»

То, что генеральный секретарь снисходительно именует «срывом», было настоящим бунтом.

ПРОШУ ОСВОБОДИТЬ МЕНЯ...

Непосредственным поводом стало новое столкновение с Лигачевым. Как только Горбачев уходил в отпуск, Егор Кузьмич решительной рукой брался за вожжи и показывал, как он умеет управлять партией и страной. Больше других доставалось Ельцину. Или он воспринимал все так болезненно?

Так уже было годом раньше, когда Лигачев во время отпуска генерального председательствовал на политбюро и устроил Ельцину нагоняй. Так получилось и сейчас. Лигачев своей властью назначил комиссию секретариата ЦК по проверке состояния дел в Москве. Это предвещало Ельцину крупные неприятности, потому что выводы такой комиссии могли быть только резко критическими.

После очередной перепалки с Лигачевым Борис Николаевич написал Горбачеву, отдыхавшему у теплого моря в расцвете своей славы, письмо-жалобу на притеснения Лигачева. Вот с этого письма и заварилась история, которая закончилась, собственно, с уходом в отставку Горбачева, после чего Ельцин стал в Кремле хозяином.

Но неверно было бы представить себе эту драматическую историю, растянувшуюся на четыре года, всего лишь цепью случайностей. Не тереби Лигачев Ельцина, он бы не написал письмо Горбачеву... Не оставь Горбачев письмо без внимания, не стал бы Ельцин выступать на пленуме... Не отправь Горбачев Ельцина в отставку, он бы не превратился в народного героя, которого на руках внесут в Кремль...

Думаю, что конфликт Ельцина с Горбачевым был предопределен. В любом случае нашелся бы для него повод. Не один, так другой... Борис Ельцин шел к власти, потому что по своей натуре он человек, который может быть только первым. Но тогда, более всего обиженный на Егора Кузьмича, он даже сам не понимал, что его главный соперник — это Горбачев. Ему еще кажется, что Михаил Сергеевич союзник, на которого можно и нужно опереться.

И в письме он жалуется на плохое к нему отношение:

«Стал замечать в действиях, словах некоторых руководителей высокого уровня то, чего не замечал раньше. От человеческого отношения, поддержки, особенно от некоторых из числа состава Политбюро и секретарей ЦК, наметился переход к равнодушию к московским делам и холодному отношению ко мне.

В общем, я всегда старался высказывать свою точку зрения, если даже она не совпадала с мнением других. В результате возникало все больше нежелательных ситуаций. А если сказать точнее — я оказался неподготовленным, со всем своим стилем, прямотой, своей биографией, работать в составе Политбюро.

Не могу не сказать и о некоторых достаточно принципиальных вопросах.

О части из них, в том числе о кадрах, я говорил или писал Вам. В дополнение.

О стиле работы т. Лигачева Е.К. Мое мнение (да и других) — он (стиль), особенно сейчас, негоден (не хочу умалить его положительные качества). А стиль его работы переходит на стиль работы Секретариата ЦК. Не разобравшись, копируют его и некоторые секретари «периферийных» комитетов. Но главное — проигрывает партия в целом. «Расшифровать» все это — партии будет нанесен вред (если высказать публично). Изменить что-то можете только Вы лично для интересов партии...

Обилие бумаг (считай каждый день помидоры, чай, вагоны... — а сдвига существенного не будет), совещаний по мелким вопросам, придирок, выискивание негатива для материала. Вопросы для своего «авторитета».

Я уж не говорю о каких-либо попытках критики снизу. Очень беспокоит, что так думают, но боятся сказать. Для партии, мне кажется, это самое опасное. В целом у Егора Кузьмича, по-моему, нет системы и культуры в работе. Постоянные его ссылки на «томский опыт» уже неудобно слушать.

В отношении меня после июньского Пленума ЦК и с учетом Политбюро 10 сентября нападки с его стороны я не могу назвать иначе, как скоординированная травля...

Угнетает меня лично позиция некоторых товарищей из состава Политбюро ЦК. Они умные, поэтому быстро и «перестроились». Но неужели им можно до конца верить? Они удобны, и прошу извинить, Михаил Сергеевич, но мне кажется, они становятся удобны и Вам. Чувствую, что нередко появляется желание отмолчаться тогда, когда с чем-то не согласен, так как некоторые начинают «играть» в согласие.

Я неудобен и понимаю это. Понимаю, что непросто решить со мной вопрос. Но лучше сейчас признаться в ошибке. Дальше, при сегодняшней кадровой ситуации, число вопросов, свя-

занных со мной, будет возрастать и мешать Вам в работе. Этого я от души не хотел бы.

Не хотел бы и потому, что, несмотря на Ваши невероятные усилия, стабильность приведет к застою, к той обстановке (скорее, подобной), которая уже была. А это недопустимо. Вот некоторые причины и мотивы, побудившие меня обратиться к Вам с просьбой. Это не слабость и не трусость.

Прошу освободить меня от должности первого секретаря МГК КПСС и обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. Прошу считать это формальным заявлением.

Думаю, у меня не будет необходимости обращаться непосредственно к Пленуму ЦК КПСС.

С уважением

Б. Ельцин. 12 сентября 1987 г.».

Через несколько часов это письмо уже было в Пицунде и легло на стол генерального секретаря.

ИНТИМНЫЙ РАЗГОВОР

В самом факте жалобы на притеснения со стороны Лигачева не было ничего неожиданного. Удивительна была просьба об отставке. Ельцин был в отчаянии и действительно готов был уйти? Или в самом деле требовал от Горбачева сделать выбор между ним и Лигачевым? Или же полагал, что в такой форме обращение обязательно заставит Горбачева действовать?

Получилось совсем не так, как предполагал Ельцин.

Письмо, в котором он жаловался на «недостаточную поддержку, равнодушие к московским делам и холодное отношение к нему», на «скоординированную травлю», не произвело на Горбачева особого впечатления.

Все от время от времени жаловались на свою трудную жизнь, Михаил Сергеевич к этому привык. Он решил, что у Ельцина просто сдали нервы.

Получив письмо, Горбачев велел соединить его с московским секретарем и стал его успокаивать. Просьбу об отставке он конечно же всерьез не принял. Свидетелем разговора был Анатолий Черняев, помощник генерального секретаря.

Горбачев уговаривал Ельцина:

— Подожди, Борис, не горячись, разберемся. Дело идет к 70-летию Октября. Москва здесь заглавная. Надо хорошо подготовиться и достойно провести. Предстоит сказать и сделать важные вещи в связи с этим юбилеем. Работай, давай как следует проведем это мероприятие. Потом разберемся. Я прошу тебя не поднимать вопроса об отставке...

Положив трубку, Михаил Сергеевич сказал Черняеву:

— Уломал-таки, договорились, что до праздников он не будет нервничать, гоношиться...

Горбачев не любил выяснять отношения, предпочитал спускать на тормозах, гасить конфликты. Он был большим мастером уговаривать, убеждать и привлекать на свою сторону.

Последний пресс-секретарь Горбачева Андрей Грачев приводит любопытные слова Александра Яковлева о Горбачеве: «Он может то, чего бы я никогда не смог».

Имелось в виду поразительное тактическое мастерство Горбачева, способность к виртуозным политическим маневрам, которые, оставляя в растерянности его оппонентов, заставляли их маршировать против собственной воли в нужном ему направлении.

«Я бы сто раз сорвался, — говорил Яковлев, — и сцепился бы с этими подонками, а он ухитряется с ними работать».

Виталий Воротников, который наблюдал Горбачева несколько лет, вспоминает:

«Я хочу еще раз подчеркнуть умение Горбачева получить поддержку своей позиции, типичную для него тактику. Вот, например, сразу после пленума он позвонил мне. Ничего предосудительного в этом нет. Более того, доверие — генсек интересуется оценкой товарища по политбюро своего выступления. Знает, что у того могут быть сомнения, так как он высказал ряд положений, не посоветовавшись предварительно. Я действительно пытаюсь что-то выяснить.

Но Горбачев останавливает:

— Да, мол, есть вопрос, но обсудим на политбюро, а там... посмотрим и решим.

Успокоил сомневающегося, проявил внимание...

Думаю, что он в этот день позвонил не только мне, а и некоторым другим товарищам. Кому? Генсек знает, от кого можно ожидать возражений. Такими профилактическими действиями он нередко нейтрализовал потенциальных оппонентов, в

частности и меня. Этот простой, может быть, элементарный прием характеризует суть тактики Горбачева — гроссмейстера аппаратной работы».

ТРУДНО ЛАДИТЬ С ВИЗАНТИЙЦАМИ

После разговора с генеральным Ельцин несколько успокоился. Ему показалось, что Михаил Сергеевич его фактически поддержал. Он с нетерпением ждал большого разговора, в котором все должно было выясниться: если Горбачев заинтересован в продолжении его работы на благо перестройки, пусть поддержит его публично, защитит от Лигачева.

Михаил Сергеевич в прекрасном настроении вернулся из отпуска в Москву, но беседовать по душам с Ельциным не собирался. Просто не считал это важным. Что касается конфликта между Лигачевым и Ельциным, то генеральный секретарь вовсе не нуждался в единомыслии своих сотрудников. Его эта ситуация вполне устраивала, как, скажем, и противостояние Лигачева с Яковлевым.

Борис Николаевич нервничал, настаивал на разговоре. Но оказалось, что даже первому секретарю Московского горкома и кандидату в члены политбюро трудно встретиться с Горбачевым.

Он звонил Горбачеву, просил о встрече, а тот откладывал серьезный разговор на потом.

Видимо, Ельцин не выдержал, считая, что Горбачев вовсе не желает с ним разговаривать. Расценил это как плохой для себя знак, как обычное византийство Горбачева, который настроен против него, но не торопится это сказать. А раз так, значит, терять нечего. Не ждать, пока с тобой расправятся, а нанести удар первым.

Чувства Ельцина понятны — не так часто кандидаты в члены политбюро обращаются с просьбой об отставке, а генеральный словно пропускает это мимо ушей. Горбачев в своем высокомерии, видимо, решил, что Ельцин блажит. Спросил, наверное, у Лигачева: что случилось с Борисом? Тот ответил: как всегда. И Горбачев решил, что все само рассосется. Не рассосалось.

Предстоял пленум ЦК, на котором предполагалось обсудить проект доклада Горбачева по случаю приближающейся 70-й годовщины Октябрьской революции.

Ельцин никого не предупредил, что собирается выступать на пленуме. Текст он не писал, выступал экспромтом, хотя речь тщательно продумал.

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ПРОСИТ СЛОВА

21 октября 1987 года открылся пленум ЦК, который сыграл колоссальную роль в жизни Ельцина и в конечном счете в судьбе страны, потому что он принадлежал к тем политикам, которые меняли время.

Он, видимо, до последней минуты ждал какого-то сигнала от Горбачева, какого-то намека, поддержки. Не дождавшись, в последнюю минуту, когда пленум уже шел к концу, поднял руку и попросил слова.

Валерий Болдин вспоминает, как это произошло. После доклада Горбачева председательствующий Лигачев спросил:

— Товарищи, есть ли желающие выступить?

В зале молчали, желающих не нашлось. Уже готовились зачитать резолюцию. Лигачев еще раз оглядел зал и сказал:

— Если нет желающих, будем переходить к следующему вопросу.

Как это нередко в жизни бывает, все последующие события в какой-то мере зависели от случая. Горбачев взглянул на первый ряд, где сидели кандидаты в члены политбюро и секретари ЦК, и перебил Лигачева:

— Вот, кажется, Борис Николаевич что-то хочет сказать.

«Не знаю, действительно ли Ельцин хотел что-то сказать или нет, — добавляет Болдин. — Видно это было только членам президиума. Б.Н. Ельцин сидел в первом ряду, и многие, глядя в зал, могли не заметить его поднятую руку...»

Виталий Воротников, как член политбюро, находился в президиуме. Он видел, что Ельцин как-то неуверенно поднял руку, потом опустил. Но Горбачев это заметил:

— Вот у Ельцина есть вопрос.

Лигачев:

— Давайте посоветуемся, будем ли открывать прения?

Послышались голоса:

— Нет.

Ельцин привстал было, потом сел. Вновь подал реплику Горбачев:

— У товарища Ельцина есть какое-то заявление.

Тогда Лигачев предоставил слово Ельцину.

«Вышло все так, — вспоминает Воротников, — будто один раздумывает, говорить или нет, а второй — его подталкивает выступить. Обычно в аналогичных случаях, чтобы не затягивать время, Горбачев предлагал: «Ну, слушай, давай обсудим с тобой после, что всех держать». Собеседник соглашался. А сегодня?!»

Так что же произошло в зале пленумов ЦК КПСС?

Лигачев не хотел предоставлять Ельцину слово просто потому, что прения на пленуме не предполагались. Горбачев изложил тезисы своего доклада, посвященного 70-летию Октября, и все, можно заканчивать.

Почему же Горбачев предложил дать Ельцину слово?

Горбачева подозревают в коварстве — то ли он хотел спровоцировать Ельцина на откровенность и таким образом с ним разделаться, то ли, напротив, замыслил чужими руками облить грязью Лигачева и подорвать позиции второго секретаря.

Но скорее всего, Горбачев в тот момент просто забыл о письме Ельцина. После доклада он вообще пребывал в благодушном настроении и не подозревал, какая буря кипит в душе Бориса Николаевича.

Михаилу Сергеевичу как-то по-человечески жалко было сразу закрывать пленум. Его общительная душа требовала продолжения разговора. Он надеялся услышать какие-то слова о своем докладе и не без оснований полагал, что слова будут положительные. Ведь это был 1987 год, тогда еще никто не смел критиковать генерального секретаря. Едва ли он мог предположить, что именно Ельцин произнесет с трибуны партийного пленума.

Борис Николаевич заметно волновался, говорил сбивчиво, сумбурно, без обычного напора, некоторые его пассажи слушатели даже не поняли. Речь Ельцина была короткой, но она изменила не только судьбу самого оратора, но и историю нашей страны. Хотя сейчас даже трудно понять, что тогда так потрясло членов партийного ареопага, с изумлением внимавших московскому секретарю.

На пленуме ЦК Ельцин говорил:

— Я бы считал, что прежде всего нужно было бы перестраивать работу именно партийных комитетов, партии в целом, начиная с секретариата ЦК, о чем было сказано на июльском пленуме Центрального Комитета. Я должен сказать, что после

этого хотя и прошло пять месяцев, ничего не изменилось с точки зрения стиля работы секретариата ЦК, стиля работы товарища Лигачева. То, что сегодня здесь говорилось, — Михаил Сергеевич говорил, что недопустимы различного рода разносы, накачки на всех уровнях, это касается хозяйственных органов, любых других, — допускается именно на этом уровне...

Такие речи в зале пленумов ЦК КПСС не звучали, наверное, со времен партийной оппозиции 20-х годов. На сидевших в зале оторопь нашла. Они еще никогда не слышали такой откровенной атаки на второго человека в партии.

— Сначала был серьезнейший энтузиазм — подъем, — говорил Ельцин. — И он все время шел на высоком накале и высоком подъеме, включая январский пленум ЦК КПСС. Затем, после июньского пленума ЦК, стала вера как-то падать у людей, и это нас очень и очень беспокоит... Меня, например, очень тревожит... в последнее время обозначился определенный рост, я бы сказал, славословия от некоторых членов политбюро, от некоторых постоянных членов политбюро в адрес генерального секретаря. Считаю, что как раз вот сейчас это просто недопустимо...

Вскоре Горбачева начнут крыть на всех партийных и непартийных собраниях. И самые немыслимые обвинения перестанут удивлять. Но в тот день впервые кто-то осмелился открыто, прилюдно критиковать генерального секретаря.

А закончил свою речь Ельцин и вовсе неожиданно:

— Видимо, у меня не получается в работе в составе политбюро. По разным причинам. Видимо, и опыт, и другое, может быть, и отсутствие некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачева, я бы подчеркнул, привели меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности, обязанностей кандидата в члены политбюро. Соответствующее заявление я передал, а как будет в отношении первого секретаря городского комитета партии, это будет решать уже, видимо, пленум городского комитета партии...

В отставку по своей воле в этом зале тоже еще никто не подавал. Да и кто, добравшись до вершины власти, мог с ней расстаться, понимая, что это означает и одновременно отказаться от максимального в той жизни житейского благополучия? Купить за деньги нельзя было почти ничего, все блага — от еды до лекарств, от машины до квартиры — прилагались к должности. Отбирали должность — отбирали все.

ВСЯ КОРОЛЕВСКАЯ РАТЬ

В выступлении Ельцина не было ничего чрезвычайного. Если бы такую речь кто-то произнес через год, никто бы и внимания не обратил. Но тогда она произвела эффект разорвавшейся бомбы. Это был настоящий скандал.

Воротников:

«Все как-то опешили. Что? Почему? Непонятно... Причем такой ход в канун великого праздника! Я про себя подумал, что Михаил Сергеевич сейчас успокоит Бориса Николаевича. Хорошо, раз есть замечания, то давайте разберемся, обсудим, определим, что делать. Но не сейчас же! Поручить политбюро разобраться и доложить. Все. Но дело приняло иной оборот...»

Атаку на Лигачева и какие-то замечания общего характера Михаил Сергеевич бы еще стерпел, но Ельцин задел и его самого — причем самым болезненным образом. Наверное, Горбачев решил так: если он оставит это без ответа, то и другие решат, что им тоже можно нападать на первого человека в стране. Авторитет генерального секретаря рухнет.

Болдин:

«Горбачев объявил перерыв. Я видел его разъяренное, багровое лицо, желание скрыть досаду. Он старался подавить эмоции, но упоминание о его стремлении к величию попало в цель. Не будь этого, наверное, не потребовалось бы выпускать на трибуну всю королевскую рать...

Прозвучали звонки, все расселись на свои места, и я вдруг увидел совсем иной состав ЦК. К Б.Н. Ельцину и в прошлом многие относились негативно, а тут словно прорвало плотину. Начались выступления, порой резкие, безудержные, полные неприязни».

Воротников:

«Горбачев как-то весь напрягся, подвинул Лигачева и взял председательство в свои руки. Посмотрел налево, посмотрел направо в президиум, где сидят только члены политбюро — вот, мол, такой «фокус», а в зал и говорит:

— Выступление у товарища Ельцина серьезное. Не хотелось бы начинать прения, но придется обсудить сказанное. Это тот случай, когда необходимо извлечь уроки для себя, для ЦК, для Ельцина. Для всех нас.

Сидя за столом, я, как и другие коллеги, поймал взгляд Горбачева: ну что, мол, надо определить и вам свои позиции. Ста-

ли выступать члены политбюро, секретари ЦК, другие товарищи. Выступления были разные. Одно мягче, другое резче, острее, но все осуждали оценки и выводы, прозвучавшие в словах Ельцина...»

Кто-то с искренней страстью набросился на Ельцина: почему бы не потоптать ногами падшего фаворита? Другие делали это вынужденно и без удовольствия — Горбачев потребовал от членов политбюро коллективной присяги на верность в форме уничтожающей критики Ельцина. Все видели, что ждет от них Михаил Сергеевич, и спешили отметиться.

Первым, естественно, выступил Лигачев, за ним потянулись другие члены ЦК. Не всем хотелось клеймить московского секретаря, но не осудить в тот момент Ельцина означало бросить вызов Горбачеву, который хотел убедиться, что его соратники хранят ему верность. Выступили двадцать шесть человек, в том числе все члены политбюро.

Егор Лигачев говорил, что Ельцин фактически не принимает участия в работе политбюро, присутствует, но ни одного слова не говорит.

Яков Рябов рассказал, как он воспитывал Ельцина в Свердловском обкоме, надеялся, что тот изживет свои недостатки, но не получилось.

Николай Рыжков считал, что Ельцину стало нравиться, что его цитируют за границей всякие радиоголоса, вот он и демонстрирует особую позицию.

Виталий Воротников отметил, что Ельцин в последнее время изменился — появились излишняя самоуверенность, излишняя амбициозность, левацкие фразы, уверовал в свою правоту и всем недоволен.

Александр Яковлев считал, что Ельцин упивается собственной личностью и одновременно, испугавшись временных трудностей, впал в элементарную панику.

В дурацком положении оказались подчиненные Ельцина. От них речь держал назначенный им председателем исполкома Моссовета Валерий Сайкин. Он поспешил доложить, что москвичи с заявлением Бориса Николаевича не согласны, но сказал и несколько хороших слов о своем первом секретаре:

— Он коммунист, знающий человек, активный, много трудился, день и ночь трудился в городе, и те результаты, которые есть (а они сегодня есть), о них можно говорить в Москве:

это и выполнение плана по строительству, по промышленности, и улучшение все-таки вопросов торговли — этого не отнимешь...

ЕГО НАДО ОСУДИТЬ

Сейчас опять же трудно себе представить, что в те времена такой хор обвинений означал для человека политическую смерть. Всем находившимся в зале было ясно, что песенка Ельцина спета. Наиболее активные требовали немедленно снять его с работы и вывести из состава ЦК.

После выступлений членов ЦК Горбачев поднял Ельцина и заставил его оправдываться. Тот говорил достаточно невнятно. Горбачев стал его сам корить:

— Тебе мало, что вокруг твоей персоны вращается только Москва. Надо, чтобы еще и Центральный Комитет занимался тобой? Уговаривал, да?.. Надо же дойти до такого гипертрофированного самолюбия, самомнения, чтобы поставить свои амбиции выше интересов партии, нашего дела! И это тогда, когда мы находимся на таком ответственном этапе перестройки. Надо же было навязать Центральному Комитету партии эту дискуссию. Считаю это безответственным поступком. Правильно товарищи дали характеристику твоей выходке...

И дальше Горбачев еще целый час разносил Ельцина:

— Мы на правильном пути, товарищи!.. Мы не зря прожили эти два года, хотя они и не нравятся товарищу Ельцину. Не зря! Ведь посмотрите, что он сказал! Мне дали уже стенограмму. Вот ведь что он сказал: за эти два года реально народ ничего не получил. Это безответственнейшее заявление, в политическом плане его надо отклонить и осудить. Мы добились немалого...

И все-таки из выступления Горбачева неясно было, что делать с Ельциным. Если его сразу не сняли, так, может быть, он еще и останется на своем посту? Присутствующим показалось, что Горбачев оставляет ему шанс.

В постановлении пленума говорилось, что выступление Ельцина надо признать «политически ошибочным. Поручить Политбюро ЦК КПСС, Московскому горкому партии рассмотреть вопрос о заявлении тов. Ельцина Б.Н. об освобождении его от обязанностей первого секретаря МГК КПСС с учетом обмена мнениями, состоявшегося на Пленуме ЦК КПСС».

ДВА ПРЕЗИДЕНТА И ОДИН ПЛЕНУМ

После разноса, устроенного Ельцину, пленум легко решил небольшой кадровый вопрос — был освобожден от обязанностей члена политбюро Гейдар Алиев, который перенес инфаркт. Его назначили советником в президиум Верховного Совета.

В тот день всем казалось, что карьера Ельцина и Алиева закончилась. Одного ждала опала, другого пенсия. Получилось иначе. Ельцин стал президентом России, Алиев — президентом Азербайджана. А вот их критики навсегда сошли с политической сцены. Но в тот момент этого еще никто не мог знать.

Помню, как после пленума ЦК — никому еще ничего не было известно о сенсационном выступлении Ельцина — мой коллега в журнале «Новое время» огорченно произнес: «Почему же нашего любимца Ельцина опять не избрали в политбюро?» На что один наш высокопоставленный автор загадочно заметил: «Дела вашего Бориса Николаевича плохи, он больше не в фаворе».

Формально пленум закончился победой Лигачева. Всякая критика в его адрес была отвергнута.

Но в окружении Егора Кузьмича подозревали если не сговор между Горбачевым и Ельциным, то, во всяком случае, некий тонкий и дальний расчет московского секретаря. Он напал на Лигачева, зная, что генеральный секретарь изменил свое отношение к Егору Кузьмичу, но промахнулся, потому что выступавшие на пленуме поддержали второго секретаря ЦК.

Нелепо думать, что Ельцин рискнул всем ради того, чтобы подрезать крылья Лигачеву. В этой игре ставки были не в пример выше. А недовольство методами Егора Кузьмича высказывал далеко не один Ельцин. Мнение главы правительства Николая Рыжкова, скажем, было значительно важнее. Но главным стало решение самого Горбачева отодвинуть верного соратника от кадровых дел.

Через пару месяцев на заседании политбюро, на котором Лигачев не присутствовал, потому что работал над докладом к пленуму ЦК о народном образовании, был принят новый порядок работы политбюро и секретариата.

Секретариат всегда заседал раз, а то и два раза в неделю — накануне заседаний политбюро. А тут было решено проводить его раз в две недели. Но главный удар по Лигачеву состоял в том, что секретариат лишился права рассматривать вопросы, которые

Борис Ельцин с родителями Клавдией Васильевной
и Николаем Игнатьевичем

Ельцин с матерью Клавдией Васильевной

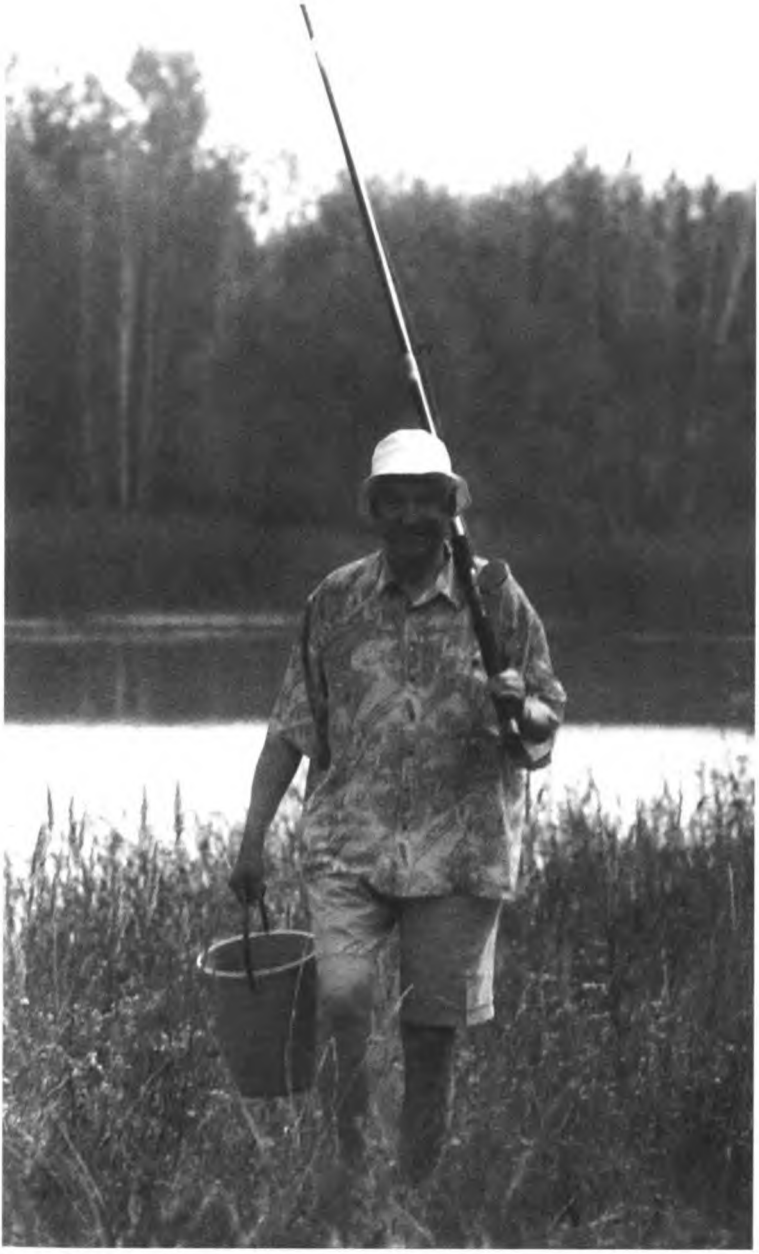
Борис Ельцин с женой Наиной

Первый секретарь Свердловского обкома КПСС Ельцин
на коммунистическом субботнике. 1979 г.

Борис Николаевич с супругой Наиной Иосифовной и дочерью Татьяной
на вечере «Московская юморина» в Кремлевском Дворце съездов. 1996 г.

Татьяна Борисовна Дьяченко — младшая дочь президента — с сыном Борисом. 1992 г.

Президент после лыжной прогулки. Валдай, 1998 г.



Борис Николаевич – рыболов. 1997 г.

После игры в теннис

Михаил Горбачев, Борис Ельцин и Руслан Хасбулатов

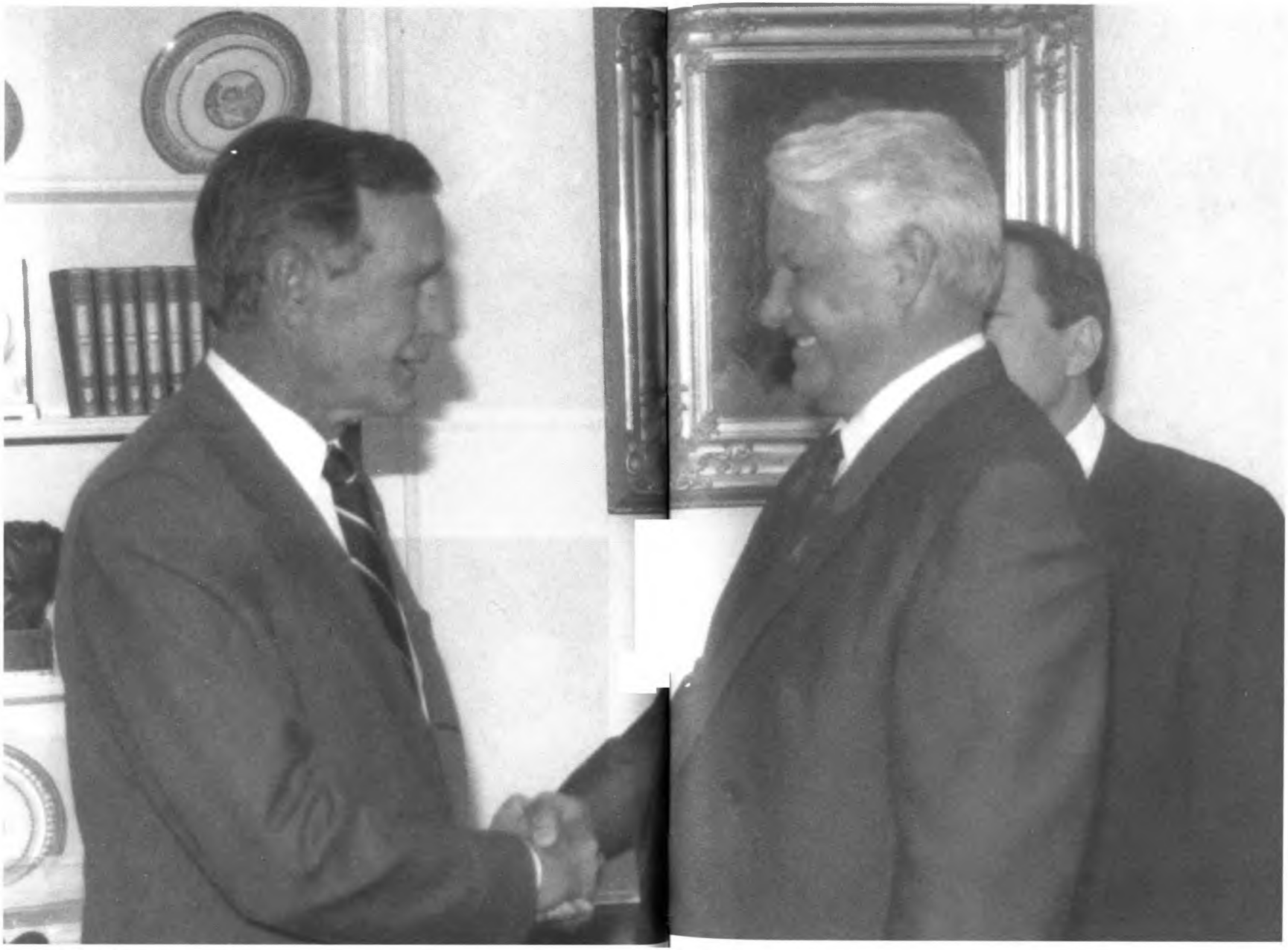
Ельцин и Руцкой

Глава администрации президента Валентин Юмашев, Борис Ельцин и первый вице-премьер правительства Анатолий Чубайс. 1997 г.

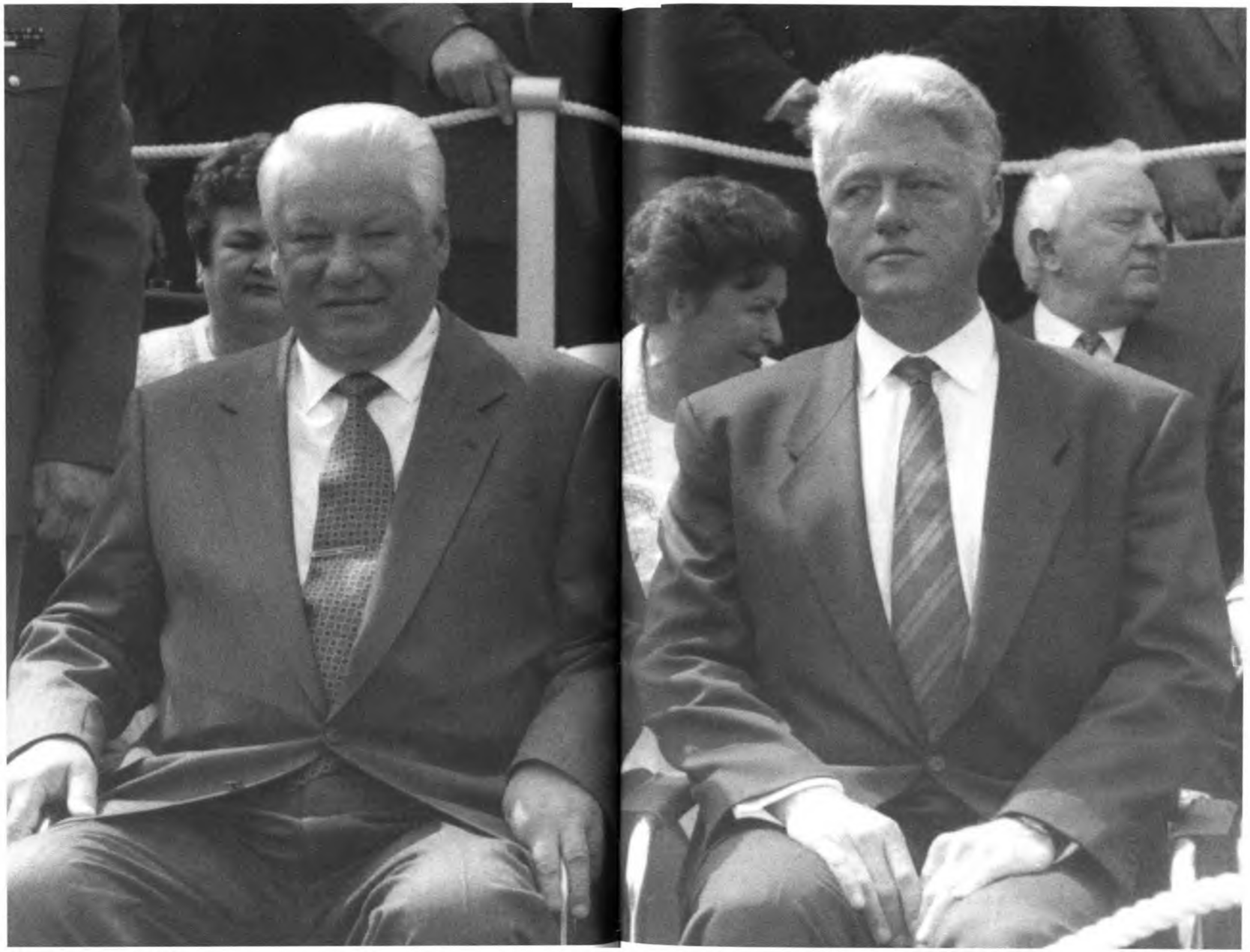
Глава российского правительства Виктор Черномырдин и Борис Ельцин. 1997 г.

Председатель правительства Евгений Примаков и Борис Ельцин. 1998 г.

Встреча с председателем правительства Сергеем Степашиным, министром обороны Игорем Сергеевым и руководителем администрации президента Александром Волошиным. 1999 г.



Встреча с Дж. Бушем



Борис Ельцин и Билл Клинтон

Борис Ельцин и Гельмут Коль

должны утверждаться на политбюро. Это обосновали очень элегантно: чтобы секретариат не дублировал политбюро. А сделано это было для того, чтобы секретариат и лично Лигачев лишились возможности решать крупные кадровые вопросы, высказываться по важнейшим проблемам.

Роль еще недавно всевластного секретариата была сведена до технической — организационно обеспечивать проведение пленумов ЦК и разного рода совещаний. Горбачев лишил Егора Кузьмича его полномочий...

ТОВАРИЩИ ПРОСЯТ ОСТАТЬСЯ

А что же произошло с Ельциным после пленума? Он оставался и кандидатом в члены политбюро, и первым секретарем. Страна и не подозревала о том, что произошло. Но нормально работать он уже не мог. Ельцин конечно же не ожидал, что ему устроят публичную порку, и держался из последних сил, скрывая свое состояние.

Товарищи по партийному руководству шарахались от опального Ельцина как от чумного и не могли понять, почему он до сих пор не отправлен в отставку, почему он все еще рядом с ними, почему приходит на политбюро, садится рядом? Что это означает?

Они с некоторым недоумением посматривали на генерального секретаря: почему он медлит? Неужели решил оставить Ельцина на своем месте? Да как это можно — после всего, что было сказано?

Партийно-административная логика требовала примерно наказать Ельцина, чтобы другим было неповадно. Только этого ждали от Горбачева в аппарате. А он некоторое время колебался. Аргументов против отставки Ельцина было немало.

Анатолий Черняев, помощник Горбачева, советовал своему шефу не принимать отставки Ельцина и специально написал Михаилу Сергеевичу письмо с любопытным анализом поведения Бориса Николаевича:

«Прежде всего это эмоциональный всплеск: я, мол, выкладываюсь, себя не жалею (и это ведь действительно так), пытаюсь что-то сделать с этой обленившейся и зазнавшейся, застойной Москвой, а получаю одни тумаки, да еще в грубой форме, да еще прилюдно, на секретариате.

А что касается амбиций, то в общем-то они простительны: вряд ли он метил на самые первые места (ума хватает, наверное, на это не рассчитывать)...

По его поведению на субботнем пленуме мне стало совсем ясно, что, подавая на пленуме в отставку, он рассчитывал на то, что «не осмелятся» ее принять. Слишком он стал уже известен повсюду, а в Москве — даже популярен...

Отставка Ельцина будет воспринята как победа консервативных сил, хотя сам он лично, видимо, недалек от их взглядов на вопросы нашей истории по причине, скорее всего, «малограмотности» в этой области...

Да и по делам в Москве... Как должен будет понимать «неприемлемость» Ельцина его преемник? Что, надо поспокойнее, потише, поаккуратнее, за шиворот не трясти? Но так с Москвой далеко не уедешь. Тут еще разгребать и разгребать. А у Ельцина что-то начинало получаться, растормошил он людей, взялся за них. И недаром московское бюро не хочет, чтобы он ушел, хотя и для них он — не подарок...»

А сам Ельцин уходить не хотел. Он почему-то до последнего надеялся, что Горбачев в конце концов встанет на его сторону. Горбачев отдельно беседовал с Ельциным. Тот покорно признал свое выступление на пленуме ошибкой. Потом пришел на очередное заседание политбюро. Попросил слова. Когда до него дошла очередь, повинился:

— Моя главная ошибка — из-за амбиций, самолюбия уклонялся от того, чтобы нормально сотрудничать с Лигачевым, Разумовским, Яковлевым. Но товарищи в горкоме партии не отвернулись от меня — хотя и осудили мое поведение, просят остаться...

Оказывается, Борис Николаевич попросил членов бюро горкома обсудить его поведение. Сам ушел, чтобы своим присутствием не давить на подчиненных. Бюро, не зная, как в конце концов повернется дело, решило не ссориться ни с ЦК, ни со своим первым секретарем, поэтому приняло в высшей степени дипломатичное решение: осудило Ельцина и за выступление на пленуме, и за то, что заранее не посоветовался с товарищами в горкоме, и за то, что подал заявление об отставке.

Вот, сказал Ельцин Горбачеву, товарищи требуют, чтобы я продолжил работу в горкоме. У Михаила Сергеевича этот поворот событий вызвал раздражение. Получалось, что Ельцин остается при своем мнении, то есть он абсолютно во всем

прав, но, так и быть, готов остаться, поскольку бюро горкома вроде как не хочет, чтобы он уходил.

3 ноября Ельцин прислал Горбачеву короткое письмо, в котором еще раз излагал мнение бюро горкома и в этой связи просил дать ему возможность продолжить работу в качестве первого секретаря МГК КПСС.

Но Михаил Сергеевич уже принял решение: оставлять Ельцина в горкоме нельзя. Если бы Борис Николаевич раскаялся и покаялся, проявил готовность быть верным вассалом, Горбачев, может быть, еще и передумал. Но он прекрасно видел, что покорным Ельцин все равно не будет. Так зачем же ему держать под боком такого смутьяна?

Члены политбюро дисциплинированно поддержали мнение генерального. Горбачев сам позвонил Ельцину и сказал ему, что его политическая карьера окончилась.

Часть третья
НАРОДНЫЙ ЗАСТУПНИК

Глава седьмая
ОПАЛА

После выхода мемуаров бывшего президентского телохранителя генерала Коржакова пошли разговоры о том, что Борис Ельцин страдает от приступов хронической депрессии и даже несколько раз пытался покончить жизнь самоубийством.

Первой попыткой считается странный случай, который произошел с Ельциным в ноябре 1987 года, когда после громкой речи на пленуме ЦК его решили снять с должности...

УДАР НОЖНИЦАМИ

Этот драматический эпизод в книге Ельцина «Исповедь на заданную тему» описан так:

«Девятого ноября с сильными приступами головной и сердечной боли меня увезли в больницу. Видимо, организм не выдержал нервного напряжения, произошел срыв.

Меня сразу накачали лекарствами, в основном успокаивающими, расслабляющими нервную систему. Врачи запретили мне вставать с постели, постоянно ставили капельницы, делали уколы. Особенно тяжело было ночью, я еле выдерживал эти сумасшедшие головные боли...»

Срыв у Ельцина действительно произошел. Но госпитализировали его не потому, что у него болели сердце и голова.

Вот как описывает в своем дневнике случившееся член политбюро Виталий Воротников:

«9 ноября, в понедельник, в 13.30 срочно пригласили в ЦК. В кабинете Горбачева собрались только члены политбюро (Лигачев, Громыко, Рыжков, Зайков, Воротников, Чебриков, Яковлев, Шеварднадзе, Соломенцев).

Сообщение Лигачева. Ему позвонил второй секретарь МГК и сказал, что у них ЧП. Госпитализирован Б.Н. Ельцин.

Что произошло? Утром он отменил назначенное в горкоме совещание, был подавлен, замкнут. Находился в комнате отдыха. Примерно после 11 часов пришел пакет из ЦК (по линии политбюро). Ему передали пакет. Через некоторое время (здесь я не помню точно, как говорил Лигачев, — или потому, что ожидали его визы на документе и зашли к Ельцину, или он сам позвонил) к Ельцину вошли и увидели, что он сидит у стола, наклонившись, левая половина груди окровавлена, ножницы для разрезания пакета — тоже. Сразу же вызвали медицинскую помощь из 4-го управления, уведомили Чазова, сообщили Лигачеву. О факте знают несколько человек в МГК».

Председатель КГБ Виктор Чебриков дополнил рассказ Лигачева:

«В больнице на Мичуринском проспекте (спецбольница с поликлиникой Четвертого главного управления при министерстве здравоохранения СССР), куда привезли Ельцина, он вел себя шумно, не хотел перевязок, постели. Ему сделали успокаивающую инъекцию. Сейчас заторможен. Спит. Там находится Е.И. Чазов (начальник Четвертого главного управления).

Что он говорит? Был порез (ножницами) левой стороны груди, но вскользь. Незначительная травма, поверхностная. Необходимости в госпитализации нет. Сделали обработку пореза, противостолбнячный укол...

Во время заседания вновь позвонил Чазов. И еще раз подтвердил, что порез небольшой, можно два-три дня подержать. А вообще — это амбулаторный режим».

Горбачев пишет, что ему немедленно доложили о чрезвычайном происшествии:

«Ельцин канцелярскими ножницами симулировал покушение на самоубийство, по-другому оценить эти его действия было невозможно.

По мнению врачей, никакой опасности для жизни рана не представляла — ножницы, скользнув по ребру, оставили кровавый след...

Врачи сделали все, чтобы эта малопривлекательная история не получила огласки. Появилась версия: Ельцин сидел в комнате отдыха за столом, потерял сознание, упал на стол и случайно порезался ножницами, которые держал в руке...»

Политбюро заседало долго, обсуждая и осуждая Ельцина. Никто не подумал о том, что переживший чудовищный стресс человек прежде всего нуждается в неотложной психологической и психиатрической помощи. Исходили из того, что советский человек не имеет права на проявление слабости.

Попытка самоубийства, если эта версия была верной, и вовсе рассматривалась как непростительный проступок, недостойный коммуниста-руководителя. Теперь уж точно Борис Николаевич утратил моральное право руководить столичной партийной организацией...

Вот как в кабинете генерального секретаря на Старой площади шло обсуждение вопроса о Ельцине, судя по дневниковым записям Виталия Воротникова. Ни капли сочувствия или доброжелательности:

«Факт сам по себе беспрецедентный. Что это? Случайность или срыв? Форма протеста или малодушие? Не похоже на Бориса Николаевича... Факт скрыть не удастся. Станет известно в Москве. Надо принимать решение. Пленум МГК намечен или нет? Дата уже известна. Необходимо решать вопрос, откладывать нельзя. Однако следует подождать дополнительной информации о состоянии здоровья. Новые сообщения врачей — состояние удовлетворительное. Возбуждение после сна пройдет...

Члены политбюро, секретари ЦК стали рассуждать. Обстановка в Москве, особенно в активе, сложилась последние месяцы не в пользу Б.Н. Ельцина. Взялся он за дело, по обыкновению, активно, круто. Тезис: при Гришине все было плохо — сначала срабатывал, давая повод для разноса и замены кадров. «Закручивание гаек». Хождения в народ — на заводы, стройки, в магазины. Выслушивал, критиковал старые порядки, давал обещания и авансы.

Но время идет, прошло почти два года, а дела не поправляются. Стали спрашивать, где обещанное. Да тут и в ЦК не только помогают, но и критикуют, требуют более результативной работы. К этому не привык Борис Николаевич!

Опять стали обсуждать, как поступить. Горбачев, другие члены политбюро склонились к выводу, что налицо депрессия. Тя-

нуть с решением нельзя, надо выносить вопрос на пленум МГК, как было поручено пленумом ЦК.

Итоги обсуждения подвел Горбачев:

«В принципе решение о том, что Ельцина надо освобождать от работы, как он и сам просит, в политбюро уже созрело и раньше. Иначе — беспринципность. Сегодняшний день еще раз подтвердил правильность оценок на пленуме. Убежден, что мы верно поступили, не став (хотя было сильное давление членов ЦК) решать этот вопрос на пленуме ЦК. Но сейчас откладывать уже нельзя.

Надо будет встретиться с секретарями райкомов, обсудить предварительно на бюро МГК, а затем на пленуме МГК. Видимо, необходимо поручить это генеральному секретарю. Как считаете?» (Реплики: «Конечно, ведь это Москва»)...»

ВОТ ВЕДЬ ХАРАКТЕР!

Утром 11 ноября Горбачев позвонил Ельцину в больницу. В палате кандидата в члены политбюро были установлены аппараты правительственной связи. Борис Николаевич разговаривал совершенно убитым тоном. Горбачев сказал, что ждет его у себя в ЦК.

Ельцин не хотел ехать, говорил, что врачи прописали ему постельный режим. Но Горбачев бесцеремонно дал понять, что он обо всем знает (он имел в виду историю с ножницами) и что настало время провести пленум Московского горкома.

Ельцин продолжал сопротивляться:

— Зачем такая спешка? Мне тут целую кучу лекарств прописали...

— Лекарства дают, чтобы успокоить и поддержать тебя. А тянуть с пленумом ни к чему, — твердо сказал генеральный секретарь. — Москва и так полна слухами и о твоем выступлении на пленуме ЦК, и о твоем здоровье. Так что соберешься с духом, приедешь в горком и сам все расскажешь. Это в твоих интересах.

— А что я буду делать потом? — спросил Ельцин.

— Будем думать.

— Может, мне на пенсию уйти?

— Не думаю, — ответил Горбачев. — Не такой у тебя возраст. Тебе еще работать и работать.

Пленум Московского горкома состоялся на следующий же день, 12 ноября. Горбачеву не терпелось избавиться

от психически неуравновешенного, как он считал, Бориса Ельцина.

Ельцин с ужасом вспоминает тот день. Ему было плохо. Врачи, получив указание привести в порядок, накачали его транквилизаторами. Потом они нередко прибегали к этому средству. Борис Николаевич обрел способность двигаться, но в голове у него шумело, и он вряд ли адекватно воспринимал происходящее. Возможно, это его и спасло, потому что ему предстояло пережить нечто ужасное. Атмосфера на пленуме горкома была гнуснее, чем на пленуме ЦК. Горкомовские чиновники были мельче и гадостнее цековских.

На пленум горкома приехали Горбачев, Лигачев и предложенный на смену Ельцину секретарь ЦК КПСС по оборонной промышленности ленинградец Лев Николаевич Зайков.

«Атмосфера была тяжелой, — вспоминает Горбачев. — Ельцин был большим мастером по части нанесения обид своим коллегам и сослуживцам. Обижал зло, больно, чаще всего незаслуженно, и это отзывалось ему теперь... Все это оставило неприятный осадок. На пленуме Ельцин проявил выдержку, я бы сказал, вел себя как мужчина».

Врагов Ельцин действительно нажил себе порядочное количество — в лице каждого, кого он снял с должности. В другой ситуации им бы пришлось до пенсии держать обиду в себе или делить ее с женой. А тут открылась сказочная возможность — партия в лице генерального секретаря просит ударить обидчика побольнее.

Недавние подчиненные Ельцина обвиняли его во всех смертных грехах, с наслаждением и сладострастием топтали поверженного хозяина, который в ту минуту более всего нуждался в помощи опытного врача-психоаналитика.

Секретари райкомов жаловались на Ельцина и одновременно оправдывались за свое прежнее молчание:

— А могли мы выступать открыто? По многим вопросам набирали в рот воды... Оторвался Борис Николаевич от нас, да он и не был с нами в ряду. Он над нами как-то летал. Он не очень беспокоился о том, чтобы мы в едином строю, взявшись за руки, решали большое дело... И почему такое пренебрежение к первым секретарям райкомов? Почти у каждого ярлык... Даже участковым инспекторам предоставлялось право следить за нами, говорилось о нас: если они, сукины сыны, что-нибудь натворят, смотрите...

Ельцина прямо называли виновником смерти бывшего первого секретаря Киевского райкома — одного из тех, кого он снял с должности. Уволенного секретаря назначили — с большим понижением — заместителем начальника управления кадров министерства цветной металлургии. Он, видимо, не в силах был пережить случившееся и через несколько месяцев выбросился из окна. Снятие с должности в те времена было равносильно катастрофе...

Выступления участников пленума горкома были потом опубликованы в московской прессе и произвели на москвичей самое мерзкое впечатление. А для Ельцина, который во второй раз присутствовал на собственной гражданской казни, это было новым ударом. Ельцина больше всего потрясло то, что в общем хоре звучал и голос тех, кого он поднимал и назначал на высокие должности. И ему еще пришлось встать, пройти на трибуну, оправдываться и виниться перед этими людьми. Обряд покаяния был непременной частью ритуала.

Ельцин говорил на пленуме:

— Я честное партийное слово даю, конечно, никаких умыслов я не имел, и политической направленности в моем выступлении не было... Я не могу согласиться с тем, что я не люблю Москву... Нет, я успел полюбить Москву и старался сделать все, чтобы те недостатки, которые были раньше, как-то устранить... Я очень виновен перед московской партийной организацией, очень виновен перед горкомом партии, перед вами, конечно, перед бюро, и, конечно, я очень виновен лично перед Михаилом Сергеевичем Горбачевым, авторитет которого так высок в нашей организации, в нашей стране и во всем мире...

Прямо из горкома Ельцина увезли назад в больницу на Мичуринский проспект. Впервые в жизни он оказался безработным. Но Горбачев уже нашел ему работу — по специальности. Ельцин — профессиональный строитель? Пусть строит.

Воротников записал в дневнике:

«18 ноября во второй половине дня мне позвонил Горбачев. Повел разговор о трудоустройстве Ельцина. Коротко рассказал, как прошел пленум МГК.

— Есть мнение — назначить заместителем председателя Госстроя СССР. Думаю, не стоит его списывать. Строительство он знает, надеюсь, что эта встряска пойдет ему на пользу. Товарищи поддерживают, как твое мнение?

— Согласен.

— Ну ладно, буду вносить на политбюро».

Еще раз Горбачев посетовал на происшедшее 9 ноября: «Надо же было додуматься до такого поступка! Сколько с ним возились! Беседовали, обсуждали. Вот характер!»

ЭТО УХОД ИЗ ПОЛИТИКИ?

После пленума Ельцин не вставал с постели, пребывал в подавленном состоянии, думал, что его ждет.

Горбачев позвонил Ельцину и предложил пойти в Госстрой первым заместителем председателя. Государственный комитет по строительству был суперминистерством, его возглавлял заместитель председателя Совета министров СССР, поэтому его первому заму можно было дать ранг министра.

Это было хорошо продуманное назначение: оно позволяло сохранить за Ельциным номенклатурный уровень союзного министра — вроде жаловаться ему не на что. Но одновременно Горбачев избежал необходимости поручить ему самостоятельную роль. Борис Николаевич опять перестал быть хозяином.

— Это уход с политической арены? — полувопросительно-полуутвердительно произнес Ельцин.

— Сейчас вернуть тебя в сферу большой политики нельзя, — осторожно ответил Горбачев. — Но министр является членом правительства. Ты останешься в составе ЦК КПСС. А дальше посмотрим, что и как. Жизнь продолжается.

Михаил Сергеевич, считая, что имеет дело с не совсем здоровым человеком, лукавил. Для себя он окончательно решил: Ельцин может заниматься только хозяйственными делами. Получится у него в Госстрое, пусть трудится до пенсии.

Горбачев был озабочен поисками замены Ельцину. Спросил секретаря ЦК Вадима Медведева, как он относится к идее занять пост первого секретаря Московского горкома. Тот сразу ответил:

— Отрицательно. Москва не для меня, да и я для них чужой. Если брать немосквича, то в тяжелом весе.

После некоторых размышлений тяжеловеса нашли.

Оставшийся почти незаметным в политической жизни страны Лев Николаевич Зайков большую часть жизни проработал на оборонных предприятиях. Его продвигал член политбюро и

первый секретарь Ленинградского обкома Григорий Васильевич Романов, который в конце брежневской эпохи казался одним из вероятных кандидатов на пост генерального.

Юрий Андропов перевел Романова в Москву на повышение, сделал его секретарем ЦК по военно-промышленному комплексу. Вместо себя Романов оставил в Ленинграде послушного и неконфликтного Зайкова.

В середине мая 1985 года в Ленинград совершил первую поездку новый генеральный секретарь Горбачев. Горячий и искренний прием, оказанный ему в городе, так понравился Михаилу Сергеевичу, что он перенес теплые чувства к ленинградцам и на Зайкова.

Горбачев первым делом отправил своего соперника Романова на пенсию. А на освободившееся место секретаря по оборонной промышленности пригласил Зайкова.

И вот теперь вместо Ельцина, видимо, по контрасту Горбачев выбрал надежного и исполнительного Зайкова, который старался не перечить генеральному.

Выбор оказался плохим, что вскоре понял и сам Горбачев.

Зайков проработал первым секретарем Московского горкома меньше двух лет и ушел тихо и незаметно. Он сам попросил заменить его в горкоме, чтобы вернуться к оборонным проблемам.

4 октября 1989 года на заседании политбюро, когда повестка дня была исчерпана, рассмотрели и удовлетворили просьбу Зайкова об отставке с поста первого секретаря МГК. Почему он уходит? — таких вопросов никто не задавал.

Опять начались поиски московского секретаря.

Горбачев прочил на это место Аркадия Вольского, крупного партийного работника с либеральными взглядами.

Но бюро горкома, когда Горбачев спросил мнение столичных партсекретарей, единодушно высказалось за Юрия Прокофьева, скучного и мелкого партийного чиновника, который как начал в школе трудовую деятельность старшим пионервожатым, так и шел неостановимо по комсомольской лестнице. Потом его перевели на партийную работу инструктором горкома, и он стал трудолюбиво двигаться вверх.

Большая карьера Прокофьева началась тогда, когда на долю Куйбышевского района Москвы, где он был первым секретарем, выпала счастливая доля выдвинуть в депутаты Верховного Совета РСФСР генерального секретаря Константина Устиновича

Черненко. Таким образом, Прокофьев становился секретарем райкома номер один.

Виктор Гришин в марте 1985 года вытащил умирающего Черненко из постели, чтобы вручить ему удостоверение об избрании, а Прокофьеву дозволили присутствовать на этой печально знаменитой церемонии, показанной в программе «Время», и подарить генеральному секретарю цветы...

Прошло несколько лет, и Прокофьев сам занял место Гришина. Горбачев и его окружение понимали, что это не тот уровень, что во главе Москвы нужно поставить более заметную личность, но мнение бюро горкома было единодушным. Ельцин для этих людей был плох, они хотели Прокофьева.

В августе 1991 года, на последнем совещании участников ГКЧП Юрий Прокофьев истерически кричал:

— Дайте мне пистолет, я застрелюсь!

Прокофьев вошел в историю своим бегством из Москвы после провала августовского путча 1991 года. Его искали, чтобы допросить. Он в конце концов сдался властям, с него сняли показания и сразу отпустили. Потом занялся бизнесом и теперь с удовольствием вспоминает, что это он ввел Юрия Лужкова в политику.

САМЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ

8 января возле Госстроя на Пушкинской улице (теперь в этом мрачном здании располагается Совет Федерации) гаишники мгновенно перекрыли движение, и в «ЗИЛе» с охраной в первый раз приехал на новую работу Борис Николаевич Ельцин. Его кабинет находился на четвертом этаже. Ельцин появился в окружении четырех телохранителей.

Назначение кандидата в члены политбюро, пусть даже опального, в Госстрой было для ведомства огромным событием. Еще до прихода Ельцина в Госстрой стали приходить письма на его имя.

Здесь заранее побывали лечащий врач Ельцина и врач-диетолог. Они проверили столовую для начальства — им не понравилось. Вызвали заведующего столовой и объяснили ему, как и чем следует кормить нового руководителя.

В кабинете Ельцина поместили аптечку с большим набором лекарств. На рабочем столе и столе для заседаний оборудова-

ли кнопку вызова, чтобы он мог сразу вызвать секретаря. В комнате отдыха велели поставить диван, чтобы Ельцин мог прилечь, если, не дай Бог, плохо себя почувствует.

Борис Николаевич был в опале, считалось, что он навсегда выброшен из политической жизни, но до очередного пленума оставался кандидатом в члены политбюро, поэтому Девятое управление КГБ и Четвертое главное управление при министерстве здравоохранения СССР продолжали его опекать.

Но Ельцин понимал, что и этого он скоро лишится. А главного уже был лишен — власти. Он дорожил не столько ее атрибутами — все блага были просто приложением к должности, — сколько самой возможностью управлять действиями множества людей, выдвигать любые идеи и претворять их в жизнь.

Едва ли Борис Николаевич формулировал это для себя столь откровенным образом, но он-то понимал, что власть — это единственное, что приносит удовольствие всегда. Все остальное дает лишь кратковременную радость.

После отставки, вспоминал позднее Борис Ельцин, наступили «самые тяжелые дни в моей жизни... Немногие знают, какая это пытка — сидеть в мертвой тишине кабинета, в полном вакууме, сидеть и подсознательно чего-то ждать... Например, того, что этот телефон с гербом зазвонит. Или не зазвонит...»

Телефон с гербом — это аппарат правительственной городской автоматической телефонной станции. Телефоны АТС-2, в просторечии «вторая вертушка», устанавливали номенклатуре средней руки — уровня заместителя министра. У Ельцина же в госстроевском кабинете помимо «второй вертушки» стояла и «первая» — АТС-1, которая полагалась высшему эшелону власти.

И каждый день он с надеждой смотрел на этот телефон, ожидая, что, как в сказке, он вдруг зазвонит — и если не сам Горбачев, то кто-то от него скажет: приезжай, Борис Николаевич, для тебя есть дело поважнее...

Но телефон не звонил.

О нем забыли. Забыли даже те, кто числился в приятелях.

Ельцин был поражен, когда разом исчезли все те, кто еще недавно крутился вокруг него, набивался ему в друзья, счастлив был получить аудиенцию и пожать ему руку. Он оказался в некоем вакууме.

ОТОБРАЛИ «ЗИЛ» И ОХРАНУ

Он, наверное, не без оснований предполагал, что в политическом мире нет настоящих человеческих отношений, идет постоянное подсиживание друг друга, беспощадная борьба за власть или за иллюзию власти.

Борис Николаевич и сам был одержим этой борьбой. Он и сам, если бы дал себе труд вспомнить собственную жизнь, автоматически вычеркивал из памяти тех, кто терял власть и становился ненужен. Это происходило инстинктивно, чувства и сантименты только мешали политической карьере.

Но раньше это происходило с другими, а теперь с ним.

На его счастье, рядом оказалось несколько человек, которые поверили в него и искренне хотели ему помочь. Они старались вытащить его из депрессии. В Госстрое его помощником стал покойный ныне Лев Евгеньевич Суханов, доброжелательный, веселый и компанейский. Одно время он считался самым близким к Ельцину человеком.

Двадцать с лишним лет Суханов проработал в научно-исследовательском институте «Проектстальконструкция», затем десять лет в Госстрое — старшим экспертом, помощником заместителя председателя. Суханову и предложили перейти к Ельцину.

Ельцин, приехав на Пушкинскую улицу знакомиться, примерно час проговорил с управляющим делами Госстроя.

Новый кабинет в сравнении с его прежним, горкомовским, показался Борису Николаевичу, вероятно, маленьким и неуютным... Книги и папки с бумагами из горкома пришлось свезти в четырехкомнатную квартиру на 2-й Тверской-Ямской.

Потом он пригласил Суханова.

Ельцин прочитал его анкету, стал расспрашивать о семье, о работе.

«Борис Николаевич слушал так внимательно, — вспоминал Суханов, — что у меня невольно создалось впечатление, будто это какое-то наигранное, нарочитое, что ли, внимание. Потом, конечно, я разобрался: Ельцин, когда разговаривает с кем-то (причем любого ранга), всецело поглощен этим человеком. Довольно редкая черта».

Ельцин сказал Суханову:

— Знаете, Лев Евгеньевич, я привык со своими помощниками быть откровенным. Иногда я им доверял такое, что не все-

гда доверишь и собственной жене. Я сам предельно откровенен со своими помощниками и поэтому вправе требовать того же от них. Не терплю лести, не люблю лицемерия и ненавижу трусость.

«Он тяжело входил в новые обязанности и весь январь и февраль чувствовал себя скверно, — вспоминал Суханов. — Мне казалось, что собственной кожей ощущаю его моральные мучения. На службу он являлся уже уставшим, ибо под впечатлением происходящих с ним передряг потерял сон. По-настоящему еще не отошел от октябрьского пленума ЦК и ноябрьского МГК, а впереди уже маячила новая «разборка» — февральский пленум ЦК».

18 февраля 1988 года на пленуме ЦК решились сразу несколько кадровых вопросов. Кандидатом в члены политбюро избрали председателя Госплана Юрия Маслюкова, который ровно десять лет спустя станет первым вице-премьером в правительстве Примакова. В секретари ЦК произвели Олега Бакланова, еще одного выходца из военно-промышленного комплекса, будущего активного участника августовского путча 1991 года.

А Ельцин был выведен из состава кандидатов в члены политбюро. Он перестал принадлежать к высшему руководству страны.

Это был еще один удар.

Лев Суханов вспоминал:

«После февральского пленума ЦК КПСС, когда он утром пришел на работу, на нем не было лица... Как же он все это переживал! И тем не менее, нашел в себе силы и отработал целый день. Но уже не в ранге кандидата в члены политбюро. Да, он оставался еще членом ЦК КПСС, но уже без служебного «ЗИЛа», без личной охраны...

В нем как будто еще жили два Ельцина: один — партийный руководитель, привыкший к власти и почестям и теряющийся, когда все это отнимают. И второй Ельцин — бунтарь, отвергающий, вернее, только начинающий отвергать правила игры...»

Но о втором, новом, Ельцине говорить было еще рано. Пока он находился в состоянии тяжелой депрессии. «На пленумах ЦК, других совещаниях, когда деваться было некуда, наши лидеры здоровались со мной с опаской какой-то, осторожностью, — писал Ельцин, — кивком головы давая понять, что я общем-то, конечно, жив, но это так, номинально, политически меня не существует, политически я — труп...

Что у меня осталось там, где сердце, — оно превратилось в угли, сожжено. Все сожжено вокруг, все сожжено внутри...

Меня все время мучили головные боли. Почти каждую ночь. Часто приезжала «скорая помощь», мне делали укол, на какой-то срок все успокаивалось, а потом опять... Это были адские муки...

Потом, позже я услышал какие-то разговоры о своих мыслях про самоубийство, не знаю, откуда такие слухи пошли. Хотя, конечно, то положение, в котором оказался, подталкивало к такому простому выводу. Но я другой, мой характер не позволяет мне сдаться. Нет, никогда бы я на это не пошел...»

И верно, мысли о самоубийстве как-то не вяжутся с обликом Бориса Ельцина — решительного, жесткого человека, способного преодолевать любые препятствия, не теряющего присутствия духа в самые сложные моменты. Наоборот, считалось, что он лучше всего чувствует себя в момент борьбы, схватки.

И тем не менее тот эпизод с ножницами однозначно трактуется как попытка уйти из жизни.

Что же может толкнуть на такой поступок человека его психического склада? Приведу свой разговор с нашим известным психиатром — академиком медицины Татьяной Дмитриевой, бывшим министром здравоохранения.

— Есть категория людей, которые, если посмотреть жизненный срез, неоднократно пытались что-то с собой сделать, — сказала Татьяна Дмитриева. — Порезать вены, выпить какие-то препараты... Делают они это при определенных обстоятельствах. Допустим, если разрезаются вены, то человек твердо знает, что через полчаса, через час кто-то придет домой. Как правило, это делается демонстративно перед обидчиками — чтобы нанести ответный удар тем, кто обидел. Это протест. Точно так же человек может проглотить горсть таблеток — но не для того, чтобы умереть. Он таким образом хочет показать: видите, какие вы плохие! Вы довели меня до того, что я рискую своей жизнью. В психиатрии это называется шантажным суицидом. То есть таким путем человек хочет решить проблему, которую иначе он решить не может. Он жалеет себя. Это, кстати, как правило, не очень сильные люди. Люди, которые нуждаются в какой-то дополнительной психологической поддержке...

— И вы считаете, что это относится к человеку, которого я имею в виду? — переспросил я.

— Исключений в таких случаях не бывает, — ответила Дмитриева. — Это клиническая закономерность, психологическая закономерность. Она выводилась десятилетиями.

— А что еще характерно для человека такого психического склада? Чего от него можно ожидать? Как он поведет себя в трудной ситуации? Как отреагирует на сложные, кажущиеся неразрешимыми проблемы?

— Для него характерно опять-таки стремление решать свои проблемы вспомогательными средствами, — считает Татьяна Дмитриева. — Человек не в состоянии решить проблему так, как он хочет. Не получается. Если ты не можешь изменить мир, измени свое к нему отношение. Как? Например, начать пить. Человек, который оказался сегодня в конфликтной ситуации, пришел домой и выпил стакан водки. Это способ урегулирования этого конфликта. Мне не хватает внутренних резервов, и стакан водки — тот же компенсационный механизм, который помогает выстоять. Он может сделать что-то еще, скажем, раздавать тумаки направо и налево. Но это решение конфликта, из которого он не вышел победителем. И он пытается найти способы с ним справиться. В худшем случае — это алкоголь и наркомания.

Другой вариант — поступки на грани риска для жизни. Например, быстрая езда. Это то же самое — человек пытается обрести гармонию после конфликта. Он садится за руль, мчится — при плохих дорогах — на огромной скорости. И, балансируя между жизнью и смертью, приводит себя в чувство.

Это способ вырваться из неразрешимого конфликта. Потому что человеку нужно восстановить уважение к себе. Без этого человек не может выжить. Он должен жить в гармонии с самим собой, он всегда стремится к этой гармонии. Если это не удается сделать цивилизованными способами, в ход пойдут другие... Но все это люди, которым не хватает собственных ресурсов, это не самые сильные люди.

— А почему все-таки разные люди, сталкиваясь с одними и теми же проблемами, реагируют так по-разному? Одному вообще на все наплевать, с него как с гуся вода. Другой выпьет стакан водки, выругается и придет в себя. Третий уедет на рыбалку, расслабится и вернется спокойным и веселым. А вот четвертый готов себя порезать. В чем же тут дело?

— В первую очередь играет роль неустойчивость к стрессам. Это зависит от генов. Один человек от рождения устойчив к

стрессам, а другой — наоборот. Это биологическая предрасположенность. А второе — это специфика личностной структуры, то есть психологические особенности личности. Есть люди более ранимые, а есть толстокожие. Одному каждое обидное слово — боль, беда, а другой даже на гибель близких смотрит спокойно: Бог дал — Бог взял. В этой формуле, кстати, своя защитная философия. Так легче перенести горечь утраты, ведь это уже исправить невозможно.

— Решение уйти из жизни — это мгновенное, импульсивное решение? Или долго вынашиваемый и осознанный выбор?

— Там, где есть какая-то «подмоченность» биологических механизмов, могут срабатывать эмоциональные механизмы, когда в пылу скандала кто-то выпивает уксусную эссенцию, кто-то бросается из окна. Перехлестывают эмоции — и гибель. Если бы человек чуть-чуть подождал, если бы у него было время, чтобы вздохнуть глубоко, сосчитать до десяти, то, может быть, этого было бы достаточно...

ДАЧА ЗА ЗЕЛЕНЫМ ЗАБОРОМ

Раньше семью Ельцина возила специально выделенная «Волга». «ЗИЛ» всегда был под рукой. Если Ельцин отправлялся на дачу, машина, оснащенная спецсвязью, в гараж не возвращалась. Водитель ночевал в домике обслуживающего персонала и в любую минуту был готов к выезду.

Ельцин жил на даче, которую прежде занимал сам Горбачев. Его обслуживали три повара, три официантки, горничная, садовник со своим штатом. Дачу пришлось покинуть.

Исчезла охрана. В те времена сотрудники девятого управления КГБ не столько охраняли — не от кого было, — сколько обеспечивали быт высших руководителей, служили своего рода няньками.

Охранники следили за порядком на госдаче, доставляли заказанные на спецбазе продукты, вовремя приглашали врача, вызывали портного из ателье — сшить костюм, возили на корт — заниматься спортом.

Старшему охраннику из кассы девятого управления выдавали и наличные — на мелкие расходы. Руководители партии и государства деньги держали только для того, чтобы заплатить партийные взносы.

Кроме летнего отпуска, полагался и зимний — две недели. В Москве Ельцин продолжил занятия спортом. К его услугам были спортивные сооружения в правительственном особняке на Воробьевых горах — корты открытые и закрытые, большой бассейн, сауна. Там он начал учиться играть в теннис.

Наступит момент, когда борьба со всеми этими привилегиями станет для Бориса Николаевича важнейшим предвыборным лозунгом. Но пока все это было ему положено, он ни от чего не отказывался.

В газетном интервью бывший начальник Завидовского государственного научно-опытного заповедника полковник Вадим Кузнецов рассказывал:

«Во времена Л.И. Брежнева завели порядок одаривать к праздникам членов и кандидатов в члены политбюро, секретарей ЦК КПСС деликатесами. Подготовка начиналась за полтора-два месяца. Егеря специально отстреливали лосей, оленей, маралов, кабанов, били диких уток.

Из мяса животных делали копченую охотничью колбасу, укладывали в керамические бочонки и заливали жиром. Готовили свежее мясо, рыбу. В подарочный набор входили ягоды, мед. Все продукты перед переработкой тщательно проверяли и лишь после положительного результата передавали в производство. Кстати говоря, трудоемкое и весьма длительное. Так, на копчение уходило не меньше месяца.

За три дня до праздника офицеры спецсвязи получали списки с адресами и развозили подарки по дачам, квартирам.

В первый же день моего вступления в должность начальника хозяйства сотрудники девятого управления КГБ сразу предложили обратить особое внимание на обеспечение подарками. Все было четко расписано, кому, чего и сколько положить. Своего рода табель о рангах. На первом месте — члены политбюро.

Каждому из них полагалась задняя часть туши лося, оленя, марала, три бочонка с охотничьей колбасой, десять уток, десять килограммов свежей рыбы и три палки копченой колбасы. Кандидатам в члены политбюро — по тому же перечню, но без лося и поменьше.

Прекрасно помню, в списках на получение даров природы значился первый секретарь МГК, кандидат в члены политбюро Б.Н. Ельцин, и он ни разу не отказался...»

Жизнь союзного министра при советской власти тоже не была так уж плоха. Ельцин получил дачу в правительственном

поселке Успенское и вместе с семьей прожил там два года. Из прислуги там была только сестра-хозяйка, которая убирала и готовила. Сам Ельцин пересел на «Чайку», а для нужд семьи тоже мог вызвать черную «Волгу».

Но за провиантом ездить приходилось уже самим — в так называемую столовую лечебного питания, которая на протяжении многих десятилетий снабжала советскую номенклатуру продуктами хорошего качества.

На улице Грановского, там, где располагалось Четвертое главное управление при минздраве СССР, существовала столовая, которую посещали кремлевские чиновники.

Но уже в 70-е годы там почти никто не обедал, только пенсионеры союзного значения приходили с судками за готовыми обедами.

Номенклатура получала в этой столовой по талонам продукты — любые: готовые, полуфабрикаты и сырые. В основное здание на улице Грановского пускали только самих чиновников. Членам семьи разрешалось отовариваться в двух филиалах.

Каждый прикрепленный ежемесячно вносил в кассу семьдесят рублей и получал взамен маленькую белую книжечку с отрывными талонами на обед и ужин — на каждом талоне стояло число.

Все продукты были сгруппированы в обеденные и ужинные комплексы — от пирогов с капустой до конфет и фруктов. Например, на один ужинный талон можно было взять полкило сосисок — в оболочке, а не в целлофане, полкило настоящей «Докторской» колбасы и кусок сыра, а на два обеденных — зеркальных карпов или парной говяжьей вырезки, которую советские люди старшего поколения не видели много лет, а молодежь вообще никогда.

Как министру Ельцину полагалась не одна книжечка, а две, что позволяло брать двойное количество продуктов и не только кормить семью, но и угощать гостей...

Исчез домашний врач, у которого не было других пациентов, кроме Ельцина. Но вся система здравоохранения для начальства по-прежнему была в распоряжении семейства Ельциных.

Потом, когда Борис Николаевич станет баллотироваться в народные депутаты, он демонстративно пойдет записываться в районную поликлинику. И довольно критически отзовется о Четвертом главном управлении: «Медицина — самая современная, все оборудование — импортное... А врачи, боясь ответственнос-

ти, поодиночке ничего не решают. Обязательно собирается консилиум... К этим безответственным консилиумам в четвертом управлении я относился с большим подозрением. Когда я перешел в обычную районную поликлинику, у меня вообще перестала болеть голова, стал чувствовать себя гораздо лучше...»

Борис Николаевич лукавил. Он прекрасно знал разницу между районной поликлиникой и той, что на Мичуринском проспекте. И свою семью, кстати, все-таки не оставил без квалифицированной медицинской помощи. Поход в районную поликлинику был ловким предвыборным ходом, не более того. И отказ от служебной машины, когда Коржаков станет возить его на «Москвиче», и обещание уничтожить привилегии, как мы теперь знаем, тоже были частью борьбы за голоса избирателей.

Когда Ельцин ездил на общественном транспорте и заходил в районную поликлинику, это было ловким политическим ходом. Но он имел огромное значение для людей. Ельцин подтверждал убежденность людей в том, что так оно и должно быть, что высшие руководители не имеют права на какие-то привилегии. Поэтому умелый ход в политической борьбе произвел такое сильное впечатление.

Правда и другое: сброшенный с высокой должности, растоптанный и отвергнутый, лишенный многих привилегий, Борис Николаевич действительно посмотрел на жизнь высокого начальства иными глазами.

Горе многому учит. Как известно, за одного битого двух небитых дают. Когда идешь на подъем, оглядываться вокруг и относиться к окружающему критически чрезвычайно трудно. Поток увлекает, засасывает, испытываешь удовольствие от этого. А вот когда выпадаешь из потока, оказываешься на берегу или даже на дне, тут многое открывается, личные переживания подталкивают к критическому анализу. И Ельцин произносил слова, которые в тот момент, вероятно, соответствовали настроениям опального политика: «Пока мы живем так бедно и убого, я не могу есть осетрину и заедать ее черной икрой, не могу мчаться на машине, минуя светофоры и шарахающиеся автомобили, не могу глотать импортные суперлекарства, зная, что у соседки нет аспирина для ребенка. Потому что стыдно».

Ни до, ни после Ельцин не отказывался от привилегий, связанных с высоким постом, принимал их как должное и оделял ими своих приближенных.

Но ему открылась несправедливость советской системы, когда человеку на высокой должности положено все, а человеку без должности — ничего. И когда судьба зависит не от знаний, умения, опыта и таланта, а единственно — от воли высшего вождя. Два чувства отныне стали руководить Ельциным — желание вернуть утерянные власть и положение, расквитаться с обидчиками и стремление изменить несправедливую систему.

КУЛАЧИЩЕМ ПО СТОЛУ

Почти целый год Ельцин прожил в состоянии тяжелого психологического стресса.

Работа в Госстрое его не интересовала. Он давно отошел от строительных дел, жил уже другими интересами.

Его непосредственным начальником был председатель Госстроя Юрий Петрович Баталин, кстати выходец из Свердловска. Он сменил Игнатия Новикова, который когда-то учился вместе с Брежневым и которого при новой власти отправили на пенсию из-за недостатков, обнаруженных при строительстве Атоммаша.

Баталин отнюдь не был рад появлению в своем ведомстве опального Ельцина. Вероятно, опасался, что это бросает тень на весь Госстрой. Самого Баталина высоко ценил глава правительства Николай Рыжков.

Годом раньше Госкомитет по делам строительства (фактически обычное министерство) был преобразован в Государственный строительный комитет СССР — постоянный орган правительства по руководству строительным комплексом страны. Он занимался и строительством, и промышленностью стройматериалов. В подчинение Госстроя был передан и Государственный комитет по архитектуре и градостроительству, который должен был следить за разнообразием архитектурных решений.

Главная задача состояла том, чтобы обеспечить к 2000 году каждую семью отдельной квартирой или индивидуальным домом. Пока не получалось. Государство не успевало, а кооперативное строительство сокращалось. Местная власть не хотела выделять землю под кооперативные дома, строители отказывались от сотрудничества, потому что требования к кооперативам

были жестче, а привычные десять процентов квартир они не получали.

«После длительных заседаний у председателя комитета Баталина, — вспоминал Суханов, — Ельцин возвращался к себе с жуткой головной болью. К тому же стало известно, что Баталин получил сверху команду — собирать на Ельцина компромат. Это было несложно «расшифровать»: в глаза бросилась резкая перемена отдельных руководителей и в первую очередь — замов Баталина...

«Ледниковый период» отчуждения складывался из невидимых штрихов, тонких психологических нюансов и лишь изредка прорывался откровенной враждебностью. Но все это замечали, и Борис Николаевич, как губка впитывающий в себя действительность, сильно переживал».

Настроение Ельцина зависело от каких-то мелочей, на которые он прежде не обращал внимания. К 1 Мая он получил поздравления от Александра Яковлева, Рыжкова и Лукьянова. Для него это было событие. Он прикидывал: что это означает? Неужели наверху к нему меняется отношение?

Одна из секретарей Ельцина в Госстрое потом рассказывала: «Зайдешь, бывало, а он весь согнутый сидит — значит, судьба по нему еще раз стукнула. Потом голову поднимет — взгляд тяжелый, как будто головная боль мучает. Может что швырнуть в таком состоянии. В такой момент лучше на глаза не показываться. Но даже и через двойную дверь было слышно, как бушует один в кабинете — бьет кулачищем по столу, по стене, стены дрожали — такой грохот стоял».

Секретари пугались, а ведь в реальности Ельцин понемногу учился справляться с тем, что на него обрушилось.

Глава восьмая

ПОБЕДЫ И СКАНДАЛЫ

Речь Ельцина на пленуме ЦК, которая стоила ему карьеры, разумеется, не опубликовали. И тогда пошли гулять фальшивки, которые распространялись не только в стране, но и печатались в иностранных газетах. Этот придуманный неизвестными доброжелателями «самиздат» и положил начало его всенародной популярности.

БЛОКАДА ПРОРВАНА

Люди рассказывали друг другу, что Ельцин протестовал против привилегий для начальства и культа личности Горбачева, против того, что Раиса Максимовна вмешивается в партийно-государственные дела и всем раздает указания. Поэтому его и сбросили.

Ничего этого в речи Ельцина не было. Но кто же об этом знал? Отсутствие гласности ударило по партийному аппарату.

О Ельцине говорили и спорили, и чем меньше люди его знали, тем с большей уверенностью рисовали в своем воображении подлинного героя, борца за народное счастье, который восстал против опротивевшей власти. Он мог ничего не делать, нигде не выступать и не появляться, но незримо присутствовал во всех жарких дискуссиях о том, как нам жить. И когда заходила речь о том, кто может вытащить страну из ямы, все чаще стало упоминаться имя Бориса Ельцина.

Сам Борис Николаевич еще не вполне понимал, что именно люди ждут от него. И потому 7 ноября 1988 года счел необходимым отправить генеральному секретарю ЦК КПСС Горбачеву поздравительную телеграмму:

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

Примите от меня поздравление с нашим Великим праздником — 71-й годовщиной Октябрьской революции! Веря в победу перестройки, желаю Вам силами руководимой Вами партии и всего народа полного осуществления в нашей стране того, о чем думал и мечтал Ленин».

Но Ельцин уже получал потоки писем в свою поддержку. И к нему в Москву приезжали люди, которые говорили ему: «Борис Николаевич, мы на вашей стороне. Держитесь сами, а мы вас не оставим в беде».

Летом 1988-го Ельцин отдыхал в Юрмале, в санатории управления делами Совета министров «Рижский залив». Он играл в теннис и бадминтон, плавал. Именно тогда корреспондент курортной газеты «Юрмала» Александр Ольбик и взял у него первое интервью.

4 августа 1988 года одновременно газеты «Юрмала» и рижская «Советская молодежь» опубликовали большое интервью с Ельциным. Названия этих газет мигом узнали во всей стране.

Интервью имело огромный резонанс, их переснимали на ксероксе, перепечатывали десятки других газет. Довольный Ельцин сказал журналисту:

— Мы с вами прорвали блокаду молчания, но это еще не победа.

Перелом произошел, когда Ельцина пригласили на встречу со слушателями московской Высшей комсомольской школы. Это было 12 ноября 1988 года. Ельцин ответил на триста двадцать вопросов. Встреча продолжалась четыре с половиной часа.

Его помощник Лев Суханов вспоминал:

«Ельцин, кажется, был в ударе, он держал аудиторию в таком напряжении, что мне порой было за него страшно...

Ельцин тогда преследовал еще одну цель: выступая без перерыва, он как бы демонстрировал свое физическое состояние. Ибо ходили слухи о его тяжелой болезни, и он отнюдь не желал быть в глазах людей немощным, вызывающим сострадание политиком».

Разговоры о нездоровье сопровождали Ельцина всю его политическую жизнь. И наступил момент, когда худшие предположения оправдались. Но в тот момент он еще был в прекрасной форме и на здоровье не жаловался, лечиться не любил, к врачам обращался в самом крайнем случае.

Тот же Суханов вспоминал, как у Бориса Николаевича вдруг поднялась температура. От услуг поликлиники для начальства отказались, что же делать? «Температуру он переносит тяжело... И поскольку его состояние стало резко ухудшаться, позвонили в «Склифосовского» и вызвали неотложку. Приехала реанимационная машина, всех во дворе переполошила, поскольку жильцы подумали, что у Бориса Николаевича случился инфаркт...»

Вопросы комсомольцы задавали очень откровенные, ответы они получили — по тем временам — тоже откровенные.

— Почему вы выступаете против спецпайков для, как вы выразились, голодающей номенклатуры?

— Я против элитарности в обществе, у нас не должно быть спецкоммунистов: одни имеют все, а другие ничего... Моя супруга ходит по магазинам, ничего. Едим колбасу, правда, предварительно надо глаза зажмурить.

— Ваша популярность в стране не меньше, чем Горбачева. Могли бы возглавить партию и государство?

— Когда будут альтернативные выборы, почему бы не попытаться...

Он увидел, какими глазами смотрит на него молодежь, как важно для них его слово и мнение.

Выступление Ельцина Александр Коржаков записал на магнитофон. Потом с этой записи делались копии, распечатывались и распространялись по всей стране, иногда продавались.

Его выступление стало событием — важным для него и неприятным для партийного начальства. Ельцин превратился в заметного человека. Всех интересовало: что с ним? Чем он занят и что собирается делать?

БОРИС И ЕГОР: ВТОРОЙ РАУНД

На лето 1988 года была назначена XIX партийная конференция. Десять с лишним лет спустя немногие вспомнят, для чего она собиралась и что именно она решила. Но с партийной конференции началось пробуждение политической активности в стране. И выдвижение делегатов на партконференцию было первой попыткой изменить советскую процедуру выборов.

В прежние времена и в делегаты, и в депутаты назначало начальство. Кого в ЦК утвердят, тот и будет. Весной 1988-го уже было иначе. Конечно, система выборов делегатов была не очень демократической. Все партийные организации могли выдвинуть своих кандидатов, но реальный отбор проходил на пленумах партийных комитетов, которые отсеивали неугодных.

Тем не менее некоторое количество известных своими демократическими убеждениями людей все-таки были избраны.

Борис Ельцин поставил перед собой задачу во что бы то ни стало добиться избрания делегатом XIX партийной конференции и выступить на ней. Это и было бы началом возвращения в политику. Он мечтал только об этом, ничто иное в его жизни не имело значения.

Кандидатом в делегаты его выдвинуло множество партийных организаций, но начальство имело полную возможность не пустить его на конференцию. Однако Горбачев понимал, что делать этого никак нельзя. Не дать Ельцину мандата — значит показать, что никакой демократизации в партии не происходит. Этого Михаил Сергеевич никак не хотел. Он только позаботился о том, чтобы Ельцин не вошел в московскую или свердловскую делегации. Бориса Николаевича избрали от Карелии. Не так почетно, как, скажем, от столичной парторганизации. К тому же

карельские делегаты сидели на балконе. Горбачев разумно рассудил, что чем дальше Ельцин от трибуны, тем спокойнее.

А Ельцин твердо решил, что выступит.

Он, по воспоминаниям его помощника Суханова, долго готовил текст: «Каждое утро, в семь часов, он приходил на работу и вместе с секретарем Таней переписывал очередной вариант — с учетом происходящего на конференции. Пять или шесть ночей он вообще не спал».

28 июня в Кремлевском Дворце съездов открылась XIX партконференция. Там Ельцин впервые появился на людях. Он уже стал знаменитостью. На него приходили посмотреть. Но старые знакомые, напротив, старательно отводили взгляд.

Ельцин написал записку с просьбой предоставить ему слово. Но в список ораторов Горбачев его не включил. Когда конференция уже заканчивалась, Ельцин понял, что решено его на трибуну не пускать.

Тогда он совершил один из тех удивительных поступков, которые вскоре привели его в кресло президента России.

Борис Николаевич спустился в зал и пошел к президиуму с мандатом делегата конференции в поднятой руке. Он подошел к Горбачеву и потребовал дать ему слово для выступления. Замерший зал наблюдал за этой сценой.

Горбачев подозвал к себе своего главного помощника Валерия Болдина и сказал:

— Пригласи Бориса Николаевича в комнату президиума и скажи, что я дам ему слово, но пусть он присядет, а не стоит перед трибуной.

Болдин передал Ельцину слова генерального секретаря.

Ельцин сел в первом ряду и стал ждать.

Он получил слово. Ход конференции показывали по первому каналу Центрального телевидения, и вся страна впервые увидела и услышала «партийного диссидента номер один».

— За семьдесят лет мы не решили главных вопросов — накормить и одеть народ, обеспечить сферу услуг, решить социальные вопросы, — говорил Ельцин. — Одной из главных причин трудностей перестройки является ее декларативный характер... И как результат перестройки — за три года не решили каких-то ощутимых реальных проблем для людей, а тем более не добились революционных преобразований... Вера людей может покачнуться в любой момент. В дальнейшем это риск потерять управление и политическую стабильность...

Ельцин объяснил, что дает интервью иностранным журналистам, потому что в советской печати беседы с ним не печатаются. Говорил, что надо поскорее обновлять политбюро и ввести возрастной ценз — до 65 лет. Что не должно быть зон, свободных от критики. Что в партии необходима гласность — и люди имеют право знать, в частности, бюджет партии, на что идут их деньги. Он предложил сократить партийный аппарат, ликвидировать отраслевые отделы, отменить привилегии.

— Считаю, что некоторые члены политбюро, виновные как члены коллективного органа, облеченные доверием ЦК и партии, должны ответить: почему страна и партия доведены до такого состояния? И после этого сделать выводы — вывести их из состава политбюро. Это более гуманный шаг, чем, критикуя посмертно, затем перезахоронить...

Ельцин произносил слова, которые безусловно нравились и полностью соответствовали настроениям общества:

— Должно быть так: если чего-то не хватает у нас, в социалистическом обществе, то нехватку должен ощущать в равной степени каждый без исключения. А разный вклад труда в общество регулировать разной зарплатой. Надо, наконец, ликвидировать продовольственные «пайки» для, так сказать, «голодающей номенклатуры», исключить элитарность в обществе, исключить и по существу, и по форме слово «спец» из нашего лексикона, так как у нас нет спецкоммунистов...

И в заключение он скромно заговорил о политической реабилитации — попросил отменить то решение пленума ЦК, в котором его выступление было признано «политически ошибочным».

— Товарищи делегаты! Щепетильный вопрос. Я хотел обратиться только по вопросу политической реабилитации меня лично после октябрьского пленума ЦК. (Шум в зале.) Если вы считаете, что время уже не позволяет, тогда все.

Он стал собирать бумаги, готовый уйти с трибуны.

Председательствовавший на заседании Горбачев почувствовал, что надо дать ему закончить выступление:

— Борис Николаевич, говори, просят. Я думаю, товарищи, давайте мы с дела Ельцина снимем тайну. Пусть все, что считает Борис Николаевич нужным сказать, скажет. А если у нас с вами появится необходимость, то мы тоже можем потом сказать. Пожалуйста, Борис Николаевич.

И Ельцин завершил свой монолог:

— Реабилитация через пятьдесят лет сейчас стала привычной, и это хорошо действует на оздоровление общества. Но я лично прошу политической реабилитации все же при жизни... Вы знаете, что мое выступление на октябрьском пленуме ЦК КПСС решением пленума было признано «политически ошибочным». Но вопросы, поднятые там, на пленуме, неоднократно поднимались прессой, ставились коммунистами. В эти дни все эти вопросы практически звучали вот с этой трибуны и в докладе, и в выступлениях. Я считаю, что единственной моей ошибкой в выступлении было то, что я выступил не вовремя — перед семидесятилетием Октября... Я остро переживаю случившееся и прошу конференцию отменить решение пленума по этому вопросу. Если сочтете возможным отменить, тем самым реабилитируете меня в глазах коммунистов. И это не только личное, это будет в духе перестройки, это будет демократично и, как мне кажется, поможет ей, добавив уверенности людям.

Ельцина провожали аплодисментами. В перерыве делегаты поздравляли его с удачным выступлением. Но тут же на скорую руку была организована и некая контратака.

Сначала первый секретарь Татарского обкома Гумер Усманов заявил, что делегаты от Татарии не поддерживают просьбу Ельцина о реабилитации. Затем против Ельцина выступил первый секретарь ЦК компартии Эстонии Вайно Вялис. Он вспомнил, как вместе с Ельциным ездил в Никарагуа и как плохо вел себя Борис Николаевич:

— Выступая на текстильном комбинате (плохой еще текстильный комбинат, мы помогаем строить) перед рабочими, может быть, по недомыслию, может быть, по усталости он допустил фразу: «Что вы, работать не хотите? Без штанов ходите». Увы, это передало телевидение. А рядом был переводчик, который переводил все верно. Больно, потому что действительно в Никарагуа есть ребята, у кого нет еще одежды. Нет одежды... Человек, который выступает перед высоким партийным форумом, должен иметь для этого партийную совесть...

Но самым громким было ответное выступление Егора Лигачева. Горбачев и другие члены политбюро, видя ситуацию в зале, пытались его отговорить, но безуспешно. Лигачев решил дать достойный ответ своему главному критику. Он упорно работал над выступлением. Сидя в президиуме, правил страницу за страницей, потом подзывал помощника, тот бежал к машинисткам и вскоре приносил перепечатанный набело текст.

Выступал Егор Кузьмич жестко и уверенно:

— Быть может, мне труднее, чем кому-либо из руководителей, говорить в связи с выступлением Бориса Николаевича. И не потому, что шла речь и обо мне. Просто пришла пора рассказать всю правду. Почему трудно говорить? Потому, что я рекомендовал его в состав секретариата ЦК, потом в политбюро. Из чего я исходил? Исходил из того, что Борис Николаевич Ельцин — человек энергичный, имел в ту пору большой опыт в руководстве видной, всеми уважаемой в нашей партии свердловской областной партийной организации. Эту организацию я видел в работе, когда приезжал в Свердловск, будучи секретарем ЦК.

Нельзя молчать, потому что коммунист Ельцин встал на неправильный путь. Оказалось, что он обладает не созидательной, а разрушительной энергией...

Не хотелось бы говорить, но вы поймете, почему это скажу. Уже более десяти лет, как область, в которой я работал с товарищами, участвующими в конференции, снабжается продуктами питания целиком и полностью за счет собственного производства, причем по хорошему рациону, а ты, Борис Николаевич, работал девять лет секретарем обкома и прочно посадил область на талоны. Вот что значит политическая фраза и реальность. Вот что значит расхождение между словом и делом...

Лигачев вступился за партийный аппарат, который обвиняли в нарушении социальной справедливости:

— Думаю, что здесь кое-что нужно уточнить и кое в чем хладнокровно разобраться. Вопреки распространенному мнению, по заработной плате партийные работники идут на двадцать шестом месте в стране. Средняя зарплата партийного работника двести шестнадцать рублей. Потеря в заработке нередко значительная, когда специалистов народного хозяйства выбирают на работу в партийные органы...

По мнению даже его коллег по политбюро, наступательно-петушиный дух выступления Егора Кузьмича, его надоевшие ссылки на томский опыт лишь прибавили очков Ельцину. Но это стало ясно не сразу. Тогда исход дуэли с Лигачевым оценивался по-разному. Многие полагали, что это более шустрый Лигачев врезал медлительному Ельцину, разделал его под орех.

Тем более, что против Ельцина выступили еще несколько человек. Казалось, повторяется 1987 год, когда вся стая набросилась на одного.

Генеральный директор столичного станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе Н. Чикирев вспомнил, как Ельцин расправлялся с кадрами в Москве:

— Секретарь районного комитета партии, который у нас на глазах вырос, сверхчестный и добросовестный человек, выбросился из окна после незаслуженного разноса за плохое снабжение района продуктами. А в Киевском районе наладить это дело не очень просто. Утром два поезда на Киевский вокзал прибыли, и Киевский район вновь без продуктов. Вот и попробуйте наладить снабжение в Киевском районе. Я около этого района как раз и живу. На бюро горкома разобрали, «строгача» дали, а после этого погиб товарищ, которого знала Москва, которого знали мы — члены городского комитета партии, которого знали секретари райкомов. Чем это лучше 1937 года? Этот человек не был Щелоковым, не был Рашидовым. Он был коммунистом. Пусть товарищ Ельцин носит эту смерть у себя на сердце...

Первый секретарь Пролетарского райкома Москвы И. Лукин заявил:

— Когда я услышал его в 1984 году на научно-практической конференции (я в зале, он в президиуме), мне тоже показалось, что это, так сказать, яркий оратор, интересный человек. Но теперь гипноз рассеялся... Первые секретари Куйбышевского, Киевского, Ленинградского и многих других райкомов партии не просто ушли, а фактически были сломлены, духовно уничтожены. Ваше бездушное отношение к людям проявлялось в бесконечной замене кадров. Мой предшественник, честный и порядочный человек, тоже вынужден был уйти: не выдержало здоровье... Главное в вашем стиле — это стремление понравиться массе. Метод же избираете один — вбить клин между партийными комитетами и рабочим классом, интеллигенцией. Так вы делали в Москве, так вы и сегодня пытались сделать, вбивая фактически клин между делегатами конференции, залом и президиумом. Это, товарищ Ельцин, вам не удастся! Не пройдет!

И только земляк Ельцина, секретарь парткома Свердловского машиностроительного завода имени Калинина В. Волков счел своим долгом вступиться за Бориса Николаевича:

— Да, Ельцин очень трудный человек, у него тяжелый характер; он, может быть, даже жестокий человек. Но этот руководитель, работая в свердловской областной партийной организации, очень многое сделал для авторитета партийного работника и

партии, был человеком, у которого слово не расходилось с делом. Поэтому и сегодня у него остается высокий авторитет у простых людей... Я не согласен с заявлением товарища Лигачева и насчет карточек. Того, как было с продуктами при Ельцине, к сожалению, сегодня нет. Наша область занимает третье место (может, ошибусь, конечно, но где-то третье место) в России по объему производства промышленной продукции. А население сельское пропорционально у нас очень маленькое по сравнению с другими областями... Еще раз хочу сказать (и думаю, что меня поддержат члены свердловской делегации), что Ельцин очень много сделал для Свердловской области и сегодня авторитет его очень высок...

Волна злых выступлений сильно подействовала на Ельцина, вывела его из равновесия, ему стало плохо. Его отвели к врачу, сделали ему укол. Он все-таки досидел до конца заседания. Домой он вернулся усталый и расстроенный. Ельцину казалось, что он проиграл, что его облили грязью на глазах всей страны и ему не отмыться. А потом вдруг со всей страны пошли письма в его поддержку.

МОСКВА ГОЛОСУЕТ ЗА ЕЛЬЦИНА

На март 1989 года были назначены выборы народных депутатов СССР. По новому закону высшей властью в стране наделялся съезд народных депутатов, который из своих рядов избирал постоянно работающий Верховный Совет. Таким образом, в стране впервые с 1917 года должен был появиться профессиональный парламент.

Друзья пытались отговорить Ельцина, когда встал вопрос, не баллотироваться ли ему в депутаты. Предупреждали, что его зальют потоками грязи, не отмоешься. А если его и выберут в депутаты, то по закону ему придется уйти с работы. Он перестанет быть министром, а кем станет? Ни один министр от своей должности ради депутатского мандата еще не отказывался.

Но он чувствовал, что это его путь, что люди его обязательно поддержат и он станет политиком, не зависящим от расположения начальства. Ни в правительстве, ни в партии ему наверх хода не было — Горбачев не пустит. А тут открывалась новая стезя.

Кандидатом в депутаты Ельцина выдвинули чуть ли не в двухстах округах по всей стране. Его поддерживали очень крупные предприятия. Но этого было недостаточно.

Закон составили так, что все зависело от окружного предвыборного собрания, которое решало, кого из кандидатов в депутаты официально зарегистрировать. Эти собрания старались под тем или иным предлогом отвергнуть те кандидатуры, которые не были поддержаны партийными органами. Главная задача состояла в том, чтобы проскочить окружное собрание и добиться официальной регистрации.

Борис Николаевич хотел обязательно стать депутатом от всей Москвы, то есть баллотироваться в самом большом в стране национально-территориальном округе номер 1. Почему? Он не мог забыть слова Горбачева на ноябрьском пленуме: «Вас, Борис Николаевич, москвичи отвергли...»

Ельцин сильно рисковал. А вдруг москвичи и в самом деле не проголосуют за бывшего первого секретаря? Партийные работники не в чести. И многие коллективы в Москве и в самом деле сомневались насчет Ельцина. Он не слишком нравился либеральной московской интеллигенции.

Конечно, на Урале его бы избрали в любом случае, но победа там не была бы такой громкой, какая позарез была нужна ему, чтобы начать новую политическую карьеру и показать всем, на что он способен.

Аппарат как мог пытался ему помешать.

В марте пленум ЦК выбирал народных депутатов от КПСС — «красную сотню». В первый же день член ЦК и Герой Социалистического Труда В.П. Тихомиров, токарь-инструментальщик Московского завода имени Владимира Ильича, вдруг произнес речь против Ельцина. Тихомиров сказал, что член ЦК Ельцин, выступая на митингах, клевещет на партию и советскую власть. Допустимо ли это?

Ельцин тут же попросил слово и все обвинения отверг, сказал, что его предвыборная программа не противоречит программе партии. Казалось, что на этом все закончилось.

Но на следующий день в президиум пришли записки — от первых секретарей Одесского и Запорожского обкомов с требованием все же дать политическую оценку выступлениям Ельцина. Оба секретаря прежде работали у Лигачева в отделе оргпартработы, и стало ясно, кто все это организовал.

Тут же родилось предложение продлить работу пленума еще на один день и рассмотреть персональное дело Ельцина. Но более разумные люди в политбюро эту идею отвергли. Горбачев предложил создать комиссию, чтобы она разобралась и доложила свои выводы следующему пленуму. В комиссию включили секретарей ЦК Вадима Медведева и Георгия Разумовского, председателя Комитета партийного контроля Бориса Пуго...

Повернулась эта затея против тех, кто ее организовал. Ельцин сразу рассказал о том, что произошло, на митинге. Как заметил его помощник Суханов, «чем больше его били, тем ближе он становился своим потенциальным избирателям».

Вадим Медведев вспоминает:

«Выступление Тихомирова не было поддержано в трудовых коллективах и партийных организациях Москвы, даже на его родном предприятии. Сам он оказался в трудном положении, встречая повсюду реакцию отторжения.

За всю эту некрасивую, неприятную историю несут ответственность те, кто ее инспирировал и организовывал. Мы не стали выяснять, кто именно. Но для меня, например, тут неясностей не было — сама логика событий давала ответ на вопрос. А результат? Новое обсуждение Ельцина на пленуме, создание комиссии поддерживали вокруг него ореол преследуемого, но несгибаемого бойца, способствовали нагнетанию настроений недоверия и критики в адрес ЦК».

Комиссия ознакомилась с предвыборными выступлениями Ельцина и пришла к выводу, что эти выступления в целом не противоречат предвыборному обращению партии, ее политической линии. Медведев отдал заключение Горбачеву, тот прочитал и вернул Медведеву. Больше к этому никто не обращался. Не до того стало...

На окружном собрании по выдвижению кандидатов в Колонном зале Дома союзов предполагалось провалить Ельцина и выдвинуть двух кандидатов — генерального директора автомобильного завода имени Лихачева Евгения Бракова и космонавта Георгия Гречко.

В зале собралось восемьсот человек, были заготовлены неприятные для Ельцина вопросы относительно тех привилегий, которыми он сам пользуется. Но Борис Николаевич не стал ждать, когда их зададут, а сам заговорил и почему он ушел из горкома, и о привилегиях. Гречко демонстративно снял свою кандидатуру, и Ельцин получил больше половины голосов.

Теперь он мог официально вести предвыборную кампанию, хотя никто еще толком не знал, как это следует делать.

Все было внове — как проводить встречи с избирателями? Где напечатать предвыборные листовки? Как их распространять? Поговорить с кандидатом в депутаты желали самые разные люди. Приходилось учиться быть убедительным и отвечать на каверзные и злобные вопросы.

Но для многих людей он уже был кумиром. Им восторгались. На встречи с ним собирались тысячи людей, приезжали из других городов. Они встречали его аплодисментами, скандировали: «Ельцин! Ельцин!»

Вокруг него образовалась небольшая команда — его помощник Лев Суханов, бывший телохранитель Александр Коржаков, которого уволили из КГБ за то, что он продолжал поддерживать отношения с Ельциным.

Первым доверенным лицом Ельцина стал Александр Музыкантский, будущий вице-премьер правительства Москвы, товарищ Суханова по научно-исследовательскому институту «Проектстальконструкция». Приходили люди и говорили, что хотят помогать Ельцину. И помогали.

На борьбу с Ельциным был мобилизован весь партийный аппарат города. Горбачеву был известен каждый шаг Ельцина, за которым следил КГБ.

26 марта 1989 года в день голосования большое количество журналистов сопровождало семью Ельцина на избирательный участок в районный дом пионеров.

За Ельцина проголосовало 89,6 процента москвичей — это был тяжелый удар по партийному руководству.

Он написал заявление главе правительства Николаю Рыжкову с просьбой освободить его от обязанностей министра.

Через день после выборов, 28 марта, заседало политбюро. Настроение было мрачным. Партийный аппарат пытался провалить Ельцина на выборах и провалился сам. Народ проголосовал против власти, против партийных секретарей, крупных военных, чиновников.

После выборов немало руководителей партийных комитетов, которым избиратели выразили недоверие, жаловались принародно: проиграли потому, что «людей настраивают против партии и аппарата».

Честно говоря, настроить, например, миллион ленинградских избирателей против всех областных и городских партруководи-

телей (а они все проиграли!) вряд ли кому под силу, кроме них самих. Те, кто получает власть, должны рассчитывать не только на пироги и пышки. Правящим кругам и отвечать за провалы в экономике и социальной политике, за пустые полки и коммунальные квартиры. Не справился — подавай в отставку. Не хватило мужества самому уйти? Не удивляйся, что забаллотировали.

Естественный принцип коллективной ответственности правящей партии за все провалы в тех условиях не мог привести на выборах к победе другой партии, потому что у нас была однопартийная система. Но состав руководящей команды недовольные избиратели сменили: поэтому среди народных депутатов СССР абсолютное большинство составляли члены КПСС, но для самой партии это были новые люди.

Жаловались провалившиеся на выборах партийные секретари (кто-то из них быстро лишился и партийного поста), что они в любом случае оказались в проигрышном положении рядом с «неформалами»: те на площади что хочешь могут говорить, а я за свои слова отвечаю. Поэтому им толпа аплодирует, а меня освистывает...

Верно, партийные руководители не умели выступать, боялись митингов, непосредственного общения с избирателями, толпой, не способны были овладеть аудиторией.

Партийные секретари охотно принимали упрек, сожалели: говорить не приучены, мы больше работать привыкли... Конечно, ораторскому искусству их не учили. Как и тех, кто выиграл на выборах. Но тут такая закономерность: хорошо говорят те, кто хорошо думает. Кто привык к самостоятельному мышлению. А не те, кто полжизни барабанил подготовленные другими отчетные доклады.

СЪЕЗДЫ И МИТИНГИ

25 мая 1989 года в Кремлевском Дворце съездов открылся первый съезд народных депутатов. Это был по-летнему теплый, солнечный день. Съезд работал шестнадцать дней и закрылся 9 июня. Две с лишним недели изменили страну, хотя сначала казалось, что ничего особенного депутатам сделать не удалось.

Члены политбюро, которые теперь сидели не в президиуме, а вместе со своими делегациями, во время перерывов собирались в комнате отдыха, пили чай, обсуждали ситуацию. Горба-

чев приходил весь взмыленный: это была трудная работа — дирижировать съездом.

На первом съезде народных депутатов СССР демократически настроенные депутаты попытались выдвинуть Ельцина на пост председателя Верховного Совета.

Решили, что предложить должен не свердловчанин, а «нейтральный» географически депутат Александр Оболенский, избранный от Ленинградской области.

Лев Суханов вспоминал: «Где-то около двенадцати ночи наш представитель конфиденциально встретился с ним в гостинице «Россия». Договорились, что Оболенский на Съезде народных депутатов предложит кандидатуру Ельцина. В тот день я с нетерпением ждал этого момента у телевизора, и каково было мое изумление, когда Оболенский, подойдя к микрофону, предложил... свою кандидатуру. Это для Ельцина и его окружения было большим откровением. И мы поняли, что сделано это было неспроста — видимо, кто-то с Оболенским неплохо «поработал» и... «переубедил».

Кандидатуру Ельцина выдвинул депутат от Свердловска Геннадий Бурбулис. Борис Ельцин взял самоотвод. Он сослался на партийную дисциплину — пленум ЦК постановил рекомендовать на этот пост Горбачева. В реальности Ельцин видел, что шансов у него никаких. Соотношение сил было не в его пользу.

Из 2221 депутата 2123 проголосовали за избрание Михаила Сергеевича Горбачева председателем Верховного Совета. Ельцин никогда не участвовал в выборах, если не знал твердо, что победит.

Но одновременно Ельцин сообщил, что теперь он безработный и готов работать в Верховном Совете, куда прошел с трудом — после того как депутат Алексей Казанник уступил ему свое место. Горбачев сделал Ельцина председателем маловлиятельного Комитета по строительству и архитектуре. Но эта должность дала ему место в президиуме Верховного Совета.

Ельцин тоже получил слово на съезде. Он говорил, что необходимо провести децентрализацию экономики, землю отдать крестьянам, обеспечить широчайшую демократизацию и гласность. Он предложил предоставить экономическую и финансовую самостоятельность республикам.

Это была радикальная программа, и она произвела впечатление. Правда, и за десять лет своего правления Ельцину не удалось ее реализовать. Но тогда даже и лозунги производили такое впечатление, что становились материальной силой.

Вообще-то на съездах народных депутатов Ельцин был не так уж заметен. В центре внимания оказались другие — прирожденные ораторы с быстрой реакцией и язвительной речью. Борис Николаевич и не рвался к микрофону. Зато на улицах и на многочисленных митингах никого не встречали так восторженно, как Ельцина.

У него были помощники, охранники, секретари и многочисленные поклонники. Но он нуждался в серьезной команде, необходимой для политической борьбы. Вокруг него стали группироваться некоторые провинциальные депутаты, но они сами еще нуждались в помощи.

Интеллигентная столичная публика Ельцина обходила стороной. Во-первых, он член ЦК, по профессии — партийный секретарь. Во-вторых, слишком провинциален. В-третьих, грубоват и не тонок: как с ним иметь дело? Да и Борис Николаевич с недоверием посматривал на москвичей, ожидая от них подвоха и нового предательства.

Одним из первых под ельцинское знамя стал заместитель директора одного из московских научно-исследовательских институтов Виктор Ярошенко. Он выставил свою кандидатуру в народные депутаты в одиннадцатом округе столицы и выиграл. В этом округе жил Ельцин. Его младшая дочь Татьяна приходила на собрания и обратила внимание на Ярошенко. На съезде они познакомились.

Ельцин сказал ему:

— О вас слышал много лестного от дочери. Хотя и доверяю ее мнению, настороженность все-таки была. Обещают сейчас много, а вот толку никакого. Ваша программа мне по душе...

Ельцин был свидетелем на свадьбе Ярошенко в апреле 1990-го. «Когда в обычном ЗАГСе появился Ельцин, вспоминается только гоголевский «Ревизор», — рассказывал Ярошенко. — Все работники ЗАГСа — перепуганные, ошалевшие от такого визита — побежали разыскивать директора.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, — пытался успокоить их Борис Николаевич. — Я здесь как частное лицо, с друзьями».

Среди москвичей первым Ельцина оценил Гавриил Попов, талантливый публицист и оратор. Он понял, что демократически настроенным политикам нужна такая фигура, которая пользуется народной любовью.

Георгий Шахназаров, помощник Горбачева, вспоминает: на первом съезде народных депутатов он подошел к Гавриилу По-

пову, сидевшему неподалеку, и спросил его, почему демократы решили взять в вожаки Ельцина, что они в нем нашли?

— Народу нравится, — хитро подмигнув, объяснил Попов. — Смел, круче всех рубит систему.

— Но ведь интеллектуальный потенциал не больно велик, — возразил Шахназаров, повторяя чуть ли не дословно своего шефа.

— А ему и не нужно особенно утруждать себя, это уже наша забота.

— Гавриил Харитонович, ну а если он, что называется, решит пойти своим путем? — спросил Шахназаров.

— Э, голубчик, — ответил Попов, тихо посмеиваясь в обычной своей манере, — мы его в таком случае просто сбросим, и все тут.

Сближение не было простым делом.

Анатолий Собчак вспоминал: «В среде столичной и питерской интеллигенции никогда не было восторгов по поводу Бориса Ельцина... Я и сам долго считал, что Ельцин — один из ближайших друзей Горбачева, а все, что с ним происходит, в известной мере инспирировано. Или, по крайней мере, определено политической игрой: Горбачев просто на время пожертвовал Ельциным из тактических соображений. И пока я не познакомился с тем и другим, не увидел реального соотношения сил, пристрастий и страстей, я был уверен, что понимаю игру».

Когда Ельцина стали приглашать к себе демократы, когда он познакомился с академиком Сахаровым, он поначалу чувствовал себя не в своей тарелке. Но он быстро оценил свежие и гибкие мозги новых союзников. Они умели анализировать ситуацию, делать прогнозы, разрабатывать программу действий. Он не всегда следовал их советам, но обязательно выслушивал и учитывал их мнение.

Это общение сыграло важную роль в формировании его политических взглядов. Он усвоил определенные демократические принципы, которые никогда потом не нарушит.

И отношение к нему менялось к лучшему.

Художественный руководитель Театра имени Ленинского комсомола Марк Захаров, который умеет найти в вождях нечто достойное восхищения, вспоминал, как однажды опальный Ельцин пришел к ним в театр:

«Спектакль понравился Борису Николаевичу настолько, что, несмотря на расцвет антиалкогольной кампании, выпил он рюмку коньяку с писателем Юзом Алешковским и пошел себе сумрачной походкой пешком по темному переулку.

Меня забил колотун — у нас ни одного автомобиля! Мы — хвать скрипучий «Запорожец» со спущенным баллоном. Догоняем, я говорю: «Пожалуйте, Борис Николаевич, в салон не первой свежести, извините, но от души». Он обрадовался, полез; а ноги длинные не умещаются. Мы их — об колено пополам и дружными усилиями втиснули. Бывший член политбюро хотя и закряхтел от боли, но театр наш очень полюбил...

Каждый видит своего Ельцина... Я, например, вижу большого, красивого человека. Ловкого, сильного, а когда требуется — шустрого, на удивление живучего. Сколько довелось испытать, а он себе смеется, заливается, хотя по шапке может двинуть в любой момент, как за дело, так и за компанию...»

Летом 1989 года в Доме кино состоялось первое собрание Межрегиональной депутатской группы. Объединилось двести семьдесят депутатов. Чтобы избежать споров о том, кому быть лидером, избрали пять сопредседателей — историка Юрия Афанасьева, экономиста Гавриила Попова, профессора Виктора Пальма из Тартуского университета, академика Андрея Сахарова и Бориса Ельцина.

Он казался чужим в этой интеллигентской компании. Сам чувствовал себя не совсем уютно. И другие посматривали на него с некоторым удивлением: что он, собственно, здесь делает? Более циничные депутаты прекрасно понимали, зачем им нужен Ельцин. Это был брак по расчету.

Известный литературовед Сергей Аверинцев, избранный народным депутатом СССР от Академии наук, тоже член Межрегиональной депутатской группы, вспоминает: «Ельцин на заседаниях межрегионалки был в общем молчалив: однако один его монолог запомнился мне на правах некоего a propos к теме критики интеллигенции. Он сказал примерно так: «Вот вы умеете разговаривать друг с другом, умеете разговаривать с иностранцами, но когда поговорить с рабочими, это вам не под силу...»

ПОЕЗДКА В АМЕРИКУ

В сентябре 1989 года Ельцина пригласили в Соединенные Штаты читать лекции. Весь гонорар он заранее распорядился пустить на закупку одноразовых шприцев. Тогда все говорили о начинающейся эпидемии СПИДа.

Накануне отъезда к Ельцину в гостиницу «Москва», где располагался Комитет по строительству и архитектуре, приехал поговорить американский посол в СССР Джон Мэтлок. Лидер оппозиции уже вызывал очевидный интерес окружающего мира.

Разрешение на выезд Ельцин получил в отделе ЦК КПСС по работе с загранкадрами и по выездам за сутки до вылета. Уехать разрешили на неделю, напомнили:

— Через неделю пленум ЦК по сельскому хозяйству, вам необходимо присутствовать.

— Вот уж поистине безграничное лицемерие! — не выдержал Ельцин. — Никому не нужный «бывший» понадобился на пленуме!

В поездке Ельцина сопровождали его помощник Лев Суханов, преданный ему депутат Виктор Ярошенко и обозреватель «Комсомольской правды» Павел Вощанов, который станет его первым пресс-секретарем, но быстро покинет Кремль.

В аэропорту Лев Суханов предложил:

— Может, пройдем через депутатский зал?

Ельцин отказался:

— Нет, будем стоять как все.

Билеты взяли на американский «боинг», Ельцин и Суханов летели первым классом и наслаждались жизнью.

Ельцина как могли подготовили к поездке. К нему приезжали сотрудники академического Института США и Канады, рассказывали, что там и как. В салоне Ельцин переоделся в спортивный костюм, надел тапочки и стал читать подобранную ему литературу об Америке.

Осмотр достопримечательностей Нью-Йорка, особенно его магазинов, произвел неизгладимое впечатление на будущего президента России.

Ельцин говорил американским журналистам: «Всю мою жизнь я представлял себе Америку из учебников истории. Теперь, за полтора дня пребывания здесь, мое представление о США изменилось на 180 градусов. Похоже, что капитализм не находится на последней стадии загнивания, как нас учили... Наоборот, похоже, капитализм расцветает. То, что вы здесь называете трущобами, у нас было бы вполне нормальным жилищем».

В Чикаго Ельцин вдруг захотел позвонить в Москву, чтобы узнать, на какой день назначен пленум ЦК. Переводчик набрал московский номер секретаря Ельцина прямо из машины. Для Ельцина это было потрясением.

Заглянули в Хьюстоне в супермаркет: стали искать глазами очередь — не нашли.

«Ассортимент продовольственных товаров составлял примерно тридцать тысяч наименований, — вспоминал Суханов. — Я предполагал разное, но то, что увидел в этом супермаркете, было не менее удивительно, чем сама Америка. Кто-то из нас начал считать виды колбас. Сбились со счета... Для нас с Борисом Николаевичем посещение супермаркета стало настоящим потрясением».

На обратном пути в самолете Борис Николаевич «сидел, зажав голову ладонями, и на лице его явственно проглядывала борьба чувств. Не зря ведь говорят, что некоторые слабонервные люди после возвращения из цивилизованной заграницы впадают в глубокую депрессию... Когда Ельцин немного пришел в себя, он дал волю чувствам.

— До чего довели наш бедный народ, — сокрушался он. — Всю жизнь рассказывали сказки, всю жизнь чего-то изобретали. А ведь в мире все уже изобретено...

А ведь Ельцина трудно было удивить «богатым ассортиментом», не будем забывать, что он как кандидат в члены политбюро тоже имел привилегию на высший стандарт потребления, но, видимо, упрятанные от глаз народа партийные закрома, несмотря на весь их «номенклатурный блеск», несли на себе печать обветшания. И на фоне заурядного американского супермаркета выглядели нищенскими.

Я допускаю такую возможность, что именно после Хьюстона у Ельцина окончательно рухнула в его большевистском сознании последняя подпорка...»

Ельцин не хотел выглядеть туристом. Ему принципиально важно было добиться, чтобы американские лидеры увидели в нем равного им политического деятеля и признали лидером оппозиции, способным конкурировать с Горбачевым.

Бориса Николаевича приняли государственный секретарь Джеймс Бейкер и некоторые сенаторы. Ельцина же интересовало только одно — состоится ли встреча с президентом Бушем.

Ельцин всегда умел произвести впечатление. На деловом обеде в Совете по внешней политике известные политологи стали спрашивать, с каким идеями он приехал в США.

Ельцин не моргнув глазом ответил: «Обо всем, что я с собой привез, я скажу самому Бушу. У меня есть что сказать ва-

шему президенту, и я думаю, ему будет интересно встретиться со мной».

В реальности ничего особенного Ельцин Джорджу Бушу не сказал, хотя его мечта сбылась: президент нашел время для встречи с ним. Произошло это в самый трудный и неудачный для Бориса Николаевича день.

Утром ему предстояло выступать в Институте имени Дж. Гопкинса, а потом его ждали в Белом доме, причем до последнего момента неясно было, состоится встреча с президентом Бушем или нет.

В этот день Ельцин вел себя очень странно. Американцы объясняли это потом тем, что российский гость до самого утра дегустировал отборные сорта виски и не успел прийти в себя.

Помощники Ельцина отметали эти грязные инсинуации, объясняя все усталостью Ельцина, сменой часовых поясов и особенностями его организма.

Заботливый Лев Суханов писал: «Надо учитывать «специфику» сна Ельцина. Первые часы он спит убойным сном. Затем пробуждается, и начинается двухчасовое бодрствование. Кстати, очень для него продуктивное. Мозг в эти часы работает особенно интенсивно, без помех. И когда он потом, перед самым утром, снова засыпает, то разбудить его можно только из пушки».

По словам его спутников, накануне этого выступления Ельцин почти не спал, жаловался, что не в состоянии уснуть, проглотил снотворное и не мог проснуться в условленный час.

Лев Суханов:

«Он спал, причем спал тем убойным сном, о котором я говорил раньше. Стоило огромных усилий его расшевелить, и когда он вроде бы пришел в себя и начал одеваться, я понял, что он так и не проснулся. Принятое накануне снотворное было сильнее его воли. Все его движения — вялые, заторможенные...

К девяти часам, то есть к началу лекции, он с трудом оклемался. Зал был полон. И вот в этот момент произошло резкое перевоплощение. Ельцин вдруг оживился и даже начал подшучивать над президентом университета.

На сцену они вышли одновременно. Глава университета стал по бумажке зачитывать приветствие и представлять гостя. Ельцин подошел и забрал с его пюпитра текст.

— Давайте будем в равных условиях, — сказал ректору Ельцин, — раз я буду говорить без бумажки, то и вы говорите без нее...

Это было неслыханно! Однако публике это даже понравилось. И тогда, и позже экстравагантность, скажем так, поступков Ельцина соответствовала романтическим представлениям о русском медведе, грубоватом и неуклюжем, но добром, искреннем и надежном. Со временем стало ясно, что президенту России не хватает элементарного воспитания и понимания европейских норм поведения.

Сразу после лекции Ельцина повезли в Белый дом на встречу с советником президента Соединенных Штатов по национальной безопасности Брентоном Скоукрофтом, очень влиятельным человеком.

В машине Ельцин, который по-прежнему находился, скажем мягко, в необычном состоянии, вдруг заупрямился и заявил, что не поедет к Скоукрофту — не тот, мол, уровень:

— Ну, представляете себе, Лев Евгеньевич, что Буша встречаете вы, мой советник, а не я?

Пока все наперебой уговаривали Ельцина, машина доехала до Белого дома. Всем приехавшим вручили стандартные карточки с надписью «гость». Ельцин обиделся — он не гость, а политик, который пришел к другому политику, — и карточку не взял.

Пока они сидели у Скоукрофта, пришел президент Буш. Это стандартный дипломатический прием, позволяющий проводить некоторые встречи, не вписывающиеся в обычный протокол. Ни Буш, ни его окружение не хотели злить Михаила Горбачева. Но опытные американцы понимали, что надо заранее установить контакты с видным оппозиционером.

Президент извинился перед российским гостем, что у него мало времени, он должен выступать по телевидению. И они с Ельциным поговорили всего двенадцать минут.

Затем в этот же кабинет Скоукрофта наведался и вице-президент Дэн Куэйл. Он тоже коротко побеседовал с экзотическим московским гостем и ушел.

Все были довольны. Неформальный характер встречи не создавал для американцев проблем в отношениях с Горбачевым, который ревниво следил за американским путешествием своего соперника. Ельцин же мог говорить, что беседовал с президентом Соединенных Штатов.

Словом, все было бы хорошо. Но необычность поведения российского гостя и вероятные причины его причуд не остались незамеченными для западных журналистов».

СТАТЬЯ В «ПРАВДЕ»: СКАНДАЛ

19 сентября 1989 года «Правда» перепечатала из итальянской газеты «Репубблика» хлесткую статью журналиста Витторио Дзукконе об американской поездке Ельцина: «За пять дней и пять ночей, проведенных в США, Ельцин спал в среднем два часа в сутки и опорожнил две бутылки водки, четыре бутылки виски и несметное количество коктейлей на официальных приемах...»

С Ельциным итальянский журналист не церемонился: «...пьяный, невоспитанный русский медведь, впервые очутившийся в цивилизованном мире».

Появись такая статья через несколько лет, она оказалась бы в русле куда более злых публикаций российской оппозиционной прессы. А тогда правдинская публикация вызвала в стране искреннее возмущение. Но возмущались не героем фельетона, а газетой, которая посмела оскорбить Ельцина.

Описания пьяных похождений Бориса Николаевича не произвели никакого впечатления на советских людей. Во-первых, в те годы никакая грязь к Ельцину не приставала — и это главное. Во-вторых, абсолютное большинство читателей решили, что это клевета, организованная Горбачевым и Лигачевым. В-третьих, с каких это пор пристрастие к алкоголю в нашей стране кому-то ставили в упрек?

Покойный ныне Виктор Афанасьев, тогдашний главный редактор «Правды», вспоминал:

«Невообразимый скандал развернулся вокруг публикации. Телефоны в редакции звонили не переставая. Потом шли телеграммы, письма. Демократическая общественность вознегодовала: как это «Правда» позволила дискредитировать самого Ельцина? У подъезда редакции были выставлены пикеты. Номер газеты демонстративно сожгли...

Говорили о том, что материал поступил из ЦК КПСС в красном пакете с пятью печатями и был адресован лично главному редактору чуть ли не со строгим указанием о его немедленной публикации...

Статья из «Репубблики» пришла по обычным каналам ТАСС. Из ЦК она вообще тогда не могла поступить: было воскресенье, и бумаги в такой день из ЦК к нам не поступали.

Принесли мне это официальное сообщение два члена редколлегии «Правды» — Владимир Губарев и Александр Черняк.

Втроем мы просмотрели материал. Приняли не сразу, возникли сомнения. Но материал-то официальный, тассовский, значит, с кем-то согласованный. К тому же сенсационный — какой газетчик устоит перед сенсацией? Не устояли и мы.

Не в оправдание, а в порядке информации должен сказать, что после выхода ночного номера я еще раз, уже более внимательно, прочитал опус итальянского журналиста. С опозданием понял: сей труд не в традициях и манере «Правды» и попросил на следующий день в основном тираже его не повторять.

«Правда» в 1989 году имела тираж десять с половиной миллионов экземпляров. Из них два с половиной миллиона экземпляров (ночной выпуск) распространялись в столице, центральных и западных районах страны, за рубежом.

А основной тираж (около восьми миллионов экземпляров) шел вечерним выпуском и распространялся в большинстве районов страны. На места он передавался через спутниковую связь или фототелеграфом. Нередко тот или иной материал из-за позднего его поступления печатался сначала в ночном выпуске (в 24 часа), а на следующий день повторялся в вечернем. Именно так и проходила и статья о Ельцине».

Но и московского тиража вполне хватило, чтобы на следующий день о статье говорила вся страна. Мало кто сомневался в том, что публикация — дело рук ЦК.

Горбачев и его помощники находились в тот момент на даче в малоизвестном еще Ново-Огарево и трудились над проектом доклада генерального секретаря на пленуме ЦК о национальной политике.

В толстой пачке информационных материалов ТАСС они получили и перевод статьи о Ельцине из итальянской газеты. И сразу разгорелся спор: публиковать ее или не публиковать?

Помощник генерального секретаря Георгий Шахназаров вспоминает:

«Почти все говорили, что дело беспроигрышное, речь идет всего-навсего о перепечатке, и непонятно, почему надо щадить человека, который переходит границы дозволенного; он подставился, а значит — следует этим воспользоваться, в конце концов, борьба есть борьба.

Кто-то выразил сомнение. Опыт подсказывал: чем больше ругают Ельцина в официальной прессе, тем больше ему сочувствует народ. На Руси принято сострадать мученикам и гонимым

властями, так что бросить лишний камушек в его огород — только помочь ему набрать очки.

Горбачев задумался. Встал, походил по просторной продолговатой комнате на первом этаже, в которой шла работа... Мы молча ждали решения генсека. Он еще раз обошел вокруг стола, потом остановился у своего кресла и, оглядев нас, сказал:

— Не лежит у меня душа. Что-то в этом неэтичное. Конечно, от Бориса всякого можно ожидать, но не будем же мы ему уподобляться.

Были после этого еще попытки убедить Михаила Сергеевича, но он стоял на своем.

— Ну а если все-таки какая-то газета перепечатает? У нас теперь свобода печати, никому не закажешь, — спросил кто-то.

Горбачев развел руками.

На том порешили, и Медведев передал в ТАСС указание: никаких рекомендаций газетам о перепечатке статьи из «Республики» не давать. А на другой день она красовалась в «Правде»...»

Тогдашний секретарь ЦК по идеологии Вадим Медведев вспоминает:

«Почитали, посмеялись и после некоторых колебаний пришли к выводу, что эту дешевку перепечатывать в нашей прессе не следует — она дискредитирует страну.

Такая точка зрения была доведена мною до руководства Идеологического отдела. Впоследствии мне доложили, что некоторые газеты, в частности «Советская Россия», обращались в отдел с предложением опубликовать статью, и им посоветовали воздержаться от такого шага.

Каково же было мое удивление, когда, раскрыв утром «Правду», обнаружил в ней злополучную статью! Выступая в тот день в Академии общественных наук, я был буквально засыпан вопросами по этому поводу.

Я чувствовал, что моим пояснениям далеко не все верят, и только довод о том, что публикация скандальной статьи — это ошибка, дискредитирующая страну, недопустимый метод полемики, заставил слушателей подзадуматься над случившимся».

Главному редактору «Правды» неудачная публикация стоила карьеры. Горбачев воспользовался этим поводом, чтобы посадить в кресло редактора центрального партийного органа одного из своих сотрудников.

Виктор Афанасьев вспоминал:

«Утром мне позвонил Горбачев, отчитал как следует, мол, не дело такой газеты, как «Правда», заниматься перепечаткой из мелкобуржуазной «Репубблики». Я ответил, что это солидная независимая газета, одна из самых крупных в Италии...

25 октября 1989 года меня вызвал секретарь ЦК КПСС по идеологии, член политбюро Вадим Медведев и сказал: «Виктор, ты просил отпустить тебя в науку. Горбачев согласен. Пиши заявление». И мне ничего не оставалось, как подать заявление с просьбой освободить меня от должности главного редактора «Правды» в связи с переходом на научную работу.

А через пару дней в «Правду» пожаловал Горбачев в сопровождении Медведева. Он представил нового главного редактора И.Т. Фролова, такого же, как и я, академика-философа».

21 сентября 1989 года «Правда» дала опровержение на последней полосе:

«В связи с публикацией о Б.Н. Ельцине в газете «Репубблика»:

По поручению редакции наш корреспондент в США В. Линник разговаривал с Витторио Дзукконе, автором статьи в итальянской газете «Репубблика», перепечатанной «Правдой».

На вопрос, ручается ли он за все, написанное им о Б.Н. Ельцине в своем материале, Дзукконе ответил, что делал его, основываясь на вторичных источниках: публикации в «Вашингтон пост» от 13 сентября, озаглавленной «С пьяными объятиями к капиталистам», плюс свидетельства эмигрантов из СССР, слышавших разговоры о поведении Ельцина в Балтиморе.

Редакция «Правды» приносит свои извинения Б.Н. Ельцину. Полагаем, что это сделает за своего корреспондента и редакция «Репубблики».

Конечно, эта статья в «Правде» попортила Ельцину крови, но, как он вскоре убедится, число его сторонников не уменьшилось. Сам Виктор Афанасьев, критически оценивая плоды своего труда, пришел к такому выводу:

«Осмысливая ныне эту и другие акции типа «анти-Ельцин», которые активно проводились руководством КПСС в 1989—1990 годах, я невольно прихожу к мысли, что они в конечном счете возвратились бумерангом к их инициаторам и исполнителям.

Надо знать наш русский, российский народ, который веками выражал самые горячие симпатии именно к гонимым, оби-

женным и тем, кто осмелился поднять голос против начальства... Даже злополучная публикация в «Правде» сработала на него. «Ну, выпивает Ельцин, а кто из русских не пьет? Нет, он наш человек» — так или примерно так рассуждали на святой Руси».

КТО МОНТИРОВАЛ ПЕРЕДАЧУ НА ТВ?

Неприятности Ельцина на этой истории не закончились. Сентябрь и октябрь вообще оказались для него временем испытаний. Поездка в Америку ему дорого обошлась.

27 сентября Ельцину позвонил председатель Гостелерадио Михаил Ненашев и сказал, что телевидение намерено показать документальный фильм о поездке Ельцина в США. Речь шла о вызвавшем множество пересудов выступлении Ельцина в Институте имени Дж. Гопкинса в Балтиморе, когда российский гость после трудной ночи явно был не в форме.

Ненашев вспоминает:

«Мне не понравилась перепечатка в газете «Правда», представленная в типичном стиле бульварной прессы, своей развязностью, откровенным намерением скомпрометировать. И сама публикация, и манера ее подачи чем-то дурно припахивали. Я считал для себя идти тем же путем невозможным и неприличным. Поэтому сам позвонил Б. Ельцину и сказал:

— У нас есть пленка вашего выступления в США, в университете, и мы намерены дать его по Центральному телевидению. Понимаю, что восприятие ее будет неоднозначно, и потому ставлю в известность, ибо не хочу это делать за спиной.

Сказал также, что, если будет желание предварительно посмотреть, мы готовы ее показать ему лично или помощнику...»

Ельцин захотел посмотреть видеозапись. Вместе со своим помощником Сухановым съездил в Останкино. Потом перезвонил Ненашеву:

— Михаил Федорович, я только что посмотрел видеопленку, и мне кажется, этот материал показывать не стоит. Есть ведь и другие мои выступления...

Но показывать или не показывать — это зависело не от председателя Гостелерадио. У него был твердый приказ, он его выполнял. Партийное руководство все еще надеялось подорвать авторитет Ельцина.

Борис Николаевич это понимал, поэтому попросил Михаила Ненашева:

— Раз ты не можешь не давать, у меня к тебе только одна просьба, дайте не одно выступление, где я выгляжу не лучшим образом, но и другие встречи в Соединенных Штатах.

Просьба была выполнена, но общего впечатления не изменила. 1 октября телезрители увидели человека, который был или крепко пьян, или находился под воздействием каких-то сильнодействующих препаратов, или вообще совершенно слетел с катушек. Люди просто не узнавали Ельцина, который куролесил самым неприличным образом.

Пошли разговоры, что это результат специального монтажа, а Ельцин пьяным не был. Просто устал и принял транквилизатор. Виктор Ярошенко писал: «Над пленкой тщательно поработали, имитируя эффект плавающего звука, что тем самым свидетельствовало бы о пьянстве политика Ельцина».

Сам Борис Николаевич утверждал: «Специальные мастера произвели с видеопленкой особый монтаж: где надо замедляя на доли секунды изображение, а где надо — растягивая слова».

Председатель Гостелерадио Ненашев был удивлен такой наивностью:

«Понимаете, такое даже чисто технически невозможно. Ну нет у нас такой аппаратуры, чтобы изобразить человека пьяным, если он на самом деле трезв. И никакое замедление звука тут не поможет — заметно будет...

В телевизионной записи была представлена встреча, а не просто монолог. На встрече, как известно, участвуют, двигаются, одновременно говорят, задают вопросы много людей, и технически бывает невозможно даже при желании исказить манеру поведения и речи одного человека, не трогая других».

Эти объяснения тоже не возымели никакого действия. Тогда многие люди так восхищались Ельциным, что принимали на веру самые нелепые предположения. Конечно, это касалось не всех. Достаточно было людей, которые оценивали Бориса Николаевича достаточно критически. Но они не могли не видеть, что с каждым днем именно он, а уже не Горбачев символизирует стремление двигаться дальше по пути реформ. С этим приходилось считаться даже тем, кто приходил в ужас от некоторых выходок Бориса Николаевича.

ПРЫЖОК С МОСТА

Осенью 1989 года по Москве поползли неясные слухи о покушении на Ельцина. Такая была атмосфера в обществе, что многие поверили: народного любимца пытались убить.

В «Московских новостях» появилось сообщение: «На протяжении нескольких дней в редакции раздаются звонки читателей: правда ли, что на Бориса Ельцина было совершено хулиганское нападение и он находится в тяжелом положении?»

Журналисты позвонили самому Ельцину домой. Он ответил:

— Сейчас я немного приболел, видимо, в Америке простудился и теперь вот вынужден сидеть дома.

Вслед за этим выступила «Комсомольская правда»:

«В редакции раздаются многочисленные звонки: почему Ельцина нет на сессии? Ходят слухи, что кто-то сбросил его в реку...

Мы позвонили Борису Николаевичу домой. Вот что он ответил:

— Чуть ли не каждую неделю до меня доходят такие слухи: то у меня инсульт, то я попал в автомобильную катастрофу, и даже что меня убили. Но все это, конечно, слухи, не более. На самом деле со мной все нормально. В поездке по Америке я, вероятно, простудился и сейчас приболел. Но температура уже спала. Лечащий врач сказал, что с 16 октября могу приступить к работе. Так что в понедельник буду участвовать в работе сессии Верховного Совета СССР».

Но вскоре стало ясно, что дело не в простуде.

Эта загадочная история случилась поздно вечером 28 сентября 1989 года в подмосковном дачном поселке Успенское.

В тот день Ельцин в Раменках встречался со своими избирателями. Вместе с ним был Михаил Полторанин, тоже избранный депутатом. Ельцин рассказывал о поездке в США, потом уехал в Успенское на служебной «Волге» с новым водителем.

На допросе командир отделения по охране спецдач Одинцовского райотдела внутренних дел сообщит: «С целью проверки несения службы милиционеров я позвонил по телефону на проходную Успенских дач, где несли службу милиционеры Костиков и Макеев. Трубку снял Костиков. На мой вопрос: «Как дела?» — он ответил, что все хорошо и что «выловили Ельцина». Я посчитал, что это шутка, но все-таки решил съездить и проверить, что произошло...»

Сам Борис Николаевич позднее описывал историю так: «Ехал к старому свердловскому другу. Недалеко от дома отпустил машину. Прошел несколько метров, вдруг сзади появилась другая машина. И... я оказался в реке. Вода была страшно холодная. Судорогой сводило ноги, я еле доплыл до берега, хотя до него несколько метров. От холода меня трясло».

Промокший Ельцин добрался до поста охраны и заявил, что это было покушение на его жизнь. Попросил сообщить ему домой. Дочь президента Татьяна Дьяченко бросилась звонить Александру Коржакову:

— Папу сбросили с моста... У Николиной горы, прямо в реку. Он сейчас на посту охраны лежит в ужасном состоянии. Надо что-то делать!

Первая мысль Коржакова: значит, Горбачев все-таки решил разделаться с опасным конкурентом... Опытный Коржаков прихватил бутылку самогона, теплые носки, свитер и на своей «Ниве» погнал в Успенское. За превышение скорости его остановил инспектор ГАИ. Коржаков представился и объяснил:

— Ельцина в реку бросили.

Инспектор козырнул и с неподдельным сочувствием в голосе ответил:

— Давай гони.

«К Борису Николаевичу тогда относились с любовью и надеждой, — вспоминает Коржаков. — Примчался я к посту в Успенском и увидел жалкую картину.

Борис Николаевич лежал на лавке в милицейской будке неподвижно, в одних мокрых белых трусах. Растерянные милиционеры накрыли его бушлатом, а рядом с лавкой поставили обогреватель. Но тело Ельцина было непривычно синим, будто его специально чернилами облили».

Увидев своего верного телохранителя, Борис Николаевич, по словам Коржакова, заплакал:

— Саша, смотри, что со мной сделали...

Коржаков заставил его выпить стакан самогона, затем растер и переодел в теплое.

«Мокрый костюм Ельцина висел на гвозде. Я заметил на одежде следы крови и остатки речной травы. Его пребывание в воде сомнений не вызывало».

Коржаков так передает рассказ Ельцина:

«Он шел на дачу пешком от перекрестка, где его высадила служебная машина, мирно, в хорошем настроении — хотел зайти в

гости к приятелям Башиловым. Вдруг резко затормозили «Жигули» красного цвета. Из машины выскочили четверо здоровяков. Они набросили мешок на голову Борису Николаевичу и, словно овцу, запихнули его в салон. Он приготовился к жестокой расправе — думал, что сейчас завезут в лес и убьют. Но похитители поступили проще — сбросили человека с моста в речку и уехали».

Коржаков теперь уверяет, что ему в этом рассказе все показалось странным:

«Если бы Ельцина действительно хотели убить, то для надежности мероприятия перед броском обязательно стукнули бы по голове...

Спросил:

— Мешок завязали?

— Да.

Оказывается, уже в воде Борис Николаевич попытался развязать мешок, когда почувствовал, что тонет.

Эта информация озадачила меня еще больше — странные здоровяки попались, мешка на голове завязать не могут».

Ближайший помощник Ельцина Лев Суханов о происшедшем узнал с опозданием.

«Когда утром я приехал в гостиницу «Москва», — вспоминал Суханов, — и не встретил там Ельцина, позвонил ему домой. Ответила супруга: Борис Николаевич, мол, болен — температура, слабость... Словом, на работе его не будет и мне нужно незамедлительно ехать к ним домой. Застал его в постели с высокой температурой...

Я позвонил водителю Ельцина и попросил того объяснить ситуацию. Оказывается, он довез Бориса Николаевича до Успенских дач, где тот вышел из машины и дальше пошел пешком. Я подумал, что если бы с ним был его старый водитель Валентин Николаевич, то ничего не случилось бы. Он бы его одного просто не отпустил.

Хоть какую-то информацию дала Наина Иосифовна: «Мы все переволновались... Он позвонил где-то в половине первого ночи и сказал, что находится на каком-то КПП... И мы поехали на машине за ним...» То есть поехали Наина Иосифовна и муж дочери Тани. И действительно, Бориса Николаевича они застали на КПП правительственной дачи — мокрого в компании двух милиционеров, которые отпаивали его горячим чаем.

Со слов самого шефа, события в тот вечер развивались следующим образом. Когда он вышел из машины, то направился

пешком в сторону дачи бывшего председателя Госстроя Башилова. Они оба из Свердловска, и оба любители попариться.

И в тот момент, когда он находился недалеко от проходной, на него что-то накинули и «не успел я очухаться, как меня куда-то понесли, и очнулся уже в воде, под мостом...». 28 сентября погода в Москве стояла холодная, ни одна машина его не подобрала, и тогда он отправился на КПП, где его приютили два милиционера...»

Однако на следующий день неожиданно для всех Ельцин позвонил министру внутренних дел Вадиму Бакатину, просил не проводить расследования, отозвал свое устное заявление насчет покушения.

Уже было поздно. Милиционеры доложили о случившемся начальству. Следственное управление Главного управления внутренних дел Мособлисполкома возбудило уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных статьями 15 («покушение на преступление») и 103 («умышленное убийство») Уголовного кодекса РСФСР.

К помощнику Ельцина Суханову приходил следователь, водителя служебной автомашины, который отвозил Бориса Николаевича в Успенское, вызывали на допрос, но Ельцин сам поговорил со следователем и потребовал прекратить расследование. В аппарате Ельцина сочли «дело о покушении» закрытым.

Но 4 октября на заседании политбюро Горбачев рассказал товарищам всю эту историю о том, как около полуночи на пост милиции в дачном поселке Успенское пришел Борис Николаевич Ельцин, весь мокрый. Ельцин просил не придавать этому факту огласки, сказал Горбачев, но надо разобраться. И поручил это министру внутренних дел Вадиму Бакатину.

Через несколько дней министр доложил Горбачеву, что расследование следует прекратить:

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

В соответствии с Вашим поручением по поводу распространившихся в Москве слухов о якобы имевшей место попытке нападения на депутата Верховного Совета т. Ельцина Б.Н. докладываю.

6 октября заместитель начальника Следственного управления ГУВД Мособлисполкома т. Ануфриев А.Т., в производстве которого находится данное уголовное дело, в целях выяснения обстоятельств происшедшего разговаривал с Ельциным Б.Н. по

телефону. Тов. Ельцин заявил: «Никакого нападения на меня не было. О том, что случилось, я никогда не заявлял и не сообщал и делать этого не собираюсь. Я и работники милиции не поняли друг друга, когда я вошел в сторожку. Никакого заявления писать не буду, т.к. не вижу в этом логики: не было нападения, следовательно, и нет необходимости письменно излагать то, чего не было на самом деле».

С учетом изложенных обстоятельств уголовное дело подлежит прекращению. Поводом для распространения слухов о якобы имевшем место нападении на т. Ельцина Б.Н. является его заявление, не нашедшее своего подтверждения.

Министр внутренних дел СССР *В. Бакатин»*.

Однако Горбачев не хотел упускать случая показать, в каком неприглядном положении оказался Борис Николаевич. Бакатин получил приказ довести дело до конца. Ельцин стал серьезным противником для Горбачева. Бывший первый секретарь Свердловского обкома Яков Рябов, который вывел Бориса Николаевича в большую политику, рассказывал:

«Горбачев меня часто укорял Ельциным: ну вот, понимаешь, воспитал. Я резонно отвечал: а кто его пригласил в Москву? Однажды на политбюро, когда собирали нас, послов, Горбачев опять говорит: что же вы, Яков Петрович! Опять что-то Ельцин сказал, его задело. Я не выдержал: пора с этим кончать! Вы не в первый раз это говорите. Когда его приглашали в Москву, разве вы со мной советовались? Все члены политбюро притихли. Когда я был первым секретарем обкома партии, я Ельцина держал в руках. Что я говорил, то он и делал. А вы всем составом политбюро не можете его удержать...»

Через десять дней на узком совещании Горбачев сказал, что министр внутренних дел уточнил истинные факты «мокрого дела». Учитывая, что пошли депутатские запросы, предложил — не скрывать и информировать президиум и сессию Верховного Совета СССР.

В уголовном деле события той ночи выглядят так:

«28 сентября 1989 года около 23-х часов, на проходную дачного поселка Успенское Совета Министров СССР, расположенного на территории Одинцовского района Московской области, обратился Ельцин Б.Н. и сообщил находившимся там сотрудникам милиции Костикову В.И. и Макееву А.Я. о том, что на него совершено нападение неизвестными лицами, которые закрыли

ему лицо, увезли на автомашине к водоему и сбросили его в воду, создав реальную угрозу для жизни».

Дежурный милиционер на допросе показал:

«28 сентября в 23 часа 15 мин. совместно с сержантом милиции Макеевым я находился на проходной госдач Успенское. Вовнутрь помещения со стороны улицы зашел народный депутат Ельцин Б.Н., одетый в костюм темного цвета, светлую рубашку. Одежда была совершенно мокрая, с нее капала вода. Мы помогли ему снять пиджак, ботинки, напоили горячим чаем. Он выпил чашки 3—4.

На вопрос, что с ним случилось, т. Ельцин рассказал следующее. После выступления в Москве в ДК «Высотник» в Раменках он на служебный машине приехал на дачу номер 38 в гости. Машину отпустил на перекрестке Рублевского шоссе и 1-го Успенского шоссе. Поздоровался с инспектором 7-го ГАИ и пешком направился в сторону дачного поселка. Сзади неожиданно подъехала какая-то машина, неизвестные силой усадили его в салон, натянули на голову какой-то предмет, а затем куда-то повезли и выбросили в воду с моста в Москву-реку.

По его словам, он несколько раз отталкивался от дна, прежде чем выбрался на берег. Отлежавшись около часа на берегу, т. Ельцин добрался до проходной. Он попросил позвонить на дачу номер 38. На первый звонок ответила женщина и сказала, что ошиблись номером. Второй звонок остался без ответа».

На даче номер 38 той ночью хозяева отсутствовали. Там находилась только сестра-хозяйка, которую потом допросили как свидетельницу. Она рассказала, что рано легла спать, дверь была тщательно заперта и никто к ней не стучался.

Вывод криминалистов:

«Ельцин не мог быть сброшен в воду (по характеру местности и конструкции близлежащих мостов), так как в этом случае, по мнению специалистов, он получил бы серьезную травму, а на его одежде должны были остаться следы водной растительности, илистых образований, которые, по показаниям свидетелей, отсутствовали».

16 октября после обеда Горбачев проводил заседание президиума Верховного Совета СССР. Он пригласил министра внутренних дел Бакатина и попросил доложить о результатах расследования.

Бакатин сказал, что было устное заявление Бориса Николаевича Ельцина представителям милиции о покушении:

— Но никто — ни его водитель, ни пост ГАИ, мимо которого якобы шел Борис Николаевич, ни фактическая обстановка (высота моста около пятнадцати метров), ни время происшествия — его версию не подтверждает.

Борис Николаевич как член президиума Верховного Совета участвовал в заседании. Его попросили объясниться. По словам присутствовавших, мрачный Ельцин «говорил коротко, сбивчиво. Это была шутка. Мало ли что бывает. Это моя частная жизнь. Но попытки угроз и шантажа в мой адрес были...».

На вопросы членов президиума отвечать отказался.

В четыре часа открылось совместное заседание палат Верховного Совета СССР.

Горбачев сказал, что по Москве распространяются слухи о якобы имевшем место покушении на Ельцина, этот вопрос уже разбирал президиум Верховного Совета и решил ничего от депутатов не скрывать. И Михаил Сергеевич опять предоставил слово Бакатину, который повторил все заново, только с большим количеством деталей.

В окружении Ельцина были весьма раздосадованы выступлением Бакатина, которого просили закрыть расследование.

Лев Суханов вспоминал: «Да, к сожалению, слова он не сдержал и на сессии о «факте покушения» рассказал в своей интерпретации. Вы, наверное, помните, как у него тогда дрожали руки и голос, и вообще министр чувствовал себя весьма неуверенно. Конечно же ему было неловко выходить на трибуну и говорить вещи, которые ему не свойственны. Кстати, Борис Николаевич не изменил к Бакатину своего отношения и до сих пор воспринимает его как порядочного человека...»

Ельцин опять сказал всего несколько слов:

— Претензий к министерству внутренних дел у меня нет. Никакого нападения не было. Никаких заявлений я не делал. Это мое частное дело.

Выслушав Бориса Николаевича, Горбачев с непроницаемым лицом заключил:

— Принять к сведению, что никакого покушения не было. Пошутил. Все.

Михаил Сергеевич явно был доволен исходом этой истории. Его соперник оказался в дурацком положении.

Верный соратник Ельцина Виктор Ярошенко, депутат, а затем министр в первом ельцинском правительстве, с сожалением пишет:

«Я отчетливо помню те тяжелые дни, связанные с «расследованием» в Верховном Совете СССР по инициативе Горбачева вынужденного купания Ельцина в Москва-реке.

Многие депутаты тогда отвернулись от Ельцина, и я видел, что он остро это переживает. Раньше во время перерывов между заседаниями Верховного Совета его обступали со всех сторон депутаты, каждый старался поздороваться, пожать руку, обсудить наболевшие вопросы...

«Если бы не Наина и дочери, не знаю, как бы со всем справился, — вспоминал Борис Николаевич. — Мои «коллеги» только и ждут момента ударить сзади посильней, чтобы упал и никогда не смог подняться».

Но, против ожиданий Горбачева и опасений Ярошенко, в глазах широкой публики «мокрое дело» Борису Николаевичу нисколько не повредило. Такие были настроения: что бы ни делал Ельцин, все шло ему в плюс.

Егор Гайдар пишет, что Ельцин взял на вооружение энергичный социальный популизм и борьбу против привилегий партийной и государственной элиты:

«Призыв взять все и поделить, который в свое время в полной мере использовали большевики в борьбе за власть, оказался на этот раз обращенным против них самих.

Ельцин, ездивший в трамвае и пошедший в обычную районную поликлинику, буквально взмыл на гребне народной симпатии, после чего мог себе позволить и неудачные выступления в Америке, и загадочные падения в реку. Ничто не могло остановить роста его популярности, а все накладки молва относила на счет «заговора» элиты против народного заступника».

Сторонники Ельцина уверенно говорили о травле, а Борис Николаевич сделал заявление для прессы:

«16 октября 1989 года на сессии Верховного Совета СССР под председательством М.С. Горбачева был обнародован инцидент, затрагивающий мои честь и достоинство.

Против моей воли к разбору данного вопроса был привлечен министр внутренних дел товарищ Бакатин, который, смешивая ложь с правдой, не имел морального права способствовать распространению слухов, порочащих меня в глазах общественности. Более того, товарищ Бакатин ранее заверил, что никакого расследования, а также оглашения информации, касающейся лично меня, проводиться не будет.

Новый политический фарс, разыгранный М.С. Горбачевым на сессии Верховного Совета и раздуваемый официальной прессой как событие первой величины в стране, объясняется, конечно, не заботой о моем здоровье и безопасности, не стремлением успокоить избирателей, а новой попыткой подорвать здоровье, вывести меня из сферы политической борьбы.

Создание Межрегиональной группы, сплотившей на своей платформе почти 400 народных депутатов СССР, избрание меня одним из руководителей ее координационного совета, независимость нашей позиции, альтернативные предложения, идущие вразрез с консервативной точкой зрения сторонников административно-командной системы, и даже моя частная поездка в США — все это вызывает яростное озлобление аппарата.

По его команде была состряпана целая серия провокационных, лживых, тенденциозно настроенных публикаций в советской печати, в передачах Центрального телевидения, распускались среди населения самые невероятные слухи о моем поведении и частной жизни.

В связи с вышеизложенным считаю необходимым заявить следующее:

1. Все это является звеньями одной цепи акции травли меня и творится это под руководством товарища Горбачева М.С.

2. Вопросы моей безопасности и моей частной жизни касаются только меня и должны конституционно ограждаться от любых посягательств, в том числе со стороны партийного руководства.

3. В случае продолжения политической травли я оставляю за собой право предпринять соответствующие шаги в отношении лиц, покушающихся на мои честь и достоинство как гражданина и депутата.

4. Считаю неприемлемым и опасным перенос акцентов с методов политической борьбы на безнравственные, беспринципные методы морального и психологического уничтожения оппонента.

Это ведет к полному краху морально-этических установок, к демонтажу демократических начал перестройки и в конечном итоге — к жесткому тоталитарному диктату.

Народный депутат СССР *Б.Н. Ельцин*
17 октября 1989 г.».

В Москве это заявление никто не опубликовал. Напечатала только популярная в те времена рижская газета «Советская мо-

лодежь», которая годом раньше осмелилась поместить первое интервью с Борисом Николаевичем.

«Мокрое дело» так и осталось загадкой, хотя оно и в самом деле никак не повредило Ельцину, который пользовался безоглядной любовью граждан.

«Пересуды шли разные, — вспоминал Лев Суханов. — Лично я слышал до полусотни различных версий «покушения», в которых были замешаны не только его недоброжелатели, но и хорошенькие обольстительницы, ненавидящие его гэбисты и даже пришельцы с летающих тарелок...

Иначе говоря, никто не опроверг версию Б.Н. Ельцина о покушении на него, равно как никто и не подтвердил ее на все сто процентов. Потом по Москве ходили слухи, что одного из двух милиционеров, бывших на КПП вечером 28 сентября, уже нет в живых...»

Председатель комиссии Верховного Совета СССР по этике Анатолий Денисов проводил свое расследование и уверял позднее, что Ельцин поехал на дачу к знакомой. Там появился еще один мужчина. Они подрались, и Ельцин оказался в воде.

Много раз спрашивали уже бывшего министра внутренних дел Вадима Бакатина: что же тогда, собственно, приключилось с будущим президентом России? Вы-то знаете, раскройте секрет. Но Бакатин никому и ничего не сказал...

Глава девятая
НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

Горбачеву довольно быстро надоело возглавлять Верховный Совет. Он нашел способ избавиться от этой изматывающей работы. В марте 1990 года на третьем съезде народных депутатов он был избран президентом Советского Союза.

Бюллетени считали всю ночь напролет. Результаты голосования объявили утром. Горбачева заранее оповестили о том, что он избран. Михаил Сергеевич принял присягу и стал первым советским президентом (и последним, но тогда, разумеется, никто об этом не знал). Председателем Верховного Совета он предложил вместо себя Анатолия Лукьянова.

В роли президента Михаил Сергеевич почувствовал себя несколько увереннее. Но он видел, что теряет поддержку об-

щества и что симпатии на стороне Ельцина. Это ставило Горбачева в тупик.

Его помощник Георгий Шахназаров вспоминает, что на заседании политбюро «Горбачев задумался, пожал плечами и, явно недоумевая, обращаясь к себе и присутствовавшим, произнес:

— Странные вещи в народе происходят. Что творит Ельцин — уму непостижимо! За границей, да и дома, не просыхает, говорит косноязычно, несет порой вздор, как заигранная пластинка. А народ все твердит: «Наш человек!».

НАС ПОДНИМУТ НА ВИЛЫ...

1990 год начался с трехсоттысячной демонстрации в Москве в поддержку демократии и реформ. Требовали отмены 6-й статьи конституции о руководящей роли КПСС.

Борис Федоров, который вошел в первое ельцинское правительство, тогда работал в ЦК КПСС. Он вспоминает, что весной 1990 года сотрудники аппарата ЦК боялись, что восставший народ начнет громить цековские дома. Семьи перевозили к родственникам. Во внутреннем дворе комплекса зданий ЦК КПСС постоянно находился отряд спецназа. В ЦК отменили продуктовые заказы, в магазине для сотрудников аппарата полки опустели.

Непрекращающиеся забастовки в стране начались с шахтерских стачек, в которых приняло участие полмиллиона горняков. Союзное правительство бросилось принимать меры, обещало горнякам исправить все, что возможно.

Но проходили месяцы, и горняки видели, что обещания не выполняются. Не потому, что правительство пытается их обмануть, а потому что взять неоткуда. Можно у кого-то отнять и перебросить шахтерам, чтобы погасить волнения. Но как реально исправить экономическую ситуацию?

В начале 1990 года стачечные комитеты появились уже в ста семидесяти городах. Мотором был Кузбасс, где появился союз трудящихся, который выдвигал не только экономические, но и политические требования. В мае 1990-го в Новокузнецке собрался Всесоюзный съезд независимых рабочих движений и организаций трудящихся в СССР. Весной 1990 года рабочее движение стало заметной силой. Оно нуждалось в лидере и программе действий.

Шахтеры заговорили о всеобщей забастовке.

Лозунги везде были политические — отставка правительства, деполитизация армии, КГБ и МВД, вывод парткомов с предприятий, передача шахт горнякам. В Кузбасс приехал Борис Ельцин. На него размах шахтерского движения тоже произвел впечатление. Он сказал:

— Нужны срочные меры. Иначе нас люди поднимут на вилы.

В первые два месяца 1990 года в стране прошло полторы тысячи митингов, в них приняли участие шесть с половиной миллионов человек. Они имели разный резонанс. На забастовки врачей или водителей троллейбусов власти внимания не обращали. А когда нефтяники Тюмени пригрозили прекратить перекачку нефти, правительство поспешило принять их требования. Люди прекращали работать по каждому поводу, это еще больше ухудшало положение в промышленности.

В начале 1990-го в окружении Ельцина обсуждалась дальнейшая стратегия. В союзном Верховном Совете он был абсолютно безвластен. Он мог только выступать на митингах, но был лишен возможности что-то делать.

На весну были намечены выборы в местные органы власти. Почему бы не воспользоваться этим, не попытаться взять власть на местах и не начать в масштабе республики, области, города делать то, что отказываются делать Горбачев и союзное правительство?

Тем более, что на этих выборах у Ельцина и его сторонников появился шанс обзавестись большим количеством единомышленников.

Когда готовился закон о выборах народных депутатов РСФСР, партийный аппарат до последнего держался на главной линии обороны: сохранить окружные собрания по отбору кандидатов в депутаты, что давало уникальную возможность отсеять опасного политика, квоты для общественных организаций и особые производственные округа, чтобы под видом рабочих провести нужных людей.

Все это было отвергнуто. Российский избирательный закон вышел прогрессивнее союзного, хотя принимал его старый состав Верховного Совета РСФСР, состоявший из полузабытых «флагманов пятилетки» и уже лишившихся своих должностей партийных секретарей.

Старый состав Верховного Совета вел упорные арьергардные бои, понимая, что новый избирательный закон открывает дорогу к власти реальным политическим лидерам.

И все-таки они сдались. Потому что даже эти люди хорошо понимали состояние общественного мнения.

Доверенное лицо Ельцина на выборах в народные депутаты СССР Виктория Митина предлагала Борису Николаевичу баллотироваться в Моссовет, чтобы стать его председателем и возглавить столицу. Другие советовали баллотироваться в народные депутаты России с прицелом на пост председателя российского парламента.

Многие сомневались: стоит ли на это тратить силы? Верховный Совет РСФСР был абсолютно безвластным. Что толку его возглавлять, если ничего нельзя будет решить?

Избираться Ельцин решил от родного Свердловска. Его, разумеется, выбрали бы и в Москве. Но на союзных выборах за него проголосовало 90 процентов избирателей. Если бы он на республиканских получил 80 процентов, возникло бы ощущение поражения. Расчет оказался верным: в его округе в Свердловске баллотировалось одиннадцать кандидатов, за Ельцина проголосовало 95 процентов избирателей, даже больше, чем годом раньше в Москве.

В середине февраля 1990 года встретились кандидаты в депутаты, которые разделяли демократические взгляды. Они объединились в блок «Демократическая Россия». Обращения в поддержку кандидатов подписывал Ельцин, это был по тем временам самый весомый и убедительный для избирателей аргумент. «Демократическая Россия» получила 28 процентов голосов.

ЗУБРЫ И НОВИЧКИ

Ельцин и его окружение сами были потрясены итогами выборов: каждый третий российский депутат победил под демократическими лозунгами. Еще более убедительную победу демократы одержали в обеих столицах.

Депутаты, избранные от Москвы, собрались в Мраморном зале Моссовета. Заметными фигурами были Владимир Лукин, Сергей Ковалев, Евгений Амбарцумов, Николай Травкин, Олег Попцов. В депутаты прошла сразу целая группа журналистов из невероятно популярной еженедельной газеты «Аргументы и факты» и телевизионной программы «Взгляд».

Ветераны райкомовских и исполкомовских коридоров, многоопытные городские начальники отвергались, горожане выбрали совершенно неожиданных людей.

Депутаты Ленсовета смотрели на депутатскую работу как на продолжение митинга. В результате Ленсовет два месяца не мог выбрать себе председателя. Тогда вспомнили о Собчаке, который в союзном парламенте возглавлял подкомитет по экономическому законодательству и реформам. Его уговорили вернуться в родной город, на дополнительных выборах избрали депутатом и сделали председателем горсовета.

В Москве у новых депутатов было много претензий к столичной исполнительной власти. Моссовет собирался спросить за это с Валерия Сайкина, который четыре года эту власть возглавлял. Однако за день до сессии он покинул свой пост, не отчитавшись; была предпринята операция по спасению Сайкина — его катапультировали в кресло заместителя председателя Совета министров РСФСР.

Впрочем, он недолго пробыл в Белом доме. Ему пришлось уйти, как только Ельцин поручил формирование правительства Ивану Силаеву...

Новый состав Моссовета заседал в величественном здании бывшего Дома политпросвещения горкома КПСС на Цветном бульваре, строительство которого многим москвичам представлялось зряшной тратой городских ресурсов: здесь собралась первая сессия нового состава Моссовета. За каждый день, проведенный депутатами на Цветном бульваре, из городской казны в партийный бюджет поступала кругленькая сумма.

Раньше сессии Моссовета тоже стоили денег, но это никого не интересовало: деньги свободно циркулировали между партийным и муниципальным карманом, поскольку партия и государство были одно целое.

А тут, как только стали известны итоги выборов в Моссовет, вдруг выяснилось, что денежки врозь. Здания, которые делили райкомы и райисполкомы, чьи сотрудники обедали в одной и той же закрытой столовой, отоваривались в одном столе заказов и делали одно дело, в мгновение ока были переданы на партийный баланс. Партия подвинула советскую власть...

В день открытия сессии Моссовета в ряду, отведенном для приглашенных, я оказался в окружении хорошо знакомых друг с другом солидных мужчин, прекрасно одетых и располагавшихся в креслах по-хозяйски. Они снисходительно посмеивались

над неказистыми депутатами, выстраивавшимися в очередь к микрофону. Солидные мужчины переговаривались, и по их коротким репликам я понял, что оказался среди высокого исполкомовского начальства. Но уже к концу первого дня веселый смех стих и сменился явным беспокойством: исполкомовские зубры задумались о своем будущем. Как выяснится несколько позже, они напрасно беспокоились.

«Демократическая Россия» получила мандат на управление городом под блистательные программы и декларации. Но прекрасный парламентарий не обязательно умелый администратор. Моссовет возглавили народные депутаты СССР Гавриил Попов и Сергей Станкевич. Очень скоро они оба покинули это поприще. А вот зубры городского хозяйства сохранили свои места.

ПЕРЕД БОЕМ

В Верховный Совет СССР Ельцин пришел одиночкой. В российском Верховном Совете у него уже была своя армия.

Депутаты-демократы образовали штаб по подготовке первого российского съезда. Штабом руководил известный тогда дважды депутат (союзный и российский) Михаил Бочаров, а разместился он в помещении Комитета по строительству и архитектуре Верховного Совета СССР. Председателем комитета был Ельцин, секретарем — Бочаров.

Сергей Филатов был одним из самых заметных российских депутатов, он стал секретарем президиума Верховного Совета РСФСР, потом первым заместителем председателя и еще был руководителем администрации президента, то есть не один год тесно работал с Ельциным.

Он вспоминает:

«Я с волнением ждал встречи с Борисом Николаевичем. Мы встретили его в небольшом зале на Калининском проспекте бурно, с цветами, с улыбками, с надеждами. Я не помню, кто еще хотел выдвигаться на пост председателя Верховного Совета, но отношение к кандидатуре Бориса Николаевича было неоднозначным. Кое-кто, по-моему из ленинградской группы депутатов, не очень ему доверял, помня, что он еще недавно был крупным партработником. Некоторые в своих высказываниях делали упор на то, что неясна его позиция по вопросу демократизации страны, как, впрочем, неясны и его взгляды на будущую нашу экономику.

Я хорошо помню тогдашнее выступление Бориса Николаевича, с его ломаной речью и расплывчатостью программы действий и будущего государственного устройства России...»

Я спросил Сергея Александровича Филатова:

— Какое впечатление на вас произвел Ельцин при первой встрече? Считается, что творческая интеллигенция воспользовалась им как тараном, что сам он плохо ориентировался и его вели за руку...

— У меня тоже было такое ощущение. Во-первых, он мало говорил. Мало было с ним общения. Он казался внешне недоступным, хотя каждый мог к нему подойти, задать вопрос. Этим многие пользовались в Верховном Совете. Я имею в виду не в кабинете — там к нему трудно было попасть, а когда он шел вести заседание, к нему подходили, его часто останавливали. Тогда он был доступен для депутатов, для гостей съезда. И он свободно общался с людьми.

— Как вы относитесь к мысли о том, что Ельциным управляли и привели к власти, что у него самого никаких идей не было?

— Мы ведь все жили ожиданиями, что сейчас появится человек, и будет в стране порядок, и станем хорошо жить. Очень болезненно воспринимали все, что делало союзное правительство, возмущались, когда власти зажимали какие-то права и свободы. Мы искали лидера, который мог бы вывести страну из этого состояния.

В союзном парламенте в Межрегиональной депутатской группе объединились очень умные люди, они выдвинули много интересных идей. Но они были бессильны. Они тоже искали волшебную фигуру, которая бы могла противостоять происходящему. Люди видели, что власть боится Ельцина, и интуитивно его поддержали. А эта поддержка помогла ему стать вожаком. Однако он не стал ни трибуном, ни стратегом. У него не было программы действий, она так и не появилась за эти годы. Но думающие люди помогли ему избрать правильную позицию.

НОЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ В ПАРИЖЕ

По контракту с издателями Ельцину после выхода в свет его первой биографии предстояло участвовать в ее презентации. Это позволяло ему побывать за границей. Не только отвлечься

и развлечься, но и установить первые контакты; хотя изначально в его окружении исходили из того, что на международном поприще конкурировать с Горбачевым невозможно.

В марте он побывал сразу в нескольких европейских городах, собирался еще и в Нью-Йорк, но его вынудили вернуться в Москву для участия в пленуме ЦК КПСС.

В Париже его ждал бывший первый секретарь Свердловского обкома Яков Петрович Рябов. Он рассказывал мне:

«Мне посольские сказали, что приезжает Борис Николаевич. Я вызвал двух ребят из группы прессы и сказал им: когда приедет, первыми поднимитесь в самолет, передайте привет и скажите: будет у него желание, я с ним встречусь. Были у него дебаты с диссидентом Александром Зиновьевым (тот стал обвинять Ельцина, что он такой же партийный функционер, как Горбачев, и не может называть себя демократом). Мы по телевидению смотрели эти дебаты. А на следующий день мне надо лететь в Москву на пленум ЦК.

Легли спать, в три или четыре часа утра звонит сотрудник посольства, бодро докладывает:

— Полный порядок, мы с Борисом Николаевичем все сделали, помогли, он доволен.

Я удивился:

— Чего ты ночью звонишь, мог бы завтра утром доложить.

— Борис Николаевич хотел бы с вами поговорить.

— Ну, давай.

Слышу в трубке знакомый голос:

— Ну, Петрович, спасибо, ребята помогли, — говорит Ельцин. — Хотелось бы встретиться.

— Так завтра и встретимся, ты же летишь завтра?

— Не знаю.

— Как? Пленум же! Надо лететь. Завтра утром в самолете и встретимся. Я скажу, чтобы нас посадили на первом ряду. Ты рядом со мной.

Ельцин:

— А у меня билет на другой рейс.

— Это тоже не проблема.

Я объяснил своему сотруднику:

— Позвони представителю «Аэрофлота», чтобы он поменял Ельцину билет на наш рейс, и больше меня не тревожьте. Я в девять двадцать выезжаю, а без четверти пусть мне представитель «Аэрофлота» позвонит, доложит, что он сделал.

Только легли... Жена спрашивает:

— Что случилось?

— Да это Борис Николаевич, рвется.

Проходит час. В пять утра звонит опять наш Костя Петриченко, хороший парень. Я уже на взводе:

— Ты чего?

— Все, с «Аэрофлотом» договорились.

— Так чего звонишь?

— Борис Николаевич хотел поговорить.

Он берет трубку:

— Спасибо, все сделали. Но хотелось бы встретиться.

Я уже чувствую его состояние. Стал ему объяснять:

— Ну, сейчас же пять утра. Мы с тобой просто по рюмке выпить не можем. Надо потолковать, обсудить, надо поднять повара, чтобы он что-то подготовил. Ты приедешь не один, а с французами. А их я не пущу. Они куда денутся? И когда ты приедешь? А утром самолет. Все, договорились, встретимся в самолете.

Больше он не звонил. А в самолете он поддал и стал мне говорить: зачем ты выступал на октябрьском пленуме?

Я ему говорю:

— Если бы сейчас пленум проходил, я бы и сейчас выступил. Ты начал куролесить. Приведи себя в порядок...

Мы выпили, расцеловались. Он предложил после пленума поиграть в теннис. Я согласился. Но на пленуме он не подошел и потом не позвонил. Так мы с ним и не сыграли».

ТЕПЛАЯ БЕСЕДА С МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР

До начала работы первого съезда народных депутатов еще оставалось время, в непосредственной подготовке к съезду Ельцин не участвовал, и 27 апреля он вылетел в Лондон. В аэропорту его встречал советский посол Леонид Замятин.

Премьер-министр Маргарет Тэтчер сочла необходимым принять лидера оппозиции. Из-за пробок машина Ельцина опоздала на Даунинг-стрит, где находится резиденция премьер-министра, на двенадцать минут, Ельцин очень нервничал.

«Ельцин предельно пунктуален, — вспоминает Коржаков. — Он никогда в жизни не позволил себе явиться не вовремя. Если мы из-за плотного движения задерживались, у президентского

окружения холодный пот струился по спине — все ощущали нервозность Бориса Николаевича».

Маргарет Тэтчер впоследствии описала эту встречу:

«В западных кругах наблюдается четкая тенденция относиться к Ельцину не более чем как к фигляру. Я не могла поверить в верность этого суждения, если его можно считать таковым. Во всяком случае, я хотела составить свое собственное мнение. Поэтому, дипломатично уведомив Горбачева заранее, что я буду принимать Ельцина, как принимала бы лидера оппозиции, я с энтузиазмом согласилась встретиться с ним.

Краткая справка о Ельцине, которую мне подготовили, суммировала преобладавший в то время к нему подход. В ней он характеризовался как «противоречивая фигура», поскольку он был единственным членом ЦК КПСС, голосовавшим против проекта программы партии и утверждавшим, что именно длительная монополия власти коммунистической партии привела СССР к нынешнему кризису и нищете десятков миллионов людей.

Я начала с того, что выразила поддержку Горбачеву, — я хотела, чтобы это было ясно с самого начала. Ельцин ответил, что ему известно о моей поддержке советского лидера и политики перестройки и он также в основном поддерживает Горбачева в деле реформ...

Перестройка изначально была задумана как средство сделать коммунизм более эффективным. Но это невозможно. Единственной серьезной альтернативой являются далеко идущие политические и экономические реформы, включая введение рыночной экономики. Однако все это слишком затягивалось.

Я полностью согласилась с такой оценкой. Меня поразило, что Ельцин, в отличие от президента Горбачева, ушел от коммунистической схематичности мышления и фразеологии. Он также был первым, кто привлек мое внимание к взаимосвязи экономических реформ и тех прав, которые должны были отойти к отдельным республикам.

Ельцин объяснил, как мало автономии имели правительства республик на самом деле. По сути, они выступали исполнителями — зачастую некомпетентными и коррумпированными — решений центра. Он сказал, что республикам должны быть переданы надлежащие бюджеты и право распоряжаться ими. А в каждой республике должны быть своя конституция и свои законы. Он считал, что именно неспособность решить вопрос о

децентрализации и привела к нынешним бедам. В такой огромной стране просто невозможно управлять всем из центра.

В результате беседы я увидела не только Ельцина, но и проблемы всего Советского Союза в новом свете. Когда позднее, при встрече на Бермудских островах я рассказала президенту Бушу о том благоприятном впечатлении, которое произвел на меня Ельцин, он дал понять, что американцы не разделяют моего мнения. Это была серьезная ошибка...»

Сам Ельцин вспоминал потом, что он сказал британскому премьер-министру:

«— Госпожа Тэтчер, я хотел донести до вас главное. В мире появилась новая реальность — Россия. Не только Советский Союз, с которым у вас хорошие отношения. Теперь есть и Россия. Важно, чтобы вы это знали. Готовы ли вы идти на контакты — торговые, экономические — с новой свободной Россией?

Тэтчер ответила:

— Господин Ельцин, давайте немного подождем. Пусть Россия станет новой и свободной. И тогда... Все возможно.

Она улыбнулась».

НЕСЧАСТЬЕ ЗА НЕСЧАСТЬЕМ

28 апреля из Лондона Ельцин вылетел в Испанию, где его уже ожидал Виктор Ярошенко. Ельцин должен был выступить на конференции «Европа без границ и новый гуманизм» с докладом «Перестройка и гласность в СССР».

В Барселону им пришлось лететь на маленьком шестиместном самолете, зафрахтованном барселонским телевидением. Самолет они презрительно окрестили «консервной банкой».

Лев Суханов впечатляюще описал это путешествие, которое могло закончиться трагически:

«Когда подошли к аэроплану, Борис Николаевич, постучав ладонью по крылу, зловеще пошутил:

— Ну что, ребятки, в последний путь...»

В полете Суханов и Ельцин задремали. Когда проснулись, выяснилось, что «электропитание на борту отключилось, и приборы вышли из строя». Самолет развернулся назад на Кордову.

Борис Николаевич открыл глаза, выслушав Суханова, проговорил:

— А что я вам говорил? — и снова прикрыл глаза.

Тут выяснилось, что шасси не выпускается.

«Пилот начинает выделывать фигуры «высшего пилотажа»: он резко набирает скорость и так же резко бросает машину вниз. Раскачивает ее с крыла на крыло. Самолетик ревет, как рассерженный бык, проносится над взлетной полосой и снова набирает высоту, чтобы сделать очередной заход. И так круг за кругом. В какой-то момент летчики хотели посадить машину на воду — не получилось. Пытались вручную вытолкнуть злополучное шасси — тоже напрасно».

— Ну вот, теперь никаких привилегий — падаем все разом. Вы чего такие скучные? Может, какую речку найдем, успеем выпрыгнуть, — без малейшего намека на панику произнес Ельцин.

Летчики настойчиво просили пристегнуться.

— Пристегиваться не буду, — категорически отказался Ельцин. — Кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

Нашли небольшой горный аэродром, но летчики никак не могли сесть из-за сильного ветра. Самолет потерял скорость и практически упал.

Потом все-таки шасси вышло, «и, хотя посадка была жесткая, с подскоком, мы приземлились... Выдержка Бориса Николаевича меня просто поразила: ни взглядом, ни жестом он не дал понять, что ему страшно...».

Ярошенко, обратившись к Ельцину, проговорил:

— Борис Николаевич, а ведь мы с вами чуть было не навернулись к такой-то матери...

«Ельцин с трудом, но без посторонней помощи вышел из самолета и пожал руки пилотам... Он поспешил к машине, закусив губу. Начала болеть спина...»

Вскоре президент Каталонии прислал за ними свой самолет с охраной. Через два часа все-таки полетели в Барселону. Вторая попытка оказалась еще менее удачной.

Лев Суханов:

«И опять фортуна не с нами: попали в грозовую облачность, хотя шли на приличной высоте. Началась сумасшедшая тряска, будто попали на виброустановку для проверки самолетных узлов. Это было даже пострашнее, чем полет на «консервной банке»...

Но приземлились в общем благополучно, хотя и не без незначительного происшествия: внезапно мой шеф почувствовал острую боль в спине. Правда, быстротечную. Возможно, подумали мы, это было результатом тряски в грозовом небе».

Ночью боль в спине усилилась. Верный Суханов сидел рядом с ним.

«Борис Николаевич рассказал, что пятнадцать лет назад, когда он еще играл за сборную России по волейболу, у него произошло смещение позвонков. Основательно лечили, и, к счастью, обошлось без операции. Но, видимо, вибрация в самолете что-то растревожила.

Засыпал он беспокойно, со стоном. Я просидел рядом с ним на диване всю ночь, ибо когда ему надо было перевернуться на другой бок, он не мог это сделать без посторонней помощи. Когда боль немного затихала, он засыпал, но ненадолго...

Утром, превозмогая боль, он кое-как поднялся и, немного подвигавшись, понял, что без укола не обойтись...»

Виктор Ярошенко:

«Рано утром, отказавшись от завтрака, Ельцин поехал на радио давать интервью. Мы сидели вдвоем на заднем сиденье. Все чаще Борис Николаевич закрывал глаза и откидывал голову назад. От резкой боли стал терять сознание.

Срочно вернулись в гостиницу, отменили интервью и вызвали врача. Узнав об аварии, он предположил, что это травма позвоночника: необходимо срочно ехать в больницу и провести обследование. Ельцин долго отказывался:

— И не такую боль терпел, пройдет».

Вызвали врача, он сделал обезболивающий укол, дал таблетки и пригласил специалистов. Приехал нейрохирург и, осмотрев больного, тут же назвал диагноз.

— Я больше чем уверен, — сказал врач, — что у вас поврежден позвоночник, защемлен нерв.

Борису Николаевичу стало совсем плохо, и тот же врач, что делал укол, предложил ему лечь в больницу...

Виктор Ярошенко:

«Мы хотели посадить его в «скорую помощь», но услышали его твердый отказ. Сели в легковую машину и, как назло, попали в час пик. Бесконечные торможения просто добивали Ельцина. Когда мы приехали в госпиталь, с трудом уложили его на каталку и повезли на обследование. В тот момент он уже был частично парализован.

С каждым часом состояние Ельцина ухудшалось. Консилиум врачей пришел к единому заключению: необходима срочная операция. Главный хирург объяснил мне: от сильного удара раздроблен на мелкие куски один из межпозвоночных дисков. Острые и

многочисленные осколки костной ткани позвоночника при малейшем движении травмировали и защемляли нерв. Ельцина парализовало почти на восемьдесят процентов.

— Еще немного — и наступит полный паралич, — сказал врач».

Лев Суханов:

«Нужно срочно решать — оперировать или нет.

Сначала Борис Николаевич наотрез от «ножа» отказался, поскольку знал, что это за операция. Ведь при неудачном ее исходе можно на всю жизнь остаться парализованным. У нас в Союзе после таких операций люди проводят по полгода в больнице. На строгом постельном режиме. Случись подобное — прощайте выборы, прощай работа, борьба...»

Вскоре в Москве должен открыться российский съезд народных депутатов. С ним были связаны все надежды Ельцина.

Виктор Ярошенко:

«Ельцин ненадолго пришел в себя, ему предложили немедленную операцию, иначе начнутся необратимые процессы.

— Сделайте мне новокаиновую блокаду, и я полечу в Москву...

Позже с большим трудом разыскали русского врача. Его заключение не обнадеживало: «Лететь Ельцин уже не может, и пока такие операции у нас проходят с серьезными осложнениями».

Ельцин продолжал отказываться от операции.

Тогда я заявил, что являюсь доверенным лицом Ельцина, беру всю ответственность на себя и даю согласие на операцию.

Директор госпиталя вызвал своего адвоката, они долго совещались. Составили необходимый документ. Его подписал я и потом Суханов».

И все-таки Ельцина уговорили.

Борис Николаевич вспоминает:

«Чувствую, весь низ тела парализован, не могу двигаться... Хирург говорит: выход только один — немедленно делать операцию, иначе паралич. До Москвы вам не долететь, полностью отнимутся ноги. Потом их уже не удастся восстановить».

Виктор Ярошенко:

«Началась сложная, многочасовая операция. Под микроскопом предстояло освободить нерв от осколков раздробленного межпозвоночного диска. Малейшее неосторожное движение могло обернуться для Ельцина полным параличом».

Известный нейрохирург Жозеф Льёвет обещал, что через четыре-пять дней Ельцин встанет на ноги. Потом по телеви-

дению он показал раздробленный диск, извлеченный из позвоночника. Операция прошла удачно.

Виктор Ярошенко:

«Барселонцы часами стояли у дверей госпиталя. Приносили цветы. Ни один человек из посольства СССР и других советских организаций так и не приехал к Ельцину. Ни одного звонка по-русски, ни одной телеграммы...»

2 мая Ельцин встал и отбросил костыли. 3 мая он уже ходил по больнице и встречался с журналистами.

— Пора лететь в Москву, — сказал он.

Возвращались назад с пересадкой в Лондоне.

Виктор Ярошенко:

«Я срочно связался с Лондоном, где нам предстояло пересесть с самолета испанской авиакомпании «Иберия» на аэрофлотовский. Просил, чтобы нас встретил посольский врач, а в салоне самолета оборудовали лежачее место.

Сотрудники «Аэрофлота», казалось, все предусмотрели. Только вот как пройдет эта пересадка — об этом почему-то не позаботились. Ельцину пришлось спускаться по лестнице в аэропорту. Врачи категорически запретили подобные передвижения, потому что они вызывали смещение позвоночника и сильные боли. Даже когда он лег в кресло, которое стюардессы оборудовали для него, принял болеутоляющее лекарство, все равно по его лицу я понял: очень плохо.

Еще из Барселоны я позвонил в Москву, сообщил о прилете и необходимости прислать «скорую помощь»...»

5 мая Ельцин вернулся в Москву. В аэропорту его встречали тысячи людей с цветами.

Виктор Ярошенко:

«Когда мы приземлились, нас ждала «скорая помощь». Но Ельцин, стиснув от боли зубы, наотрез отказался сесть в нее и ехать в больницу.

— Домой!

И с трудом пошел к выходу.

Лавина народа, бросившаяся навстречу Ельцину, вызвала у всех нас скорее страх, чем восторг. Любой толчок для Ельцина мог оказаться роковым. Коржаков подоспел вовремя и заслонил будущего президента».

Ленинградская молодежная газета «Смена» написала, что в аварии испанского самолета виноват КГБ. Его сотрудники в Испании испортили бортовую энергосистему...

КГБ заявил, что не имеет отношения с инциденту с самолетом и считает публикацию в ленинградской «Смене» клеветой. КГБ даже обратился в союзную прокуратуру с просьбой провести расследование, каким образом появилась эта публикация.

Тема возможного покушения на Ельцина обсуждалась годами. Многие люди были уверены, что Горбачев приказал КГБ избавить его от опасного соперника.

Георгий Шахназаров, бывший помощник Горбачева, говорил об этом в интервью «Эхо Москвы»:

— Вот всемогущий генсек и президент и он хочет сломать человека. Как вы думаете он может это сделать или нет? Если бы он действительно хотел.

— Смотря в какое время.

— В любое время. Вот, например, некоторые газетчики, журналисты прямо или косвенно намекали, что Ельцина КГБ хотел уничтожить. Как вы думаете, КГБ, если бы действительно получил такой приказ от ЦК КПСС, неужто они не смогли бы уничтожить обыкновенного заместителя министра строительства?..

СТОЛКНОВЕНИЕ НА УЛИЦЕ ГОРЬКОГО

После возвращения в Москву неприятности продолжали преследовать Ельцина.

Он всегда мечтал иметь свою машину. Работая в Госстрое, купил «Москвич». Но сам не ездил, хотя водительские права получил давно, еще в Свердловске. Его возил Коржаков. А однажды Ельцин не выдержал...

Во время съезда народных депутатов Ельцин охотно позировал фотографу «Московских новостей» за рулем своего «Москвича». Потом вдруг взял и поехал. Суханов и Коржаков еле успели сесть к нему в машину.

«Взяв с места в «галоп», — вспоминал Суханов, — шеф ринулся на выезд из Кремля и выехал на оживленную улицу Москвы. Я-то знал, что навыков вождения у него почти никаких. Когда-то, правда, немного водил грузовой автомобиль, но никогда не управлял легковой машиной...

Клянусь памятью матери, я еще никогда не испытывал такого страха, какой я испытал на родных московских улицах, в ма-

шине своего любимого шефа... Все наши уговоры остановиться были проигнорированы. Бросив озорной взгляд в нашу сторону, он сказал: «Кому здесь страшно, прошу выйти»...

С великой нервотрепкой мы наконец доехали до его дома. От волнения мы так взмокли, что хоть выжимай рубашки. Увидев наш жалкий вид, Борис Николаевич бросил: «Ничего, перебьетесь!»

В тот раз обошлось, но Ельцин все-таки попал в аварию — недалеко от своего дома. Правда, не он сидел за рулем. Произошло это так. Машина сопровождения повезла семейного доктора Анатолия Михайловича Григорьева на работу. А тут Ельцину срочно понадобилось уехать.

Когда он жил на 2-й Тверской-Ямской, то, чтобы не крутиться, его машина пересекала улицу Горького (теперь Тверская) в неположенном месте и совершала запрещенный левый поворот. Напротив его дома ставили сотрудника ГАИ, чтобы он вовремя останавливал движение и пропускал машину Ельцина.

Нарушение правил уличного движения рано или поздно приводит к печальным последствиям. Так и произошло в тот день.

«Поскольку мы были без машины сопровождения, — вспоминает Ельцин, — не все водители увидели предупреждающий жезл ГАИ. Нам бы притормозить, подождать, пока все остановятся. Но водитель глядит на меня, я автоматически делаю ему знак рукой: давай вперед! Он газанул, объехал большой фургон, и вот уже впереди просвет, как вдруг — страшный удар! И дикая боль в голове...»

Водитель «Жигулей» не увидел сотрудника ГАИ и врезался в «Волгу» Ельцина, причем с той стороны, где сидел Ельцин — он расположился рядом с водителем.

Лев Суханов:

«Борис Николаевич ударился головой о кузов, а вмятой вовнутрь дверью его ушибло по ноге и бедру. Водитель «Волги» растерялся и потерял управление, в результате чего машина свернула с дороги и на скорости врезалась в забор, которым был обнесен реконструируемый дом...

Водитель в этой сумятице нечаянно ударил Бориса Николаевича локтем в грудь, в результате чего образовалась большая гематома. Удар «Жигулей» был настолько мощный, что Коржакову пришлось, что называется, с мясом выдирать переднюю дверцу — ее намертво заклинило...»

Коржаков доставил Ельцина домой.

Сам он вспоминает: «Дома, увидев меня, стала тихо оседать на пол Наина: вид у меня был тот еще — кровь, лицо белее мела... Врачи констатировали: легкое сотрясение, серьезных нарушений нет».

Ельцина пришлось все же отправить в больницу.

Лев Суханов:

«У него было легкое сотрясение головного мозга, травма ноги, бедра. Новую машину Ельцина водил его телохранитель, мастер спорта по автоспорту Юрий Иванович Одинец».

И после этой истории тоже говорили, что на Ельцина пытались совершить покушение. Водитель «Жигулей», пенсионер, который ехал с дочкой, тоже разбил свою машину. Уголовное дело против него по просьбе Ельцина прекратили.

Через несколько лет, уже став президентом, он вспомнит:

«Так получилось, что я попадал в аварии чуть ли не на всех видах транспорта. И на самолетах, и на вертолетах, и на автомобилях, грузовиках в том числе, и даже однажды на лошади. Маленьким еще был, лошадь понесла под горку, и на повороте меня выбросило из саней, чуть не убился...

Всегда как будто меня кто-то выручал. Я уж и сам начал верить, что нахожусь под какой-то неведомой защитой. Не может же так быть, чтобы на одного человека столько всего обрушивалось, причем на каждом этапе жизни. Буквально на каждом! И каждая такая критическая ситуация несла в себе потенциально смертельный исход».

Дорожно-транспортное происшествие, в которое попал Ельцин, вызвало дополнительные симпатии к нему.

Помощник Горбачева Анатолий Черняев записал в свой дневник: «Мелкое столкновение ельцинского автомобиля с чьим-то другим и реакция на это происшествие во всех средствах массовой информации превращают Ельцина чуть ли не в национального героя. Он действительно набирает очки. И в ситуации, близкой к массовому взрыву, это легко сделать, обладая именно его качествами...»

7 мая 1990 года в Приозерске, неподалеку от Ленинграда, собрались сторонники Ельцина. Всего за неделю до этого Ельцин перенес операцию в Испании. Врачи запретили ему ехать, но Ельцин все-таки полетел в Ленинград, а оттуда добрался до Приозерска. Ельцин выступал, и выступал убедительно. Было решено выдвигать его в председатели российского парламен-

та и добиваться того, чтобы республиканские органы власти стали самостоятельными.

Ему посоветовали готовиться к главному выступлению на съезде и к борьбе за пост председателя Верховного Совета.

ПОЛОЗКОВ ПРОТИВ ЕЛЬЦИНА

16 мая открылся первый съезд народных депутатов РСФСР. Приехали президент Михаил Горбачев, председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов, глава союзного правительства Николай Рыжков.

Съездом — до избрания председателя Верховного Совета — по регламенту руководил председатель Центральной избирательной комиссии РСФСР Василий Казаков. Но избрать председателя никак не удавалось, а Казаков не подпускал депутатов к руководству съездом, и его улыбочка выводила депутатов из себя.

Сергей Филатов рассказывал мне:

— Очень раздражал нас Василий Иванович Казаков. Мы устали от него. Съезд работает несколько дней, а движения вперед нет. Все подустали, и обе команды — демократическая и коммунистическая — использовали любые эмоциональные моменты, чтобы привлечь на свою сторону «болото».

Одна потасовка возникла, когда депутат Михаил Астафьев пришел в зал заседаний с российским флагом и поставил его рядом с собой. На это обратил внимание Михаил Сергеевич Горбачев. Зал начал возмущаться: «Надо его вывести из зала! Старорежимный флаг принес!» Астафьев взял флаг и пошел с ним к трибуне, он хотел объяснить, что это за флаг такой, откуда он появился в России и почему претендует считаться национальным флагом. Тут к нему подскочили люди, которые попытались его оттеснить. Ему на помощь бросилась группа демократически настроенных депутатов...

Именно Михаилу Астафьеву, во всяком случае так он сам уверял, принадлежала идея назвать блок прогрессивных сил «Демократической Россией». Научный сотрудник академического Института физической химии, он на выборах победил одного из лидеров Национально-патриотического блока и редактора журнала «Наш современник» Станислава Куняева.

Астафьев потом сменил политическую ориентацию и стал противником своего детища — блока «Демократическая Россия», которому он придумал такое удачное название.

Два официальных доклада — председателя Совета министров республики Александра Власова «О социально-экономическом положении РСФСР» и председателя Верховного Совета Виталия Воротникова «О суверенитете РСФСР, новом Союзном договоре и народовластии в РСФСР» прошли практически незамеченными.

22 мая с содокладом выступил Ельцин и предложил проект декларации о суверенитете России. Это была сенсация. Он заявил, что союзные законы не должны противоречить конституции России.

Борис Николаевич говорил:

— Россия должна как суверенное государство самостоятельно заключать договора и соглашения с другими государствами по экономическому, научно-техническому, культурному сотрудничеству, по торговым сделкам...

С выступления Ельцина стало ясно, что новый российский парламент, если его возглавит Борис Николаевич, будет в оппозиции к союзной власти. В ЦК забеспокоились: надо помешать его избранию председателем Верховного Совета.

Горбачев долго не мог решить, кого выдвинуть против Ельцина. Рыжков, Лукьянов, Бакатин наотрез отказались баллотироваться на этот пост. Ельцин остался без сильного оппонента. Михаил Сергеевич принужден был выбирать между Александром Власовым, главой российского правительства, и краснодарским первым секретарем Иваном Полозковым, лидером создаваемой тогда компартии РСФСР.

Иван Кузьмич Полозков начал трудовую деятельность секретарем райкома комсомола и шел по этой стезе всю жизнь. Из комсомола перешел в райком партии. Ничем другим не занимался. Карабкался по партийной лестнице, пока не стал в год перестройки первым секретарем Краснодарского крайкома КПСС.

Сначала Горбачев остановился на Власове, которого лучше знал. Но тусклый отчет Власова о работе правительства на съезд произвел невыгодное впечатление. Михаилу Сергеевичу сказали, что у Полозкова шансов больше. Его поддержали областные партийные руководители. Горбачев сказал, что ЦК делает ставку на Полозкова. Власов, с которым уже поговорили, оказался в неприятном положении.

Полозков воспринимался как противник не только Ельцина, но и Горбачева, не только российского суверенитета, но и экономических реформ и демократизации. Его репутация давала ему твердых сторонников, но и не менее твердых противников. Даже те депутаты, которые не очень любили Ельцина, Ивана Полозкова воспринимали как очевидную угрозу.

Вадим Медведев вспоминает: «Я, конечно, считал, что с Полозковым идти на выборы плохо, но выбора просто не было... При изложении программного заявления Полозков выглядел слабее Ельцина, хотя его ответы на вопросы были довольно бойкими...»

«ДЕСЯТИ ЖИЗНЕЙ НЕ ХВАТИТ»

24 мая начались выборы председателя Верховного Совета РСФСР. Депутаты заседали во Дворце съездов, а вокруг буквально бушевал народ, требуя избрания Ельцина.

Горбачев приехал и выступил перед депутатами с жесткой речью против идеи Ельцина о суверенитете России. Это только поддержало позиции Бориса Николаевича.

Шла отчаянная борьба за голоса. Новоизбранных депутатов аппаратчики обрабатывали, чтобы не допустить избрания Ельцина председателем Верховного Совета. Сторонники Бориса Николаевича тоже агитировали тех депутатов, которые еще не сделали своего выбора.

При первом голосовании ни один кандидат не набрал необходимого числа голосов: Ельцина поддержали 497 депутатов, Полозкова — 473. Во втором туре Ельцин получил еще несколько голосов, а Полозков начал терять голоса...

Тогда в ЦК задумались: а не вернуться ли к кандидатуре Власова, который не вызывал у многих депутатов такой аллергии, как Полозков?

В воскресенье на Старой площади собрался секретариат ЦК, вызвали работников отдела пропаганды. Пришли к выводу, что у Полозкова нет перспективы быть избранным. А Ельцину до необходимого числа в 531 голос не хватало всего 28 голосов.

Подумали и решили переориентироваться на Александра Власова. Сообщили о принятом решении Горбачеву. Он несколько удивился, но возражать не стал. Полозков не принад-

лежал к числу его любимцев, хотя настоящее знакомство с Иваном Кузьмичом состоится у него позже, когда Полозкова изберут первым секретарем ЦК КП РСФСР и вся эта партия повернется против Михаила Сергеевича.

Вечером в зале пленумов ЦК собрали коммунистов — руководителей делегаций на съезде народных депутатов. Горбачев, который готовился к визиту в Соединенные Штаты, приехал и выступил в поддержку Власова.

Александр Владимирович Власов был ровесником Ельцина и тоже поднялся до высот кандидата в члены политбюро, но в отличие от Бориса Николаевича всю жизнь провел на партийно-комсомольской работе, за исключением нескольких последних лет, когда сначала сменил Бакатина на посту министра внутренних дел, а потом возглавил российское правительство. Качествами публичного политика, который нравится людям, за которого голосуют, он не обладал.

В реальности голосование шло «за» и «против» Ельцина. Личность его соперника такого уж серьезного значения не имела. Один вызывал чуть больше симпатий, другой чуть меньше. Все понимали, что если Борис Николаевич возглавит Верховный Совет, то начнутся какие-то перемены, хотя никто не знал, какие именно. Если изберут какого-то другого, все останется как прежде или станет еще хуже.

Ход голосования транслировался по радио, и многие люди, которые не особенно симпатизировали Ельцину и трезво оценивали его достоинства и недостатки, тем не менее ловили себя на том, что желают ему победы. Общество страстно жаждало перемен, и Ельцин был их символом.

Коммунисты пытались избавиться от Ельцина под тем предлогом, что, если выдвинутые кандидатуры один раз не прошли, надо выдвигать других.

Сергей Филатов рассказывал мне:

— Когда пытались чуть ли не сменить кандидатуры, на съезде произошла настоящая потасовка. Я увидел, что Ельцин идет к трибуне, и подошел к нему, боясь, что он сейчас снимет свою кандидатуру. А он говорит: не волнуйтесь, все будет в порядке. Борис Николаевич появился на трибуне и попросил всех сесть. Все разбежались по своим местам, притихли. И тогда он, кстати, блестяще выступил. Это было одно из немногих его выступлений, когда он говорил без бумаги, без подготовки — и просто изумительно. Я недавно перечитывал стенограмму и удивился,

сколько мыслей он вложил в свою речь, которая по-настоящему повлияла на то, что за него проголосовали дополнительно двадцать пять человек...

Лев Суханов вспоминал: «Мы, окружение Ельцина, боялись одного — чтобы Борис Николаевич не надломился от всех этих умопомрачительных туров. И все ждали, кто первым не выдержит: Ельцин или съезд...»

Он еще тогда ездил в своем «Москвиче». Вышел после очередного заседания, вспоминает Суханов, сел в машину: «Улыбается, вроде бы как ничем не озабочен. Но я-то знаю цену этой улыбки. Напряжение, кажется, сейчас разорвет ему грудь. Сдерживается из последних сил... Когда мы немного отъехали, он как жахнет кулаком по передней панели...

Я уж думал — машина развалится... У-ух-х... Смотрю, слезинка по щеке шефа покатилась — слава Богу, разрядка произошла... Приехали к нему домой, стали его все успокаивать, говорить, что вся Россия звонит в Москву, люди ждут и верят в победу...»

Его окружение собралось в кабинете Суханова на проспекте Калинина, дом 27, где на седьмом этаже находился Комитет по делам архитектуры и строительства Верховного Совета СССР, и ждало исхода голосования. Привезли шампанского, все верили, что на сей раз будет победа. Когда стали известны результаты голосования, все поехали к нему домой поздравлять.

Александр Власов получил чуть больше Ивана Полозкова, но Ельцин собрал 535 голосов, больше, чем было необходимо. Горбачев узнал неприятную для себя новость еще в самолете на пути в Америку и был удивлен.

Он искренне верил, что Александр Власов одолеет Ельцина, потому что восемьдесят процентов российских депутатов — коммунисты, и они проголосуют, как скажет ЦК...

Георгий Шахназаров вспоминает: «Здесь проявилась одна из уязвимых черт Горбачева, сильно повредившая ему в дальнейшем, — беспечность. Оптимист по натуре, которому в жизни всегда везло, он неизменно был уверен в благополучном для себя исходе всякого дела и, соответственно, не готовился к худшему. За время нашей работы я почти не видел его в состоянии страха перед будущим или опасений, побуждающих принять дополнительные меры предосторожности».

29 мая 1990 года Ельцин был избран председателем Верховного Совета РСФСР (535 голосов «за», 502 — «против»). Он за-

явил, что выходит из «Демократической России». Он обещал быть выше партийных пристрастий.

Когда он станет президентом, его много раз станут уговаривать создать для себя президентскую партию. Он будет отказываться.

31 мая вечером Ельцин приехал в Белый дом, пришел в свой новый кабинет. Там его ждал Воротников. Виталий Иванович записал в дневник:

«Беседа была спокойной, доброжелательной. Он более эмоционален, чем обычно. Явно удовлетворен такой непростой, но все-таки победой. Речь пошла о структуре аппарата Верховного Совета, имеющихся вакансиях, которые мы не заполняли, имея в виду необходимое обновление кадров...

О правительстве. Намечена серьезная реорганизация. О председателе — я рекомендовал А.В. Власова. Он положительно отозвался о нем, но поинтересовался, как я отношусь к кандидатурам Воронина и Силаева. Я, как бывший авиационник, поддержал Силаева...

Б.Н. Ельцин посетовал, что М.С. Горбачев не поздравил его с избранием. Сказал, что хочет отбросить личные обиды и работать. Но шаги должны быть взаимными, с обеих сторон, подчеркнул Ельцин. Спросил, какая система охраны, я рассказал. Три офицера, в том числе один старший. Кто помощники? Было трое, сейчас остался один, два — ушли на пенсию...

Говорили примерно час сорок. Затем я провел его по помещениям. Показал где, что и как. Попрощались, и я ушел. Естественно, что никаких бумаг, материальных ценностей, описей и т. п. я не передавал. Так как в моем ведении ничего не было. Это дело материально ответственных лиц. А все документы — указы, постановления и т. п. — находятся в действии. Поэтому одному передавать, а другому принимать — нечего».

На следующий день Ельцин и его помощник Лев Суханов принялись осваивать новые апартаменты и новую работу.

Простодушный Суханов не выдержал:

— Смотрите, Борис Николаевич, какой кабинет отхватили!

Ельцин разные кабинеты видел. Он-то о другом подумал: «Ну и что дальше? Ведь мы не просто кабинет, целую Россию отхватили».

— Какой хомут, — сказал Суханов, — вы себе, Борис Николаевич, повесили на шею. Хватит ли сил?

— Должно хватить, — отвечает он. — Хотя, чтобы вывести Россию из этого состояния, может и десяти жизней не хватить.

Ельцин даже и не предполагал, что его прогноз окажется таким точным.

Глава десятая
ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ

12 июня 1990 года утром на первом съезде народных депутатов поименным голосованием была принята Декларация о государственном суверенитете Российской Федерации. Декларация предусматривала приоритет республиканских законов над союзными. «За» высказались 907 депутатов, «против» — всего 13, воздержались — 9.

За декларацию голосовали и коммунисты, и демократы, и сторонники Ельцина, и его яростные противники. Все хватались за соломинку — положение в стране становилось все более отчаянным. Казалось, что если нельзя спастись всем вместе, то надо по крайней мере спасти себя.

Декларацию о суверенитете поддержал главный противник Ельцина Иван Полозков, который вскоре станет первым секретарем ЦК компартии РСФСР.

Валентин Купцов, один из будущих руководителей российской компартии и яростный оппонент Ельцина, говорил тогда:

— Моя личная оценка: принятие Декларации о суверенитете — главный итог работы первого съезда народных депутатов Российской Федерации. Важно, что этот принципиальный документ поддержан практически всем народом России...

Летом в Москве все продукты и товары стали продавать при предъявлении паспорта со столичной пропиской, чтобы ничего не доставалось приезжим. Москвичи были довольны, хотя еды от этого не прибавилось.

Через месяц, 16 июля в Киеве сессия Верховного Совета Украины приняла такую же Декларацию о государственном суверенитете Украины. Тогда казалось, что эти пышные декларации не будут иметь никакого практического значения. Председателем Верховного Совета Украины выбрали Леонида Макаровича Кравчука, второго секретаря ЦК компартии. Эта кадровая перемена тоже не привлекла к себе внимания.

«НЕ СНИМУ, ХОТЬ УБЕЙТЕ...»

Возглавив Верховный Совет, Ельцин стал подбирать главу республиканского правительства.

Коммунисты требовали от него вновь назначить Александра Власова. Ельцин, по словам его помощника Суханова, пригласил Власова и попросил его снять свою кандидатуру: «Я не смогу с вами работать...» Однако Власов ответствовал в том духе, что, дескать, сделать он этого не может, поскольку дал слово своим товарищам бороться за место премьер-министра.

Шеф опять гнет свое: «Поймите, вы попадете в некрасивое положение, потому что я хоть десять часов подряд буду называть кандидатов, но вашу фамилию все равно не назову...» А Власов упрямо: «не сниму, хоть убейте...»

Наиболее вероятным кандидатом на пост главы российского правительства казался близкий к Ельцину Михаил Бочаров, который был секретарем Комитета по строительству и архитектуре в Верховном Совете СССР. Директор кирпичного завода, потом глава концерна «Бутек», он считался умелым администратором с прогрессивными идеями.

Сам Бочаров исходил из того, что пост премьер-министра ему обещан. Но если такой разговор и был, то Борис Николаевич, похоже, уже передумал. В его окружении недолюбливали Бочарова: «При всех его, казалось бы, положительных качествах, в глаза бросалась его самовлюбленность, стремление покрасоваться, неподражаемый апломб...» .

Ельцин предложил съезду на выбор три кандидатуры — академика и депутата Юрия Рыжова, Михаила Бочарова и заместителя председателя Совета министров СССР Ивана Силаева.

Иван Степанович Силаев понравился Ельцину уже тем, что у него плохие отношения с председателем Совета министров СССР Николаем Рыжковым. К Силаеву не было претензий ни у коммунистов, ни у демократов. Он встретился с Ельциным и выразил искреннюю готовность работать с новой властью.

Бочаров был доволен, считая, что Рыжов снимет свою кандидатуру в его пользу, а союзного чиновника Силаева он легко переиграет.

Юрий Рыжов действительно не захотел идти в правительство (и в будущем будет отказываться). Силаев и Бочаров выступили с речами перед депутатами. В первом туре голосования ни

один не собрал необходимого большинства. Но Силаеву не хватило всего одного голоса, а Бочарову — двадцати.

Борис Николаевич пригласил к себе Бочарова:

— Ну, Михаил Александрович, теперь вы видите, что ваша кандидатура не проходит. В этой ситуации я вынужден назвать имя Силаева...

Силаева поддержали коммунисты, думая, что делают нечто неприятное Ельцину, и не предполагая, что Иван Степанович, человек порядочный, будет преданным соратником российского лидера.

Ельцин предложил Бочарову пойти первым замом к Силаеву. Михаил Александрович отказался. В качестве утешительного приза специально для него создали Высший экономический совет при парламенте. Бочаров намеревался разрабатывать экономическую стратегию России. Но Высший совет оказался лишней надстройкой, которая вскоре благополучно скончалась. Бочаров вовсе ушел из политики и разлюбил Ельцина.

КОМАНДА ЭРУДИТОВ

Иван Степанович Силаев рассказывал мне, как сразу после заседания Верховного Совета он впервые оказался в своем новом кабинете:

— Много я перевидал кабинетов, но такой огромный видел в первый раз. Там такой потолок, что два этажа можно было сделать. Сидишь за столом и чувствуешь себя как в пустыне. Но с этим быстро свыкаешься...

На этом посту сразу ощущаешь масштабы страны. Уходишь с работы в девять-десять вечера, а на востоке уже начинают работать.

Пока существовал Советский Союз, в ведении российского правительства было немногое — легкая, пищевая и местная промышленность. И на каждом шагу полагалось спрашивать разрешения у союзных министров.

Нам надо было завоевать самостоятельность. Отказаться от потока указаний, директив и требований союзных ведомств...

Прежде всего новый премьер-министр должен был сформировать свой кабинет. Это следовало сделать в считанные дни, потому что огромная страна не может без правительства, да и общество не понимает: что там новый премьер медлит?

Ему предстояло найти людей, с которыми он сможет работать, которые понравятся президенту и против которых не станут возражать депутаты. Правительство Силаева было первым, сформированным не по номенклатурному принципу.

— Ни одного человека из старого правительства мы не взяли, — рассказывал Силаев. — Решили по знакомству никого не брать — только профессионалов. Отбор производила «команда эрудитов...

На роль экспертов были приглашены ученые из трех крупнейших академических институтов — социологи и психологи. Они придирчиво изучали личные качества каждого кандидата в министры, потом представляли свои выводы главе правительства. Кандидаты на высокие должности и не подозревали, что там о них написали. Окончательное решение — брать или не брать — принимал Силаев, спрашивая, разумеется, согласие президента.

Борису Федорову один из советников Ивана Силаева предложил пройти комиссию, которая отбирала в новое российское правительство людей со стороны. Федоров пришел в Белый дом и довольно долго отвечал на самые разнообразные вопросы, которые показались ему странными, а то и нелепыми.

Федоров понравился. Силаев предложил ему на выбор министерство финансов или министерство внешней торговли. Федоров выбрал первое. В тридцать два года он стал министром финансов России. Другие министры были немногим старше.

Это было переходное время, когда перед назначением не обращались за справкой в КГБ, и в правительстве царил дух вольности.

В качестве экономической стратегии рассматривалась программа «500 дней». Экономисты во главе с Григорием Явлинским сидели на правительственных дачах в Сосенках и работали над этой программой.

Ельцин, как вспоминает Силаев, полностью поддерживал свое правительство. Ситуация изменится, когда Ельцина изберут президентом и появится президентская администрация, которая захочет влиять на ход дел в правительстве.

Иван Силаев:

— Администрация начала вмешиваться в наши дела. Я докладывал об этом Борису Николаевичу. И он, как правило, стоял на моей стороне. До поры до времени...

ЕЛЬЦИН ВЫХОДИТ ИЗ ПАРТИИ

Горбачев терял поддержку в стране. Его собственная партия встала к нему в оппозицию.

Он долго противился созданию компартии РСФСР, понимая, что, во-первых, появление российской компартии угрожает единству КПСС, а во-вторых, тон в этой партии будут задавать реакционеры, которых сдерживает пока только страх перед полномочиями генерального секретаря. Своя партия была нужна им для борьбы с Горбачевым и Ельциным.

Помощник президента Анатолий Черняев записал в дневнике слова Горбачева: «Вновь и вновь повторяет: если Россия поднимется, вот тогда начнется. Что начнется? Железно он стоит против образования компартии РСФСР, против придания РСФСР полного статуса союзной республики. На политбюро так и сказал: тогда конец империи...»

Даже маршал Сергей Ахромеев, бывший начальник Генерального штаба и советник президента, говорил, что «если будет Российская коммунистическая партия с теми же функциями, которые у нас имеет каждая республика, то резко увеличивается опасность того, что наша партия станет федеративной, а государство станет конфедерацией. И об этой опасности надо четко всему народу сказать».

Тем не менее все это произошло. Через несколько лет все начнут клясть Ельцина за Беловежские соглашения. Но в конце советской эпохи многие люди разных взглядов не возражали против того, чтобы выделить Россию из Советского Союза, избавить ее от необходимости заботиться о других республиках и дать ей возможность развиваться самостоятельно.

Анатолий Черняев писал в дневнике в начале 1990 года: «Многонациональную проблему Союза можно решить только через русский вопрос. Пусть Россия уходит из СССР, и пусть остальные поступают, как хотят. Правда, если уйдет и Украина, мы на время перестанем быть великой державой. Ну и что? Переживем и вернем себе это звание через возрождение России».

Характерные для той поры мысли.

А Ельцин тем временем ездил по стране. Каждая поездка создавала ему новых сторонников.

Андрей Угланов, который был российским депутатом, описал в «Аргументах и фактах» одну из таких поездок, где люди сбегались посмотреть на Бориса Николаевича.

В Казани у него заболел зуб. В поликлинику для начальства ехать отказался, отвели в простую. Поставили ему пломбу, через день в Воркуте она выпала. В Воркуте пошли на шахту, спустились вниз. Крепь низкая, Ельцину пришлось идти согнувшись — это после операции на позвоночнике, потом вовсе поползли на четвереньках. У Ельцина страшно разболелась спина, но виду он не подавал.

В Свердловске к нему приехала Наина Иосифовна, рассказала, как перед этой поездкой штопала Борису Николаевичу носки. Три года он не меняет костюм, приходится зашивать прорвавшуюся подкладку...

За несколько дней до XXVIII — последнего — съезда КПСС собралась конференция коммунистов России. В ней участвовали делегаты, избранные от партийных организаций РСФСР.

Ельцина и Силаева посадили в президиум, хотя их сторонников в зале практически не было. Да там и сторонников Горбачева почти не осталось. Делегаты приняли решение преобразовать партконференцию в учредительный съезд компартии РСФСР. Горбачева на съезде постоянно оскорбляли. Он терпел, не решаясь порвать с людьми, которые его ненавидели.

Анатолий Черняев вспоминает: «Перед лицом открытой враждебности им правил инстинкт страха за все свое дело. И выход он искал по принципу «с волками жить — по-волчьи выть». Отсюда аппаратная тактика, маневрирование, двусмысленность, призывы к компромиссу и единению, уже вызывавшие насмешку, к сотрудничеству, которые — увы! — наносили все больший вред и текущей политике, и его замыслам».

Горбачев предложил на пост первого секретаря российской компартии Валентина Купцова. Тому задали вопрос: как он относится к Ельцину?

— Бориса Николаевича Ельцина знаю пять лет, — ответил Купцов. — В 1985 году довелось близко общаться с ним в течение трех суток, работая на строительстве доменной печи. Как специалист-инженер Борис Николаевич произвел на меня сильное впечатление своей хваткой, силой, жесткой позицией...

Что касается политической области, то считаю: если Борис Николаевич завоевывает голоса, значит, его политика нравится достаточно широкому кругу избирателей.

Я не во всем согласен с ним, в том числе по некоторым принципиальным вопросам. Но мне кажется, Борис Николаевич меняется. Как гражданин Российской Федерации обязан

и буду выполнять решения председателя Верховного Совета РСФСР. Думаю, в случае моего избрания Борис Николаевич как коммунист будет, наверное, прислушиваться к мнению первого секретаря. Я думаю, можно найти рабочий контакт...

Купцов казался умеренным и разумным человеком. Но поскольку Горбачев предложил Купцова, делегаты российского партийного съезда его кандидатуру отвергли. Именно в пику Горбачеву.

Предпочли проголосовать за Ивана Кузьмича Полозкова, первого секретаря Краснодарского крайкома, который обещал, что КП РСФСР «будет партией социалистического выбора на марксистско-ленинской основе». С ним пытался соревноваться Олег Иванович Лобов, второй секретарь ЦК КП Армении. Но Лобов воспринимался как человек Ельцина. Полозков собрал 1396 голосов, Лобов — 1066.

Иван Кузьмич стал первым секретарем республиканской компартии и членом союзного политбюро. Его избрание само по себе стало ударом по КПСС. Начисто лишенный личного обаяния, он производил тяжелое впечатление на интеллигенцию. Даже выдержанный Вадим Медведев заметил: «Худшее трудно было себе представить».

Горбачев в своем кругу откровенно говорил: «Он честный, порядочный мужик, но глупый, необразованный. Он не понимает, что говорит. Ему напишут, он произнесет».

Многие члены КПСС, целые партийные организации заявили, что не хотят состоять в полозковской партии и не станут перечислять взносы на счет ЦК КП РСФСР. Можно даже сказать, что появление Полозкова во главе компартии России привело к массовому бегству из партии. Когда люди увидели на экранах своих телевизоров Ивана Кузьмича под ручку с соратниками, появилось ощущение, что состоять с ним в одной партии невозможно.

2 июля открылся XXVIII съезд КПСС. Горбачев размышлял перед съездом, не ввести ли для себя пост председателя партии, но не решился. Долго думал, кого же сделать вторым человеком в ЦК, намереваясь расстаться, наконец, с Лигачевым.

Атмосфера на съезде была накаленной. Все члены политбюро выступали с отчетами. Им пришлось туго. Они знали, что для них это последний съезд.

Выступал Ельцин. Он уже не был таким робким, как на XIX партконференции:

— Мы, отдавшие партии десятки лет жизни, сочли своим долгом прийти сюда, чтобы попытаться сказать, что выход для КПСС все же есть. Трудный, тяжелый, но выход: в демократическом государстве переход к многопартийности неизбежен. Необходимо организационно зафиксировать имеющиеся в КПСС платформы и дать каждому коммунисту время для политического самоопределения. Изменить название партии. Это должна быть партия демократического социализма. Партия должна освободить себя от любых государственных функций...

Ельцин, Силаев и Хасбулатов были включены в так называемый «центральный список» кандидатов на избрание в ЦК, что практически гарантировало им мандаты членов ЦК.

Ельцин заранее с помощниками обсуждал, выходить ему из партии прямо на съезде или позднее, колебался, волновался. Потом все-таки решился распрощаться с партией.

Когда стали зачитывать списки нового ЦК, Ельцин попросил слова, прошел на трибуну и сказал, что выходит из КПСС. Объяснил, что в роли председателя Верховного Совета он не может подчиняться одной партии, а обязан подчиняться воле народа. Чеканя шаг, вышел из зала. Вслед ему кричали: «Позор предателю!» Горбачев был растерян.

Анатолий Черняев вспоминает тот съезд:

«Скопище обезумевших провинциалов и столичных демагогов... Уровень выступающих настолько примитивен, что воспринять что-либо, кроме ВПШовского «марксизЬма-ленинизЬма», они просто не в состоянии. Иначе — «предательство!»...

На съезде шел разгром горбачевской команды. А она оказалась несостоятельной в защите, не говоря уже о неспособности к нападению (если пользоваться футбольной терминологией). И понятно почему: держалась за партию, не мыслила себя вне партии, тем более в позиции против партии, олицетворяемой съездом.

Только Ельцин звериным своим чутьем ощутил «гул истории». И когда на него после его «бонапартистской» речи (так ее назвал один из делегатов) «покатили бочку», он заявил с трибуны, что уходит из партии. И покинул ошеломленный зал под редкие выкрики «Позор!». Он определенен, и это выгодно отличает его от Горбачева с его «компромиссной» тактикой...»

Черняев считал, что Горбачев напрасно «зубами вцепился в высший пост во враждебной ему партии». Михаилу Сергеевичу следовало поступить так, как Ельцин, который плюнул этой

партии в лицо и пошел делать дело, которое надо бы делать Горбачеву. И не потерял от этого, а значительно выиграл в глазах большей части общества, опровергнув заодно и тогдашний, впоследствии часто повторяемый аргумент Горбачева насчет того, что разрыв с партией (фактически же — с номенклатурой) загубил бы перестройку...

Многие писали потом, что Горбачеву следовало порвать с партией, назначить выборы и начать преобразование Советского Союза. Тогда бы он сохранил единое государство — в форме более свободной федерации или конфедерации. И сохранил бы себя как действующего политика. Еще нашлось бы немало людей, готовых поддержать его в реформировании жизни.

Но Горбачев продолжал заниматься тактикой, а не стратегией. И все тактические бои он выигрывал. Голова у него работала лучше, чем у его соперников и противников. А стратегически он вскоре потерпит поражение...

Горбачева еще раз избрали генеральным секретарем: из 4683 делегатов против проголосовали 1116 человек, треть, но остальные все-таки высказались за Горбачева.

Вопрос с заместителем генерального секретаря Михаил Сергеевич решил просто — забрал из Киева первого секретаря украинской компартии Владимира Антоновича Ивашко. Лигачев баллотировался, но проиграл.

Помощник генерального секретаря Валерий Болдин описал встречу — уже после голосования — Горбачева и Лигачева. Они неожиданно встретились в узком переходе из Георгиевского зала Кремля во Дворец съездов. Горбачев вроде на секунду растерялся, но тут же сказал:

— Я голосовал против тебя, Егор.

— А я, Михаил Сергеевич, — ответил Лигачев, — голосовал за ваше избрание генеральным секретарем...

ЕЛЬЦИН И ГОРБАЧЕВ

Эти два человека ревностно следили друг за другом. У Горбачева была власть над всей страной и мировое признание. У Ельцина неясная должность российского лидера и народная поддержка.

Ельцин завидовал Горбачеву, который уже был президентом, у которого в руках было все. Горбачев завидовал Ельцину, за

которого голосовали простые люди и ради которого собирались огромные митинги.

Союзное правительство не обращало внимания на декларации и заявления российской власти.

А Ельцин действовал все более самостоятельно, делая вид, что никакого союзного правительства не существует, а он возглавляет самостоятельное государство. Верховный Совет РСФСР заявил, что без его ратификации никакие указы президента СССР на территории России не действительны.

Известный в те годы следователь по особо важным делам Николай Иванов (друг и коллега Тельмана Гдляна) вспоминал: «Острая неприязнь к генсеку проявлялась у Бориса Николаевича и в том, что ни его фамилии, ни имени-отчества он не произносил, заменяя местоимениями: «он сказал», «ему пришлось», «от него позвонили»...»

Горбачев не выдержал и пожаловался министру иностранных дел Франции Ролану Дюма: «Ельцин натравливает толпу на меня, сознательно усугубляет дестабилизацию, нагнетает ненависть и раздражение в людях, чтобы «взять власть».

Иногда по политическим соображениям они вроде бы пытались поладить, и наступала видимость согласия и сотрудничества. Но они по-прежнему ненавидели и презирали друг друга. Правительству Силаева Горбачев предрекал провал, как только новые министры соприкоснутся с жизнью. Выступая в Свердловске, Горбачев объявил Ельцина конченым политическим деятелем.

Российская власть сразу же вошла в конфликт с союзной. Никакого желания объясниться, поладить, отыскать компромисс не было. Напротив, всякое столкновение сознательно разжигалось, взаимная нелюбовь культивировалась.

После избрания Ельцина главой Верховного Совета его секретариат попросил показать выступление российского лидера по Центральному телевидению 8 или 9 июня.

«После того как запись была сделана, — вспоминает тогдашний председатель Гостелерадио Михаил Ненашев, — мне стало известно, что 9-го предстоит выступление М. Горбачева. Чтобы развести эти два выступления и не давать их в один день, я принял решение, учитывая, что какой-либо чрезвычайности в речи Б.Н. Ельцина не было, дать его выступление 10 июня, тем более и с самого начала возможность такая не исключалась...

Утром 9 июня на заседании съезда, после того как из газет стало известно, что телепередача с выступлением Б. Ельцина в этот день не запланирована, был поставлен вопрос о дискриминации со стороны Гостелерадио СССР председателя Верховного Совета РСФСР.

Утром мне позвонил первый заместитель председателя Верховного Совета РСФСР Р. Хасбулатов и просил информировать съезд по этому факту. Я ответил, что нет никакой дискриминации и я готов это объяснить съезду.

В связи с теми страстями, которые разыгрались на съезде, в это же время меня попросил заехать и информировать о сути вопроса М.С. Горбачев... Он выслушал и согласился с моими аргументами. После этого я, не откладывая, поехал в Кремль, в Большой Кремлевский дворец, и попросил слова.

Слово мне было предоставлено в обстановке нарочито подогретого раздражения определенной части депутатов, явно искавших повода для скандала, с целью углубления противостояния Горбачева и Ельцина...

Председательствуя на съезде, Б. Ельцин, выслушав мои спокойные доводы, как мне показалось, один из немногих, поверил, что я действительно сам принимал решение о времени его выступления. Во всяком случае, он понял, что конфликт уже выполнил свое назначение, не стал дальше нагнетать страсти».

В августе 1990-го Горбачев отдыхал в Крыму. Вечером за ужином он сказал своим советникам Евгению Примакову и Анатолию Черняеву:

— Все видят, какой Ельцин прохвост, человек без правил, без морали, вне культуры. Все видят, что он занимается демагогией (Татарии — свободу, Коми — свободу, Башкирии — пожалуйста). А по векселям платить придется Горбачеву. Но ни в одной газете, ни в одной передаче ни слова критики, не говоря уже об осуждении...

ОН МЕТИТ НА ТВОЕ МЕСТО?

2 августа Горбачев, Ельцин, Рыжков и Силаев подписали документ о согласованной экономической политике. Договорились к 1 сентября подготовить совместный план действий по спасению и реформированию экономики.

Образовали рабочую группу. Созванивались по телефону. И Ельцину и Горбачеву понравилась программа академика Станислава Шаталина «500 дней» — это был расписанный по дням график перехода к рыночной экономике.

Егор Гайдар считает, что в программе «500 дней» не было ничего особенно нового: «Но одно публицистическое нововведение было, без сомнения, блестящим — раскладка по дням. Разумеется, к экономике это никакого отношения не имело, невозможно по дням расписать такой процесс, как масштабные социально-экономические реформы, особенно в условиях распадающейся экономики... Но эта программа поразительно точно накладывалась на политические потребности дня, обещая выбитому из привычной колеи российскому обществу простые рецепты создания рыночного счастья. Притом — малой ценой!»

Выполнима эта программа или нет — значения не имело. Мысль о том, что предстоит гигантская многолетняя работа, мало кому тогда приходила в голову.

Горбачев быстро отошел от программы «500 дней», опять стал маневрировать. Страна приближалась к экономическому краху. В российских областях исчезли сигареты и папиросы, пропала водка. 1 сентября Ельцин потребовал отправить правительство Рыжкова в отставку и принять программу Шаталина за основу российской экономической реформы. Верховный Совет РСФСР проголосовал «за».

16 октября Ельцин выступил в Верховном Совете с большой речью, в которой объявил, что отныне Россия не будет подчиняться центру. Экономическая ситуация такова, что либо Горбачев соглашается сформировать коалиционное правительство, половина мест в котором будет отдана демократическим силам, либо России придется отделиться и ввести свои деньги.

Анатолий Черняев: «В эти дни я, наверное, впервые увидел Горбачева растерянным. Власть, казалось, зримо уползает из его рук... Кризис доверия у Михаила Сергеевича с каждым днем приближается к нулевой отметке. Ельцин паразитирует на идеях, завоеваниях и непоследовательности Михаила Сергеевича. Все, что он сейчас провозглашает, Михаил Сергеевич говорил «на соответствующих этапах», только не решался продвигать...»

В эти дни Горбачеву присудили Нобелевскую премию мира.

Иностранные гости, поздравляя, все настойчивее спрашивали его о взаимоотношениях с Ельциным. Канцлер Германии Гель-

мут Коль задал самый откровенный вопрос: «Чего, собственно, хочет Ельцин — занять твое место?»

Горбачев устроил совещание: как реагировать на Ельцина.

«Пожалуй, сильнее других выступил Рыжков, — вспоминает Георгий Шахназаров. — Первая атака в сентябре, сказал он, захлебнулась, и теперь Ельцин начинает новую. Он не успокоится, пока нас не добьет, либо сам голову сложит. Вокруг него собралась циничная публика. Согласия с ним быть не может. То, что вы, Михаил Сергеевич, пошли на компромисс, ничего вам не добавило.

Если мы сейчас пойдем в лоб — проиграем. Его слова падают на подготовленную почву. Россия действительно была ущемленной... Народ думает: вот пришел царь, который нас спасет. Семьдесят лет россиян угнетали, все у них отнимали, чтобы отдать другим третью часть нашего достатка, Борис положит этому грабежу конец...»

Анатолий Черняев записал в дневнике: «Поезд истории Советского Союза уже миновал главную стрелку и пошел хотя и в том же направлении, но не по тем рельсам, которые осторожно и в муках прокладывал Горбачев».

НАДО БЫЛО ВЫБИРАТЬ

19 ноября Россия подписала договор с Украиной, 21 ноября — с Казахстаном, 18 декабря — с Белоруссией. Республики признавали друг друга суверенными государствами, объявляли о намерении развивать межгосударственные отношения на основе принципов равенства, невмешательства во внутренние дела. Договорились обменяться дипломатическими представительствами — пока еще не посольствами.

Российский парламент принял закон «О собственности в РСФСР». Этим законом разрешалась частная собственность.

Горбачев попросил у Верховного Совета СССР дополнительных полномочий, потому что власти никто не подчиняется.

Ельцин резко возразил: «Такого объема законодательно оформленной власти не имели ни Сталин, ни Брежнев. Крайне опасно, что президентская власть у нас формируется под личные качества и гарантии конкретного человека. Фактически центр стремится сделать конституционное оформление неограниченного авторитарного режима». Через несколько лет такие же обви-

нения Борис Николаевич услышит в свой адрес. И тогда и потом эти обвинения были чистой демагогией — ни Горбачев, ни Ельцин диктаторами не стали.

Угроза исходила совсем с другой стороны.

20 декабря 1990 года на съезде народных депутатов подал в отставку министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе, предупредив об опасности переворота. Горбачев заставил съезд утвердить вице-президентом Советского Союза Геннадия Янаева, который через восемь месяцев возглавит заговор против своего президента.

Весенние выборы народных депутатов России, избрание Ельцина председателем Верховного Совета республики наполнили многие души эйфорией. Даже лучшие умы не осознали масштабов постигшей народ катастрофы, глубину ямы, из которой предстоит выкарабкиваться.

Новые демократические политики высокомерно решили, что они уже победили, и стали — на радость окружающим — бороться сами с собой. И переоценили свои силы, обещав быстро наладить хорошую жизнь.

Демократы хотели, чтобы генеральный секретарь Горбачев ушел, потому что он слишком медленно осуществляет политические реформы. Аппаратчики требовали ухода президента Горбачева, потому что он допустил всю эту демократию и гласность.

Вообще говоря, на шестом году пребывания у власти каждый лидер должен быть готов к тому, что прежние комплименты сменяются жесткой критикой. Демократы не знали, как им поступить: присоединить или нет свой голос к разъяренному хору?

На шестом году перестройки к радикальным переменам в экономике, в хозяйственной жизни еще и не подступали. На пороге 1991 года страна была почти так же далека от того, чтобы отдать землю крестьянам, а фабрики и заводы — работающим, как и в 1985-м.

Даже начисто опустевшие прилавки не убеждали аппарат в необходимости немедленных экономических реформ. Партийные секретари, военные в чинах, генералы от ВПК, директора совхозов и колхозов отстаивали колхозно-совхозную систему и государственно-плановую экономику.

Демократы были обижены на Горбачева. У них имелись на это основания. Демократы считали, что Горбачев должен был полностью сделать ставку на них. Если бы он нашел в себе силы

расстаться с партией и опереться на новые Советы, ситуация в стране была бы иной.

Но надо было выбирать. Дать волю чувствам — и потерять все? Или же поддержать Горбачева и дать перестройке шанс продолжаться?

Накануне 1991 года казалось, что все висит на волоске. В Москве рассказывали, что уже собрали юристов разрабатывать правовой режим чрезвычайного положения. Противники Горбачева не только хотели его убрать, но и вернуть страну к ситуации, сложившейся до апреля 1985 года...

«ГОРБАЧЕВ ДОЛЖЕН УЙТИ!»

7 января 1991 года по указу Ельцина и Силаева впервые в России отмечалось Рождество. В ЦК КПСС демонстративно работали. Горбачев тоже трудился в своем кабинете.

В эти дни оперативники КГБ и МВД тайно вылетели в Вильнюс. Парламент Литвы провозгласил независимость республики, и с каждым днем Москве становилось ясно, что остановить этот процесс можно только силой. Внутренние войска министра Бориса Пуго заняли Дом печати, междугородную телефонную станцию и другие важные объекты в Вильнюсе и Каунасе.

В ночь с 12 на 13 января в Вильнюсе была проведена чекистско-войсковая операция — сотрудники отряда «Альфа» седьмого управления КГБ, подразделения воздушно-десантных войск и ОМОН захватили телевизионную башню и радиостанцию. Погибло тринадцать человек.

Страна возмутилась: пускать в ход армию против безоружных людей — это позор!

Все ждали: как поведет себя Горбачев? Поедет в Вильнюс? Выразит соболезнование? Отмежуется от исполнителей? Накажет виновных? Или скажет: «Все правильно»?

Горбачев не сделал ни того, ни другого. Он заявил в парламенте, что все происшедшее для него полная неожиданность. И тут же предложил приостановить действие Закона о печати, взять под контроль средства массовой информации — ему не понравилось, как пишут о ситуации в Прибалтике.

Вместо него в Прибалтику сразу отправился Борис Ельцин. Для интеллигенции это был символический жест, и тогда говорили: Горбачев опозорил честь России, а Ельцин ее спас.

25 января в интервью американской телекомпании Эй-би-си Ельцин сказал о Горбачеве:

«Либо он встанет на путь переговоров с Литвой, откажется от своей попытки установить диктатуру и сосредоточить абсолютную власть в одних руках — а все идет именно к этому, — либо он должен уйти в отставку, распустить Верховный Совет и съезд народных депутатов СССР...

Если Горбачев попытается добиться диктаторских полномочий, Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан отделятся от СССР и создадут свой собственный союз».

Интеллигенция оценила и то, что на похоронах Сахарова Ельцин всю дорогу шел за гробом, отказался сесть в машину. Борис Николаевич знал, как ему следует себя вести.

Когда Ельцина избрали председателем Верховного Совета, он пригласил к себе известного правозащитника Сергея Адамовича Ковалева и предложил ему возглавить парламентский комитет по правам человека.

Ковалев говорил позднее: «Мы встречались много, и это общение никогда не было простым — чувствовалась неловкость с обеих сторон: я всегда помнил об условности своей поддержки Ельцина. Президент, полагаю, об этой условности знал. Однако мне казалось, что этот человек способен учиться — в том числе и в нравственном плане. Во всяком случае, мне кажется, что, говоря о важности проблемы защиты прав человека, Ельцин был искренен — он хотел в это верить. Но, видимо, у каждого есть свой потолок...»

11 марта 1991 года Ельцин провел заочную пресс-конференцию с помощью «Комсомольской правды». Его среди прочего спросили:

— Борис Николаевич, у нас Россия. Почему же вы так благоволите к евреям?

— В чем это сказывается?

— Потому что вы ведете политику неправильную.

— Нигде и никогда я не выделял национальностей. Считаю, каждая нация, каждый народ должны иметь равные права... А вы все-таки, если возможно, оценивайте людей по иным критериям, а не по паспортной графе...

А Горбачев в те месяцы действовал на редкость неудачно. Во главе правительства он поставил Валентина Павлова. Тот начал с денежной реформы. По его настоянию Горбачев подписал указ «О прекращении приема к платежу денежных знаков Госбанка

СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года и ограничении выдачи наличных денег со вкладов граждан».

Павлов утверждал, что крупные купюры на руках у спекулянтов и преступников. А потом в интервью газете «Труд» обвинил западные банки в заговоре — они хотели свергнуть Горбачева, поэтому овладели крупными купюрами...

Никто не принял его слова всерьез. «Реформа» обернулась для людей новым унижением: они, бросив работу, стояли в длинных очередях, чтобы успеть за три дня избавиться от старых купюр. Невозможно было и получить свои деньги, доверенные государству. Со сберкнижки выдавали не более пятисот рублей, да еще делали пометку в паспорте!

26 января Горбачев подписал указ «О мерах по обеспечению борьбы с экономическим саботажем и другими преступлениями в сфере экономики» — милиция и КГБ получали право входить в любые служебные помещения и получать любые документы.

Через три дня новый указ — «О взаимодействии милиции и подразделений Вооруженных Сил СССР при обеспечении правопорядка и борьбы с преступностью». Этим указом вводилось патрулирование городов силами воинских частей.

Реакция в обществе — резко негативная. Горбачев терял остатки уважения. Все видели, что он боится решать сложные проблемы, откладывая их на потом, надеясь, что все рассосется само собой.

Серьезные экономисты утверждали, что попытки модернизировать систему не получаются, становится только хуже. Надо было либо возвращаться к тому, что существовало до апреля 1985 года, либо создавать принципиально новую социально-экономическую модель.

В этой ситуации все большее число людей связывали свои надежды с Ельциным. Кто еще мог противостоять Горбачеву и спасти людей от всех благоглупостей союзной власти?

Ощутив свою силу, люди вокруг Ельцина со все большим раздражением смотрели на Горбачева. Он им теперь просто мешал. Зато он был выгодным фоном — слишком осторожен, ни на что не может решиться, только говорит, но ничего не делает. На этом фоне Ельцин казался настоящим лидером, которому просто не дают развернуться.

Борьба за социальную справедливость часто носила демагогический характер, но в устах Ельцина все эти лозунги звучали очень достоверно.

Обращение к автономиям: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить!» — тоже было сильным ходом, который сразу привлек на сторону Ельцина целые республики. Потом, когда Советский Союз рухнет, у него начнутся неприятности с автономными республиками, но это уже отдельная тема.

В окружении Горбачева не могли понять, что происходит. Почему интеллигенция отвернулась от Горбачева и восхищается Ельциным: «Рафинированная интеллигентная элита в Доме кино рукоплещет пошлому, вульгарному, полуграмотному, хамскому «лидеру»! Кто поверит, что она не понимает, кто перед ней? Значит, ей это нужно?»

Известно, как любит российская интеллигенция очаровываться новыми политическими фигурами, а потом столь же поспешно разочаровываться. Весь XX век полон такими историями, но и новое столетие начинается с того же: порядочная часть российской интеллигенции без ума от нового кумира — Владимира Владимировича Путина...

Михаил Сергеевич плохо представлял себе расстановку сил в обществе. Да и КГБ, видимо, снабжал его утешительными новостями о раздрае в лагере Ельцина. Горбачев довольно говорил Черняеву: «Песенка Бориса Николаевича спета — у него ничего не получается, от него уже ждут дел. Он мечется. Но даже люди из его ближайшего окружения «вытирают об него ноги», кроют его матом, а в парламенте заявили, что не станут при нем стадом баранов...»

Михаил Сергеевич еще не чувствовал, какая опасность для него исходит от Ельцина. Или пытался себя утешить?

Ельцин потребовал предоставить ему время для выступления по телевидению. Он вспоминает: «Начались игры с Кравченко, тогдашним теленачальником. То он не подходил к телефону, то выдвигал какие-то условия, то переносил дату записи... Естественно, я начал накаляться... Вот тут у меня и созрела эта мысль. Вы боитесь Ельцина? Ну так получите того Ельцина, которого боитесь!..»

19 февраля Ельцин дал интервью в прямом эфире. Сорок минут он говорил о том, что президент Горбачев обманывает страну. Не выполнил ничего из того, что обещал. Развалил государство и довел народ до обнищания.

Ельцин веско произнес:

— Я предупреждал в 1987 году, что у Горбачева есть в характере стремление к абсолютизации личной власти. Он все это

уже сделал и подвел страну к диктатуре, красиво называя это «президентским правлением».

Стало совершенно очевидным, что, сохраняя слово «перестройка», Горбачев хочет не перестраиваться по существу, а сохранить систему, сохранить жесткую централизованную власть, не дать самостоятельности республикам, а России прежде всего... Я отмежевываюсь от позиции и политики президента, выступаю за его немедленную отставку, передачу власти коллективному органу — Совету Федерации республик...

На следующий день Горбачев собрал свое окружение. Настроение после вчерашнего выступления Ельцина было мрачное. Михаил Сергеевич говорил о Ельцине:

— Происходит нечто подобное тому, что случилось в 1987 году. Ельцин энергично взялся за дело, начал менять кадры. Я его поддержал. Но, разделавшись с первой «гарнитурой», он пошел по второму кругу, потом по третьему. У него нет вкуса к нормальной работе. Видимо, ему для тонуса нужно постоянно с кем-то драться. Не случайно понравился Егору своей крутостью, и тот рекомендовал его в Москву. В нем гремучая смесь, способен только на разрушение...

Затем Ельцин еще резче выступил в Доме кино и призвал «объявить войну руководству страны. Президент СССР лгал постоянно и завел страну в болото». Говорил, что нужно создавать сильную демократическую партию.

Помощник Горбачева Черняев записал в дневник: «Ельцин сказал: «Оставим Горбачеву во-от столечко (показывает пальцами щепотку), хотя он хочет вот столько (показывает руками, широко их разведя). Его место — как у британской королевы».

Многие говорили, что Ельцин сознательно провоцирует еще один кризис, идет на обострение. Но на следующий день по Красной площади прошла огромная манифестация под лозунгом: «Ельцин — вера, надежда, любовь России».

Я спрашивал тогда депутата союзного и российского парламентов Галину Старовойтову, которая в ту пору была близка к Ельцину:

— Что стояло за резкими антигорбачевскими выступлениями российского лидера?

— Мы чувствовали себя обманутыми в самой сути жизненных надежд, связанных с перестройкой, — говорила мне Галина Васильевна. — Большинство демократов были настолько

подавлены вильнюсскими событиями, что даже не обсуждали случившееся: каждый сидел и страдал в одиночестве. И вдруг Ельцин сказал: почему это мы молчим? Нет, мы тоже сильны и должны собраться для ответа. Его выступление было моральным реваншем за наступление реакции. С нравственной точки зрения требование отставки Горбачева было оправданно. Ельцин тогда собрал демократические силы и заложил основы победы на съезде народных депутатов России.

— Но получается, что Горбачеву наносятся удары со всех сторон.

— Он должен выбрать свою линию. А то ведь главное для него — это стремление удержаться у власти, а вовсе не реализовать какую-то программу.

— Любой политик стремится удержаться у власти — это естественно. Если вы его сбросите — останетесь один на один со своими противниками.

— Поэтому мы и выступили потом за то, чтобы Горбачев остался, — сказала мне Старовойтова. — Нужна промежуточная фигура между крайними силами. Мои коллеги по «Демократической России» не понимают, почему я допускаю сотрудничество с Горбачевым, хотя и числюсь в экстремистах и ярых его противниках...

ВОЙСКА НА УЛИЦАХ

Между тем Ельцин столкнулся с сильной оппозицией у себя в Белом доме. Президиум Верховного Совета оказался в оппозиции к собственному председателю. У него там был только один верный сторонник — Руслан Хасбулатов, который бился за Ельцина, как лев.

21 февраля шесть руководителей Верховного Совета РСФСР выступили против своего председателя — его заместители Светлана Горячева и Борис Исаев, председатели обеих палат Рамазан Абдулатипов и Владимир Исаков, заместители председателя палат Александр Вешняков и Виталий Сыроватко.

В их заявлении говорилось: «Исходя из чувства долга, стараясь остановить дальнейшее сползание к развалу и хаосу, мы считаем назревшим вопрос о безотлагательном созыве внеочередного съезда народных депутатов РСФСР с повесткой дня о деятельности председателя Верховного Совета РСФСР».

Абдулатипов оставался у власти все ельцинские годы, он был министром, вице-премьером, при этом говорил и выступал так, что можно было подумать, будто он все еще в оппозиции. Он всегда умел снять с себя ответственность за действия правительства, членом которого был.

Председатель Совета Республики свердловский юрист Владимир Исаков вначале был очень близок к Ельцину, который нуждался в квалифицированных юристах. Потом его оттеснили другие, его место занял Сергей Шахрай. Он чувствовал себя отвергнутым, выступил против Ельцина и проиграл.

Депутаты из фракции «Коммунисты России» добились созыва 28 марта внеочередного, третьего съезда народных депутатов РСФСР, чтобы поставить вопрос о доверии Ельцину.

Но из этого ничего не вышло.

Накануне съезда сторонники Ельцина решили провести массовую манифестацию. Моссовет определил место: Манежная площадь. Но Горбачев запретил митинги в пределах исторического центра Москвы. По указанию Горбачева в город ввели внутренние войска, улицы перегородили грузовиками, установили водометы.

В окружении Горбачева говорили о том, что общество готово взорваться и, если Ельцин объявит всеобщую политическую забастовку, толпа сметет союзную власть.

Действия Горбачева только помогли Ельцину. Именно в нем увидели единственную защиту от произвола властей. В такой ситуации никто не решился требовать его отставки.

28 марта открылся третий, внеочередной съезд народных депутатов РСФСР. И возмущенные действиями Горбачева депутаты вступили в борьбу с Кремлем, а не с Ельциным. Попытка силового давления на съезд укрепила позиции российского лидера.

Сергей Филатов:

— Когда Горбачев ввел войска в Москву, весь съезд окрысился, и депутаты пошли на улицы, чтобы не допустить стычки омоновцев с людьми...

Бывший помощник Лигачева Валерий Легостаев разочарованно вспоминает:

«В решающий момент, когда нужно было ставить вопрос о доверии Б.Н. Ельцину, слово неожиданно взял И.К. Полозков и как первый секретарь ЦК КП РСФСР фактически снял вопрос с голосования...

Возможно, он проявил малодушие, а может быть, хотел застраховать ЦК и коммунистическую фракцию на съезде от разгрома, в случае если бы Б.Н. Ельцин, несмотря ни на что, набрал бы большинство голосов, необходимое для сохранения за ним должности председателя Верховного Совета РСФСР.

Съезд, вопреки надеждам его организаторов, привел к существенному усилению позиций Б.Н. Ельцина. Борис Николаевич не только сохранил за собой все полномочия, но и добился их серьезного расширения...»

Ельцин провел съезд, получил чрезвычайные полномочия и уехал отдыхать в санаторий «Красные камни» в Кисловодске.

Горбачев говорил на заседании Совета безопасности, что через два-три месяца кормить страну будет нечем. В Москве выстроились очереди за хлебом.

КТО РАНО ВСТАЕТ...

Ельцина, как и раньше Горбачева, явно раздражала необходимость день за днем высиживать на заседаниях Верховного Совета.

Сергей Филатов, который работал с ним в президиуме Верховного Совета, рассказывал мне:

— Он не всякую работу любил. Всегда виден был главный вопрос, который его интересовал. Я это особенно остро ощущал, потому что весь вечер, до глубокой ночи готовили заседание Верховного Совета. Все документы заранее отпечатали, чтобы не пороть горячку. Утром или вечером он должен подписать повестку дня. Если вечером по тем или иным причинам не удавалось ее подписать, то иногда получалось, что утром она возвращалась — за несколько минут до начала заседания! — с исправлениями.

Ельцин очень не любил и даже почему-то боялся раскрывать публике все финансовые дела. Ведь я даже в администрации президента не смог добиться того, чтобы наша смета стала доступна людям. А у меня было желание показать, сколько уходит денег на администрацию, на самолеты, на зарплату.

В Верховном Совете мы этого добились, информация стала доступной журналистам. Но он очень тяжело к этому шел, не

любил разглашать все эти вещи. Почему? Он редко когда что-то объяснял...

Когда он в последний момент правил документы, у нас начинался аврал, потому что за несколько минут надо было всю повестку перепечатать, отнести вниз, туда, где регистрировались депутаты, поменять подготовленные им пачки документов. А главное — надо было отвечать на недоуменные вопросы депутатов, потому что они знали, какие вопросы предполагалось обсудить, и вдруг что-то меняется.

И мы не успевали подготовить к новой повестке дня свою команду, потому что готовились к каждому заседанию, как готовились и коммунисты. Это тоже было искусство: когда накалять обстановку, а когда ее нормализовать...

Съезды народных депутатов проходили в борьбе двух блоков — «Демократической России» и «Коммунистов России». Оба имели примерно равное число депутатов — по 400—450 голосов. Оба блока пытались привлечь к себе тех, кто еще не встал на чью-то сторону, так называемое «болото».

— Какое впечатление производил тогда Борис Николаевич — работяги, который не спит, не ест, а только вкалывает? Или человека, который умеет уклоняться от неприятных дел?

— Было и то и это. Как у каждого человека, у него были любимые дела и нелюбимые. Вот что бросилось мне в глаза. Он очень внимательно изучал бумаги. За каждым замечанием, которое он делал, была ясна его мысль. И меня он часто поражал зрелостью и опытностью своих замечаний.

Ходили слухи о том, что бумаги он просматривает где-то в пять утра. Он встает рано и усаживается за бумаги. А бумаг через него проходило много, хотя мы пытались некоторые из них предварительно пропустить по кругу. Одних только законов, указов и распоряжений в год надо было подписать тысячу с лишним. Ведь все нужно просмотреть, а некоторые проекты он, не подписав, возвращал, ставил вопросы.

— Ельцина часто сравнивают с Горбачевым. Но тот любил поговорить о себе, изложить свою стратегию. А Ельцин?

— Знаете, у него не было стратегии. И может быть, трагедия нашей эпохи состояла в том, что у него не было своего видения и своей программы. В принципе мы могли повернуть дело по-разному, это не от него зависело. Скажем, приняли Декларацию о суверенитете России. Ельцин практически не имел к ней никакого отношения...

НЕ ПОРА ЛИ СТАТЬ ПРЕЗИДЕНТОМ?

Летом 1990 года многие председатели Верховных Советов республик поспешили переименовать себя в президенты. Ельцин не спешил. В начале 1991-го в Верховном Совете России встал вопрос о необходимости избрать президента.

Ельцин и его окружение настойчиво внушали людям, что пост президента — единственный путь спасти Россию от всех проблем. Тут устремления демократов совпадали с лозунгами национально-патриотических сил, которые говорили, что русских обижают и Россия не должна платить за всех.

17 марта на референдуме жители России отвечали на вопрос: нужен ли пост президента РСФСР? Больше 70 процентов россиян захотели иметь своего президента.

Выборы первого президента Российской Федерации были назначены на 12 июня 1991 года.

Накануне выборов я разговаривал с ныне покойной Галиной Старовойтовой, депутатом двух парламентов — союзного и российского. В тот момент она была членом Высшего консультативно-координационного совета при Ельцине. Потом она станет советником президента.

— Может ли существовать страна с шестнадцатью президентами — пятнадцатью республиканскими и одним союзным?

— Может. Но не как единая страна, а как конфедерация.

— С вашей точки зрения, Советский Союз останется единой страной или распадется?

— Мы сейчас на переходном этапе от унитарного государства к конфедерации. Это объективный исторический процесс. Силой остановить его не удастся. Пока страна отчасти едина, за вычетом шести республик, которые не участвовали в референдуме и явно не подпишут Союзный договор. Сегодня готовы участвовать в новом договоре Россия, Белоруссия и мусульманские республики, да и то Азербайджан под вопросом.

— Полновластие президента России исключает полновластие президента Союза.

— В таком случае мы должны задать себе вопрос: что для нас, россиян, важнее? А важнее то, что является истинной реальностью, — Россия. Если самостоятельная государственность России исключает существование Союза, то для меня важнее Россия. Советскому Союзу придется (не из-за желания каких-то деструктивных сил, а по объективным причинам) разделить

судьбу великих империй прошлого. Другое дело, что Союз может быть преобразован в конфедерацию дружественных государств, которые неразрывно связаны общей экономикой.

— Превращение одного государства в пятнадцать, согласитесь, может повлечь за собой страшные последствия.

— А что делать, если этот процесс неостановим? Конечно, если бы в центре сидели люди не связанные идеологическими догмами, желающие и способные развивать демократию и рыночную экономику, может быть, страна не распадалась бы с такой скоростью. Республики так стремительно не бежали бы, спасаясь от центра. Но центр таков, каков он есть...

— Чего вы хотите сейчас?

— Изменения политической линии центра: курс на демократизацию и рыночную экономику. Надо заключить соглашение между центром и республиками о распределении полномочий с передачей значительной их части республикам.

Тогда я задал Старовойтовой вопрос, который очень скоро окажется актуальным:

— Не создается ли у вас впечатление, что Ельцин идет по пути Горбачева? Он станет президентом России и попытается избавиться от парламента, с которым трудно иметь дело, чтобы управлять республикой напрямую — указами, минуя Верховный Совет. И законодательная власть погибнет, не успев родиться.

— Становление Верховного Совета России идет нормально. Другое дело, что принятые им законы не исполняются, потому что исполнительную власть на местах представляют секретари комитетов КПСС, которые сопротивляются переменам. Слабая у нас сейчас исполнительная власть, а не законодательная.

Главный тормоз на пути к рыночной экономике — искренняя вера в социализм части честных людей, положивших за это жизнь.

— Насколько реально избрание Ельцина президентом России?

— До 12 июня произойдет много событий. Это время будет критическим не только для Горбачева, но и для Ельцина. Мы можем столкнуться с неявкой людей на избирательные участки. Рейтинг Бориса Николаевича сегодня очень высок, но он будет быстро падать, — это естественно.

После двух лет ненормальной сверхполитизации населения наступила некоторая апатия. Заметных результатов в реальной жизни оттого, что демократы в ряде регионов победили, нет.

Простой человек начинает говорить, что ему один черт, кто у власти, раз жизнь становится все трудней. Уставшая, голодная, изверившаяся толпа очень опасна...

ТУЛЕЕВ, МАКАШОВ, ЖИРИНОВСКИЙ

Ельцин нарочито не участвовал в избирательной кампании. Не агитировал за себя, не обращал внимания на соперников. Это оказалось верной тактикой.

Помимо Ельцина на пост российского президента баллотировались бывший министр внутренних дел Вадим Бакатин, генерал Альберт Макашов, бывший председатель Совета министров СССР Николай Рыжков и председатель Кемеровского областного совета Аман-гельды Тулеев.

Председатель Либерально-демократической партии Владимир Жириновский сделал все, чтобы его узнали, но тогда его не приняли всерьез.

Кемеровский председатель облсовета Аман-гельды Тулеев доказал, что у него есть поддержка в одной отдельно взятой области, но общероссийской революции ему не совершить.

В мае 1991 года Ельцин ездил в Кузбасс разговаривать с шахтерами и подписал распоряжение о передаче шахт Кузнецкого бассейна под юрисдикцию России. После первомайского митинга Ельцина повезли на берег реки Томь. Температура воды не превышала пяти градусов.

«Среди свиты находился председатель Кемеровского облсовета Тулеев, и предложение Б.Н. Ельцина искупаться он встретил угрюмым молчанием, — вспоминал Лев Суханов. — И, как бы между прочим, Борис Николаевич разделся и, долго не примериваясь, нырнул в ржавого цвета Томь. Кто-то из окружения пошутил: «Интересно, а нырнул бы сейчас Михаил Сергеевич?»

Вслед за Ельциным разделся и поплыл его телохранитель Юрий Иванович Одинец.

«Проплыв метров сто, не без помощи Юрия Ивановича мой шеф взобрался на довольно крутой берег. Выражение лиц у всех было растерянное. И особенно траурная мина — у Тулеева...»

На Центральном телевидении собирались провести круглый стол всех шести кандидатов в президенты — Ельцина, Рыжкова, Тулеева, Бакатина, Макашова, Жириновского.

«Борис Николаевич отказался в нем участвовать, — вспоминал Лев Суханов. — У него уже была запланирована поездка в Саратов, и он, объявив об этом, на телевидение не явился. Я думаю, что, не будь Саратова, он изобрел бы что-то другое».

Говорили, что Ельцин испугался публичных дебатов. Но он сильно повредил бы себе, опустившись до дискуссии с Жириновским и Макашовым.

Реальным соперником был Николай Рыжков, обладатель уникальной записи в трудовой книжке: «В связи с изменением Конституции СССР вышел в отставку».

Он воспринимался как честный, порядочный и деловой человек. Но оказалось, что ему не хватает политического кругозора. Его поддержала компартия РСФСР, и это автоматически лишило его симпатий демократически настроенных людей.

Последние годы его пребывания на посту главы правительства оставили грустное впечатление. А ведь когда он только появился на политической арене, молодой, хорошо улыбающийся уралец вызывал всеобщие симпатии.

Юрий Андропов вытащил его из Госплана и, минуя промежуточные ступени партийной лестницы, назначил сразу отраслевым секретарем ЦК КПСС по экономике. Уважение к Андропову Рыжков сохранил навсегда. В политическом истеблишменте он один воспринял смерть Андропова как личное горе.

Все, что происходило в стране после 1987 года, встречало непонимание и сопротивление Рыжкова. Прекрасный, судя по всему, директор завода, неплохой заместитель министра, толковый заместитель председателя Госплана, он стал жертвой принципа Питера: непрерывное продвижение вверх хорошего работника приводит к тому, что он достигает порога некомпетентности — поста, которому не соответствует. Рыжков мог держать под контролем один завод, но не в состоянии был руководить экономикой страны и проводить в ней реформы.

Привыкший к строгой дисциплине, он не понимал парламентаризма и выходил из себя, когда его критиковали депутаты. Но если его слезы при виде армянской трагедии (землетрясение 1988 года) свидетельствовали о том, что он сохранил в себе способность к состраданию, то слезы на парламентской трибуне — о беспомощности, которая стала еще и злобной.

Николай Рыжков забыл, что целый год страну сотрясали забастовки под лозунгом «Рыжкова — в отставку!». Он объяснял

нам, что это экономика больна, а сам он отменно здоров, и Горбачев поторопился сбрасывать своего первого министра с корабля современности. Но голосовать за Николая Рыжкова могли только те, кто твердо был уверен, что в роли президента России он не станет заниматься экономикой...

К выборам в окружении Ельцина готовились очень тщательно. Руководителем предвыборного штаба назначили Геннадия Бурбулиса. Боролись за каждый район. Составили политическую карту, чтобы понять, кто где и как проголосует.

Уверенности в победе не было. Полагали, что понадобится второй тур, который состоялся бы осенью, а Бог знает, что за это время произойдет в стране. Поэтому следовало добиться победы сразу, в первом туре. Искали второго партнера для Ельцина, который безошибочно привлек бы тех избирателей, которые не обязательно собирались за него голосовать.

Думали, не предложить ли пост вице крайне популярному тогда Собчаку, потому что боялись, что он тоже выставит свою кандидатуру и отберет голоса у Ельцина.

Даже Бурбулиса Ельцин примеривал на роль вице-президента, но понял, что это ему ничего не принесет. Против было даже его собственное окружение, ненавидевшее Геннадия Эдуардовича.

Прикидывали на этот пост Бакатина, но не получилось. Вадим Викторович отказался — то ли потому, что всерьез верил в свою победу, то ли выполнял просьбу Горбачева, который мечтал провалить Ельцина и надеялся, что Бакатин оттянет ельцинские голоса.

В интервью журналу «Новое время» Бакатин рассказывал, что прямого предложения баллотироваться вместе с Ельциным ему не делали: «Был осторожный зондаж. По поручению Ельцина ко мне пришел Степашин и задал буквально такой вопрос: как бы я поступил, если бы Ельцин предложил мне пост вице-президента? А было это уже в мае 1991-го, чуть ли не в тот самый день, когда я сам решил конкурировать с Ельциным в союзе с Абдулатиповым».

В демократическом лагере на Вадима Бакатина обиделись. Во-первых, за отказ пойти вице к Борису Ельцину. Во-вторых, за то, что посмел вообще конкурировать с главным претендентом. Бакатин показал себя дельным администратором и порядочным человеком, хотя для президентского поста ему явно не хватало образа самостоятельного политика.

На выборах 12 июня Ельцин собрал 57,35 процента голосов. Одновременно с президентом России выбирали мэров Москвы и Ленинграда.

Анатолий Собчак демонстративно отказался от проведения избирательной кампании. Он заявил, что деньги, выделенные из бюджета на избирательную кампанию, передает детским домам, агитировать за себя не будет — взгляды его известны. И уехал на юг страны агитировать за избрание Ельцина.

Собчака поддержало 76 процентов избирателей. Ленинградцы также проголосовали за возвращение городу прежнего названия — Санкт-Петербург.

Гавриил Попов столь же легко стал мэром Москвы. Лучшим аргументом в его пользу стали листовки с портретом Ельцина и словами: «Я голосую за Попова».

КОНСТИТУЦИЯ ИЛИ БИБЛИЯ?

После избрания Борис Ельцин приехал к Горбачеву посоветоваться, как организовать церемонию вступления в должность, инаугурацию. Потом Михаил Сергеевич пересказал разговор своим помощникам. Георгий Шахназаров воспроизводит эту беседу:

«— Не следует ли организовать прямую трансляцию церемонии на Красной площади?

— Зачем, и так будут передавать по телевидению, а в этом случае получится столпотворение, не дай Бог, новая Ходынка.

— Не следует ли дать залп из двадцати четырех орудий?

Горбачев хотел сказать: «Ворон распугаешь и людей насмешишь», но Ельцин ведь обидчив. Начал отговаривать.

— И третий вопрос: на чем присягу принимать — на конституции или на Библии?

— Понимаешь, Борис Николаевич, покажется странным, если на Библии, ты ведь не шибко верующий.

— А как же в США присягают президенты!

— Так у них другая культура, традиции. К тому же в России миллионы мусульман, они обидятся: почему не на Коране. Или еще евреи — на Торе...

— Какие амбиции, — вздохнул потом Горбачев, — и простодушная жажда скипетра. Как это совмещается с политическим чутьем — ума не приложу. Однако, черт знает, может быть, имен-

но в этом секрет, почему ему все прощается. Царь и должен вести себя по-царски. А я вот не умею...»

Ельцина благословил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Он сказал: «Вы принимаете на себя огромную ответственность, вы берете на себя не честь и славу, а берете огромный подвиг и крест, ответственность перед Богом, перед историей и перед народом, который вас избрал».

По православным канонам, когда патриарх его благословлял, Борис Николаевич должен был поцеловать благословляющую его руку, но не решился или не захотел.

Ельцин выглядел внушительно — высокий, широкоплечий, седовласый. Отец нации. Невиданная в нашей стране церемония произвела впечатление.

Инаугурация сопровождалась хоровым исполнением «Славься» из оперы Глинки «Жизнь за царя». Ельцин приносил присягу один. Вице-президент Александр Руцкой сидел в зале, тогда как в Соединенных Штатах американские вице-президенты стоят рядом с президентом. Но кто же всерьез принимал Руцкого в расчет? Эта ошибка потом дорого обойдется Ельцину и его окружению.

Избрание Ельцина сделало пост председателя Верховного Совета вакантным. Началась мучительная борьба за это кресло. Ельцин предложил вместо себя Хасбулатова. Но провести Руслана Имрановича оказалось непросто. 17 июля съезд сделал вынужденный перерыв.

ОБЕД В ГРАНОВИТОЙ ПАЛАТЕ

Президент Борис Ельцин поехал в США. Это была первая по-настоящему успешная поездка.

До того, в апреле Ельцин побывал в Страсбурге на сессии Европейского парламента. Поездка не была как надо подготовлена, и встретили его там плохо.

Тогдашний министр иностранных дел России Андрей Козырев вспоминает: «Когда ко мне пришел советник-посланник французского посольства в Москве и познакомил с деталями визита, а главное, рассказал о том, кто с французской стороны организует этот вояж — а это были явно второстепенные предприниматели и политики, — у меня просто волосы стали дыбом».

Козырев написал довольно эмоциональное письмо Ельцину, выражая недоумение тем, что его зарубежный визит готовится в обход МИД и совершенно непрофессионально. Министр предлагал визит отложить, поскольку не надо быть пророком, чтобы предсказать целый ряд серьезных организационных и политических неприятностей. Тем не менее визит состоялся, и мрачные пророчества подтвердились.

Ельцина именовали в Страсбурге «демагогом» и обвиняли его в том, что он только мешает Горбачеву.

Помню, как сказал Галине Старовойтовой:

— Горбачев любит ездить за границу, и это вызывает раздражение. Зачем Ельцину идти по этому пути? Главные проблемы здесь, в России.

Старовойтова возразила:

— Поездка и выступление в Европейском парламенте хотя и давно планировались, подготовлены были недостаточно хорошо. Но вообще Ельцину нужно ездить за рубеж. Время провинциальной политики прошло. Россия намерена в ближайшем будущем сама распоряжаться своими ресурсами, сама вести внешнеполитические дела. Запад должен увидеть, с кем персонально он имеет дело. Россия — большая страна, почему же ее президент должен сидеть на задворках?..

Подготовка к визиту в Соединенные Штаты началась до выборов. Окружение Ельцина говорило, что надо сосредоточиться на предвыборной кампании.

Борис Николаевич сам сомневался: стоит ли этим заниматься, а вдруг не выберут? Он сказал своему министру Андрею Козыреву:

— Послушайте, насколько этично, что вы занимаетесь подготовкой моего визита до того, как состоялись всенародные выборы? А что будет, если я их проиграю?

Козырев твердо говорил:

— Я в вашей победе не сомневаюсь.

Ельцина принял президент США Джордж Буш. На сей раз он был внимателен к российскому гостю. Потом Горбачев ревниво спросит американского президента о впечатлениях. Буш ответит:

— Он прибыл сюда, получив большую поддержку на демократических выборах, для нас это важный факт. Удовлетворение вызывает то, что и публично, и в частных высказываниях он говорит о стремлении работать вместе с тобой. Раньше меня беспокоила возможность далеко идущих разногласий между вами.

Это могло и для нас создать неловкую ситуацию... Американская пресса отмечает этот факт, пишет, что Ельцин ведет себя правильно. Я тоже считаю, что он никак не подрывает твоих позиций...

30 июля президент Джордж Буш сам приехал в Советский Союз. Они с Горбачевым подписали Договор об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). Буш подтвердил, что его администрация будет поддерживать политику Горбачева.

На официальном обеде в Грановитой палате Наина Ельцина появилась почему-то в сопровождении московского мэра Гавриила Попова. «А в конце церемонии, — записал в дневник Анатолий Черняев, — когда гости все прошли, появился в гордом одиночестве Ельцин». Не зная церемониала, он пригласил жену американского президента Барбару Буш пройти к Грановитую палату. Она была смущена, потому что по протоколу ее должен пригласить хозяин — Михаил Горбачев.

Накануне Ельцин позвонил Горбачеву и попросил, чтобы ему тоже дали возможность выступить во время обеда — наряду с Горбачевым и Бушем. Горбачев отказал.

На обеде в американском посольстве Ельцин и Назарбаев встали, вдвоем подошли к Бушу и сказали, что сделают все для победы демократии в стране.

Это был, возможно, последний раз, когда Горбачев мог насладиться своим превосходством. Но его радость, наверное, была отравлена сознанием того, что власть уходит из рук.

РАЗРУШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Два федеративных государства в Восточной Европе — Югославия и Советский Союз — испытывали одинаковые трудности. Ни Иосиф Сталин, ни Иосип Броз Тито не предполагали, что когда-нибудь республики посмеют на деле востребовать права и свободы, щедро предоставляемые конституциями, которые сочинялись главным образом напоказ. И выяснилось, что ни Югославия, ни Советский Союз не располагают конституционными инструментами воздействия на мятежные республики.

Удивительная находка ожидала лидеров национальных движений в тексте нелюбимой ими конституции СССР 1977 года — чеканная формула: «Советский Союз состоит из суверенных го-

сударств». Формула, которой никто и никогда не придавал значения, вдруг оказалась выигрышной. Раз союз суверенных государств, то, следовательно, не федерация, а конфедерация.

Первоначально массовые национальные движения в республиках были готовы удовольствоваться идеей конфедерации: республики делегируют определенные полномочия центру. Причем Москва не имеет иных полномочий, кроме переданных ей республиками.

16 ноября 1988 года чрезвычайная сессия Верховного Совета Эстонской ССР приняла Декларацию о суверенитете, определив, что высшая власть на территории республики принадлежит республиканским органам власти.

Примеру Эстонии через полгода (18 мая 1989 года) последовала Литва, причем в Вильнюсе оперировали уже более жесткими формулировками, записав, что союзные законы вступают в силу только в случае их утверждения республиканским парламентом.

Принятый 23 сентября 1989 года в Баку Конституционный закон о суверенитете Азербайджана утвердил новый подход: «На территории Азербайджанской ССР действуют законы СССР, не нарушающие суверенные права Азербайджанской ССР». И дальше следовал весьма практичный вывод: «Земля, ее недра, леса, воды и другие природные ресурсы Азербайджанской ССР являются национальным богатством, государственной собственностью республики и принадлежат народу Азербайджана».

Азербайджан декларировал свое право вступать в непосредственные отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры, обмениваться дипломатическими представительствами.

В октябре 1989 года старый, еще доельцинский Верховный Совет РСФСР принял постановление о том, что он «вправе приостанавливать действия актов министерств, государственных комитетов и ведомств СССР в случае их противоречия законам СССР и РСФСР». Это была сравнительно мягкая формула, но она красноречиво свидетельствовала о настроениях в обществе.

Почему республики жаждали обрести суверенитет? Почему автономии не хотели мириться со своим подчиненным положением? Почему гонимые и униженные в сталинские времена народы требовали восстановления утерянной государственности?

Потому что на протяжении десятилетий супергосударство не гарантировало их права, не обеспечивало им достаточной за-

щиты. Сторонники идеи суверенитета искали гарантий своих прав и свобод. Каждый народ захотел строить свое национально-государственное бытие в соответствии с историческими традициями, культурным наследием, духовным складом, политическим мышлением.

Повышение статуса автономии, свобода от московских чиновников — все это упование на то, что «свой» властитель, «свой» чиновник окажутся демократичнее и справедливее. Люди торопились понадежнее огородиться республиканским палисадником, чтобы завести дома такой порядок, какой им хочется.

Прибалтийские партийные руководители прямо говорили:

— Литва, Латвия, Эстония считают себя государствами, которые незаконным путем были лишены независимости. А нас пытаются представить счастливчиками, которых навеки объединила великая Россия...

ПОЧЕМУ ОНИ ВСЕ УШЛИ?

Но почему сначала три Балтийские республики фактически объявили о своем выходе из СССР, а потом их примеру последовали и другие?

Многие считали, что всему виной принцип самоопределения наций, который делает неопределенным само существование государства. Что это за государство, если одна из его частей в любую минуту может преспокойно уйти?

Но в начале XX столетия Российская империя рухнула в том числе и потому, что населяющие страну народы не устраивала их судьба. Начало XX века — это как раз эпоха разрушения империй и создания национальных государств. После Первой мировой войны на карте Европы появилось немало новых стран.

Если бы из двух революций в 1917 году была бы только одна — Февральская, процесс создания самостоятельных национальных государств распространился бы и на территорию бывшей Российской империи. Ведь тогда свои правительства образовали Украина, Закавказские и Прибалтийские республики, среднеазиатские ханства... Москва остановила этот процесс наполовину силой Красной Армии, наполовину обещанием создать национальные государства внутри Советского Союза.

Процесс национально-государственной эмансипации начала XX века был неизбежным и объективным процессом. На Восто-

ке этот процесс был прерван в зародыше. Но история — не лестница, где можно прыгать через ступеньку. То, что зрело десятилетиями, просто ждало своего часа и вырвалось, наконец, на свободу.

Российская империя и Советский Союз объединили разные по историческому прошлому, культурному наследию народы, чье развитие было искусственно заморожено. Тяготеющий к католичеству запад, православные славянские республики, мусульманский юг...

Даже если новый Союзный договор будет принят, говорили тогда, республики все равно будут идти в разных направлениях. С каждым годом республики будут все менее походить друг на друга, обретая присущую самостоятельному государству уникальность.

Стремление, скажем, Западной Украины к отсоединению объяснялось не только историческим наследием и распространенным здесь антикоммунизмом, но и религиозными традициями. Загнав после войны Униатскую Церковь в подполье, передав ее храмы православным верующим, Сталин подложил мощную бомбу под будущее Украины.

Другой пример. «Христианская Армения в мусульманском окружении» — такое восприятие действительности многое объясняет в поведении армян, в частности обиду на русских, которые «бросили в беде» братьев-христиан. И напротив, в Азербайджане попытки включить Нагорный Карабах в состав Армении воспринимаются как оскорбление ислама.

Можно ли избежать полного обособления республик и кровавых межреспубликанских конфликтов — вот о чем думали в 1991 году. Нагорный Карабах, где не удавалось остановить войну, показывал плохой пример. Безвыходность подобных ситуаций в том, что поведение конфликтующих сторон определяется особым состоянием массового сознания, которое ориентировано на бескомпромиссность, на борьбу с «чужими», «неверными».

ПЕРВАЯ КРОВЬ

1989-й был тяжелым годом. Кровь пролилась в Нагорном Карабахе, в Абхазии, в Фергане... Республики были поглощены национальной идеей, все силы устремились на борьбу с врагом, на обличение его коварства и подлости.

Между Азербайджаном и Арменией шла настоящая война.

Когда сход лавины начался, ее уже не остановишь. На каждое оскорбление отвечают ударом, на брошенный камень — выстрелом, на остановленный поезд — взрывом моста.

И было ясно, что даже лучшие московские сыщики, ведущие особо важные дела, не сумеют распутать цепочку причин и следствий: что было сначала — армяне стали забрасывать камнями азербайджанских машинистов или азербайджанцы ломать и калечить вагоны с грузами для Армении?

Действие от противодействия уже невозможно отделить, они слились, создав бесконечно взвивающуюся вверх спираль насилия. И уже нельзя рассадить противников по партам и сказать: «Ты первый начал, ты и виноват, а теперь помиритесь».

В обеих республиках массовое сознание было охвачено истерией бессилия: одни не могли обеспечить своих детей и женщин всем, что необходимо для нормальной жизни. Другие не в состоянии прекратить то, что воспринимается как попытка оторвать часть республики. Истерия бессилия переросла в истерию жертвенности: «Все погибнем, но не уступим». Чем дальше, тем больше укоренялись эти настроения. Рассказы о коварстве, жестокости, подлости другой стороны только укрепляли веру в собственную правоту и готовность идти до конца.

После Сумгаита и Ферганы стало ясно, что нам грозят национальные катаклизмы. Национальная проблема стала уже не проблемой языка, культуры, экономической самостоятельности. Она стала вопросом жизни и смерти, этнические конфликты приобрели кровавую окраску, гибли люди, и национальные войска превратились в команды «Скорой помощи», рассылаемые по разным регионам.

Национальный вопрос отразил в себе все несовершенство нашей жизни, это лишь кончик туго затянутого узла, когда слишком сильно потянешь, узел затянется еще больше.

Отсутствие закона о собственности, отсутствие рынка и сохранение командной системы планирования и управления народным хозяйством — вот что толкало республики и регионы к автаркии, экономическому сепаратизму. Никакие уговоры и призывы не действовали: люди не верили в эффективность все еще не демонтированной старой модели.

Люди в республиках были уверены в том, что, избавившись от чужой бесхозяйственности, свою они преодолеют быстро. Они не боялись нарушения прежних хозяйственных связей, чем

их обычно пугали, и полагали, что сумеют наладить новые и более для себя выгодные.

Безумие — иначе нельзя было назвать ситуацию, когда по национальному признаку убивали или изгоняли людей, таким образом пытаясь избавиться от собственного экономического и политического бесправия.

Сама атмосфера в обществе была заражена националистическими настроениями, и потому оскорбительные выражения уже не казались предосудительными. Националистическая лексика проникла на страницы партийных изданий и в словарь секретарей партийных комитетов.

Наученный горьким опытом первых демократических выборов, накануне новых выборов партаппарат по всей стране пытался заключить союз с националистическими силами, надеясь хотя бы под этим знаменем удержать власть. Тут же декларировалось возмущение «националистическими проявлениями», но обязательно — в соседней республике, а не у себя дома.

Становилось ясно, что бессмысленно питать иллюзии: национальные проблемы не исчезнут ни завтра, ни в обозримом будущем. Разбитое не склеишь.

Процесс серьезных социальных перемен в стране многими был воспринят как нечто угрожающее устоям, пробудил зависть, комплекс неполноценности, сделал людей восприимчивыми к националистическим идеям.

Половинчатость в переустройстве экономической жизни, порожденная бесконечными спорами: можем ли мы позволить себе рынок, акционерные общества и частную собственность, не только отдалила вожделенный миг обретения того необходимого, что делает человеческую жизнь неунизительной, но и гарантировала новые этнические конфликты.

Неустроенность жизни, нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне требовали какой-то компенсации, самоутверждения — в данной ситуации только за счет других.

Мы с изумлением наблюдали, как по национальному признаку раскалывались целые республики, как соседи лихорадочно выясняли национальность друг друга, как дотошно копались в биографии бабушек и дедушек. Но разве это не было запрограммировано? Сколько десятилетий официальные и неофициальные отделы кадров всех уровней по обязанности и по собственной инициативе занимались калькуляцией: если начальник молдаванин, то второй человек — русский, здесь слишком мало казахов,

тут переизбыток латышей, сюда не принимать евреев, туда не брать немцев, оттуда не выпускать крымских татар...

Все это, казалось, затрагивало немногих. Но и малой капли яда оказалось достаточно, чтобы отравить целую страну.

Страх перед столкновениями на национальной почве преследовал людей во многих регионах страны. Он стал побудительным мотивом к перемене места жительства — поближе к своим. Но в наших условиях переехать из города в город без ощутимых потерь очень трудно: нет жилья, трудности с работой.

А переезжать, скажем, в Россию из западных и южных республик — значило еще и пояса подтягивать: там люди все же в основном жили сытнее.

Самоутверждение одного народа за счет другого есть национализм. Страна столкнулась с тем, что самоутвердиться за счет другого желает не один народ, не два, а чуть ли не вся страна. Так родился новый национализм. Взаимоотношения между республиками стали определяться главным образом новым национализмом. То есть на первый план вышли национальные интересы, которые подминали под себя все остальные интересы.

Республики охотно осваивали самостоятельность. И уже было видно, что это ведет к созданию национальных государств. Предчувствия были дурными.

Татария и Башкирия выразили желание из автономных стать союзными республиками, и сам русский народ ощутил потребность собственной государственности.

Республики стали признавать независимость друг друга. Первой свою независимость провозгласила Литва, ее признали Эстония, Латвия и Молдавия. Азербайджан и Таджикистан подписали с Литвой соглашение о сотрудничестве.

По указанию Ельцина глава российского правительства Иван Силаев подписал с Литвой большое соглашение. Делегации Верховных Советов Литвы и России начали переговоры о взаимном признании. Ясно было, что все переговоры юридически ничего не значат, но они неопровержимо свидетельствовали о том, что республики расходятся все дальше. Можно было помешать, притормозить движение республик к независимости, но остановить его было невозможно.

В действие вступил «фактор Ельцина», активная балтийская дипломатия российских руководителей. Борис Ельцин заявил, что намерен установить прямые — и не только экономические — отношения с Балтийскими республиками.

Под руководством Рамазана Абдулатипова, председателя Совета Национальностей российского парламента, и Николая Травкина, председателя одного из комитетов Верховного Совета, был разработан документ о сотрудничестве двух суверенных государств — России и Литвы.

«Фактор Ельцина» благоприятствовал новым лидерам Литвы, Латвии и Эстонии, хотя сам Борис Ельцин отнюдь не выступал за выход Балтийских республик из СССР.

В августе 1990 года в Таллине с руководителями Балтийских республик встретились представители правительств России, Молдавии и руководители новой городской власти Москвы и Ленинграда. Они пытались создать новый межреспубликанский рынок.

ШАМПАНСКОЕ В НОВО-ОГАРЕВО

На этом фоне 17 марта 1991 года состоялся референдум. Советских людей спросили: хотят ли они сохранения Советского Союза как обновленной федерации равноправных и суверенных республик?

За сохранение Советского Союза, уже раздираемого на части, высказалось три четверти опрошенных. «За», похоже, голосовали и те, кто в реальности хотел обрести самостоятельность.

Горбачев говорил своим помощникам, что, если народ проголосует против Союза, ему придется уйти. Но исход голосования дал Михаилу Сергеевичу шанс. Он его использовал, предложил принять новый Союзный договор.

Предложение Горбачева начать работу над Союзным договором, ослабив власть центра, приняли девять республик. Литва, Латвия, Эстония, Молдавия, Армения и Грузия отказались.

Для Ельцина горбачевская идея была полной неожиданностью. Но он поддержал эту идею, подписал соглашение о моратории на политические забастовки, полетел в Кузбасс и предложил шахтерам вернуться в забой. Они его послушались.

23 апреля 1991 года лидеры девяти республик встретились с Горбачевым в Ново-Огарево. Это старинная усадьба в сосновом бору на берегу Москвы-реки. Там есть двухэтажный дом приемов. На втором этаже и шла работа над проектом нового Союзного договора.

Георгий Шахназаров вспоминает:

«Некоторое время соглашение «9+1» было источником своеобразной эйфории. Словно в момент, когда два войска готовы были сойтись в яростной рукопашной схватке, вожди их вняли гласу народа и договорились жить дружно. Даже отметили это событие бокалом шампанского.

Как рассказывал потом Михаил Сергеевич, за обедом они с Борисом Николаевичем, чокнувшись, выпили за здоровье друг друга...

Главная линия противостояния проходила, конечно, между Горбачевым и Ельциным. Хотя внешне оба старались держать себя в руках, между ними явно ощущалось напряжение, в котором то и дело возникали мелкие разряды, а раза два-три не обошлось без грома и молний.

Михаил Сергеевич держался спокойней и всякий раз, когда Ельцин вступал с ним в пререкания, начинал его уговаривать, я бы даже сказал, улещивать, взывая то к здравому смыслу, то к чувству справедливости.

Борис Николаевич, впрочем, не слишком поддавался на уговоры. Он большей частью молчал, но если уж говорил, то почти никогда не отступал от своего. И дело неизменно кончалось поиском формулы, приближенной к той, которая была заготовлена его «командой» и привезена им в портфеле...»

Глава одиннадцатая
АВГУСТОВСКИЙ ПУТЧ

19 августа 1991 года страна проснулась и узнала, что президент Михаил Горбачев отставлен от должности, а всем управляет Государственный комитет по чрезвычайному положению. ГКЧП продержался всего три дня. Но эти три дня разрушили нашу страну.

«Я ВЕРЮ ЕЛЬЦИНУ»

По прошествии нескольких лет августовский путч 1991 года многим кажется чем-то смешным и нелепым, дворцовой интригой, кремлевской опереткой. Одни с трудом вспоминают, что Гор-

бачева вроде и в самом деле заперли в его летней резиденции в Форосе, а другие уверены, что он сам, не желая отказываться от морских купаний, послал других навести порядок в стране, а потом почему-то на них обиделся и велел арестовать...

Конечно, даже недавняя история быстро забывается. Но те, кто наблюдал за событиями не со стороны, кто находился тогда в Москве, помнят, что нам было не до шуток.

Участники ГКЧП, сначала защищаясь, а потом и нападая, утверждали, что Горбачев захотел въехать в рай на чужом горбу. Сам объявить чрезвычайное положение не решился, а им сказал: черт с вами, действуйте!

Да если бы Горбачев когда-нибудь в жизни говорил: «Вы действуйте, а я посижу в сторонке», он бы никогда не стал генеральным секретарем! Он принадлежит к породе властных и авторитарных людей, которые исходят из того, что все должно делаться по их воле.

Он-то понимал, что именно подвигло членов ГКЧП на внезапные действия. Накануне отъезда в отпуск Горбачев встретился в Ново-Огарево с Ельциным и президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым.

Горбачев вспоминает:

«Разговор шел о том, какие шаги следует предпринять после подписания Союзного договора. Согласились, что надо энергично распорядиться возможностями, создаваемыми Договором и для республик, и для Союза...

Возник разговор о кадрах. В первую очередь речь, естественно, пошла о президенте Союза суверенных государств. Ельцин высказался за выдвижение на этот пост Горбачева.

В ходе обмена мнениями родилось предложение рекомендовать Назарбаева на пост главы кабинета министров. Он сказал, что готов взять на себя эту ответственность... Конкретно встал вопрос о Язове и Крючкове — их уходе на пенсию.

Ельцин чувствовал себя неуютно: как бы ощущал, что кто-то сидит рядом и подслушивает. А свидетелей в этом случае не должно было быть. Он даже несколько раз выходил на веранду, чтобы оглядеться, настолько не мог сдержать беспокойства.

Сейчас я вижу, что чутье его не обманывало. Плеханов (начальник 9-го управления КГБ) готовил для этой встречи комнату, где я обычно работал над докладами, рядом другую, где можно перекусить и отдохнуть. Так вот, видимо, все было заранее «оборудовано», сделана запись нашего разговора, и,

ознакомившись с нею, Крючков получил аргумент, который заставил и остальных окончательно потерять голову.

Поэтому заявления гэкачепистов о том, что ими двигало одно лишь патриотическое чувство, — демагогия, рассчитанная на простаков».

Ельцин пишет, что после августовского путча он своими глазами видел оперативную запись их разговора с Горбачевым и Назарбаевым.

Члены ГКЧП надеялись в последний момент заставить Горбачева примкнуть к ним и согласиться на введение чрезвычайного положения в стране. Для этого они 18 августа внезапно нагрянули к президенту в Форос и, пытаясь надавить на него, отключили у него связь и изолировали от внешнего мира.

Горбачев сопротивлялся чрезвычайному положению, интуитивно понимая, чем это кончится. В случае успеха это перечеркнуло бы все им достигнутое с 1985 года. А в случае неуспеха... Мы уже знаем, чем закончился путч.

Когда Горбачев отказался подписывать их документы, по существу, все планы заговорщиков рухнули. Они не были готовы действовать самостоятельно и вернулись в Москву в растерянности. Горбачева изолировали в Крыму, отключили ему все телефоны.

В тот же день поздно вечером в Кремле вице-президент Геннадий Янаев, премьер-министр Валентин Павлов и заместитель председателя Совета обороны Олег Бакланов подписали печально знаменитое «Заявление Советского руководства».

Там говорилось, что Горбачев по состоянию здоровья не может исполнять свои обязанности и передает их Янаеву, что в отдельных местностях СССР вводится чрезвычайное положение и для управления страной создается Государственный комитет по чрезвычайному положению.

19 августа люди проснулись в стране ГКЧП.

Своему помощнику Анатолию Черняеву, сопровождавшему президента СССР и в отпуске, Горбачев сказал: «Да, это может кончиться очень плохо. Но, ты знаешь, в данном случае я верю Ельцину. Он им не дастся, не уступит. И тогда — кровь. Когда я их вчера спросил, где Ельцин, один ответил, что «уже арестован», другой поправил: «Будет арестован»...»

Такая оценка личных качеств Бориса Николаевича Ельцина дорогого стоит. Михаил Сергеевич понимал стойкость и надежность Ельцина и фактически признавал, что тот способен на то, на что он сам оказался не способен.

РАЗГОВОР С ГЕНЕРАЛОМ ГРАЧЕВЫМ

Пока в Кремле и на площади Дзержинского шла лихорадочная подготовка к государственному перевороту, ничего не подозревавший Борис Николаевич находился в Казахстане и наслаждался жизнью. Принимали его в Алма-Ате с особым почетом.

18 августа после официальных мероприятий Ельцин и президент Казахстана Назарбаев играли в теннис, потом поехали на конезавод, полюбовались скачками и отправились на Медео. Здесь уже были расставлены юрты, и московский гость оказался на пикнике. Пригласили артистов, Назарбаев играл на домбре, Ельцин продемонстрировал свой коронный номер — на деревянных ложках.

Российский президент не упустил случая искупаться в ледяной воде горной речушки. Температура воды была не выше тринадцати градусов.

Ельцин должен был вылететь в 16 часов. Но пикник удался, и Назарбаев предложил отложить отлет на пару часов. Потом говорили, вспоминал Лев Суханов, что, если бы самолет вылетел в 16.00, его бы сбили... Документально эта версия не доказана.

Самолет прилетел в Москву в час ночи. А утром переворот. Ельцин уже тогда постоянно жил на даче. После избрания Бориса Николаевича председателем Верховного Совета аппарат позаботился о создании ему «нормальных условий для работы». Стали искать Ельцину подходящую дачу. Облюбовали дачный поселок Архангельское, который принадлежал Совету министров РСФСР.

Его главный телохранитель Александр Коржаков тоже жил в Архангельском. Услышав по радио об отстранении Горбачева, сразу пошел к Ельцину и вызвал из службы охраны подкрепление. Охрану Ельцину набрали из отставников и гражданских людей, от услуг девятого управления КГБ, обеспечивавшего безопасность высшего руководства, наотрез отказались — не доверяли этому ведомству.

Возникли трудности с получением оружия, но некоторое количество автоматов и пистолетов удалось получить с помощью хороших личных отношений в министерстве обороны и в МВД. Начальник Академии Генерального штаба Игорь Родионов, например, помог охране Ельцина научиться стрелять из гранатометов и огнеметов. Накануне путча служба безопасности пре-

зидента России имела на вооружении шестьдесят автоматов и около ста пистолетов.

Утром все помощники Ельцина собрались в Белом доме. Связались с его дачей в Архангельском, и туда поехал заведующий секретариатом Виктор Илюшин с машинисткой. Лев Суханов улучил момент и успел съездить на свою дачу повидаться с женой — мало ли что может произойти... Когда возвращался назад, в город входили танки.

Собравшиеся на даче Ельцина думали, что предпринять.

Незадолго до переворота Ельцин побывал в Тульской дивизии. Его сопровождал командующий воздушно-десантными войсками веселый и компанейский молодой генерал Павел Грачев. Он понравился Ельцину. И между ними состоялся такой разговор:

— Павел Сергеевич, вот случись такая ситуация, что нашей законно избранной власти в России будет угрожать опасность — какой-то террор, заговор, попытаются арестовать... Можно положиться на военных, можно положиться на вас?

Генерал твердо ответил:

— Да, можно.

По словам Коржакова, разговаривали Ельцин и Грачев с глазу на глаз: «Ельцин был первым руководителем высокого ранга, который разговаривал с Грачевым столь нежно и доверительно. Поэтому Павел Сергеевич еще за несколько месяцев до путча проникся уважением к Борису Николаевичу».

Утром 19 августа Ельцин позвонил Грачеву прямо из Архангельского и многозначительно напомнил о том разговоре.

«Грачев смутился, взял долгую паузу, было слышно на том конце провода, как он напряженно дышит. Наконец он проговорил, что для него, офицера, невозможно нарушить приказ.

И я сказал ему что-то вроде: я не хочу вас подставлять под удар...

Он ответил:

— Подождите, Борис Николаевич, я пришлю вам в Архангельское свою разведроту...

Я поблагодарил, и на том мы расстались. Жена вспоминает, что уже в то раннее утро я положил трубку и сказал ей:

— Грачев наш...

Первая реакция Грачева меня не обескуражила... Грачев не отрекся от своих слов. И это было главное... Пока Грачев дышал в трубку, он решал судьбу не только свою, но и мою».

«Я ВИЖУ ПАПУ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ...»

19 августа 1991 года отдыхавший в Железноводске в санатории «Русь» секретарь президиума Верховного Совета Сергей Филатов в семь часов пять минут позвонил своему непосредственному начальнику Хасбулатову домой. Дома Руслана Имрановича не было. Набрал его номер на даче в Архангельском:

— Руслан Имранович, что у вас случилось?

— У нас ничего, — удивленно ответил Хасбулатов, — а что у вас?

Филатов поразился спокойствию коллеги:

— У нас тут ничего, а вот в Москве вроде переворот произошел. Если у вас есть телевизор, включите.

Тут Хасбулатов понял, что дело серьезное:

— Позвоните мне через час на работу.

В санатории Филатов отдыхал вместе с членами президиума Верховного Совета Екатериной Лаховой и Ефимом Басиным. Сразу собрались и полетели в Москву. Перед вылетом Филатов позвонил в Белый дом. Ему ответили:

— Все спокойно, всех пропускают, охраны внешней никакой нет. Уже собрался президиум.

Из иллюминаторов они увидели танки, бронетранспортеры, грузовики, стянутые к Москве.

Анатолий Собчак в тот день находился в Москве. Он сразу поехал на дачу Ельцина в Архангельское. В двухэтажном коттедже собрались все близкие президенту люди — министр печати Михаил Полторанин, государственный секретарь РСФСР Геннадий Бурбулис, председатель Российской телерадиовещательной компании Олег Попцов, Руслан Хасбулатов, государственный советник РСФСР по правовой политике Сергей Шахрай, министр внешних экономических связей Виктор Ярошенко.

Вокруг дачи стояло несколько охранников.

Там, на даче, набросали текст обращения «К гражданам России», которое подписали президент Ельцин, глава правительства Силаев и исполняющий обязанности председателя Верховного Совета РСФСР Хасбулатов:

«В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный президент страны.

Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом... Все это заставляет нас объявить незаконным

пришедший к власти так называемый комитет. Соответственно, объявляем незаконными все решения и распоряжения этого комитета... Обращаемся к военнослужащим с призывом проявить высокую гражданственность и не принимать участия в реакционном перевороте... Призываем к всеобщей бессрочной забастовке...»

Написав обращение, решили ехать в Москву. Это было небезопасно, и у кого-то возникла идея остаться в Архангельском, превратить президентскую дачу в штаб по организации сопротивления. Но Архангельское могло оказаться большой западней.

О капитуляции, о подчинении приказам ГКЧП не могло быть и речи. Никто не струсил, никто не заговорил о том, что, может быть, лучше затаиться и подождать, как будут развиваться события.

Первой до Белого дома доехала машина Силаева, оттуда позвонили: все в порядке. Тогда тронулся Ельцин, хотя охрана была обеспокоена: их могут перехватить в безлюдном месте, прежде чем они доберутся до шоссе. Поэтому разумнее переодеться и, выдавая себя за рыбаков, доплыть до шоссе на лодке, а там уже пересесть на машины.

Ельцин эту идею отверг.

«В Москву решили двигаться общей колонной, — вспоминает Собчак, — с машиной ГАИ, закрепленной за Ельциным, впереди, с президентским флажком на капоте машины, в которой ехал Ельцин, и на самой большой скорости... Был шанс проскочить к Белому дому без остановок, ну а в противном случае, как говорится, на миру и смерть красна!..

Провожали нас жена и дочь Ельцина Татьяна, которые держались удивительно мужественно. Отправляя самого близкого им человека, может быть, даже на смерть, они успокаивали его, а Татьяна повторяла: «Папа, держись! Теперь все зависит только от тебя!»

Татьяна Дьяченко говорила потом: «У меня возникла ужасная, невозможная мысль, что, может быть, я вижу папу в последний раз».

Наина Иосифовна робко пыталась остановить мужа:

— Слушай, там танки, что толку от того, что вы едете? Танки вас не пропустят.

Ельцин ответил:

— Нет, меня они не остановят.

Семью Ельцина в микроавтобусе, окруженном машинами охраны, на всякий случай отвезли на пустую квартиру в Кунцево, которая принадлежала ветерану девятого управления КГБ...

Ельцина посадили в «Чайку» с президентским флагом на заднее сиденье, Коржаков сел рядом с ним справа, другой охранник — слева. Ельцин отказался надеть бронежилет, поэтому его обложили жилетами. Несколько машин ехали впереди «Чайки», остальные следовали за ней.

До выезда на шоссе предстояло проехать три километра. На этом отрезке пути, как и предполагал Коржаков, заняли позиции офицеры спецподразделения КГБ «Альфа», которые должны были арестовать президента России.

Но альфовцы почему-то ничего не предприняли.

Генерал-майор и Герой Советского Союза Виктор Карпухин, командир спецподразделения КГБ «Альфа», рассказывал потом:

«В четыре часа утра 19 августа я был вызван к председателю КГБ СССР. Конкретной задачи поставлено не было, хотя меня это очень удивило. Мне лишь приказали обеспечить охрану встречи высших военных руководителей страны с российским руководством, которая должна была состояться на даче Ельцина в Архангельском.

Мои люди сразу отправились на место, там провели рекогносцировку, расставили наблюдение на всех дорогах, окружили дачу. В шесть часов в машине по радио я услышал о введении чрезвычайного положения в стране и подумал, что это сделано с ведома президента СССР Горбачева.

По радиотелефону я получил приказ арестовать Ельцина и доставить на одну из специально оборудованных точек в Завидово... Я не хотел выполнять этот приказ. Докладывал в центр о подготовке к выполнению задания, жаловался на сложность ситуации, объясняя это тем, что в данном поселке его брать нельзя, могут быть лишние свидетели и невинные жертвы...

Мне был известен каждый шаг Ельцина, арестовать мы его могли в любую минуту и сделать это без лишнего шума...»

Почему же Ельцин не был сразу арестован? Похоже, его просто недооценили. Заговорщикам и в голову не приходило, что он станет сопротивляться. Они-то были уверены, что все демократы — трусы, хлюпики и позаботятся только о том, как спасти свою шкуру.

А руководителям ГКЧП не хотелось начинать дело с арестов. Они и в себе не были уверены, и надеялись сохранить

хорошие отношения с Западом, показать всему миру, что все делается по закону. Поэтому и провели знаменитую пресс-конференцию, на которой предстали перед всем миром в самом дурацком свете...

В два часа дня началось заседание Совета министров России. Первый заместитель главы правительства Олег Лобов вместе с двадцатью заместителями министров вылетел в родной Свердловск, где они расположились в специальном бункере, оборудованном всеми видами связи. Если бы в Москве правительство было арестовано, они стали бы действовать от его имени. Олег Лобов выступил перед депутатами областного совета, которые безоговорочно поддержали Ельцина.

Министр иностранных дел Андрей Козырев вылетел во Францию, чтобы мобилизовать мировое мнение на поддержку российского правительства.

Анатолий Собчак улетел к себе в Ленинград и сразу направился на Дворцовую площадь в штаб Ленинградского военного округа. В кабинете командующего округом генерала Самсонова заседали члены городского ГКЧП. Среди них был первый секретарь обкома Борис Гидаспов.

Собчак «потребовал от собравшихся немедленно разойтись, так как в городе все спокойно, и нет никаких причин для введения чрезвычайного положения. Я напомнил собравшимся конституционные положения о порядке введения чрезвычайного положения... Это означает, что любой, кто выполняет требования незаконно созданного ГКЧП, сам нарушает закон и становится преступником».

Все разошлись, а Собчак остался беседовать с генералом Самсоновым:

«Я поинтересовался, есть ли у него письменный приказ возглавить в Петербурге ГКЧП и ввести чрезвычайное положение в городе. Когда выяснилось, что такого приказа нет, я напомнил ему о событиях 9 апреля 1989 года в Тбилиси (в то время генерал Самсонов служил в Тбилиси начальником штаба Закавказского военного округа), где была аналогичная ситуация с отсутствием письменного приказа. В итоге виновными оказались военные...

Наш разговор закончился тем, что генерал дал слово не вводить войска в город, если не произойдут какие-либо чрезвычайные события, а я пообещал обеспечить в городе спокойствие и безопасность...

В конце концов, генерал Самсонов сдержал слово. Хотя, как он потом мне рассказывал, из Москвы беспрестанно звонили и требовали ввода в город войск. За одну эту ночь генерал Самсонов стал седым, но на сторону путчистов не перешел».

ПУТЧИСТЫ — ВНЕ ЗАКОНА!

Белый дом был окружен танками Таманской дивизии и бронемашинами Тульской воздушно-десантной дивизии. Собравшиеся там депутаты в любую минуту ожидали штурма и ареста. И здание, вероятно, было бы захвачено в конце концов, если бы не действия Ельцина.

Неожиданно для путчистов он не только не попытался с ними поладить и договориться, а, напротив, пошел на обострение. Он объявил путчистов преступниками и потребовал сдаться.

Олег Попцов вспоминает: «В эти трагические дни кабинет Ельцина был очень доступен. Никакой замкнутости, общение было практически постоянным... Он принял единственно правильное решение — действовать, не выжидать, а действовать!.. Россия должна была знать, что президент не сломлен: он в Белом доме, он выполняет свои обязанности. Непреклонность Ельцина, его энергичность озадачили путчистов. Они не успевали дезавуировать его указы».

Написанное на даче в Архангельском обращение Ельцин прочитал прямо с танка, и эти кадры, увиденные страной и всем миром, вошли в историю. Ельцин стал символом законной власти, демократии и мужества. С этой минуты за действиями Ельцина стал следить весь мир.

Увидев Ельцина на танке, люди поняли, что заговорщикам можно и нужно сопротивляться. Если Ельцин их не боится, почему должны бояться другие? И москвичи двинулись к Белому дому. Они провели здесь три дня и три ночи. Уходили. Возвращались. Встречали здесь знакомых и коллег. Они были готовы защитить собой Ельцина, потому что Ельцин защищал их. И другой защиты и надежды не было.

Борис Николаевич был готов сопротивляться до последнего. Он сказал Виктору Ярошенко:

— Молодец архитектор Чечулин, на славу потрудился. Пожалуй, в Москве это единственное здание такого масштаба. Как он все здорово придумал: чтобы обойти все его кабинеты, ко-

ридоры, потребуется не один день. А подземный бункер и выходы из здания — прекрасно созданная система безопасности. Уверен: чем дольше будет продолжаться наша осада, тем громче политический резонанс, а у нас больше шансов мобилизовать народ...

А Ельцин продолжал смело нападать на ГКЧП, в руках которого были армия, МВД и спецслужбы. Он подписывал один указ за другим, которые мгновенно распространялись по стране.

Ельцин своими указами объявил членов ГКЧП уголовными преступниками и объяснил, что исполнение их приказов равносильно соучастию в преступлениях:

«1. Считать объявление комитета антиконституционным и квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся ничем иным как государственным преступлением.

2. Все решения, принимаемые от имени так называемого комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не имеющими силы на территории РСФСР. На территории Российской Федерации действует законно избранная власть в лице президента, Верховного Совета и председателя Совета Министров, всех государственных и местных органов власти и управления РСФСР.

3. Действия должностных лиц, исполняющих решения указанного комитета, подпадают под действие Уголовного кодекса РСФСР и подлежат преследованию по закону».

В тот момент, естественно, никто не собирался исполнять указы Ельцина, но их твердость и откровенность создавали новую реальность. Местные руководители, как минимум, сохраняли нейтралитет и не спешили исполнять указания путчистов. А Ельцин прямо требовал задержать руководителей, переворота:

«Совершив государственный переворот и отстранив насильственным путем от должности Президента СССР — Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР, вице-президент СССР — Янаев Г.И., премьер-министр СССР — Павлов В.С., председатель КГБ СССР — Крючков В.А., министр внутренних дел СССР — Пуго Б.К., министр обороны СССР — Язов Д.Т., председатель крестьянского союза — Стародубцев В.Л., первый заместитель председателя Государственного комитета по обороне —

Бакланов О.Д., президент ассоциации промышленности, строительства и связи — Тизяков А.И. и их сообщники совершили тягчайшее государственное преступление, нарушив статью 62 Конституции СССР, статьи 64, 69, 70, 71-прим, 72 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Изменив народу, Отчизне и Конституции, они поставили себя вне закона.

На основании вышеизложенного постановляю: сотрудникам органов прокуратуры, государственной безопасности, внутренних дел СССР и РСФСР, военнослужащим, осознающим ответственность за судьбы народа и государства, не желающим наступления диктатуры, гражданской войны, кровопролития, дается право действовать на основании Конституции и законов СССР и РСФСР. Как Президент России от имени избравшего меня народа гарантирую вам правовую защиту и моральную поддержку....»

Своим указом Ельцин подчинил себе армейские части, органы МВД и КГБ, расположенные на территории России. Это предоставляло ему формальный повод отдавать им распоряжения.

«1. До созыва очередного Съезда народных депутатов СССР все органы исполнительной власти СССР, включая КГБ СССР, МВД СССР, Министерство обороны СССР, действующие на территории РСФСР, переходят в непосредственное подчинение избранного народом Президента РСФСР.

2. КГБ РСФСР, Министерству внутренних дел РСФСР, Государственному комитету РСФСР по оборонным вопросам временно осуществлять функции соответствующих органов СССР на территории РСФСР.

Все территориальные и иные органы МВД, КГБ, Министерства обороны на территории РСФСР обязаны немедленно исполнять Указы и Распоряжения Президента РСФСР, Совета Министров РСФСР, приказы МВД РСФСР, КГБ РСФСР, Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам...

Должностные лица, выполняющие решения антиконституционного комитета по чрезвычайному положению, отстраняются от выполнения своих обязанностей в соответствии с Конституцией РСФСР. Органам Прокуратуры РСФСР немедленно принимать меры для привлечения указанных лиц к уголовной ответственности».

Отдельным указом Борис Николаевич принял на себя командование Вооруженными Силами Союза ССР на территории РСФСР:

«1. До восстановления в полном объеме деятельности конституционных органов и институтов государственной власти и управления Союза ССР командование Вооруженными Силами СССР на территории РСФСР с 17 часов 00 минут московского времени 20 августа 1991 года принимаю на себя.

2. Всем воинским частям и подразделениям Вооруженных Сил СССР, войскам КГБ СССР, расположенным на территории РСФСР, впредь до особого моего распоряжения оставаться в местах постоянной дислокации.

Выдвинутым частям и подразделениям вернуться в места постоянной дислокации.

3. В связи с участием министра обороны СССР Д.Т. Язова в государственном перевороте все изданные им 18 августа 1991 года приказы и другие решения отменяются.

Впредь приказы и другие решения, подписанные Д.Т. Язовым и В.А. Крючковым, к исполнению не принимать.

4. Командующему Московским военным округом генерал-полковнику Н.В. Калинину возвратить части Московского военного округа в места постоянной дислокации.

5. Высший командный состав, офицеры и другие военнослужащие Вооруженных Сил СССР на территории РСФСР, верные Конституции СССР и военной присяге, принесенной нашей многонациональной Родине, поступают в подчинение Президента РСФСР и исполняют свой воинский долг в соответствии с Конституцией СССР и законами СССР.

6. Мои полномочия командующего Вооруженными Силами СССР на территории РСФСР прекращаются при возвращении к исполнению обязанностей Президента СССР, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР либо при формировании в соответствии с Конституцией СССР и законами СССР нового состава органов управления Вооруженными Силами СССР.

7. Вице-президенту РСФСР А.В. Руцкому подготовить предложения по созданию национальной гвардии РСФСР.

8. Совету Министров РСФСР поставить на вещевое и денежное довольствие части и подразделения Вооруженных Сил СССР, дислоцированные на территории РСФСР...»

ГКЧП, разумеется, в ответ объявил все указы Ельцина и российской власти недействительными. Но слова путчистов не имели значения. Главное, что все пытались понять: решатся ли люди, засевшие в Кремле, действовать, то есть взять штурмом Белый дом, силой подавить главный очаг сопротивления, арестовать Ельцина и его окружение?

Потом участники путча будут говорить, что они ничего, собственно, не сделали. Но в реальности действия ГКЧП были вполне серьезными.

Они отстранили от власти законного президента и посадили его под домашний арест, ввели в столицу войска, приостановили деятельность политических партий и движений, которые мешали «нормализации обстановки», приостановили выпуск всех газет, кроме «Правды», «Известий», «Труда» и «Советской России», и объявили в Москве комендантский час. Увидев, что в столице у них ничего не получается, они просто не решились на военную акцию. Но надо помнить, что эти же люди в том же 1991-м пустили в ход оружие, когда приказали оперативникам КГБ и армейскому спецназу навести порядок в Прибалтике.

19 августа 1991 года ГКЧП подготовил документ, определив судьбу российского руководства:

«1. Для обеспечения порядка и безусловного выполнения решений Государственного Комитета по Чрезвычайному положению предпринять меры по оперативному интернированию лиц из числа руководства РСФСР в соответствии с оформленными Прокуратурой СССР документами...»

В этом списке, который открывался именем Ельцина, были перечислены все люди из его ближайшего окружения. Это распоряжение не было реализовано, потому что, к счастью для страны, путчисты оказались ни на что не годными организаторами.

Ельцин позвонил вице-президенту Геннадию Янаеву, пытаясь понять, насколько решительно он настроен: «Я сказал ему, что их заявление о здоровье Горбачева — ложь. Потребовал медицинского заключения или заявления президента. «Будет заключение», — хрипло ответил он. Мне стало страшно. Только потом я понял: на такой жестокий цинизм они не способны. Не хватит решимости. Это ведь все же обычные, заурядные советские люди, хоть и большие начальники. Нет, не нашлось среди них «гения злодейства».

В свое время люди из окружения Янаева пытались наладить контакты с Ельциным. Об этом расскажет позднее Павел Воща-

нов, тогдашний пресс-секретарь Ельцина: «Ко мне обратилось одно из доверенных лиц союзного вице-президента с предложением: надо организовать конфиденциальную встречу Ельцина и Янаева. Мол, Горбачев ни на что не способен... Страна гибнет... Надо спасать... Доложив об этом и получив отказ, тем же путем довел наше решение до адресата. Ответная реакция не заставила долго ждать: «А вы, ребята, не ошибаетесь? Смотрите, не пришлось бы жалеть. И очень скоро...»

Главная проблема ГКЧП состояла в полной бездарности его руководителей. Штаб заговорщиков действовал чисто по-советски, то есть из рук вон плохо. Если бы в Кремле сидели другие, более решительные люди, они бы ни перед чем не остановились.

Генерал Варенников, находившийся в Киеве и недовольный медлительностью ГКЧП, прислал возмущенную шифротелеграмму: «Взоры всего народа, всех воинов обращены сейчас к Москве. Мы убедительно просим немедленно принять меры по ликвидации группы авантюриста Ельцина Б.Н., здание правительства РСФСР необходимо немедленно надежно блокировать, лишить его водоисточников, электроэнергии, телефонной и радиосвязи...»

Если бы путч возглавляли такие вот люди, история могла бы пойти иным, кровавым путем.

Но и 19-го, и 20 августа исход дела еще был не ясен.

Председатель Верховного Совета Башкирии Муртаза Рахимов вечером 19 августа вернулся в Уфу из Москвы. Он рассказал, что группа представителей автономий побывала у Янаева. На вопрос, что происходит, вице-президент рассказал, что руководители страны обратились к находящемуся на отдыхе Горбачеву: в стране необходимо срочно наводить порядок. И Горбачев будто бы ответил: «У меня есть заместитель Янаев, пусть он и наводит порядок». Представители автономий сказали Янаеву, что поддержат ГКЧП, если реформы пойдут в русле демократии, и категорически откажут ему в поддержке, если возникнет опасность военной диктатуры...

Какой была реакция союзных республик? Парламенты Прибалтийских республик и Молдавии сразу же поддержали Ельцина и активно выступили против ГКЧП. Другие республики исходили из того, что раз их не трогают, то и они ни во что не вмешиваются. Но к исходу второго дня президент Казахстана Назарбаев и глава Украины Кравчук, увидев, что ГКЧП ни на

что не способен, а Ельцин держится, изменили свою позицию и признали ГКЧП антиконституционным органом.

Армения держалась крайне осторожно. Белоруссия скорее готова была поддержать ГКЧП. Среднеазиатские республики просто молчали. Тогдашние руководители Азербайджана и Грузии из ненависти к Горбачеву поддержали ГКЧП.

Внутри самого руководства Верховного Совета России не было единства. 19 августа на экстренном заседании президиума мнения разделились. Оппоненты Ельцина считали происходящее закономерным.

Заместитель председателя Верховного Совета Борис Исаев говорил:

— Сегодня призывать к забастовке равносильно призыву к гражданской войне. В стране ситуация, которая вышла полностью из-под контроля. Хлеб не сдается, народ его прячет, впереди нас ждет голод. Я не против самостоятельности России. Однако Союзный договор взрывает все общество.

Его поддержал Владимир Исаков, председатель Совета Республики:

— Сегодняшняя ситуация — это ответ на тот переворот, который подготавливался 20 августа, я имею в виду подписание Союзного договора. Союзный договор, по моему мнению, антиконституционный. Я считаю преступлением выводить людей на улицы. Члены президиума призывают созвать сессию Верховного Совета 21 августа. Сессия неправомочна решать многие вопросы. Президиум не предлагает созвать полномочный съезд, так как я не уверен, что российский съезд поддержит российского президента, который довел Россию до такой ситуации.

На стороне Ельцина, как обычно в те годы, твердо стоял только Руслан Хасбулатов, исполняющий обязанности председателя Верховного Совета:

— Вы же сами принимали участие в выработке Союзного договора, а теперь он, по-вашему, антиконституционен? Союзный договор — это политическая декларация, на этой основе должна быть сформулирована новая Конституция. Многие возражения Исакова и Исаева повторяют слова путчистов. Какая же должна быть ситуация в стране, чтобы президиум был единодушен, если даже сегодня мы имеем двоих против? Сегодня срочно необходимо обсудить путчистский переворот и собрать сессию Верховного Совета...

«ГОРБАЧЕВ САМ ВИНОВАТ...»

Какой была роль КПСС? К осени 1991 года партия фактически начала распадаться.

Валерий Легостаев, бывший сотрудник Лигачева, вспоминает:

«Некогда оживленные длинные коридоры здания ЦК опустели. Появились признаки небрежности, неаккуратности в работе комендатуры ЦК. В буфетах исчезли ножи, чайные ложки. Что касается продуктов, то они исчезли гораздо раньше.

Гибельным отчаянием повеяло от сообщений о начавшихся в здании хищениях. Срезали, как правило, кнопочные телефонные аппараты в кабинетах сотрудников, пользовавшиеся повышенным спросом на рынке. Случалось несколько раз, что вскрывали служебные сейфы работников. Несмотря на усиленную охрану здания, никто из воров задержан не был».

Но за пределами Москвы все еще существовало двоевластие, шла борьба новой демократически избранной власти и партийных структур.

Анатолий Собчак вспоминал: «Смольный оставался в руках коммунистов, и эти люди обладали реальным влиянием, связями, деньгами, вследствие чего многие вопросы продолжали решаться не в структурах городской власти, избранных населением, не в Мариинском дворце, где была резиденция мэра и Ленсовета, а в Смольном, где продолжали работать областной и городской комитеты партии...»

За месяц до путча, 20 июля, Ельцин выпустил указ «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях». Целью указа было ликвидировать парткомы на предприятиях, контролировавшие администрацию.

Пленум ЦК КПСС назвал указ антидемократическим. Ельцин эти обвинения опроверг:

«Указ направлен на предотвращение возможной политической конфронтации различных партий и общественных движений в трудовых коллективах.

На работе надо работать без политических помех, а вот заявление ЦК КПСС, призывы не подчиняться указу провоцируют конфликтную ситуацию между центром и республикой, между Президентами страны и России. Подписанный указ ограничивает не гражданские права и свободы, а монополию одной партии, а точ-

нее — партократии, на участие в выработке политики государства».

Андрей Грачев, который еще работал в международном отделе ЦК КПСС, пишет, что во время путча на Старой площади царила боязливая тишина. Приехал с дачи секретарь ЦК КПСС Валентин Фалин.

Грачев сказал Фалину:

— Ведь это же авантюра! И что будет с Горбачевым?

Фалин нехотя ответил:

— Он сам виноват. Мы его предупреждали, что он спровоцирует военных, да и партию он уже ни во что не ставил. А авантюра или нет, в ближайшие дни увидим.

СЛУЧАЙНЫЙ ВЫСТРЕЛ

20 августа пять часов шел митинг перед Белым домом. Выступали Ельцин, Руцкой, Александр Яковлев, Шеварднадзе, Геннадий Хазанов.

У Белого дома стояли самые разные люди. Были совсем странные, искавшие приключений, и пьяные, и полууголовники. Но абсолютное большинство составляли люди, которые искренне не хотели поворота назад и были возмущены попыткой решить их судьбу без их участия. Сюда стянулось немало людей с оружием — омоновцы, милиционеры, бывшие афганцы.

В дни событий в здании находилось примерно двести сорок депутатов и с ними две сотни сотрудников аппарата Верховного Совета. Они выступали, писали и раздавали листовки. Их развозили по аэродромам и просили летчиков взять с собой. Депутаты звонили в свои округа и рассказывали, что происходит. Часть депутатов разъехалась по воинским частям — в училище имени Верховного Совета РСФСР, дивизию имени Дзержинского, батальон и полк связи в Сокольниках, в спецназ, стоявший в Теплом Стане.

При этом Ельцин знал, что в любую минуту Белый дом может быть захвачен. Подготовка к штурму Белого дома действительно шла. Заместитель командира «Альфы» Сергей Генералов потом рассказал: «20 августа в 11.00 состоялось совещание у Крючкова. Здесь впервые открытым текстом прозвучала команда: «Захватить Белый дом, интернировать правительство и руководство России»...»

Пятый этаж забаррикадировали. Когда Сергей Филатов шел, его остановил бдительный охранник с пистолетом:

— Стой, кто идет?

Приемная Ельцина была полна людей, некоторые депутаты обзавелись оружием. Филатов встал у окна, ему тут же посоветовали отойти: в окне он прекрасная мишень для снайперов, засевших на крыше гостиницы «Украина».

Вдруг звук выстрела, всех охватил ужас. Неужели началось? Из одной из комнат раздался голос:

— Не волнуйтесь! Это ошибка. Просто один из охранников нечаянно спустил курок автомата.

В шесть вечера по громкой связи Белого дома передали, что ночью возможен штурм Белого дома. Всех женщин попросили покинуть здание.

В зале Совета Национальностей разгорелась дискуссия: что делать безоружным людям — оставаться в здании или выйти к людям. Сергей Филатов сказал, что лучше быть среди защитников Белого дома. Вице-президент Александр Руцкой предупредил, что нельзя делать резких движений и засовывать руки в карманы, потому что охране дано право стрелять без предупреждения. В штабе обороны решили построить пять заграждений, чтобы военная техника не могла подойти к Белому дому: на Калининском проспекте, на мосту, на Кутузовском проспекте и у станций метро «Улица 1905 года» и «Баррикадная».

«В АМЕРИКАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО НЕ ПОЕДУ...»

Ночью в Белом доме возле кабинета президента стоял автоматчик, а сам он в этот момент спал в небольшой комнатке.

«Каждую ночь Ельцин проводил на разных этажах — от третьего до пятого, — вспоминает Александр Коржаков. — С 19-го на 20-е Борис Николаевич спал в кабинете врача — туда поставили кровать, окна кабинета выходили во внутренний двор, поэтому в случае перестрелки не стоило опасаться случайной пули или осколка... На пятом, президентском этаже около каждой двери выстроили целую систему баррикад — мы их называли «полосой препятствий».

Впрочем, если бы штурм состоялся, эти баррикады никого бы не остановили. Захватить Белый дом было не так сложно, мешали люди, которые дежурили возле здания день и ночь. Чтобы до-

браться до Ельцина, их надо было перестрелять — на это ГКЧП не решался.

На соседних крышах обнаружили снайперов, поэтому перенесли выступление Ельцина с балкона Белого дома на другую сторону.

Самой страшной была вторая ночь, с 20 на 21 августа, когда со всех сторон приходили сообщения о готовящемся штурме. Коржаков, думая о том, что предстоит спасать Ельцина, заказал для него в гримерной Театра на Таганке бороду, парик, усы...

Планов эвакуации было несколько. Один — загримировать Ельцина и по подземным коммуникациям выйти в город в районе гостиницы «Украина», где его уже ждала машина.

Второй — доставить его в расположенное по соседству американское посольство. Американцы были готовы принять Ельцина и его окружение — в посольство можно было въехать через задние ворота, которые специально держали открытыми.

Когда начались выстрелы и в Белом доме решили, что штурм начался, Коржаков приказал: «Едем в посольство!» Освободили проход для машины, и Коржаков пошел будить президента. Ельцин спал в одежде и не сразу понял, куда его ведут. Когда уже сели в машину, спросил:

— Подождите, а куда мы едем?

Коржаков удивился:

— Как куда? В американское посольство. Двести метров, и мы там.

— Возвращаемся назад, — твердо заявил Ельцин.

«С точки зрения безопасности этот вариант, конечно, был стопроцентно правильным, — вспоминал потом Ельцин, — а с точки зрения политики — стопроцентно провальным... Это фактически эмиграция в миниатюре. Значит, сам перебрался в безопасное место, а нас всех поставил под пули...»

Он был готов скорее погибнуть, чем струсить и сбежать к американцам. Безошибочный инстинкт не подвел Ельцина.

Охрана увела его вниз в бункер.

Под Белым домом располагался подвал — скорее бомбоубежище с запасом воды и заботливо припасенными противогазами. И бункер, в котором на случай войны устроены были кабинеты председателя Верховного Совета, его заместителя и секретаря Совета. Вентиляция принудительная, надежная.

Лев Суханов:

«Мы спустились в подземные этажи, о которых я даже не подозревал. На каждом шагу встречались вооруженные люди. Мы долго шли лабиринтами коридоров и переходов, пока не оказались в просторном помещении с большими коваными дверями, похожими на створки шлюза. В этом помещении мы увидели нашего президента, там же были вице-мэр Москвы Лужков и мэр Попов. Борис Николаевич был без пиджака, имел рабочий вид...

На экстренный случай рассматривался уход через один из тоннелей, который выходил на пустырь, недалеко от Краснопресненской набережной. По нему уже прошли телохранители Ельцина, выяснили, что делается наверху, и установили постоянное дежурство. Это был наиболее вероятный вариант на случай катастрофы...»

Ночью стали поступать сообщения, что к зданию выдвигаются танки и танкисты отказываются разговаривать с депутатами. В половине второго ночи Сергей Филатов стал звонить президенту Казахстана Назарбаеву. Назарбаев был дома. Его подняли с постели. Филатов сказал ему, что стреляют уже рядом и что он должен вмешаться. Назарбаев подробно расспрашивал его, что происходит и где Ельцин. Обещал связаться с Кремлем. И действительно через некоторое время перезвонил: Янаев дал ему клятвенное обещание, что крови не будет.

Никто Янаеву не поверил. Но к утру стало ясно, что штурма не будет. Сидеть в бункере стало невмоготу, поднялись наверх. 21 августа был день рождения Елены, старшей дочери Бориса Николаевича. Он позвонил ей в пять утра, поздравил, сказал виновато:

— Извини, на этот раз не подарил тебе никакого подарка.

В Ленинграде 20 августа на Дворцовой и Исаакиевской площадях прошла самая большая в истории города манифестация — около миллиона человек. Выступали мэр Ленинграда Собчак, депутат Юрий Болдырев, академик Дмитрий Лихачев... Собчак: «Никогда — ни раньше, ни потом — я не видел таких просветленных, гордых и счастливых лиц».

В Москве 21 августа в Белом доме открылась чрезвычайная сессия Верховного Совета РСФСР. Телохранители продолжали охранять Ельцина даже на сессии. Ребята с автоматами встали лицом к залу, не понимая, что перед ними не толпа, а высший орган власти. Филатов подошел к Коржакову:

— Саша, немедленно уберите ребят. Разве так можно?

Часть охранников ушла, часть встала в стороне, положив оружие на пол.

С докладом выступил Хасбулатов. Ельцин говорил о том, что было несколько попыток государственного переворота. Об одной предупреждал Эдуард Шеварднадзе. Верховный Совет России проголосовал за смещение со своих постов всех руководителей регионов, поддержавших преступную группу ГКЧП.

В последнюю ночь, когда стало ясно, что ГКЧП проиграл, на Садовом кольце, пытаясь помешать движению колонны боевых машин пехоты, погибли трое молодых ребят: Дмитрий Комарь, Илья Кричевский, Владимир Усов.

Олег Попцов, глава Российского радио и телевидения, вспоминает, что, когда стало известно об их гибели, Геннадий Бурбулис позвонил военному коменданту Москвы. Тот равнодушно ответил, что жертв нет и напрасно российское руководство разжигает страсти.

«Я никогда не видел таким Бурбулиса. Он буквально вжался в кресло, как если бы приготовился к прыжку. Рассудочная манера, столь характерная для этого человека, мгновенно пропала, он говорил сквозь стиснутые зубы:

— Послушайте, генерал. Если вы немедленно не прекратите свои преступные действия, мы обещаем вам скверную жизнь. По сравнению с ней военный трибунал покажется вам раем. Погибло три человека. Я вам клянусь, мы достанем вас...»

Троих погибших после провала путча, 24 августа, похоронили со всеми почестями. Прощались с ними на Манежной площади. С Манежной площади траурная церемония направилась к Белому дому. Там выступал Ельцин. Обращаясь к родителям Дмитрия Комаря, Владимира Усова, Ильи Кричевского, он сказал, может быть, лучшие в своей жизни слова:

— Простите меня, что не смог защитить, уберечь ваших детей...

Троим молодым людям Горбачев присвоил звание Героев Советского Союза. Эти звезды их семьям вручил вице-президент России Руцкой, когда СССР уже распался, в мае 1992 года.

ОН ОТКАЗАЛСЯ ОТ ЗОЛОТОЙ ЗВЕЗДЫ

Августовский путч привел к полному крушению лагеря противников реформ. Все то, чего никак не удавалось добиться сторонникам реформ, совершилось в одно мгновение. Ради-

кально переменились настроения в обществе. Противников реформ смело с политической сцены, их сторонники были испуганы и деморализованы. КПСС и партийные структуры были распущены. Партийно-политические органы в армии, на флоте, в КГБ, МВД и железнодорожных войсках были упразднены.

24 августа Горбачев сложил с себя полномочия генерального секретаря ЦК КПСС и предложил ЦК самораспуститься.

До путча казалось, что социалистическая идеология еще сильна. Но кто именно верил в коммунистическую перспективу? Руководители и аппарат многочисленных коммунистических партий, существовавших тогда в стране (КПСС плюс республиканские компартии, а в некоторых республиках их было по две)? Да ведь не только в Прибалтике, но и на юге по инициативе местных компартий (!) из названия республик убиралось определение «социалистическая».

А та скорость, с которой — до Гайдара! — партийные функционеры по всей стране бросились коммерциализировать партийное хозяйство (здания, дома отдыха, гостиницы, машины) и партийные денежки? Поверили, значит, в рынок-то, поняли, что к развитому социализму возврата нет.

Комплекс зданий ЦК и МГК КПСС на Старой площади взял под свой контроль мэр Москвы Гавриил Попов. Он считал это символическим событием. Бурбулис как государственный секретарь подписал документ, разрешающий мэрии занять здание ЦК. Попов договорился с КГБ, что будет снята охрана здания, но чекисты останутся в подземном комплексе, куда входят бомбоубежища, узел связи и пункт управления. Помню, как после путча я пришел на Старую площадь. Там было пустынно — ни одного человека. Двери закрыты, окна успели покрыться пылью. Это было странное зрелище.

Сторонники реформ обрели огромный моральный авторитет, который позволял им действовать смело и решительно.

Даже те, кто еще сомневался, решительно встали на сторону Бориса Ельцина, новой российской власти, увидев в политике Белого дома надежду на нормальную жизнь.

Но путч сокрушил и Горбачева. Он все еще считал себя человеком номер один в стране. А в общественном мнении фигура Ельцина безвозвратно оттеснила Горбачева на второй план. Самое печальное для Михаила Сергеевича состояло в том, что он этого не понял.

Он был поглощен собственными переживаниями и поэтому вновь и вновь во всех деталях рассказывал о том, что происходило с ним и его семьей в Форосе. Он произносил вещи, которые заставляли людей морщиться: о том, что они боялись есть, потому что их могли отравить, о том, что внучку не пускали плавать.

Понять его, конечно, можно: повернись события иначе, и путчисты доказали бы всему миру, что Горбачев физически не способен управлять страной. Способы известны... Но Горбачев не понимал, что в значительной степени и по его вине вся страна оказалась в тяжелейшем положении.

Вернувшись из Фороса, Михаил Сергеевич не видел, что механизмы управления страной разрушились, что республиканская и местная власть жаждет самостоятельности. А союзные республики побежали из Советского Союза, испугавшись, что такой путч — не последний.

Августовские события были одной из причин распада СССР, хотя никто из путчистов этого никогда не признает. 24 августа Верховный Совет Украинской ССР провозгласил «создание самостоятельного украинского государства — Украины». Акт провозглашения независимости начинался словами: «Исходя из смертельной опасности, которая нависла над Украиной в связи с государственным переворотом в СССР 19 августа 1991 года...»

Горбачев все еще ощущал себя полновластным президентом, который всеми руководит и всем раздает оценки. И в первые дни после провала путча совершил несколько непростительных ошибок — не участвовал в митингах, где его ждали, и не нашел слов, которые следовало произнести. Горбачев не понял, что должен первым делом выступить перед защитниками Белого дома.

Пока он был заперт в Форосе, ему сочувствовали, его судьба беспокоила людей. Когда он вернулся и попытался вести себя по-прежнему, он стал многих раздражать.

22 августа, выступая по телевидению, Горбачев сказал:

— Прежде всего я должен отметить выдающуюся роль президента России Бориса Николаевича Ельцина, который встал в центре сопротивления заговору и диктатуре...

Горбачев не сумел по-человечески поблагодарить Ельцина, зато решил присвоить ему звание Героя Советского Союза. Ельцину хватило сообразительности отказаться:

— Народ одержал победу над путчистами. Настоящие герои были на баррикадах.

Золотая Звезда была бы слишком маленькой наградой для Бориса Николаевича. И ему не хотелось принимать ее из рук Горбачева.

ЗАТРАВЛЕННЫЙ ВЗГЛЯД ПРЕЗИДЕНТА

Российский парламент, над зданием которого 22 июня впервые подняли трехцветный флаг, пригласил к себе Горбачева. Организовать встречу Руслан Хасбулатов поручил Сергею Филатову. Тот связался с Бакатиным, который поговорил с Горбачевым. Тот немедленно согласился.

Встретили Горбачева криками «В отставку!». Для многих российских депутатов он был политическим врагом. Теперь они не считали необходимым сдерживаться. На протяжении всего выступления он чувствовал враждебное отношение зала, который кричал и шумел.

Ельцин внимательно наблюдал за ним и воспользовался ситуацией. Он фактически заставил Горбачева одобрить все указы, подписанные в эти дни президентом России.

Горбачев говорил:

— Борис Николаевич утром прислал пакет решений, что вы принимали. Я их все перелистал, и вчера, когда меня спрашивали, законны или незаконны эти указы, я сказал: в такой ситуации, в какой оказалась страна, российское руководство, другого способа и метода действия я не вижу, и все, что делал Верховный Совет, президент и правительство, было продиктовано обстоятельствами и правомерно.

Ельцин поймал его на слове и сказал:

— Я прошу это оформить указом президента страны.

Пока Горбачев продолжал говорить, Ельцин решил судьбу коммунистической партии:

— Товарищи, для разрядки. Разрешите подписать указ о приостановлении деятельности российской компартии.

В зале раздались аплодисменты.

Ельцин на глазах депутатов вывел свою подпись и довольно произнес:

— Указ подписан.

Горбачев попытался возразить:

— Не вся компартия России участвовала в заговоре. Запрещать компартию — это, я вам прямо скажу, будет ошиб-

кой для такого демократичного Верховного Совета и президента.

Ельцина это не смутило.

— Михаил Сергеевич, указ не о запрещении, а о приостановлении деятельности российской компартии до выяснения судебными органами ее причастности ко всем этим событиям. Тем более, что российская компартия до сих пор в министерстве юстиции России не зарегистрирована.

Ельцин подошел к трибуне, на которой стоял Горбачев, и, тыча в него пальцем, заставил его прочитать запись заседания кабинета министров СССР — она свидетельствовала о том, что правительство предало своего президента.

Горбачев в эту минуту выглядел растерянным. Взгляд у него был затравленный. Он пережил величайшее унижение в своей жизни. Горбачев не понимал, что он вернулся в другую страну. Но и депутаты обошлись с ним как с плохим учеником, вызванным к доске.

По мнению Андрея Грачева, последнего пресс-секретаря Горбачева, «руководивший этим политическим развенчанием Горбачева Ельцин торжествующе и мстительно брал реванш за унижение, которому четыре года назад был подвергнут сам на пленуме Московского горкома, снявшем его с должности партийного секретаря».

Грачев спросил потом Михаила Сергеевича, «почему он не ушел, а остался в зале, где его распинала толпа, и сносил оскорбления со стороны людей, не имевших в большинстве своем никакого отношения ни к победе над путчистами, ни к защите демократии.

Он ответил:

— Знаешь, рассуждая по-человечески, по-мужски, надо было хлопнуть дверью и послать их всех... Но когда я вгляделся в их лица, в глаза, где увидел только непримиримость и ненависть, я решил, что не могу оставить их наедине с самими собой».

После встречи в Верховном Совете РСФСР Горбачев прошел в кабинет Ельцина. Ельцин сказал ему:

— У нас уже есть горький опыт, август нас многому научил, поэтому, прошу вас, теперь любые кадровые изменения — только по согласованию со мной.

Ельцин пишет: «Горбачев внимательно посмотрел на меня. Это был взгляд зажатого в угол человека. Но другого выбора у меня не было. От жесткой последовательности моей позиции зависело все».

ГЕНЕРАЛЫ НЕ ПОСТРАДАЛИ

Победа над путчем поставила демократов в положение победившей стороны. Они вдруг оказались властью, но не были готовы принять на себя управление страной, не имея для этого ни механизма власти, ни программы. Они-то готовились к долгой борьбе в роли оппозиции, которая позволила бы им подготовиться к новой роли. Но произошло иначе.

Олег Попцов вспоминает: «Я помню, как обсуждалось, брать ли власть после августовского путча или создать среду мощной оппозиции, в которой со временем могли бы и вызреть управленческие структуры, и сложиться понимание, как надо управлять. Тогда и прозвучала эта знаменитая фраза: народ нам не простит. Дескать, все эти сомнения — глупости. Сейчас есть шанс, нельзя его упускать. Давайте строить демократическую власть...»

Они все-таки были очень наивны.

Помню, что говорила мне тогда Галина Старовойтова:

— Задача демократии сегодня — не допустить, чтобы идеи антикоммунизма совместились с идеей мести. Миллионы рядовых честных коммунистов, равно как и миллионы людей, которые сотрудничали с КГБ, не улетят на Марс, останутся жить среди нас. Надо найти форму сосуществования с ними. Сергей Ковалев во время российского съезда в момент очень острого противостояния сказал мне: «А ведь нам еще придется погибнуть, защищая коммунистов, когда толпа потребует повесить их на фонарях...»

Никакой мести за путч не было. Российская прокуратура, закончив следствие по делу ГКЧП, сообщила о результатах парламенту. Рассказывая депутатам, как происходил государственный переворот, следователь назвал значительное число генеральских имен. В «Матросскую тишину» попали двое — маршал Язов и генерал Варенников. Маршал Ахромеев покончил с собой.

Язов вышел по амнистии. Варенников добился оправдания.

А что произошло с остальными военачальниками, чью роль в августовских событиях изучало следствие?

Никто из них не был наказан!

Генерал Владислав Ачалов, заместитель министра обороны, а до этого командующий воздушно-десантными войсками, как утверждало следствие, готовил штурм Белого дома. Ачалов был народным депутатом РСФСР. Представление прокуратуры о привлечении Ачалова к уголовной ответственности

парламент отверг. Вскоре Ачалов стал военным советником председателя Верховного Совета Руслана Хасбулатова.

Непосредственным исполнителем приказов ГКЧП в Москве стал генерал Николай Калинин, командующий Московским военным округом. Указом Янаева он был назначен комендантом Москвы. По просьбе КГБ подписал чистые бланки ордеров на арест. Он дважды выступал в программе «Время», и его мрачное лицо стало символом нового порядка. После провала путча сдал округ и был назначен начальником Академии бронетанковых войск.

Неудачливый кандидат в президенты России генерал Альберт Макашов, командующий Приволжско-Уральским военным округом, восторженно встретил весть о создании ГКЧП. Получив от маршала Язова сообщение о введении чрезвычайного положения, приказал начать патрулирование в городах.

Газеты опубликовали отправленную им 20 августа шифротелеграмму в Кремль: «Военный Совет и войска округа обеспокоены нерешительностью по отношению к Ельцину и его окружению. Промедление смерти подобно. Считаем целесообразным ввести чрезвычайное положение в городе Самаре и городе Свердловске». Макашов был освобожден от должности командующего округом и с тех пор украшает трехзвездными генеральскими погонами митинги радикальной оппозиции.

Генерал Иван Третьяк, заместитель министра обороны и командующий войсками противовоздушной обороны страны, запретил принимать и выпускать с крымского аэродрома Бильбек любые самолеты, чтобы отрезать президента Горбачева от внешнего мира. Третьяк был отправлен в отставку.

Генерал Борис Пьянков, командующий Сибирским военным округом, 19 августа отправил в Кремль шифротелеграмму: «Военный Совет округа выражает свое недоумение малоэффективными действиями в отношении руководства Российской республики, продолжающего обман народа, призывающего не выполнять решения ГКЧП. Большинство трудового народа требует решительных действий. Военный Совет поддерживает требования трудового народа». После провала путча генерал Пьянков был назначен заместителем министра обороны, а потом заместителем главнокомандующего вооруженными силами СНГ...

Любой российский император разжаловал бы заговорщиков в солдаты. Борис Ельцин поступил с ними как истинный демократ, чего они оценить не могли.

ПРИБАЛТИКУ ОТПУСТИЛИ

2 сентября открылся пятый внеочередной съезд народных депутатов СССР. Президент Горбачев и руководители десяти республик предложили сформировать новые органы управления — Государственный совет (в составе президента СССР и высших должностных лиц союзных республик) и Межреспубликанский экономический комитет — вместо союзного правительства.

Об этом руководители республик договорились накануне ночью — все они хотели избавиться от съезда народных депутатов, который только мешал.

От имени президентов выступил Нурсултан Назарбаев. Он сказал, что руководители республик договорились подписать между всеми желающими договор о Союзе суверенных государств. С идеей федерации было покончено. Всем республикам предлагалось заключить экономический союз и соглашение в области обороны с целью сохранить единые вооруженные силы.

Президенты согласились поддержать просьбу союзных республик принять их в ООН.

Как только Назарбаев договорил, был объявлен перерыв.

Депутаты были ошеломлены, не могли прийти в себя. Через несколько часов заседание возобновилось и пошло довольно гладко. Ельцин поддержал идею экономического союза и сохранения единой армии при сохранении контроля над ядерным оружием в руках центра. Но заметил, что каждая республика может сама решить, в чем она желает участвовать — в федерации, конфедерации или просто в экономическом союзе.

Правда, некоторые депутаты говорили о «предательстве». Тогда Горбачев взял слово и намекнул, что если съезд не хочет прекращать свою работу добром, то его можно просто разогнать.

5 сентября в половине второго дня внеочередной съезд народных депутатов закончил работу. Он утвердил все документы, представленные президентами. Съезд народных депутатов фактически упразднил сам себя и также фактически признал декларации республик о суверенитете. То есть Советский Союз в том виде, в каком он существовал, прекратил свое существование. Государственный совет первым актом признал независимость трех Прибалтийских республик.

ЧЕМ ОН ЗАНИМАЛСЯ В СОЧИ?

После августовского путча Ельцин переселился в резиденцию в Барвихе. Его аппарат переехал из Белого дома в Кремль и разместился в четырнадцатом корпусе Кремля у Спасских ворот. Кабинет Бориса Николаевича находился на четвертом этаже. Горбачев и его команда находились в первом корпусе.

От Ельцина ждали быстрых и энергичных действий.

22 августа Ельцин ввел институт личных представителей президента России в краях и областях. Это была первая попытка создать президентскую вертикаль власти (столь же неудачная, как и многие последующие).

В тот же день Ельцин подписал указ «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР». Этим указом правительству России поручалось принять под свое управление все предприятия союзного подчинения на территории России, правительству поручалось сформировать золотой запас, алмазный и валютный фонды России. Для соблюдения экономических интересов России было решено создать при президенте России Комитет по защите экономических интересов РСФСР. Комитет этот так и не появился.

Ельцин уехал отдыхать в Сочи на дачу «Бочаров ручей». Это место ему давно нравилось. Удобный двухэтажный дом. Парк площадью в сорок гектаров с пальмами и фруктовыми деревьями. Пляж, бассейн с морской водой, теннисный корт. Говорят, что осенью 1991 года здесь распили не одну бутылку шампанского, отмечая победу.

Ельцин уехал на юг и словно исчез. Никто не мог понять, почему он уехал, вместо того чтобы воспользоваться плодами победы. Ходили обычные слухи, что Ельцин не способен методично работать, что он чувствует себя нормально в моменты схваток, а рутинная работа не по нем. Поэтому он отправился на юг, где пьет и гуляет...

Виктор Иваненко, который тогда был председателем КГБ РСФСР, рассказывал мне, что даже он не мог связаться с Ельциным по ВЧ в тот момент, когда это было совершенно необходимо — речь шла о проблемах, уже возникших тогда в Чечне.

А люди не могли понять: почему ничего не происходит? Почему демократы теряют время?

Так что же там, на юге, происходило на самом деле? Я спрашивал об этом Андрея Козырева, бывшего министра иностранных дел. В те годы он был достаточно близок к президенту.

— Я вместе с другими коллегами предпринимал тогда усилия для того, чтобы вывести его из этого отпуска и побудить действовать решительно, — рассказывал мне Козырев. — Мы понимали, что страна теряет время. Нужны реформы. Момент исторически выгодный, потому что оппозиция подавлена — морально, психологически, и велика была поддержка реформаторских начинаний. Мы понимали, что период этот не будет долгим.

Я не был в тот момент в Сочи, не знаю, что там делалось. Интересно, что и Геннадий Бурбулис, который был самым близким к Ельцину человеком, сам не мог толком объяснить, что с ним происходит. Или не хотел. Но он тоже разделял мнение, что надо действовать. Ну уж если Бурбулис не может выяснить, то я и подавно. Он был гораздо ближе к Ельцину в личном плане...

Наверное, точнее было бы сказать, что сам Ельцин просто не знал, что именно он должен делать. Страна разваливалась. Литва, Латвия, Эстония получили формальную независимость. Грузия, президентом которой был Звиад Гамсахурдиа, ушла де-факто. Другие республики, хотя и не уходили, но демонстрировали нежелание подчиниться Москве. Пытаться сохранить единое государство — значило укреплять власть Горбачева. А вот этого не хотел Ельцин. Горбачев ему только мешал.

Если бы Борис Николаевич был союзным президентом, он бы знал, что делать. А в роли российского лидера — он, может быть, даже неосознанно — решил посмотреть, как будут развиваться события. Хотя, совершенно очевидно, ощущался и элемент растерянности: новое российское руководство, окружение Ельцина просто не знали, что делать.

Я спрашивал Андрея Козырева, насколько верны предположения о том, что он разрушил единое государство только потому, что не мог ужиться с Горбачевым, хоть и ослабшим, но все еще старшим по должности.

— С Горбачевым невозможно было работать, — говорил мне Козырев. — Это был период, когда Ельцин уехал на юг, сидел там длительное время — тихо, и нельзя сказать, что российская группировка, как волки, стала перехватывать власть у союзного руководства. Мы ничего не могли перехватывать, потому что многие этого не хотели, да и не могли без Ельцина...

Как раз был длительный момент, когда российская часть руководства полностью была парализована отсутствием Ельцина. А Горбачев-то присутствовал. Почему же союзное руководство не действовало?

— Это не мы упустили, — говорит Козырев, — а они упустили. Мы включились потом, и нам оставалось только зарегистрировать распад государства.

Горбачев и союзное правительство за эти месяцы ничего не сделали, чтобы спасти положение. У них не было концепции экономических реформ. Между прочим, если бы Ельцин попытался тогда действовать, его бы стали во всем винить. Может быть, этого он хотел избежать — не брать на себя ответственность за перехват власти.

— Он не мог тогда заменить Горбачева, мы не могли подменить союзное правительство, — считает Андрей Козырев. — Единственный выход был отступить назад и дать им возможность действовать. Но они не справились со своей задачей...

Когда Ельцин уехал, у Горбачева возникло обманчивое ощущение, что все встало на свои места. Он продолжал выступать, подписывать указы, принимать решения, которые никого не интересовали. Реальная власть перешла к республиканским лидерам. Они чрезвычайно раздражались, сталкиваясь с активностью Горбачева. Они уже почувствовали вкус власти и не хотели подчиняться Кремлю.

Горбачев пригласил к себе Ивана Степановича Силаева и предложил ему руководить союзным правительством. Силаев стал отказываться. Но Горбачев сказал, что с Ельциным это согласовано. Иван Степанович согласился.

Горбачев пытался вернуть себе прежнее место в обществе, восстановить отношения с демократическими силами. Но было поздно. К нему относились с недоверием. Он пытался самоутвердиться в постоянных встречах с иностранными гостями.

Андрей Грачев вспоминает:

«Отсутствие Ельцина в Москве позволяло избежать протокольной и политической двусмысленности, когда зарубежные гости, путаясь в расписании, наносили визиты поочередно обоим президентам, а протокол с трудом освобождал единственный подходящий для официальных встреч величественный Екатерининский зал...

Причем это отсутствие помогало и Горбачеву, и его зарубежным партнерам закреплять представление о том, что в формулу «высший уровень» вовсе не обязательно включать российского президента, как это было в первые дни и недели после провала путча».

Можно представить себе, как это нравилось окружению Ельцина!

Всем хотелось знать, что намеревается предпринять Борис Ельцин.

«В сентябре, — пишет бывший помощник союзного президента Анатолий Черняев, — все иностранные партнеры спрашивали Горбачева о Ельцине. 5 сентября канцлер Германии Гельмут Коль задал Михаилу Сергеевичу откровенный вопрос:

— Как у тебя с Ельциным?

— Сейчас лучше, намного лучше.

— А он тоже так считает?

— Полагаю, что да.

9 сентября с теми же вопросами появился министр иностранных дел Германии Ганс-Дитрих Геншер:

— Что вы думаете о Ельцине?

— Я думаю, что все постепенно встанет на свои места, суждения становятся все взвешеннее. Исчезают крайности. Борис Николаевич проявляет больше рассудительности. В целом все становится гораздо лучше... Да, и Ельцину потребовался Горбачев...»

А Запад уже стремился к прямым контактам с Ельциным. 26 сентября американский президент Буш прислал Горбачеву письмо:

«Дорогой Михаил! Я хотел, чтобы ты знал, что 25-го я позвонил Борису Ельцину, чтобы справиться о его здоровье... В разговоре он также упомянул о том, как хорошо у вас с ним идет совместная работа».

Западные лидеры получали рекомендации своих специалистов, из которых следовало, что ставка на Горбачева — ошибка, сохранение Советского Союза в прежнем виде невозможно. Американцы предпочли бы по-прежнему иметь дело с Советским Союзом, а не с пятнадцатью новыми государствами, но ни они, ни Горбачев ничего не могли поделать.

ПОСЛЕ ЛЕТАРГИИ

У Горбачева было примерно полтора месяца — Ельцин вернулся из Сочи после отдыха 10 октября. Ситуация в стране стремительно ухудшалась.

Ельцин словно пробудился после летаргии и активно принялся за дело. Он объявил о программе экономических реформ, о шоковой терапии, о повышении цен и приватизации мелких и средних предприятий. Ему уже стало ясно, что союзный центр только мешает. Он предупредил: «Через месяц мы закрываем счета всех союзных министерств, услугами которых не пользуемся».

Союзное правительство полностью зависело от российского. Своих денег у союзной власти уже не было. Министерства и ведомства финансировал Ельцин.

28 октября Ельцин на съезде народных депутатов рассказал, что Россия начинает радикальные экономические реформы и он берет на себя обязанности главы правительства. Президент потребовал для себя чрезвычайных полномочий.

Он говорил, что придется перейти к свободным ценам, предсказывая, что цены станут расти примерно раз в полгода и увеличатся от трех до шести раз:

— Другого выхода не вижу. Мы провалили программу «500 дней» и потеряли два года.

Его беспокоила возможность перехода других республик на свою валюту:

— Украинцы уже переходят на купоны. А если учредят свою валюту, придется принимать встречные меры... С республиками, не подписавшими Союзный договор, с 1 января перейдем на торговлю по мировым ценам, снизим поставки нефти...

Съезд поддержал президента. Ельцин получил право приостанавливать распоряжения и указы союзного президента Горбачева, если они противоречат Конституции и законам России.

По словам Андрея Грачева, Горбачев даже поддержал Ельцина. Прочитав его речь, сказал:

— Главное — он набрался смелости занять позицию ускорения реформ. Это нелегко, и важно, что он решился на это.

В словах Горбачева сквозила едва прикрытая зависть — то ли к способности Ельцина принимать те решения, на которые он сам долгое время не мог отважиться, то ли к той очевидной для него популярности Ельцина, которому общество готово

было позволить делать с собой то, чего не разрешало и не позволяло Горбачеву.

Анатолий Черняев записал в дневник:

«Эти дни наконец-то все-таки решающие. Проснувшийся и проспавшийся, как следует попивший в отпуске Ельцин показал себя в полном объеме. И это похоже на него и следовало ожидать... Только Михаил Сергеевич не ожидал, все думал, что уговорами и хорошим отношением можно, по его любимому выражению, «канализировать» Ельцина в нужное русло.

Доклад Ельцина на съезде РСФСР — это прорыв к новой стране, к новому обществу... Порвав с прошлым, он окружил себя людьми разных мотиваций — карьеристами, наглецами, прохвостами, искренними демократами, новыми хозяйственниками (и старыми тоже, но перестроившимися) — и сумел «употребить» их, нацеливая на беспощадный разрыв с эпохой 17-го года.

Его доклад — это «грудь в крестах или голова в кустах». Но в России обычно так и делались большие дела. Думаю, кончится все-таки первым вариантом...

Он бросил народу надежду... Это признак харизмы, при всей примитивности его как личности... Как личность — он посредственность и серость, но как «вождь» в данной конкретной ситуации — то, что надо...

Когда раньше в Москве не хватало хлеба и молока, люди орали на Горбачева. В эти дни ни того, ни другого совсем почти нет, а люди объединяются вокруг Ельцина».

Горбачев предпринимал отчаянные усилия для того, чтобы сохранить хотя бы остатки союзного государства. Для него это был и единственный шанс остаться в политике и в Кремле. Пытаясь уговорить Ельцина подписать Союзный договор, Михаил Сергеевич шел на любые уступки. Но было уже поздно.

Черняев вспоминает, как иногда Горбачев жаловался: «Поговоришь с Борисом Николаевичем, все вроде нормально, все уладили, условились, определились. А уйдет он к себе, и на другой день, оказывается, все наоборот и ни о чем, получается, не договорились».

Горбачев рассказал Шахназарову о встрече с Ельциным, когда они беседовали очень откровенно:

— Я сказал Борису: «Давай говорить по-мужски. Ты меняешь политику, уходишь от всего, о чем условились. А раз так — теряют смысл и Госсовет, и экономическое сообщество. Я подаю в отставку. Бери вожжи в руки, раз тебе этого хочется, правь в

одиночку. Я в этой кутерьме участвовать не буду. Скажу всем так: вот друзья, лидеры пятнадцати республик, я вас подвел к независимости, теперь, похоже, вам Союз больше не нужен. Что же, живите дальше, как заблагорассудится, а меня увольте».

Ельцин стал горячо доказывать, что политики менять не собирается, верен обязательству, слово у него твердое... Он по всем пунктам отступил, обещал действовать согласованно.

Горбачев был уверен, что победил, сумел переубедить Ельцина. Но тот оставался при своем мнении. Михаил Сергеевич грешил на окружение Ельцина:

— Когда с ним встречаешься один на один, почти обо всем можно договориться. Правда, это может рассыпаться, как только он выйдет из комнаты и подпадет под влияние своего окружения.

Горбачев ошибался. Дело было в другом.

Михаил Сергеевич пускал в ход все свое ораторское искусство. Ельцину трудновато было соревноваться с быстрым на язык Горбачевым, он не так легко находил аргументы в споре. И он никак не мог найти верный тон во взаимоотношениях. Он вроде бы уже и сильнее Горбачева, но вместе с тем формально тот выше. На общих совещаниях Ельцин часто молчал. Это позволяло Горбачеву единолично пользоваться ролью лидера.

Но Ельцин конечно же решил избавиться от Горбачева, но только не хотел говорить об этом в глаза.

25 ноября на заседании Госсовета Горбачев предполагал парафировать Союзный договор. Ельцин отказался это сделать, объяснив, что нужно не конфедеративное государство, а конфедерация государств. Иначе Верховный Совет России документ не ратифицирует. «Но тогда это уже не единое государство», — возразил Горбачев.

Борис Ельцин ответил очень просто: без Украины Союза в любом случае не будет. Она ведь может принять решение, которое сразу развалит Союз. Ей достаточно для этого обзавестись своей валютой.

Разумеется, была альтернатива. Горбачев предлагал подписать Союзный договор и сразу провести выборы президента единого государства. Ельцин бы без труда победил на этих выборах. Но он не хотел становиться вторым Горбачевым и каждый день уговаривать непокорные республики.

Геннадий Бурбулис объяснил горбачевским помощникам, что республики уже все равно разбежались, поэтому надо спасать

Россию, укреплять ее независимость, отделяясь от остальных. Когда Россия встанет на ноги, тогда другие республики к ней потянутся...

Если для того, чтобы выставить Горбачева из Кремля, нужно было окончательно разрушить Советский Союз, Ельцин бы на это пошел. И дело не только в мести. Хотя Борис Николаевич очевидно ненавидел Михаила Сергеевича за то, что с ним сделали в 1987 году, главное состояло в том, что Горбачев просто мешал ему получить всю полноту власти. В Кремле есть место только для одного президента. Горбачев стал лишним.

Известный историк Михаил Геллер сформулировал это столкновение так: «Созданный Горбачевым, он взбунтовался против своего творца. Как Голем — чудовище Франкенштейна. Взбунтовался, но остался тем, кем был — партийным функционером, который покинул свою родную мать — партию, найдя вместо нее опору в массах».

Андрей Грачев, с близкого расстояния наблюдавший за схватками двух лидеров, считает, что «натура брала верх над разумом и даже расчетом. Обычно предельно сдержанный и способный быть при необходимости иезуитски обходительным и неотразимым, Горбачев срывался и допускал грубейшие просчеты, имея дело с Ельциным. Он не захотел предложить ему союз против консерваторов и националистов внутри партии, выставил против него кандидатом в спикеры российского парламента Полозкова. После же выигранных Ельциным выборов не смог заставить себя поздравить его с победой...

Так же вел себя и Ельцин, угрюмо и ревниво ждавший своего часа, не столько для того, чтобы предложить России альтернативный путь реформ, сколько для сведения, наконец, счетов с обидчиками — сначала с Лигачевым, потом с Горбачевым, заявившим, что «больше не пустит его в политику».

По мнению Георгия Шахназарова, «Горбачев был невысокого мнения о своем сопернике и поплатился за это...

Власть и идеология не любят конкурентов. Великие правители умышленно или побуждаемые инстинктом самосохранения вытаптывают почву вокруг себя, дабы никто не подобрался к ним врасплох. Вступая в противоборство со своими антагонистами, они смотрят на последних свысока, не как на достойных, равных соперников, а как на бандитов и злоумышленников».

Покойный писатель Анатолий Рыбаков в своих мемуарах писал, что Горбачев столкнулся с «технарем, в котором сохранил-

ся мальчишеский рабоче-крестьянский гонор, ревность к «шибко грамотному» удачливому говоруну.

Как и Горбачев, Ельцин сделал карьеру в аппарате, но отличался от Горбачева решительным характером. Обоим партия служила лишь лестницей для подъема вверх — единственная такая лестница в стране. Взобравшись по ней на крышу, Горбачев занял место под солнцем, нежился в лучах славы, но лестницу не трогал, вдруг пригодится. Ельцин, взобравшись на крышу, оттолкнул лестницу ногой, она упала и разлетелась на мелкие кусочки. Остался Горбачев один на один с Ельциным.

В юности Михаил Сергеевич участвовал в художественной самодеятельности, выступал со сцены, декламировал, Борис Николаевич занимался спортом — волейбол, лыжи, бокс. Бывший технарь одолел бывшего гуманитария...

У Горбачева был еще один недостаток. Главный. Он не имел качеств лидера...»

«НИЧЕГО, ВЫ ОСТАВАЙТЕСЬ...»

1 декабря на Украине состоялся референдум. 90 процентов опрошенных высказались за независимость Украины. Российское правительство заявило, что признает независимость Украины.

Президентом Украины избрали Леонида Кравчука, которому надоело подчиняться Москве. Ему хотелось быть главой независимого государства. Кравчук заявил, что не станет участвовать в ново-огаревском процессе.

2 декабря вечером, пишет Черняев, Горбачев разговаривал с Ельциным:

«Тот куда-то ехал. Был уже пьян. Михаил Сергеевич уговаривал его встретиться вдвоем, втроем — плюс Кравчук, вчетвером — плюс Назарбаев. Тот пьяно не соглашался: «Все равно ничего не выйдет. Украина независимая.

— А ты, Россия? — возражал Михаил Сергеевич.

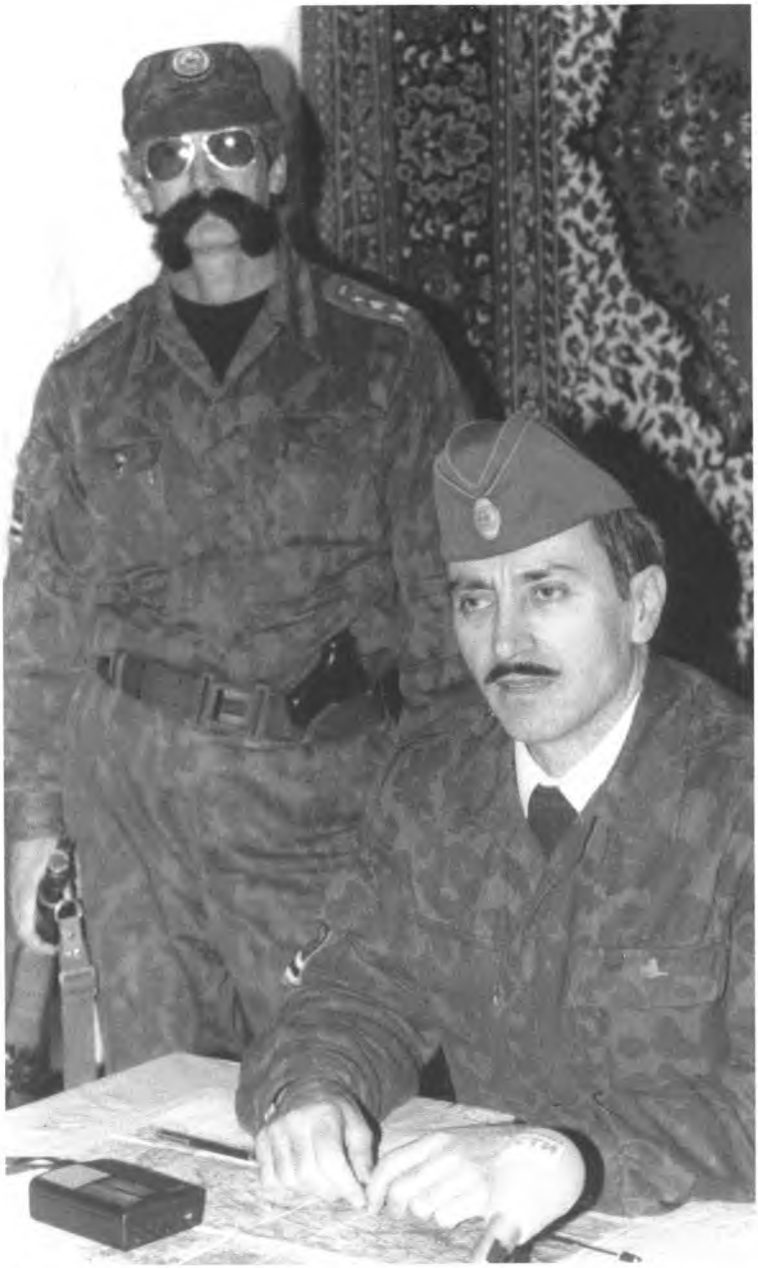
— Я что! Я — Россия. Обойдемся. Ничего не выйдет с Союзом... Вот если вернуться к идее четверного союза: Россия плюс Украина плюс Белоруссия плюс Казахстан?

— А мне где там место? Если так, я ухожу. Не буду болтаться, как говно в проруби. Я — не за себя. Но пойми: без Союза все провалитесь и погубите все реформы.

Борис Николаевич Ельцин

Валентин Юмашев

Егор Гайдар



Джохар Дудаев. Сзади — бывший генпрокурор Чечни Магомед Джаниев

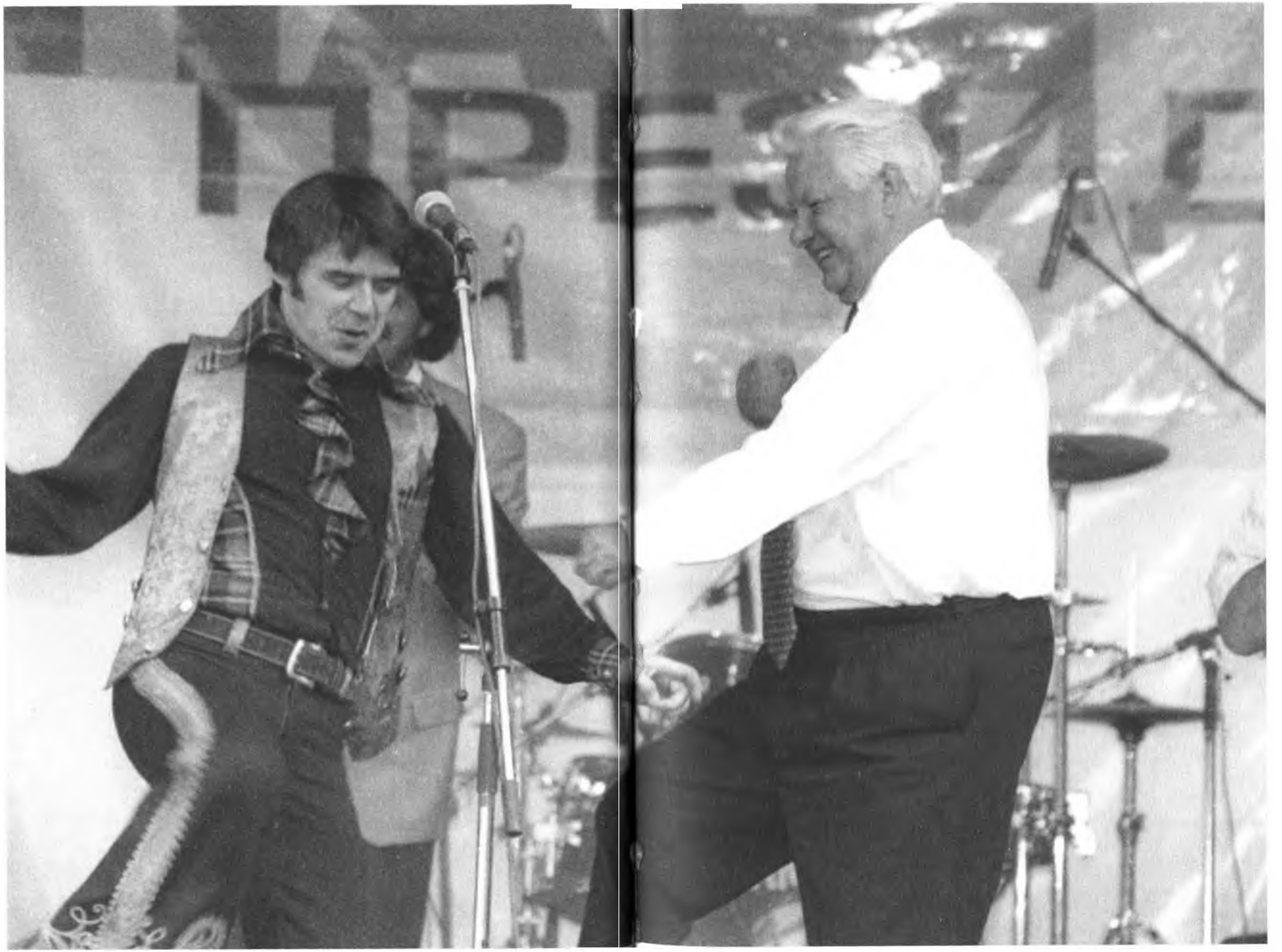
Геннадий Бурбулис

Егор Лигачев

Борис Николаевич принимает присягу. 1991 г.

Резиденция президента «Бочаров ручей»

Загородная резиденция президента «Русь»



Рок-н-ролл для президента. На концерте звезд российской эстрады в Ростове-на-Дону. 1996 г.

Путчисты разгромлены. Коржаков и Ельцин. 1991 г.

Борис Ельцин выступает с брони танка. 1991 г.

Последнее обращение к россиянам. 1999 г.

Встреча Ельцина с Путиным. 2000 г.

Борис Ельцин покидает рабочий кабинет в Кремле. 2000 г.

Борис Николаевич Ельцин

— Да как же без вас, Михаил Сергеевич! — пьяно «уговаривал» Ельцин.

— Ну а что же я, где... если нет Союза?

— Ничего... Вы оставайтесь, — милостиво соглашался Ельцин...»

Ельцин предупредил Горбачева, что едет в Минск разговаривать с Шушкевичем и что неплохо бы заодно поговорить с Кравчуком, узнать, что он думает о будущем Советского Союза.

Перед отъездом Ельцин сказал журналистам, что «надо будет все сделать, чтобы убедить украинцев присоединиться к Союзному договору». Правда, он сделал оговорку, которая в тот день не привлекла особого внимания: «Если этого не получится, надо будет подумать о других вариантах».

Министр иностранных дел России Андрей Козырев ездил в Беловежскую пущу вместе с Борисом Ельциным.

Я спросил его:

— То, что произошло в Беловежской пуще, — это была импровизация или хорошо продуманная заготовка?

— К тому моменту было абсолютно ясно, что Советский Союз не сохранится как единое государство. В сентябре были все возможности его сохранить. В октябре еще была возможность сохранить единое государство. За три-четыре месяца эта возможность утеряна.

Механизм реализации, по существу, сложился в Беловежской пуще. Не думаю, что кто-то имел в портфеле готовый вариант, который потом и реализовался. У нас у всех было несколько вариантов. Было много кубиков, которые потом складывали. Но еще утром этого дня никто не знал, что сложится именно так, закончится именно так.

Для меня вопрос был один: не будет ли это повторением югославского варианта? Ведь рядом с нами распалось федеративное государство, но оно распалось в крови. Это была главная задача — избежать повторения трагических событий. Меня, например, югославский сценарий просто по ночам преследовал. Их судьба чрезвычайно близка к нашей. Мы стояли на краю той же пропасти. Чуть шаг в сторону — и...

Главная заслуга Ельцина — избежали повторения этой драмы, распад Советского Союза произошел в цивилизованной форме, мирно. Избежали войны и заложили идею сотрудничества на этом пространстве в форме СНГ.

О том же позднее скажет Строуб Тэлбот, заместитель государственного секретаря Соединенных Штатов: «Я часто думаю о том, каким бедствием был бы распад Советского Союза по югославскому образцу — представьте, что балканские войны распространились на территорию одиннадцати часовых поясов с тридцатью тысячами ядерных боеголовок. Вот почему я считаю, что ваш народ и народы соседних с вами стран заслужили глубокую благодарность всего остального мира за то, как прекратил свое существование Советский Союз».

Белоруссия, вспоминает Козырев, больше других должна была стремиться к сохранению Союза. Но и здесь были очевидны настроения в пользу независимости и полного суверенитета. Из Минска российскую делегацию повезли в Беловежскую пущу. Ельцин оказался там вечером. Кравчук приехал раньше и отправился на охоту. Он старался держаться в стороне.

НОЧНЫЕ БОДРСТВОВАНИЯ В ПУЩЕ

Когда три лидера встретились, они еще не знали, чем закончится встреча. Но все оказалось просто. Когда они начали разговор, Кравчук сказал, что Украина Союзный договор не подпишет. Если бы он подписал, подписал бы и Ельцин.

«Кравчук приехал весь напряженный, — вспоминает Андрей Козырев. — Он ожидал, что Ельцин будет угрожать, выдвинет какой-то силовой ультиматум с требованием подчиниться Москве. В таком случае сама идея трехсторонних переговоров потерпела бы крах и дело кончилось бы разрывом между Москвой и Киевом... За этим маячили хаотический распад Союза, рост взаимного недоверия, а может быть, даже и ненависти.

Мы приехали с вариантом сообщества или союза демократических республик... Украинцы долго не раскрывали своих намерений, так же, впрочем, как и белорусы».

Российская делегация появилась в Беловежской пуще во второй половине дня, сразу сели ужинать. Ельцин и Бурбулис завели разговор о том, что, как бы ни развивались дальше события, три славянские республики должны держаться вместе...

Украинские делегаты в кулуарах подошли к Гайдару, Шахраю и Козыреву: ребята, с чем вы приехали? Если собираетесь давить в пользу Союза, то Кравчук уедет, потому что Верховный Совет Украины требует независимости. Разумнее идти по пути

объединения независимых государств, но без подчинения единому центру.

Ельцин предложил поручить экспертам за ночь разработать идею такого союза братских стран.

Гайдар, Шахрай и Козырев уединились в отведенном для российской делегации особняке и начали думать над основными элементами возможного проекта соглашения. В основу легли некоторые принципы Европейского сообщества, последние варианты Союзного договора, обсуждавшиеся в Ново-Огарево.

Ночью и возник главный вопрос: как три союзные республики могут заключить договор без участия других республик?

Выход нашел Сергей Шахрай. «Именно ему, — вспоминает Андрей Козырев, — принадлежит следующий аргумент: СССР создавался в 1918—1921 годах четырьмя независимыми государствами — РСФСР, Украиной, Белоруссией и Закавказской Федерацией. Поскольку ЗСФСР перестала существовать, остались три субъекта, некогда образовавшие Союз, причем их право на самоопределение неизменно сохранялось и в вариантах союзных договоров, и в Конституции СССР.

Таким образом, с чисто юридической точки зрения в Беловежской пуще собрались полноправные руководители трех полноправных же субъектов объединения, называвшегося СССР. Поэтому они были вправе принять решение о расторжении связывавших их до сих пор уз».

Для Гайдара и Козырева идеи Шахрая стали неожиданными, но всем понравились. К российской делегации присоединились белорусы. Украинцы, пока шла работа, прогуливались на улице. Они сели за стол, когда работа уже шла к концу.

Утром проект документа представили президентам и премьерам. Рядом с Ельциным сидел Бурбулис, позднее к ним присоединился Гайдар.

Президентам понравилась формула: Содружество Независимых Государств. Им очень дорого было слово «независимых», хотя в таком документе оно и не имело смысла.

8 декабря Ельцин, Кравчук и Шушкевич подписали Минское (Беловежское) соглашение об образовании СНГ, в котором говорится, что «Советский Союз прекращает свое существование».

Горбачев остался без государства.

— Как выглядел Борис Николаевич после подписания документов в Беловежской пуще? — спросил я у Козырева.

— После подписания были речи, было, как положено, шампанское. Говорили, что сохранить Союз не удалось, но главное, мы остались вместе, образовали содружество. Все были удовлетворены. Рассказывают нелепую историю, будто американскому президенту Бушу звонили советоваться, можно это делать или нельзя. Его потом ставили в известность о том, что произошло. Бушу обязательно нужно было позвонить. Я, как профессионал, и тогда это советовал, и сейчас считаю, что это было правильно. Хотя бы в силу ядерного параметра наших отношений мы обязаны друг друга информировать о подобных ситуациях. Это проявление ответственности в политике — объяснить логику происходящего, успокоить, что ядерная кнопка под контролем.

— Горбачев обиделся, что не ему позвонили первому.

— Напрасно он обиделся. С ним попытались связаться первым, но не получилось. Это абсолютно точно.

«А МЕНЯ НЕ АРЕСТУЮТ?..»

Ельцин позвонил министру обороны маршалу Евгению Шапошникову, информировал его и сказал, что принято решение назначить его главнокомандующим объединенными вооруженными силами СНГ. Шапошников назначение принял.

До Горбачева быстро дошло, что собравшиеся в Беловежской пуще звонят министру обороны Шапошникову и министру внутренних дел Виктору Баранникову, дабы убедиться в их лояльности. Затем позвонили президенту США Бушу. И только потом Шушкевич соединился с Горбачевым. Тот попросил передать трубку Ельцину и выговорил ему:

— То, что вы сделали за моей спиной, согласовав с президентом Соединенных Штатов, — это позор, стыдобища.

В этот момент президент Казахстана Нурсултан Назарбаев летел в Москву. Связались с ним, когда он уже был в правительственном аэропорту Внуково. Ельцин по телефону прочитал ему подписанные в Пуще документы, пригласил Казахстан поставить свою подпись.

— Я поддерживаю идею создания СНГ, — сказал Назарбаев. — Ждите меня, скоро к вам вылечу.

Но не прилетел.

Назарбаев не спешил присоединиться к тройственному соглашению — не потому, что обиделся: почему не позвали? Он

хотел посмотреть: что из этого выйдет? Какой будет реакция? Отпугивало и то, что это было соглашение только славянских республик.

После Беловежской пущи ни Шушкевич, ни Кравчук не захотели встречаться с Горбачевым. Пришел Ельцин. Горбачев рассказывал Андрею Грачеву:

— Ельцин перезвонил и сказал, что опасается за свою безопасность. Боится, что его здесь арестуют. Я ему сказал: «Ты что, с ума сошел?» Он говорит: «Может, не я, а кто-то еще».

Когда Ельцин в полдень пришел к Горбачеву, там уже сидел Назарбаев. Ельцин остался недоволен: он рассчитывал поговорить с глазу на глаз, а Горбачев с Назарбаевым устроили ему допрос. Разговор был тяжелым. Горбачев говорил Ельцину:

— Вы встретились в лесу и «закрыли» Советский Союз. Речь идет о своего рода политическом перевороте, совершенном за спиной Верховных Советов республик.

В половине пятого Горбачев созвал своих помощников и советников. Пересказал свою беседу с Ельциным:

«Ельцин оправдывался, что он предлагал несколько вариантов, а Кравчук все их отклонил — и заключение договора на четыре-пять лет, и ассоциированное членство Украины, и славянский союз... Начал упрекать меня за то, что трижды в день переговариваюсь с Руцким. Я возразил, что это обычный разговор у нас внутри. А вот президент России несколько раз в день переговаривается с американским президентом.

Он вспылил: «Будете так продолжать, я ухожу!» От государства не уйдешь, сказал я ему. Вы собрались втроем. А кто вам дал такие полномочия? Госсовет не поручал, Верховный Совет не поручал, народ окончательно запутали. «Ничего, — сказал Ельцин, — Содружество будет работать. А вот вы всем недовольны...»

10 декабря в половине шестого вечера Горбачев вновь собрал свое окружение. Он получил распоряжение о переходе Управления правительственной связи под юрисдикцию России.

Президент СССР сказал:

— Со мной об этом ни слова. И вот пришло мне в голову: может быть, действительно мы теперь встали на пути какой-то неумолимой тенденции, мешаем хоть в такой форме стабилизировать положение?

И все же Горбачев сражался до последнего.

10 декабря появилось его заявление:

«Судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик. Вопрос этот должен решаться только конституционным путем с участием всех суверенных государств и с учетом воли их народов.

Неправомерно и опасно также заявление о прекращении действия общесоюзных правовых норм, что может лишь усилить хаос и анархию в обществе. Вызывает недоумение скоропалительность появления документа. Он не был обсужден ни населением, ни Верховными Советами республик, от имени которых подписан...»

Но заявление Горбачева едва ли было вообще кем-то замечено.

12 декабря после выступления Ельцина Верховный Совет России утвердил Беловежское соглашение. «Против» было только шесть депутатов, коммунисты голосовали «за». Горбачев утверждал потом, что по просьбе Хасбулатова Геннадий Зюганов уговаривал коммунистов поддержать соглашение.

Депутат-коммунист Виталий Севастьянов говорил на сессии: «Слабый документ, несомненно. И тем не менее, мы должны его, наверное, сегодня принимать... Мы должны в проект постановления вписать несомненное обязательство решить этот вопрос конституционным путем. Вопрос главный — ликвидация Союза. Мы должны потребовать созыва съезда народных депутатов РСФСР для рассмотрения этого вопроса. На этом я хотел бы рассмотрение этого вопроса и закончить, но есть позитивный момент. Слава Богу, эпоха Горбачева на этом закончилась».

Когда парламенты России, Украины и Белоруссии ратифицировали Беловежское соглашение, Советский Союз перестал существовать. Депутатам Верховного Совета СССР объяснили, что заседаний больше не будет.

Государственный секретарь РСФСР Геннадий Бурбулис доказывал, что Россия — единственная республика, которая могла бы и должна стать правопреемником Союза и всех его структур.

И эта идея была принята мировым сообществом.

24 декабря Россия получила место в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций. Над российскими посольствами по всему миру взвился трехцветный флаг. Советские

послы были признаны послами России без повторного вручения верительных грамот.

Какой была реакция военных на распад Советского Союза? Потом многие из них называли это предательством, почему же в декабре 1991 года они ничего не попытались предпринять?

Я спросил генерала армии Андрея Николаева, который потом станет первым заместителем начальника Генерального штаба вооруженных сил России:

— Какими были настроения военных в 1991 году? Могла армия поднять восстание против того, что происходило?

— Я думаю, что это был абсолютный миф. Я командовал тогда армией на Украине — даже не было такой темы для обсуждений.

— А если бы нашелся такой генерал, который бы воскликнул: «Нет, мы этого не допустим!» — вы бы присоединились к нему?

— А чего не надо было допускать?

— Распада СССР.

— Дело в том, что армия оказалась на территории суверенных государств. Моя дивизия располагалась на территории Украины, а уже 24 августа Украина провозгласила свою «незалежность». И все командующие округами и армиями присягнули на верность Украине. Кроме меня. Нас приводили к присяге в здании нынешней Верховной Рады, а я сказал, что уже присягал на верность Украине, когда присягал Советскому Союзу.

Когда большинство генералов и офицеров присягнули на верность Украине, закончились разговоры об СССР.

— Как тогда относились к Ельцину? Он нравился военным?

— Ельцин не женщина, любить — не любить, это не самое корректное отношение. В то время Ельцин как верховный главнокомандующий, как президент страны говорил о том, что мы будем иметь мощные вооруженные силы в рамках СНГ.

При создании СНГ была провозглашена идея единого оборонного пространства, единых вооруженных сил. Имелось в виду сохранить и единую систему охраны государственной границы, и единое гражданство, что давало возможность спокойно перемещаться по территории всех государств.

Словом, были провозглашены неплохие идеи. Значительная часть офицерского состава видела в тот момент в Ельцине человека, который после абсолютно безвольного Горбачева способен будет поднять вооруженные силы.

ДАЧА, МАШИНА И ОХРАНА

Горбачев не торопился уходить в отставку. Он еще надеялся на решения руководителей республик, которые собрались в Алма-Ате 21 декабря.

Но в полдень 21 декабря одиннадцать республиканских лидеров договорились о прекращении существования СССР. В Содружество Независимых Государств вошли все республики, кроме Прибалтики и Грузии.

Лидеры одиннадцати республик приняли обращение к президенту Горбачеву, в котором уведомили его о прекращении существования Советского Союза и института президентства СССР.

В Алма-Ате на пресс-конференции Ельцин говорил о судьбе Горбачева: поступим как в цивилизованном государстве — определим его материальное содержание и положение после отставки. Горбачеву обещали пенсию, дачу, машину и охрану до конца жизни. Пенсия равнялась президентскому окладу — четыре тысячи рублей. Сумма по тем временам вполне приличная. Выделили государственную дачу с обслуживающим персоналом, семнадцать человек охраны и автомобиль «ЗИЛ».

«ЗИЛ» потом отобрали, охрану сократили, а пенсию, которая превратилась в гроши, в 1994-м установили новую.

Ельцин подписал указ о выделении помещения для Фонда социально-экономических и политологических исследований, который станут именовать просто «Горбачев-фонд».

Ельцин не был снисходителен к поверженному сопернику. Он отверг предложение сохранить за бывшим президентом статус неприкосновенности. На пресс-конференции Борис Николаевич жестко сказал:

— Если Горбачев что-то хочет сказать и в чем-то признаться, пусть делает это сейчас.

Когда через восемь лет, в такие же декабрьские дни 1999-го сам Ельцин уйдет в отставку, он позаботится о том, чтобы получить эту самую неприкосновенность и многое другое, чего сам некогда лишил Горбачева.

Начальнику охраны Горбачева на всякий случай сказали, что он поступает в подчинение российского начальства.

23 декабря, в понедельник, состоялась прощальная встреча Горбачева и Ельцина. Журналисты хотели ее снять. Ельцин запретил:

— Ни в коем случае, никаких съемок, иначе встречи не будет.

Беседа шла десять часов. Во время обеда к двум президентам присоединился Александр Яковлев.

24 декабря в зале, где раньше заседало политбюро, Горбачев прощался со своим аппаратом. Пришло человек пятьдесят. Горбачев всех поблагодарил, сказал, что 29 декабря аппарат прекращает свою работу, всех постараются трудоустроить, а сам он будет работать в фонде, который предстоит создать.

25 декабря Горбачев подписал указ о сложении с себя полномочий президента СССР и выступил с телеобращением к народу. Он сказал, что прекращает свою деятельность на посту президента СССР «в силу сложившейся ситуации». После этого над Кремлем спустили государственный флаг СССР и подняли флаг РСФСР.

В этот же день РСФСР стала называться Российской Федерацией (Россией).

Вечером Горбачев должен был передать Ельцину полномочия верховного главнокомандующего. Церемонию намеревались провести в кабинете Горбачева. Но Ельцину не понравилось телеобращение Горбачева. Он предложил провести церемонию на нейтральной территории — в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца, где проходят переговоры с иностранными гостями. Но на это не согласился Горбачев.

Он подписал указ о передаче президенту России полномочий Верховного главнокомандующего и вручил ядерный чемоданчик министру обороны Шапошникову.

25 декабря днем Горбачеву позвонила Раиса Максимовна. Пришли люди из службы охраны и попросили в три дня съехать с дачи в Барвихе-4, потому что туда проведены средства связи, положенные верховному главнокомандующему. Другой такой дачи в Подмосковье нет. Президентскую квартиру на улице Косыгина потребовали освободить немедленно.

Горбачев позвонил начальнику службы охраны Владимиру Редкобородому, который отвечал за безопасность союзного президента и его семьи:

— Перестаньте хамить, ведь это же квартира, там люди живут. Что, мне в прессу сообщить об этом?

Старательность Редкобородого не помогла ему сохранить должность. Став хозяином Кремля, Ельцин сразу же его сменил. Верный Коржаков посоветовал назначить своего старого друга Михаила Барсукова. Тот стал комендантом Кремля и одновременно начальником Главного управления охраны.

Вадим Медведев, который был советником бывшего президента, вспоминает: «27 декабря, в полдень, я позвонил в приемную, чтобы, как обычно, перед тем, как поднять трубку прямой связи с президентом, узнать у ребят в приемной, на месте ли он и кто у него. Ответил незнакомый голос: «Горбачева в кабинете нет и не будет». Я был немало удивлен. И лишь после этого узнал, что в тот день произошло».

Утром Горбачев приехал к себе в кабинет, чтобы дать интервью японским журналистам, но там уже осваивалось российское руководство. В приемной сидели ельцинские секретари. В половине девятого утра Борис Николаевич пришел в президентский кабинет вместе с Хасбулатовым и Бурбулисом, и они даже выпили по рюмке, отметив такое событие. Вещи Горбачева перетащили в комнату охраны.

Анатолий Черняев записал в дневник: «Конечно, нам отвратителен вид этой интеллигентской банды вокруг Ельцина (всякие бурбулисы, козыревы и т. п.), подобно тому как были отвратительны интеллигентным кадетам, эсерам и меньшевикам, не говоря о монархистах, интеллигентные большевики в 1917—1920 годах».

Григорий Явлинский весьма критически оценил экономическую программу Ельцина, сказав: вам хватит ресурсов только до февраля, потом крах, и народ выйдет на улицы.

В окружении Горбачева были полны дурных предчувствий. Эдуард Шеварднадзе тоже предполагал, что все быстро закончится социальным взрывом, бунтом. Александр Яковлев предсказывал, что Ельцин продержится максимум до весны.

Часть четвертая
ИСПОЛНЕНИЕ МЕЧТЫ

Глава двенадцатая
ГАЙДАРОВСКИЕ РЕФОРМЫ

В последних числах декабря 1991 года Борис Николаевич Ельцин унаследовал не только кремлевский кабинет своего поверженного соперника Горбачева, но и весь груз не решенных им проблем. Запас терпения у людей, казалось, был исчерпан. Они больше не желали слышать обещаний. Ельцин должен был действовать, и действовать немедленно.

КОММУНИСТЫ СТРОЯТ КАПИТАЛИЗМ

Известный кинорежиссер Алексей Герман выразился очень забавно: «Мы несчастная страна. Во всех странах капиталисты строят капитализм. А коммунисты должны строить коммунизм. У нас же капитализм строят коммунисты».

Впрочем, главного строителя капитализма в нашей стране уже трудно было назвать коммунистом, несмотря на его высочайший в недавнем прошлом партийный ранг.

Я расспрашивал Андрея Козырева, каким он увидел тогда президента Ельцина.

— Я человек первого впечатления, — говорил Козырев, — и оно меня не обмануло. Во время нашей первой подробной беседы я увидел человека, который борется сам с собой, иногда более успешно, иногда менее успешно. Я увидел человека старой эпохи, пытающегося ворваться в новую жизнь и взять нас

всех с собой. Он очень четко понимал: надо идти вперед, идти по пути реформ.

Я понял, что этому человеку нужно будет очень многое объяснять, причем понятным ему языком. Но мои усилия что-то объяснить зависели от его состояния. Когда он был на подъеме реформаторских настроений, то понимал с полуслова. На обратном движении маятника все казалось значительно сложнее.

— Как вы думаете, что им руководило в тот момент: он думал о том, что должен совершить во имя России? Или же его поступки объяснялись обычными человеческими чувствами: взять власть и рассчитаться с теми, кто его унизил и снял?

— И то и другое. Не надо упрощать. Конечно, Ельцин не Сахаров. Он никогда не был сто- или девяностопроцентным демократом-реформатором. Но и нечестно считать его просто властолюбцем, который оседлал конъюнктурную волну. Тут пятьдесят на пятьдесят.

Безусловно, он понимал, что страна нуждается в демократических преобразованиях, хотя, возможно, и не очень глубоко. Это неправда, что он человек безыдейный. Он человек реформаторских идей.

— Каковы же его взгляды, его представления о мире?

— Он человек с определенными привычками, с определенными стереотипами партийного функционера, мало информированного, находящегося под властью схем. Человек, который всю жизнь проработал в партийно-хозяйственном аппарате. Но он с этим боролся. Он понимал, что надо менять свои взгляды в сторону рынка и демократии.

Были моменты не только подъемов, прорывов, но и спада. Однако реформаторский вектор всегда присутствовал. Все эти годы он жил в борьбе с самим собой и в борьбе с обстоятельствами.

Из первого же разговора я вынес убеждение, что попытка слишком глубоко и детально объяснить ему какие-то вещи неуместна. Ему трудно во все это вникнуть в таком возрасте и при таком жизненном опыте. Кстати, для президента это нормально. Деталями должен заниматься кто-то другой.

— Борьба с собой, о которой вы говорите, — это следствие того, что его скинули, с ним расправились? Или некое стремление к исправлению жизни в нем всегда присутствовало?

— Опять-таки думаю, что было и то и другое. Почему советская система распалась бескровно и неожиданно? Потому что

мы все в глубине души были готовы с ней расстаться. И он это понимал. Я все время вижу в действиях Ельцина две составляющие. Особенности его личной судьбы наложились на стремление к переменам. Он искал выход в новых идеях. А эти идеи оказались демократическими.

Нечестно видеть в нем ловкача, который вовремя нырнул в поток. Ему не все равно было, в каком потоке оказаться.

«Я ОТВЕЧУ ЗА ВСЕ...»

В конце ноября 1991 года на встрече лидеров республик в присутствии Горбачева Борис Ельцин рассказал о намерении начать российскую экономическую реформу. Назвал три составные части: приватизация, либерализация цен и земельная реформа.

— Мы считаем, другого выхода нет. Главное — удержать людей от выхода на улицу, хотя, может быть, не везде это удастся.

Предупредил, что с 16 декабря начнется освобождение цен на продовольствие — это единственный путь вернуть продукты на прилавок. Предположил, что это приведет к снижению уровня жизни на треть. Главы республик просили Ельцина отсрочить начало реформ, чтобы они успели приготовиться к российским переменам.

Горбачев полностью поддержал Ельцина:

— Страховочные шаги нужны, однако затягивать дело тоже нельзя. Делайте что можете, но только, ради Бога, делайте хоть что-нибудь!

В последние месяцы своего президентства, поездив по стране, Горбачев признал, что «люди настроены на перемены, готовы к тому, что за них придется платить снижением жизненного уровня, но при этом требуют от центра — делайте что-нибудь реальное».

Необходимость самых радикальных реформ была ясна всем. Просто потом никто не захотел принимать на себя ответственность за неудачи и тяжкие «побочные последствия». Уровень жизни упал куда больше, чем на треть. Период реформ затянулся на многие годы. И, уходя с поста президента, Ельцин вынужден был просить прощения у сограждан за то, что «многие мечты не сбылись»...

Жизнь становилась все труднее. Магазины окончательно опустели. Правда, появились коммерческие киоски, в которых продавались самые экзотические товары, но по бешеным ценам.

Вместо денежного оборота расцвел бартер, местные власти, областные хозяева запрещали вывозить продовольствие соседям и, естественно, не подчинялись Москве. Это вело к распаду государства.

Наступило время, когда казалось, что страну ждет экономическая катастрофа, и избежать ее невозможно. Боялись, что колхозы и совхозы перестанут продавать продовольствие городам — ничего не стоящие рубли им не нужны, а заставлять больше некому. Что с исчезновением райкомов не удастся обеспечить тепло в домах и уборку улиц. Ждали, что голодные люди выйдут на улицы и устроят погромы.

В худшем положении оказались крупные города, их нечем было снабжать.

Столичные городские власти в декабре 1991 года предупреждали, что в ближайшие дни в столице может разразиться продовольственный кризис. Мэр Москвы Попов раздумывал над тем, что предпринять, если в городе начнется бунт.

Помню, как один из моих коллег почти серьезно говорил, что с наступлением зимы в гости будем ходить с полешком для буржуйки — лучший подарок в холодной Москве.

Во всех городах были введены карточки на мясо, масло, сахар, молоко, табачные изделия. Разумеется, получить все положенное по карточкам не удавалось. Люди безнадежно стояли в очередях. Правительство ничем не могло помочь. Валютные резервы были фактически полностью исчерпаны, и от золотого запаса мало что осталось.

Мэр Ленинграда Анатолий Собчак вспоминал: «В декабре 1991 года мы оказались перед лицом реальной угрозы полного прекращения снабжения Петербурга продуктами питания, а значит, перед угрозой голода. Для ленинградцев, перенесших в войну 900-дневную блокаду и потерявших в те годы более миллиона жителей, умерших от голода, эта ситуация была особенно болезненной».

Республики перестали поставлять продовольствие в Ленинград, поставки по импорту тоже прекратились. В первые дни декабря 1991-го в город не поступило ни одного килограмма мяса. Купить что-то можно было только по талонам. Не хвата-

ло сигарет, курильщики несколько раз перекрывали движение в час пик на Невском проспекте.

Не все в стране реально представляли себе масштабы грядущей катастрофы: деньги печатаются, товаров нет, потребительский рынок разрушен. Доходы в союзный бюджет в четвертом квартале 1991 года перестали поступать, все финансировалось за счет эмиссии.

Единственный выход из положения — стремительно проводить рыночные преобразования. Но эти настроения и ощущения уже забыты. А ведь именно поэтому начались гайдаровские реформы. Они были приняты, потому что страна уже падала в пропасть и надо было ее спасать. Но для того, чтобы начать реформы, требовались политическая воля, программа и команда, готовая ее реализовать.

Политической воли у Ельцина хватило бы на десятерых.

У него было то, что напрочь отсутствовало у Горбачева: способность принимать необходимые, хотя и рискованные решения и умение проводить их в жизнь.

Виктор Ярошенко вспоминает свой разговор с Ельциным:

«Я сказал:

— Борис Николаевич, история строго спросит с нас всех за то, что сделали, и за то, что сделать не успели.

— Делайте то, что должны, — сказал Ельцин, крепко пожимая мне руку. — Я отвечу за все...»

ПОЯВЛЕНИЕ ГАЙДАРА

Когда Ельцин познакомился с молодым экономистом Егором Тимуровичем Гайдаром, он понял, кому может поручить это дело. Удивительным образом эти два очень разных человека сразу нашли друг друга.

В конце октября 1991 года у Гайдара был первый разговор с Ельциным. «Общее впечатление: Ельцин прилично для политика ориентируется в экономике, в целом отдает себе отчет в том, что происходит в стране. Понимает огромный риск, связанный с началом реформ, понимает и то, до какой степени самоубийственны пассивность и выжидание. Кажется, готов взять на себя политическую ответственность за неизбежно тяжелые реформы, хотя знает, что популярности это ему не прибавит».

И Гайдар сразу понравился Ельцину:

«Гайдар прежде всего поразил своей уверенностью... Это просто очень независимый человек с огромным внутренним, непоказным чувством собственного достоинства.

То есть интеллигент, который, в отличие от административного дурака, не будет прятать своих сомнений, своих размышлений, своей слабости, но будет при этом идти до конца в отстаивании своих принципов...

Научная концепция Гайдара совпадала с моей внутренней решимостью пройти болезненный участок пути быстро. Я не мог снова заставлять людей ждать, оттягивать главные события, главные процессы на годы. Раз решились — надо идти!»

Конечно, на Ельцина, как на советского человека, действовала магия знаменитой фамилии. Ему приятно было видеть внука Аркадия Гайдара. Но Борис Николаевич не настолько сентиментальный человек, чтобы подчинять кадровые решения велению души. Он почувствовал в Егоре Тимуровиче то, что другим открылось значительно позже, — твердость и упорство. Ельцин назначил Гайдара вице-премьером и одновременно министром экономики и финансов.

Многие и по сей день недоумевают, почему реформа была доверена мало кому известному Гайдару, а не Григорию Явлинскому, тогда самому популярному в стране экономисту?

Сам Борис Николаевич отвечает на этот вопрос так: «Измученный борьбой за свою программу, он уже приобрел некоторую болезненность реакций. Кроме того, чисто психологически трудно было возвращаться во второй раз к той же самой — пусть и переработанной программе «500 дней» и ее создателям».

Говорят обычно, что стратегический просчет Явлинского состоял в том, что предпочел остаться теоретиком, ни разу не рискнул взять на себя ответственность за реальное дело. Поздней осенью 1991-го Григорий Алексеевич как раз готов был взяться за проведение экономических реформ, желал этого. Но от его услуг отказались.

Годом позже Григорий Алексеевич скажет в газетном интервью с иронической обидой: «Президент лично хотел возглавить экономическую реформу, а следовательно, она предполагалась как быстрая (к лету—осени 1992 года — первое улучшение!) и красивая (зарабатывайте без ограничений; берите столько прав, сколько захотите; сокращайте рабочий день!)».

Ельцин разлюбил Явлинского, когда тот, проработав в правительстве в 1990 году всего три с половиной месяца, подал в

отставку. Его назначили вице-премьером по экономической реформе, но у него не было ни права подписи, ни реальной роли в правительстве. Ельцина заявления об отставке раздражают, и он обычно навсегда расстается с таким человеком: ему нужны работники.

Когда Явлинский ушел, его коллега по российскому правительству вице-премьер Михаил Малей сказал мне:

— Григорий не боец... У Явлинского нет административной жилки, железной воли, которой щедро одарен Анатолий Чубайс.

После августовского путча Явлинский на несколько месяцев оказался вместе с Силаевым в союзном руководстве и пытался управлять Россией. Это тоже едва ли понравилось Ельцину. Он охладел и к Силаеву, и к Явлинскому.

ПОЧЕМУ УШЛО ПЕРВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО?

Первое ельцинское правительство было очень близко к Борису Николаевичу. Ельцин жил вместе со всеми в Архангельском, играл в теннис и приходил, если кто-то из министров приглашал его в гости.

Но кабинет Силаева вовсе не был единой командой. Помню наш разговор с вице-премьером Геннадием Фильшиным. Он был народным депутатом СССР, членом Межрегиональной депутатской группы. Я спросил Фильшина:

— В правительстве Силаева вы чувствовали себя среди единомышленников?

— Если бы так! Российское правительство было сформировано на коалиционной основе. Я считаю это ошибкой. В правительство могут входить члены разных партий, но экономическая программа должна быть одна. В нашем Белом доме, к сожалению, все было по-другому. В значительной степени тон задает лобби агропромышленного комплекса.

— В чем же его сила?

— Во-первых, оно очень многочисленно. Во-вторых, пользуется активной поддержкой компартии РСФСР.

— Мнение компартии имело значение для кабинета Силаева?

— Конечно.

— Значит, наше представление о том, что российское правительство противостоит компартии, неточно?

— Да, такое представление о соотношении сил внутри правительства и вокруг него не соответствует реальности. Я много раз говорил, в том числе и министру Кулику, отвечающему за сельское хозяйство, что пока сохраняются Агропром и его структуры, люди будут голы, босы и голодны.

— Председатель Совета министров поддерживал вас или Кулика?

— Иногда он становился на мою сторону, иногда под влиянием этого лобби принимал, считаю, не вполне верные решения. Скажем, о безбожном повышении закупочных цен... Такие цены развращают производителя. Получая даровые деньги, он вообще перестает работать...

— Почему же Силаев не прислушался к вашим аргументам?

— Это было не экономическое, а политическое решение. Силаев вынужден был считаться с тем, что в сельском хозяйстве у демократов поддержки нет...

ОШИБКИ ПЕРВОГО ЕЛЬЦИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Скандалом закончилась история с чеками «Урожай-90», смысл которой состоял в том, чтобы оздоровить финансовую ситуацию — обеспечить тех, кто зарабатывает, реальными деньгами. Крестьянам выдавали чеки, а деньги они так и не получили. Но из казны деньги исчезли.

Геннадий Фильшин вынужден был покинуть пост заместителя главы правительства России из-за «дела о 140 миллиардах». Вот в чем состоял его замысел:

— Мы столкнулись сразу с двумя проблемами — пустые магазины и нехватка денег. Пока люди весь день проводят в размышлениях, где купить самое необходимое, не приходится ожидать от них полноценной работы. Поэтому я предложил: провести крупномасштабные закупки продовольствия и товаров, чтобы снять социальное напряжение.

— Сколько же нужно было закупить за границей, чтобы накормить гигантскую Россию? И сколько это могло стоить?

— Ввезти надо было не меньше чем на 130—150 миллиардов рублей. Как мы тогда подсчитали, именно такая сумма находится у людей на руках и не обеспечена товарами. И мы хотели сделать так, чтобы вырученные деньги не вывозились, не переводились в доллары, а вкладывались в реальные проекты.

Таким образом выполнялась двойная задача: насыщался рынок и появлялись средства для инвестиций в промышленность.

— А чем же вы собирались расплачиваться с западными фирмами?

— Все проекты, которые мы хотели финансировать таким образом, должны были давать экспортную продукцию. Так что фирмы получали бы либо часть этой продукции, либо часть валютной выручки.

— Почему же такая прекрасная идея закончилась столь плачевно — «делом о 140 миллиардах»?

— Я думаю, в большей мере искали повод для того, чтобы скомпрометировать кабинет Силаева — из-за отношения к Ельцину. И была еще ревность центра: республика становилась независимой во внешнеэкономической деятельности...

Борис Федоров, который был у Силаева министром финансов, вспоминает, что в первом российском кабинете все думали о приватизации государственных дач и поездках за границу. Вокруг правительства терлись сомнительные личности.

Андрей Козырев с ужасом вспоминает о неразберихе и неразборчивости в аппарате Ельцина и Силаева:

«В российских государственных органах в то время собралось немалое число случайных людей, вынесенных на высокие аппаратные должности волной демократических перемен. Это были люди несостоявшиеся как специалисты или проштрафившиеся в союзных органах, а теперь быстро перекрасившиеся в демократов и горящие желанием сделать карьеру, а то и коммерческий «гешефт». Их воинствующая некомпетентность и авантюризм были помножены на личный апломб и самонадеянную готовность браться за любое дело и в первую очередь, конечно, за внешнюю политику.

Отсутствие элементарного порядка, когда считалось нормальным подписать важный внешнеполитический документ на основании невнятного упоминания о каком-то устном согласии главы правительства, для некоторых сотрудников аппарата было не только удобным, но и выгодным. Ведь таким образом подписывались и весьма серьезные экономические и коммерческие документы. И, как мне стало ясно позднее, кое-кто сознательно ловил рыбку в мутной воде...

Помню, в первые дни я ходил под сильным впечатлением этих контрастов и думал о том, что российская демократическая государственность либо грандиозный фарс, обреченный на

провал, либо начало действительно большого дела, но, как часто бывает, рождающегося в атмосфере хаоса».

Но некоторые ключевые положения экономической политики были заложены именно тогда, еще до появления Гайдара и Чубайса. Скажем, необходимость приватизации была ясна с самого начала.

Летом 1991 года в Белом доме я беседовал с ныне покойным Михаилом Малеем, заместителем главы правительства. Бывший директор научно-исследовательского института, он был избран народным депутатом с программой «Демократической России». Мы разговаривали о российской программе приватизации. Напомню, что это было летом 1991-го. О Чубайсе еще никто не знал.

Малей говорил, что приватизация необходима, чтобы создать стимулы для труда:

— Сейчас никто не работает. Строить коммунизм никто не хочет. Укреплять советскую власть? Восстанавливать великую Россию? Тоже немного желающих. Остается один реальный стимул — сделать так, чтобы каждый работал на себя... Трудовым коллективам нужно отдавать предприятия, чтобы они почувствовали себя хозяевами.

— Отдать бесплатно?

— Все предприятия нужно превратить в акционерные общества. Тридцать процентов акций отдать трудовому коллективу бесплатно. Остальные продать ему же с тридцатипроцентной скидкой...

— Получается, люди хотят вложить свои деньги во что-то солидное, в недвижимость, а их лишают такой возможности. Почему?

— Да нет у людей денег, чтобы заводы покупать!

— Не обязательно заводы. Можно выкупить магазин, мелкое производство.

— Разумеется, мы будем продавать ларек или общественный туалет, но не предприятие. Завод, фабрика, ферма должны принадлежать трудовому коллективу...

— Вы же всё не раздадите бесплатно. Что-то придется и выкупать. Но денег у людей, по вашим словам, нет.

— Вот для этого правительство наделяет все население России — от младенцев до стариков — платежными средствами: именными расчетными чеками. Этот чек можно использовать только для участия в приватизации. Размер чека определили просто: 1,2 триллиона российской собственности поделили на

150 миллионов граждан республики, получается 8 тысяч рублей. Одну тысячу мы у каждого условно забрали — на эти чеки будут приобретены акции приватизируемых предприятий...

— Разве чеков по 7 тысяч хватит рабочим, чтобы выкупить завод?

— Для выкупа небольших предприятий хватит. На предприятиях более современных, дорогих расширим круг акционеров...

— Механизм выкупа завода, на котором работаешь, выглядит более или менее понятно. А как, следуя вашему совету, вложить деньги, скажем, в сельское хозяйство?

— Мы создадим специализированные агентства, бюро — государственные и частные, которые будут предлагать выгодные варианты и по поручению граждан закупать для них акции понравившихся предприятий...

— Можно ли будет обратить акции в наличные деньги?

— Законопроект накладывает трехлетний мораторий на продажу акций, которые каждый получит на первой распределительной стадии приватизации. Три года — это время для своеобразного ликбеза, когда граждане России смогут понять, что такое акции, дивиденды и так далее...

Осенью 1991-го первое ельцинское правительство рассыпалось. Нравы были патриархальные. Когда разочарованный Борис Федоров захотел уйти из правительства, он просто отправил заявление Силаеву: «В соответствии с имеющимися у Вас полномочиями прошу принять мою отставку с поста министра финансов РСФСР в связи с несогласием с общей линией Правительства РСФСР».

Удивленный Силаев позвонил Федорову. Тот даже не захотел разговаривать с главой правительства, собрал вещи и ушел. Сам Иван Степанович тоже продержался недолго.

Совету министров России не понравилось, что Межреспубликанский экономический комитет пытается им руководить. Это вылилось в персональное недовольство Силаевым. На закрытом заседании российского правительства многие министры выразили недовольство своим председателем.

Настаивая на отставке Силаева, Михаил Полторанин напомнил Ивану Степановичу, как тот в августе 1991 года покинул Белый дом, сказав Ельцину, что «в такую минуту он должен быть рядом с семьей».

28 сентября Силаев подал в отставку с поста главы правительства.

Силаев рассказывал мне:

— У меня нет оснований роптать. У Бориса Николаевича много положительных качеств. Он подчиненному, пусть самого низкого ранга, никогда не скажет «ты», всегда ведет нормальный человеческий разговор. Я благодарен судьбе, что прошел через эту школу.

Я приехал к нему в Сочи, где он отдыхал, и попросил дать мне отставку. Ельцин сказал мне, что благодарен за совместную работу и будет поддерживать меня в МЭК. Так что расстались мы достойно. На следующий день вышел указ о моем освобождении.

— Но почему все-таки вам пришлось уйти?

— Я руководил Комитетом по оперативному управлению народным хозяйством. Под моим руководством работали Лужков, Явлинский, Вольский. Во время путча были приняты некоторые указы революционного характера, которые потом, когда вернулись к нормальной работе, следовало отменить. И мы обратились к Борису Николаевичу с такой просьбой.

Окружение Ельцина только этого и ждало — меня обвинили в предательстве интересов России, в том, что ими жертвую в угоду другим республикам. Я считал, что не давал оснований для таких выводов, поэтому и ушел.

КОМАНДА ПРЕЗИДЕНТА

Долго казалось, что вокруг Ельцина образовалась «свердловская мафия». Так же, дескать, в свое время Леонид Ильич Брежнев повсюду расставлял людей из Днепропетровска.

В реальности Ельцин привез с собой из Свердловска только двух помощников — Виктора Илюшина, который проработал с ним много лет, и Алексея Царегородцева. Они оба были секретарями райкомов в Свердловске и стали помощниками у Ельцина в Московском горкоме. После отставки Ельцина осенью 1987 года Илюшину подыскали место в аппарате ЦК, Царегородцева отправили в Академию народного хозяйства. Когда Ельцина избрали председателем Верховного Совета России, он пригласил Царегородцева и Илюшина.

Еще несколько выходцев из Свердловска получили в Москве должности. Олег Лобов работал то в правительстве, то в Совете безопасности. Рудольф Пихоя возглавил архивное ве-

домство, а его жена Людмила писала президенту России речи и выступления. Его бывший покровитель из Свердловского горкома Федор Морщаков стал первым управляющим делами президента.

Назначение людей из Свердловска на заметные должности объяснялось первым неудачным опытом Ельцина положиться на москвичей. Почти все, кого он выдвинул в бытность первым секретарем Московского горкома, его не просто предали, а с наслаждением топтали.

Олег Попцов вспоминает: «У Ельцина произошло своеобразное отравление Москвой. Когда я слышу разговоры о свердловской команде, мне представляется все это достаточно несуразным. Человек не в состоянии адаптироваться в чужом мире, не имея перед глазами ни одного знакомого лица. И дело даже не в команде, а в микроатмосфере, наличие которой делает период привыкания менее болезненным... Пережив предательство московского окружения, он надолго сохранил подозрительность к любым выдвиженцам из Москвы».

Но с самым влиятельным в его окружении свердловчанином Ельцин познакомился уже в Москве, на съезде народных депутатов. Скромного преподавателя марксизма-ленинизма из Свердловска Геннадия Эдуардовича Бурбулиса бывший первый секретарь обкома Борис Ельцин раньше просто не знал.

Ельцин не клановый человек. Личной преданности он требовал только от личных помощников, секретарей и охранников. Остальных ценил с точки зрения их способности делать дело.

Ельцин не знал, кого назначить главой правительства вместо Силаева. Академик Юрий Рыжов, очень симпатичный Ельцину, вновь отказался. Юрия Скокова Ельцин постоянно примерял на эту должность, но никак не решался принять окончательное решение — что-то его смущало. Предлагали знаменитого хирурга Святослава Федорова, который завел, можно сказать, образцовое хозяйство и обещал распространить ценный опыт на всю страну. И все же в Белом доме не решились назначить врача премьером.

В одном из разговоров Ельцин предложил возглавить правительство Михаилу Полторанину, понимая, что ставит ближайшего соратника в тяжелейшее положение. Попцов пересказывает слова, сказанные Ельциным Полторанину:

— Остальные, кого ни поставишь, сгорят дотла и уже никогда не вернутся в политику. Ты — другое дело, ты выкрутишься.

Но Полторанин тоже не был назначен. Сам Михаил Никифорович полагает, что вмешался Бурбулис.

Геннадий Эдуардович, который упустил пост вице-президента, не хотел упускать второй шанс. Он стал внушать президенту, что может сформироваться коалиция Полторанина и Руцкого, опасная для самого президента. И Ельцин возложил обязанности главы правительства на себя.

Тут был еще и тактический выигрыш. Главу правительства должен был утвердить совершенно неуправляемый съезд народных депутатов, который мог отвергнуть предложенную кандидатуру. Из-за борьбы на съезде Россия рисковала вовсе остаться без правительства. Предложение поручить в этот переходный период руководство правительством президенту Ельцину стало возможностью избежать голосования.

Авторитет Ельцина был таков, что депутаты предоставили ему все необходимые дополнительные полномочия и дали возможность самому возглавить правительство.

6 ноября 1991 года Ельцин сформировал новое правительство России, которому предстояло провести реформы.

Борис Николаевич рассудил правильно. Даже самые удачные реформы на первом этапе неминуемо приведут к падению уровня жизни. Во всей стране есть только один человек, который способен уговорить людей немного потерпеть. Это он сам.

Есть, впрочем, и другая точка зрения. Возглавив правительство, он полностью поддержал его своим авторитетом. Но он же постепенно и стал мишенью всех атак. Он лишился возможности остаться над схваткой, сохранить позицию верховного арбитра. Летом следующего года Ельцин сделает Гайдара исполняющим обязанности главы правительства и уже в полной мере станет играть роль главы государства, а не исполнительной власти. Но будет поздно. Все равно стрелы полетят в него, все равно это будет ельцинское правительство.

Чем активнее Борис Николаевич поддерживал правительство, тем большую ненависть вызывал у противников реформ кабинет Гайдара. Возможно, иное решение не привело бы к столь сильным антиельцинским настроениям и к такой острой борьбе, которая закончилась кровопролитием в октябре 1993-го.

Геннадий Бурбулис был назначен первым заместителем главы правительства. Он оставался при этом и государственным секретарем России. То есть в те месяцы Бурбулис был самым влиятельным после Ельцина человеком в России.

Олег Попцов вспоминает, что у них был откровенный разговор: «Бурбулис понимал, что отдан на заклание, но, как человек тщеславный, принял вызов».

СЕРЫЙ КАРДИНАЛ

Геннадий Эдуардович Бурбулис — одна из самых интересных и мистических (вокруг него сложилось множество мифов и слухов) фигур в современной российской истории. Примерно два года он был ближайшим соратником Ельцина и сыграл важнейшую роль в современной истории России.

Уралец Бурбулис появился в Москве, когда ему было сорок четыре года. Кандидат философских наук, доцент, он принадлежал к первому поколению политиков, которые стали известны во время выборов в народные депутаты СССР в 1989 году.

Он был избран депутатом Свердловского областного совета, баллотировался на пост председателя облсовета, но не прошел. Бурбулис познакомился с Ельциным до съезда народных депутатов — даже называл точное время знакомства — 5 марта 1989 года. Он сразу оценил политический потенциал и будущее Ельцина и стал его верным соратником, начальником его штаба, руководителем его мозгового центра, собирателем его команды и разработчиком стратегии.

Почти все, что делал Ельцин с середины 1990-го до середины 1992 года, было придумано и реализовано Бурбулисом. А ведь эти годы — ключевые не только в политической биографии Бориса Николаевича. Конечно, считать, что история России пошла по пути, определенному железной волей Бурбулиса, нелепо. Были и более серьезные факторы, определившие ее судьбу, — от политики Горбачева до августовского путча, но на каждом этапе логика действий самого Ельцина определялась стратегией, разработанной Бурбулисом.

И был период, когда Ельцин испытывал к нему безграничное доверие.

Более преданного соратника у Бориса Николаевича не было. Олег Попцов вспоминает, как поздней осенью 1990 года он прилетел к Ельцину, который отдыхал в Кисловодске с женой. С ним были Александр Коржаков и Геннадий Бурбулис: «В этот период Бурбулис был особенно близок к Ельцину. Практически не отходил от него ни на шаг, сопровождая во всех поездках, на

отдыхе, на теннисном корте. Он был и советником, и консультантом, и режиссером дня...»

Когда они гуляли, то впереди шел Ельцин, за ним, отступив на пару шагов, — Бурбулис, а уже дальше Наина Иосифовна и Коржаков.

Олег Попцов: «Он лепил тело власти, мучительно ожидая, что президент заметит и оценит его усилия по достоинству... Тень Ельцина закрыла его, и он терпеливо перемещался в пространстве вместе с этой тенью, ни разу не выступив за ее очертания. Это не просто способность, это дар».

В чем заключалась ценность Бурбулиса для президента?

Ельцин вспоминает: «Разговоры с Геннадием Эдуардовичем меня в тот период вдохновляли на новые идеи. Он умел заглянуть далеко вперед. Дать ближайшим событиям стратегическую, глобальную оценку. Концепция новой политики, новой экономики, нового государственного и жизненного уклада для России вырисовывалась все ярче, яснее, отчетливее».

Бурбулис умел молчать и слушать. Он искал свое место в лабиринте власти. Он был одержим желанием добиться поставленной цели. Это была идея Геннадия Эдуардовича — избрать Ельцина президентом России. Он возглавил избирательный штаб и вполне прилично справился с этой задачей — не имея никакого управленческого опыта.

Бурбулис сохранял хладнокровие в самой сложной ситуации и мог работать круглые сутки, не жалуясь и не прося о помощи.

Но Бурбулис искал в новой системе власти и место для самого себя. Особое. Он придумывал себе должности, которые казались очень странными, скажем, специальный представитель председателя Верховного Совета РСФСР. А смысл был в том, что Геннадий Эдуардович никому не желал подчиняться, кроме Ельцина.

Весной 1991 года Бурбулис, похоже, всерьез рассчитывал, что Ельцин сделает его вице-президентом.

Он вообще представлял себе картину российского политического мироздания таким образом: они с Ельциным образуют руководящее ядро, остальные исполняют то, что Бурбулис придумал, а Ельцин утвердил.

Но Борис Николаевич отказался от этой идеи, трезво рассчитав, что кандидатура малоизвестного в стране Бурбулиса ему голосов на выборах не прибавит.

Когда Ельцин сообщил, что берет себе вице-президентом Руцкого, Бурбулис сказал ему:

— Я сделаю все, чтобы вы стали президентом, но вы совершили большую ошибку.

Бурбулис был уязвлен в самое сердце. Он жаловался Олегу Попцову на поведение Ельцина:

— У меня был с ним разговор. Я долго терпел и не проявлял инициативы. Но так не могло продолжаться вечно. Я работал на него. Я понимал, что это необходимо, и жертвовал всем. Я до сих пор живу в гостинице. Мне неудобно напоминать ему об этом. Он сам должен догадаться, что так не относятся к соратникам. Настало время позаботиться о моем статусе. Нельзя делать все и быть никем. Понимаешь, он счел мою кандидатуру несерьезной. Он сказал, что меня не знает народ. Но я специально не светился, держался в тени...

После выборов Бурбурлис имел моральное право на компенсацию. Ельцин вспоминает: «У меня была возможность еще раз сравнить осторожного, компромиссного Силаева и полного жизненной энергии молодого Бурбулиса. Я ощущал острую необходимость иметь рядом с собой энергичного человека: себе оставить всю тактику и стратегию политической борьбы, а кому-то поручить работу на перспективу, подбор направлений и людей. В тот момент я и сделал ставку на Бурбулиса».

19 июля 1991 года Ельцин назначил Бурбулиса государственным секретарем РСФСР. Никто так и не понял, что это за должность, но она опять же подчеркивала его особое положение. Геннадий Эдуардович твердо намеревался сохранить за собой титул второго человека в России.

Бурбулис создал Государственный совет, считая, что правительство будет заниматься хозяйственными делами, а Госсовет — разработкой стратегии реформ. Но сам же быстро убедился, что эта надстройка никому не нужна. Тогда и родилась мысль — Ельцин номинально возглавляет правительство, а Бурбулис становится первым вице-премьером, то есть фактическим хозяином.

Ельцин вспоминает:

«Авторитет Бурбулиса для гайдаровской команды был в то время абсолютно непререкаемым. Все вопросы с президентом министры решали через Геннадия Эдуардовича, то есть заходили в его кабинет, и, если было нужно, он нажимал кнопку и напрямую говорил со мной...

Установка гайдаровских министров и самого Егора Тимуровича: ваше дело — политическое руководство, а наше дело — экономика. Не вмешивайтесь, дайте нам работать...

Бурбулис, назначенный первым вице-премьером, был в тот момент реальным главой кабинета министров».

Бурбулис привел к Ельцину интеллигенцию, которая покинула Горбачева. Новому президенту помогали люди, которые еще недавно весьма резко отзывались о Ельцине.

Вечером 20 августа 1991 года молодой экономист Егор Гайдар оказался в кабинете Геннадия Бурбулиса. В дни путча и состоялось историческое знакомство.

Осенью 1991-го Бурбулис предложил Гайдару организовать рабочую группу для разработки стратегии и тактики экономических реформ. В эту группу вошли люди, которые потом составили правительство Гайдара.

По вторникам вечером Бурбулис собирал у себя министров за чаем и бутербродами, тут обсуждались и решались все проблемы. И многие гайдаровские министры потом ностальгически вспоминали эту дружескую атмосферу единой работоспособной команды. Бурбулис с юности любит футбол, поэтому сколотил из членов правительства команду, и по воскресеньям они выходили на поле.

Вся страна запомнила телевизионную трансляцию с шестого съезда народных депутатов, когда Бурбулис решительно махнул рукой и все правительство вышло, чтобы не слушать оскорбительную речь председателя Верховного Совета Руслана Хасбулатова. Сам Бурбулис говорил потом, что это был «нескромный жест». Но он произвел впечатление своей решительностью.

Став первым вице-премьером, он оказался в центре общественного внимания. Реакция в целом была отрицательной. Он не нравился широкой публике. В рациональных терминах это трудно описать. Есть телегеничные люди, сразу располагающие к себе. Бурбулис же на телеэкране казался несимпатичным. И очень туманно говорил. Вот уж кто и словечка просто не скажет.

Олег Попцов: «Геннадий Бурбулис — человек с отрицательным магнитным полем. И здесь дело не во внешности, напряженном, неподвижном взгляде совершенно круглых глаз, смуглом, непроницаемом лице аскета. Это даже удивительно, как порой внешность может скрыть и доброту, и чувственность, умение сострадать — все то, что в объемной полноте присуще этому человеку».

Для Геннадия Бурбулиса это было ударом. Какое-то время он пытался завоевать на свою сторону телевидение и прессу. Он первым из российских политиков прибег к услугам профессиональных имиджмейкеров, чтобы они помогли ему стать симпатичным в глазах публики. Но увидел, что у него ничего не получается.

Бурбулис первым из новой правящей элиты пересел в «ЗИЛ», положенный прежде только членам политбро, ездил с машиной сопровождения, обзавелся многочисленной охраной. Переехав из Белого дома на Старую площадь, он занял бывший кабинет Суслова. И откровенно наслаждался этими атрибутами власти. Это не добавило ему симпатий.

Егор Гайдар считает, что Бурбулис «прекрасно подходит на роль серого кардинала при руководстве. К сожалению, именно эта роль, для которой он явно создан, ему категорически не нравится. Он хочет сам быть первым лицом и принимать самые ответственные решения. Но как раз это ему не дано. Помню совещания под его председательством, всегда интеллектуально насыщенные. Но, как правило, ни к каким конкретным результатам не приводящие».

В какой-то момент Бурбулис превратился в главную мишень для критики. На него возложили вину за все — за высокие цены, за инфляцию, за потерянные в результате реформ сбережения. Его обвиняли в предательстве национальных интересов, в каких-то мошеннических сделках.

Сейчас эту историю никто не вспоминает, но в 1992-м много писали, говорили и даже снимали фильмы о так называемой «красной ртути» — некоем стратегическом сырье, которое Бурбулис разрешил экспортировать во вред родине. Потом выяснилось, что «красной ртути» не существует в природе. Но Геннадий Эдуардович был надежно скомпрометирован.

Он руководил правительством всего несколько месяцев. В первые дни апреля 1992 года, накануне шестого съезда народных депутатов, он ушел в отставку. Ельцин, разумеется, уступил давлению депутатов. Но он и сам внутренне был готов избавиться от Бурбулиса. Зачем ему сотрудник, который приносит столько неприятностей? И он понемногу разочаровывался в стратегических талантах Бурбулиса. Многое получалось не так, как предсказывал Геннадий Эдуардович. Требования депутатов были желанным поводом отодвинуть Бурбулиса.

Болезненно самолюбивый, Бурбулис никогда не признавал, что его отправляют в отставку, отстраняют, отодвигают.

Он пытался показать, что это его собственное мудрое решение:

— Существует весьма пристрастное отношение ко мне как деятелю в рамках государственной структуры. И, учитывая нашу стратегию и цели, не считаться с этим сегодня мы не можем...

Вице-премьерство мое было совершенно необходимо. И в то же время оно задумывалось как временное назначение. Нужно было содействовать формированию коллектива правительства, заложить основы его работы, обеспечить прямую связь с главой правительства — президентом Ельциным... Мы никому ничего не уступили. Мы просто сделали шаг, с нашей точки зрения, достаточно логичный и последовательный...

Бурбулис, уходя из правительства, подписал у президента указ о полномочиях госсекретаря и совершил ошибку: полномочия были безбрежными. Это стало известно в обществе и послужило причиной жесточайшей критики. Все стали советовать президенту избавиться от Бурбулиса.

Бурбулис — единственный, кто, помимо первого помощника президента Илюшина, мог зайти к Ельцину без доклада. Не входя ни в правительство, ни в Совет безопасности, он участвовал во всех заседаниях. Уже находясь в опале, Бурбулис не сдавался и вел изнурительную борьбу за влияние на президента.

Олег Попцов: «Он встречал президента после его зарубежных поездок и на глазах у всех, преодолевая слабое сопротивление уставшего президента, садился в его машину, при этом повторяя загадочную фразу:

— Есть информация. Надо поговорить».

Его желание управлять президентом привело к обратному результату. Ельцин стал раздражаться:

«Бурбулис без приглашения мог прийти на любое совещание, независимо от его содержания и формальной стороны, и сесть по правую руку президента. Он знал, что я не сделаю ему замечания...

Не скрою, в какой-то момент я начал чувствовать подспудно накопившуюся усталость — одно и то же лицо я ежедневно видел в своем кабинете, на заседаниях и приемах, у себя дома, на даче, на корте, в сауне... Можно и нужно стремиться влиять на президента — для пользы дела, для реализации своих идей. Но только знать меру при этом!»

Бурбулис из государственного секретаря России стал госсекретарем при президенте. Накануне седьмого съезда народных

депутатов эта должность была упразднена. Геннадия Эдуардовича определили руководителем группы помощников. И он по-прежнему не признавался в том, что власть уходит из его рук.

Осенью 1992-го заговорили о том, что Бурбулис теряет прежнее влияние на президента. Сначала казалось, что откровенная радость оппозиции по поводу опалы Бурбулиса преждевременна. Государственный секретарь, сменивший «ЗИЛ» на «шевроле» и оказавшийся как бы в забвении, вдали от телекамер, предпринял усилия для того, чтобы напомнить о себе.

Он дал серию интервью и самым изящным образом объяснил, что должность у него может быть любая, но его положение ближайшего к президенту человека непоколебимо.

В интервью «Литературной газете» он говорил:

«Я не вижу оснований оценивать мое положение в тех терминах, которые здесь прозвучали — «вытесняют», «оттесняют». Может быть, я повторюсь, но я знаю себе цену...

Вы скажете: степень влияния меняется. Я отвечу: ничего подобного. Есть влияние, связанное с росчерком на каком-то государственном бланке, а есть другое влияние... Не будем комментировать какое. Вы скажете, что сегодня наблюдается повышенная активность какой-то иной группы, что эта активность более заметна, нежели деятельность Бурбулиса и его... скажем так, духовных наставников.

Возможно. Ни отрицать, ни подтверждать это я не собираюсь. Но это не утрата Бурбулисом своего дела. Это связано с тем, что Борис Николаевич испытывает сегодня совершенно естественную потребность обеспечить баланс политических и профессиональных сил и тем самым открыть перспективу для развития реформ, для их необратимости...»

Олег Попцов вспоминает: «Он редко терял самообладание, невозмутимый и спокойный среди беснующегося сумасшествия, трезвый среди загулявшего застолья, скупой на выражение чувств, если даже восторженность, выплескивающаяся кругом, не имеет пределов. Его маска и есть его образ, его суть. Вызвать Бурбулиса на откровение не так просто... Он всегда мысленно просчитывает ситуацию, возможность использования его слов человеком, которому он рискнул открыться».

В конце 1992 года Ельцин нашел повод окончательно расстаться с Бурбулисом.

Проницательный и знающий журналист Марина Шакина так описала эту сцену:

«Ельцин пригласил Бурбулиса в свой кабинет и объявил ему о своем решении.

— Вы очень мало помогли мне на съезде, Геннадий Эдуардович, — произнес президент ледяным тоном.

Этого Бурбулис ожидал, и говорить больше было не о чем. Получилось, что Бурбулис ввел в заблуждение Ельцина, сообщив ему, что в случае конфронтации президента со съездом Ельцина поддержат не менее четырехсот депутатов. Их оказалось всего сто двадцать.

Бурбулис сказал, что он становится политическим оппонентом Ельцина. Он стал объяснять, что создаст свою партию, объединяющую все течения радикальных демократов, и будет бороться за продолжение реформ. Ельцин слушал равнодушно.

— Да не горячись ты, Геннадий, — спокойно сказал он. И вдруг добавил загадочную фразу: — Все еще вернется...»

Но ничего не вернулось. Покинув Кремль, Геннадий Бурбулис дважды избирался депутатом Государственной Думы, но в большой политике был незаметен.

ДЕПУТАТЫ РАЗБИРАЮТСЯ С ЕГОРОМ ТИМУРОВИЧЕМ

Команда Гайдара предлагала действовать немедленно, пока экономика не рухнула. Но либерализацию цен отложили до 2 января 1992 года, чтобы Украина и Белоруссия могли подготовиться. Такая отсрочка на пользу российской экономике не пошла. Декабрь 1991-го был совсем мрачным месяцем с пустыми магазинами: никто не хотел продавать товар по старым ценам.

В этой ситуации действия команды Гайдара были в значительной степени вынужденными — в надежде предотвратить катастрофу.

Егор Гайдар вспоминает:

«Желающих в это время прийти работать в правительство было мало. Многие из тех, кого я тогда приглашал, звал, уговаривал, под разными предлогами уклонялись, отказывались.

Характерен первый анекдот про наше правительство. Звучал он так: новое правительство как картошка: либо зимой съедят, либо весной посадят. Это потом, к концу весны—лету 1992 года, когда стало ясно — самое трудное уже позади, голода не бу-

дет, прилавки наполняются, рынок заработал, — люди, отказывавшиеся ранее идти в правительство, с удовольствием приняли приглашение в нем работать».

2 января цены были освобождены — на все, кроме хлеба, молока, спиртного, коммунальных услуг, транспорта, нефти, газа и электричества. Рост цен в январе составил 352 процента. Все ограничения на импорт были отменены, и это позволило наполнить магазины.

В конце января президент подписал указ о свободе торговли, и это окончательно покончило с дефицитом товаров. Повсюду все что-то продавали.

Но страна, увидев новые ценники, охнула.

Сразу стало ясно, что Верховный Совет не приемлет политики правительства. И верный соратник президента председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов считает действия Гайдара неверными.

Уже 12 января, через десять дней после начала реформ, председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов, принимая итальянскую делегацию, сказал: «Сейчас складывается такая ситуация, когда уже можно предложить президенту сменить практически недееспособное правительство».

Депутаты и правительство говорили на разных языках. Гайдар втолковывал депутатам, что задача номер один — экономия, что увеличение расходов приведет к гиперинфляции. Депутаты не хотели его слушать.

Возникли трудности с нехваткой наличных денег. Новый масштаб цен требовал новых купюр большего номинала, но Хасбулатов, в чьем подчинении находился Центральный банк, запретил пускать их в обращение.

Когда-то Ельцин добился, чтобы Центральный банк был подчинен съезду народных депутатов. В результате, когда он стал президентом, Центробанк остался вне его влияния.

В кабинете Хасбулатова стоял телефон прямой связи с Григорием Матюхиным, который возглавлял Центробанк. Попытки перевести Центральный банк под президентское управление блокировались Верховным Советом. Экономист Хасбулатов желал быть главным экономическим авторитетом в стране. Появление самостоятельного Гайдара было для Хасбулатова неприятным сюрпризом.

Надо было вводить российскую валюту, потому что союзные республики, все еще пользовавшиеся рублем, щедро пе-

чатали деньги и тем самым сводили на нет попытки России ограничить рублевую массу, проводить разумную финансовую политику.

Обеспокоенный реакцией общества, 8 января Ельцин отправился в Саратов, потом в Ульяновск со словами: «Я хочу ознакомиться с положением дел в регионах, как осуществляется либерализация цен, нет ли перекосов?»

Тон печати в отношении Ельцина резко переменился. Вал критики, который раньше делился между ним и Горбачевым (второму доставалось неизмеримо больше), теперь обрушился на него одного. Над ним стали ерничать, подмечая все неуклюжие слова и действия.

Из Верховного Совета в аппарат президента и правительства ушли самые заметные депутаты. Верховный Совет перешел под контроль антиельцинских сил.

Депутаты, которым мест во власти не хватило, обиделись.

А большая их часть, увидев, что реформы не приносят немедленных результатов, инстинктивно стали переходить в оппозицию, чтобы не нести ответственности. И чем дальше, тем сильнее становится накал нападок на правительство, а потом и на президента. Главное — как можно заметнее откреститься от происходящего.

Депутаты решили, что они уберут правительство на съезде, который открылся 6 апреля 1992 года. Председатель Верховного Совета Хасбулатов заявил, что парламент находится в оппозиции к реформам и предложит другую концепцию реформирования экономики.

Накануне съезда Ельцин убрал Бурбулиса из правительства, отобрал у Гайдара пост министра финансов, оставив его вице-премьером, и сместил Юрия Петрова с поста главы президентской администрации.

Таким образом Ельцин хотел откупиться от съезда и спасти своих министров. Он сказал:

— Нам нельзя на съезде «отдать на съедение» реформаторское правительство, которое действительно является реформаторским. Это смелая, дружная молодая команда.

Но слова Ельцина прежней защитной силы уже не имели. Депутаты набросились на Гайдара, который стал первым вице-премьером.

Съезд подготовил резолюцию, уничтожающую результаты деятельности правительства. Если бы резолюцию приняли, ре-

формы бы остановились. Гайдар казался депутатам легкой добычей. Егор Тимурович слишком интеллигентен. Его полная фигура и по-мальчишески сбивчивая речь не отвечают представлениям среднего избирателя о том, как должен выглядеть лидер.

Но депутаты просчитались.

Гайдар после перерыва попросил слова и заявил, что правительство не берет на себя ответственность за проведение политики, которой требует съезд, и в полном составе подает прошение об отставке.

Борис Ельцин вспоминает:

«Это был гром среди ясного неба!.. Заявление Гайдара обозначило очень важную веху: Егор Тимурович интуитивно почувствовал природу съезда как большого политического спектакля, большого цирка, где только такими неожиданными и резкими выпадами можно добиться победы.

А победа была полной. Проект постановления с отрицательной резолюцией не прошел. Были внесены поправки в конституцию, дававшие президенту дополнительные полномочия...»

Депутаты испугались. Они не хотели принимать на себя такую ответственность и приняли декларацию, в целом одобряющую политику реформ.

Егор Тимурович оказался человеком с характером. Это еще больше расположило к нему президента, хотя одновременно и несколько насторожило. Правительство обретало самостоятельность, и Гайдар сразу почувствовал некоторое охлаждение со стороны самого президента и его окружения.

В мае 1992 года на совещании по проблемам нефтегазового комплекса доклад должен был делать министр топлива и энергетики Владимир Лопухин. Открыв совещание, Ельцин вдруг сообщил, что Лопухин освобожден от должности, а вице-премьером по топливно-энергетическому комплексу назначен председатель «Газпрома» Виктор Черномырдин.

И хотя потом Ельцин извинился, что не сумел предупредить заранее, для Гайдара это был удар: «Я понял, что мои возможности отстаивать перед президентом свою точку зрения подорваны и что на его поддержку больше рассчитывать не приходится». После отставки Лопухина казалось, что дни самого Гайдара в правительстве сочтены.

Егор Тимурович хотел сразу подать в отставку, сняв с себя ответственность за замедление реформ, но остался.

Первое правительство России было единой командой, которая продержалась всего несколько месяцев. Это был романтический период в политической жизни страны.

Потом правительство уже перестало быть единым. Сохранился финансовый блок — команда Гайдара. Второй блок — президентские министры, силовики и министр иностранных дел. Третий — министры, решающие оперативные экономические вопросы, практики — в отличие от теоретика Гайдара: Виктор Черномырдин, Владимир Шумейко, Георгий Хижа.

После апрельского съезда Ельцин забрал Шумейко из Верховного Совета и назначил вторым первым вице-премьером. Но контроль над ключевыми министерствами остался у Гайдара, Шумейко вел себя очень лояльно. Одновременно Ельцин поднял статус Чубайса, произвел его в вице-премьеры. Президент аккуратно передвигал фигуры на этой большой шахматной доске.

Чубайса Гайдар назначил проводить приватизацию: «Когда поздно вечером в Архангельском я сказал ему, что хочу его видеть во главе Госкомимущества, иначе говоря — чтобы он взял на себя ответственность за разработку и реализацию программы приватизации, обычно невозмутимый Толя тяжело вздохнул и спросил меня, понимаю ли я, что он станет человеком, которого будут всю жизнь обвинять в распродаже Родины».

13 июня, накануне отлета в США Ельцин позвонил Гайдару:

— Егор Тимурович, что вы скажете об идее назначить вас исполняющим обязанности председателя правительства?

— Скажу откровенно, что при создавшейся ситуации идея мне кажется разумной. Она позволит добиться большей консолидации в правительстве.

— Должен ли я понять вас так, что вы благодарите меня за доверие? — спросил Ельцин.

Гайдар ответил, что, без сомнения, благодарит.

На аэродроме Ельцин рассказал собравшимся журналистам о принятом им решении — это был эффектный жест, способствовавший успеху визита в Соединенные Штаты. Но Верховный Совет не утвердил Гайдара. Он так и остался исполняющим обязанности главы правительства.

Борис Ельцин вспоминает: «Правительство Гайдара работало с первых дней в ужасающей моральной обстановке, когда удары сыпались один за другим, когда стоял непрерывный свист и гвалт в прессе и парламенте. Им не дали практически никакого разгона и хотя бы относительной свободы...»

Сам Егор Гайдар, однако, говорит, что это было время «наибольшей политической свободы маневра. Традиционные группы давления еще дезорганизованы. После августа 1991 года лидеры аграрного и военно-промышленного лобби, замешанные в ГКЧП, выключены из игры. И даже те, кто яростно критикуют реформы и надеются вскоре на волне народного недовольства прийти к власти, заинтересованы, чтобы самое неприятное было сделано чужими руками».

Скоро оппозиция появится — причем не только на улицах и в Верховном Совете, но и в самом Кремле. Против Ельцина восстали два его самых заметных соратника — вице-президент Александр Руцкой и председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов.

Глава тринадцатая

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Перемены происходили незаметно. Но, обосновавшись в Кремле в роли президента самостоятельной России, Борис Николаевич конечно же изменился. Изменились его манеры, взгляд, даже походка стала неспешной. У него сложились свои представления о том, как должен вести себя президент великой России, и он старательно играл эту роль.

Президент не должен ездить в «Москвиче», ходить в районную поликлинику и бравировать свой простотой. Напротив, он обязан демонстрировать величие России.

Академик Евгений Велихов говорил в газетном интервью:

«С самого начала было видно, что он не готов к роли президента, в частности, оставлял желать лучшего его образовательный уровень. Но интуиция! Взять того же Рейгана: это был один из лучших американских президентов, а ведь смеялись — актеришка.

Поначалу у меня с Ельциным было гораздо более продуктивное общение, чем с Горбачевым. Горбачев давал свободу действий, но не брал на себя никаких обязательств. Ельцин брал обязательства и на первых порах их выполнял. Это был короткий период, пока был «доступ к телу». Но за этот период удалось спасти Академию наук, Курчатовский институт превратился в независимый центр.

Ельцин поддержал развитие демократических институтов, в значительной степени благодаря ему Россия не свернула с демократического пути. Это, безусловно, зачтется ему в истории. Я помню, как он жил на соседней со мной даче. С кастрюльками ходила Наина Иосифовна. Ельцин учил нас париться крапивой в бане. Это был один человек — открытый и понятный. Вскоре с ним начали происходить перемены...»

НОВАЯ НОМЕНКЛАТУРА

Примеру Ельцина следовали другие. Окружение российского президента охотно воспользовалось системой привилегий, не понимая, что этого надо было избежать любой ценой. Появилась новая номенклатура, которая с огромным удовольствием осваивала прелести жизни, доступные только большому начальству. Советская система привилегий пережила Советский Союз.

Высших чиновников по-прежнему охраняют. Они живут на государственных дачах, за которые платят совсем немного. Ездят на машинах со спецномерами и спецсигналом, нарушая все правила уличного движения. Сохранилась и вся иерархическая система медицинского обслуживания номенклатуры, правительственные санатории и дома отдыха, куда продают путевки с большой скидкой. Отменили только столовую лечебного питания. В ней отпала нужда — с началом гайдаровских реформ еда вернулась в магазины.

Люди быстро увидели, что новые депутаты получают по списочку дешевые машины через министерство торговли, что сохранилось бывшее Четвертое управление и другие виды медицинского обслуживания для элиты, что бывший цековский гараж специального назначения и подмосковный совхоз, где выращивают экологически чистые овощи, работают на новых хозяев.

Новые люди сели в старые кабинеты, получили право пользоваться спецсвязью, персональными машинами, поликлиниками, больницами и санаториями, которые были доступны прежней номенклатуре. Теперь уже ни у кого не возникало желания отменить эти привилегии или отказаться от них. Напротив, осваивали новую жизнь с огромным удовольствием и, оправдываясь, говорили, что чем-то надо компенсировать их каторжный труд.

Павел Вощанов, первый пресс-секретарь Ельцина, в интервью газете «Труд» объяснял, почему он ушел из Кремля:

«Я пришел на работу к президенту с нормальным желанием что-то хорошее сделать для страны. И вдруг увидел, что это никому не надо. А нужно, как и раньше, служить, прогибаться, знать, на кого настучать, а кому вовремя подхихикнуть... Ты знаешь, какой была у нас самая главная проблема, когда мы переезжали из Дома правительства в Кремль?

— Ну, наверное, кому в каком кабинете сидеть?

— В десятку! Дошло до того, что Коржаков ходил по коридорам и командовал, где и кого разместить. Если рядом с президентским кабинетом — ты человек хороший, если твой кабинет в отдалении — не очень, а если и вовсе на другом этаже, то с тобой и здороваться не обязательно. То же, кстати, было и при дележе автотранспорта. Если у тебя машина из гаража особого назначения — ты человек. А если из гаража Белого дома — тебе при встрече можно просто кивнуть, другого ты не достоин... А какая связь у тебя? Первая «вертушка» есть? А телефон с надписью «президент» для прямой связи с «самим»? Нет? Ну тогда гуляй себе...»

Новое состояло в том, что прежде высокая должность была единственным способом обрести все блага. Теперь за деньги можно было получить то же самое и много больше. Открылись радости, о которых советские чиновники в закрытой стране и мечтать не могли. Поэтому должность стала рассматриваться как инструмент зарабатывания больших денег.

КОМАНДА СМЕНЩИКОВ

После удачной поездки в Соединенные Штаты в июне 1992 года, когда Ельцин, лидер новой, демократической России, находился в центре внимания всего мира, как-то нелепо было задаваться вопросом, кто сменит его в Кремле. Но Ельцин вдруг сам поспешил оповестить сограждан о своем решении не баллотироваться на второй срок и пояснил, почему он так делает.

Президент развязывал себе руки. Он не желал зависеть от опросов общественного мнения и рейтингов и заботиться о том, как расположить к себе миллионы людей, которым через четыре года предстоит идти к избирательным урнам.

Словом, Ельцин дал понять, что он намерен довести реформы до конца даже ценой собственной популярности. Сначала к его словам не отнеслись всерьез. Возможно, потому, что не

всякое обещание Бориса Николаевича следует принимать за чистую монету.

В тот момент другие российские политики и мечтать не могли тягаться с Ельциным. Какое бы раздражение ни вызывала ситуация в экономике, харизма президента исключала успешное соперничество с ним.

Тем не менее возник вопрос: а кто — даже чисто теоретически — может наследовать Борису Ельцину?

Либеральный, демократический фланг российского политического ландшафта выглядел весьма тоскливо. Понятно, что трудно было найти фигуру, сравнимую с Ельциным. Но кто реально обладал общероссийской известностью?

Уход с поста московского мэра Гавриила Попова, одного из самых заметных ораторов времен перестройки, воспринимался как бегство из горящего дома. Он отрезал себе путь в публичную политику. Было время, когда казалось, что и санкт-петербургский мэр Анатолий Собчак — жесткий, с быстрой реакцией и прекрасной осанкой — мог бы претендовать на большее. Но и это оказалось иллюзией.

Возникал главный вопрос: может ли вообще столичный либеральный политик рассчитывать на голоса избирателей за пределами крупных городов? И Попов, и Собчак, и еще несколько замечательных ораторов были вне конкуренции, когда им противостояли ни на что не пригодные партийные чиновники. Стало ясно, что на следующих выборах соперниками московских либералов будут совсем другие люди.

Высокий процент молодежи, проголосовавшей в 1991-м за Жириновского на выборах президента России, свидетельствовал о том, что новое поколение предпочитает новых людей, не имеющих ни партийного, ни даже перестроечного прошлого. Где же молодые демократические лидеры?

Сергей Станкевич, на которого возлагались такие надежды, растворился в коридорах власти и занял второстепенное место в длинном ряду аппаратчиков. Еще никто не подозревал, что его политическая карьера закончится банальным обвинением во взяточничестве.

Сергей Шахрай, успешно дебютировавший в первый год работы российского парламента, поспешил уйти из администрации Ельцина, где он надеялся быть ключевой фигурой, но не получил ведущей роли. Шахрай попробует себя в большой политике, но обнаружит, что поклонников у него немного.

Но опять-таки все задавались тогда вопросом: под силу ли городским интеллигентам, тем более если их имена связаны с мучительным периодом экономических реформ, завоевать Россию, которая не скоро выйдет из своего раздраженно-нетерпимого состояния?

Крикливый клоун или придурковатый солдафон страну не соблазнят, а вот решительный демагог, вполне возможно, в состоянии добиться успеха, ловко перемешав новые национальные и старые социалистические лозунги.

И тогда на первый план вышли две фигуры — председатель Верховного Совета Руслан Хасбулатов, которого каждый день вся страна лицезрела на экранах телевизоров, и вице-президент Александр Руцкой, формально — второй человек в стране и, следовательно, наследник Ельцина.

Руслан Хасбулатов прекрасно понял силу прямой апелляции к общественному мнению. И он разговаривал не только с депутатами, но и через их голову со всей страной. Ему безумно хотелось нравиться. Это можно было бы отнести на счет феминизированных черт характера, если бы не очевидная охота за симпатиями будущих избирателей.

На симпатии миллионов избирателей рассчитывал и вице-президент Александр Руцкой. Почти неотличимый от своего тогдашнего друга Никиты Михалкова, он напоминал хорошего русского барина, в меру добродушного, не любящего обременять себя работой и снисходительного к слабостям других.

Его главным недостатком казалось отсутствие ясно выраженных политических целей. У него не было собственной политической платформы, зато не было и большого числа врагов.

За первый год его вице-президентства стало очевидным, что Руцкой легко поддается различным влияниям, его взгляды в немалой степени формируются окружением. У противоположных лагерей была возможность завоевать Александра Руцкого на свою сторону.

Самое важное состояло в том, что и Руцкой, и Хасбулатов, еще недавно преданные соратники Ельцина, перешли в оппозицию к президенту. Точнее, не лично к Ельцину, а к экономическому курсу его правительства. Они вроде бы ничего не имели против самого Бориса Николаевича, но просили его сменить и курс, и правительство. Похоже, и Руцкой, и Хасбулатов сами были не прочь принять на себя обязанности главы правительства и обиделись на то, что им предпочли другого.

ОППОЗИЦИЯ: ПРОБА СИЛ

До мая 1992 года Ельцин не поддавался на критику, держался очень крепко, даже видя, как падает его авторитет, популярность и престиж в стране из-за трудности реформ. В апреле окончательно были освобождены цены, вызвав новую волну недовольства.

Историк Михаил Геллер писал в эти дни: «Почему демократия так быстро приелась русским избирателям, еще не успевшим к ней привыкнуть? На этот раз ответ известен. Для обитателей демократического рая демократия, о которой столько говорили, семьдесят лет ругали и высмеивали, пять лет хвалили и восторгались, отождествлялась с благополучием. При коммунизме было плохо, при демократии будет хорошо. Выяснилось, что это не совсем так. Жить стало труднее, хотя и свободнее...»

Летом 1992 года только 24 процента опрошенных полностью доверяли Ельцину, еще 33 процента доверяли частично.

Ельцин стоял как скала, хотя видно было, как поднимается оппозиционная волна. Демократическое движение распадалось на глазах, а противники реформ, напротив, объединялись. Причем тон задавала опасная, агрессивная оппозиция.

23 февраля в честь Дня армии оппозиция, которая собралась у Белорусского вокзала, впервые потребовала отставки Ельцина и суда над Горбачевым. Манифестанты бросали в милицию бутылки, орудовали палками. Шестнадцать милиционеров получили травмы.

Это была проба сил.

В июне начались первые массовые протесты против роста цен с лозунгами «Долой правительство!».

Собравшаяся возле телевизионного центра в Останкино толпа требовала судить «сатанистов-сионистов Ельцина», потом устроила там палаточный городок и приступила к планомерной осаде телевидения. Новая власть, которая еще недавно сама собирала антиправительственные митинги и ненавидела ОМОН, не знала, как ей следует действовать.

Выждав две недели, все-таки решились действовать. ОМОН разогнал участников несанкционированного митинга.

В разгар политического кризиса в Москве, вызванного атакой национальных социалистов на телецентр в Останкино, главный столичный милиционер и по совместительству глава российской шахматной ассоциации Аркадий Мурашев отправился на Филиппины по неотложным шахматным делам.

После скандальных событий в Останкине Мурашев восстановил против себя как левых, так и правых. Одни кляли его за позорную нерешительность в защите демократии от красно-коричневых. Другие, напротив, требовали отставки за слишком решительные действия ОМОНа, который сначала ликвидировал палаточный городок возле телецентра, а затем разогнал антиправительственную демонстрацию у Рижского вокзала.

Бывший народный депутат СССР, молодой и симпатичный Аркадий Мурашев удивил очень многих, когда осенью 1991 года возглавил столичную милицию. Когда мы с ним разговаривали, он сказал, что его уговорил мэр Гавриил Попов:

— Мой отказ означал бы: вы работайте, а мы будем со стороны смотреть и критиковать, а ответственность за происшедшее нести не желаем.

Но даже многие его соратники по демократическому лагерю сочли назначение ошибкой: нельзя ставить неопытного молодого человека на работу, которую он совсем не знает. Его провал скомпрометирует демократов. Мурашев в системе МВД так и остался белой вороной.

Послеавгустовская эйфория, когда многим лидерам демократического движения казалось, что они достаточно быстро сумеют добиться радикальных преобразований, закончилась. Они один за другим уходили из аппарата власти, надеясь, что Ельцин справится сам.

А Борис Николаевич ощущал дефицит власти. Это казалось странным. Он президент, глава правительства, к тому же министр обороны (с марта по май 1992 года). Какой еще власти ему не хватает?

Теперь он вспоминал Горбачева, который точно так же просил у депутатов чрезвычайных полномочий. Тогда Ельцин упрекал своего предшественника в диктаторских замашках. Став президентом, он понял, в чем дело: с распадом КПСС исчезла структура власти, которая позволяла добиваться исполнения решений от Москвы до самых до окраин. В столице Ельцин был хозяином, на местах на него могли не обращать внимания. Не только Верховный Совет, но и местные советы были полновластны и к тому же находились в оппозиции к президенту. Геннадий Бурбулис ввел институт представителей президента, но они в основном сообщали в Москву, что происходит, рычагов влияния на местные дела у них тоже было немного.

ЧЕМ ЗАКОНЧИЛОСЬ «ДЕЛО КПСС»?

Оппозицию вдохновил результат слушаний в Конституционном суде «дела КПСС».

Это было дело о проверке конституционности указов президента Ельцина. Он нанес несколько ударов по партии.

Первый удар по КПСС — указ Ельцина от 20 июля 1991 года «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР».

Против этого указа фактически возразить было нечего. Тут речь шла о том, что нельзя партийной работой заниматься на рабочем месте.

А вот после путча Ельцин сначала приостановил деятельность российской компартии, а потом вообще прекратил деятельность КПСС и распустил ее организационные структуры.

Коммунисты обжаловали три президентских указа:

от 23 августа 1991 года «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР».

В нем говорилось, что не зарегистрированная в установленном порядке КП РСФСР поддержала ГКЧП, препятствовала исполнению указа президента от 20 июля 1991 года. «До окончательного разрешения в судебном порядке вопроса о неконституционности действий Компартии РСФСР приостановить деятельность органов и организаций Коммунистической партии РСФСР», — говорилось в указе. Министерству внутренних дел поручалось позаботиться об имуществе партии, а Центральному банку — приостановить проведение операций по расходованию средств партии;

от 25 августа 1991 года «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР».

Ельцин объявил все движимое и недвижимое имущество КПСС и КП РСФСР, включая партийные вклады в банках, государственной собственностью. Право пользования партийным имуществом передавалось правительству и местным органам власти. Министерству иностранных дел России поручалось обратиться к правительствам других стран с просьбой сообщить о размерах партийных средств, размещенных за рубежом. Общественно-политический центр МГК и МК КПСС на Цветном бульваре переходил Верховному Совету РСФСР под парламентский центр;

от 6 ноября 1991 года «О деятельности КПСС и КП РСФСР».

В указе говорилось, что «КПСС никогда не была партией. Это был особый механизм формирования и реализации политической власти путем сращивания с государственными структурами или их прямым подчинением КПСС. Руководящие структуры КПСС осуществляли свою собственную диктатуру, создавали за государственный счет имущественную основу для неограниченной власти».

На руководящих структурах КПСС «лежит ответственность за исторический тупик, в который загнали народы Советского Союза, и тот развал, к которому мы пришли.

Деятельность этих структур носила явный антинародный, антиконституционный характер, была прямо связана с разжиганием среди народов страны религиозной, социальной и национальной розни, посягательством на основополагающие, признанные всем международным сообществом права и свободы человека и гражданина.

Закономерным финалом ее политической деятельности стал антиконституционный переворот 19—21 августа сего года, поддержанный руководством КПСС...

Стало очевидным, что пока будут существовать структуры КПСС, не может быть гарантий от очередного путча или переворота».

Деятельность КПСС и КП РСФСР на территории России прекращалась, а организационные структуры распускались. Имущество передавалось в ведение органов государственного управления РСФСР.

Коммунисты требовали признать эти указы противоречащими Конституции. Одновременно суд рассматривал подготовленное депутатом Олегом Румянцевым и поддержанное другими депутатами ходатайство о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР. Два запроса были соединены в один, и появилось «дело КПСС».

В начале процесса Ельцин заявил:

— Сегодня судьба России зависит не столько от президента, сколько от Конституционного суда. Любая поддержка коммунистов может дать им дополнительный козырь, активизирующий их разрушительную деятельность, которая может ввергнуть нас в гражданскую войну... Но мне кажется, что указы о запрете компартии не будут признаны неконституционными.

Предполагалось, что во время процесса в результате рыночных реформ произойдет улучшение жизни людей, и это будет лучшим аргументом против КПСС. Не получилось... Неприятности прежней жизни быстро забывались, страну волновали сегодняшние беды.

Процесс проходил с 25 мая по 30 ноября 1992 года на Ильинке в бывшем здании Комитета народного контроля СССР, где разместился Конституционный суд. Судьи появились в черных мантиях, что поначалу вызывало смех. Председательствовал профессор Валерий Дмитриевич Зорькин, который преподавал в Академии министерства внутренних дел, а потом в Высшей юридической заочной школе МВД. Когда собрался первый съезд народных депутатов России, он предложил свои услуги депутатам, был замечен. Ему и предложили возглавить Конституционный суд, наделенный особой властью проверять законность решений президента, правительства и Верховного Совета.

Президентская сторона тщательно готовилась к процессу, в партийных архивах отыскали и предали гласности документы о многих преступлениях, совершенных при советской власти.

Широкая публика быстро утратила интерес к процессу, который шел месяц за месяцем. Там было не так много интересных моментов, за исключением некоторых эпизодов.

Профессор Феликс Рудинский, защищавший интересы КПСС, с нажимом спросил у академика Александра Яковлева, бывшего члена политбюро:

— Вы агент ЦРУ?

Яковлев сразу нашелся:

— Спасибо за вопрос. Мои хозяева в ЦРУ сказали мне, что вы агент израильской разведки, но я этому не верю...

В решении Конституционного суда говорилось: «В стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров, объединенных в Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС...»

Действия президента по приостановлению деятельности КП РСФСР и по судьбе партийного имущества по ликвидации руководящих структур партии суд признал конституционными.

Неконституционными были признаны те пункты указов, которые распускали первичные организации, образованные по тер-

риториальному признаку. И некоторые пункты президентских указов были признаны юридически несовершенными.

Михаил Федотов, один из представителей президента на процессе, был прав, когда сказал: «На восемьдесят процентов процесс мы выиграли». По существу, опротестован был только запрет на первичные организации, но и такое решение было сочтено поражением президента, потому что это позволило коммунистам возобновить свою деятельность и невероятно приободрило оппозицию на приближающемся съезде народных депутатов.

В окружении президента были уверены, что этот процесс превратится в исторический суд над КПСС, станет вторым Нюрнбергом, позволит осудить все содеянное прежним режимом и покончить с трагическим прошлым. Но, как и в других бывших социалистических странах, выяснилось, что юридическая система не позволяет это сделать.

Когда рушились социалистические режимы, вся демократическая Восточная Европа желала устроить второй Нюрнбергский трибунал — только на сей раз над вождями реального социализма. На скамью подсудимых собирались усадить все партийно-государственное руководство. Не только для того, чтобы заставить их самих ответить за все грехи, но и для того, чтобы осудить сам режим. Причем тогда казалось, что провести такие процессы не составит большого труда, потому что преступления партийно-государственной верхушки, тайной полиции, самой системы очевидны.

И действительно, в первые месяцы после свержения социалистических режимов прокуратура рьяно принималась за дело. Казалось, что прокуратуре и суду просто не хватит сил и времени, чтобы рассмотреть столько дел. Но прошло время, и выяснилось, что ничего не получается.

Такого рода истории произошли в большинстве бывших социалистических стран. Судебные процессы над недавними партийными руководителями начались. Но почти все они окончились ничем. Практически никто из бывших партийных руководителей осужден не был. Но почему не состоялся расчет с коммунистическим прошлым?

В России развалилось дело о попытке военного переворота в августе 1991 года, хотя сначала оно казалось совершенно очевидным, и даже многие боялись, что суд приговорит гэкачепистов к смертной казни. И президент Ельцин на этот случай срочно создал комиссию по помилованиям.

Однако процесс не состоялся, участники заговора были амнистированы, а активнейший участник августовских событий генерал Валентин Варенников, не пожелавший быть прощенным, вообще добился оправдания...

Возникло множество препятствий. Закон обратной силы не имеет. Как осуждать деяния, которые совершались в полном согласии с существовавшими на тот момент законами и в сознании того, что исполняется вполне законное действо?

Лидеры социалистических государств действовали в рамках социалистической системы. И их можно было либо судить за какие-то мелкие прегрешения, как это, собственно, и получилось, либо требовалось сначала признать преступной саму систему и всех тех, кто с ней сотрудничал. Так после Второй мировой войны поступили державы-победительницы на военном трибунале в Нюрнберге. Но, кстати говоря, едва ли сама Германия смогла бы с такой же твердостью судить саму себя...

Словом, у бывших социалистических стран процесс самоосуждения и самоочищения не состоялся.

Почему важны были такие процессы?

Во-первых, они служат предостережением палачам на будущее. Они должны знать, что неминуемо придет время, когда за преступление придется ответить.

Во-вторых, люди должны видеть, что правосудие совершается. Суд над насильником нужен не только конкретной жертве, но и многим другим людям, которые могли стать жертвами.

Наказание чиновников прежнего режима просто свидетельствовало бы о намерении общества защитить некоторые основные правила человеческого существования.

Впрочем, уже в конце 1992 года стало ясно, что поздно об этом говорить. Оппозиция говорила о судебных процессах, которые начнутся в России, если на президентских выборах победит политический противник Ельцина. Оппозиция считала преступлением соглашение о роспуске Советского Союза, достигнутое в декабре 1991 года в Беловежской пуще, гайдаровские реформы и приватизацию по Анатолию Чубайсу, которая началась в октябре 1992-го раздачей ваучеров (приватизационных чеков) номинальной стоимостью десять тысяч рублей.

24 ноября 1992 года был создан Фронт национального спасения, в нем объединилась оппозиция. Президент запретил деятельность оргкомитета Фронта, но к видимым практическим последствиям это не привело.

У СОСЕДЕЙ ЛЬЕТСЯ КРОВЬ

Ельцин столкнулся с самым серьезным после августовского путча вызовом. И не только дома. Кровь лилась в бывших советских республиках, и от Ельцина ждали какой-то реакции.

Резкое обострение ситуации в Южной Осетии, где шли бои между осетинами и грузинскими войсками, и в Молдавии, где русское население Приднестровья не желало подчиняться кишиневским властям, поставило российских политиков в трудное положение. Им надо было и звание демократа сохранить, и «предателем интересов русских» не прослыть.

Едва президент Ельцин отправился с визитом в США, как спикер парламента Руслан Хасбулатов заявил, что Верховный Совет, возможно, рассмотрит просьбу Южной Осетии о вхождении в Российскую Федерацию. Вслед за ним вице-президент Александр Руцкой объявил Грузии и Молдавии ультиматум, обещав «поднять в воздух эскадрильи и бомбить ваши города».

Побывав в Приднестровье, Руцкой на съезде народных депутатов говорил, что русская армия обязана защищать русских, где бы они ни находились.

Россия оказалась чуть ли не в состоянии войны с двумя государствами из состава бывшего СССР. Можно ли было считать это удачной политикой?

Стало ясно, что нельзя не заниматься проблемами русских в ближнем зарубежье, рассматривать эту проблему как второстепенную или обращаться к ней только от случая к случаю.

Нельзя поручать отношения с государствами, возникшими на месте бывшего СССР, то пресс-секретарю, то спикеру парламента, то вице-президенту, особенно если их взгляды расходятся с мнением президента.

Спикер искал славы у национал-патриотов, ссоря Россию с другими странами. А вице-президент вел себя так, словно он все еще сидел за штурвалом боевого самолета. Александр Руцкой достаточно долго состоял в должности второго человека в стране, но так и не увидел, что его задача состоит не в том, чтобы уничтожать противников, а в том, чтобы противников превращать в партнеров, а партнеров — в друзей.

Начинающие политики еще не понимали, что нельзя от своего имени предъявлять ультиматум другой стране, потому что это воспринимается как официальная позиция государства и быстро ставит обе страны на грань войны.

В Москве трудно привыкали к тому, что бывшие республики бывшего СССР — абсолютно самостоятельные государства, с которыми нужно вести переговоры в соответствии с нормами международного права. Внешняя политика России начиналась теперь не с Берлинской стены, а с села Михайловского на российско-украинской границе.

И Ельцин не видел, что нельзя за океаном заниматься сокращением ядерных вооружений, разумно идя на серьезные компромиссы, и одновременно позволять, чтобы части российской армии фактически участвовали в боевых действиях против грузинских и молдавских войск — причем на территории Грузии и Молдавии...

Борис Николаевич совершил грубую ошибку, сказав зачем-то, что не станет во второй раз выставлять свою кандидатуру на пост президента. Его противники сразу активизировались, поспешно списав его с политической сцены. И как в случае с Горбачевым, они обнаружились у него под боком.

Самой поучительной была история с вице-президентом Александром Руцким.

«ВСЕ БАБЫ НАШИ!»

В один из субботних весенних дней 1991 года, меньше чем за месяц до выборов первого президента России, Александр Руцкой, председатель одного из комитетов Верховного Совета, как обычно, находился в Белом доме со своими помощниками. Неожиданно последовал звонок от председателя Верховного Совета Ельцина, который пригласил зайти.

Руцкой вернулся только через два с лишним часа.

— А знаете, что он мне предложил? — торжествующе спросил он с порога. И, не дожидаясь ответа, выпалил: — Вице-президента!

— Ну и как?

— Я согласился, — важно сказал Руцкой. — Правда, я его предупредил, что китайским болванчиком не буду, что у меня есть свое мнение по многим вопросам, и я буду его отстаивать.

— Ну и что он?

— Он сказал, что такой человек ему и нужен. Но еще я сказал, — добавил Руцкой, — что, что бы ни случилось, я пойду с ним до конца. Ведь я офицер...

Весной 1991 года список вероятных кандидатов в вице-президенты, предложенный Ельцину, был длинным. Гавриил Попов сам предлагал себя. Борису Николаевичу нравился академик Юрий Рыжов, популярный среди интеллигенции.

«Я кожей чувствовал, как напряженно ждут моего решения два человека: Геннадий Бурбулис и Руслан Хасбулатов, — вспоминает Борис Ельцин. — Но ни один из них меня не устраивал. Что греха таить, я опасался чисто иррациональной антипатии народа. Меня не устраивал невыигрышный имидж обоих».

Потом станет ясно, что кандидатуре вице-президента напрасно придавали столь большое значение.

В июне 1991 года люди все равно голосовали за Ельцина, кандидатура вице мало кого интересовала. Но ведь это стало ясно после выборов, а до голосования казалось, что нельзя упустить ни одного шанса.

Александр Коржаков уверяет, что именно спичрайтеры президента — Геннадий Харин и Людмила Пихоя — уговорили Ельцина взять себе в вице Руцкого:

— Мы получим часть голосов коммунистов... Ельцин красивый, высокий, а рядом с ним будет Руцкой в военной форме, со Звездой Героя, с усами, наконец. Все бабы наши.

«Руцкой был просто создан для избирательной кампании, — согласился Ельцин. — Он как будто родился специально для того, чтобы быть запечатленным на глянцевых цветных плакатах, участвовать в телевизионных трансляциях, выступать перед большим скоплением народа.

Внешность заслуженного артиста, боевой летчик — Герой Советского Союза, говорит резко и красиво. Одним словом — орел!..»

Выбор Руцкого на эту роль более всего возмутил Геннадия Бурбулиса, который бравого полковника ни в грош не ставил и видел в роли вице самого себя.

Николай Гульбинский, бывший пресс-секретарь Руцкого, и Марина Шакина, известная журналистка, написали об Александре Владимировиче очень интересную книгу.

Они выяснили, что «Бурбулис попросил психологов, которые помогали в ту пору ельцинской команде, «посмотреть» Руцкого, исследовать его на совместимость и управляемость. Причем, как поняли психологи, речь шла о совместимости с Ельциным и управляемости со стороны Бурбулиса.

Психологи через какое-то время отрапортовали: о совместимости с Ельциным речь могла идти лишь в том случае, если Ельцин не будет отпускать от себя Руцкого ни на шаг, держать его под постоянным контролем.

Об управляемости Руцкого Бурбулисом не могло быть и речи — Руцкой, как истинный военный, будет терпеть лишь одного «старшего» над собой, он будет выполнять приказ командира, а не его помощника...

Если исходить исключительно из задач избирательной кампании, то казалось, что Ельцин просто не мог сделать лучшего выбора. Руцкой был тогда в центре событий... Его рейтинг рос стремительно, к нему было приковано внимание демократически настроенных коммунистов. Он стал любимцем прессы.

Расчет состоял в том, чтобы привлечь на сторону Ельцина те слои, которым мог импонировать Руцкой — «демократический коммунист», герой, афганец... Это было особенно своевременно с учетом того, что Рыжов взял себе в напарники другого героя афганской войны — генерала Бориса Громова.

Но Руцкой был популярнее Громова: на нем не лежала ответственность за проигранную войну...»

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕЗИДЕНТА

Александр Владимирович Руцкой — потомственный военный. В юности занимался в аэроклубе, мечтал стать летчиком, и мечта осуществилась. Он окончил Барнаульское высшее военное авиационное училище, Военно-воздушную академию имени Ю.А. Гагарина и Академию Генерального штаба.

С 1985 года командовал полком штурмовой авиации в Афганистане. В 1986-м был сбит «Стингером» и повредил позвоночник. Его отстранили от полетов, но он добился своего и вновь стал летать. В 1988-м вернулся в Афганистан заместителем командующего военно-воздушными силами 40-й армии. И вновь был сбит на границе с Пакистаном, где бомбил склады с боеприпасами моджахедов. Моджахеды передали его пакистанской разведке. Москва обменяла его на пакистанского разведчика. Президент Афганистана Наджибулла уверял потом, что за Руцкого заплатили большие деньги.

На выборах в народные депутаты СССР Руцкой выставил свою кандидатуру в одном из районов столицы и проиграл. Его программу называли демагогической.

На следующий год в российский парламент Руцкой выдвигался в родном Курске. Выступая перед избирателями, Руцкой говорил:

— Я был на митингах в Лужниках и наблюдал настоящее хамство со стороны Афанасьева и Ельцина. Партийные билеты в кармане и тут же орут с трибуны: «Мы остаемся в партии, чтобы взорвать ее изнутри». Эти подонки теперь рвутся возглавлять российское государство. Я буду биться до тех пор, пока не создадим свою Российскую коммунистическую партию...

Его избрали. В Верховном Совете полковник Руцкой возглавил Комитет по делам инвалидов, ветеранов войны и труда, социальной защиты военнослужащих и членов их семей.

Его избрали членом ЦК компартии России.

Он прославился на третьем съезде депутатов России.

Накануне шесть руководителей Верховного Совета — заместители Ельцина и председатели обеих палат обвинили Ельцина в том, что он ведет Россию в исторический тупик.

Руцкой прямо на съезде объявил о создании фракции «Коммунисты за демократию» и поддержал Ельцина. Его заявление имело огромный резонанс. К нему во фракцию записалось несколько десятков депутатов.

Руцкой хорошо выступал, умел расположить к себе аудиторию, производил на людей благоприятное впечатление. Многим нравился. Говорил то, что от него ждали, рассказывал, как защищает права инвалидов и участников войны в Афганистане, что по Москве он ездит только на общественном транспорте, персональной машины у него нет. Руцкой честно признавался, что раньше у него были другие взгляды, а теперь он их поменял и поддерживает Ельцина.

Александр Владимирович был готов всей душой трудиться рука об руку с президентом. Но после выборов о нем забыли. Ельцину и его команде он был просто не нужен. Его воспринимали как архитектурное излишество.

Ельцин говорит об этом совершенно откровенно:

«Главной ошибкой Руцкого — вернее, не ошибкой, а органически присущей ему чертой — было упорное нежелание понять и принять собственный статус. С самого первого дня он считал,

что вице-президент — это, если по-простому, первый заместитель президента...

Руцкой внутренне не желал принимать ситуацию, при которой сразу несколько ключевых фигур в российском руководстве, включая вице-премьеров, играют в политике гораздо более весомую роль, чем он».

В аппарате Ельцина исходили из того, что Руцкой выполнил свое дело и теперь может отдыхать, то есть наслаждаться чисто представительскими функциями. Когда Ельцин переехал в Кремль, Руцкого сначала даже не взяли с собой.

Олег Попцов вспоминает:

«Ельцин никогда не думал о своих взаимоотношениях с вице-президентом. Он был убежден, что подобной проблемы существовать не может. Вице-президент не является фигурой самостоятельной, человеком со своим окружением, своей целью, своей концепцией...

Поведение Руцкого есть следствие не столько поступков самого Руцкого, скорее это череда грубейших ошибок Бурбулиса, который с первых минут поставил на Руцком крест. Он сам воспринимал Руцкого как бутафорскую фигуру...»

Но Руцкой жаждал деятельности. Он приходил на заседания правительства и садился по левую руку от Ельцина. Он считал, что если народ выбрал их двоих, то они вдвоем и должны управлять страной.

Иван Силаев рассказывал мне, как вице-президент Руцкой пытался взять под свою команду целые министерства.

Приходил к главе правительства и напористо требовал:

— Иван Степанович, вы должны передать мне министерства культуры, образования, физкультуры и спорта.

Изумленный Силаев возражал:

— Но это же функции правительства!

— Нет, я считаю, что они должны быть у меня.

Когда неприкаянность Руцкого стала очевидной, Бурбулису пришла в голову мысль — поручить Руцкому сельское хозяйство. Дескать, такое гиблое дело избавит нас от надоедливого «вице». Гайдару эта мысль не понравилась, потому что Руцкой мешал проведению земельной реформы. Александр Владимирович рьяно принялся за дело, но его бестолковые указания привели аграриев в ужас. Президента стали просить оградить сельское хозяйство от Руцкого.

«МАЛЬЧИКИ В РОЗОВЫХ ШТАНИШКАХ»

В конце 1991 года Руцкой отправился в поездку по Сибири. Он встречался с руководителями военно-промышленного комплекса и увидел, в каком тяжелом положении оказались целые военные города. Производство там больше не финансировалось. Это означало, что во всем городе перестали платить зарплаты и пенсии. В некоторых городах отключалось отопление.

В этой поездке несдержанный Руцкой назвал новое правительство «мальчиками в розовых штанишках», хотя потом он доказывал Гайдару и Бурбулису, что имел в виду вовсе не их, а молодых депутатов из фракции «Смена — новая политика».

В Барнауле Руцкой говорил:

— Давайте вообще прекратим разговоры о либерализации цен. Павлов уже попробовал это сотворить, когда была проведена частичная реформа денег, которая ничего не дала, а привела к издевательству над людьми, которые тысячами стояли в сбербанках, и были повышены цены. И что, от этого рынок пополнился товарами и продуктами?..

Правительство возмутилось словами Руцкого, и его поездка закончилась скандалом. Руцкой пытался восстановить отношения с Бурбулисом и Гайдаром, пригласил их в Кремль, предлагал перейти на «ты». Но Ельцин перестал встречаться с вице-президентом. Руцкого спрашивали: почему он не подает в отставку, если не согласен с президентом?

— Я могу подать в отставку, — отвечал он, — я с удовольствием это сделаю, и у меня, собственно, есть такое желание, но я постараюсь еще что-то сделать и после этой поездки поговорить с президентом, что немножко не туда порулили. И если он не поймет, я подам в отставку...

Но в отставку Руцкой не уходил, а продолжал выступать так, словно он не вице-президент, а лидер оппозиции. Все его слова тщательно фиксировались и докладывались президенту.

Руцкой, наученный кем-то из своих советников, совершил крупное открытие, заявив, что «в наших условиях принципы монетаризма и макроэкономики не действуют». Потом это будут часто повторять оппозиционные политики, пока даже до них не дошло, что законы экономики имеют столь же универсальное значение, как и законы физики.

В марте 1992 года Руцкой в интервью британской телекомпании сказал: «Правительство, при котором старики роются в

мусорных отбросах, а школьники не могут позавтракать в буфете, это не правительство, это преступники, и они должны отвечать по закону за свои действия». Естественно, эта цитата широко распространилась.

Заботливые помощники приносили Ельцину записи выступлений Руцкого, который совершенно забыл, что у него есть должностные обязанности и критиковать президента он может, только подав в отставку:

— А что вы думаете? Так и скажу президенту: «Давай кошелек», оставлю ему три тысячи рублей и спрошу: Ну как, проживешь на три тысячи?»

Марина Шакина и Николай Гульбинский увидели в задиристых манерах Руцкого серьезные психологические причины:

«Прошлое Руцкого оставило глубокий след не только в его характере, но в самой психике. Человек, которого дважды сбивали, брали в плен, пытали, уже не может видеть жизнь в ее нормальном ракурсе, теряет ощущение силы наносимых им ударов. Оскорбляя, унижая, раскидывая людей, он искренне полагает, что ничего плохого им не сделал.

Афганское прошлое определяет постоянную вовлеченность Руцкого в «борьбу», его привычку видеть мир в черно-белых тонах, его подозрительность, манию преследования, недоверие к людям».

Егор Гайдар разглядел в нем другую черту:

«То, что вице-президент — человек весьма ограниченный и малообразованный, новостью для меня, разумеется, не было. Но в процессе работы, особенно сталкиваясь с экстремальными ситуациями, требующими принятия быстрого решения, такими, как события в Северной Осетии и Ингушетии, Южной Осетии, в Таджикистане, вдруг с недоумением убеждаюсь, что героический летчик, мягко говоря, еще и не слишком храбр.

До того момента, когда нужно принимать решение, бездна слов, энергии. Когда же доходит до дела и надо действовать, причем, не дай Бог, президента нет, а на «хозяйстве» остались мы двое, он — вице-президент, и я, исполняющий обязанности премьера, вот тут-то и проявляется его страстное желание переложить принятие решения на кого-нибудь другого...

Да, за бравой внешностью усатого рубахи-парня скрывается мечущаяся, неуверенная в себе натура».

В декабре 1992 года, накануне съезда народных депутатов, который должен был решить судьбу правительства Гайдара, на

встрече с Руцким в редакции «Литературной газеты» известный журналист Юрий Щекочихин спросил Руцкого:

— В отношениях с президентом вы ведущий или ведомый? Или вообще летите в разных направлениях?

— Я все-таки считаю, что Борис Николаевич — ведущий, а я — ведомый, — ответил Руцкой. — Но раз вы так поставили вопрос, то как летчик скажу: иногда ведомый выполняет и роль ведущего... Но в этой ситуации лучше лететь в одном самолете с двойным управлением. Тогда уж точно и гарантированно можно прилететь на заданный аэродром...

Своими действиями я пытаюсь добиться одного — реализации обещаний, данных людям на президентских выборах... Дело в том, что, как ни парадоксально, я по многим вопросам оказываюсь прав...

Но Ельцин для себя уже решил, что Руцкой ему не нужен.

Борис Федоров вспоминает, как новый президент Соединенных Штатов Билл Клинтон предложил Ельцину, когда зашла речь о создании комиссии по сотрудничеству между двумя странами, чтобы ее возглавили вице-президенты Альберт Гор и Александр Руцкой. Ельцин резко ответил, что Руцкого было бы лучше отправить на ракете в космос, а комиссией займется более надежный человек — глава правительства Виктор Черномырдин.

ВЛАСТЬ САМА ИДЕТ В РУКИ

Откровенные противники правительства с весны 1992 года стали доказывать, что Егор Гайдар не способен управиться с такой махиной, какую представляет собой российская экономика. Поговаривали, что Гайдар уже не контролирует и собственное правительство, в котором не все с ним согласны, и несогласные ждут нового хозяина.

А Борис Ельцин, по словам оппозиции, не менял главу кабинета только потому, что Егор Гайдар — визитная карточка российских реформ, и президент не желает будоражить мир переменами в Кремле...

На смену Егору Тимуровичу искали какого-нибудь прогрессивного хозяйственника, который бы поладил с влиятельным директорским корпусом.

Летом 1992-го российские и иностранные газеты оживленно обсуждали перспективу замены несправившегося мальчика

Гайдара на выразителя мнения директорского лобби и военно-промышленного комплекса Аркадия Вольского. Можно было подумать, что это дело решенное.

На иностранных корреспондентов производило большое впечатление то, что Аркадий Вольский, как и в прежние времена, сидел на Старой площади, где раньше располагался ЦК КПСС, в котором Вольский заведовал отделом машиностроения, а потом был помощником у Андропова и Черненко. Иностранные журналисты называли тогда Вольского самым влиятельным закулисным политиком России, вокруг которого объединяется политическая оппозиция. «Создается впечатление, — писала «Нью-Йорк таймс», — что власть сама идет ему в руки».

Аркадий Вольский, Александр Руцкой и депутат Николай Травкин, в прошлом знаменитый подмосковный строитель, Герой Социалистического Труда, образовали тройственный союз. Сговорившись еще с парламентской фракцией «Смена», они создали Гражданский союз и объявили его тем самым центром, которого — в этом привычно сходилось общественное мнение — так не хватает России.

Словом, тем летом всегдашнее ожидание перемен в начальстве, живущее в обществе, вывело Аркадия Вольского на первый план. И все ждали: когда же, наконец, Ельцин переведет Вольского в правительство?

Почему же Ельцин никак не решался сменить Гайдара? Понимал, что мир воспримет уход Гайдара как решительную перемену курса? Боялся проявить политическую слабость, чтобы оппозиция не набросилась на него с утроенной силой?

Ельцин часто проявлял упорство и неуступчивость в кадровых вопросах. Но и его упрямство знало пределы: он не стал бы поддерживать Егора Гайдара только из духа противоречия. Президент понимал цену Гайдару. Зачем расставаться с тем, кто делает дело?

Конечно же образованный и интеллигентный Гайдар не отвечал представлениям общественного мнения о хозяине, который должен быть жесток, крут и грозен. Но Гайдар сделал невозможное: он начал реформировать российскую экономику и, несмотря ни на что, эти реформы продолжал. Уже через полгода после их начала стало очевидно, что само существо российской жизни изменилось, что рынок — пусть в варварской, азиатской, уродливой пока еще форме, но начал жить.

Весной, во время бурного съезда народных депутатов Ельцин обещал ввести в кабинет «практика». Все решили, что его выбор падет на Аркадия Вольского. Но президент предпочел забрать из Верховного Совета Владимира Шумейко, не имеющего собственного политического прошлого, поладившего с депутатами и лично преданного Борису Николаевичу.

Почему же Вольского так часто называли самым вероятным кандидатом на пост главы правительства? Потому что реформаторы должны были решить две основные задачи: продолжать реформы быстрыми темпами и одновременно позаботиться о военно-промышленном комплексе, не дать ему взорваться. Правда, одно исключало другое: чтобы ублаготворить военную индустрию, надо было остановить реформы.

Все искали мага и волшебника, который сумел бы соединить несоединимое. А Вольский казался тайным главой военно-промышленного комплекса.

Лидеры Гражданского союза вели себя в рамках своего образа: люди, знающие реальную жизнь, они покровительственно поглядывали на молодых ребят Гайдара, которые думают, что могут перевернуть весь мир, если им дадут подходящий рычаг.

Гражданский союз был создан не революционерами, не романтиками, не трибунами, а осторожными прагматиками, которые старались быть в центре внимания. Они предлагали идти китайским путем — постепенные экономические реформы без политических перемен. У профессиональных китаистов эта идея вызывала улыбки. В России, как минимум, слишком мало китайцев, чтобы следовать китайским путем, а никто другой не согласится работать в таких каторжных условиях.

Ельцин, похоже, разобрался в этих людях. В реальности такого уж влияния на директоров у лидеров Гражданского союза не было. Они уверяли, что контролируют сорок процентов Верховного Совета, но это оказалось сильным преувеличением.

К тому они же пытались давить на президента, ставили ему условия, хотели быть политическими партнерами. Борис Николаевич давить на себя никому не позволял и главу правительства самостоятельной политической фигурой не признавал. Он относился к премьер-министру как первый секретарь обкома к председателю облисполкома, то есть просто считал его главным хозяйственником.

ПРОЩАНИЕ С ГАЙДАРОМ

Ельцина подталкивали к компромиссу, отступлению, сдаче позиций. А он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы не только не сдаваться, но и нанести упреждающий удар.

1 декабря 1992 года открылся съезд народных депутатов. Депутаты намеревались навязать президенту свою волю.

Ельцин знал, что его ждет, и приготовил обращение к стране, выдержанное в резких тонах:

«Наступил переломный момент в истории нашей страны, в жизни каждого из нас. Весь прошедший год Верховный Совет во главе с Хасбулатовым мешал реформам, мешал президенту и правительству осуществлять финансовую стабилизацию, наладить радикальные рыночные реформы...

Я должен выбирать, что важнее — верность народу или верность положениям устаревшей брежневской конституции, умышленно сохраняемой антинародными силами. Я подписал указ о введении переходного периода и приостановке деятельности съезда народных депутатов».

Работа съезда приостанавливалась на полгода, за это время предполагалось провести референдум о доверии президенту. В проекте указа был пункт, лишавший вице-президента Руцкого права наследовать власть: «В случае смерти президента или невозможности выполнения им своих обязанностей полномочия президента, вытекающие из конституции и настоящего закона, переходят к правительству Российской Федерации».

Но Ельцин не решился тогда осуществить свои планы. Сопротивлялись секретарь Совета безопасности Юрий Скоков и министр безопасности Виктор Баранников.

Накануне съезда Гайдар понимал, что его не утвердят премьер-министром. Правда, люди из Гражданского союза многозначительно нашептывали, что, если он изменит состав правительства, директорский корпус его поддержит. Но сдавать свою команду Гайдар не собирался.

Съезд открылся выступлением Руслана Хасбулатова, который объяснил депутатам, что правительство выбрало американский, монетаристский путь, а надо было предпочесть шведский, социально ориентированный.

Но попытка принять поправки к конституции, ограничивающие права президента, не удалась. Нужно было собрать две трети голосов, и не хватило буквально одного голоса. Это было

поражением Хасбулатова. Зато открылась возможность для переговоров.

Президент встретился с представителями фракций. Они предложили сделку: если президент будет назначать силовых министров по согласованию с Верховным Советом, то взамен депутаты проголосуют за Гайдара. Ельцин согласился. Но депутаты его обманули и проголосовали против Гайдара. Ельцин это тяжело переживал и решил побороться за Егора Тимуровича.

На следующее утро в начале восьмого Гайдару позвонил первый помощник президента Виктор Илюшин, передал поручение президента собрать правительство на Старой площади в половине десятого. Сам президент уже отправился на съезд. Гайдар не понимал, что происходит. С ним соединился Бурбулис, предупредил:

— Сейчас Сергей Михайлович Шахрай принесет вам важный документ, не удивляйтесь.

Это было заявление президента с предложением провести референдум о доверии, а затем — досрочные выборы. Заявление, по мнению Гайдара, «весьма плохо подготовленное, а главное — несвоевременное. Апеллировать к народу из-за того, что не утвердили премьером человека, который разморозил цены и с которым ассоциируется очень тяжелый отрезок в жизни страны, — на редкость неудачная идея.

При всем том, уже хорошо зная Бориса Ельцина, понимаю: пытаться в этот момент удержать его за фалды — абсолютно бесполезно, будет то же самое, но только еще хуже».

Президент на съезде обвинил Хасбулатова в том, что председатель Верховного Совета стал орудием реакционных сил, что созданы невыносимые условия для работы президента и правительства, депутаты блокируют реформы. Единственный путь — провести референдум.

— И над съездом, и над президентом есть один судья — народ, — говорил Ельцин. — Вижу поэтому выход из глубочайшего кризиса власти только в одном — во всенародном референдуме. Я предлагаю съезду принять решение о назначении всенародного референдума на январь 1993 года со следующей формулировкой: «Кому вы поручаете вывод страны из экономического и политического кризиса, возрождение Российской Федерации — нынешнему составу съезда, Верховному Совету или президенту?»

Ельцин сказал, что обратится к народу, и предложил своим сторонникам покинуть зал. Никто из депутатов, сторонников президента, не был предупрежден, они не знали, как им поступить, и ушли немногие. А замысел состоял в том, чтобы оставить съезд без кворума, необходимого для принятия решений.

Оппозицию чуть испугали, не более. Съезд мог продолжать работу. Разъяренные депутаты вызвали к себе генерального прокурора и министров обороны, внутренних дел и безопасности и потребовали от них ответа — с кем они, с президентом или с депутатами? Павел Грачев и Виктор Ерин бормотали что-то невнятное. Министр безопасности Виктор Баранников как бы присягнул на верность съезду. Генеральный прокурор Валентин Степанков сразу сказал, что для него единственная законная власть — это депутаты. Он уже сделал свой выбор.

На радостях депутаты отвергли все предложения Ельцина, проголосовали и против референдума, и против предоставления президенту дополнительных полномочий.

Создавалось ощущение, что президент остался без поддержки. Прямо со съезда он поехал на автомобильный завод имени Ленинского комсомола, выступил перед рабочими в надежде услышать слова поддержки. Сначала настроение у него поднялось. Но через несколько часов он оценил ситуацию и увидел, что атака на съезд не увенчалась успехом.

Начались переговоры: с президентской стороны их вел Гайдар, со стороны депутатов — заместитель председателя Верховного Совета Николай Рябов.

Достигли компромисса: съезд отменит самые неприятные из принятых решений, будет проведен референдум о доверии съезду и президенту, президент предложит съезду рассмотреть не одну, а три кандидатуры на пост премьер-министра. После мягкого рейтингового голосования президент одну из кандидатур представит съезду на утверждение.

12 декабря Хасбулатов и Ельцин при посредничестве председателя Конституционного суда Валерия Зорькина подписали соглашение «О стабилизации конституционного строя Российской Федерации».

Оппозиции соглашение не понравилось, но Хасбулатову с его талантом манипулятора удалось добиться его одобрения.

Накануне утверждения кандидатуры премьер-министра президент пригласил правительство на ужин. Настроение у всех было хорошее.

Гайдар поговорил с президентом наедине. Сказал, что попытки удержать его на посту премьер-министра ведут к дестабилизации обстановки и он готов уйти. Поскольку академик Юрий Рыжов, как всегда, отказался возглавить правительство, Гайдар предложил директора Волжского автомобильного завода Владимира Каданникова. При нем команда Гайдара сможет остаться. Президент сказал, что обязательно учтет совет.

В список для голосования президент включил секретаря Совета безопасности Скокова, первого вице-премьера Шумейко, вице-премьера Черномырдина, Каданникова и Гайдара.

Больше всех голосов получил Скоков, затем шли Черномырдин и Гайдар. Каданникова мало кто поддержал.

Ельцин вспоминает: «Оставалась одна возможность сохранить Гайдара — назначить его до следующего съезда исполняющим обязанности премьер-министра. Но при этом ни мне, ни ему парламент не дал бы работать. Любые действия Гайдара будут блокированы, реформа может зайти в тупик...»

После голосования Гайдар разговаривал с президентом.

«На Бориса Николаевича было больно смотреть, — вспоминает Гайдар, — видно, что решение далось ему нелегко. Очень не хочется к тому же менять всего несколько дней назад заявленную позицию о моей поддержке, тем самым демонстрировать слабость».

Гайдар всячески отговаривал от предложения кандидатуры Скокова: «Честно говоря, у меня не было уверенности, что в критических ситуациях он твердо встанет на сторону президента, а не начнет суетиться, маневрировать... Впоследствии, в апреле 1993 года, мои опасения оправдались».

Ельцин сам не хотел назначать Скокова, хотя он очень высоко ценил этого человека.

Сын профессионального сотрудника госбезопасности, Юрий Владимирович Скоков окончил Ленинградский электротехнический институт имени В.И. Ульянова и работал в военно-промышленном комплексе под Москвой и в Краснодаре, где в краевом управлении КГБ служил его отец. Со временем его перевели в Москву, где он возглавил научно-производственное объединение «Квант», где побывал первый секретарь Московского горкома Борис Ельцин, который запомнил Скокова.

«Скоков — умный человек, это первое, что надо о нем сказать, — вспоминает Ельцин. — И очень закрытый. Силаев, при котором Скоков был председателем высшего экономического

совета, и Гайдар, во время которого он стал руководителем Совета безопасности, чувствовали исходящую от Скокова скрытую угрозу, не раз и не два конфликтовали со мной из-за него...

Скоков — реальный «теневой» премьер-министр, которого я всегда как бы имел в виду... Пусть «теневой» премьер подстегивает премьера реального».

Скоков, назначенный в правительство первым вице-премьером, изводил министров длительными совещаниями и желанием всех контролировать. Он откровенно подсиживал Ивана Силаева.

Во время августовского путча, вспоминает Ельцин, «Скоков как мое доверенное лицо встречался с представителями армии и МВД — Грачевым и Громовым. Эти контакты были совершенно секретны и имели для нас решающее значение — хотя бы даже в моральном плане. При этом Скоков держался скромно, незаметно, что тоже не могло не импонировать».

По словам Бориса Федорова, «Скоков изо всех сил «втирался» в доверие к Б. Ельцину, ездил с ним по стране, старался стать «незаменимым» и в конце концов добился своего».

«К концу 1992 года у него появилась одна странность в поведении, — вспоминает Ельцин. — При встречах со мной он настолько горячо, настолько часто повторял: «Борис Николаевич, вас окружают враги, я единственный, кто вам предан», что это вызывало разные мысли: может, у него мания преследования?»

Скоков пытался превратить Совет безопасности в особый орган управления, поставить его над армией и спецслужбами, а еще создать при нем оперативно-следственную группу с прокурорами, следователями, судьями. Сергей Филатов тогда едко заметил, что только палача не хватает... В результате Скоков нажил себе множество врагов.

Тем не менее накануне седьмого съезда Ельцин сказал Скокову, чтобы он готовился заменить Гайдара. Борис Николаевич желал сохранить Гайдара, но на всякий случай готовил и запасные позиции. Скоков твердо сказал, что готов принять на себя эту ответственность.

Однако в последний момент что-то удержало Ельцина. Он инстинктивно чувствовал, что Скоков не тот человек, который ему нужен. Одно дело держать такого человека в правительстве в качестве противовеса Гайдару, другое — поручить ему всю страну... Уж лучше назначить Виктора Степановича Черномырдина, человека без видимых политических пристрастий, менее амбициозного, но более открытого и понятного.

Прямо во время съезда Борис Николаевич попросил пригласить к нему Юрия Скокова. Разговор получился трудный:

«Юрий Владимирович понимал ситуацию так: раз он набрал больше всего голосов, то и прав стать премьером у него больше всех. Я ему сказал: учитывая наши давнишние отношения, говорю совершенно откровенно, поймите меня, сейчас никак нельзя. Вашу фамилию связывают с военно-промышленным комплексом. Короче говоря, я не могу. Внешне спокойно он это воспринял. «Ваше право», — говорит.

И все-таки лицо выдает человека. Юрий Владимирович в глубине души был страшно обижен. На него тяжело было смотреть. Это слишком честолюбивый человек для такого разговора».

Гайдар тоже советовал президенту остановиться на Черномырдине. По глазам Ельцина понял, что это вопрос решенный.

Гайдар вернулся в зал, сел рядом с министрами и сказал, что Ельцин сейчас предложит Черномырдина. Несколько депутатов в последний момент пытались отговорить Ельцина: «Он тяжело взмахнул рукой — решение принято».

Черномырдин, выйдя на трибуну, сказал, что он за рынок, но не за базар. Это было воспринято как обещание отказаться от гайдаровского курса. Съезд поддержал Виктора Степановича. Гайдар попросил всех министров оставаться в составе правительства, хотя многие были готовы уйти. Сам подал в отставку, не захотел остаться первым вице-премьером.

Ельцин переживал прощание с Гайдаром.

Вечером Егору Тимуровичу позвонила расстроенная Наина Иосифовна Ельцина:

«Говорила примерно следующее: вы такие молодые, такие умные, ну придумайте что-нибудь, помогите Борису Николаевичу, он немолодой человек, ему тяжело...

Утром — звонок от Бориса Николаевича. Он предложил стать его главным экономическим советником. Я ответил, что вынужден отказаться — такое назначение будет слишком стеснять нового премьера, а я очень хорошо понимаю, насколько опасным может быть дублирование в руководстве экономикой, мешать ему не хочу».

Ельцин навсегда сохранил уважение к Гайдару, хотя Егор Тимурович потом резко критиковал президента.

Гайдар вспоминает: «Характерная черта Бориса Ельцина — уважение, которое он питает к людям независимым, и презре-

ние к рабскому поведению. Отсюда — и умение соглашаться с самыми неприятными для него аргументами, если он чувствует их состоятельность...»

Глава четырнадцатая
ОКТЯБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ

В начале 1993 года заговорили о том, что дни Бориса Ельцина как президента сочтены и он, видимо, скоро уйдет. Возникло ощущение, что он утратил власть над страной и за пределами Кремля ему больше никто не подчиняется.

Между правительством и Верховным Советом развернулась настоящая война. Причем депутаты во главе с Русланом Хасбулатовым исходили из того, что настоящая власть в стране — это они. Символически переход к новой системе власти произошел, а практически государственный механизм не действовал.

Исполнительная власть в России еще только складывалась. Решения, принятые в Кремле, никто не спешил исполнять. Если бы провинциальные политики решили, что им не стоит связывать свою судьбу с Ельциным, система управления государством вообще бы разрушилась.

Когда стало ясно, что Верховный Совет прибирает к рукам все больше власти, Борис Ельцин обнаружил, что у него очень мало друзей. Его атаковали со всех сторон не только крепнущая оппозиция, но и недавние союзники.

Политики один за другим спешили дистанцироваться от президента, чтобы впоследствии доказать избирателям свою непричастность к непопулярной экономической политике. Так же стали поступать и местные начальники, и высший слой государственной администрации — во всяком случае, те, кто не собирался в ближайшее время уходить на пенсию.

Весь предыдущий год в команду Ельцина тянулись люди — за назначениями. Они всеми силами демонстрировали лояльность президенту. Их рвение стало угасать. Тот, кто ходил в отличниках при одном классном руководителе, запросто мог оказаться изгоем при другом.

Большинству казалось, что, когда Ельцину в ближайшем будущем придется уйти, его сменит вице-президент Александр Руцкой. Более проницательные люди видели, что на роль

первого человека в стране с большим основанием претендует председатель Верховного Совета Руслан Имранович Хасбулатов.

«МОЛЧИТ АППАРАТ — ОТКЛЮЧИЛИ!»

Годом раньше никому и в голову не могло прийти, что верный Руслан, которого Борис Николаевич сделал председателем Верховного Совета, пойдет против президента. Что же произошло с самым горячим сторонником Ельцина?

Размолвки между Борисом Николаевичем и Русланом Имрановичем начались довольно давно. Причины были самые тривиальные: один обижался, что его недооценивают, обделяют вниманием, отодвигают в сторону. Другой подозрительно косился на слишком амбициозного и самостоятельного соратника, который тянул на себя одеяло.

Свою роль сыграло и окружение Ельцина, которое следило за тем, чтобы никто не приобрел слишком большого влияния на президента. Сначала все вместе методично ябедничали на Геннадия Бурбулиса. Когда он уступил свои позиции, переключились на Хасбулатова.

Руцким в этом смысле занимались мало: его сам президент не принимал всерьез.

Властные инстинкты Хасбулатова в любом случае рано или поздно дали бы о себе знать, но Ельцин мог бы значительно дольше удерживать его под своим контролем.

Сергей Филатов, который был первым заместителем Хасбулатова, рассказывал мне:

— Сначала я еще был секретарем президиума Верховного Совета, но с Ельциным у меня почему-то не получалось общения. Я видел: что-то его сковывает. И я понял, в чем дело. Я был назначен по инициативе Хасбулатова и ему в помощь, поскольку Руслан Имранович практически весь воз работы взвалил на свои плечи. Он был активен, энергичен, много работал. Оказалось: Ельцин считал меня человеком Хасбулатова. Раз Хасбулатов меня взял, значит, я в его команде...

Однажды Ельцин позвонил Филатову прямо из машины. Телефонистка сообщает:

— Сейчас с вами будет Борис Николаевич говорить.

Филатов откликнулся:

— Слушаю, Борис Николаевич.

И вдруг на него обрушивается буквально поток брани:

— Что вы себе позволяете? Я проанализировал все законы, которые принимает Верховный Совет, и увидел, что все наиболее яркие, социально значимые подписывает Хасбулатов. А мелочь мне даете подписывать!

Филатов удивился:

— Борис Николаевич, я этого не замечал, но посмотрю специально. Существует определенная процедура, она должна соблюдаться. Руслан Имранович подписывает документы, когда вы отсутствуете долгое время...

— То есть он меня связывал с Хасбулатовым, — вспоминает Филатов, — и обвинение было, с его точки зрения, логичным. А потом я стал анализировать: действительно, наиболее социально значимые законы подписывает Хасбулатов, пользуясь отсутствием Ельцина. То ли в секретариате так удачно подгадывали, когда подать документы, то ли еще что... Но с этим покончили. Теперь документы в первую очередь ложились на стол Ельцину.

А потом вдруг подошел Борис Николаевич перед началом заседания Верховного Совета — мы стояли с Русланом Имрановичем, что-то обсуждали — и приобнял меня:

— Руслан Имранович, я часто езжу за рубеж. Пусть ваш представитель, первый заместитель ездит со мной.

Хасбулатов не возражал:

— Хорошо, и связь между нами будет.

Филатов ездил с Ельциным и в Англию, и во Францию, и в Турцию, и в Венгрию:

— Мы общались в самолете, вместе обедали, разговаривали. Я думаю, это его немного раскрепостило в отношениях со мной, появилась доверительность. Хотя он больше слушал, чем говорил. Но ясно было, что контакт установлен...

Потом отношения Хасбулатова и Ельцина стали откровенно портиться. Политик никогда не прощает унижения. А команда, которая окружала Ельцина, пыталась унизить Хасбулатова. Например, ему отключили прямую связь с президентом.

Филатов как-то сказал:

— Ну в чем проблема, Руслан Имранович? Снимите трубку и поговорите с Борисом Николаевичем.

Хасбулатов в сердцах ответил:

— О чем вы говорите? Молчит аппарат — отключили!

Потом его перестали приглашать на встречи с президентом. Обычно аппарат сообщает: Борис Николаевич улетает туда-то, проводы в такое-то время в правительственном аэропорту Внуково. И то же, когда он приезжает. Хасбулатову перестали звонить.

— Эти мелочи очень сильно задевают самолюбие, — говорит Филатов. — Начинаешь искать тайные причины, думать, кто за этим стоит. В основном ищут виновника в окружении. Но без ведома президента в Кремле едва ли что-то делается.

— То есть атакующей стороной был не Хасбулатов, а президентская сторона? — спросил я Филатова.

— Публично Хасбулатов, а в реальности, похоже, Ельцин.

У Ельцина есть одно хорошее качество — он редко в присутствии посторонних, на публике оценивал своих коллег.

«Я, — вспоминает Филатов, — никогда не слышал, чтобы он за рубежом о ком-то что-то плохо сказал, как бы он к некоторым людям ни относился. Он корректен до предела. Но как бы невидимые другим действия (отказать в общении, в возможности поговорить) влияют очень сильно. Тогда много ходило слухов о том, что и Бурбулис, и Хасбулатов рассматривались на роль вице-президента. И если это было так, а он потом не взял ни того ни другого, то в душе у обоих что-то осталось...»

Словом, Борис Николаевич сам упустил Хасбулатова, как и депутатский корпус в целом.

«Я ЕМУ БОЛЬШЕ НЕ ДОВЕРЯЮ»

Работать с депутатами было поручено Геннадию Бурбулису, которого в Верховном Совете не любили. Демократы по инерции исходили из того, что они партия большинства, а они давно его утратили.

Активные сторонники Ельцина — примерно двести депутатов — получили должности, ушли к президенту или в правительство. Оставшиеся либо чувствовали себя обиженными, либо являлись сознательными противниками президентского курса и особенно экономических реформ.

Ладить с депутатами не просто.

Некоторых раздражало, что депутаты при каждой удобной возможности оказываются у микрофона. Депутаты прежде всего думали о том, что это способ стать известным, показаться

всей стране. Назначенного на должность судят по его делам и способностям, избираемого — по умению подать себя.

Депутатами вместе с Ельциным была избрана целая когорта достаточно молодых политиков, которые стали известны всей стране, когда началась прямая трансляция заседаний съезда народных депутатов. Глядя из сегодняшнего дня, нетрудно предъявить им всем большой набор претензий. Большинство из них оказались мастерами слова, а не дела.

Но для депутата слово и есть дело.

В представительной демократии, чьи достоинства нам внезапно открылись, мы увидели панацею и решили взвалить на народных избранников решительно все. Несложная интеллектуальная работа привела нас к убеждению, что чем больше власти дать законодательному органу, тем лучше и демократичнее.

Еще не ясно было, как важно строгое разделение властей — законодательной, исполнительной и судебной. Если заставлять депутатов и какие-то уголовные дела рассматривать, и погрузочно-разгрузочными работами на железной дороге заниматься, то они и свое дело завалят, и чужое плохо решат.

Но это станет ясно позднее. А пока что депутаты хватались за все, ссылаясь на конституцию, в которой было записано, что съезд народных депутатов может принять к рассмотрению любой вопрос!

Трудности экономического развития естественным образом порождали оппозицию, но она сразу приобрела непримиримый характер и требовала не коррекции реформ, а их полного прекращения и смещения президента.

В феврале 1993 года состоялся второй чрезвычайный съезд компартии России. Партия быстро восстановилась. Коммунисты начали с того, что провели на Манежной площади митинг, потребовав отставки президента России. А перед этим образовался еще и Фронт национального спасения, объединивший противников Ельцина. Фронт сразу призвал народ к борьбе с «временным оккупационным режимом». Казалось, что настроения общества меняются и, разочаровавшись в немощной демократии и незавершенных реформах, люди готовы поддержать оппозицию.

Если Ельцин олицетворял «антинародный режим», то Хасбулатов желал играть роль народного защитника от «преступных реформ». Сначала Руслан Имранович говорил, что между Ельциным и парламентом России нет противоречий, а несовершенство некоторых президентских указов — вина Бурбулиса и Шах-

рая. Они должны подать в отставку, потому что не созрели для исполнения роли государственных деятелей.

Потом он стал презрительно оценивать исполнительную власть, как таковую. Летом 1992 года Хасбулатов говорил:

— Мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что за два года нахождения у власти пока не добились никаких побед, а имеем только поражения.

Профессор-экономист, он, похоже, был обижен выбором Гайдара: у них совершенно разные школы, разное видение экономического развития, реформ... Возможно, Хасбулатов втайне сам желал возглавить правительство и показать, как надо управлять страной.

Сергей Филатов рассказывал мне:

— Я хорошо помню, что атаки Хасбулатова начались в начале января 1992 года при его первой поездке в Рязань. Первый залп был выпущен по правительству. Его активно поддержал вице-президент Руцкой. Вот тут и у нас с Хасбулатовым начался конфликт, потому что я не считал возможным позволить, чтобы Верховный Совет вошел в конфликт с правительством и президентом. Потому что или надо отказываться от реформ вообще, или их поддерживать и общей командой проводить эту линию дальше...

Тогда Филатов предложил собрать президиум, пригласить членов правительства и разобраться в ситуации. Хасбулатов одобрил эту идею, но сам не пришел, сидел у себя в кабинете. В Верховный Совет пришли Гайдар и Бурбулис. Разговор был тяжелый. Но неожиданно договорились о документе типа декларации, которая должна была сгладить постановление съезда народных депутатов. Получилась парадоксальная ситуация: съезд принимает как бы два противоположных документа — один осуждает реформы, другой поддерживает. Вот с этого момента Хасбулатов стал подозрительно относиться к Филатову.

Но для окончательной ссоры он еще не созрел. Руслан Имранович подошел к Филатову и попросил:

— Сергей Александрович, позвоните Ельцину. Посидим втроем, пообедаем, поговорим.

Филатов попросил соединить его с президентом и пересказал просьбу председателя Верховного Совета:

— Посидим втроем, может быть, как-то объяснимся.

Ельцин твердо ответил:

— Я не хочу. Я этому человеку больше не верю. Он творит много подлостей, и я ничего общего с ним иметь не желаю.

Филатов смутился: ну как такие слова передать? Ельцин очень грубо выразился, но нельзя же напрямую это Хасбулатову сказать. Поднялся в президиум, Хасбулатов сразу спросил:

— Ну как, поговорили?

— Поговорил, Руслан Имранович, но Борис Николаевич сказал, что он не сможет.

Конфликт перешел в непримиримую борьбу.

Филатов, когда увидел, что дело совсем плохо, сказал своим коллегам по президиуму Верховного Совета Владимиру Шумейко и Юрию Ярову:

— Ребята, сходим к Борису Николаевичу, посидим, посоветуемся, что дальше делать. А то как-то неуютно нам работать. А была-то ведь единая команда.

«Ведь нас всех избрали по предложению Хасбулатова — ему съезд очень доверял, нас даже на трибуну не пригласили, — ностальгически вспоминает Филатов. — Ельцин завидовал нашей команде. Как-то собрались все вместе — на одной стороне стола Ельцин, на другой мы сидим. Видно было, что он завидует такой цельности команды. Действительно, команда была дружная, мы понимали друг друга с полуслова. И вдруг все стало разваливаться...»

Ельцин был непримиримо настроен к Хасбулатову и сказал своим союзникам в Верховном Совете:

— Я ему не могу доверять. Он постоянно обманывает, постоянно строит какие-то коварные планы. Поэтому давайте, если это возможно, вашими усилиями проводить в жизнь реформы. Я готов вам помогать.

«Это был явный раскол, — говорит Филатов. — Хасбулатов узнал, что мы были на этой встрече, и тогда начал всеми силами давить уже на нас. Я ушел, Шумейко ушел, Яров ушел... Практически из заместителей председателя Верховного Совета остался один представитель коммунистов Юрий Воронин. Хотя первоначально Хасбулатов нас собрал и говорит:

— Ребята, Воронину я не доверяю. Я его вынужден был взять ради компромисса с коммунистами.

С этого началось, а кончилось тем, что мы все оказались у него во врагах, а Воронин — лучший друг».

НАШ РУСЛАН ИМРАНОВИЧ

Возможно, ошибка состояла в том, что Хасбулатова сделали первым человеком в Верховном Совете. Гавриил Харитонович Попов говорил: «Руслан Имранович — прекрасный заместитель, но его ни в коем случае нельзя делать первым лицом...»

— А что, действительно Хасбулатов в какой-то момент увидел себя первым человеком в стране? — спросил я Сергея Филатова.

— Да, конечно. Он критиковал экономические реформы и видел, что на местах его поддерживают. Он очень часто встречался с простыми людьми. Когда ему высказывали сомнения в том, что делает Гайдар, когда поддерживали его идеи, это все придавало ему определенные силы. Его постоянно подталкивали к конфликту с правительством, говорили: почему вы не воспользуетесь своим правом? В конституции же было написано, что съезд народных депутатов может принять к рассмотрению любой вопрос. Это давало право считать съезд народных депутатов и Верховный Совет высшей властью в стране. И депутатам казалось естественным приструнить президента, я уже не говорю о министрах, председателе Центрального банка, генеральном прокуроре.

Хасбулатов был хорошо информирован о происходящем в правительстве. У него можно поучиться. Он массу времени уделял текущей политике, например, позаботился о назначении многих заместителей министров. Они к нему приходили, рассказывали.

Все это играло на него, тем более что Борис Николаевич часто уходил от дел. Я, например, не помню ни одного заседания президиума Верховного Совета, который бы он провел от начала и до конца, — говорит Филатов. — Работал примерно час, потом передавал бразды правления Хасбулатову и уходил.

У Хасбулатова, конечно, стало появляться ощущение, что он главный человек, который все понимает, все умеет. Когда его в чем-то одергивали, возникала обида. Действовали обычные человеческие эмоции, ничего сверхъестественного не происходило.

Но в политике многие простые вещи обретают иной смысл. Когда ты у власти, кажется, что в руках есть волшебная палочка, которой можно заставить подчиненных сделать что угодно. Когда видишь, что эта палочка действует, мало кто отказывает

себе в удовольствии ей и дальше размахивать. Особенно люди такого типа, как Хасбулатов...

Он настойчиво пробивал пакет поправок к конституции, принятие которых ставило его вровень с президентом России: он хотел, чтобы Верховный Совет мог отстранять от должности президентов республик, входящих в состав России, а председатель Верховного Совета получил право подписывать законы, если этого не делает президент.

Руслан Имранович стал со значением говорить:

— За ситуацию в стране отвечают два человека — президент и я.

Хасбулатова безумно раздражало, что в нем не видели фигуру, равную Ельцину. И это было несправедливо, потому что Руслан Имранович, возможно, был самым талантливым политиком России, но после Бориса Николаевича.

Хасбулатов неустанно работал над собственным образом выдающегося государственного деятеля, храброго и мудрого. Он считал, что российское общество недооценило самого бесстрашного защитника демократии в России и отдало все лавры Ельцину, поэтому ему пришлось самому рассказать о славных эпизодах августа 1991 года. В изображении Хасбулатова события выглядели так.

В первый день путча собравшиеся на даче Ельцина в Архангельском демократы нервничают и не знают, что делать. Хасбулатов решителен, смел, находчив: «Не могу больше оставаться здесь, буду прорываться, вы как хотите...» Пришлось и остальным поневоле ехать за ним в Москву.

В Белом доме все бросаются к Хасбулатову. «И опять вопрос: «Что делать?» Сказал: «Надо организовать людей, надо строить баррикады».

Охрана предлагает Хасбулатову перейти в более безопасное крыло здания. «Я спокойно продолжал сидеть в кресле, курил свою трубку и затем заметил, что не вижу никакой необходимости покидать кабинет».

Беспримерное мужество Хасбулатова оттеняется малодушием президентского окружения. «Один из главных помощников» Ельцина, увидев входящего в его комнату офицера, в страхе закричал: «Я ни при чем, это все Ельцин и Хасбулатов!»

Хасбулатов поведал о том, что даже тогдашний премьер-министр Иван Силаев 20 августа, когда ждали штурма Белого дома, сплоховал и ушел домой. Хасбулатов снисходителен к

чужим слабостям и уговаривает Ельцина: «Перенервничал он, не надо на него сердиться».

Но и сам президент, как следовало из воспоминаний Хасбулатова, не смог соперничать в смелости со своим первым заместителем. Ельцин думал о том, чтобы укрыться в американском посольстве. Хасбулатов великодушно разрешил ему это сделать. «Я же должен быть с депутатами, остаюсь с ними», — говорит Хасбулатов и уходит.

Пристыженный президент тоже остался.

Ельцин, Попов с Лужковым укрылись в подвале Белого дома. Хасбулатов последовал было за ними, но не смог долго скрываться: вернулся назад, туда, где трудно...

ГЕНИАЛЬНЫЙ МАНИПУЛЯТОР

Возможно, он и сам не сразу поверил, что сумеет загнать Ельцина в угол. Но шаг за шагом Хасбулатов переигрывал президентскую команду, допустившую непозволительное количество ошибок. Он научился командовать депутатами. Многие из них его не любили, но поддерживали, потому что он им был нужен в борьбе за выживание.

Он чувствовал, что ему, мягко говоря, не симпатизируют, но это было лишь стимулом обрести еще большую власть над депутатами. Ему сильно вредила несдержанность на язык. Даже бывшего премьер-министра Англии знаменитую Маргарет Тэтчер Хасбулатов в порыве раздражения назвал «заезжей бабёшкой».

Руслан Имранович гениально манипулировал Верховным Советом. Он чувствовал зал, знал, когда поставить вопрос на голосование, когда провести голосование, когда свернуть дискуссию, знал, как зажечь депутатов и как их успокоить.

У него было много рычагов влияния на депутатов: он давал квартиры, служебные кабинеты и отправлял в зарубежные командировки. Он лишил полномочий своих заместителей, не позволяя им и шагу ступить без его ведома, и вообще сконцентрировал всю власть у себя в руках.

Хасбулатов запретил председателям комитетов и комиссий Верховного Совета напрямую обращаться к президенту, только через него.

Филатов жаловался, что за ним, первым заместителем председателя Верховного Совета, ведется слежка. Если он проводил

рабочее совещание, то через пять минут ему звонил недовольный Хасбулатов:

— Что это у вас за совещание, с кем вы встречаетесь?

Хасбулатов сформировал свой аппарат из очень опытных специалистов, в том числе консультантов из бывшего ЦК КПСС. Ему нужны были хорошие мозги для борьбы с президентской властью.

10 марта 1993 года открылся восьмой съезд народных депутатов России, который принял решение ограничить полномочия президента. Противостояние исполнительной и законодательной власти поставило страну в тупик.

У Ельцина был неширокий выбор: либо смириться с тем, что власть постепенно уходит у него из рук, либо что-то предпринять. Компромисс казался невозможным. Депутаты не хотели мириться с президентом, напротив, они утверждали себя в борьбе с ним. И личная вражда с Хасбулатовым сделала компромисс невозможным.

Ельцин, похоже, даже остерегался беседовать с Хасбулатовым один на один. В словесной эквилибристике он не мог соперничать с гибким Русланом Имрановичем и противостоять его хитроумной логике. Ельцин не умел так ловко управляться со словами, как Хасбулатов, и оставался в проигрыше.

По той, советской еще конституции распустить съезд и назначить новые выборы Ельцин права не имел. Но это казалось единственным выходом из тупика. Он не хотел ждать, пока его попытаются выжить из Кремля, и решил нанести удар первым и обезоружить своих противников.

Общество расколется потом на сторонников и противников этого решения. Причем все — и те, кто полностью поддержал Бориса Николаевича, — сходились на том, что решение, им принятое, противоречит конституции.

Но одни тем не менее считали его правильным, потому что ситуация была безвыходной и заставлять страну страдать, затягивать конфликт было преступно. Другие и по сей день уверены, что нарушать конституцию не позволено никому, и Ельцин был обязан искать иное решение.

Поразительным образом нарушение конституции поддержали самые видные российские правозащитники, начиная с Сергея Адамовича Ковалева, который тогда — до чеченской войны — был моральным авторитетом для значительной части общества.

Возможно, все дело было в том, что в 1993-м спор шел не о конституции, а о выборе пути. С именем Ельцина связывались

надежды на демократическое развитие России и необходимые для страны экономические реформы. Оппозиция отпугивала стремлением или вернуть страну к коммунистическому прошлому, или привести к новой диктатуре.

ИСТОРИЯ ОДНОГО УКАЗА

20 марта вечером Ельцин внезапно обратился по телевидению к народу:

— Нельзя управлять страной, ее экономикой, особенно в кризисное время, голосованием, репликами от микрофона, через парламентскую говорильню и митинговщину. Это безвластие, это прямой путь к хаосу, к гибели России...

С таким съездом работать дальше стало невозможно... Считаю необходимым обратиться непосредственно к гражданам России, ко всем избирателям. Вижу выход из глубочайшего кризиса в одном — во всенародном референдуме. Я не призываю распустить съезд, а прошу граждан России определиться, с кем вы... Страна больше не может жить в обстановке постоянного кризиса... Президент вынужден взять на себя ответственность за судьбу страны...

Президент сообщил, что назначает на 25 апреля референдум о доверии президенту и вице-президенту. А также обещал вынести на референдум проект новой Конституции и новый закон о выборах федерального парламента.

Он сказал, что во имя сохранения единства и целостности России вынужден подписать указ об особом порядке управления страной до преодоления кризиса власти. Этим указом приостанавливается работа съезда народных депутатов и Верховного Совета...

Выступление Ельцина порадовало одних («Наконец-то президент действует!») и возмутило других («Узурпатор! Диктатор!»). Противники Ельцина даже обрадовались: этот указ даст им возможность отстранить президента от должности за нарушение конституции.

Указ «Об особом порядке управления до преодоления кризиса власти» доставили на телевидение, но в последний момент Ельцин велел его не оглашать. Вокруг этого указа развернулась целая детективная история.

Свои визы на проекте указа поставили вице-премьер Сергей Шахрай и помощник президента Юрий Батурин. О планах

президента поставили в известность вице-президента Руцкого. Тот поддержал твердые действия президента. Не было сомнений, что поддержит указ секретарь Совета безопасности Юрий Скоков, который постоянно говорил президенту, что против него зреет заговор.

Первый помощник президента Виктор Илюшин отправил экземпляр указа Скокову, чтобы он поставил визу, а руководитель президентского аппарата Филатов пошел с указом к Руцкому. Оба отказались завизировать указ. Тогда к Руцкому поехал Шахрай. У того было множество замечаний. Когда стали их разбирать, стало ясно, что он в любом случае не собирается ставить свою подпись.

Причем Руцкому, как выяснили авторы книги о вице-президенте Марина Шакина и Николай Гульбинский, принесли не копию, а подлинник еще не выпущенного указа — уже с подписью президента.

У кабинета Руцкого в тот день вместо обычных телохранителей почему-то стояла большая группа вооруженных людей с автоматами. Но охрана не могла обеспечить ему полную безопасность. Надо так понимать, что разговоры в кабинете Руцкого записывались. Была зафиксирована, в частности, его беседа с секретарем Совета безопасности Юрием Скоковым.

— Сегодня суббота, — втолковывал Руцкой Скокову, — здесь, в Кремле, кроме нас, только Серега Шахрай и этот ублюдок Филатов. Ты видишь этот указ? Это же государственный переворот. Это подлинник. Какие еще нужны доказательства? Арестуем их, едем с этим на телевидение и объявляем о том, что Ельцин отстранен от власти как человек, предавший свой народ, нарушивший конституцию.

— Но здесь же твоя правка, — возражал осторожный Скоков. — Значит, ты тоже собирался в этом участвовать?

— Я это делал, чтобы выиграть время и посоветоваться с тобой и Русланом. Парламент поддержит, Зорькин тоже. А что пометки, они же сделаны карандашом — были и нет...

Об этом разговоре в кабинете Руцкого сразу же предупредили президента.

Ельцин из машины связался с председателем Конституционного суда Валерием Зорькиным, спросил его мнение. Тот, судя по всему, уже держал в руках копию готовящегося указа, но ответил уклончиво: прежде чем давать оценку, надо проводить правовую экспертизу таких серьезных решений.

И тогда было решено указ в таком виде не выпускать. Через несколько дней появился другой указ, к тексту которого придраться было невозможно.

Но противники Ельцина, еще не зная, как президентская администрация выскользнет из этой опасной ситуации, ссылались на несуществующий указ как на главное доказательство преступных намерений Бориса Николаевича.

Ночью по телевидению выступили Зорькин и Руцкой. Они назвали действия президента антиконституционными. В Верховном Совете говорили уже о попытке государственного переворота. Под давлением Верховного Совета прокуратура начинает собирать материалы, чтобы привлечь президента к уголовной ответственности.

СМЕРТЬ МАТЕРИ И ИМПИЧМЕНТ

21 марта, в воскресенье, утром умерла мать Ельцина Клавдия Васильевна. Ельцину об этом не говорили до вечера — не знали, как он это перенесет. Для него это был тяжелейший удар в момент острейшего кризиса, когда его судьба буквально висела на волоске.

26 марта собрался девятый внеочередной съезд народных депутатов. Депутаты решили объявить Ельцину импичмент.

У Спасской башни Кремля, на Васильевском спуске собрались сторонники президента. Появился Ельцин и сказал, что идет подсчет голосов, но он не признает решений съезда, лишающих его власти, пока не выскажется народ.

Руцкой напряженно ждал, чем закончится дело. В тот день он вполне мог стать президентом России. За отстранение Ельцина от власти проголосовали 617 депутатов, для импичмента не хватило 72 голоса.

Когда стало известно, что достаточного числа голосов не собрали, Борис Николаевич вновь вышел к своим сторонникам на Васильевском спуске. Выглядел он очень плохо. Но выкрикнул: «Это победа!»

Хотя о какой победе можно было говорить? Но в тот день страна была на грани гражданской войны. Каким бы ни было решение съезда, Ельцин бы власть не отдал. А Руцкой бы принял присягу, и появились бы в стране два президента.

Сергей Шахрай рассказывал потом журналистам:

— Представьте себе, что удалось собрать две трети и импичмент бы состоялся. Что произошло бы сразу после этого? Президент, ясное дело, не подчинился бы антиконституционному решению. В зале — вооруженная до зубов охрана с той и другой стороны. Нашлись бы сторонники президента, готовые его защищать, — не только, разумеется, в зале съезда. И противники...

Начались закулисные переговоры между Ельциным и Хасбулатовым. Представители большинства депутатских фракций осудили действия Хасбулатова «за спиной съезда» и поставили вопрос о его отставке. Проголосовали, но снять Хасбулатова депутатам не удалось. Они не решились остаться без поводыря.

Съезд все-таки назначил на 25 апреля референдум.

Людям предстояло ответить на четыре вопроса:

1. Доверяете ли вы президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину?

2. Одобряете ли вы социально-экономическую политику, осуществляемую президентом и правительством России с 1992 года?

3. Считаете ли вы необходимым проведение досрочных выборов президента России?

4. Считаете ли необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов России?

Второй вопрос — о доверии социально-экономической политике — оппозиция сама предложила в очевидной надежде, что на такой вопрос народ конечно же даст отрицательный ответ. Депутаты считали, что президент растерял всю свою популярность и люди, разумеется, выскажутся против него.

Многие не могли тогда понять Ельцина: кто заставляет его ставить себя под удар?

Пойдя на референдум, Ельцин вновь, не в первый уже раз, рискнул и политической карьерой, и должностью, и, может быть, жизнью. Если бы он проиграл и потерял власть, его бы неминуемо превратили в уголовного преступника со всеми вытекающими отсюда последствиями. Предугадать итоги референдума было невозможно. Но политический инстинкт не подвел Бориса Николаевича, как не подводил никогда в жизни...

А оппозиция пребывала в уверенности, что после референдума Ельцин уйдет, и президентом станет Руцкой. Но не полновластным хозяином страны, а номинальной фигурой. Реальную власть намеревался взять Хасбулатов и его окружение.

ЕЩЕ ОДИН КАВКАЗЕЦ С ТРУБКОЙ

Руслан Имранович понимал, что чеченец не может быть первым человеком в России, и согласен был на вторую роль. Но постепенно укреплялся в мысли, что сумел бы управлять Россией не хуже других. Ведь никто не смел напоминать Сталину о его нерусском происхождении.

30 марта на закрытом заседании съезда было принято решение о создании департамента охраны Верховного Совета численностью до двух тысяч человек.

Многочисленная охрана Белого дома — наследие августовского путча. После его провала Ельцин захотел обзавестись собственной гвардией — гарантией от других попыток взять Белый дом штурмом. Потом Управление охраны объектов высших органов государственной власти стало подчиняться Хасбулатову. Когда отношения испортились, в Кремле забеспокоились: не опасно ли разрешать Хасбулатову иметь свою маленькую армию?

Тем более, что появились сообщения, будто в здание Верховного Совета завозят серьезное оружие — автоматы Калашникова и ручные пулеметы. Тогда, правда, никто не думал, что дойдет дело до их применения.

В конце октября 1992 года Ельцин приказал ликвидировать Управление охраны объектов высших органов власти. Но съезд народных депутатов тут же его восстановил. А в феврале 1993 года Верховный Совет принял закон «О государственной охране высших органов власти Российской Федерации и их должностных лиц». Этим законом каждой из ветвей власти создавалась собственная служба охраны. Хасбулатов не хотел оставаться без охраны. И не только по политическим соображениям.

Соратники рассказывали о нем удивительные вещи: «Иногда его охватывала мания преследования. Хасбулатов среди ночи вызывал машину, приезжал в парламент, где под защитой охраны, в собственном кабинете, досыпал ночь».

По прошествии времени трудно отличить слухи, рожденные недоброжелательным к нему отношением, от реальных фактов, но в его поведении были очевидные странности.

Борис Федоров, бывший вице-премьер и министр финансов, вспоминал, как они вдвоем ездили в Париж: «Хасбулатов при этом никуда не выходит из гостиничного номера, лежит под одеялом в свитере и остроносых сапогах (почти ковбойских) и непрерывно курит трубку. В комнате нечем дышать,

причем запах табака более чем подозрительный (это потом стали обсуждать, что он курил — табак или «травку»)...»

20 октября 1992 года Руслану Хасбулатову, который встречался с журналистами, стало плохо. Белла Денисенко, депутат и первый заместитель министра здравоохранения, была допущена в кабинет Хасбулатова и авторитетно заявила потом, что недомогание председателя — результат наркотического опьянения средней тяжести.

Белла Денисенко была верным союзником Ельцина и политическим противником Хасбулатова, поэтому не все ей поверили. Но о том, что Руслан Имранович балуется травкой, в аппарате Верховного Совета шушукались постоянно. Быстрые смены настроения, казалось, подтверждали его склонность к стимулирующим средствам.

ДА, ДА, НЕТ, ДА

25 апреля прошел референдум, которого хотел Ельцин. В референдуме приняли участие 64,6 процента имеющих право голоса. К полнейшему изумлению депутатов, да и самого Ельцина, его поддержали 58 процентов, а политику реформ — 53 процента. За переизбрание президента высказалось всего 33 процента, переизбрания депутатов хотел 41 процент. Это был фантастический успех, полная победа Ельцина, его правительства и курса реформ.

Итоги референдума стали ударом по оппозиции. В ее стане царила полнейшая растерянность. Хасбулатов на заседании Президиума Верховного Совета раздраженно сказал, что результат референдума — это результат «полторанинско-геббельсовской пропаганды».

Депутаты думали, что Ельцин разгонит их буквально на следующий день, но он и не думал этого делать. Победив, он словно успокоился. Нечто подобное происходило с ним и осенью 1991-го после поражения августовского путча.

Все ждали от Ельцина активных действий. Наиболее горячие его сторонники считали, что референдум дает ему прямое право немедленно распустить съезд народных депутатов и назначить новые выборы.

Но Борис Николаевич, что бы о нем потом ни говорили, попытался пойти вполне законным путем.

Президентская команда разработала проект конституции, по которому президент выводился за пределы трех ветвей власти и становился главой государства, получая очень широкие права. Но сразу возник новый вопрос: а как принять новую конституцию? Ясно было, что съезд народных депутатов ее никогда не одобрит. Что же делать? Собрать учредительное собрание? Провести еще один референдум?

Ельцин созвал конституционное совещание, надеясь на компромисс. Но депутаты конечно же не хотели конституции, которая лишала их власти.

Георгий Сатаров, бывший помощник президента, говорил мне:

— Колоссальное президентское упущение — это период после референдума в апреле 1993 года. Он одержал победу. В тот момент надо было распускать съезд, тогда не было бы трагических событий осени 1993-го. Но он на это не пошел... Главной задачей стала новая конституция. Он созвал конституционное совещание. В результате нарыв не был вскрыт и взорвался...

— Вы так это трактуете? Обычно же считают, что причина в его характере: он одержит победу и дальше не знает, что делать, и пребывает в вялой расслабленности.

— Конечно, это тоже есть. Но если говорить о 1993 годе, у него не было спада. Просто свою победу на референдуме он решил превратить в победу на конституционном поле. Он словно говорил: хоть вы проиграли, а я выиграл, давайте вместе это делать.

ЧЕМОДАНЫ С КОМПРОМАТОМ

Видя, что Ельцин ничего не предпринимает, его противники решили, что президент слаб и бояться его нечего. Исход войны казался неясным. Многие думали, что победит Хасбулатов и депутаты, на их сторону встал обиженный Ельциным вице-президент Александр Руцкой.

И политическая борьба разгорелась с новой силой. Стороны уже давно обвиняли друг друга в коррупции. В 1993-м такие обвинения были надежным средством сведения политических счетов.

Накануне апрельского референдума в Верховный Совет приехал вице-президент Руцкой, потребовал обеспечить прямую

трансляцию его выступления по телевидению и обвинил президентскую команду в коррупции. Он утверждал, что собрал одиннадцать чемоданов документов, которые доказывают масштабы коррупции в стране. Руцкой атаковал Шумейко, Полторанина, Чубайса, Бурбулиса.

Полторанина он обвинил в том, что тот чуть было не отдал немцам здание российского Дома науки и культуры в Берлине.

Бурбулиса — в том, что с его помощью концерн «Промэкология» получил право на экспорт десяти тонн «красной ртути», которой в реальности не существует в природе.

Чубайса — в том, что приватизация проводится с корыстными целями, и он это докажет в суде. Чубайс тут же обратился к нему: «Саша, очень прошу тебя, ну подай, наконец, в суд. Пожалуйста, доведи хоть одно из своих начинаний до конца».

В этой борьбе прокуратура во главе с генеральным прокурором Валентином Степанковым была на стороне Верховного Совета. После выступления Руцкого Степанков назначил специальную комиссию во главе с прокурором Николаем Макаровым расследовать факты, приведенные вице-президентом.

Против вице-премьеров Владимира Шумейко и Михаила Полторанина возбудили уголовные дела.

22 июля 1993 года бригада генеральной прокуратуры провела демонстративный обыск в служебном кабинете верного соратника президента — руководителя Федерального информационного центра Полторанина. Приехали девять человек — четверо из генеральной прокуратуры, пять сотрудников министерства безопасности.

Ответ не заставил себя ждать.

Ельцин лишил Руцкого всех полномочий: «Я утратил доверие к вице-президенту и освободил от всех поручений, даваемых президентом. Причина проста — их выполнение использовалось в ущерб делу, в ущерб курсу проводимых преобразований».

Аппарат Руцкого составлял шестьдесят человек, ему оставили шесть.

1 сентября 1993 года Ельцин подписал указ о временном отстранении от исполнения обязанностей вице-президента Руцкого и первого вице-премьера Шумейко. Причина? «Обстановка, сложившаяся в результате взаимных обвинений в коррупции и судебных претензий должностных лиц системы исполнительной власти друг к другу, серьезно подрывает авторитет государственной власти Российской Федерации».

При этом Шумейко как ни в чем не бывало продолжал работать в правительстве. А к Руцкому в Кремль перестали пускать посетителей. Потом ему и самому пришлось покинуть Кремль. Но это был первый удар.

Самого Руцкого тоже обвинили в коррупции.

Евгений Савостьянов, который в те годы возглавлял Московское управление министерства безопасности, рассказывал мне:

— С одной стороны, нельзя было дать парламентской группе захватить инициативу в борьбе с коррупцией, а с другой — избавить силовые ведомства от людей, которые симпатизировали противникам президента. Так появился на свет некий трастовый договор, обличающий Руцкого в коррупции.

— Под этой интригой была какая-то реальная основа?

— В таких случаях всегда есть и правда, и ложь. Насколько я могу судить, трастовый договор — это была выдумка. Когда я увидел эту бумагу, я сразу выразил сомнение и сказал, что надо быть очень осторожным в ее использовании...

На борьбу с Руцким был мобилизован адвокат Андрей Макаров. Известным он стал после того, как защищал брежневского зятя Юрия Чурбанова. На процессе по делу КПСС представлял президентскую сторону. Его назначили начальником Управления обеспечения деятельности Межведомственной комиссии Совета безопасности по борьбе с преступностью и коррупцией.

5 августа заседание этой комиссии прошло под председательством президента. Вскоре комиссия передала документы, касающиеся вице-президента Руцкого, прокурору Москвы Пономареву.

Руцкого обвиняли в том, что он покровительствовал фонду «Возрождение», который заключил контракт с одной иностранной фирмой на поставку в страну детского питания для отдаленных районов России. Руцкой осенью 1991 года поставил резолюцию: «Прошу изыскать возможности по реализации данного контракта». Двадцать миллионов долларов перевели на счет маленькой иностранной фирмы, а детское питание в Россию так и не поступило.

Когда Руцкой создавал фонд «Возрождение», он говорил, что задачей фонда станет социальная защита малоимущих слоев населения. Получилась же обычная коммерческая структура, которая брала деньги у государства и крутила их.

Руцкому поставили в вину и тесные отношения с сомнительным бизнесменом Борисом Иосифовичем Бирштейном, который в Швейцарии основал компанию «Сеабеко» — она занималась посредническими операциями по вывозу сырья из России и других республик. Дружба с Бирштейном стоила карьеры двум видным чиновникам — министру безопасности Виктору Баранникову и первому заместителю министра внутренних дел Андрею Дунаеву, которые, по мнению президентского окружения, перешли на сторону оппозиции.

Это была сложная интрига, в которой ключевую роль играл адвокат Дмитрий Якубовский, согласившийся помочь президентской команде.

Сергей Филатов рассказывал потом журналистам:

«Приехал из-за рубежа Андрей Караулов, позвонил мне и попросил о встрече. Сказал, что виделся в Канаде с Якубовским, тот понимает игру некоторых и имеет на них серьезные документы. Были названо несколько фамилий, в том числе и Руцкого. Документы Якубовский готов был отдать при условии, если Борис Николаевич или я дадим ему такое поручение. Я согласился.

За рубеж направились Ильюшенко и Караулов. Они подтвердили, что имеется большое количество документов, но могут сказать о них только при встрече. Они привезли с собой оригиналы документов о покупках, которые делал Бирштейн женам Баранникова и Дунаева за рубежом и в Москве...

Когда я сказал Борису Николаевичу, что привезли такие документы, он изменился в лице. Результаты проверки подтвердили их подлинность. Решение президента было бескомпромиссным — Баранников и Дунаев были освобождены от занимаемых должностей».

И Баранников, и Дунаев в октябрьские дни действительно оказались в Белом доме и стали министрами в правительстве, которое ночью сформировал Александр Руцкой.

Появились и другие документы, на основании которых Руцкого обвинили в коррупции. Некоторые из них с самого начала вызывали большое сомнение, а потом и вовсе оказались липовыми. Но участники этой борьбы исходили из того, что на войне как на войне. Это была первая большая война компроматов, вторая разразится осенью 1999 года, накануне парламентских выборов.

КРОВЬ, ПРОЛИТАЯ 1 МАЯ

Атмосфера в стране изменилась после первомайских праздников 1993 года, которые окрасились кровью. До 1 мая речь шла о политической борьбе, хотя страсти были накалены до предела. После 1 мая возникло тревожное ощущение, что политические проблемы будут решаться силой.

Во время демонстрации, устроенной оппозицией, на площади Гагарина произошло столкновение с ОМОНом. Безоружная милиция ничего не могла сделать с обезумевшей шпаной. В этом столкновении участвовали заранее подготовленные боевики, которые хотели пролить кровь.

Пострадало около пятисот человек, из них двести с лишним милиционеров. Сотрудник милиции Владимир Толокнеев погиб. На кадрах хроники отчетливо видно, как его убили — задавили грузовиком. Убийцу так и не нашли. Прощаться с милиционером в Дом культуры ГУВД приехал Ельцин.

Хорошо помню, как сильно на меня подействовали события 1 мая. В те месяцы по утрам я иногда встречал Геннадия Андреевича Зюганова. Он еще не ездил на иностранном лимузине со спецсигналом и охраной.

Я ходил на работу и с работы мимо его дома, который построило управление делами ЦК КПСС для бесквартирных функционеров (там же жил и Ельцин), и время от времени навстречу мне появлялся Зюганов.

У меня вообще, можно сказать, был партийный маршрут. Сначала Зюганов, потом здание нашего бывшего райкома, который находился на бывшей улице Готвальда. Теперь это улица ученого Чаянова.

В нашей новой жизни райком, который на самом деле уже не был райкомом, очень многое для меня значил. Сначала райком был даже важнее Зюганова. Зюганова я в лучшем случае видел раз в день, а мимо райкома проходил дважды — по пути на работу и обратно. И, как минимум, два раза в день хорошее настроение мне было обеспечено.

Писатель Виктор Некрасов, выброшенный из страны в советские времена, спасался от ностальгии чтением «Правды».

От ностальгии по низким ценам, от разговоров о том, что прошлая жизнь была не такой уж плохой, от недовольства жены нашим скудным семейным бюджетом меня надежно спасал наш

бывший райком. Я знал, что стерплю любые цены, лишь бы никогда вновь меня не вызвали в райком партии.

В моих глазах Зюганов как источник бодрости и оптимизма сильно уступал райкому.

Конечно, как-то спокойнее видеть бывшего члена политбюро месящим грязь вместе с остальными москвичами. Но да ведь членов политбюро бросали на низовку и при советской власти.

Так что еще зимой я почти не замечал хмурого толстяка в куртке и с папкой под мышкой. Я и не заметил, как из бывшего он превратился в действующего.

Не Иван Полозков, не Валентин Купцов, которые больше прав имели новую компартию возглавить, а Геннадий Зюганов верх взял. Полозков зато усами обзавелся. Это обычно в армии уже зрелые люди вдруг отпускают усы — все какое-то развлечение. Купцов, в отличие от Зюганова, уже в прежней жизни до самого верха дошел — секретарь ЦК КПСС, выше только небо — и расслабился, утратил бойцовские качества.

А Зюганов только-только вкусил этой жизни, и тут все отобрали, поэтому из них он один за прежнюю жизнь драться готов. Тем более он моложе, злее, может до конца пойти.

И Зюганов не догматик. Он мог одновременно руководить и коммунистической партией, и антикоммунистическим Фронтом национального спасения.

1 мая я увидел нового Зюганова. Мы столкнулись с ним нос к носу в конце дня на Тверской-Ямской, которая во времена Зюганова была просто улицей Горького.

Я еще не знал о крови, пролившейся на Октябрьской площади, где когда-то учился в школе. На мгновение наши глаза встретились. У него были глаза человека, который через что-то перешагнул.

Зюганов был не один, а с сопровождавшими его лицами. Или, точнее сказать, телами, потому что тела у всех троих были значительнее лиц. Зюганов решительно шел впереди, а сопровождавшие распределились по флангам и отставали на полшага. Боевым строем «свинья» в миниатюре. Полтротуара заняли. Таких мужиков можно увидеть на рынке — налитые салом и горилкой, они курсируют между пивными ларьками, самодовольно спустив ремень с пузца, и не знают, чем им заняться.

Эти трое знали, чем заняться. Они жаждали власти.

Я легко мог себе представить жизнь в России после прихода Зюганова и его крупнотелых мужиков к власти. И я понял, что

готов терпеть инфляцию и падение производства на танковых заводах. Я решил для себя, что, если надо еще раз проголосовать за Ельцина, я проголосую...

Вот такое у меня было настроение в 1993 году. Думаю, что не у меня одного, судя по тому, как много людей поддержали Ельцина, когда он осенью распустил съезд народных депутатов.

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

От президента все ждали действий, а он уехал отдыхать на Валдай. Компанию ему составили его личный тренер по теннису Шамиль Тарпищев, главный охранник генерал Коржаков, официальный биограф Валентин Юмашев. Отпуск Ельцин брал, как всегда, поразительно не вовремя.

В его отсутствие оппозиция почувствовала себя увереннее. По Москве пошли слухи, что у президента не то инсульт, не то инфаркт, что Борис Николаевич тяжело болен, что его здоровье подорвано алкоголем, что у него плохо работает печень и в кортеже обязательно ездит реанимобиль.

Оппозиция приободрилась, полагая, что здоровым Ельцина уже никто не увидит. Такую же ошибку через три года совершит торопливый Александр Лебедь, преждевременно похоронивший Бориса Ельцина.

И тут, как назло, правительство затеяло обмен денег, чтобы изъять из обращения старые советские купюры. Это было необходимо, но правила обмена были настолько нелепые и жесткие, что люди возмутились: срок обмена — две недели, обменять можно не более тридцати пяти тысяч, остальные положить на специальный счет.

Министр финансов Борис Федоров возложил всю вину на главу Центрального банка Виктора Геращенко. Люди стояли в очередях в сберкассы и проклинали тупую власть.

Ельцин распорядился продлить срок обмена и увеличил сумму, которую можно было обменивать, не объясняя происхождение денег. Но уже было поздно. Хасбулатов осудил обмен денег, затеянный Геращенко, и выиграл пропагандистские очки.

Оправившись от шока после провала на референдуме, оппозиция вновь принялась терзать конституцию, пытаясь законным путем лишить Ельцина полномочий.

За несколько лет съезд народных депутатов внес более трехсот поправок в конституцию РСФСР, фактически это была уже новая конституция.

Депутаты готовились провести поздней осенью 1993-го съезд, на котором фактически предполагалось ликвидировать институт президентства, восстановить подчиненность исполнительной власти советам и свернуть реформы. А Ельцин все еще находился в отпуске.

Сергей Юшенков, один из лидеров демократического движения, рассказывал мне, как вместе с двумя другими депутатами — Сергеем Ковалевым и Львом Пономаревым они поехали к Ельцину на Валдай:

— Мы просто чувствовали, что весь положительный импульс апрельского референдума сходит на нет, что оппозиция готовится захватить власть путем внесения поправок в конституцию. А Ельцин ничего не предпринимает... Приехали мы на Валдай. К президенту нас не пропустили. Но нам помог Коржаков, поговорил с президентом, сказал: приходите завтра.

На следующий день, после тенниса, Ельцин нас принял. Сели в небольшом помещении возле корта, принесли чай, бутерброды. Ельцин сидел, одетый в спортивный костюм, вытирался полотенцем — после душа...

Юшенков, Пономарев и Сергей Адамович Ковалев, к которому в те времена президент очень прислушивался, принялись горячо доказывать Ельцину, что ему следует немедленно прервать отпуск, возвращаться в Москву и брать управление в свои руки:

— И надо что-то противопоставить решениям Верховного Совета, а то зачем было вообще затевать референдум?

Сначала Ельцин прерывал их, спорил, потом стал слушать внимательнее. Через пару дней он вернулся в Москву.

В конце концов Ельцин решился сделать то, к чему его долго призывали. Его помощники говорили мне потом, что они готовили юридически безукоризненный способ распустить съезд народных депутатов, но Ельцин, по своему обыкновению, не захотел ждать. Впрочем, есть и другая точка зрения: он слишком долго ждал. А двоевластие буквально разрушало страну. Никто не работал, все ждали, чем кончится противоборство президента и депутатов.

В последних числах августа 1993-го глава президентской администрации Сергей Филатов сказал в интервью: «Сейчас

противостояние зашло уже настолько далеко, что многие действительно начинают думать о личной безопасности».

В президентской команде отнюдь не было единогласия.

В конце марта 1993 года подал в отставку министр юстиции Николай Васильевич Федоров, который потом стал президентом Чувашской Республики. Он написал такое заявление: «Прошу освободить меня от занимаемой должности, поскольку не могу мириться со все более удручающими фактами пренебрежения правом в политике».

Потом Федоров объяснил журналистам:

— Мое решение не было импульсивным и случайным. Оно пришло после того, как мне стало ясно, что Борис Николаевич Ельцин и его окружение решились окончательно сделать крутой поворот в политике от правовых подходов к репрессивным.

Но очень многие Ельцина поддержали. Он стал говорить:

— Я перед выбором: либо реализовать волю народа, выраженную на апрельском референдуме, либо позволить Верховному Совету дестабилизировать обстановку в обществе.

Когда Ельцин побывал в частях Таманской и Кантемировской дивизий, стало ясно, что выбор он сделал.

Во время посещения Отдельной дивизии внутренних войск имени Дзержинского президент сказал, что Гайдар входит в правительство первым вице-премьером.

Полная лояльность президенту главы правительства Виктора Черномырдина — сильной политической фигуры, авторитетной для многих — подкрепила позиции Ельцина. Хасбулатов попытался привлечь Черномырдина на свою сторону, но безуспешно. Однако для полноты картины Ельцину нужен был еще и Гайдар как символ продолжения реформ.

Предполагалось распустить съезд народных депутатов 19 сентября, в воскресенье. Сразу после телеобращения в восемь вечера части дивизии имени Дзержинского должны были взять под контроль Белый дом, где в выходной день нет депутатов.

Соратники поддержали президента — глава правительства Виктор Черномырдин, министр внутренних дел Виктор Ерин, министр обороны Павел Грачев, министр безопасности Николай Голушко, министр иностранных дел Андрей Козырев. Против был только глава президентской администрации Сергей Филатов.

Сергей Филатов вспоминает:

— Борис Николаевич показал мне проект будущего указа номер 1400 о поэтапной конституционной реформе. Я прочитал его и говорю: этого делать нельзя.

Я исходил из того, что, во-первых, страна попадет в неправовое пространство. Если президент может нарушить конституцию, это может сделать всякий. Во-вторых, после ухода Ельцина эти события можно будет интерпретировать как государственный переворот. И в любой момент возбудить уголовное дело.

К тому же ничего не было подготовлено! Не ясно было, как отнесутся к этому регионы, армия. Такой рискованный шаг если делать, то его надо подготовить....

Собрались в узком кругу: президент, премьер-министр, Виктор Ерин, Николай Голушко, Коржаков и начальник Главного управления охраны Михаил Барсуков. Филатов первый попросил слова:

— Можно мне высказаться?

Президент резко отмахнулся:

— Ваше мнение мне известно.

— Я почувствовал, что он накален, просто жуть, — вспоминает Филатов. — Это был единственный случай, когда он не захотел меня выслушать. А если бы не знал, что я собираюсь сказать, то выслушал бы обязательно. Единственное, что удалось тогда сделать, — перенести начало операции с 19 сентября на 21-е, чтобы не было ассоциации с 19 августа...

Ельцин согласился. Дело в том, что Хасбулатов и Руцкой каким-то образом узнали об операции в воскресенье. Элемент внезапности был утерян.

УКАЗ № 1400

Но 18 сентября на совещании руководителей советов всех уровней Руслан Хасбулатов публично оскорбил президента. Он сказал:

— Если большой дядя говорит, что позволительно выпивать стакан водки, то многие находят, что в этом ничего нет, мол, наш мужик. Но если так, то пусть мужик мужиком и остается и занимается мужицким делом. А наш президент под «этим делом», — председатель Верховного Совета многозначительно щелкнул себя по горлу, — любой указ подпишет.

Слова Хасбулатова превратились в casus belli — формальный повод для объявления войны.

21 сентября 1993 года президент подписал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе». Ельцин распускал съезд народных депутатов и Верховный Совет и назначал на 12 декабря 1993 года выборы в новый представительный орган — Федеральное собрание. Действие конституции в части противоречащей тексту указа «прекращалось».

Запись выступления президента осуществили заранее, но кассету забрали и вернули тележурналистам за два часа до трансляции. В восемь вечера указ передали по телевидению и радио. Правительство поддержало президента, хотя настроение у всех было мрачное, подавленное.

Всем членам правительства назначили личную охрану, в министерских приемных появились омоновцы с автоматами.

Только министр внешнеэкономических связей Сергей Глазьев подал в отставку. Он появился в Белом доме, где Руцкой предложил ему разработать новую экономическую программу.

Хасбулатов и Руцкой ожидали появления указа. Хасбулатов собрал в Белом доме депутатов. Они считали, что теперь Ельцину конец, что народ возмущен президентом и поддерживает Верховный Совет. Руслан Имранович действительно полагал, что он популярен в народе, а Ельцин людям надоел.

23 сентября поздно вечером депутаты объявили президентские полномочия Ельцина прекращенными в соответствии со статьей 121-6 конституции и поручили исполнение обязанностей президента Александру Руцкому. Правомерность такого решения подтвердил большинством голосов Конституционный суд.

В начале первого ночи Хасбулатов открыл внеочередную сессию Верховного Совета и обратился к Руцкому:

— Александр Владимирович, прошу вас занять ваше место.

Руцкой с видимым удовольствием уселся в кресло президента. В третьем часу, после перерыва, проведенного депутатами в буфете, Руцкой огласил первые указы и назначения.

Он назначил Владислава Ачалова — министром обороны, Андрея Дунаева — министром внутренних дел, Виктора Баранникова — министром безопасности. Место премьер-министра осталось вакантным. Верховный Совет принял решение ввести смертную казнь для особо опасных преступников.

Но никто не принял эти назначения всерьез. Местные администрации заняли сторону президента, считая, что он сильнее.

В четверг 24 сентября в Москву приехали руководители стран СНГ и единодушно поддержали курс президента России. Борис Ельцин успокоился — реакция в мире была благоприятной. В нем по-прежнему видели гаранта демократии, вынужденного распустить парламент, чтобы провести новые выборы.

Ельцин подписал указ «О социальных гарантиях для народных депутатов Российской Федерации созыва 1990—1995 гг.». Депутатам, которые соглашались подчиниться указу и сложить с себя полномочия, то есть перейти на президентскую сторону, подбирали работу в правительстве.

А что делать с теми, кто не желал покидать Белый дом? В Кремле решили подождать: долго они там не просидят. Пассивная позиция власти была ошибкой. Она привела к кровопролитию в Москве. Помимо депутатов, в эту игру вступили совсем другие люди.

В Белый дом со всей страны стекались люди, почувствовавшие запах пороха и крови. Приднестровские боевики, бывшие афганцы и рижские омоновцы. В Белом доме собралось несколько десятков отставных военных. Заметную роль играл «Союз офицеров» во главе с подполковником Станиславом Тереховым.

Убитый во время первомайской демонстрации омоновец принес лидерам радикальных группировок, исповедующих российский вариант национального социализма, больше политических дивидендов, чем многие месяцы митингов и демонстраций.

Они заявили о себе как о реальной силе, с которой придется считаться. О них заговорила вся страна, их всерьез стали воспринимать президент, правительство, парламент. Им этого было вполне достаточно для первого шага. Они решили, что пришел их час, что они способны повернуть развитие России в нужную им сторону.

Стремление правительства действовать в рамках законности выглядело как беспомощность и создавало у экстремистов ощущение, что они вступили на верный путь. Законы телевидения таковы, что мирные добропорядочные граждане не становятся героями программы новостей. Чем радикальнее политик, тем больше у него шансов увидеть себя на экране.

Кровавое столкновение 1 мая национальные социалисты выиграли: они сделали то, что хотели. Никто из них не был наказан. Они получили поддержку в Верховном Совете и 9 мая вновь прошли по Москве, чувствуя себя большими победителями, чем ве-

тераны Второй мировой войны. А у победителей всегда появляются сторонники, активисты и сочувствующие. Это значило, что майский опыт может быть сочтен достойным повторения.

До этого столкновения российских национальных социалистов с властью противник, которого следовало сокрушить, был неясен, размыт: демократы, агенты влияния, сионисты, кавказцы, спекулянты, торговцы родиной...

Враг внезапно материализовался, когда цепочка омоновцев перегородила Ленинский проспект.

Парадоксальность ситуации состояла в том, что омоновцев били сторонники сильной власти и поклонники военной формы. С большим удовольствием толпа растерзала бы ельцинских министров или руководителей «Демократической России», но под рукой оказались милиционеры в мышиных костюмчиках.

Именно тогда сложилась группа радикально настроенных молодых людей, которые решили, что сила оружия вернее и быстрее приведет их партию к политической победе. Осенью они появились возле Белого дома уже с оружием в руках.

23 сентября в начале десятого вечера восемь вооруженных автоматами боевиков из «Союза офицеров» проникли в здание бывшего штаба Объединенных вооруженных сил СНГ на Ленинградском проспекте. Они обезоружили охрану. Туда отправили отряд ОМОНа, боевики бежали. В перестрелке погибли капитан милиции и женщина, которая случайно подошла к окну.

24 сентября вокруг Белого дома установили более жесткое оцепление: выйти из него можно было. Но назад никого не пускали. Отключили воду, электричество и отопление. Милицейское охранение вокруг Белого дома было без оружия. Да и способна ли была столичная милиция выполнить столь сложное задание?

ГЛАЗАМИ ОПЕРА

Настроения в милиции были скорее в пользу противников Ельцина. В те дни ко мне в редакцию пришел молодой офицер милиции, который произнес монолог такого содержания:

— Мэр Лужков ввел в Москве особый режим для иностранцев. Нам полегче будет. Молодец Лужков. Наверное, понял, что все это демократическое правительство во главе с Ельциным недолго протянет: и решил переметнуться к патриотам...

Я не москвич. Но служил здесь в армии. Понравилась профессия замполита. Поступил в Высшее военно-политическое училище. Распределили сюда, в Москву. Отдал армии десять лет и уволился. Решил заняться бизнесом. Думал: буду красиво одеваться, пить ликер «Амаретто», отдыхать на Гавайях. А заработал язву желудка. Все бросил, перебрался на дачу: спорт, бег, снова в форму вошел.

В бизнес не стал возвращаться. Мой долг — стране помочь. В бизнесе сейчас только хапают, воруют у государства.

Ясно, что происходит. Соединенные Штаты ведут войну против России, только тайную, поэтому не все это поняли. Я же по специальности политработник, хорошо разбираюсь в международных отношениях, вообще в политике. Нам замечательные лекции в военном училище читали.

США полностью манипулируют Ельциным. Сначала сыграли на его ненависти к Горбачеву и уговорили в Беловежской пуще страну развалить.

Ельциным вертеть нетрудно. Что вы хотите от человека, страдающего алкоголизмом? «Президент отбыл в двенадцатидневный отпуск». Знаем мы, что это означает. Ни в какой отпуск он бы не ушел, когда в стране такое творится. Запил, вот и весь отпуск. Избрали Ельцина на волне народных симпатий к убогим да обиженным. Народ наш добрый, готов за любого горемыку вступиться.

Страна нищает и разваливается, люди друг в друга стреляют. Вы думаете, это само по себе так получилось? Нет, нас специально подрывают изнутри. Это делает американская агентура. Американцы нам никогда ничего даром не дадут. Это мы, русские, добрые и щедрые, последнюю рубашку с себя снимем. А американцы на такие чувства не способны.

Разве не должно правительство за это ответить? А Ельцина и его команду интересует только одно: как подольше у власти удержаться. Нам чужие планы не годятся. У нас свои ценности. Мы как американцы жить не будем. И слава Богу.

Американцы — это же не нация. Известно, что за народ бежал в свое время в Америку — в основном беглые преступники. Я американцам не завидую. У них нет будущего.

Обратите внимание: если между собой вступают в брак представители интеллигентных профессий, то в третьем поколении они вырождаются — в смысле физической культуры. Голова хорошая, а тело генетически слабое.

Нечто подобное и происходит с американцами. Они вырождаются. Поэтому и хотят заставить русских на них работать. Через какое-то время Америка рухнет.

Наше правительство нужно как можно скорее свергнуть. Новые люди придут.

Нас сейчас в академии знаете чему учат? Действиям офицера милиции при разгоне демонстрации. Для начальства, выходит, самое главное — научить нас разгонять голодных и озлобленных людей. Мы этого делать не станем. Разве это демократическая власть, если она больше всего народа боится?..

БОЙ У ОСТАНКИНО

Патриарх Алексий II пытался выступить в качестве посредника, но руководители Белого дома не хотели ни разоружаться, ни идти на мировую. Отрезанные от страны, они питались слухами и верили в то, что народ их поддерживает. Им казалось: еще одно усилие — и ненавистный режим рухнет.

3 октября, в воскресенье, совещание у Ельцина: Черномырдин, Филатов, Шумейко, Лобов, Шахрай, Грачев, Ерин, Гайдар. Ситуация представлялась стабильной, никто не предполагал активных действий оппозиции.

Когда министры разъехались по дачам, в столице начался мятеж. Люди Виктора Анпилова перегородили Садовое кольцо, стали строить баррикады. Началась стрельба. Руцкой призвал толпу идти на мэрию — «Там у них гнездо» и захватить Останкино — «Нам нужен эфир!».

А переговоры в Спасо-Даниловом монастыре еще продолжались. Но теперь первый заместитель председателя Верховного Совета Юрий Воронин просто зачитал ультиматум. Сергей Филатов, который участвовал в переговорах от имени президента, ультиматум отверг. Воронин сообщил, что мэрия уже взята и бои идут возле Останкино.

Автобусы с вооруженными людьми под командованием генерала Макашова двинулись в сторону Останкино, чтобы взять телецентр и выйти в эфир. Если бы это удалось, и на телеэкранах по всей стране появился Руцкой в роли нового президента, это могло бы изменить настроения в стране. Люди в большинстве своем предпочитают присоединиться к победителю.

Когда прервалась телепрограмма, Хасбулатов был уверен, что это победа. Он радовался от души:

— Теперь мы выиграли. Мэрия взята. Останкино тоже. Штурм Кремля — дело нескольких часов. Сейчас сюда подходят верные нам войска. Оккупационный режим пал.

Людей, напавших 1 мая на омоновцев, было лишь несколько десятков. Можно предположить, что решительных людей, готовых к организованному применению силы, в Москве всего несколько сот человек. Еще столько же осенью прибыли в столицу, почуяв запах крови. Этого количества оказалось вполне достаточно для того, чтобы терроризировать целую страну.

Они вступили в вооруженную борьбу с властью в полной надежде на успех. Власть казалась слабой, ткни пальцем — развалится.

Стало ясно, что первой жертвой экстремистов станет милиция. Так и произошло в первых числах октября, когда собравшаяся у Белого дома шпана избивала безоружных людей в форме. Борьба с милицией выгодна тем, что не только привлекает внимание, но и в какой-то степени рождает симпатии. Ведь люди с дубинками, как правило, не являются героями общества. Тем более, что наши милиционеры отнюдь не отличаются изысканными манерами.

Пафос подъема, связанный с перестройкой, разрушением коммунистической империи, пробудил большие ожидания даже у тех, кто внутренне сопротивлялся этим переменам. Затем наступило разочарование. А насилие, террор есть следствие разочарования. Скудный выбор политических партий, скомпрометировавший себя Верховный Совет оставили вне формализованной политической жизни немалое число политически активных людей. Они нашли себе место в полулегальных кружках и объединениях. Там подхватывали идеи, которые объясняли все: утопические, квазисоциалистические, национально-социалистические.

Люди, готовые сражаться с властью с оружием в руках, выплыли из потока антиреформаторского движения. Это движение состояло из карликовых партий национально-социалистической ориентации, которые возникали как грибы после дождя.

Это движение подбирало останки кораблекрушения советской власти. Оно не было единым и разрушалось с такой же скоростью, с какой на краткий миг сплачивалось перед лицом общей опасности.

Среди зачинщиков преобладали молодые люди с определенным складом ума. Они презирали нормальную жизнь нормальных людей. Они подчинялись неосознанному стремлению выбить яркие искры из пресной жизни. У них была природная тяга к оружию и насилию. Им казалось, что преступления их возвышают.

Немецким левым террористам 70-х пришлось ехать в палестинские лагеря, чтобы научиться владеть оружием, обращаться с взрывчаткой, изготовлять поддельные документы, осуществлять громкие акции. Нашим было в этом смысле проще.

Россия полна специалистов по такого рода делам — ветераны афганской войны, уволившиеся из армии офицеры, бывшие милиционеры, тянущиеся к нелегальной среде.

Если уголовные, так называемые заказные убийства совершались столь умело, то это свидетельствовало о том, что и база для профессионального террора тоже есть.

Снять конспиративную квартиру, обзавестись нужными документами, раздобыть деньги — все это не так трудно для умелых людей в современной России. Оружия в стране тоже достаточно. Россия не полицейское государство, но уж если возникало желание совсем уйти из-под контроля, то можно было уехать потренироваться в Приднестровье, в Абхазию, в Осетию, туда, где местная власть находилась в оппозиции к российскому правительству. Осенью 1993 года из этих мест и появились организованные вооруженные отряды.

А ГДЕ ЖЕ ПРЕЗИДЕНТ?

Ельцин находился в своей загородной резиденции. Позвонил Барсуков, сообщил о захвате мэрии, о том, что мятежники расползаются по городу. Ельцин прилетел из Барвихи на вертолете в начале восьмого вечера. Вертолет остался на Ивановской площади, чтобы в случае неблагоприятного развития событий вывезти президента в безопасное место.

Никто из москвичей не знал, что происходит. Казалось, город погружается в хаос. Все спрашивали друг друга: где же президент и премьер-министр? Почему они молчат?

До сих пор не очень ясно, что именно происходило с Борисом Николаевичем той ночью. Коржаков уверяет, что Ельцин спал. Некоторые говорят, что президент был несколько не в форме, потому что в выходной день успел расслабиться...

Ельцину написали текст для короткого выступления, но он плохо выглядел. Первый помощник Илюшин и пресс-секретарь Костиков отговорили его выступать.

— Этого нельзя делать, — сказал Илюшин. — У вас такое лицо, что москвичи подумают бог весть что...

Между тем вооруженные группы, отправленные из Белого дома, распространились по всему городу. Милиция не смогла противостоять мятежникам. Она словно исчезла с улиц города, оставив его в полное распоряжение вооруженной шпаны. Министр обороны Грачев уверял Ельцина, что войска в Москве, но на улицах они не появились.

Страх мгновенно распространился по городу. В какой-то момент казалось, что все кончено: власть в руках мятежников.

В здании правительства сотрудники аппарата были в ужасе, вспоминает Егор Гайдар. Один буквально кричал:

— Вы же понимаете, что все кончено! В течение часа нас всех перережут!

Положение было очень серьезным.

Мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак рассказывал потом: «Примерно с четырех часов дня 3 октября я уже понимал, что речь идет о жизни и смерти. Я собирал своих сотрудников, и мы обсуждали, что произойдет и что мы должны делать, если власть в Москве перейдет в руки мятежников. Я считал и считаю: надо бороться за свои идеи, а не ждать, когда тебя повесят на первом же перекрестке...»

Потом Ельцина будут подозревать в том, что он нарочно демонстрировал бессилие, чтобы надежнее заманить мятежников в ловушку и получить возможность расстрелять Белый дом.

Но едва ли он был способен в тот момент на такие хитроумные заговоры. Причиной трагических событий стало прежде всего разгильдяйство спецслужб и их неспособность предугадать следующий ход мятежников.

Накануне кровопролития руководство министерства внутренних дел обратилось в оперативный штаб, которым руководил первый вице-премьер Олег Сосковец, с просьбой подкрепить милицию, которая стояла в оцеплении вокруг Белого дома, войсками. Милиция, естественно, разложилась в общении с белодомовцами. Но Сосковец отнесся к этой просьбе равнодушно.

Первый заместитель министра обороны Андрей Кокошин доложил о тревожной ситуации министру обороны Грачеву. Тот тем более не хотел заниматься чужим делом. Тут проявилось извеч-

ное противоречие между армией и министерством внутренних дел: никто не хочет таскать каштаны из огня вместо других.

На следующий день, когда начался вооруженный мятеж, Грачев приказал собрать коллегию минобороны. Но не приехал заместитель министра Борис Громов, за что Грачев его потом возненавидел. Не приехал главком сухопутных войск Владимир Семенов, еще несколько видных генералов. Они не хотели в этом участвовать.

Грачев сам не знал, что ему делать, и фактически не хотел обсуждать ситуацию со своими подчиненными. Заседание коллегии не состоялось. Разговор продолжался минут семь-восемь.

Министр сказал своим заместителям: наше здание плохо охраняется. Давайте разделимся, и каждый возьмет на себя оборону одного подъезда. Все с удовольствием разошлись: не хочет министр говорить, и не надо.

И заместители министра возглавили оборону собственного здания. Первый заместитель министра обороны член-корреспондент Академии наук Андрей Кокошин надел под штатский костюм кобуру со «стечкиным» и вместе со своим порученцем — капитаном 1-го ранга, подводником, пошел проверять подъезды. А здание действительно не было подготовлено к обороне: большие окна, не заложенные мешками с песком.

В распоряжение первого заместителя министра обороны поступили два взвода во главе с молодыми лейтенантами, которые сами не знали, что делать. Нашелся прапорщик, который помнил Устав. Он бодро доложил, что они охраняют объект особой важности. Поэтому каждого, кто попытается подойти к зданию, надо окликнуть: «Стой! Кто идет?» Затем выстрел в воздух, а потом уже стрелять на поражение.

А вокруг министерства обороны уже и в самом деле появились мрачные личности, может быть приднестровские боевики... Потом батальон спецназа из Теплого Стана, который отправлялся в Останкино, чтобы защитить телецентр, Грачев завернул для обороны собственного здания.

Почему войска вели себя так вяло и так поздно вступили в город?

Ночью в здание министерства обороны приехал глава правительства Черномырдин, затем появился Ельцин. Вместе с ним были начальник Главного управления охраны Михаил Барсуков, главный президентский телохранитель Коржаков со своим заместителем. Причина колебаний Грачева состояла в том, что он

до последнего не хотел влезать в это дело. Надеялся, что МВД само справится.

Ельцину пришлось отдать Грачеву письменный приказ подавить мятеж.

Безжалостное государство лучше бессильного? Стрелять или не стрелять — это был тяжкий выбор. В борьбе с террором приходится идти на очень многое: и прежде всего, во имя собственных убеждений изменять собственным убеждениям.

Бессильное государство лучше безжалостного, считают последовательные либералы. Соображения гуманности исключают жестокость. У государства нет цели важнее, чем сохранение жизни человека.

Есть противоположная точка зрения: безжалостное к террористам государство лучше бессильного, неспособного справиться с террором. Ведь обязанность государства состоит в обеспечении безопасности всего общества как целого.

Переговоры с боевиками и выполнение их требований невозможны. Государство не могло позволить им шантажировать себя, дать им возможность подорвать политику реформ. Поэтому государству приходится быть сильным и безжалостным.

Вопрос состоял в том, что понимать под силой государства.

Для вставших под команду генерала Макашова боевиков достаточно сильной рукой мог быть только их собственный главарь, готовый на бунт бессмысленный и беспощадный.

На самом деле сильное государство — это правовое государство, принявшее необходимые законы и создавшее службы, способные эти законы исполнять. В осенние дни стало совершенно очевидно, что до этого России еще далеко. Наша милиция была не способна защитить ни нас, ни себя.

НОЧЬЮ ВОЙСКА ВОШЛИ В ГОРОД

Утром 4 октября президент выступил по радио России:

— Я обращаюсь к гражданам России. Вооруженный фашистско-коммунистический мятеж в Москве будет подавлен в самые кратчайшие сроки... В столице России гремят выстрелы и льется кровь. Свезенные со всей страны боевики, подстрекаемые руководством Белого дома, сеют смерть и разрушения... Чтобы восстановить порядок, спокойствие и мир, в Москву входят войска...

По Белому дому было выпущено двенадцать снарядов — десять болванок, два зажигательных. Этого оказалось достаточно для подавления мятежа.

Когда началась стрельба, Руцкой взывал из Белого дома:

— Я умоляю боевых товарищей! Кто меня слышит! Немедленно на помощь к зданию Верховного Совета! Если слышат меня летчики! Поднимайте боевые машины!

Потом по радиотелефону связался с председателем Конституционного суда Валерием Зорькиным:

— Они бьют из танков, из танков. Танки перестраиваются и выходят на огневые позиции. Валера, звони в посольства... Они не оставят нас здесь в живых. Ты же верующий, е... твою мать...

Те, кто под командованием отставного генерала Макашова захватили мэрию и пытались взять Останкино, были искренне возмущены тем, что в них тоже стали стрелять.

Никто из них не представлял, зачем они, собственно, все это затеяли? У них не было ни программы, ни соображений, что делать потом. То, чего желали коммунисты, никак не могло нравиться сторонникам монархии, и так далее. Непонятно, что их объединило, кроме слепой ненависти и безумной агрессивности.

Евгений Савостьянов рассказывал мне:

— В октябре 1993-го в Москве был вооруженный мятеж. Когда говорят, что войска расстреляли парламент, то я прошу обратить внимание на два обстоятельства. Не погиб ни один депутат парламента и ни один сотрудник аппарата Верховного Совета! А кто же погиб? Случайные прохожие, работники правоохранительных органов, павшие от руки бандитов, и вооруженные бандиты, засевшие в Белом доме и пытавшиеся нападать на объекты в Москве и чуть не устроившие в России гражданскую войну.

В Белый дом стала стекаться братва, бандиты, — вспоминал Савостьянов. — Приехали ребята из Приднестровья, из «Русского национального единства». Когда группа Терехова напала на штаб войск СНГ, это уже был открытый вооруженный мятеж. Тактика мятежников была очевидной — разжигать очаги восстания по всему городу, чтобы в городе начался хаос.

События, которые начались 4 октября, могли привести к гражданской войне. Призывы Руцкого, Хасбулатова и других к армии переходить на сторону съезда народных депутатов могли возыметь силу, поэтому мятеж надо было подавить.

— Почему же министерство безопасности не сумело предотвратить кровопролитие? — спросил я Савостьянова.

— Министерство безопасности не располагало тогда силовыми структурами. Да еще огромную роль сыграла смена эпох. Прежняя агентура КГБ оказалась ненужной, бесполезной. Все в обществе изменилось. А создать новую агентуру — для этого нужно много времени...

После подавления мятежа было задержано 6580 человек, потом их всех быстро выпустили, осталось человек двадцать.

Ходили слухи о том, что на стадионе «Асморал» (бывший «Красная Пресня») ОМОН расстрелял шесть тысяч участников обороны Белого дома. Эти слухи ничем не подтверждаются.

Генеральная прокуратура потом сообщит, что 3—4 октября 1993 года около Белого дома, у здания московской мэрии и в районе телецентра Останкино погибло или впоследствии скончалось от ран 123 человека.

Процесс по делу об участниках событий в октябре 1993-го не состоялся, потому что Государственная Дума объявила амнистию, всех обвиняемых освободили...

7 октября 1993 года в память о погибших Ельцин объявил общенациональный траур. Ельцин подписал указ о Конституционном суде, который, по его словам, «дважды в 1993 году ставил страну на грань гражданской войны» и сыграл «пособническую роль» в событиях 3—4 октября. Ельцин предложил не проводить заседания суда до принятия новой конституции.

11 октября Ельцин улетел в Токио. Это был красноречивый жест. Его государственный визит в Японию откладывался целый год. Теперь Ельцин показывал, что в стране все в порядке и он может спокойно заниматься мировыми делами.

События осени 1993 года стали поворотными в истории современной России. Страна стояла на пороге гражданской войны. Ельцин сделал то, что приветствовали одни и прокляли другие. Он нарушил конституцию, чтобы принять другую. Он решил тяжелый политический кризис силовыми средствами.

До подавления мятежа Борис Николаевич Ельцин был одним из нескольких политиков, которые вели борьбу за власть. После октябрьских событий он стал полноправным хозяином в стране. Отношение к нему мгновенно изменилось. Изменился он сам.

Но он не воспользовался своей победой, чтобы стать диктатором. Он провел всеобщие выборы и получил Государственную Думу, которая его не жаловала. Но после осени 1993 года

в стране наступила политическая стабилизация. И до конца ельцинской эпохи уже не было ни мятежей, ни путчей, ни схваток воинствующей оппозиции с органами правопорядка.

Глава пятнадцатая
СВОИ И ЧУЖИЕ ПРИ ДВОРЕ ЦАРЯ БОРИСА

12 декабря 1993 года одновременно с избранием депутатов первой Государственной Думы страна проголосовала за новую конституцию, которая в первую очередь изменила положение президента.

Если прежде президент был всего лишь одним из центров власти, и парламент при желании мог сильно ограничить его полномочия и вообще доставить ему массу неприятностей, то теперь он практически не зависел от воли депутатов.

Парламент лишился и возможности участвовать в формировании правительства. По новой конституции президент назначает председателя правительства. От Государственной Думы, конечно, требуется согласие. Но если депутаты трижды отклоняют предложенную президентом кандидатуру, он имеет право своим указом назначить премьер-министра, распустить Думу и объявить новые выборы. Если Дума выразит недоверие правительству, то президент может с ней согласиться и отправить кабинет в отставку, а может, напротив, распустить Думу и назначить новые выборы.

В конституции заложен очень сложный механизм внесения в нее поправок, что практически гарантировало Ельцина от новых атак парламента.

В конституции 1993 года есть масса недостатков, но в то же время, никто не может отрицать, что даже при слабо работающем президенте, который практически весь второй срок проболел, все-таки политическая стабильность в стране сохранялась.

В то же время энергичный, дееспособный президент в 1991—1993 годах находился в состоянии постоянного раздрая с парламентом и собственным вице-президентом. То есть советская конституционная модель работала значительно хуже.

При всей своей безграничной власти диктатором Ельцин не стал и даже не пытался ограничить права и свободы сограждан.

После подавления октябрьского мятежа в октябре 1993 года были запрещены некоторые газеты, поддержавшие мятежников. Это вызвало массовое возмущение, и запрет был снят, хотя в странах с устоявшейся демократией выпуск газет, проповедующих национально-социалистические, экстремистские лозунги, был бы запрещен навсегда.

— А ведь у него была тогда возможность стать диктатором, сокрушить и раздавить всех своих противников, — говорил мне бывший помощник президента Георгий Сатаров. — Он этого не сделал. Не воспользовался обстоятельствами.

ДИРИЖЕР-ЛЮБИТЕЛЬ

Где-то с начала 1994 года Ельцина стали называть царем — кто в шутку, кто всерьез. А Борис Николаевич и в самом деле переменился. Крушение советской власти не отменило марксовой формулы насчет того, что бытие определяет сознание. А бытие стало царским.

Его бывший пресс-секретарь Вячеслав Костиков с сожалением вспоминает: в улыбке, во взгляде Ельцина стало заметно проявляться высокомерие, а «в отношениях с Борисом Николаевичем постепенно исчезал демократизм, доступность, доверительность отношений — то есть те черты, которые так привлекали в работе с ним в прежние годы...»

Теперь в любой поездке президента сопровождали не только несколько врачей и медсестер, но и парикмахер, группа поваров, личные фотографы, персональный телеоператор и человек, занимавшийся его одеждой. Он пересел с «ЗИЛа» на «мерседес», который собрали специально для президента России.

В 1993—1994-м вокруг Ельцина сложилась сплоченная группа — Коржаков и его верный друг и соратник Михаил Барсуков, первый вице-премьер Олег Сосковец, управляющий делами президента Павел Бородин, тренер президента по теннису Шамиль Тарпищев. К ним одно время примыкали министр обороны Грачев и внутренних дел Виктор Ерин. Они постоянно встречались в неформальной обстановке, не только поддерживали друг друга, но и влияли на президента в одном направлении.

Евгений Савостьянов, который стал заместителем руководителя администрации президента, говорил мне:

— Не существует идеальных схем. В каждой есть свои недостатки. Коль скоро вводится институт избираемого монарха, то надо мириться с тем, что появится двор, в нем будет своя камарилья, будут те, кто ближе к монарху, и те, кто дальше. Это неминуемо...

Стать своим при дворе царя Бориса стремились многие, но не всем это удавалось.

Алексей Казанник после октябрьских событий 1993 года стал генеральным прокурором, но продержался недолго. Он не только не подходил для этой работы, но и не смог вписаться в московскую властную систему. Он рассказывал потом в интервью «Новой газете», какой диалог у него состоялся с Коржаковым накануне Нового, 1994 года.

Позвонил Коржаков и сказал:

— На Ленинских горах в Доме приемов будут все высокопоставленные лица. Алексей Иванович, вы должны там тоже быть.

Казанник отказался:

— Извините, Александр Васильевич, я вообще прокурор, а там будут должностные лица исполнительных органов, за которыми я осуществляю функцию надзора. Поэтому я не могу участвовать в этих компаниях.

Коржаков страшно удивился:

— Как вы не можете участвовать? Там будет президент с женой, все будут с семьями.

— Моя жена в Омске живет.

Коржаков сразу воодушевился:

— Я сейчас дам команду, ее привезут.

— Нет-нет, спасибо, потому что я хочу на Новый год улететь в Омск.

И генеральный прокурор отправился отмечать Новый год в родном городе. Он не хотел соблюдать правила игры. Его спрашивали:

— Вы в теннис играете?

— Не играл и играть не собираюсь.

— Ну как же, все играют, а вы не будете играть? Это, Алексей Иванович, как-то странно.

— Что ж делать, я очень странный человек. Надо мои странности уважать...

Нежелание веселиться вместе со всеми и играть в модные игры было, разумеется, не главной причиной отставки Казанни-

ка, но тоже сыграло свою роль в отторжении генерального прокурора от власти.

В Кремле сформировалась иерархическая система власти. Скажем, помощники президента, как и в советские времена, обедали в особой столовой. Имело значение, кто с кем сидел за одним столиком.

Избавившись от врагов и заняв в Кремле царское положение, Ельцин стал меньше себя контролировать, расслабился. И это его сильно подвело. В 1994-м с Ельциным произошли две крайне неприятные истории, губительные для его репутации.

30 мая Ельцин улетел в Германию на торжественную церемонию по случаю вывода российских войск. Борис Николаевич перебрал во время обеда с канцлером Гельмутом Колем (а был к тому же жаркий день) и взялся дирижировать оркестром берлинской полиции. Эту сцену показало телевидение всех стран, — позор на весь мир.

В сентябре на обратном пути из Соединенных Штатов, где Ельцин тоже позволил себе лишнее, ему стало плохо в самолете. Сопровождавшие врачи не могли сразу определить, что это — сильный сердечный приступ или микроинсульт?

А в аэропорту в Шенноне его ждал для переговоров премьер-министр Ирландии Альберт Рейнольдс. Повинуясь чувству долга, Ельцин пытался подняться на ноги, но не сумел выйти из самолета. И к ирландцам отправили первого вице-премьера Олега Сосковца. Невозмутимые ирландцы сделали вид, что даже не удивились, но скандал получился грандиозный.

Потом Ельцин как ни в чем не бывало рассказывал журналистам, что он, утомившись, проспал, а охрана не решилась его разбудить, но довольно быстро стала известна реальная подоплека. Тем более, что пристрастие президента к горячительным напиткам ни для кого не оставалось секретом.

За рубежом задавались вопросом: если Ельцин так напивается во время международных визитов, то что же он позволяет себе дома, когда его никто не видит и не контролирует?

ПОБЕДА ЖИРИНОВСКОГО НА ВЫБОРАХ

Полный разгром октябрьской оппозиции был омрачен результатами выборов в первую Государственную Думу. Ельцин, как и многие в стране, полагал, что на волне обновления абсо-

лютное большинство депутатских мандатов получат демократические партии.

Еще в марте 1993 года, когда съезд народных депутатов пытался отрешить Ельцина от власти, демократические политики образовали оргкомитет партии «Выбор России». Осенью оформился предвыборный блок под тем же названием. «Выбор России» возглавил первый вице-премьер Егор Гайдар. Казалось, что его грядущая победа на выборах позволит ему наконец стать полноправным главой правительства.

Но с демократами дурную шутку сыграла неспособность объединиться. Один из наших политиков рассказывал мне:

— Я сказал Сереже (Шахраю) и Григорию (Явлинскому): ребята, создавайте свои партии для президентских выборов, но сейчас выступим единым блоком...

Московский мэр Юрий Лужков организовал переговоры всех демократических партий в надежде их сплотить. Не получилось. Все пошли на выборы отдельно — Партия российского единства и согласия (ПРЕС) Сергея Шахрая, Российское движение демократических реформ Анатолия Собчака, «Яблоко» Григория Явлинского.

Гайдар предлагал Шахраю первое место в списке «Выбора России». Сергей Михайлович, избалованный разговорами о том, что он один из очевидных фаворитов будущих президентских выборов, ни с кем не захотел объединяться.

Ельцин вначале очень нуждался в Шахрае. В его отсутствие чувствовал себя неуверенно. Шахрай показал свою нужность умением и желанием работать. Ельцин сделал его государственным советником, потом вице-премьером.

Шахрай создал себе Государственное правовое управление, контролировавшее каждый документ, который предстояло подписать президенту. Но в какой-то момент Шахрай решил, что Ельцин долго не удержится и надо вовремя спрыгнуть с подножки. Он стал дистанцироваться от Бориса Николаевича.

— У меня сложный характер, я леплю правду-матку в глаза, это часто не нравится, вызывает раздражение, из-за этого в наших отношениях бывают и взлеты, и падения, — говорит Шахрай в газетном интервью. — Личных контактов между нами никогда не было. Я не навещаю Бориса Николаевича на даче и в городской квартире, не играю с ним в теннис. Словом, президентское окружение — это одно, Шахрай — другое...

Сергей Михайлович верил в свою звезду, но на выборах с трудом преодолел пятипроцентный барьер, а следующие выборы и вовсе проиграл. В президенты он, несмотря на твердое обещание, не баллотировался.

Гайдар убеждал Ельцина прийти на съезд «Выбора России» и поддержать демократическую партию. Тогда демократы стали бы партией власти, это принесло бы им дополнительные голоса. Но Борис Николаевич отказался от этой идеи, чтобы выступить в роли отца нации, не вмешивающегося в парламентскую борьбу.

Правительство, точнее первый вице-премьер Егор Гайдар, наотрез отказалось использовать предвыборный прием, который в последующие годы широко практиковался: включить печатный станок и расплатиться со всеми долгами накануне выборов, чтобы получить поддержку избирателей...

А люди были раздражены тем, что обещанное им не сбылось, и не захотели вновь голосовать за тех, кто не справился со своими обязанностями.

Переход к рыночной экономике не только для России — для всей Восточной Европы оказался связан с появлением новых проблем; к сожалению, сильнодействующие лекарства часто оказывают тяжелое побочное действие.

14 декабря стали известны результаты выборов. «Выбор России» получил возможность сформировать крупнейшую фракцию в 75 человек. Но рассчитывали на полную победу, поэтому возникло ощущение провала демократов.

Неожиданно много голосов получили аграрная партия и коммунисты Зюганова, которые создали третью по значению фракцию. Главной сенсацией выборов стал успех партии Владимира Жириновского, которая прошла в Думу с демагогическими и националистическими лозунгами.

Через несколько лет станет ясно, что Жириновский, как таковой, не представляет особой опасности. Он станет охотно и небескорыстно сотрудничать с Кремлем и Белым домом. Но тогда появление фракции ЛДПР в 59 человек было ошеломительным событием. Успех Жириновского свидетельствовал о том, как широко распространены в обществе антидемократические и националистические идеи.

Потрясенный случившимся, Мстислав Ростропович говорил тогда в газетном интервью:

— Что произошло с народом? Большая часть его голосовала не за то, что человек умеет, а за то, что человек обещает. Вот это

самое главное. А тут уже наша Россия-матушка. Потому что мы любим обещания, мы любим сказки... Чем всегда отличалась наша публика на концертах от публики иностранной? Наши приходят в Большой зал консерватории как в сказку. Они в себя вбирают, впитывают божественную красоту музыки. Они верят в то, что это другая жизнь. И, насытившись этой красотой, они опять дома стирают пеленки, моют полы и т. д. На Западе музыку тоже любят. Но там концерт — часть их жизни. Они думают, как лучше пообедать: после концерта или до концерта? В каком ресторане? Это идет от благополучия внешнего, от жизненного уровня...

Итоги выборов в первую Государственную Думу потрясли и Ельцина, и его окружение. Тем более, что Дума сразу преподнесла президенту неприятный сюрприз.

23 февраля депутаты приняли постановление «Об объявлении политической и экономической амнистии». В субботу 26 февраля выпустили участников октябрьских событий.

Хасбулатов, Руцкой, Макашов, Дунаев, бывший депутат Илья Константинов, Виктор Анпилов, Александр Баркашов, Станислав Терехов избежали судебного процесса... Никто не был наказан за пролитую кровь, за хаос, в который погрузилась страна в октябрьские дни.

Генеральный прокурор Алексей Казанник назвал амнистию «позорной страницей в истории отечественного парламентаризма», но велел заключенных отпустить. И сам ушел в отставку.

Президент возмутился, вроде бы хотел вновь арестовать отпущенных по амнистии и приказал министру внутренних дел Виктору Ерину сделать это. Готовился проект жесткого указа. Но Бориса Николаевича, видимо, убедили, что упущенного не вернешь, и все остались на свободе.

Зато Государственная Дума отменила свое решение о создании комиссии по расследованию событий 21 сентября — 4 октября 1993 года. Одно из поворотных событий нашей истории осталось неисследованным и нерасследованным.

1 марта Государственная Дума амнистировала членов ГКЧП.

Один из видных демократических политиков сказал мне тогда:

— Президент на месте, и это счастье, потому что его присутствие в Кремле гарантирует нас от появления чернорубашечников на улицах. Надо срочно извлекать уроки. Слава Богу, у демократов есть два года, чтобы подготовиться к президентским выборам.

МАНИЯ ВЕЛИЧИЯ

Некоторым утешением служило полное поражение на выборах радикального фланга. Предсказания о появлении политического терроризма, к счастью, не оправдались. Пар из экстремистского движения вышел в 1993 году — во время первомайской демонстрации в Москве и в ходе октябрьских событий.

Среди радикалов много уличных хулиганов, еще больше мастеров хулиганского слова, но на что-то серьезное у них, похоже, пока пороха не хватает. Уж какое пугающее впечатление производили появившиеся на экранах телевизоров боевики «Русского национального единства», но за телевизионным представлением ничего не последовало. На выборах «Русское национальное единство» оглушительно провалилось.

Радикалы дробились и объединялись, вспыхивали новыми, шумными идеями и исчезали.

Поражение в октябре 1993 года было шоковым для всех этих групп и группок. Наиболее заметные деятели оппозиции отказались от уличных стычек и манифестаций и переориентировались на политическую борьбу в рамках конституции, то есть занялись выборными делами. Тем самым они разошлись с твердыми сторонниками непарламентского пути, которые в настоящие вожди не годились.

Во-первых, эти люди закомплексованы и страдают манией величия.

Председатель исполкома правления либерально-патриотической партии «Возрождение» Валерий Скурлатов, сын заместителя начальника аэропорта Быково по политчасти и бухгалтера аэродромного гаража, возвел свой род к половецкому хану XII века Скурле.

Первый заместитель председателя Русского национального союза, главный редактор газеты «Штурмовик» и журнала «Нация» Константин Касимовский, взяв фамилию матери, вел свой род от Симеона Бекбулатовича, крещеного касимовского хана.

Руководитель московской организации либерально-патриотической партии «Возрождение» Игорь Брумель тоже отыскал знаменитого предка — эльзасского композитора XV века Антонио Брумеля. Он брат Олимпийского чемпиона Валерия Брумеля и самозваного императора Алексея (Олега) Брумеля.

Во-вторых, почти все эти люди помешались на евреях и заняты борьбой если не с всемирным еврейством, то, как минимум,

с сионизмом и масонством. Разумные и дельные люди из этого мира исторгаются. Авторство фразы «Всякая национальная культура начинается с антисемитизма» (из книги «Нам нужен Сталин») принадлежит военному обозревателю газеты «Русский националист» Чеславу Млыннику, бывшему командиру рижского ОМОНа. Чеслав Млынник воевал в Абхазии против грузинской армии вместе с чеченским батальоном Шамиля Басаева.

В-третьих, это были люди со своеобразной биографией, которая сузила их жизненный выбор (коллективный портрет составили авторы книги «Политический экстремизм в России», подготовленной Московским антифашистским центром и информационно-экспертной группой «Панорама»).

Политический секретарь Национально-республиканской партии России Николай Павлов, бывший народный депутат РСФСР, сопредседатель Фронта национального спасения, в молодые годы получил четыре года за грабеж. Свою вину отрицал, но пересмотра дела не требовал. На выборах в Думу проиграл сыну зверски убитого священника Александра Меня.

Председатель Всемирного русского правительства Валерий Емельянов был арестован за убийство и расчленение топором своей жены, признан невменяемым. Выйдя из психбольницы, примкнул к «Памяти». А командир Русского национального легиона Андрей Сабор, напротив, до перехода на освобожденную политическую работу руководил изолятором временного содержания в Санкт-Петербурге.

За малым исключением, это были люди крайне скромных интеллектуальных способностей, несамостоятельные, но амбициозные. Вот какую характеристику составили в Народной национальной партии своему лидеру Владимиру Попову: «Хороший организатор и публицист. Истинно русский. С соратниками по партии поддерживает дружеские отношения. Беспощаден к врагам России». Пародия? Нет, свое придумать не в силах.

Отсутствие серьезных лидеров привело экстремистские организации в упадок. Точнее говоря, они утеряли привлекательность даже для своих немногочисленных фанатов.

Но это вовсе не означало, что все эти фашистские, полуфашистские, радикально-националистические группы скоро исчезнут. Напротив, они могут либо обрести умелого лидера, который придаст им вес в стране, либо заняться политическим террором. Пока что они слишком ничтожны, чтобы повести за

собой людей. Но тех, кто думает примерно так же, как и они, предостаточно.

Осенью 1994 года председатель Государственного комитета по делам печати Борис Миронов громогласно заявил: «Если русский национализм — это фашизм, тогда я — фашист». Он был освобожден от должности. Но ведь когда этот человек в ранге министра говорил нечто подобное, то, вероятно, рассчитывал, что его поддержат?..

РЕФОРМАТОРЫ УХОДЯТ

После подавления октябрьского мятежа, как когда-то после провала августовского путча 1991 года, удалось сразу заметно продвинуться вперед, потому что радикально изменилась атмосфера в обществе.

Ельцин подписал указы, которые прежде блокировались Верховным Советом: «О Государственном гербе», «О Государственном гимне», «О Государственном флаге». Московский мэр Лужков предложил вынести Ленина из Мавзолея. Даже был подготовлен проект указа. Но Ельцин его не подписал.

И глава правительства Виктор Черномырдин подписал очень важные документы, среди них подготовленное Борисом Федоровым постановление о либерализации цен на хлеб и зерно. Это привело к тому, что страна смогла жить без импорта зерна. Но президент и правительство могли бы активнее приняться за исправление дел в экономике, добиваться финансовой стабилизации.

Гайдар пытался убедить в этом президента, подтолкнуть его к активным действиям. А он все откладывал на потом: «Было ощущение, что президент смертельно устал от постоянного напряжения, от тяжести, лежащей на плечах, потерял значительную часть энергии, стал медленнее ухватывать главную мысль, стержень любого разговора...»

Не все согласны с такой оценкой. В 1994 году Ельцин был еще в хорошей форме.

Я спрашивал бывшего помощника президента Георгия Сатарова:

— Добравшись до вершины пирамиды власти, Борис Николаевич чувствовал в себе желание и силы еще что-то сделать? Или уже все сделано и ему скучно стало?

— Это тоже зависело от времени и от самочувствия. В начале 1994-го, когда я стал помощником, он был очень «заряженный»; была принята новая конституция, прошли выборы, хотя далеко не так удачно, как ему хотелось, и у него было ощущение, что жизнь начинается с чистого листа. Новая конституция, настоящий парламент, а не этот съезд — это его вдохновляло. Он поэтому более или менее безболезненно перенес удар, связанный с политической амнистией начала 1994 года. Ему хотелось начать новую главу жизни. Тогда он был заряжен на работу...

Результаты выборов были для Ельцина неприятнейшим сюрпризом. Он рассчитывал на другое и был готов к активным действиям в случае победы демократических сил. Неудачу на выборах, по мнению Гайдара, он воспринял как сигнал к отступлению, политическому маневру, частичной смене ориентиров.

16 января 1994 года Гайдар подал в отставку с поста первого вице-премьера, заявив: «Я не могу быть одновременно и в правительстве, и в оппозиции к нему...»

Бывший пресс-секретарь президента Костиков полагает, что была некая договоренность между Гайдаром и Ельциным. Егор Тимурович уходит в отставку, переходит в оппозицию, набирает очки и, может быть, через какое-то время сменяет на посту премьер-министра Виктора Черномырдина, который, как казалось, долго не продержится.

Похоже, президент как-то психологически нуждался в Гайдаре. Через два с половиной месяца после отставки Егора Тимуровича на заседании президентского совета Ельцин обратился к нему:

— Может быть, надо возвращаться?

Но Гайдар не спешил принять это предложение, а после начала чеченской войны занял резко критическую позицию в отношении президента, и возвращение в Белый дом стало невозможным.

В какой-то момент возникло ощущение, что из правительства ушли реформаторы и остался один только неутомимый Анатолий Чубайс.

Курс правительства Черномырдина постоянно колебался, был двойственным. Вместо жесткого соблюдения единых правил игры, соблюдения налогового и таможенного кодекса постоянно делались исключения, выносились решения о льготах. Так формировался коррумпированный капитализм.

Одни министры старались выдать побольше кредитов, дотаций, бюджетных ассигнований на поддержку различных программ. Другие пытались сократить государственные расходы. За одним столом сидели твердые сторонники государственного регулирования и последовательные либералы.

Борис Федоров вообще считает, что тогда и завершились реальные реформы, а после этого на западные деньги непрерывно покупалась отсрочка от кризиса, который должен был произойти и в конце концов случился — в августе 1998 года.

ФАВОРИТЫ И ПОМОЩНИКИ

«Когда сложилось новое российское руководство в 1991 году, — вспоминал Геннадий Бурбулис, — окружение Ельцина составляли интеллектуалы-книжники, которые сумели существенно сократить время освоения президентом некоторых идей и ценностей... Но им не удалось сохранить влияния на Ельцина, атмосферу, подпитывавшую его в трудные моменты.

Затем Ельцин стал приближать к себе так называемых силовых министров. Отсюда предпочтение прямолинейных, упрощенных ответов на сложные вопросы. Мол, мальчики не знают жизни, начитались книжек, соблазнили Ельцина своими наивными мечтаниями. А вот мы, реалисты, сейчас порядок наведем.

Словом, страна качается из стороны в сторону в зависимости от того, какое идейное настроение Борису Николаевичу на данный момент ближе».

В этой формуле Ельцину отводится пассивная роль. Это не совсем так. Он конечно же, как и каждый из нас, находился под влиянием своего окружения. Но окружение он подбирал сам. И менял его, когда менялись задачи, стоящие перед ним.

Отношения в команде Ельцина всегда были очень сложными, потому что он окружал себя разными людьми.

Виктор Иваненко, который был первым и единственным председателем КГБ РСФСР, рассказывал мне:

— В команде Ельцина с самого начала процветал фаворитизм. С одним из фаворитов — Бурбулисом — у меня были хорошие отношения. А с другим — Коржаковым — они сразу же не сложились. Коржаков стал мне навязывать своего человека в заместители. Хороший парень, но самая его высокая долж-

ность — начальник отделения КГБ по обслуживанию аэропорта Домодедово. Если бы я его сразу назначил заместителем председателя КГБ России, меня бы все засмеяли. Я отказал Коржакову и нажил себе недоброжелателя.

Сначала мне было определено время. Раз в неделю я делал доклад. Потом встречи стали реже, пробиться к президенту — даже с информацией по острым вопросам — стало трудно.

— Разве его не интересовало то, что вы рассказывали?

— Интересовало, но он, очевидно, мне не доверял. Когда он переставал доверять человеку, то просто не хотел его видеть. В письменном виде он принимал доклады. Но деликатные вещи на бумаге не изложишь...

В 1993—1994 годах аппарат Ельцина полностью сформировался.

Он состоял из службы помощников президента, Службы безопасности во главе с Коржаковым, собственно администрации и управления делами президента. Все эти службы подчинялись непосредственно Борису Николаевичу.

А первый помощник Виктор Илюшин фактически был выше Филатова, потому что президент каждое утро начинал встречей с Илюшиным, а руководителя администрации призывал к себе по мере необходимости. В восемь утра Илюшин уже был на работе. Когда появлялся президент, к нему сразу же приходил Илюшин, предупрежденный дежурным, и они беседовали минут пять—десять. Первый помощник докладывал расписание работы президента на день и график приема посетителей. Ельцин высказывал замечания и давал задания.

В приемной Илюшина ожидали остальные помощники, которым он передавал поручения президента.

Виктор Илюшин работал в Свердловском обкоме, в аппарате Ельцина — в ЦК и МГК КПСС. После того как Ельцина убрали из Московского горкома, Илюшина перевели в ЦК КПСС и на полгода отправили в Афганистан, в группу партийных советников, которую возглавлял Виктор Поляничко. Потом Илюшин вернулся к Ельцину в Верховный Совет России и возглавил его секретариат.

Никто не мог попасть к Ельцину, минуя Илюшина, за исключением тех, у кого был аппарат прямой связи с президентом (у него есть пульт, когда кто-то звонит, раздается звуковой сигнал, загорается лампочка), но и в таких случаях президент говорит Илюшину, кого ждет. Все остальные желающие по-

пасть на прием к президенту должны были доказать Илюшину, что они достойны беседы.

Документы на стол президенту клал начальник канцелярии Валерий Семенченко, который был помощником еще первого секретаря Свердловского обкома КПСС. От него зависело, какие бумаги и в каком порядке окажутся на столе президента.

Но Илюшин знал о каждом документе. О телефонных звонках президенту первому помощнику докладывали дежурные в приемной. Илюшин мастерски пресекал попытки других людей в окружении Ельцина оттеснить его. Он не мог состязаться только с Коржаковым, у которого были особые, личные отношения с президентом.

Сам Виктор Илюшин рассказывал: «Я почти всегда рядом с ним, но никогда не был с ним в таких дружеских отношениях, каких быстро умудрялись достигать многие из его окружения. Не знаю, возможно, это результат соблюдения с моей стороны дистанции, но и Б.Н. Ельцин никогда, по моему мнению, не сокращал ее. А быть может, это и к лучшему, и оттого мы работаем вместе так долго и без заметных внешне изменений в отношениях».

Спокойный и педантичный Илюшин оттеснил на второй план Льва Суханова, который в трудные годы был самым близким к Ельцину человеком.

Суханову поручили заниматься отношениями с партиями, общественными движениями и депутатским корпусом. Но это было не его дело. Постепенно Суханова отодвинули от большой политики, оставили без дела, а потом и вовсе отправили на пенсию. Причем Ельцин не нашел времени его принять и попрощаться. Суханов рано умер — первым из окружения Ельцина.

Команда помощников в 1993—1996 годах была очень сильной. Колоритный Вячеслав Костиков стал пресс-секретарем. Его заявления в критические месяцы 1993 года играли заметную роль в политике, хотя потом его убрали из администрации и заменили телевизионным журналистом Сергеем Медведевым, который вел себя строго в рамках инструкций.

Карьерный дипломат Дмитрий Рюриков стал помощником по международным делам. Высокий и внушительный, он хорошо смотрелся рядом с президентом. Он готовил зарубежные поездки президента, его встречи с иностранными гостями. Рюриков проработал довольно долго, потом стал жертвой запутанной интриги, связанной с российско-белорусскими отношениями, — его убрали из администрации.

Очень заметным в группе помощников стал Юрий Батурин, который занимался сначала юридическими вопросами, а затем стал помощником по вопросам национальной безопасности, то есть занимался армией и специальными службами. Его сильно не любили в армии и на Лубянке, но он был чрезвычайно полезен президенту.

Политическими вопросами занимался Георгий Сатаров, юридическими — Михаил Краснов. Помощником по экономическим делам стал Александр Лившиц, который, занимая разные должности, переходя из Кремля в Белый дом и обратно, даже пережил на государственной службе самого Бориса Ельцина.

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА: ЦК КПСС БЕЗ КПСС

Первоначально президентская администрация исполняла чисто административно-канцелярские функции. Первым ее возглавил земляк и воспитанник Ельцина Юрий Петров. Он в 1985 году сменил Бориса Николаевича на посту первого секретаря Свердловского обкома КПСС.

Его назначение неприятно удивило демократов, потому что Петров считался человеком с реакционными взглядами. Ему понравилась знаменитая статья Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами», которую сочли антиперестроечным манифестом, и велел областной газете ее перепечатать. Горбачев отправил его от греха подальше послом на Кубу.

Юрий Петров в разгар противостояния Ельцина и Верховного Совета был против референдума о доверии президенту и высказался на сей счет публично:

— Нужно искать компромисс... Я бы не рекомендовал президенту референдум.

Журналисты удивились:

— Как же так? Ведь вы один из тех, кто входит в ближайшее окружение президента?

— Я себя к этому окружению советчиков не отношу, — отгородился Петров. — У меня другая позиция.

Президент тоже это заметил. В январе 1993 года Ельцин вежливо поинтересовался у Петрова, чем бы он теперь хотел заняться. Администрацию президента возглавил Сергей Филатов. Ельцин знал его по работе в Верховном Совете. Но этот

выбор демонстрировал еще и желание президента приблизить к себе демократически мыслящих политиков.

Пригласив Филатова на дачу в Барвиху, Борис Николаевич сказал:

— Сергей Александрович, для вас главная задача — кадровая. Укрепить надежными, профессиональными кадрами аппарат администрации и правительства.

Хотя после этого аппарат правительства Ельцин передал в ведение премьер-министра, вывел из-под контроля администрации президента. На этом настоял Виктор Черномырдин.

В руках Филатова президентская администрация превратилась в работающий орган, который занимался проведением политики президента в жизнь, следил за исполнением принятых им решений и снабжал его разносторонней информацией о положении в стране.

Администрация президента — это центральный государственный аппарат. Он готовит для высшего политического руководства стратегически важные решения. Аппарат играет важнейшую роль и в реализации этих решений. Без нормальной работы государственного аппарата нет и государства.

Численность администрации президента составляла тогда 1410 человек. Часть располагалась в Кремле, рядом с президентом, остальные на Старой площади, в комплексе зданий ЦК КПСС, что стало поводом для множества шуток и нелестных сравнений.

Профессор Вадим Печенев в советские времена работал в аппарате ЦК КПСС и даже был помощником генерального секретаря Черненко. В новые времена его как видного специалиста по этно-политическим отношениям пригласили в администрацию президента России. Он вновь приступил к работе в знакомом здании на Старой площади и имел возможность сравнить два аппарата. Вадим Печенев рассказывал мне:

— Я десять лет проработал на Старой площади в ЦК, потом в 1994-м вернулся — уже в администрацию президента. Мне бросилось в глаза, что этот аппарат меньше был готов к выполнению задач, которые перед ним ставились, чем аппарат ЦК.

Президентская команда была перегружена огромным количеством дилетантов. Пришло много аналитиков. Они писали умные книги, но их нужно было переводить на язык политики, а на это они не годились. Они не способны были готовить реше-

ния президентского уровня — просто не понимали, как это делать. Я и понадобился как профессионал.

— Условия жизни работников администрации президента сильно изменились в сравнении с временами ЦК КПСС?

— Осталось примерно то же самое, чуть-чуть хуже. Работники ЦК, начиная с определенного уровня, в те годы были избавлены от дефицита продуктов. Теперь этой проблемы нет. Медицинское обслуживание, отдых — то же самое. Работники президентской администрации имеют определенные преимущества перед другими сотрудниками государственного аппарата. Главное впечатление состояло в том, что иногда было непонятно, где и когда принимаются стратегически важные решения. Мы привлекали аналитиков, специалистов, которые могут разрабатывать решения, но как их реализовывать? Исчезли прежние рычаги управления. На местах не было аппарата, который бы исполнял указания центра. Каждый новый руководитель администрации пытался по-своему решить эту проблему. Как это ни странно, но демократы типа Филатова пытались создать мини-ЦК КПСС, не имея КПСС...

Печенев считает, что Ельцин даже не имел представления о том, что такое его аппарат. Президент ориентировался на мнение узкого круга людей, хотя тогда очень активно работал. Кроме, разумеется, тех периодов, когда как бы «исчезал» по неизвестным причинам...

Я спрашивал Евгения Савостьянова, который несколько лет проработал заместителем главы президентской администрации: а была ли объективная необходимость в создании администрации президента? Или это действительно — второй ЦК КПСС, без которого Ельцин по привычке не мог обойтись?

— Все определяется конституционными полномочиями президента. Во Франции и в США есть администрация президента.

В принципе это не более чем рабочий орган президента по выполнению его конституционных полномочий. По конституции на президента возложено множество полномочий. Не может же он сесть и сам писать указы, готовить материалы, вести аналитическую работу. Возникла администрация, чтобы помогать президенту. Правда, сегодня существует дублирование функций правительства. Зачем, скажем, в администрации управление по внешней политике, если есть министерство иностранных дел?

У нас запутанная административная система: есть правительство, есть аппарат правительства, есть министерства. Нет другой

страны, где помимо главы правительства есть еще и изрядное количество вице-премьеров, под которыми министры. Получается, что министр — не самостоятельная фигура, а мальчик, над которым нужен еще присматривающий дядька. А над вице есть свой куратор — первый вице-премьер.

Словом, российская бюрократия позаботилась о создании большого числа сытных рабочих мест для себя.

В то же время ничто не может заменить администрацию, когда речь идет об исполнении президентом его функций. Например, только президент наделен правом помилования. Этим занимается его администрация.

ОПЕРАЦИЯ «ЛИЦОМ В СНЕГ»

Это было время, когда администрация еще не подменяла больного президента и не пыталась управлять страной от его имени, а всего лишь ему помогала.

— Я готовил его командировку в Казань в 1994 году, — вспоминает Вадим Печенев. — Это была годовщина подписания договора между Москвой и Казанью, который в тот момент стабилизировал отношения между федеральным центром и Татарией. Я присутствовал на всех встречах, в том числе в узком кругу в казанском Кремле. Борис Николаевич был очень работоспособным человеком и хорошо себя поставил...

— При мне Борис Николаевич приезжал точно — чаще всего в 8.45, — рассказывал Сергей Филатов. — Как мне объяснили помощники, он вообще привык работать подолгу. Засиживался допоздна. И они вроде решили его уговорить работать до пяти, до шести вечера, не переутомляться, потому что переутомление накапливается. Лучше дома почитать какие-то бумаги. Поэтому он уезжал из Кремля в шесть вечера, в пять, иногда и после обеда. Причин мне не сообщали. Может, не было работы по плану, может, забирал бумаги с собой.

Я тоже иногда позволял себе взять бумаги и уехать домой, потому что в кабинете телефоны надоедают, работать невозможно. По субботам я приезжал, пока начальники управлений не взмолились: раз начальник приезжает, приходят и подчиненные, хотя иногда нечего делать. Ну, и я стал в субботу дома работать, бумаги мне привозили чемоданами...

Филатов жаловался на то, что бывали периоды, когда встречи с президентом надолго откладывались. А намечено что-то важное, время поджимает, откладывать нельзя. Можно, конечно, написать записку и отослать, но записка — это не живой разговор.

«Это иногда очень сильно мучило. То вдруг уехал, то заболел, то объявляет, что едет в Сочи, то в «Русь». Это, конечно, создавало большие неудобства. Мне можно было по рангу моему и в его резиденцию «Русь», и в Сочи съездить, поговорить, раз надо, но я воспитан иначе. Если человек уехал отдыхать, я не позволю себе без крайней необходимости его беспокоить».

Ельцин почти всегда был очень корректен. Но если вдруг приходил в ярость, то сопротивляться ему было бесполезно. Однажды, получив какую-то информацию, он решил снять новосибирского губернатора Виталия Муху и иркутского Юрия Ножикова. Филатов позвонил в Государственно-правовое управление администрации, попросил подготовить указ. Юристы возразили:

— Сергей Александрович, не можем. Юридически не имеем права отстранить губернатора.

Филатов объяснил это президенту. Он ничего не желал слышать:

— Где указ?

Филатов еще раз объяснил, что ничего не получается. Губернаторы завтра обратятся в суд, и их восстановят.

Ельцин сквозь зубы цедит:

— Где указ?

Филатов свое — администрация не имеет права подготовить такой указ.

А Ельцин уже на взводе:

— Где указ? Чтобы через пятнадцать минут он лежал у меня на столе.

И, получив текст, Ельцин немедленно его подписал.

А через несколько дней все губернаторы съехались в Москву и бросились защищать Ножикова и Муху. Президент сидел слушал, потом говорит:

— Я своему аппарату всыплю за то, что мне подсунули такие бумаги...

— И мы брали на себя ошибки, которые он делал, — говорил мне Филатов. — По каждому поводу заявлять: это не я виноват и кивать на президента — неэтично. Авторитет первого лица нельзя подрывать по мелочам. Ситуация с губернатора-

ми понятна — разве он сам это придумал? Или не любил Ножикова и Муху? Он хорошо к ним относился. Значит, кто-то накрутил его, дал неверную информацию. Это часто происходило. Я же был свидетелем — еще в первые дни своей работы, — как его охрана (Коржаков и Барсуков) подсовывали ему такую информацию: кто что сказал. К этому человек всегда чувствителен. А Ельцин особенно. Иногда он из-за этого срывался. Мне тоже несколько раз звонил по поводу некоторых лиц. Я понял, что кто-то довольно успешно и активно ему нашептывает, возбуждая самые низменные инстинкты. Ну, это было испокон веку...

Александр Коржаков оставил о себе странное впечатление. Вокруг него ходит множество легенд, и сам он не прочь подпустить тумана. И превратился в какую-то демоническую фигуру.

У Андрея Козырева эти оценки вызывают улыбку: «Ну какой Коржаков — демоническая фигура. Любят у нас придумывать демонических фигур. Он просто был близким к президенту человеком. Вот и у меня начальник охраны был замечательный человек. У нас с ним тоже сохранялись самые дружеские отношения. Понимаете, такова система: начальник охраны оказывается ближе, чем жена. В условиях, когда тебя повсюду, всегда сопровождает охрана, через охрану ты узнаешь очень много вещей».

Коржакову действительно были приданы или навязаны несвойственные ему функции. Поэтому его деятельность стали оценивать таким образом. Оценивать надо, как он обеспечивал безопасность, считает Козырев.

Владимир Бабичев, в прошлом крупный партийный работник, стал при Черномырдине руководителем аппарата правительства. Он рассказывал журналистам:

— Как может не ощущаться влияние Коржакова, если так называемая служба по подслушиванию подчиняется ему непосредственно?

— Вы хотите сказать, что правительственные телефоны прослушиваются?

— По-моему, всех подслушивают, даже премьера...

«В 1993 году у меня было крупное столкновение с советником президента по спорту господином Тарпищевым», — рассказывал Бабичев.

Пользуясь близостью к президенту, Тарпищев попытался в обход всех согласований создать акционерное общество. Бабичев был категорически против. Но тут неожиданно позвонил

Коржаков и таким начальственным тоном спросил: почему до сих пор не подписан устав этого предприятия? Бабичев тогда только пришел в правительство и еще не знал, кто такой Коржаков. Поэтому задал естественный вопрос:

— Кто вы?

— Начальник охраны президента.

— Ах, вы начальник охраны, так вот и охраняйте, и не в свои дела не лезьте.

После этого Бабичеву тут же отключили телефоны, в том числе и правительственную связь... Конечно, телефоны потом пришлось включить, но дерзость не была забыта.

Коржаков позволял себе и к Черномырдину обращаться на «ты». Генерал увлекся, перешел некую грань и стал вреден для президента.

В конце 1994 года «Известия» опубликовали письмо Коржакова Черномырдину. Начальник президентской охраны жаловался на то, что министр экономики Александр Шохин принимает неверные решения в нефтяной сфере: хочет отменить институт спецэкспортеров и обеспечить равный доступ компаний к нефтепроводам. Шохин пытался сделать то, что было совершенно необходимо: уничтожал почву, порождавшую коррупцию. Естественно, это наносило ущерб влиятельным силам.

Письмо Коржакова было написано в ультимативном тоне: «Считаем целесообразным предложить Вам поручить Первому Заместителю Председателя Правительства О. Сосковцу, в рамках его полномочий по курированию ТЭК, создание комиссии для проведения экспертной оценки всех вышеприведенных распоряжений с точки зрения соответствия национальной стратегии в области нефтяной политики и укрепления экономики страны».

Черномырдин был, наверное, глубоко оскорблен таким тоном и позаботился о том, чтобы письмо было предано гласности, иначе оно бы никогда не попало в газету. А это была попытка сохранить контроль над распределением экспорта нефти. Сосковец жаловался своему другу Коржакову. Они решили повлиять на премьера и промахнулись. Не от большого ума сочинили такое письмо...

Близость к президенту открывала невероятные возможности. Шамиль Тарпищев создал Национальный фонд спорта. По его просьбе президент в ноябре 1993 года подписал указ о предоставлении фонду спорта фантастических льгот: Фонд получил

право беспошлинного ввоза в страну табачных изделий и алкогольных напитков. В результате 95 процентов импорта табака и алкоголя пришлось на долю Национального фонда спорта.

Маскировалось это заботой о спорте и спортсменах. В реальности эти льготы наносили огромный ущерб экономике страны, стали питательной почвой для коррупции и преступности. За право пользоваться льготами убили немало людей. Зато очень многие высшие чиновники поправили свое материальное положение. Бороться с их интересами рисковали немногие. Первый вице-премьер Анатолий Чубайс заявил: «Если у Национального фонда спорта не отберут льготы, я уйду из правительства». И Чубайс добился своего. Так то Чубайс...

С одной стороны, в какой-то момент Коржаков стал одним из влиятельнейших людей в стране. Он давал советы главе правительства. Служба безопасности президента под его руководством обрела невиданную власть. С другой стороны, глядя на Коржакова, никогда не подумаешь, что он способен проводить самостоятельную политику.

— Не нужно его недооценивать! — говорит бывший помощник президента Георгий Сатаров. — У него, конечно, внешность человека не одаренного интеллектом. Но это не совсем правильно. Понятно, что его образование, социальная траектория не позволили ему стать человеком высококультурным, но от природы он одарен...

Александр Коржаков, которого изгнали из КГБ за верность Ельцину, заботился о Борисе Николаевиче, как о самом близком человеке на земле. Не мог Ельцин не ценить этого. Первоначально Коржаков держался очень скромно, но потом вошел во вкус власти, особенно кадровых решений, и, благодаря близости к президенту, стал одним из самых влиятельных людей в Кремле.

Тем, кто рисковал идти на конфликт с Коржаковым, приходилось плохо.

Сергей Филатов вспоминает:

— У меня сняли охрану, заменили машину. Это обычные номенклатурные штучки, которые предвещают расставание. В «Российской газете» была публикация под названием «Покровитель», там фигурировали только еврейские фамилии, чтобы показать, что я покровитель евреев, которые на самом деле являются чуть ли не разведывательной группой Израиля...

Филатов советовался с опытным Илюшиным:

— Что делать, Виктор Васильевич?

Первый помощник президента сказал:

— Ну, если это так далеко зашло, вам лучше уйти. Они от вас не отстанут. Будут продолжать вас третировать, и дело может плохо кончиться.

Сергей Филатов написал заявление об уходе, но несколько видных политиков просили его не уходить, и он положил заявление в стол...

— А какие у них были к вам претензии? — спросил я Филатова.

— Во-первых, они презирали демократов, поэтому плели интриги против Чубайса и против Гайдара, которого ненавидели лютой ненавистью. Демократия — это ведь закон, а они не хотели жить по закону. Во-вторых, в администрации президента они все хотели взять под контроль, на все посты расставить своих людей в качестве заместителей. Я этого, естественно, не позволял.

Я понимал, что глаз нужен, согласился, чтобы они в кадрах работали, но все брать под контроль — это я считал неправильным. И третья причина состояла в том, что Службе безопасности не хватило помещений. Они пытались реорганизовать администрацию так, чтобы освободить себе помещения. Именно поэтому от Бориса Николаевича три раза поступало распоряжение реорганизовать администрацию, всякий раз с целью сократить аппарат.

Коржакову был нужен дом на Варварке. Мы освободили это помещение, и они устроили там свою аналитическую службу, поставили компьютерную систему, все банки взяли под контроль. А остальное у них не получилось, вот они и злились...

Центр влияния все больше переходил к Коржакову. Люди понимали, где сила и откуда исходит опасность. К нему стали приходить, советоваться. Он стал вмешиваться в дела теле- и радиокомпаний, финансовых и общественных групп, представителей президента, контрольного управления.

Они стали приставать ко мне, — говорит Филатов, — скажем, уволь такого-то, потому что он был замечен в Соединенных Штатах на встрече с тем-то. Я объясняю: мало ли с кем мы все встречаемся? Тогда меня первого надо уволить — я со всеми встречаюсь. Пару раз я как-то искренне отнесся к этим сигналам, а потом написал ему записку: уважаемый Александр Васильевич, чтобы по этой причине увольнять людей, нужно рас-

полагать убедительными фактами. И я прошу их представлять. Потому что разорять структуру администрации президента нельзя. Но на отдыхе в Сочи Ельцин подписал указ о Службе безопасности, который давал Коржакову огромные полномочия. По закону он таких никогда бы не получил...

Не один Филатов, многие стали жаловаться на интриги и подковерную борьбу в Кремле. Сотрудники администрации были уверены, что Служба безопасности их подслушивает. Если надо было обсудить что-то важное, писали друг другу записки.

Самой знаменитой была история, когда Служба безопасности президента ополчилась на московского мэра Юрия Лужкова и главу банковской группы «Мост», владельца телекомпании НТВ Владимира Гусинского. И в декабре 1994 года у здания московской мэрии на Новом Арбате оперативники Коржакова с автоматами в руках положили в снег сотрудников банковской группы «Мост». НТВ засняло эту сцену и показало, возник скандал.

Оправдываясь, Служба безопасности президента и Главное управление охраны сообщили прессе о том, что 2 декабря «подразделение Службы безопасности Президента РФ совместно с органами МВД России провело проверку сигнала по факту появления на трассе, входящей в зону оперативной ответственности федеральных органов государственной охраны, неизвестных вооруженных лиц, находящихся в автомобильном кортеже».

Появление этого сообщения вызвало у журналистов веселый смех, потому что министерство внутренних дел заявило о своей непричастности, а днем раньше Служба безопасности президента подготовила другой документ — о том, что проводилась операция в рамках расследования «связи руководителей «Мост-банка» с коррумпированными работниками органов государственной власти правительства Москвы и ряда силовых структур».

Эта история стоила должности начальнику Московского управления Федеральной службы контрразведки. Он отправил свою спецгруппу проверить сообщение о том, что неизвестные вооруженные люди орудуют возле здания мэрии. Коржаков и Барсуков обиделись, и Ельцин тут же подписал указ об увольнении Савостьянова.

Это был первый случай, когда на Лужкова ополчились в Кремле. В 1999-м атака на мэра будет посильнее.

После этой истории президент всех выслушал и сказал:

— Все. Закончить. Не трогать Лужкова.

«Я, — вспоминает Филатов, — в этот момент посмотрел на Коржакова. Он сидел пунцовый, как свекла, злые глазенки такие были. Но из этого можно было сделать вывод, что все это не так просто, кто-то по собственной инициативе действовал. Не без участия президента это было. Я не могу утверждать, что по его инициативе, но не без участия — это точно.

Не может окружение позволить себе какие-то резкие высказывания и шаги, особенно в отношении таких людей, как мэр Москвы. Ну, кто позволит себе делать такие вещи, когда президент постоянно все контролирует, обо всем знает, из всех источников получает полнейшую информацию. Неужели он не знал, что Коржаков сделал в мэрии? Когда положили ребят в грязь... Конечно знал».

РАННИЕ ПРОВОДЫ

Бывший пресс-секретарь президента Вячеслав Костиков тоже вспоминает, что в начале 1994 года президент стал после обеда уезжать домой, мало с кем встречался, отказывался от бесед, ломал график.

Я спрашивал Сергея Филатова:

— Когда вы приходили к Борису Николаевичу с делами, ему было интересно всем этим заниматься? Или он раздраженно кривился: устал, надоело?

— По-разному было. Иногда ему было интересно, и разговор шел деловой. Иногда он просто слушал, кивал. Иногда что-то себе записывал. Решить все вопросы не всегда удавалось. Он рукой махнет: отложите, потом. По каким причинам — не знаю. Всякий раз не спросишь. Иногда спрашивал: «Почему, Борис Николаевич?» Когда речь идет об очень важных делах. «Я не готов, надо подумать, оставьте — я почитаю», — отвечал он.

Или махнет рукой: решайте сами. «Борис Николаевич, вот обращение. Нужно помочь». — «Решайте сами». — «Ну а вы как?» — «Решайте сами».

На настроение влияло состояние здоровья. А он вообще очень подвержен простудным заболеваниям. Сидим, вдруг начинает себе в нос капать. Вообще, высокие рослые люди тяжелее переносят болезнь, чем те, кто поменьше ростом...

Заняв новое место в политической структуре страны, Борис Николаевич отстранился от привычных хозяйственно-экономи-

ческих дел. Он передал все правительству, чтобы не ассоциироваться с его трудностями и неудачами. Но, похоже, скучал по привычному делу.

Вячеслав Костиков: «Приходя к нему в кабинет, я нередко заставал его за пустым столом в глубокой и грустной задумчивости. Он точно бы скучал по своей прежней роли «директора всея Руси». И было впечатление, что Ельцин растерялся перед масштабом деяний, которые сам определил для себя в конституции».

Уловив упаднические настроения президента, многие решили, что его эра заканчивается. Осенью 1994-го отставленный от дел Геннадий Бурбулис вдруг сказал: «Надо избавить общество от неопределенности и помочь президенту России достойно завершить свое президентство».

Все торопились похоронить Ельцина как политика.

1994 год, который мог стать началом нового этапа строительства России, закончился на трагической ноте. Попытка навести конституционный порядок в Чечне быстро привела к кровопролитной войне. Но почему вдруг такой опытный политик, как Борис Ельцин, ввязался в чеченскую войну?

Сергей Филатов говорил мне:

— Я так понимаю, что противостояние с оппозицией было закончено, конституцию новую приняли, Государственную Думу избрали, все государственные структуры заняли свое место. И можно было приступать к проблеме Чечни, которая существовала давно...

Может быть, дело в другом. Успех Жириновского и Зюганова на выборах в первую Государственную Думу убедил Ельцина и его окружение в том, что все общество жаждет жесткой державной политики и надо пустить в ход силу.

Часть пятая
ЗАСТОЙ ИЛИ ЗАКАТ

Глава шестнадцатая
ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

Как легко, оказывается, начать войну! С какой поразительной легкостью Россия втянулась в чеченскую бойню, хотя все российские политики годами только и повторяли: лишь бы не было войны. Причем мы и по сей день не знаем: почему вдруг началась та кампания, которая закончилась большой кровью и позором? Кто ее начал? И как именно мы потеряли Чечню?

БОЛЬШИЕ КИНЖАЛЫ МАЛОГО НАРОДА

Отношения с Чечней всегда складывались трудно. Там, на Северном Кавказе, не забыли ни о крови, пролитой еще в прошлом веке, при завоевании Чечни, ни о том, как в 1944 году по приказу Сталина всех до единого чеченцев вывезли с родной земли. Чеченские лидеры среднего поколения родились в ссылке, и у каждого в семье были родственники, которые погибли во время депортации. Еще больше чеченцы были обижены тем, что перед ними не извинились и что они так и остались какой-то подозрительной нацией.

Чеченцы даже при советской власти жаловались, что их сознательно не берут на работу в ведущие отрасли промышленности, не пускают в науку. Руководящие посты в Чечено-Ингушской АССР доверялись только приезжим. В этом неразвитом, депрессивном регионе людям нечем было заняться. Мужчины

разъезжались по всей стране на заработки. К 1991 году безработица в республике составляла триста тысяч человек.

Неустроенность и затаенное недовольство множились на особенности национального характера и традиции. Здесь всегда легко хватались за оружие и были готовы доказывать свою правоту силой. И здесь не забыли завет народного героя Шамиля, сражавшегося с Россией: «Маленькие народы должны иметь большие кинжалы».

В ноябрьские дни 1990 года, на волне бурных перемен, происходящих в стране, в Грозном был создан Общенациональный конгресс чеченского народа. В Москве на это событие мало кто обратил внимание.

Председателем исполкома конгресса чеченцы избрали соотечественника, которым невероятно гордились, — генерал-майора Джохара Дудаева, командира дивизии авиации стратегического назначения с афганским опытом.

Детство он провел в ссылке в Казахстане, сумел поступить в летное училище, окончил Военно-воздушную академию имени Гагарина, получил много наград.

Когда Дудаеву присвоили генеральское звание, чеченцы по всей стране ликовали — первый чеченский генерал!

Судя по всему, Джохару Дудаеву предназначалась чисто представительская роль. За созданием чеченского конгресса стояли другие люди, у которых была собственная идеологическая платформа, в первую очередь Зелимхан Яндарбиев, будущий вице-президент у Дудаева. Но не таков был генерал. Он оставил службу, вместе с семьей переехал в Грозный и очертя голову ударился в политику.

Однако не Дудаев сделал первый шаг, который привел Чечню к войне с Россией.

В ноябре 1990 года Верховный Совет тогда еще единой Чечено-Ингушетии принял Декларацию о государственном суверенитете республики. Ее подписал председатель Верховного Совета республики, первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС Доку Завгаев, на которого потом станет опираться Москва.

Именно партийный чиновник Завгаев провозгласил Чечено-Ингушетию суверенным государством. В декларации осуждался «геноцид в отношении чеченцев и ингушей» и говорилось о том, что «республика оставляет за собой право на возмещение морального и материального ущерба, причиненного республике и ее народу в 1944—1957 годах».

В декларации ставился вопрос о возвращении Чечено-Ингушетии Пригородного района, который входит сейчас в Северную Осетию, и правобережной части Владикавказа. А вот о возвращении Ставропольскому краю трех районов — Шелковского, Наурского и Каргалинского, которые передали Чечено-Ингушетии в 1957 году в виде компенсации, разумеется, не упоминалось.

Верховный Совет во главе с Доку Завгаевым принял решение учредить пост президента республики. Завгаев готовил эту должность для себя, а досталась она Дудаеву.

УБИЙСТВО ИЛИ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ?

В августовские дни 1991 года власти Чечено-Ингушетии поддержали ГКЧП. Конгресс чеченского народа во главе с Дудаевым, напротив, встал на сторону Ельцина.

За выступление против ГКЧП был задержан Зелимхан Яндарбиев, один из идеологов чеченского национального движения. Его быстро освободили. Но арест Яндарбиева послужил поводом для митинга в Грозном.

На митинг созывали людей со всей республики. Они, бросив работу, приезжали из самых отдаленных сел. Участники митинга ворвались в здание Грозненского горкома КПСС и превратили его в собственный штаб. Рядом находилось здание местного КГБ, его тоже захватили. Потом рассказывали, что как будто бы захватом здания госбезопасности руководил милиционер Бислан Гантамиров, который уже во вторую чеченскую войну станет главной опорой Москвы.

Виктор Иваненко, который был тогда председателем КГБ России, рассказывал мне:

— Когда в Грозном захватили здание КГБ, был выбор: то ли идти на силовые действия, то ли договариваться с Дудаевым. Но я не мог связаться с Ельциным, получить от него санкцию! Он отдыхал в Сочи. Представляете себе: руководитель спецслужбы не может связаться с президентом, когда такое происходит в стране! И я не взял на себя ответственность за силовые действия, которые привели бы к крови. Сейчас я сожалею об этом. В тот момент можно было малой кровью остановить экстремистов. Правда, одними только карательными действиями остановить происходящее там было невозможно.

Хорошо хотя бы, что, пока я встречался с Дудаевым, ребята вывезли из Грозного нашу картотеку и сожгли рабочие дела местной агентуры КГБ...

К этому вопросу специалисты будут вновь и вновь возвращаться: а не надо ли было малой кровью подавить тогда бунт в Грозном и избавить себя от всего, что произойдет потом?

Но малой кровью дело бы не обошлось. Очевидцы, которые в те дни находились в Грозном, видели, как горели глаза у чеченской молодежи, которая стекалась из всех районов республики. Учитывая склад чеченского характера, несложно предположить, что они предпочли бы погибнуть, но не выдать Дудаева.

Виктор Иваненко после поездки в Грозный написал докладную Ельцину:

«Значительная часть населения, прежде всего чеченской национальности, поддерживает смещение Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики...

В этих условиях, на наш взгляд, выход из кризиса возможен только на путях политических решений, поскольку силовые методы неминуемо приведут к эскалации насилия, большим жертвам, дискредитации политики РСФСР и ее руководства».

С самого начала чеченской истории проявилась странно пассивная позиция Ельцина. Видно было, что президент занимается этими делами через силу. Похоже, он до самого последнего момента не сознавал, что решение проблемы, возникшей на Северном Кавказе, требует серьезных усилий, прежде всего от него самого. А в критически важные дни он вообще словно исчезает. То уезжает в отпуск, и ему нельзя дозвониться, то на несколько дней ложится в больницу для плановой операции. Ему исправляли искривленную носовую перегородку в дни, когда будет готовиться военная операция в Чечне...

Наверное, сказывалось в первую очередь характерное для советских партийных руководителей пренебрежительно-покровительственное отношение к обитающим на юге народам как к прирожденным торгашам, которых нет смысла воспринимать всерьез. На первом этапе чеченского кризиса еще все можно было решить путем откровенных переговоров с Джохаром Дудаевым. Но для этого его нужно было пригласить в Кремль и разговаривать с ним уважительно. Ельцин наотрез отказывался это делать. Шанс договориться был упущен.

Вся чеченская эпопея есть история ошибок, каждая из которых настолько ухудшала ситуацию, что российская власть вско-

ре оказалась в тупике. А ведь в самом начале с чеченцами еще можно было договориться на вполне приемлемых условиях.

4 сентября Дудаев объявил Верховный Совет республики низложенным. Генерал заявил, что Чечня должна стать независимой, избрать свой парламент и президента. А ингуши пусть создают свою республику.

6 сентября митингующие захватили здание Верховного Совета. Погиб председатель горсовета Грозного Виталий Куценко.

В докладе парламентской комиссии Станислава Говорухина, которая изучала чеченские события, так будет сказано о гибели председателя Грозненского горсовета: «Многие свидетели подтвердили, что Куценко был самым жестоким образом убит — выброшен из окна, и не просто выброшен (там был витраж), его надо было еще разбить телом Куценко».

Бывший прокурор Чечено-Ингушетии Александр Пушкин рассказывал об этих трагических событиях иначе: «Куценко, председатель горсовета, в это время решил выпрыгнуть из окна. Хотя это и первый этаж, но под ним еще один, цокольный, в общем довольно высоко. Люди, которые все это непосредственно видели, были допрошены. Он спускался ногами вниз, хотел спрыгнуть, но, как говорится, руки не вовремя отпустил, ногой зацепился за что-то. Был он человеком грузным и уже в возрасте — почти 60 лет, — не сгруппировался, упал и ударился головой. Несколько дней пролежал в бессознательном состоянии и скончался».

Вероятно, прокурор лучше знал обстоятельства этой трагической истории, и Виталий Куценко погиб, неудачно выпрыгнув из окна. Но что же в таком случае творилось в тот день в Грозном, если председатель горсовета, немолодой уже человек, спасаясь от незваных гостей, прыгнул из окна? Как же ему, должно быть, было страшно в последние минуты его жизни...

ВСТРЕЧА ДВУХ ЛЕТЧИКОВ

В Грозный прилетел новый глава Верховного Совета России Руслан Хасбулатов. Считалось, что он, как чеченец, лучше разберется в том, что там происходит. Хасбулатов согласился на роспуск Верховного Совета республики, во главе которого стояли партийные чиновники, — все равно им уже никто не подчинялся.

По указанию Москвы сформировали новый орган власти — Высший временный совет. Его возглавил народный депутат СССР Леча Магомадов, бывший второй секретарь обкома, а затем председатель республиканского госкомитета по ценам.

Это была первая попытка Москвы посадить в Грозном своего человека. Она оказалась такой же безуспешной, как и все последующие. Реальная власть в республике перешла к Дудаеву, который, как человек военный, сразу начинает формировать свою гвардию.

Тогда Ельцин поручил вице-президенту Александру Руцкому, не обремененному обязанностями, заняться чеченскими делами. Это тоже было не лучшее решение.

Руцкой прилетел в Грозный, встретился с Дудаевым, и, казалось, два генерала-летчика договорились. Но, вернувшись в Москву, Руцкой сказал на сессии Верховного Совета, что в Чечне просто расцвел бандитизм. Это было недалеко от истины, но с кем-то в Грозном все-таки следовало договариваться. Руцкой оттолкнул и тех, с кем еще можно было иметь дело.

В ответ оскорбленный Джохар Дудаев объявил в Чечне мобилизацию. Фактически это было объявление войны Москве. Люди стали вооружаться, в республике началось производство собственных автоматов. Восстание в грозненской тюрьме закончилось массовым бегством заключенных, которые объединились в боевые отряды.

Дудаев хотел переговоров с Ельциным, считал, что с ним, лидером целого народа, должен встретиться сам глава России, но с ним вообще не собирались разговаривать. Москва требовала сдать оружие и распустить незаконные вооруженные формирования. Но московские приказы выполнять никто не собирался.

27 октября Дудаев был избран президентом Чеченской Республики, хотя эти выборы едва ли можно было назвать демократическими. 1 ноября первым же своим указом Дудаев объявил Чеченскую Республику суверенным и независимым государством.

Ирина Дементьева, специальный корреспондент «Известий», знаток ситуации на Северном Кавказе, говорила потом:

— Был ли Дудаев оголтелым сепаратистом? Думаю, что мы его таким сделали, а тогда у него не было никакой программы. Он просто вышел в отставку и хотел послужить своему народу, о котором, как человек военный, а значит, в чем-то ограниченный, имел поверхностное и несколько мрачноватое романтичес-

кое впечатление... Но, думаю, он и сам не знал еще, куда его загонят обстоятельства и чего ему ждать от России. У меня было тогда четкое впечатление, что протяни ему руку Ельцин — они бы поладили и нашелся бы чеченский вариант договора. А Россия темнила, лукавила, отворачивалась, озлобляя и без того не очень уравновешенного генерала...

8 ноября Ельцин по настоянию Руцкого подписал указ о введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушетии. До этого указа исход политической борьбы в Грозном был еще не ясен. Указ подорвал позиции пророссийских политиков, потому что чеченцы восприняли его как попытку вновь их задавить и взялись за оружие.

Самое поразительное, что ситуации в Чечне посвящено множество официальных документов, но и по прошествии лет не удается найти их создателей. Никто не желает признаваться в авторстве. Потому невозможно точно ответить на вопрос: кто все это придумывал? Один шаг был неразумнее другого.

Руцкой требовал осуществить военную операцию, навести в республике порядок, распустить вооруженные отряды и арестовать Дудаева. В министерстве внутренних дел и КГБ говорили, что это невозможно. Милиция и военные не хотели заниматься этим делом, понимая, что всю ответственность за пролитую кровь возложат на них.

Тем не менее с трех сторон в Чечню были введены силы спецназа и внутренних войск. Но боевики Дудаева и местное население блокировали аэропорты. Соединиться переброшенные в Грозный части не смогли. Руководители оперативной группы сообщили из Грозного, что применение оружия нежелательно: «Возможен взрыв с тяжкими последствиями, который серьезно осложнит общую ситуацию на Северном Кавказе...»

Дудаев объявил в республике военное положение, раздавал оружие, приказал превратить каждый дом в крепость. Местная милиция присягнула на верность Дудаеву.

При этом генерал очень разумно вел себя в отношении московской оперативной группы. Чеченцы кормили солдат и предлагали уладить дело миром.

9 ноября в Грозном в грандиозном митинге по случаю вступления в должность Дудаева участвовало сто тысяч человек. Исполком конгресса чеченского народа призвал превратить Москву в «зону бедствия». И тогда пошли первые разговоры о том, что в Москву отправлены чеченские террористы.

Горбачев, как союзный президент, требовал прекратить операцию и отменить чрезвычайное положение на территории Чечни.

Его помощник Анатолий Черняев вспоминает, что Горбачев непрерывно звонил министру внутренних дел Виктору Баранникову, министру обороны Евгению Шапошникову, руководителю союзного ведомства госбезопасности Вадиму Бакатину:

«Договаривается не накапливать и не пускать в ход войска в Чечне, то есть блокировать исполнение указа Ельцина о чрезвычайном положении. В перерывах между звонками кроет матом:

— Что делает, что делает! Это же — сотни убитых, если началось бы! Все фракции и группировки, которые там дискутировали, дрались между собой, объединились против «русских». Боевики уже собирают женщин и детей, чтобы пустить их вперед себя при подходе войск! Идиоты!

Говорит мне:

— Только что разговаривал с Борисом Николаевичем. Через несколько секунд понял, что звонить бесполезно: вдребадан, лыка не вяжет.

Горбачев звонит Хасбулатову, тот требует «навести порядок»! Михаил Сергеевич ему: не дергайся. Я, мол, хотел предложить собраться сейчас всем, кому положено, но Борис Николаевич «не в себе», завтра в десять соберемся...

Михаилу Сергеевичу так и не удалось 10-го ноября провести совещание по Чечне с его, Ельцина, участием! Тот пил все «праздники»...»

АВТОРИТЕТ ДУДАЕВА ПАДАЕТ

В 1992-м и в 1993 году Россия была занята гайдаровскими реформами, и ей было не до Чечни. Москва фактически признала и самостоятельный статус Чечни, и Дудаева в качестве президента. А генерал максимально использовал эту удачную ситуацию. Он хотел вести переговоры только с самим Ельциным. И, кстати говоря, был готов пойти на компромисс, если бы российский президент проявил внимание к чеченскому генералу.

В начале июня 1992-го закончился вывод федеральных войск с территории Чечни. Дудаеву осталось все оружие, которое находилось на территории республики, в том числе пусковые установки ракетных комплексов сухопутных сил, 260 учебно-тре-

нировочных самолетов, 42 танка, 34 боевые машины пехоты, 139 артиллерийских орудий, две с половиной тысячи автоматов и 27 вагонов боеприпасов... Недостатка в оружии и боеприпасах боевики знать не будут.

Съезд народных депутатов России в 1992 году признал упразднение Чечено-Ингушской АССР и образование двух новых республик — Чечни и Ингушетии.

Счета Банка Чеченской республики были разблокированы, чтобы туда поступали пенсии. Правительство Дудаева получило право выдавать своим гражданам загранпаспорта. Это означало, что власть Дудаева в Москве признали де-факто.

Все идеи московских политиков относительно Чечни сводились к пустым мечтаниям о том, как хорошо было бы заменить плохое правительство Дудаева на послушное.

Такая возможность скоро представилась. В Грозном, как и в Москве, началось противостояние властей. Ельцин вел изматывающую войну с Верховным Советом. Дудаев тоже поссорился с собственным парламентом, но действовал решительнее. Когда его попытались убить, он распустил парламент и ввел прямое президентское правление.

Антидудаевская оппозиция отступила в Надтеречный и Урус-Мартановский районы. В декабре оппозиция образовала Временный совет Чеченской Республики. Его возглавил бывший милиционер Умар Автурханов, глава администрации Надтеречного района. Он выражал готовность подчинить Москве взбунтовавшуюся республику.

В 1994 году стало ясно, что никем не контролируемая территория становится питательной почвой для терроризма.

Все, кто мог, вооружились — или с оружием в руках стали зарабатывать на жизнь, или, напротив, защищаться от бандитов. В худшем положении оказались русские, им неоткуда было взять оружие, и они чаще всего становились жертвами уголовников.

В мае разные чеченские банды трижды захватывали рейсовые автобусы в районе Минеральных Вод. Они требовали выкуп и вертолет для возвращения в Чечню. Дважды их требования удовлетворялись. В третий раз командующий внутренними войсками Анатолий Куликов приказал освободить заложников. Операция была не очень удачной. Вертолет был уничтожен, один террорист и пятеро заложников погибли, остальные были ранены.

— С самого начала было ясно, что один из субъектов Российской Федерации захвачен бандой, — рассказывал мне Евгений Савостьянов, который тогда был заместителем директора Федеральной службы контрразведки. — Бороться с Дудаевым пытались, но достаточно вспомнить, что представляла собой тогда власть в России, чтобы понять, что сделать что-либо было невозможно.

И зараза поползла по всему Северному Кавказу. Конфедерация народов Северного Кавказа превратилась в агрессивную вооруженную силу. Чечня вообще стала бандитской территорией, оттуда потекли фальшивые банковские документы (авизовки) и рэкетиры. Болезнь стала развиваться по худшему сценарию. То ли как раковая опухоль, которая дала метастазы сначала по всему Кавказу, потом в глубь России. То ли как острый воспалительный очаг, который отравляет весь организм в целом. Но два с лишним года никто чеченскую проблему не замечал. Все шло как шло. Только в 1994-м руки дошли до Чечни...

Во второй половине 1994 года Федеральная служба контрразведки предложила свой вариант решения чеченской проблемы: дать оппозиции оружие и деньги, и она сама свергнет Дудаева. Казалось, что его власть ослабла и его противники могут взять верх. И действительно — авторитет Дудаева упал. Он сумел только провозгласить независимость республики, а наладить жизнь ему было не под силу.

СОРОК ТАНКОВ ИДУТ НА ГРОЗНЫЙ

Но Борис Ельцин по-прежнему занимался Северным Кавказом без интереса, «по остаточному принципу». Сергей Филатов говорил мне:

— В 1994 году можно было что-то предвидеть, выработать свое мнение, но инициатива опять-таки шла снизу. Даже не от нас — из самой Чечни. Мы поддержали Автурханова, но ведь это он сам к нам обратился, а не мы его вытащили...

Правда, лидеры оппозиции тоже были весьма сомнительными людьми. Один из крупнейших отрядов возглавил Руслан Лабазанов, тренер по рукопашному бою. В 1990 году он был арестован за убийство, но много не просидел: в ноябре 1991-го поднял восстание в тюрьме Грозного и организовал отряд из бывших заключенных, который вошел в состав президентской

гвардии. Но действовал Руслан Лабазанов неудачно, верные Дудаеву силы его разгромили. Впоследствии сам Лабазанов погиб.

Даже Автурханов старался держаться от Лабазанова подальше и за глаза называл его «бандитом». Впоследствии утверждали, что именно Руслан Лабазанов начал зарабатывать на заложниках, которых продавал за большой выкуп.

Другим отрядом командовал Бислан Гантамиров. При советской власти он служил в милиции, одним из первых присоединился к Дудаеву, который назначил его мэром Грозного. Потом они поссорились. Гантамиров возглавил Объединенные вооруженные силы оппозиции в Урус-Мартановском районе.

Оппозиция сформировала Временный совет республики. Его возглавил Умар Автурханов. Он просил президента Ельцина считать Временный совет единственным законным органом власти.

Временный совет в Москве признали и выделили ему 150 миллиардов рублей — платить зарплаты и пенсии и тем самым привлекать к себе людей.

— Когда стали назревать оппозиционные настроения против Дудаева, — рассказывал мне Вадим Печенев, работавший тогда в администрации президента, — была подготовлена для президента записка, в которой рассматривались варианты выхода из кризиса. Ввод войск мы считали самым опасным вариантом, потому что это неминуемо должно было привести к сплочению вокруг Дудаева, и возникала опасность, что конфликт чисто политический, между федеральным центром и субъектом федерации, перерастет в этно-политический — между чеченцами и русскими, который вообще трудно разрешить...

Эмиль Паин, в то время заместитель руководителя Аналитического центра при президенте России, придумал тогда вариант двух Чечней. Он вспоминает:

— Идея была такая: одна Чечня — две системы. Чеченская Республика остается, но есть некие районы (три северных), куда поступает гуманитарная помощь. Там строятся больницы и детские сады, выдаются пенсии. Подходит время к выборам — выбирайте, что вам больше нравится. Жить без всего в независимой Чечне или жить обеспеченно в составе федерации...

— Что касается военной помощи, то она должна была носить ограниченный характер — для самообороны, а не для наступления на Грозный, — продолжает Вадим Печенев. — Документы были подготовлены и, судя по всему, одобрены президентом. Но в конце концов выбрали худший и самый опасный вариант.

Кто принимал решение, я не знаю, хотя работал в то время в администрации президента и в моем подчинении находился будущий глава Чечни Доку Завгаев.

Федеральная служба контрразведки убедила Ельцина, что можно решить чеченскую проблему руками оппозиции, вроде как без вмешательства армии: сами чеченцы наведут порядок в республике и попросят Москву взять их под свое крыло. Люди из спецслужб — мастера уговаривать. Многие политики попадали в глупое положение, поверив в их обещание обделать самое заковыристое дельце без шума и пыли...

Летом 1994 года в гостинице «Пекин» в Москве встретились видные представители чеченской диаспоры, люди, которые давно уехали из республики, но были готовы что-то сделать для сородичей. Речь шла о том, что федеральная власть намерена свергнуть режим Дудаева и призывает всех чеченцев вернуться домой и взяться за оружие, чтобы восстановить порядок на родине.

Но отряды оппозиции терпели поражение в столкновениях с войсками, верными Дудаеву. Тогда оппозиция получила от федеральной армии бронетранспортеры, вертолеты и сорок танков.

Танкистов оперативники Федеральной службы контрразведки нашли в частях Московского военного округа. Солдаты формально увольнялись из рядов вооруженных сил, и с ними подписывали липовые контракты на «обслуживание боевой техники в экстремальных условиях». Офицерам оформляли отпуск. Контрактников доставляли на Чкаловский аэродром, оттуда они летели в Моздок (аэропорт в Северной Осетии), а дальше на вертолетах или прямо на броне их доставляли в районы, контролируемые оппозицией.

Операция была подготовлена из рук вон плохо и закончилась плачевно. Сорок танков и тысяча пехотинцев — явно недостаточные силы для захвата города.

26 ноября начался штурм Грозного. Танки легко дошли до центра города, где они были уничтожены из гранатометов. Танкисты — несчастные ребята — попали в плен и признались, что их отправила в Чечню Федеральная служба контрразведки. Чеченцы пригласили телевидение, чтобы операторы засняли признания захваченных в плен солдат и офицеров.

Министр обороны Павел Грачев публично отрекся от своих подчиненных, заявив, что такие люди, мол, не числятся в списках личного состава Вооруженных Сил России. Он действовал

как сговорились: утверждать, что все это работа самой чеченской оппозиции. Но получилось омерзительно, командир не может бросить своих солдат в трудной ситуации...

Солдаты федеральных сил, которых, ничего не объясняя, бросали в Чечню, не могли толком понять, ради чего они воюют на своей собственной земле. Неужели нельзя было договориться? И подозревали, что в неблагоприятной ситуации их тоже могут бросить на произвол судьбы. Это в значительной степени предопределило грядущее поражение в первой чеченской войне.

Директор Федеральной службы контрразведки Сергей Степашин — в отличие от других силовых министров — не прятался тогда за чужие спины, а взял на себя ответственность за трагедию в Грозном. Он не побоялся сознаться в том, что в плен захвачены именно российские солдаты и офицеры, и сделал все от него зависящее для освобождения их из плена.

Евгений Савостьянов, который был тогда заместителем Степашина, уверял потом, что он предлагал для этой специальной операции набрать людей из других республик бывшего Советского Союза: там полно бывших военных. Тогда, дескать, не было бы таких неприятностей...

Вся эта история показывает, что нельзя доверять спецслужбам и военным решение политических проблем. Они обещают все легко уладить и доводят дело до беды: использовать наемников на собственной территории — ясно, что ничего хорошего выйти из этого не могло.

БОРИС ЕЛЬЦИН И ПАВЕЛ ГРАЧЕВ

А в Москве президент Ельцин испытал чудовищное унижение: ему утер нос какой-то генерал-чеченец, которого он и на порог не пускал! Борис Николаевич требовал немедленно подавить мятеж. Это была еще одна ошибка.

На том этапе можно было найти более здравый выход: расположить войска вдоль Терека, удовлетвориться контролем над теми районами, где находится антидудаевская оппозиция, и пытаться установить санитарный кордон вокруг остальной части Чечни. Это требовало медленной и методичной работы. Но душа Ельцина жаждала мести. И все вокруг уверяли президента, что задавить Дудаева несложно.

Тогда Совет безопасности принял решение о полномасштабной военной операции в Чечне. Операцию планировалось провести в две-три недели. Военные докладывали, что настоящего противника в Чечне нет и быть не может, там есть некоторое количество вооруженных бандитов — они, завидев наступающую армию, быстро разбегутся.

Министр обороны Павел Грачев приказал создать оперативную группу по Чечне в оперативном управлении Генштаба. Группу возглавил заместитель начальника Главного оперативного управления Генштаба генерал Анатолий Квашнин.

В Моздоке собрался высший генералитет. Генерал армии Андрей Николаев, который участвовал в этом совещании в Моздоке, сказал министру обороны Грачеву, что операция не готова. Об этом доложил потом и Ельцину. Генерал Николаев мог говорить откровенно, он Грачеву не подчинялся. К Николаеву не прислушались, потому что другие сулили быстрый успех.

Решение о военной акции было принято на заседании Совета безопасности. В него входили, помимо Ельцина: Павел Грачев, министр юстиции Юрий Калмыков (он, похоже, единственный был против военной операции), министр иностранных дел Андрей Козырев, директор Федеральной пограничной службы Андрей Николаев (отсутствовал), директор Службы внешней разведки Евгений Примаков, председатель Государственной Думы Иван Рыбкин, директор Федеральной службы контрразведки Сергей Степашин, министр по делам чрезвычайных ситуаций Сергей Шойгу, председатель Совета федерации Владимир Шумейко...

— Как же все-таки было принято решение о начале войны? — спросил я у Георгия Сатарова.

— Я знаю, что разрабатывалось несколько разных вариантов действий. Те варианты, которые я знал, казались довольно осмысленными. Они не влекли за собой полномасштабную войну. И когда вдруг мы узнали, что вошли войска, — это было шоком. Я написал заявление об уходе. Но меня остановили коллеги: «Ты уйдешь, он уйдет... И кто будет советовать президенту? И что будет дальше?» Остановили меня.

— Но как же такой опытный человек, как Ельцин, мог втянуться в такую авантюру?

— Это же нормальная для первого секретаря обкома психология, — говорит Георгий Сатаров. — Он знает, что наша армия лучшая в мире. Поставьте себя на место этого секретаря обко-

ма и подумайте: ну как не верить человеку, который говорит: «Борис Николаевич, там у них в Чечне, конечно, осталось несколько винтовок. Но все остальное у нас. Борис Николаевич, мы что, их за два дня не раздавим, что ли?» Да разве Ельцин мог думать иначе? Да и мы все были уверены в этом!..

Генерал Андрей Николаев считает, что «после известных событий 1993 года Грачеву нужна была маленькая победоносная война, которая бы доказала его личную состоятельность как военного человека и дала возможность стать первым маршалом России».

Министр обороны тогда заявил, что если бы армия взялась за дело, то «одним парашютно-десантным полком можно было бы решить все вопросы в течение двух часов».

Я задал вопрос генералу Николаеву:

— Так, значит, Грачев был в 1994 году мотором военного решения?

— Думаю, что политический заказ исходил все-таки от Ельцина, — ответил Андрей Николаев. — А военное решение предложил Грачев.

— Ну, министр же не в одиночку рисовал карты наступления. Почему работники Генштаба его не остановили, если всем было понятно, что затевается авантюра?

— Понимаете, как сформулирована политическая задача, так она и реализуется в военном деле. Если говорят: пойдите и разгоните там бандитов — ну что же, для этого нужно два полка, два часа и все. А если бы поставили политическую задачу восстановить суверенитет России на этой территории, используя все методы, тогда бы готовились иначе.

Мы начали военные действия против Чечни, а электроэнергию не отключили, нефтепроводы работали — это же полный бред. Не было никакой связи между политической и военной частью. Весь расчет строился на том, что мы придем, и они сразу разбегутся...

— Но как все-таки Грачев мог на это пойти?

— Грачев человек способный. Ему от природы много дано. Но его трагедия в том, что рядом не было достойных людей. Он сформировал окружение из льстецов, приближенных, как у нас говорят, к телу. Они заменили людей, которые могли бы заставить Грачева разбираться, вникать. Я в одном разговоре, будучи первым заместителем начальника Генштаба, сказал ему: «Павел Сергеевич, посмотрите, кто вас окружает. Это же холуи.

А вы должны окружить себя сильными, прекрасно подготовленными в Генеральном штабе офицерами. Вокруг вас должны быть люди, которые с точки зрения знаний, опыта будут сильнее вас. Они должны заставить вас все время расти. Когда вам льстят, лично вам это ничего не добавляет». Я думаю, он мог вырасти до уровня вполне приличного министра обороны. Мог. Но не вырос...

Бывшие сотрудники министерства обороны говорили, что Грачев, вероятно, чувствовал, что его позиции заколебались, и хотел их укрепить успешной операцией в Чечне.

На том историческом заседании Совета безопасности Ельцин спросил Грачева: «Сколько дней тебе надо на подготовку?» Грачев бухнул: «Три дня». Черномырдин и тот изумился: «Павел Сергеевич, ты хоть десять дней возьми». Грачев согласился: «Ну, неделя нужна».

Впрочем, близкие к Грачеву люди утверждали, что все было как раз наоборот: министр обороны предупреждал, что боевые действия примут затяжной характер. Но некоторые члены Совета безопасности возмутились нерешительностью министра, и тот вынужден был назвать нереальные сроки, чтобы избежать обвинений в трусости.

Генеральный штаб во главе с генералом Колесниковым был против этой операции и фактически устранился, как и командование сухопутными силами генерала Владимира Семенова. Подготовку операции вел штаб воздушно-десантных войск. Но десантники застряли в Ингушетии, и в бой пошли одни пехотинцы. Десантники себя сберегли...

ПЕРВЫЙ ШТУРМ И ПЕРВЫЕ ПОТЕРИ

У Дудаева было пять истребителей — три «МиГ-17», два «МиГ-15» и двести шестьдесят чехословацких учебно-боевых самолетов, которые теоретически можно было использовать как бомбардировщики. Из них подняться в воздух могли не более ста самолетов, остальные использовались как источник запасных частей. Летчиков среди чеченцев было мало — нашлось четыре десятка человек, умеющих летать.

6 сентября 1994 года по случаю военного парада в День независимости они подняли в воздух эскадрилью чехословацких самолетов «Л-29» «Дельфин».

В Москве опасались, что летчик Дудаев попытается разбомбить атомную электростанцию или химический завод. Поэтому федеральная авиация методично уничтожила все дудаевские самолеты — это началось с удара ранним утром 1 декабря 1994 года по аэродромам Калиновская и Ханкала. Чеченцы были застигнуты врасплох. Потом был нанесен удар по аэропорту Грозный-Северный, где уничтожили остаток чеченской авиации, в том числе личный самолет Дудаева. Потерь со стороны федеральной авиации не было.

Чечня располагала мобильными зенитными установками, крупнокалиберными зенитными пулеметами и даже двадцатью зенитными самоходными установками «Шилка». У них были и переносные зенитные ракетные комплексы «Стрела-3», «Игла-1». Но большой опасности для федеральной авиации они не представляли. За всю войну сбили три самолета ВВС России, причем чеченцы только два, а третий врезался в гору из-за отказа навигационного оборудования.

После этого авиация только поддерживала наступающие части. Правда, в воздухе постоянно держали истребители-перехватчики, опасаясь, что одна из сопредельных стран устроит воздушный мост для снабжения боевиков.

С 30 ноября по 11 декабря 1994 года были приняты три указа президента по Чечне. Указ от 9 декабря «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» предоставлял правительству полномочия по «разоружению всех незаконных вооруженных формирований», причем их предлагалось ликвидировать.

Подготовка к военным действиям велась втайне.

6 декабря министр обороны Грачев и министр внутренних дел Ерин встретились с Дудаевым на территории Ингушетии. Дудаев был готов договариваться, но он хотел, чтобы ему оказали уважение, чтобы его принял сам президент Ельцин. В тот момент чеченцев устроил бы широкий договор о разграничении полномочий между республикой и федеральной властью.

Грачев сказал, что они с Дудаевым, как люди военные, поняли друг друга. 12 декабря во Владикавказе должны были начаться переговоры. Но накануне федеральные войска с трех сторон вошли на территорию Чечни. Операция была рассчитана на неделю, но с самого начала все пошло не по плану.

Части, которые двигались через Ингушетию, были блокированы местными жителями и пробивались с боями. Войска, которые шли через Дагестан, были блокированы в Хасавюртовском районе, населенном чеченцами-аккинцами.

Продвинулись только те, кто двигался через районы, занятые оппозицией. В первый раз они столкнулись с сопротивлением в десяти километрах от Грозного. Из установки «Град» их обстрелял отряд Вахи Арсанова. До 1991 года он работал в местной госавтоинспекции, а потом станет вице-президентом у Аслана Масхадова.

16 декабря Совет Федерации предложил президенту прекратить боевые действия и вступить в переговоры.

17 декабря Ельцин отправил Дудаеву телеграмму: «Предлагаю без промедления Вам встретиться с моими полномочными представителями Егоровым и Степашиным в Моздоке». От Генерала требовали подписать документ о сдаче оружия и прекращении огня. Дудаев воспринял это требование как оскорбление.

Ультиматум Ельцина подкрепили ракетно-бомбовые удары по Грозному.

19 декабря военная операция должна была закончиться. В этот день Грачев отстранил от руководства командующего Северо-Кавказским военным округом генерал-полковника Алексея Митюхина. Митюхин докладывал о «неготовности органов управления, пунктов управления и в целом войск для ведения боевых действий». Плохое материальное снабжение ухудшало моральное состояние солдат и офицеров.

Грачев предложил принять командование первому заместителю командующего сухопутными войсками генерал-полковнику Эдуарду Воробьеву. Генерал два дня изучал ситуацию и доложил министру, что операция совершенно не подготовлена. Она рассчитана на устрашение, а не на ведение реальных боевых действий. Воробьев вскоре был отправлен в отставку.

Командовать Объединенной группировкой федеральных сил в Чеченской Республике взялся генерал-лейтенант Анатолий Квашнин, нынешний начальник Генерального штаба.

Возможно, армия даже и не собиралась воевать по-настоящему. Офицеры были уверены, что, когда чеченские отряды увидят танки, они разбегутся. Именно поэтому Грачев хвастливо заявил, что с этой задачей за два часа справится один воздушно-десантный полк...

Для непосредственного руководства операцией в Чечне на Северный Кавказ отправили бронепоезд, в котором разместилась чуть ли не половина Генерального штаба. Такое же количество офицеров из аппарата МВД перебрасывалось, когда прилетал министр внутренних дел.

26 декабря на заседании Совета безопасности было принято решение штурмовать Грозный. Ельцин рассказал, что «первый этап с участием военных по исполнению решения Совета безопасности по наведению конституционного порядка на территории Чечни заканчивается». Те, кто знал, что там в реальности происходило, слушали президента в недоуменном молчании.

Оппозиция объявила о создании правительства национального возрождения во главе с Саламбеком Хаджиевым, профессором, членом-корреспондентом Академии наук, бывшим союзным министром нефтехимической промышленности СССР и народным депутатом. Но ситуация, благоприятная для свержения Дудаева, была упущена. Когда он разогнал парламент и конституционный суд и расстрелял демонстрацию протеста в Грозном, против него настроились многие чеченцы. Но едва началось наступление российских войск, как они сплотились вокруг Дудаева.

27 декабря Ельцин, выступая по телевидению с обращением, объяснял, почему необходимо силовое решение в Чечне. Он сказал: «Ради сохранения жизни людей мною дано указание исключить нанесение бомбовых ударов, которые могут привести к жертвам среди мирного населения Грозного».

С 24 декабря Грозный не бомбили, но уничтожали цели за пределами города. Военные утверждали, что уничтожают исключительно военные объекты, но больше всего от бомбардировок страдало именно гражданское население.

31 декабря начался штурм Грозного.

Войска действовали так, как их учили. Но они имели дело не с регулярной армией, которая должна была отступить под давлением превосходящих сил противника, а с партизанскими отрядами, а им бежать некуда. Танковые колонны прорвались к центру города, но чеченцы не прекратили сопротивления. Они методично уничтожали танк за танком.

Федеральные войска несли огромные потери.

Находившийся в те дни в Грозном Анатолий Шабад, депутат Государственной Думы, рассказывал потом: «Ночью 1 января я собственными глазами наблюдал, как большое количество бронетехники в страхе панически металось с погашенными фара-

ми по одному из районов города... 2 января на Вокзальной площади Грозного я насчитал тридцать подбитых единиц бронетехники, которые еще горели...»

Один из руководителей военной разведки потом совершенно серьезно объяснял депутатской комиссии, что штурм Грозного в ночь на 1 января был неудачным потому, что у армии были карты города 1991 года, а за это время дудаевское руководство выстроило новые опорные пункты...

Наступавшие под командованием генерала Константина Пуликовского 131-я (Майкопская) отдельная мотострелковая бригада и 81-й (Самарский) мотострелковый полк были разгромлены. В плен попало больше ста человек.

Депутат Государственной Думы Виктор Шейнис был среди тех, кто пытался выручить из плена солдат федеральных войск:

«Сначала привели показать нам ребятишек — захваченных в плен русских солдат. Они были совершенно деморализованы, грязные, завшивленные. Они рассказывали, что их, не говоря о том, куда и зачем они едут, посадили в эшелоны, привезли в Моздок, а из Моздока на неисправной технике (бэтээрах) отправили к Грозному. Причем многие из них не знали друг друга. Это не были части, где уже каким-то образом люди сработались, — это были собранные с бору по сосенке солдаты...

Я считаю, что это была бойня, учиненная российским командованием. Они бросили необученных, необстрелянных, не готовых к боевым действиям солдат».

Для Ельцина это был тяжелый удар. Когда телевидение показало несчастных солдат, взятых в плен чеченцами, президент понял, в какую неприятную историю он попал.

Ельцин мог поступить двояко.

Либо признать, что совершена ошибка, и приступить к поиску политического решения чеченской проблемы. Но в таком случае пролившаяся кровь, большие жертвы лишали его шансов на переизбрание...

Либо сделать вид, что ничего не произошло, и приказать армии немедленно подавить сопротивление в Чечне, рассчитывая на то, что победителей не судят.

Ельцин сразу решил для себя, что он не станет признаваться в своих ошибках. Не бывает ошибающихся президентов... Началась настоящая война. Она будет продолжаться полтора года, пока Александр Лебедь не подпишет мир с Масхадовым.

Война оттолкнула от Ельцина почти всех его сторонников. Отношение к нему резко изменилось. Мало кто сохранил ему верность — помимо тех, кому он был работодателем. Тогда, в 1995 году, он перестал в глазах людей быть реформатором и стал властителем — таким же, как многие другие, кого люди не любят и не уважают, вынуждены терпеть, но не более. Он неминуемо проиграл бы президентские выборы 1996 года, если бы нашелся другой кандидат, за которого можно было проголосовать без опаски за страну.

Кровавая чеченская война — пожалуй, главное, что можно поставить в вину президенту Ельцину. Убитые, раненые, искалеченные там — на его совести. Он начал эту войну, он не подготовил армию к такой войне, он не нашел командиров, которые смогли бы вести ее на современном уровне.

Комиссия второй Государственной Думы, которая будет составлять реестр «преступных деяний» президента с целью отрешить его от должности, предъявит ему много разных обвинений. Но ответственность за беды и несчастья страны, за то, что не получилось обещанное, он может разделить со многими людьми. За неудавшиеся реформы не судят. Отвечать он должен только за пролитую кровь, за потери в войне, которых можно было избежать...

ПОЯВЛЯЕТСЯ ШАМИЛЬ БАСАЕВ

С 3 января 1995 года возобновились бомбардировки Грозного. Артиллерийский обстрел президентского дворца — бывшего здания обкома КПСС — был неэффективен. 17 и 18 января штурмовики «Су-25» бомбили дворец, в том числе сбросили несколько бетонобойных бомб. Говорят, что в здании и в подвалах погибло много боевиков. Там находился штаб дудаевских войск. В ночь с 18 на 19 января чеченцы ушли из президентского дворца. Но чтобы окончательно занять Грозный, федеральным войскам понадобилось три месяца. Еще два месяца уйдет на овладение равнинной частью Чечни.

Президент Ельцин несколько раз заявлял, что военный этап операции по наведению порядка в Чечне закончен. Но бои продолжались. Боевики ушли в горы. Вести переговоры с Дудаевым Ельцин категорически отказывался.

Каждый месяц он подписывал новый указ по Чечне. Спецслужбы пытались создать из числа оппозиционеров дееспособ-

ные органы власти, но не получалось. Во-первых, население смотрело на них как на коллаборационистов и не желало опять идти под власть Москвы. Во-вторых, сами лидеры были неудачные. Порядочные люди не располагали собственной базой поддержки в этом клановом обществе. А те, у кого были свои отряды, оказывались уголовниками.

Весной 1995 года, ведя безуспешную борьбу с партизанами, федеральные войска приступили к «зачистке» чеченских сел — тогда это мерзкое слово вошло в наш лексикон. Гибли мирные жители. Авиация бомбила позиции боевиков, но бомбы попадали в жилые дома. В ответ чеченцы казнили пленных офицеров и контрактников из внутренних войск.

12 апреля Государственная Дума приняла закон «О мерах по урегулированию чеченского кризиса». Он запрещал использование вооруженных сил и создание чрезвычайных органов управления без введения чрезвычайного положения. Ельцин отклонил закон как противоречащий конституции.

27 апреля Ельцин подписал указ «О дополнительных мерах по нормализации обстановки в Чеченской Республике». Он объявил мораторий на боевые действия на время празднования 50-летия Победы — с 28 апреля по 12 мая. В Москву прилетали руководители ведущих стран Запада, и Ельцин понимал, что, если их беседы пойдут под артиллерийскую канонаду, ему не избежать крайне неприятных вопросов.

Военные потом утверждали, что апрельский мораторий был большой ошибкой. Боевики отдохнули и накопили силы, а в федеральных силах, напротив, началось разложение — войска попадали в засады, гибли в мелких стычках и, чтобы обезопасить себя, договаривались с полевыми командирами: мы с вами не воюем, сидим тихо, друг друга не трогаем.

Федеральные силы контролировали 90 процентов территории республики. Но люди из Москвы и их ставленники чувствовали себя в безопасности только на территории аэропорта Северный и в здании Дома правительства в Грозном, оба объекта хорошо охранялись. Даже между ними передвигались только на бронетранспортерах. И это не помогало — во время поездки был тяжело ранен командующий группировкой генерал Анатолий Романов.

К середине июня, через полгода после начала операции, федеральные силы заняли основные горные районы, рассекли позиции боевиков и оттеснили их к грузинской границе. Казалось,

до полной победы рукой подать. После праздничного моратория федеральная авиация возобновила бомбардировки.

В ответ Совет полевых командиров потребовал перевести войну на территорию России. Шамиль Басаев заявил, что он займется диверсионно-подрывной деятельностью — такая тактика заставит Москву сесть за стол переговоров.

На слова какого-то Басаева федеральные силы не обратили внимания. И напрасно.

Шамиль Басаев в ноябре 1991 года организовал угон самолета из Минеральных Вод в Турцию. С 1992-го командовал ротой и батальном чеченского спецназа. Когда Абхазия начала войну против Грузии, Басаев отправился туда во главе отряда Конфедерации народов Кавказа. Он был одним из руководителей обороны Грозного.

Через несколько лет президент Ингушетии Руслан Аушев расскажет, что Шамиль Басаев, у которого руки по локоть в крови, сотрудничал с Главным разведывательным управлением Генерального штаба Российской Армии. Тот же факт предал гласности бывший директор Федеральной службы контрразведки Сергей Степашин. Только более осторожный Степашин не называл военную разведку, а говорил об «одной из спецслужб».

Сотрудничество Шамиля Басаева с «одной из наших спецслужб», предположительно военной разведкой, началось несколько лет назад, когда шли бои в Абхазии. Абхазцы подняли восстание против правительства, выбили грузинские войска со своей территории и создали никем не признанную республику.

Тогда многие удивлялись: как это маленькой Абхазии удалось одолеть большую Грузию? Абхазии неофициально помогали российские военные — как минимум, оружием и боевой техникой, хотя никто в этом признаваться не желает. Вот тогда на почве борьбы с общим врагом и объединились российские спецслужбы и мало кому известный Шамиль Басаев.

Очень скоро он станет известен всему миру.

14 июня 1995 года отряд Басаева захватил в городе Буденновске Ставропольского края больше полутора тысяч заложников и укрылся в здании городской больницы.

Колонна грузовиков с боевиками, которую никто не остановил, направлялась в какой-то другой город, но случайно оказалась в Буденновске. Грузовики остановились перед зданием

горотдела внутренних дел и захватили его. Потом со всего города согнали в больницу заложников.

Басаев потребовал прекратить войну, вывести федеральные войска из Чечни и начать переговоры о предоставлении республике независимости. Он сразу расстрелял шесть заложников, чтобы показать серьезность своих намерений. На следующий день Басаев потребовал пропустить к нему журналистов. Власти отказались. Тогда он расстрелял еще пятерых заложников.

Штаб по освобождению заложников возглавили директор Федеральной службы контрразведки Сергей Степашин и министр внутренних дел Виктор Ерин.

Спецподразделения контрразведки и МВД пытались штурмом взять здание больницы. Ничего не получилось, погибли около тридцати заложников.

Тогда глава правительства Виктор Черномырдин связался по телефону с Басаевым и обещал ему начать переговоры.

18 июня Черномырдин и Басаев договорились о прекращении боевых действий, Басаев и его боевики смогли уехать под прикрытием ста тридцати заложников. Погибли в общей сложности в Буденновске больше ста мирных жителей. В последний момент спецслужбы предприняли еще одну неудачную попытку остановить Басаева. Об этом через четыре года рассказал уже бывший глава правительства Виктор Черномырдин.

В автобусах, предоставленных Басаеву, установили баллоны с усыпляющим газом. Но Басаев не был наивным человеком. Он поменял водителей на своих людей. Они обнаружили баллоны. Басаев, торжествуя, вернулся домой.

Все это удалось ему, потому что специальные службы России оказались неподготовленными к серьезным антитеррористическим операциям.

Помощник президента по национальной безопасности Юрий Батурин взял несколько карт этого района и по очереди приглашал к себе главного пограничника, главного военного, главного контрразведчика, главного милиционера и просил каждого на своем экземпляре карты показать маршрут, по которому по данным его ведомства шла группа Басаева.

Естественно, оказалось, что все они нарисовали разные маршруты. И у каждого маршрут басаевской группы проходил так, что был вне зоны его ответственности.

Потом Батурин все эти карты положил на стол президенту. За этим последовали отставки силовых министров.

На переговорах в Грозном чеченскую сторону представлял Шамиль Басаев, доказавший, что бывают времена, когда винтовка действительно рождает власть...

Вадим Печенев пересказывал мне разговор с министром по делам национальностей и региональной политике Николаем Егоровым, который пытался влиять на ход дел в Буденновске. Егоров считал, что не надо было вступать с террористами в переговоры, нельзя было с миром отпускать Басаева назад, их надо было уничтожить. Если бы их остановили, больше таких попыток уже не было бы.

Николай Егоров был сторонником силовых методов, которые возьмут на вооружение во второй чеченской войне. Но в 1995 году российское общество желало переговоров, а не крови.

Ельцин крайне болезненно воспринял события в Буденновске. Он еще не знал, каким эхом это отзовется в декабре на выборах в Государственную Думу, но видел, что доверие к нему в стране опустилось до ничтожно малых величин. Нетрудно было понять, какие настроения царят за толщей кремлевских стен, что там обсуждается в тиши кремлевских коридоров и тщательно охраняемых кабинетов.

Именно в те дни Государственная Дума выразила недоверие правительству, то есть предложила президенту избавиться от такого правительства.

Правительство оказалось в подвешенном положении — по конституции после второго вотума недоверия президент должен или отправить правительство в отставку, или распустить Думу. Правительство не захотело ждать, а внесло в Думу проект закона о доверии себе.

Ситуация изменилась: теперь депутатам от оппозиции надо было срочно решать, чего они хотят. Если они голосуют против правительства, президент тут же распускает Думу, а это плохо для оппозиции — легче готовиться к выборам, располагая всеми возможностями думского аппарата.

Лидер фракции «Выбор России» Гайдар встретился с Черномырдиным и Ельциным и нашел формулу: Дума еще раз ставит вопрос о вотуме недоверия, но необходимое число голосов не набирается. Так и произошло. Оппозиция предпочла оказаться в глупом положении, чем лишаться думских возможностей...

Но если бы Дума вдруг пожелала настоять на своем, то ничего страшного бы не произошло. Президент бы ее распустил, и избирательная кампания началась раньше, чем предполага-

лось. Стало ясно, что это все не беда. Настоящая беда — это война в Чечне.

К тому времени война шла больше полугода, а все казалось, что она где-то далеко. Захват заложников в Буденновске показал, что война очень близко, что ее пламя может опалить любого из нас. Сначала всех интересовали детали: каким образом Шамиль Басаев и его боевики беспрепятственно проникли в город? Почему наши спецслужбы не смогли им помешать?

И лишь немногие уже поняли одну очень неприятную истину. Жестокая акция в Буденновске была первым действием в террористической войне, которая объявлена России.

А мировой опыт показывает, что террористы — если они действительно готовы погибать за свое дело — часто добиваются своего. Продолжение чеченской войны отныне означало не только все новые и новые похоронки с фронта, но и гибель людей в городах России, далеко отстоящих от Чечни.

БОЕВИКИ УХОДЯТ БОСИКОМ

Полгода боевые действия не велись. Они возобновились после того, как пытались убить представителя президента Олега Лобова и тяжело ранили командующего Объединенной группировкой федеральных сил генерала Анатолия Романова.

Москва создавала в Чечне одно «хорошее» правительство за другим. В начале года появился Комитет национального согласия Чеченской Республики под руководством Умара Автурханова. Осенью Москва поставила на Доку Завгаева, бывшего хозяина Чечни. Он решительно устранил конкурентов и в декабре 1995 года был избран главой республики. Завгаев и Черномырдин подписали договор об основных принципах взаимоотношений России и Чечни.

А 1996 год начался трагическими событиями.

9 января отряды под командованием Салмана Радуева, бывшего инструктора Чечено-Ингушского обкома комсомола, напали на дагестанский город Кизляр и, захватив около двух тысяч заложников, укрепились в городской больнице.

После переговоров большинство заложников было освобождено, и отряд Радуева двинулся назад в Чечню. Но как только Радуев покинул территорию Дагестана, колонну обстреляли ра-

кетами с вертолетов. Террористы отошли в село Первомайское и заняли круговую оборону.

Операцией командовали два генерала армии — министр внутренних дел Анатолий Куликов и директор Федеральной службы безопасности Михаил Барсуков, верный друг Коржакова.

Боевиков окружили со всех сторон. Туда перебросили спецподразделение по борьбе с терроризмом «Альфа», милицию, войска, танки, артиллерию и установки залпового огня «Град».

Барсуков доложил Ельцину, что боевики в ловушке, каждый на прицеле у снайпера и скоро с ними будет покончено. Президент наивно повторил журналистам слова директора Федеральной службы безопасности и попал в глупое положение, потому что ничего у Барсукова не получилось.

Штурм села продолжался четыре дня. Первомайское было разрушено. Но генерал армии Барсуков, не имея военного опыта, не сумел организовать эту операцию, наладить взаимодействие разных частей. Потом ее участники жаловались на полнейшую неразбериху и бестолковщину. Солдат даже не могли покормить. Но главный позор состоял в том, что большая группа боевиков во главе с самим Радуевым преспокойно бежала из окружения, и догнать их не смогли...

Освободить удалось только часть заложников, остальных боевики увели с собой. Их отпустили только через месяц. В Кизляре погибло двадцать пять мирных жителей, в Первомайском шестнадцать заложников.

После возвращения из Первомайского директор ФСБ Барсуков выступил на пресс-конференции, которая окончательно испортила его репутацию. Сначала Барсуков долго рассказывал, как они замечательно организовали эту операцию, а потом косноязычно объяснил, почему не удалось взять боевиков:

— Мы только одного не могли рассчитать, что с такой скоростью можно ходить по заснеженному полю и по такой вот пахотной земле — я впервые вот это встречаю, особенно когда увидел, что боевики снимали башмаки и без обуви шли, меня это тоже несколько так... потому что я не знал этого, что, когда на карту, видимо, поставлена жизнь, готовы и ботинки снять, разуться и босиком, с голыми пятками бежать...

Это было откровение Барсукова, над которым смеялась вся страна. Ну что делать, если от начальника такой могущественной службы боевики босиком убегают...

Но и после чеченской эпопеи президент его не тронул, хотя, видимо, сообразил, что поставил во главе ФСБ не того человека, который способен возглавлять госбезопасность.

За лимузином Ельцина теперь следовала дополнительная машина — с офицерами спецназа, вооруженными по-армейски, включая гранатометы. На самом деле до Москвы террористы доберутся не скоро — осенью 1999 года, что станет поводом для второй чеченской войны.

ПОЧЕМУ ДУДАЕВА НЕ УБИЛИ РАНЬШЕ?

Начальник штаба чеченских сил Аслан Масхадов, вероятно, не был причастен к акциям Басаева и Радуева. Что касается Дудаева, то если он и не планировал эти операции, во всяком случае, публично их поддержал: «Это запланированная акция, чтобы показать, что так не выйдет — чтобы мы здесь детей купали в крови, а соседи купались бы в молочке».

Добраться до Басаева и Радуева и отомстить за кровь и унижения федеральным силам не удалось. А Дудаев был убит в ночь на 22 апреля в районе села Гехи-Чу. Считается, что был запеленгован его спутниковый телефон и его убили выпущенной со штурмовика самонаводящейся ракетой, которая предназначена для уничтожения радиолокационных станций. Головка самонаведения ракеты была настроена на волну его спутникового телефона.

Почему же все-таки специальные службы вовремя не избавили нас от этой напасти? Казалось бы, достаточно убрать всего несколько человек — тех, кто командует боевиками, кто отдавал приказ о террористических акциях, — и не было бы двух чеченских войн и страшных взрывов в наших городах? Так почему же, скажем, не убрали сразу генерала Джохара Дудаева?

— Не умели, — рассказывал мне Евгений Савостьянов, который был тогда заместителем директора Федеральной службы контрразведки. — Думаю, если бы была такая возможность — это бы сделали. Возможности не было...

— Несколько наших офицеров рассказывали после войны, что они держали на прицеле и Джохара Дудаева, и Шамиля Басаева, и Салмана Радуева, но им не позволили их вовремя уничтожить. Так, значит, в Москве просто не решались это сделать?

— Возможности не было, — повторил Савостьянов. — Я помню эпизод, он относится к 1994 году. Узнали, когда будет проходить заседание правительства Дудаева — и в каком именно кабинете. Два вертолета вышли на цель и двумя ракетами поразили помещение. Но они летели навстречу слепящему солнцу, а в Грозном в то время существовали две башни — два высотных здания, которые господствовали над всем рельефом: здание правительства — дворец Дудаева и обычный жилой дом. Так вот они умудрились влепить две ракеты в другой дом и разнесли обычную квартиру. А если бы летчики не промахнулись тогда, то вполне возможно, что события развивались бы иначе...

Есть и другая точка зрения.

Чисто психологически после смерти Дудаева наши военные наверняка испытали чувство глубокого удовлетворения. Практически это мало что изменило, потому что боевыми действиями руководили другие — в первую очередь бывший полковник советской армии Аслан Масхадов.

Впрочем, Салман Радуев и по сей день утверждает, что Джохар Дудаев жив, и ведет свою террористическую войну от его имени, что, вероятно, помогает ему вербовать малограмотную молодежь.

КАРЬЕРА БИСЛАНА ГАНТАМИРОВА

Джохара Дудаева сменил вице-президент Зелимхан Яндарбиев, поэт и идеолог чеченской независимости.

Ситуация вернулась к исходной: боевые действия продолжались, но слова «война» никто не произносил. Хотя война велась с применением всех средств, которые есть у армии. Добиться полной победы никак не удавалось.

Отряды под командованием Руслана Гелаева (потом в правительстве Масхадова он станет вице-премьером и министром обороны) неожиданно ворвались в Грозный, взяли под контроль значительную часть города и ушли, прихватив с собой сто заложников.

И Ельцин, и чеченские командиры отчаянно нуждались в перемирии. Ельцин должен был закончить войну перед выборами. Чеченские лидеры хотели спасти остатки своих отрядов.

Борис Николаевич в очередной раз объявил, что войсковая операция на территории Чечни завершена. Он подписал указ о

прекращении боевых действий и о поэтапном выводе федеральных сил. Он образовал Государственную комиссию по урегулированию кризиса в Чечне под председательством Черномырдина.

Предлагалось подписать с властями Чечни протокол о мире и согласии, провести в республике выборы и затем заключить договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти России и Чечни.

Депутат Государственной Думы Александр Лебедь заявил тогда: указ президента равносилен тому, чтобы «предать армию, обессмыслить все жертвы, кровь наших детей... узаконить режим Дудаева». Лебедь еще не знал, что именно ему будет суждено закончить эту войну и услышать от других генералов, что это он предал армию, лишив ее победы...

В Москве увидели, что ставка на Доку Завгаева себя не оправдала. Против него восстал Коалиционный совет оппозиционных сил во главе с вице-премьером Чечни и мэром Грозного Бисланом Гантамировым.

В распоряжении Гантамирова была собственная милиция, которую он вооружал и содержал за свой счет. Федеральные власти знали, откуда он брал деньги, но задержали его только после того, как он восстал против Завгаева.

В мае 1996 года Гантамирова арестуют в аэропорту Шереметьево-2 после возвращения из Турции, где он навещал своих братьев — они лечились, раненные в Чечне. Его приговорят к шести годам тюремного заключения за хищение и растрату государственных средств, выделенных для восстановления Чечни...

А в ноябре 1999-го он будет амнистирован личным указом президента Ельцина и выпущен из тюрьмы. Он понадобится для второй чеченской войны, где будет играть важную роль. Поэтому любопытно обратиться к его дневникам, которые были опубликованы газетой «Новые известия»:

«Российская Армия имитирует ведение боевых действий, на самом деле грабит население, расстреливает мирных граждан. Боевики в то же самое время отбирают у людей машины, драгоценности, грабят дома, насилуют женщин. Кажется, они договорились и разделили город на зоны грабежей...

Если федеральные спецслужбы что-то против меня и готовят, то только лишь по согласованию с нашим руководством (Гантамиров имел в виду Завгаева. — *Л.М.*)... Я своим дал команду в случае чего провести моментальную операцию по устранению Завгаева...

Самое страшное сегодня случилось вечером. В районе Первомайской два российских вертолета обстреляли проезжавшую автомашину «Жигули», остановили ее. Затем оба вертолета сели, захватили двух человек, находившихся в автомашине, и с живых сняли уши и скальпы. Через несколько минут, застрелив их обоих, улетели...

Дудаев предпринимает все для того, чтобы уничтожалось как можно больше населенных пунктов, мирных жителей, для того, чтобы пополнить свои ряды и тем самым продолжить войну хоть на один день. Главная тактика боевиков Дудаева — это открыть первый огонь из села, а после начала ответного огня убегать подальше от него. Федералы же до основания разрушают зону первого огня, а затем зачищают...»

ПОСЛЕДНИЙ УДАР

27 мая 1996 года президент Чечни Зелимхан Яндарбиев прибыл в Москву и подписал с президентом России Ельциным договоренность «О прекращении огня, боевых действий и мерах по урегулированию вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики». С Дудаевым Борис Николаевич не хотел разговаривать, а в результате сел за стол переговоров с куда более непримиримо настроенным человеком. Яндарбиев и был главным идеологом отделения от России и войны с Россией.

На следующий день, пока чеченская делегация оставалась в Москве — фактически в качестве заложников, Ельцин вылетел на Северный Кавказ. Из Северной Осетии его на вертолете доставили в Чечню. Он поздравил военнослужащих с победой в чеченской войне и тут же вылетел в Москву.

На следующий день делегация Яндарбиева вернулась в Чечню. Аслан Масхадов отдал распоряжение воздержаться от боевых действий. Предполагалось, что боевики сдадут оружие к 7 августа, федеральные войска уйдут к 30 августа.

Но после победы Ельцина на президентских выборах боевые действия возобновились. Российская авиация нанесла удар по штабу президента Яндарбиева.

28 июня на автовокзале в Нальчике (Кабардино-Балкария) в автобусе, который шел по маршруту Минеральные Воды—Владикавказ, взорвалась бомба. Шесть человек погибли. Были арестованы двое местных жителей, один из них воевал в Чечне.

Они признались, что выполняли приказ одного из полевых командиров. 11 июля в Москве произошел взрыв в троллейбусе.

Федеральные войска заявили, что крупных очагов сопротивления больше нет и неприступные базы в западной Чечне ликвидированы. Военные обещали до конца года, если им не помешают политики, завершить все спецоперации и добить боевиков. И вдруг все планы федеральных командиров рухнули.

6 августа 1996 года, на рассвете, в Грозный, не встретив сопротивления, вошли отряды боевиков, которые, по сообщению военного командования, уже давно были уничтожены.

Федеральные силы были раздроблены и блокированы в разных частях города. В эти дни в Грозном погибло около полутысячи солдат федеральных войск. Боевики едва не захватили самого Доку Завгаева и его заместителя Николая Кошмана, будущего вице-премьера российского правительства. Они успели сесть в «Жигули» и без охраны добрались до аэропорта...

Это был последний удар по репутации армии и спецслужб. Страна требовала прекратить войну.

10 августа Ельцин, вновь избранный президентом, объявил траур в связи с потерями в Чечне и назначил секретаря Совета безопасности Александра Лебедя своим представителем в Чечне. Лебедь предложил Ельцину прекратить боевые действия и вывести федеральные войска из Чечни. Как выразился Александр Иванович, нам «некем, нечем и незачем воевать». Ельцин принял план Лебедя.

30 августа в Хасавюрте Лебедь и Масхадов подписали совместное заявление о принципах дальнейшего переговорного процесса. Они договорились, что политическое соглашение о статусе Чечни будет подписано до 31 декабря 2001 года.

В конце 1996 года закончился вывод федеральных войск.

Ельцин сказал, что Чечне не будет предоставлена независимость. Новый министр иностранных дел Евгений Примаков предупредил иностранных послов, что признание независимости Чечни повлечет за собой разрыв дипломатических отношений.

Но фактически российское руководство не собиралось предъявлять права на Чечню и вмешиваться в ее дела. Чеченцы сами не смогли использовать этот шанс самостоятельно организовать свою жизнь.

В мае 1997-го Ельцин и Масхадов подписали договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия. Ельцин поручил все чеченс-

кие дела Ивану Рыбкину, который стал секретарем Совета безопасности, и его заместителю Борису Березовскому. Договор стал пустой бумажкой. Федеральные власти не захотели или не смогли изменить ситуацию в Чечне.

27 января 1997 года на президентских выборах победил Аслан Масхадов. Он родился в 1951 году в Казахстане, куда выслали его родителей. В Чечню семья смогла вернуться только в 1957-м.

Он окончил Московское высшее артиллерийское училище имени Калинина, дослужился до полковника и командовал самоходно-артиллерийским полком. Считался прекрасным артиллеристом. Осенью 1991-го, не поладив с командиром дивизии, подал рапорт об увольнении и переехал в Чечню. Получил пост военного комиссара республики.

После начала боевых действий Дудаев присвоил ему звание дивизионного генерала и назначил начальником штаба вооруженных сил Чечни. Он руководил обороной Грозного, а потом, по существу, Дудаев передал ему все военное командование. Масхадов и сформировал чеченскую армию, которая формировалась из полностью самостоятельных отрядов, состоявших из добровольцев. Они сражались в родных местах и пользовались полной поддержкой населения.

У Масхадова повреждено горло, поэтому он с трудом говорит и не может выступать. Это не единственный его недостаток. Воевал он удачно, а управлять республикой не смог. Выяснилось, что существовать самостоятельно Чечня не способна — там не было ни власти, ни экономики; образовался просто криминальный режим.

МОЖНО ЛИ ЗАКОНЧИТЬ ВОЙНУ?

Ельцин ухватился за первую же возможность закончить войну. И общество это приветствовало. Но можно ли завершить чеченскую войну? И как именно? Ведь и тогда было ясно, что чеченские лидеры все равно не станут подчиняться Москве.

Заключив мир, Москва вновь оказалась перед прежним выбором: или признать полную самостоятельность Чечни и не лезть в ее дела, или снова посылать войска. Только разница состояла в том, что уже убиты и искалечены люди, что на войну истрачены огромные деньги, что есть политики и военные, которые не по-

зволят отпустить Чечню. Да и никто в Кремле на это не решится. Нет такого российского политика, который согласился бы отпустить Чечню. Это означало, что война скоро возобновится.

Так, собственно, и произошло.

Почему Москве не удалось привести к власти в Грозном сколько-нибудь надежного вассала?

Надо смотреть правде в глаза: в силу исторических причин и традиций чеченцы не склонны подчиняться какому-то одному лидеру. Они делятся на тейпы — кланы, и в каждом есть свой вождь. В республике вообще нет общенациональных лидеров. Им не был даже Дудаев, вокруг него сплотились только в момент войны. Эта территория, к сожалению, застряла на очень низкой стадии общественного развития.

Здесь даже и ислам не успел толком утвердиться, поэтому нет исламской интеллигенции, на которую можно было бы опереться в наведении какого-то государственного порядка.

Чечня, тем более когда она была разрушена, превратилась в бурлящий котел, кипяток из которого будет выплескиваться еще очень долго.

К сожалению, никто тогда не думал о том, что будет через год, через пять лет. Все думали о приближающихся президентских выборах.

Через два года гнойник прорвался. Чеченские боевики Шамиля Басаева и приехавшего из Иордании авантюриста Хаттаба проникли в Дагестан в надежде поднять там исламское восстание. В это же время в Москве и других городах произошли тщательно подготовленные террористические акты. Началась вторая чеченская война и новые президентские выборы.

Глава семнадцатая

ПОБЕДА НА ВЫБОРАХ И ОПЕРАЦИЯ НА СЕРДЦЕ

Весной 1995 года Ельцин заявил, что он «поручил» создать два предвыборных политических блока: «правоцентристский» — главе правительства Виктору Черномырдину и «левоцентристский» — председателю Государственной Думы Ивану Рыбкину.

Черномырдину удалось провести в Думу сравнительно небольшую фракцию своего движения «Наш дом — Россия», за которое голосовали как за партию власти.

Из затеи с Рыбкиным вовсе ничего не вышло. Скромные достоинства Рыбкина в администрации президента явно преувеличивали. Его избрали председателем Думы голосами левых, но он был очень удобен для президента. После провала на выборах его сделали секретарем Совета безопасности, а заместителем ему дали Бориса Березовского.

Выборы в Государственную Думу прошли совсем не так, как ожидал Ельцин. Он полагал, что влияние коммунистов сойдет на нет, избиратели проголосуют за умеренных Черномырдина и Рыбкина. А на следующее лето уже были назначены президентские выборы.

ОН СИЛЬНО ОШИБСЯ

Многие полагали, что Борис Николаевич не станет в них участвовать. Он совершенно растерял свою популярность. Люди проклинали его за чеченскую войну. К тому же он стал серьезно болеть. В мире с явным раздражением следили за тем, как Россия вязнет в чеченской войне, хотя Запад очень дипломатично и вежливо выражал свое недовольство. После того как президент Борис Ельцин серьезно заболел, возникло такое ощущение, что Запад словно смирился с его уходом из политики.

Некоторые западные лидеры призывали тогда радикально изменить отношение к Ельцину, больше не считать его главным демократом и реформистом и налаживать отношения с другими российскими политиками.

В Соединенных Штатах, похоже, всерьез полагали, что Ельцин откажется от участия в выборах и кандидатом демократов станет глава правительства Виктор Черномырдин, которого с недавних пор американцы полюбили, хотя когда-то рисовали мрачным коммунистическим монстром.

Осенью 1995 года на пресс-конференции Ельцина спросили: когда страна узнает, намерен ли он баллотироваться в президенты, и могут ли на это решение повлиять результаты выборов в Думу?

Ельцин ответил:

— Итог парламентских выборов не может повлиять на мое решение. Это первое. Второе. Объявлять, буду ли я выставлять свою кандидатуру или нет, ни в коем случае нельзя до выборов в Государственную Думу. И «да» вызовет волну большую, и «нет» —

еще большую волну. Пусть спокойно сейчас проходит эта политическая кампания по выборам в Государственную Думу, пусть забудут, так сказать, о президентских выборах. Не мучают себя. А уже в следующем году я объявлю...

Но результаты выборов 17 декабря повлияли на его решение. Как раз в эти дни он приходил в себя после тяжелого сердечного приступа. Он лежал в Барвихе.

Выборы испортили ему настроение: больше всего голосов получили компартия и Жириновский. На волне этой победы коммунисты уверенно говорили, что на следующий год президентом станет Геннадий Зюганов.

Тогдашний помощник Ельцина Георгий Сатаров рассказывал мне:

— На самом деле, конечно, его интуиция или способность к интеллектуальной работе не всегда одерживали верх. Перед выборами 1995 года мы приехали к нему с Илюшиным в Барвиху, рассказывали о последних прикидках, привезли ему табличку с прогнозами. Он взял ручку, начал зачеркивать наши цифры и писать свои... Он ошибся. Он завысил то, что ему хотелось, и занизил результаты коммунистов...

Наиболее простое объяснение победы левых таково: это ответ избирателей на пять лет стремительной инфляции, укравшей все сбережения, на приватизацию, лишающую работы, на рост преступности, на сокращение социальных выплат из бюджета.

Люди были уверены, что как только они освободятся от власти КПСС и введут рыночную экономику, так дальше все пойдет как по маслу. А необходимые для страны реформы нанесли тяжкий удар по тем, кто работал в промышленности, социальной сфере, кто сидел на зарплате, получаемой из бюджета.

Через пять лет после того, как казалось, что с коммунизмом покончено, бывшие коммунисты или наследники коммунистов возвращались к власти по всей Восточной Европе. «Красный пояс» словно окружал Россию, и Россия сама тоже больше не отвергала коммунистов.

Когда в России компартия, по существу, одержала победу на выборах в Государственную Думу и рассчитывала провести в президенты своего кандидата, многие либерально настроенные демократы думали, что во всем виноваты они сами. И что после свержения социалистических режимов во всех странах следовало провести суд над компартиями, над самой коммунистической системой и запретить бывшим высокопоставленным чиновникам

компартии и органов госбезопасности избираться в парламент и занимать любые должности в государственном аппарате.

Такие суды, считали либеральные демократы, помешали бы возрождению компартий и вычеркнули бы бывшую партноменклатуру из действующей политики хотя бы на несколько лет, необходимых для возвращения к нормальной жизни. Кроме того, активисты и сторонники компартий в основном люди немолодые, через несколько лет уже в любом случае не смогут претендовать на власть.

Но так поступили демократические силы только в одной бывшей социалистической стране — в Чехии. Здесь был принят закон о люстрации — то есть о запрете занимать определенные должности бывшим сотрудникам партийного аппарата (начиная с членов бюро райкома) и госбезопасности (начиная с агентов и хозяев явочных квартир).

Не так просто решить, закономерность это или простое совпадение, но из всей Восточной Европы только в Чехии бывшие коммунисты никакого успеха не добились. И именно Чехия может похвастаться наилучшими во всем бывшем социалистическом лагере результатами в экономическом развитии.

«Я РЕШИЛ ИДТИ НА ВЫБОРЫ»

Сергей Филатов рассказывал, как 4 января 1996 года он пришел к президенту с очередным докладом. Это еще не был рабочий день, но в администрации все работали, и Борис Николаевич приехал в Кремль. Филатов начал докладывать. Ельцин неожиданно сказал:

— Отложите все это. Может быть, вам это все не понадобится.

Филатов вопросительно посмотрел на него.

Ельцин сообщил ему:

— Во-первых, я решил идти на выборы.

Филатов:

— Поздравляю вас, это очень правильный шаг.

Он говорит:

— Вот в Государственную Думу выборы мы проиграли, коммунисты пришли, поэтому я считаю своим долгом еще четыре года быть президентом. Во-вторых, я хочу, чтобы вы вместе с Сосковцом возглавили предвыборную кампанию. Сосковец —

начальник штаба, вы — его заместитель, будете работать с общественностью и интеллигенцией.

Филатов согласился.

Он говорил мне о своих настроениях того времени:

— Я весь предыдущий год боролся за то, чтобы Борис Николаевич баллотировался в президенты. Он не хотел.

— То есть в 1995 году Ельцин не хотел переизбираться. Это действительно так? Или это было политическим кокетством?

— Думаю, не было никакого кокетства, — ответил Филатов, — потому что он, конечно, нахлебался в первые годы. Мы как-то летели с ним в самолете, и он говорит: «У меня здесь вместо сердца уголечки, выжгли все». Ведь как его в первые годы жалила оппозиция, центр, страшно просто. И он, конечно, устал. Это по всему было видно. Это во втором сроке ничего такого с ним не происходило, он был несколько огражден от неприятностей, но первый срок был, конечно, очень тяжелый. Это же сплошные войны. Война с центром, война с Хасбулатовым.

— И вам кажется, что он был готов в 1995 году отказаться от власти, покинуть Кремль?

— Думаю, что да. У меня нет оснований ему не верить.

— А кто же его переубедил?

— Я думаю, ситуация переубедила. Когда принесли результаты выборов в Думу, я пришел на доклад и впервые услышал, как Борис Николаевич выругался. Он зло сказал: «Ну, что, выборы проср-ли!» Видно было, что он очень озабочен. В Думу пришло почти что коммунистическое большинство. И тогда он понял, что еще один шаг — и все может перевернуться. Я думаю, это и повлияло.

УДАРНАЯ ВАХТА БРИГАДЫ СОСКОВЦА

Ельцин вступил в президентскую гонку в исключительно неблагоприятных обстоятельствах. Он достаточно давно находился у власти, и у людей были все основания винить его во всех неудачах экономической жизни. Да, собственно, одной только неудачной войны в Чечне было достаточно для того, чтобы погубить любую политическую карьеру.

Почему Ельцин лишился политической поддержки? Массовое демократическое движение выродилось или исчерпало свои возможности. Любое движение «против» собирало больше сто-

ронников, чем движение «за». Когда Ельцин стал президентом независимой России, его сторонники перестали быть оппозицией и лишились возможности возглавлять движение «против». Массы стали перетекать в новую оппозицию. Лидеры, поддерживавшие Ельцина, либо отошли от политики, либо получали должности и активно осваивали номенклатурную жизнь.

В результате за Ельциным не было весомой политической силы, готовой вести предвыборную кампанию, мобилизовать своих сторонников по всей стране, чтобы завоевать ему поддержку среди избирателей.

Первые шаги ельцинского окружения были неудачными.

15 января появился Общероссийский штаб по подготовке выборов президента. Его возглавил первый вице-премьер Олег Сосковец, заместителями стали руководитель администрации президента Николай Егоров, его предшественник Сергей Филатов, мэр Москвы Юрий Лужков. Ельцин утверждал, что это не его предвыборный штаб, а общегосударственный. Никто ему, конечно, не поверил. Государственная Дума потребовала, чтобы Сосковец приехал и рассказал, что это за штаб, который не предусмотрен законами.

Но дело было не в этом. Предвыборную кампанию президент доверил людям, лично ему преданным. Но для них работа в ельцинском штабе была чем-то вроде общественной нагрузки, а тут нужны были профессионалы.

Ключевой фигурой в выборах 1996 года станет Анатолий Чубайс. Причем вначале это никому не могло прийти в голову. Ельцин, по существу, открыл предвыборную кампанию увольнением первого вице-премьера Чубайса, и, казалось, блестящая государственная карьера Анатолия Борисовича закончилась.

Ельцин делал ставку на другую команду: в правительстве — на Олега Сосковца, в администрации — на Николая Егорова, который сменил Сергея Филатова. Борис Николаевич менял либералов, на которых возлагали вину за трудности, на хозяйственников и силовиков.

Первый вице-премьер Олег Сосковец сказал, что стране нужна иная стратегия экономических реформ, попытка копировать стратегию Запада оказалось ошибкой. Это должно было произвести благоприятное впечатление на страну: мы меняем стратегию. Но реагировали только иностранные инвесторы — они перестали вкладывать деньги в Россию, ожидая, чем закончатся выборы.

Олег Сосковец очень быстро прошел путь от рабочего до директора Карагандинского металлургического комбината, считался талантливым хозяйственником и управленцем. В сорок два года стал министром металлургии СССР, но это был 1991 год, и министерская должность исчезла вместе со страной. Назарбаев хотел оставить его у себя в Казахстане, назначил первым вице-премьером, но Сосковец быстро запросился в Москву. В апреле 1993 года он стал одним из двух первых вице-премьеров.

Сосковец курировал промышленность, «реальный» сектор экономики, и с Чубайсом они были на ножах.

16 января Ельцин отправил в отставку Чубайса и заменил его крепким хозяйственником — директором Волжского автомобильного завода Владимиром Каданниковым.

Отставку Чубайса президент решил широко использовать в предвыборных целях. На пресс-конференции Ельцин сказал, что если бы не Чубайс, то «Наш дом — Россия» получил бы на думских выборах вдвое больше мест.

Это обвинение вызвало возмущение среди демократически настроенной публики. Егор Гайдар вышел из состава президентского совета и публично предложил Ельцину не выдвигать свою кандидатуру на выборах. Сергей Ковалев написал Ельцину открытое письмо: «Я за вас голосовать не стану. И другим порядочным людям не посоветую». Письмо было опубликовано в «Известиях». Позиция Гайдара и Ковалева потом поставит либеральных демократов в трудное положение, когда выбор окажется простым — либо Ельцин, либо Зюганов.

По предложению Олега Сосковца Ельцин уволил Олега Попцова с должности председателя Российской телерадиокомпании, сказав нечто невнятное о «чернухе» на втором канале:

— У нас есть две телепрограммы — первый и второй каналы. Но эти каналы совершенно по-разному подают материалы. Один дает реальные факты, а по второму идет одна сплошная «чернуха». Что я должен делать? Снять Олега Попцова? Я ему говорил, что нельзя лгать, нужно работать корректно...

Попцов был верным сторонником президента и многое сделал для Ельцина, но он не был управляемым человеком, которым власть могла командовать. Но людям, окружавшим президента, нужны были именно те, кто послушно щелкает каблуками и берет под козырек. Это была большая ошибка — и в целом, и в частности. Отстранение Попцова, а вслед за ним и его пер-

вого заместителя Анатолия Лысенко привело к тому, что второй канал очень слабо помог Ельцину. НТВ сыграло куда большую роль.

Президентскую администрацию вместо Филатова возглавил Николай Егоров. Он приглянулся президенту своими решительными действиями в Чечне. Егоров, вероятно, устраивал и президентское окружение, в том числе генерала Коржакова.

Николай Егоров был тяжело болен: рак легкого. Во время чеченских событий ему отрезали половину легкого, а не подозревавшие об этом журналисты писали, что он лег в больницу, чтобы избежать ответственности.

— Егоров продолжал работать, но мы видели, что он умирает, — рассказывал мне Вадим Печенев. — Через день ему делали химиотерапию. Такая вот беда. Люди занимают высокие посты в том возрасте, когда им трудно их занимать...

ПИКИРУЮЩИЙ РЕЙТИНГ

Рейтинг доверия к политикам был пугающий для Бориса Николаевича: на первом месте Зюганов — 17 процентов, на предпоследнем Ельцин — 5 процентов. Победа Зюганова казалась вполне реальной. Оппозиция договорилась, и выставить его кандидатуру решили полсотни организаций и партий левого направления.

Я спрашивал Георгия Сатарова, одного из ближайших помощников Ельцина в период избирательной кампании: когда у него возникло ощущение, что президент все-таки будет переизбран?

Сатаров даже удивился:

— Что значит «ощущение»? Меня на пресс-конференции спросили: кто будет президентом? Я ответил: Ельцин. На меня, конечно, журналисты смотрели как на лизоблюда. Но я как профессионал знал, что надо делать, чтобы он мог переизбраться. Я не мог руководствоваться ощущениями. Я принадлежал к числу людей, которые должны были сказать, что надо сделать, чтобы это получилось.

— И вы тогда верили, что победа Ельцина возможна?

— Стопроцентно! Несмотря на низкий рейтинг!

Вадим Печенев, который руководил управлением в администрации президента, собрал своих сотрудников и сказал им:

— Друзья, есть только два варианта. Или победит Зюганов, или победит Ельцин. Зюганов по разным причинам не может победить. Если он будет побеждать, то не исключено, что выборы просто не состоятся. А мы заинтересованы в том, чтобы они состоялись. Поэтому давайте подумаем, можем ли мы путем демократических выборов обеспечить победу Ельцину.

Впрочем, в лагере Ельцина царило скорее уныние. Казалось, что у Бориса Николаевича нет шансов на победу.

Среди тех, кто не хотел голосовать за Зюганова, царили разброд и шатания. Кого же поддержать на выборах?

Говорили, что от былой популярности Ельцина не осталось и следа, что он стал самой ненавистной политической фигурой в России, что в нем видят главного виновника всех бед.

Возникали разные идеи — опереться на Григория Явлинского, призвать на помощь Михаила Горбачева, поддержать Черномырдина, который казался очень популярным, не скомпрометированным неудачами, как Ельцин.

Черномырдин отказался:

— По-человечески, да и по-мужски мне было бы нелегко, да и просто невозможно отступиться от принципов товарищества, от пережитого за те почти четыре года, которые я проработал бок о бок с Борисом Николаевичем Ельциным. Президент сделал свой выбор — баллотироваться на второй срок. Я, конечно, могу быть только его соратником.

ОН ПОЧТИ ПОТЕРЯЛ ГОЛОС

В штабе Ельцина долго решали, где и когда он должен сделать официальное заявление о желании вновь побороться за президентский пост.

22 января, принимая в Кремле членов консультационного совета по иностранным инвестициям, Ельцин сказал:

— Видимо, я дам согласие участвовать в президентских выборах в этом году.

Но на следующий день, приехав в Совет Федерации, Ельцин поправился и объяснил журналистам:

— Я еще об этом не говорю, мне немного надо подождать, чтобы набраться сил как следует. Сейчас врачи пока даже в теннис не разрешают играть, но скоро окрепну, и тогда будем бороться...

О желании бороться за пост президента Ельцин объявил в «своем городе» — в Екатеринбурге, где он всегда пользовался поддержкой. Выступая во Дворце молодежи, он сказал:

— Я решил баллотироваться на пост президента России и объявляю об этом здесь, в дорогом для меня зале, родном городе, вам, моим землякам, всем гражданам России, для сведения всего мира...

Пока Борис Николаевич читал свою длинную речь, он почти потерял голос — у него был фарингит. Люди суеверные сочли это неблагоприятным предзнаменованием. С этого времени вместе с ним стал ездить врач-отоларинголог.

Стратегия предвыборной кампании Ельцина была заявлена в этой его первой речи:

— Пока есть угроза столкновения «красных» и «белых», мой человеческий, гражданский долг, мой долг политика, стоявшего у истока реформ, — добиться консолидации всех здоровых сил общества и предотвратить возможные потрясения, вплоть до гражданской войны... Мне часто напоминают данное когда-то обещание — лечь на рельсы. Хочу напомнить: я выполнил его, когда настоял на проведении референдума в апреле 1993 года и вручил свою судьбу в руки избирателей. Но на нынешних выборах речь пойдет не только обо мне. На рельсах окажется Россия, и нам надо сделать все возможное, чтобы и мы, россияне, и наша страна не погибли под красным колесом прошлого...

Прилетев в Екатеринбург, Ельцин разговаривал с людьми на улицах и прямо говорил:

— Помогу в проблемах, если изберете.

Прямо под оком телевизионных камер он выделил из президентского фонда десять миллионов рублей (в ценах того времени) кондитерской фабрике, пять миллиардов — госпиталю для ветеранов войны, три миллиарда — на строительство родильного дома...

Президент подписал указ «О мерах по обеспечению своевременной выплаты заработной платы за счет бюджетов всех уровней, пенсий и иных социальных выплат». Президентская кампания — дорогое удовольствие для страны...

Каждое совещание в администрации президента Николай Егоров начинал с выяснения вопроса о том, как идет выплата зарплат и пенсий по стране. Без этого рассчитывать на переизбрание Бориса Николаевича было невозможно.

В тот же день, 15 февраля, Зюганов был выдвинут кандидатом левых и народно-патриотических сил на всероссийской конференции КПРФ.

А через два дня произошло событие, на которое в стране мало кто обратил внимание. Анатолий Чубайс рассказал, что ряд бизнесменов обратились к нему с предложением создать такую предвыборную структуру, которая бы задалась одной целью — не подпустить коммунистов к власти.

Два человека — Анатолий Чубайс и Александр Лебедь — сыграли в 1996 году ключевую роль в победе Ельцина. Борис Николаевич сумел поставить себе на службу самого умелого менеджера и самого популярного политика страны.

ГЕННАДИЙ ЗЮГАНОВ В ШВЕЙЦАРИИ

Считается, что судьба избирательной кампании 1996 года была решена в швейцарском городе Давосе, где самые богатые люди России решили помочь Ельцину и тем самым спасти себя.

На всемирный экономический форум в Давосе, где собирается политическая и экономическая элита развитого мира, прилетел Анатолий Чубайс. Он ушел в бизнес и занимался этим весьма успешно, но его деятельная натура требовала более серьезной задачи, чем зарабатывание денег.

В Давосе он горячо говорил о том, что избрание президентом России председателя КПРФ Зюганова будет катастрофой. Геннадий Андреевич счел, что и ему пора выходить на мировой уровень, и приехал в Давос. Банкиры и промышленники сбежались на него посмотреть. Глава компартии уверенно и твердо говорил им, что Россия голосует за его идеи и что миру придется с этим смириться. Иностранцы достаточно спокойно отнеслись к откровениям Зюганова. Им приход коммунистов к власти в далекой России в принципе ничем не угрожал.

Но в России многие думали иначе.

Зюганов поступил неосторожно. Он сильно напугал людей, которые увидели, какая им грозит опасность. Они объединились против коммунистов. Несколько очень богатых людей согласились финансировать избирательную кампанию Ельцина. Ясно было, что будут расходы, которые придется покрывать в прямом смысле из рук в руки неучтенными деньгами.

Борис Березовский и Владимир Гусинский еще и обещали мобилизовать телевизионные возможности ОРТ и НТВ. Но кто возглавит предвыборную кампанию? Когда стали перечислять, какой человек нужен — невероятно энергичный, блестящий организатор с широкими политическими и деловыми связями, современно мыслящий, не теряющий присутствия духа в самой сложной ситуации и способный преодолеть любые препятствия, — выбор фактически был сделан. Во всей стране один только Анатолий Чубайс и годился для этой работы.

Он взялся за это дело без колебаний, хотя Ельцин только что не просто выбросил его из правительства, но и вытер о него ноги. Анатолий Борисович — человек счастливо лишенный сантиментов. Он всегда думает только о деле.

Анатолий Чубайс принадлежит к плеяде молодых ленинградских экономистов, которые тесно сотрудничали с единомышленниками-москвичами — среди них самой заметной фигурой был Егор Гайдар из Института системных исследований.

Началось с того, что группа Чубайса помогала кандидатам в депутаты горсовета готовить программы. Потом депутаты попросили его применить свои идеи на практике. Так Чубайс стал заместителем председателя Ленгорисполкома.

Борис Федоров, который стал министром раньше Чубайса, вспоминал: «В первый наш приезд в Петербург мы застали во дворце, где работал Анатолий Собчак, его скромного экономического советника Анатолия Чубайса, который одиноко сидел в маленьком кабинете на задворках дворца напротив Исаакиевского собора».

Вскоре Гайдар перетащил Чубайса в столицу. В тридцать шесть лет он был назначен председателем Комитета по управлению государственным имуществом. Чубайс заставил Россию принять программу приватизации, несмотря на отчаянное сопротивление чуть ли не всей страны. Его предупреждали: с помощью этих чеков все скупят богатые.

Анатолий Борисович хладнокровно отвечал:

— Если проблема сводится к тому, что «скупят богатые», то я уверен: так оно и должно быть. Больше того, пока мы не преодолеем нашего интуитивного неприятия богатых, нам никуда продвинуться так и не удастся. Нам не дадут это сделать те остатки традиционной коммунистической уравниловки, которые в каждом из нас в большей или меньшей степени все еще сидят...

Приватизация по Чубайсу чуть ли не всеми в стране воспринимается как грабительская. Возможно, потому, что считалось, что все получат какие-то ценности или источник дохода, но страна была бедной. В противном случае приватизация бы не понадобилась. Анатолий Борисович всегда говорил, что он забрал собственность у неэффективного хозяина (государства) и передал ее эффективному (частному владельцу).

Чубайс — один из самых бесстрашных людей. Твердости его характера, хладнокровию и выдержке можно только позавидовать. Никто не мог его запугать или заставить переменить решение.

— Меня обещали застрелить, посадить, повесить на Красной площади, выплеснуть в лицо соляную кислоту, проклясть в будущих поколениях, зарезать при выходе с работы — уж всего и не припомню. Делалось это в «теплой» личной беседе, по телефону, с трибуны в больших залах, на площадях перед разъяренными толпами, в газетах с миллионными тиражами, по телевидению... Авторами этих угроз были не кто-нибудь, а крупнейшие политические деятели страны, лидеры коммунистических и фашистских партий, мэр одного крупного города, бывший председатель Верховного Совета и бывший вице-президент...

Его коллега по правительству Борис Федоров считает, что для характеристики Чубайса более всего подходят слова «железный», «аккуратный, как часы», «обязательный»: «У большинства нормальных людей, общавшихся с ним, он вызывал уважение. У оппонентов же его жесткость и целеустремленность всегда вызывали ненависть, раздражение, но одновременно и уважение к силе. Он умел находить подходы к высшим сановникам государства, становясь для них незаменимым даже при отсутствии личной симпатии к нему...»

В марте олигархи, как их потом станут называть, а с ними и Чубайс встретились с Ельциным. Они говорили с президентом очень откровенно — прежде он таких речей в своем кабинете не слышал. Они прямым текстом сказали ему, что он проиграет, если не сменит свой штаб и стратегию предвыборной кампании. Ельцин слушал их скептически и в тот день ничего не сказал. Ему все это было неприятно. Он не привык к поучениям, не привык, что ему говорят о проигрыше. Кто эти люди? Что они понимают в политике? Почему он их должен слушать? К тому же он только что выгнал Чубайса, а теперь должен на него целиком и полностью положиться.

Вадим Печенев рассказывал мне:

— Первое поручение Егорова — обработать подборку документов о коррупции в высших эшелонах власти. Там назывались очень известные люди из министерства финансов, указывалось, что некое важное распоряжение было подписано Чубайсом. На основе этих материалов Николай Дмитриевич попросил меня подготовить записку президенту. Мне сказали, что это оперативные материалы. К таким документам надо относиться серьезно, но им не всегда можно доверять на сто процентов, поэтому я написал несколько туманно. Я не знаю, было ли это поручением, или Егоров действовал по собственной инициативе...

В ШТАБЕ НОВЫЕ ЛЮДИ

Тем не менее Ельцин принял абсолютно правильное решение, которое позволило ему остаться у власти. Политический инстинкт его не подвел.

Помощники президента были недовольны тем, как Сосковец руководил предвыборным штабом. Людмила Пихоя (она руководила подготовкой президентских выступлений) даже называла его политическим импотентом. И президентской дочери Татьяне Дьяченко, которая интересовалась политикой и приходила на заседания штаба, не понравился командный тон Сосковца.

Ельцин реформировал свой избирательный штаб и сам его возглавил. Чубайс стал его интеллектуальным центром, а Игорь Малашенко, один из создателей телевизионного канала НТВ, руководил работой со средствами массовой информации. Они разместились в «Президент-отеле» и собрали там лучшие мозги. В работе штаба живейшее участие приняла дочь президента Татьяна Дьяченко.

Идея пригласить Дьяченко, как теперь говорят, принадлежит Валентину Юмашеву, который писал за президента его книги. Возможно, это и не так. Ее многие знали в окружении Ельцина и хорошо к ней относились. Татьяна Дьяченко была важнейшим каналом связи с президентом. Ее задача заключалась в том, чтобы мягко влиять на отца, убеждая его в правоте рекомендаций предвыборного штаба.

Все это потом будет казаться заговором, гнусной махинацией, пренебрежением волей народа. Дескать, олигархи думали

только о том, как сохранить свои деньги, нажитые преступным путем. Поэтому они купили средства массовой информации, а те обманули народ.

Уверенность противников Ельцина в том, что в 1996-м он одержал победу только благодаря умелой пропагандистской кампании, невольно отражает веру в тотальную пропаганду, во всемогущество телевидения, политической рекламы, умелого манипулирования мозгами. В то, что, если постараться, избирателя можно заставить проголосовать за что угодно.

Это не совсем так. Личный интерес олигархов совпал с интересами большей части страны. Прихода к власти Зюганова и его команды боялись и те, кто не нажил палат каменных.

В 1996 году команда Зюганова жаждала реванша, это было бы губительно для страны. Больших успехов в экономике ельцинская команда не добилась, но коммунисты ничего нового предложить не могли. Это, кстати, станет понятным в конце 1998 года, когда главный коммунистический экономист Юрий Маслюков станет первым вице-премьером в правительстве Примакова. Он быстро увидел, что идеи, с которыми он пришел, не работают, и вынужден был в общем и целом проводить ту же политику, что и презираемые коммунистами молодые реформаторы.

Юрию Маслюкову, опытному и знающему менеджеру, чтобы разобраться, понадобилось несколько месяцев. А если бы на всех постах оказались его товарищи по партии, то прежде чем они осознали бы, что экономика развивается по законам, столь же определенным, как и законы физики, хозяйство страны окончательно разрушилось бы... Что касается духовной жизни страны, то коммунисты откровенно предупредили людей о своих планах и насчет цензуры, и многого иного. В 1996 году я работал в «Известиях», которые тогда никому не принадлежали, были совершенно независимы. Еще до начала избирательной кампании наш главный редактор твердо сказал:

— Мы сделаем все, чтобы коммунисты не пришли к власти.

Таково было общее настроение журналистов — и газетчиков, и телевизионщиков. Ельцину вовсе не надо было их покупать. Все понимали, что с избранием президентом Зюганова закончится свобода прессы. Григорий Явлинский говорил тогда журналистам:

— Зюганов — это не смена власти, а полная смена режима, государственного строя. Россия этого больше не выдер-

жит. Следующих президентских выборов не будет, не станет поста президента. Править придет партия, генсек, советы...

Никита Михалков твердо выступил в поддержку Ельцина:

— С чистой совестью я могу сказать: президент России Борис Николаевич Ельцин должен продолжить начатое им дело! Обязан его продолжить. Как бы ни называлась Россия, она всегда ею останется, и ни один государь в ее истории, уходя со своего поста, не смел оставить державу для того, чтобы ее подобрал тот, у кого громче голос или толще дубина...

Именно поэтому на выборах 1996 года многие говорили: лучше Ельцин со всеми его недостатками, чем Зюганов и его команда. Народу не продавали кота в мешке, как это произойдет на следующих парламентских, а затем и президентских выборах. Все знали, кто такой Ельцин и чего от него ждать.

Да и кандидата от коммунистов трудно было назвать обаятельным политиком, за которого хочется голосовать. Один немецкий журналист так отозвался о Зюганове: он похож на трактор «Беларусь» — неуклюжий, неповоротливый, зато ему износу нет. За плечами бесцветная карьера. Бюрократ средней руки. Когда Зюганов говорит, кажется, что ему так же скучно, как и слушателям...

Постепенно заговорили, что в азарте ниспровержения Ельцина и критики его недостатков демократически мыслящие граждане зашли слишком далеко. Другого кандидата, способного составить конкуренцию Зюганову, в стране нет. Когда эта мысль распространилась достаточно широко, первый шаг к победе Ельцина был сделан.

Отношение к Ельцину в мире тоже изменилось. Еще недавно его сравнивали с положением Михаила Горбачева, когда он отстранил своих либеральных советников (а нелиберальные его предали), и он остался сначала без поддержки, а затем и без президентского поста. Но тут мир словно спохватился, испугавшись ухода Ельцина и прихода к власти радикальной оппозиции. Международный валютный фонд не колеблясь выдал России очередной кредит в десять миллиардов долларов.

Более того, обычно очень осторожный директор-распорядитель Международного валютного фонда Мишель Камдессю фактически поддержал Ельцина в борьбе за президентский пост. Он объяснил, что, если Ельцин проиграет выборы, МВФ может пересмотреть условия предоставления займа.

Руководитель Международного валютного фонда, ломая обычное о нем представление, сказал, что ничего не имеет против корректировок в сторону социальных проблем, о которых говорит Ельцин. Камдессю сам сказал, что всегда настаивал на создании в России надежной системы социальной защиты населения. Запад выразил поддержку Ельцину только по той причине, что не хотел видеть президентом Зюганова.

Канцлер Германии Гельмут Коль, похоже, взял на себя задачу мобилизовать Европу в поддержку Бориса Ельцина. Он отправил секретное послание Биллу Клинтону в Вашингтон дипломатической почтой и сделал несколько важных публичных заявлений в пользу Ельцина.

Впрочем, реалисты на Западе понимали, что они не в состоянии как-то повлиять на выборы в России. Скорее наоборот, любая попытка показать, что Западу нравится тот или иной кандидат, скорее всего, привела бы его к поражению.

ОПЕРАЦИЯ НА СЕРДЦЕ ОТЛОЖЕНА

Стратегия ельцинского штаба была очень простой. Люди должны понять, что они делают выбор не между двумя кандидатами, а между будущим и прошлым, между нормальной жизнью и возвращением к тоталитарному режиму.

Сам Ельцин должен был опровергнуть представление о нем как о больном и уставшем человеке. Ему предстояло объехать всю страну и повсюду демонстрировать динамизм и решительность, готовность решать любые проблемы. Страна должна была увидеть прежнего Ельцина. И Борис Николаевич старался быть прежним.

Георгий Сатаров рассказывал мне:

— Когда надобно было решить практически невыполнимую задачу — победить на выборах при войне в Чечне, при низкой популярности, при неважном состоянии здоровья, он зарядился, настроился и был очень энергичен. Ему интересно было общаться со своим избирательным штабом, с аналитической группой. Такого неформального интеллектуального общения было в тот момент гораздо больше обычного...

Ельцин полностью подчинился советам и рекомендациям своего штаба. В каждой поездке по стране его сопровождали социологи, они сопоставляли настроения до и после появле-

ния президента. После одной такой поездки выяснилось, что рейтинг Ельцина не только не увеличился, но, напротив, упал.

Борису Николаевичу выложили на стол фотографии и показали: это была не предвыборная поездка, а какая-то начальственная инспекция — в центре президент, окруженный огромным количеством охранников, а где-то в отдалении горожане, которые пытаются услышать, что там барин говорит... А для сравнения вытащили его фотографии 1991 года, где Ельцин без всякой охраны — в окружении восхищенных избирателей.

Ельцин все понял и сказал Коржакову:

— Понял? Чтобы я вас в поездках больше не видел.

И охрана действительно не мешала ему работать с избирателями.

Предвыборная кампания шла трудно. Когда Ельцин встречался с людьми, они часто говорили: надо кого-то помоложе избрать. Борис Николаевич должен был доказать обратное.

Мало кто знал тогда, чего это ему стоило. Знаменитые кадры, когда Ельцин, сбросив пиджак, танцует на сцене, будут потом показаны сотни раз.

Певец Евгений Осин вспоминал:

— Во время моего выступления он вдруг попросил, чтобы ему «подыграли что-нибудь такое», и совершенно неожиданно выскочил на сцену, повергнув в шок администраторов и охрану...

Больное сердце нельзя подвергать таким испытаниям. Но он хотел победить и ради победы готов был на все. Анатолий Чубайс через несколько лет после выборов рассказывал журналистам: «Альтернатива Ельцину в 1996-м была одна — Зюганов. И я совершенно искренне говорю и повторяю: для меня тогда уже сильно болевший Ельцин был много лучше, чем совершенно здоровый Зюганов. Ельцин танцует... Это было его решение — сплясать. По-моему, личное. Во всяком случае, я никогда не мог найти человека, который бы ему это советовал. И он знал, чем рискует, что его может просто хватить инфаркт — и все, все кончится».

Борис Николаевич вернул себе симпатии тех избирателей, которые в нем успели разочароваться, но не стали ему врагами. Это как в семье — супруги ссорятся и все же надеются на возвращение былой любви. Ельцин словно проснулся, стал сильным и заботливым и смог вернуть эту любовь.

В середине марта рейтинг Ельцина прилично вырос. Он вышел на второе место после Зюганова, опередив Александра Лебедя

и Григория Явлинского. Ельцин довольно быстро возвращал себе симпатии реформистски настроенной части публики. Но возникла новая проблема: хватит ли ему физических сил до конца избирательной кампании?

Проблемы с сердцем в 1995 году дважды укладывали Бориса Ельцина в постель. Кремль пустился во все тяжкие для того, чтобы скрыть детали его болезни, и это, естественно, породило множество слухов в России и за рубежом. Говорили, что состояние президента на самом деле хуже, чем об этом сообщается. Так оно потом и оказалось.

Официально было объявлено, что Борис Ельцин страдает от стенокардии или, точнее говоря, от ишемической болезни сердца. Это самое часто встречающееся сердечное заболевание и самая частая причина смерти. Предполагали, что у президента России был инфаркт, а может быть, и два. Потом оказалось, что их было больше...

Уже тогда возникало множество вопросов.

Почему его не лечат более активно, если он действительно болен тем, о чем было официально заявлено? Означает ли это, что президент отказался от средств, предложенных врачами? Почему он это сделал — по политическим соображениям, боясь, что пострадает его имидж? Чем можно объяснить периодически возникающую одутловатость лица? Действительно ли он иногда как бы нетвердо стоит на ногах? Если да, то какова причина? Может быть, из-за травмы спины, полученной в 1990 году, он принимает болеутоляющие средства, которые оказывают седативный эффект?

Только сам Борис Ельцин или его врачи могли точно ответить на эти вопросы. Но они-то как раз и молчали.

11 июля 1995 года его доставили в Центральную клиническую больницу с болью в области живота, связанной с сердечным заболеванием. Диагноз — ишемическая болезнь сердца, то есть ухудшение кровоснабжения сердечной мышцы. Обострение этой болезни ведет к инфаркту миокарда.

Через несколько дней после того, как президент был госпитализирован, появилось официальное медицинское заключение, из которого следовало, что у президента был «мелкоочаговый инфаркт миокарда» — то есть такой инфаркт, который не прорывает стенки сердца.

Тогда Борис Ельцин провел две недели в больнице и еще две недели в санатории. 26 октября 1995 года он вновь был гос-

питализирован. Официальный диагноз был прежним — «острая ишемическая болезнь». Сообщили, что электрокардиограмма президента немногим отличается от предыдущей. Это должно означать, что инфаркта миокарда у Бориса Ельцина не было. Но некоторые специалисты в Москве все-таки полагали, что Борис Ельцин, видимо, перенес инфаркт.

Американские врачи, не имевшие, правда, возможности осмотреть российского президента, первыми заговорили о том, что Борис Ельцин нуждается в аорто-коронарном шунтировании. Это очень серьезная и тяжелая операция на сердце. Но Ельцин отложил операцию на после выборов.

КОРЖАКОВ ПРЕДЛАГАЕТ ОТМЕНИТЬ ВЫБОРЫ

5 мая начальник Службы безопасности президента Коржаков заявил корреспондентам, что президентские выборы нужно отменить. Ельцин публично осудил Коржакова и подтвердил, что выборы состоятся в условленный срок.

В реальности идея отмены выборов активно обсуждалась в Кремле. В апреле после довольно быстрого и неожиданного роста рейтинга Ельцина вдруг наступил период некоторого падения. Вот уже он сравнялся с Зюгановым, и вдруг все пошло назад.

Вадим Печенев, который руководил главным программно-аналитическим управлением администрации президента, рассказывал мне:

— Мне дали на обработку записочку, в которой предлагалось все-таки с учетом этой тенденции подумать, стоит ли проводить президентские выборы. Записка не была подписана. Естественно, такие документы не подписываются. Передали ее Ельцину или нет, я не знаю. Она была при мне прочитана, вслух никак не прокомментирована и положена в папку для доклада...

Через несколько лет тогдашний министр внутренних дел Анатолий Куликов расскажет, что это он блокировал отмену выборов и чисто силовой вариант, при котором Ельцин в любом случае оставался у власти.

Георгий Сатаров рассказывал мне:

— Рассматривался такой вариант. Действительно, Куликов принимал участие в его блокировании. Но не он один. На самом деле была группа людей в Кремле, которым было поруче-

но готовить этот вариант с политической, с юридической точек зрения. Как это было? Президент вызвал группу людей ночью. Сказал: я принял такое решение, готовьте документы. И эти люди, которые выполняли это поручение президента, одновременно готовили материал, из которого неоспоримо следовало, что отменить выборы никак нельзя. И ему на стол положили материалы и «за» и «против». Министр внутренних дел Куликов действительно в ту ночь приезжал к Ельцину. Президент собрал нескольких силовиков. Куликов сказал: очень не рекомендуем!

— Президент сам придумал отменять выборы или это ему посоветовали?

— У меня было ощущение, что это во многом инспирировано Коржаковым, — говорит Сатаров. — Утверждать не могу, но такое ощущение, что это во многом шло с той стороны...

Между группами Чубайса и Коржакова шла настоящая война. Причем Ельцин все больше доверял Чубайсу и его людям. Татьяна Дьяченко рассказывала отцу, какие это гениальные ребята.

Коржаков этих восторгов не разделял. Он, вероятно, боялся, что Ельцин проиграет или не выдержит физически. Но забота о здоровье президента для Коржакова была и заботой о самом себе. Если бы Ельцин решил остаться у власти без выборов, то никакой Чубайс ему не нужен, а генерал Коржаков необходим позарез.

У Коржакова в руках был весомый аргумент — заключение консилиума, подписанное кремлевскими врачами 20 мая 1996 года:

«За последние две недели в состоянии здоровья Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина произошли изменения отрицательного характера.

Все эти изменения напрямую связаны с резко возросшим уровнем нагрузок как в физическом, так и эмоциональном плане.

Существенную роль играет частая смена климатических и часовых поясов при перелетах на большие расстояния. Время сна сокращено до предела — около 3—4 часов в сутки.

Подобный режим работы представляет реальную угрозу здоровью и жизни Президента».

Это решение было трудным для Ельцина. Чтобы ни говорили ему штабные аналитики, элемент риска оставался. Никто не мог гарантировать ему победы. Он мог проиграть и потерять все — не

только власть. Если бы победил Зюганов, Ельцину припомнили бы все, начиная с запрета компартии и Беловежских соглашений и кончая расстрелом Белого дома в октябре 1993 года.

Реальная ситуация и настроения в стране президенту были известны. Он получал информацию из множества источников. Каждый понедельник в одиннадцать часов руководитель администрации Николай Егоров вручал ему подготовленный в трех экземплярах секретный обзор ситуации и прогноз на ближайшее будущее. Этот документ Вадим Печенев составлял на своем компьютере, работал на отдельных дискетах — это была относительная гарантия того, что не произойдет утечки информации. Потом все исходные материалы уничтожались...

Отмена выборов, введение чрезвычайного положения, скажем под предлогом чеченской войны, казались соблазнительно простым выходом, избавлением от всех проблем. Но одновременно Ельцин понимал, какую ненависть он вызовет в стране, если введет диктатуру — пусть даже на время. И главное — это означало перечеркнуть всю его прошлую жизнь. Ельцин предпочел рискнуть.

ПЕРВЫЙ РАЗГОВОР С ЛЕБЕДЕМ

Кандидат от компартии Геннадий Зюганов призывал Ельцина провести с ним теледебаты в прямом эфире. Ельцин, находясь в Астрахани, ответил:

— Я тридцать лет был коммунистом и столько наслушался этой демагогии, что сегодня, при моем демократическом мировоззрении, я выдерживать ее больше не могу...

В середине мая Ельцин уже опережал Зюганова на 10 процентов. Люди увидели энергичного, активного президента — прежнего президента. Он удачно выступил 9 Мая перед участниками военного парада на Красной площади. Он ездил по стране, разговаривал с людьми, слышал их и что-то сразу делал. Например, прилетев в Омск, Ельцин прямо на трибуне подписал указ «О дополнительных мерах государственной поддержки экономического и социального развития Сибири». Правительство, сокращая задолженность, рассчитывалось с пенсионерами и бюджетниками.

И все-таки для победы этого было недостаточно. В окружении Ельцина пытались укрепить его позиции с помощью Явлин-

ского — уговаривали Григория Алексеевича снять свою кандидатуру в пользу Ельцина. Они дважды встречались, прощупывали друг друга. Но не сговорились. 17 мая Явлинский написал президенту письмо с перечислением условий, на которых он готов поддержать Ельцина. Это был трудновыполнимый ультиматум.

Явлинский не хотел выбывать из президентской гонки.

На предмет заключения стратегического союза прощупывали Александра Лебедя, который тоже выставил свою кандидатуру в президенты.

Лебедь пытался предложить себя в роли третьей силы, симпатичной тем, кто не желает голосовать ни за Ельцина, ни за Зюганова. Но он вступил в предвыборную борьбу без денег, без команды и без собственной партии.

Генерал-лейтенант Лебедь, профессиональный военный, десантник по специальности, без сомнения, один из самых оригинальных политиков. Наделенный от природы здравым смыслом и своеобразным юмором, он произвел на страну неизгладимое впечатление, когда его стали показывать по телевидению. Одних он пугал, другие им восхищались, но так или иначе телевидение сделало из него знаменитого человека.

Он прославился после того, как в июне 1992 года вступил в командование 14-й армией, размещенной в Приднестровье. Там шла настоящая война между армией Молдавии и гвардейцами Приднестровья, которые не хотели быть частью Молдавии и образовали никем не признанную Приднестровскую Молдавскую Республику. Лебедь прекратил эту войну и стал очень популярен. Он вступил в публичный спор с министром обороны Грачевым. Ельцин, видимо, не обратил внимания на мятеж одного из генералов, позволил Грачеву уволить Лебедя в запас и создал себе еще одну проблему.

Мятежный генерал появился в Москве в роли оппозиционного политика. Его подхватил Конгресс русских общин — карликовая партия, которая обещала объединить русских, оказавшихся за пределами России. КРО в тот момент возглавлял Юрий Скоков, уже покинувший стан Ельцина, но желавший вернуться в политику.

В предвыборном списке КРО Лебедь шел вторым номером, но и он не помог партии преодолеть пятипроцентный барьер.

Сам Александр Иванович получил депутатский мандат в Туле, где когда-то командовал воздушно-десантной дивизией. В янва-

ре 1996 года Конгресс русских общин выдвинул его кандидатом в президенты. Но с людьми из КРО Лебедь поссорился и оказался в неудачном для политика одиночестве.

Он восхищал многих военной прямотой высказываний, хотя одновременно и отпугивал. Лебедь доказывал, что диктатором быть не собирается.

Накануне первого тура голосования «Комсомольская правда» опубликовала стенограмму закрытого заседания предвыборного штаба Лебедя. Александр Иванович говорил:

— Лебедь не собирается страну на рога ставить. Не будет кровавых бифштексов. Эти придурки войну в кино видели, а моя жена на меня похоронку получала. С меня хватит. Но сохранить мир в стране и тихо сидеть в том дерьме, в котором мы сидим, — не одно и то же... Порядок будем наводить не танками. Если в России будет порядок — значит, будет работать экономика. Вот тут и будет стабильность — стабильно платятся зарплаты, бандиты стабильно сидят в тюрьме...

Александр Коржаков потом расскажет, как он беседовал с Лебедем. Коржаков уговаривал Лебедя снять кандидатуру, взамен предлагал ему пост командующего воздушно-десантными войсками:

— Вот твой предел, зачем тебе политика? Мы с тобой одного возраста, одного воспитания, в одно время даже генералов получили. Экономики не знаешь. Куда тебе в президенты?

Лебедь предложения не принял:

— Я себе цену знаю...

Два генерала выпили, и разговор принял весьма живой характер. Лебедь, по словам Коржакова, с намеком сказал:

— Я вижу, что вы очень крутой. Пуля любого крутого свалит.

Коржаков согласился:

— Я давно это знаю. Когда у меня стали ноги слабеть, я начал заниматься стрельбой, дошел до мастера спорта.

А Лебедь опять свое:

— Побеждает тот, кто выстрелит первым.

Коржаков его поправил:

— Побеждает тот, кто первым попадет...

Социологи в президентском штабе пришли к выводу, что Лебедь больше опасен не Ельцину, а Зюганову, ибо он способен отобрать голоса у Геннадия Андреевича. После этого Лебедь получил неприметную для посторонних помощь президентской команды и — главное — стал появляться на телеэкранах. Новое и

необычное лицо действительно привлекло к себе внимание немалой части избирателей, которые не хотели голосовать за Ельцина, но предпочли Зюганову Лебедя.

Аман Тулеев за неделю до выборов снял свою кандидатуру в пользу Зюганова. Все антиельцинские силы сплотились вокруг Геннадия Андреевича.

16 июня прошел первый тур голосования. Он был не очень удачным для Ельцина. Он шел первым, но разрыв между Ельциным и Зюгановым был пугающе небольшим. Ельцин получил 35,2 процента, Зюганов — 31,95 процента. Теперь им предстояла схватка во втором туре.

Сенсацией был успех Александра Лебедя — он собрал одиннадцать миллионов голосов, около 15 процентов, вдвое больше Явлинского. В команде Лебедя работал Алексей Головков, бывший соратник Гайдара. Он очень хорошо провел избирательную кампанию, особенно ее последние недели.

ЯВЛИНСКИЙ ЗАМОМ НЕ ПОЙДЕТ

Перевес Ельцина над Зюгановым был настолько мал, что ситуация внушала серьезные опасения.

И главное, как поведут себя люди, которые в первом туре голосовали за Явлинского, Лебедя и других кандидатов? Кому они отдадут голоса — Зюганову или Ельцину? И придут ли благодушные сторонники президента еще раз голосовать или уедут на дачу в теплый летний день?

У кого-то даже возникла безумная идея просить Ельцина снять свою кандидатуру, тогда Зюганов во втором туре встретится с Лебедем и проиграет.

Через три года Анатолий Чубайс расскажет, что сразу после первого тура президентских выборов, когда президент из-за инфаркта не мог продолжать избирательную кампанию и страна висела на волоске, он пришел к Явлинскому и сказал:

— Забудь на секунду о своих амбициях, забудь о том, что тебе очень хочется занять должность президента. Ну кончилось уже это! Сегодня вопрос не о Чубайсе или Явлинском, сегодня вопрос о стране, у которой завтра может быть красный президент со всеми последствиями, о которых ты знаешь не хуже меня. Вот решение, которое дает тебе возможность реально взять на себя ответственность.

Явлинскому предлагали пост первого вице-премьера. Взамен надо было поддержать Ельцина во втором туре.

Явлинский отказался:

— А почему, если я вам так нужен, ты предлагаешь мне должность первого зама, а не председателя правительства?

Потом Григорий Алексеевич сказал, что не считал возможным поддержать Ельцина, хотя и не хотел, чтобы победил Зюганов...

Тогда было решено заключить союз с Лебедем. И это получилось! Лебедь очень помог Ельцину, хотя, пожалуй, погубил тогда собственную политическую карьеру.

Если бы Александр Иванович остался видным оппозиционным политиком, у него, возможно, сохранился бы шанс на вторую попытку в 2000 году. Но он был слишком неопытен, хотел получить все и сразу. Не победив на выборах, он не знал, чем ему заняться. Сидеть в Думе — это не для него. И тут подоспело предложение Ельцина войти в президентскую команду. У провинциального генерала, не успевшего освоиться в Москве, можно сказать, закружилась голова от близости власти.

Лебедь встретился с Ельциным, и они договорились.

Первым делом в отставку отправили министра обороны Павла Грачева, с которым у Лебедя вышел конфликт. В Кремле тогда пошли бы и на большее, лишь бы сговориться с Лебедем.

19 июня Лебедь предложил своим сторонникам голосовать за Ельцина. Взамен он получил крепкое рукопожатие Ельцина, который многозначительно сказал, глядя в телекамеры:

— Это союз двух политиков.

Александру Ивановичу дали должность секретаря Совета безопасности и помощника президента. И он сразу же поспешил разделаться с недавними обидчиками. Наслаждаясь своей новой ролью, он рассказал журналистам, что подавил ГКЧП-3: будто бы в комнате отдыха министра обороны Грачева 18 июня высокопоставленные военные и с ними министр обороны Грузии говорили о том, что надо поднять войска Московского военного округа и заставить Ельцина оставить Грачева и не пускать Лебедя во власть.

Позже выяснилось, что ничего этого не было. Грачевские любимцы сокрушенно собирали вещи и прощались с министерством обороны. А кто-то поспешил выслужиться перед Лебедем и нашептал ему нечто многозначительное.

ПОЛМИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ НАЛИЧНЫМИ

Но едва президентская команда одержала маленькую победу, подкрепив Ельцина Лебедем, как все чуть было не рухнуло.

В тот же день вечером разразился скандал вокруг картонной коробки из-под бумаги для ксерокса, в которой вместо белой бумаги высокого качества лежало полмиллиона долларов.

Президента Ельцина едва не погубила хорошо подготовленная операция Службы безопасности президента во главе с Александром Коржаковым.

Накануне вечером генерал Коржаков подписал распоряжение о проведении «спецмероприятия» в кабинете заместителя министра финансов Германа Кузнецова в Белом доме. Кузнецов был казначеем предвыборной кампании Ельцина и имел второй кабинет в здании правительства.

Руководил операцией полковник Валерий Стрелецкий, один из подчиненных Коржакова.

В Службе безопасности президента был отдел «П», который занимался борьбой с коррупцией и другими должностными преступлениями в правительстве, и отдел «К», ведавший администрацией президента. Полковник Стрелецкий, который перешел к Коржакову из Московского уголовного розыска, возглавлял отдел «П».

Его оперативники ночью вскрыли сейф в кабинете заместителя министра и нашли там то, что и ожидали увидеть, — полмиллиона долларов в банковской упаковке. Тогда еще действовала отмененная позже статья Уголовного кодекса, запрещавшая внебанковские операции с валютой.

В кабинете установили аппаратуру прослушивания, а «слухачи» устроились этажом выше. На следующий день ловушка сработала. Когда два человека в пять вечера пришли в кабинет Кузнецова за деньгами, полковник Стрелецкий довольно доложил Коржакову:

— Мышеловка захлопнулась.

Коржаков приказал действовать.

Через двадцать минут на выходе из Белого дома на втором контрольно-пропускном пункте заранее предупрежденная охрана задержала заместителя генерального директора Общественного российского телевидения Аркадия Евстафьева, бывшего

пресс-секретаря Чубайса, и генерального директора компании «ОРТ-реклама» Сергея Лисовского, организатора кампании «Голосуй или проиграешь». Самые известные артисты и музыканты ездили по стране, устраивали концерты и призывали молодежь голосовать за Ельцина.

После выборов президент собственноручно напишет на одном из предвыборных плакатов: «Сергею Лисовскому. Вы голосовали — мы выиграли. *Борис Ельцин*».

Лисовский держал в руках картонную коробку из-под ксероксной бумаги. Евстафьев его сопровождал.

Лисовского попросили предъявить пропуск на вынос материальных ценностей. Пропуска, естественно, не было. Вызвали понятых, вскрыли коробку. В ней лежало полмиллиона долларов наличными. Лисовского и Евстафьева повели на допрос.

Генерал Коржаков прекрасно знал и откуда брались деньги, и кому они предназначались. Все избирательные кампании в стране проводились с помощью «черного нала».

Во-первых, закон, установивший очень низкий уровень средств, которые кандидат мог использовать для агитации в свою пользу, обрекал кандидатов на его нарушение. Во-вторых, неучтенные наличные деньги циркулировали во всей экономике — зачем платить налоги, если их можно не платить? В-третьих, «черный нал» существует во всем мире — в 1999 году в Германии разразится скандал, когда выяснится, что бывший канцлер Гельмут Коль тайно получал от промышленников наличные деньги на предвыборную кампанию.

Почему же вдруг Коржаков решил разоблачить своих коллег по предвыборному штабу Ельцина?

Как станет потом известно, Служба безопасности подбирала материалы на всех, кто окружал президента. Скажем, Коржаков плохо относился к первому помощнику президента Виктору Илюшину, и за ним велась слежка, то есть формально — за женщиной, с которой Илюшин регулярно играл в теннис.

Оперативники Коржакова установили, что Илюшин вроде бы передавал ей какие-то документы, которые она просматривала в своей машине. Обнаружили и некоего гражданина Италии, который беседовал с этой женщиной до и после ее встреч с Илюшиным. Потом этот человек шел в квартиру, которая, по словам начальника отдела Службы безопасности полковника Валерия Стрелецкого, «была хорошо известна нашим спец-

службам. В ней жил... установленный разведчик ЦРУ». Но самое любопытное заключается в том, что за этой находкой ничего не последовало. Илюшин остался на своем месте.

Вероятно, такого рода оперативная информация накапливалась на всякий случай — с ее помощью можно было вывести из игры любую фигуру, даже самую крупную.

Можно предположить, что внезапное появление Александра Лебедя в президентском окружении сразу изменило баланс сил вокруг Ельцина — и не в пользу Коржакова. Становилось очевидным, что после победы Ельцина во втором туре позиции Чубайса и его команды невероятно окрепнут. А позиции коржаковской команды ослабнут.

Видимо, у генерала Коржакова сдали нервы. Возможно, он увидел, что если Ельцин убрал Грачева, то может убрать и его самого. Он решил сделать предупредительный выстрел. Он вовсе не собирался устраивать публичный скандал — понимал, что это ударит в первую очередь по Ельцину. Он хотел получить в руки крупный козырь против Чубайса. Это была схватка за влияние на президента.

Вначале все шло по плану. Коржаков позвонил своему другу Барсукову, директору Федеральной службы безопасности. Михаил Иванович поручил это дело начальнику управления Федеральной службы безопасности по Москве и Московской области генералу Анатолию Трофимову. Бывшие диссиденты были потрясены его назначением — помнили, как он, тогда следователь КГБ, вел дела «антисоветчиков».

Трофимов рьяно взялся за дело. Приехал следователь, стали допрашивать Евстафьева и Лисовского. От них требовали назвать имена тех, кто распоряжался этими деньгами.

Но дальше произошло непредвиденное. О задержании Евстафьева и Лисовского стало известно. Считается, что тревогу подняла охрана Сергея Лисовского.

Через три часа после их задержания Чубайс уже знал, что идет допрос. Для Чубайса и его команды это была тяжкая ночь. Все могло повернуться очень печально. Во всяком случае, они исходили из худшего варианта — в ФСБ им подберут уголовную статью, сделают соучастниками хищения валютных средств, посадят. Они собрались у Березовского, в Доме приемов «ЛогоВАЗа». Охрана Березовского установила, что за домом следят — предположительно сотрудники Федеральной службы безопасности.

Но Чубайса недаром называют самым гениальным менеджером России. Он не струсил, не испугался, а, напротив, ринулся в бой. Коржакову не следовало тягаться с Чубайсом. Анатолий Борисович сумел безвыходную, проигрышную ситуацию обратить в свою победу.

Он позвонил директору Федеральной службы безопасности Барсукову и разговаривал с ним очень жестко, так, словно был уверен в силе своей позиции. Чубайс требовал немедленно освободить задержанных, говорил, что Барсуков с Коржаковым предали президента. Барсуков явно потерял уверенность и засомневался, а не ошибся ли Коржаков, затеяв все это.

Чубайс позвонил и начальнику столичного управления госбезопасности генералу Трофимову. Тот говорил, что вообще ничего не знает и не стоит беспокоиться...

Чубайс связался с Лебедем и Черномырдиным. Виктор Степанович не спешил определить свою позицию. А Лебедь был рад каким-то образом прищемить хвост всесильному Коржакову. Включилась и дочь президента Татьяна Дьяченко, которая была возмущена действиями Коржакова и Барсукова.

Самым сильным ходом стало решение рассказать о происшедшем по телевидению — поздно вечером на НТВ с экстренным выпуском новостей появился Евгений Киселев:

— Страна на грани политической катастрофы!

Люди вздрогнули: неужели опять попытка переворота?

Люди узнали о провокации, затеянной ради того, чтобы сорвать второй тур выборов.

Полковник Стрелецкий первым сообразил, что ничего не получилось, и позвонил своему начальнику Коржакову:

— Александр Васильевич, время упущено. Видимо, сделать уже ничего не удастся.

Стрелецкому позвонил Барсуков. Полковник растерянно спросил его:

— Что делать будем, Михаил Иванович?

— Сухари сушить. Давай заканчивай, задокументируй все и отпускай их к чертовой матери. Утром будем разбираться.

Тон сотрудников Службы безопасности, которые допрашивали Евстафьева и Лисовского, сразу изменился: нам не надо скандала, ведите себя тихо. В четыре утра, оформив изъятие денег, Евстафьева и Лисовского отпустили.

ПРЕЗИДЕНТ ПЕРЕД ВЫБОРОМ

Чубайс успел заручиться поддержкой нового секретаря Совета безопасности Лебедя. Александр Лебедь, ошеломленный своим вознесением на вершину власти, едва ли понял, что случилось. Для него слишком много событий произошло в один день. Он явно не справлялся с ситуацией.

Но его слова насчет того, что «любой мятеж будет подавлен, и подавлен предельно жестоко», сказанные в четыре часа ночи в объектив телекамеры, прозвучали как твердое осуждение действий Коржакова и Барсукова.

Но, в конце концов, и это не имело особого значения. Все решала позиция Ельцина.

Царедворцы Коржаков и Барсуков ни у кого не вызывали симпатий. Челядь не любят. В общественном мнении они проиграли сразу. Сила их состояла в особой близости к президенту. Коржаков в любую минуту мог соединиться с президентом. Другие — нет. Трубку любого президентского аппарата снимал один из людей Коржакова.

Генерал не сомневался в поддержке президента. Не может же Борис Николаевич всерьез обидеться на своего настоящего и, может быть, единственного искреннего друга. Ну, в худшем случае отругает за то, что устроили ненужный шум, не сумели все сделать чисто и аккуратно. Коржаков и не понял масштабов разразившегося в стране скандала...

В восемь утра Ельцин выслушал Коржакова и Барсукова и вполне спокойно отнесся к их объяснениям. Но Ельцину сообщили, что Чубайс, который безуспешно пытался с ним связаться, уже назначил пресс-конференцию. Понятно было, что он скажет. Ельцин мог в один день потерять и всю команду, занимавшуюся выборами, и накануне второго тура стать действующим лицом скандала, губительного для его репутации.

В десять утра в президентском кабинете появился Анатолий Чубайс. Он говорил откровенно и, как всегда, убедительно. Объяснил, что деньги предназначались артистам, которые участвуют в акции «Голосуй или проиграешь». Иного способа заплатить артистам столько, сколько они стоят, нет. Коржаков прекрасно это знал и устроил эту провокацию, чтобы убрать его, Чубайса, и других — тех, кто работает в предвыборном штабе. А может быть, и вовсе для того, чтобы сорвать выборы. И почти добился своего.

Чубайс воспользовался этой историей, чтобы убедить Ельцина убрать Коржакова, Барсукова и Сосковца.

Ельцин оказался перед выбором: или он отказывается от Чубайса и его компании и в результате вполне может проиграть во втором туре, или он убирает Коржакова и его компанию и побеждает...

На самом деле никакого выбора у Ельцина не было. Он мог принять только одно политически правильное решение. И раздумывал он недолго. Все было предельно ясно. Вся его жизнь была подчинена одной цели — власти. И эмоции ему не мешали.

Но это был, пожалуй, первый случай, когда расставание с одним из подчиненных далось ему непросто: Коржаков был самым близким ему человеком. В определенном отношении он был ближе жены...

Президент велел Барсукову и Коржакову писать рапорты об отставке. Коржаков рассказывал потом, что они сочиняли их с улыбочками. Видимо, не верили, что это всерьез: погорячился — отойдет... Коржаков написал президенту письмо с просьбой принять их с Барсуковым и выслушать, передал через Анатолия Кузнецова, адъютанта президента. Борис Николаевич прочитал, спросил: где Коржаков? Сидит в своем кабинете в Кремле — был ответ. Президент приказал опечатать кабинет, отключить телефоны, отобрать машину и удостоверение.

ЧУБАЙС ТОРЖЕСТВУЕТ

Утром Ельцин представил Лебедя Совету безопасности и сказал, что решил уволить Сосковца, Барсукова и Коржакова. Он сказал на Совете безопасности:

— В целях усиления и обновления команды я освободил первого заместителя председателя правительства Олега Сосковца, руководителя Федеральной службы безопасности Михаила Барсукова и руководителя Службы безопасности президента Александра Коржакова. Надо менять кадры, чтобы были свежие люди. Все время меня упрекают за Барсукова, Коржакова, Сосковца. Разве президент должен за них работать?.. Никогда такого не бывало, чтобы я работал по подсказке Коржакова... Силовые структуры надо заменить: они слишком много стали на себя брать и слишком мало отдавать...

Выступал он безумно коряво, так что многие и не поняли, что именно он хотел сказать. Коржаков даже потом с издевкой рассказывал, что мама его упрекала: надо было с президентом делиться.

А Ельцин хотел сказать простую вещь — Коржаков и его друзья перестали быть полезными, стали обузой, жили за счет президентского авторитета. А зачем ему такие помощники?

Днем Чубайс устроил знаменитую пресс-конференцию, на которой говорил об опасности военного переворота, о том, что организаторы этой провокации целились в него.

Выступал Анатолий Борисович очень красноречиво:

— Речь идет о попытке ареста двух ключевых членов избирательного штаба Ельцина. Мне бы хотелось сказать о том, что само по себе это событие является завершающей стадией достаточно длительной и тяжелой борьбы — борьбы между той частью ельцинской администрации, которая работала на победу Ельцина в демократических выборах, и той частью ельцинской администрации, которая предпочитала выход на силовые решения.

По сути дела, сегодня уже можно с очевидностью сказать, что именно господа Сосковец, Коржаков, Барсуков были лидерами той части российской власти, которая возлагала свои надежды на силовые варианты решения выборных задач в России. Это проявлялось многократно в течение последнего времени. Собственно говоря, это проявлялось в то время, когда именно эта команда в феврале прошлого года была отстранена Ельциным от руководства избирательной кампанией. Однако они, что называется, не сложили руки и предприняли усилия для того, чтобы вновь подготовить условия для силовых действий в России.

Вы хорошо знаете о том, что некоторые из членов этой команды проговаривались и прямо говорили о том, что выборы в России надо переносить. Именно исходя из этой логики, для такой силы после первого тура выборов наступил критический момент.

Суть этого критического момента была связана прежде всего, собственно, с победой Бориса Ельцина в первом туре выборов, которая, по сути дела, сделала почти бессмысленными попытки перевода ситуации в силовое русло. А второе решение Ельцина, принятое через день после этого — решение о назначении генерала Лебедя секретарем Совета безопасности России, — лишило последних надежд сторонников силовых решений в российской власти.

Ельцин активно приступил к обновлению своей команды. Ельцин, как вы знаете, не ограничился решением по назначению Лебедя секретарем Совета безопасности — он приступил и к решению по обновлению руководителей силовых структур. Начал это с Павла Грачева. Неудивительно, что именно в этот момент для господ Коржакова, Барсукова и духовного отца — господина Сосковца стало очевидно, что надежд на сохранение их во власти без силовых решений не существует. С каждым днем, с каждым часом истекали последние надежды на силовое решение проблемы выборов в России.

Именно с этим я связываю ту безумную провокацию, на которую пошли эти господа в ночь со вчерашнего дня на сегодняшний, когда они сфабриковали провокацию, арестовали двух ключевых членов команды президента, работавших на выборы, добиваясь, как я полагаю, стратегических целей.

Ситуация развивалась непросто. Были в ней драматические моменты. Итог этой ситуации подвел президент Ельцин час назад. Как вы знаете, им принято решение об увольнении господина Сосковца, господина Коржакова и господина Барсукова с занимаемых постов.

Я бы особо отметил роль, которую сыграл в этом процессе вновь назначенный секретарь Совета безопасности Лебедь, который своей жесткостью, твердостью, способностью ясно и последовательно отстаивать те цели, которые изложены в его программе под названием «Правда и порядок», оказал важную поддержку Борису Ельцину в ключевой для него момент.

По сути дела, мы с вами стали свидетелями того, как вновь образованный политический союз не просто подтвердил свою работоспособность, а доказал, что именно в рамках этого союза российские власти способны преодолевать самые тяжелые, самые опасные кризисы власти на любых уровнях.

В моем представлении, три дня назад, когда Борис Ельцин назначил Лебедя секретарем Совета безопасности, был вбит последний гвоздь в крышку гроба истории российского коммунизма. Сегодня ночью и днем, когда Борис Ельцин принял решение об увольнении господ Сосковца, Барсукова и Коржакова, был вбит последний гвоздь в крышку гроба иллюзий по поводу военного переворота в российском государстве.

Для нас абсолютно очевидно, что это мощное, волевое решение президента еще раз доказывает уникальный политический потенциал этого человека, еще раз доказывает его потрясающую

способность глубоко и стратегически оценивать ежедневные события и принимать по ним абсолютно необходимые решения в абсолютно необходимый момент. Или — обобщая все то, что сказано, — с моей точки зрения, то, что произошло сегодня, означает неизбежную победу Ельцина во втором туре президентских выборов 3 июля этого года...

Чубайса, естественно, спросили, какие деньги выносили из Белого дома его помощник Евстафьев и активный участник президентской кампании Сергей Лисовский.

Анатолий Борисович, естественно, знал, как и Коржаков с Барсуковым, что это за деньги — ими из черной кассы оплачивались услуги участников борьбы за избрание Ельцина президентом.

Но говорил Чубайс другое:

— Я глубоко убежден в том, что так называемая коробка с деньгами является одним из традиционных элементов традиционной кагэбэшной советской провокации, опыт которых в нашей стране чрезвычайно велик. Мы хорошо знаем, как российским диссидентам, да и не только им, подбрасывались валюта, деньги. А недавно были свидетелями подобной ситуации с подбрасыванием наркотиков. К сожалению, это демонстрация тех методов, которые стали почти обыденными вновь для господ Барсукова и Коржакова. И я убежден в том, что эта провокация, эта фальсификация в ближайшее время будет на официальной основе правоохранительными органами полностью развеяна...

Въедливые иностранные корреспонденты спрашивали:

— Как вы объясните заявление сегодня утром Черномырдина насчет того, что службы безопасности действовали правильно, предотвратив незаконный вынос денег, которого, как вы говорите, не было?

Чубайс был готов ко всему:

— Если вы обратили внимание, то, о чем вы говорите как о заявлении Черномырдина, в действительности является не заявлением Черномырдина, а заявлением его пресс-секретаря господина Кононова, что не совсем одно и то же... Я бы просил вас обратить на это внимание...

Чубайс говорил виртуозно. Он не упустил случая восхвалить Ельцина:

— У президента, как нетрудно догадаться, сегодня была очень, очень непростая ночь. На его долю выпала очень тяжелая психологическая нагрузка. И скажу вам откровенно, я ожи-

дал увидеть Бориса Николаевича в не блестящей форме. Должен вам прямо сказать, что мой разговор с президентом, который состоялся сегодня, подтвердил не просто отличную форму президента, а самое главное — его уникальную способность к принятию самых тяжелых, самых трудных, но абсолютно точных решений в самый нужный для этого момент...

Ельцину, который держался из последних сил, пришлось отказаться от намеченной на те дни поездки во Францию. Чубайс не забыл отыграть и этот шар, сказав, что президент не поехал, потому что предчувствовал некую опасность:

— Хорошо известно, что Борис Николаевич, кроме собственного уникального политического опыта, обладает еще одним уникальным политическим свойством — интуицией... Я не исключаю, что Ельцин почувствовал что-то... Это — не покер и даже не шахматы, это чуть-чуть более серьезно. Цена вопроса — кровь. И к большому сожалению, мы в России знаем это очень хорошо. Это не та игра, к которой следует применять какие-то искусственные приемы.

Чубайс не скупился на комплименты Лебедю. Кто мог бы тогда подумать, что именно Анатолий Борисович осуществит операцию по изгнанию Александра Ивановича из власти?! Тогда он говорил о генерале исключительно в превосходной степени:

— Господин Лебедь не только сыграл ключевую роль сегодня ночью и проявил мужество и решительность, но и быстро вошел в свои должностные обязанности, исходя из этого он уже предпринял ряд абсолютно профессиональных действий по обеспечению полного контроля за ситуацией не только в России, но и в Москве... Я убежден в том, что, если даже кому-то из уволенных лидеров силовых структур придет в голову безумная мысль о применении силы, эта сила будет подавлена одним движением мизинца генерала Лебедя...

Чьи же это были деньги? Формально происхождение денег так и осталось загадкой. Новый Уголовный кодекс отменил ответственность за сделки с валютой, поэтому в январе 1997 года уголовное дело переквалифицировали — составом преступления были уже не незаконные валютные операции, а мошенничество. А в апреле генеральная прокуратура и вовсе закрыло дело «за отсутствием состава преступления».

Скуратов сообщил, что не установлен «источник, из которого были получены изъятые деньги. Факт причинения кому-либо

ущерба подтверждения не нашел. Не установлен и законный владелец указанной валюты».

Генеральный прокурор Юрий Скуратов, как считается, не стал раскручивать это дело, чтобы не повредить президенту и его команде. Летом 1999-го Скуратов, уже отлученный от должности, вспоминал:

«Меня попросили, чтобы эти материалы не стали достоянием общественности, чтобы вокруг не было поднято шумихи. Да, я сделал это, но не вижу здесь никакого нарушения закона: есть тайна следствия. Если же такое обращение трактовать как просьбу притормозить расследование, этого как раз сделано не было.

Ведь Чубайс что говорил? Что это гэбэшная провокация, что денег не было, что во всем виноваты Коржаков—Барсуков. Мы сказали, что Чубайс лжет, что деньги выносились — никуда не денешься. Другое дело, что нам не удалось привлечь этих лиц к уголовной ответственности.

По многим причинам. Во-первых, не было оперативной поддержки: спецслужбы здесь ничего не сделали. Нам не удалось пройти всю цепочку, установить следственным путем собственника денег: все от них открещивались. Во-вторых, Дума введением нового Уголовного кодекса декриминализировала этот состав преступления. Конечно, если бы удалось «раскрутить» это дело, был бы большой скандал. Наверное, то, что этого не получилось, объективно помогло президенту...»

МЕСТЬ КОРЖАКОВА ЧУБАЙСУ

Коржаков и его люди сумели все-таки напоследок устроить Чубайсу большую неприятность. Они передали журналистам оперативную запись очень откровенного разговора Чубайса с первым помощником президента Илюшиным в «Президент-отеле». Там располагался штаб предвыборной кампании Ельцина.

Запись разговора появилась в «Московском комсомольце», затем в книге полковника Валерия Стрелецкого, который руководил той операцией в Белом доме.

В разговоре участвовал Сергей Зверев из группы «Мост», один из видных членов президентской предвыборной команды. В комнату периодически заходил Сергей Красавченко, советник президента.

Вот как шел разговор:

«И л ю ш и н: Я шефу сказал, когда вчера с ним разговаривал. Я говорю: «Борис Николаевич, вот сейчас если захотеть, то около «Президент-отеля» можно поймать, как минимум, 15—20 человек, которые выносят спортивные сумки из нашего здания с деньгами». Он сидел с каменным лицом. Я говорю: «Потому что если мы будем перечислять деньги по неизвестным каналам, то выборы мы не сможем организовать. Поэтому у нас нет срывов сейчас пока, но организовать *(неразборчиво)* элементарно». — «Понимаю», — сказал президент.

Ч у б а й с: Люди за президента, мы голову подставим. В прямом смысле слова.

И л ю ш и н: Я предлагаю так. Вы, Анатолий Борисович, с ним разговаривайте, имея в виду свои некоторые детали. Я с шефом переговорю в понедельник тоже. Уже с точки зрения общей... Я ему, во-первых, доложу, что я повстречался. Я ведь у него разрешения спросил встретиться с силовиками. Я ему скажу, что встречи состоялись, и скажу, что нужно, по нашему мнению, указание Скуратова, что этих ребят не отдавать. И защитить, естественно, контролировать действия, чтобы они не провалились все.

Ч у б а й с: Я буду... звонить в это же самое время. Физическая позиция в том, чтобы изъять у Скуратова...

И л ю ш и н: Ну ладно. Я с ним переговорю в понедельник либо по телефону, либо приеду.

Ч у б а й с: Это очень важно — будет ли он на даче или на работе. На работе я с ним свяжусь по прямому, а на даче я не свяжусь. Тогда давайте в одну точку, Виктор Васильевич. То, что вы хотели сказать... защитить ребят. ФСБ дать команду защитить, Крапивину дать команду защитить, чтобы они знали, что приказывает президент. А вот по генпрокурору просьба затребовать у него полный комплект документов для... президента.

И л ю ш и н: И хранить у себя...

Ч у б а й с: Наши товарищи делали нашу работу, брали на себя самую рискованную ее часть, подставляли свою башку...

З в е р е в: Надо задачи как бы на две части разделить: шум вокруг этого из-за выборов. И личная безопасность этих трудящихся тоже, наверное, должна быть как-то обеспечена.

И л ю ш и н: Я разговаривал на эту тему, только лишь имея в виду — до выборов. Как дальше, скажу честно, я особенно

речи не вел, потому что убежден в том, что там нам всем выбираться придется самим. Большой помощи я не предлагаю.

З в е р е в: При положительных результатах выборов будут шансы выбраться.

Ч у б а й с: Но есть же простые вещи! Ну ни фига себе! Они башку подставляют свою, а мы им сейчас скажем: «Извини, после 3-го выбирайся сам». Куда это годится?! Я не согласен с этим категорически. Люди ходят под статьей! Да, распределились так, что Илюшин, Чубайс здесь, а они там. Но мы же их туда послали! Не кто-то!

И л ю ш и н: Значит, будем действовать в этом направлении.

Ч у б а й с: Да мы головой отвечаем за это! Да как я в глаза буду смотреть?! Вы что?!

И л ю ш и н: Я согласен с такой постановкой.

Ч у б а й с: Что получится: значит, свое дело сделали, а дальше мы как бы разошлись. А дальше — ну дали тебе пять лет, ну извини, бывает, с кем не случается.

И л ю ш и н: Нет, я, может, не вел на эту тему разговор, но я полностью разделяю эту позицию, и в данном случае я, может быть, не очень верно сориентировался. Конечно же обязательно об этом продолжу разговор, в частности со Скуратовым. Это правильно.

Ч у б а й с: Есть исходный вопрос: а следует ли нам препятствовать переходу документов к Скуратову?

И л ю ш и н: А мы ничего не сможем сделать. Когда мне вчера Трофимов (начальник управления ФСБ по Москве. — *Л.М.*) позвонил, он сказал, что я обязан передать документы.

Ч у б а й с: Трофимову не верю, ни одному слову вообще.

И л ю ш и н: Со Скуратовым когда я сегодня разговаривал, я не задавал вопросов. Он сказал, что сегодня все документы будут переданы ему.

Ч у б а й с: Трофимов организовывал все лично. С Трофимовым я разговаривал в час ночи, в момент, когда все это происходило. Он мне врал, что они не знают, кто такой Лисовский, а Евстафьев, может быть, немножко задержался, но его сейчас отпустят... Трофимов по ту сторону баррикад, у меня нет никаких сомнений. Не знаю, какие у него отношения были с Барсуковым, но то, что это враг, который хотел уничтожить нас, у меня сомнений нет. По его поведению это было совершенно очевидно. У меня прямой разговор был с ним в час ночи. Было совершенно ясно, какую позицию он держит.

И л ю ш и н: Но мы не сможем воспрепятствовать передаче материалов в прокуратуру, если прокуратура их затребует.

Ч у б а й с: В прокуратуре же Илюхин (председатель комитета Думы по безопасности, один из лидеров КПРФ. — *Л.М.*) как у себя дома.

И л ю ш и н: А если я попрошу Скуратова держать у себя документы?..

(Илюшин по телефону звонит Скуратову.)

Ч у б а й с: Начните с того, что попросите его перенести передачу материалов.

И л ю ш и н: Юрий Ильич, вот какой вопрос возник: можно было бы сделать таким образом, чтобы документы, которые вам придут от Трофимова, ни к кому, кроме вас, в ближайшее время не попали? И чтобы они у вас некоторое время полежали до совета с Борисом Николаевичем, после того как вы с ними ознакомитесь лично?.. Надо именно так и сделать, потому что у нас есть сведения опасаться того, что это очень быстро перетечет, если кто-то у вас будет заниматься другой, в стан наших противников... Да, пусть это лучше полежит у вас лично, и никому не передавайте в производство. А потом подумаем, ладно? Потому что нам это нежелательно.

Ч у б а й с: Что, если вторым шагом попросить Бориса Николаевича...

И л ю ш и н: Вообще похоронить?

Ч у б а й с: Нет, затребовать у Скуратова документы себе на анализ. Затребовать полный комплект документов.

И л ю ш и н: Понимаете, у меня отношения тоже с ним такие... официальные. Я не могу сказать то, что я могу сказать любому.

Ч у б а й с: У Скуратова в принципе позиция нормальная. Но дело не в нем. В прокуратуре в целом.

И л ю ш и н: Тем более хорошо, что мы все эти дела упредили.

Ч у б а й с: Надо найти выходы на Барсукова и Коржакова и объяснить им ясно и однозначно ситуацию: либо они ведут себя по-человечески, либо будем сажать. Потому что это продолжение борьбы сейчас на острие приведет просто к...

И л ю ш и н: Они не успокоились, да?

Ч у б а й с: Вы же видите — информация проходит! Откуда же еще?..»

Прочитав в «Московском комсомольце» эту расшифровку, многие были потрясены: вот, значит, как делается большая политика? Илюшин и Чубайс оказались еще и наивными — не подумали, что их могут прослушивать.

Потом я спросил Евгения Савостьянова, который до Трофимова возглавлял столичное управление госбезопасности, а потом стал заместителем Чубайса в администрации президента: как же запись такого предельно откровенного разговора стала достоянием общественности?

— А, разговор в «Президент-отеле»? Это, как я считаю, яркий пример махинаций Службы безопасности президента, которая была полностью в курсе всех вопросов, без которой ни один вопрос не решался и которая одновременно пыталась собирать грязь на своих коллег. Это уже личная склонность Коржакова к интриге и стремление продвинуться ценой гибели тех, кто работает рядом с тобой...

Конечно, всю эту историю с картонной коробкой, набитой долларами, долго еще поминали с раздражением и брезгливостью. Но если вдуматься, то эти полмиллиона долларов не такая уж большая цена за демократию. Альтернативой была отмена президентских выборов, чрезвычайное положение, танки на улицах... Тогда, в 1996 году, у Ельцина был выбор. Он мог не рисковать своим положением, не мучить свое больное сердце поездками по стране и танцами с молодежью на сцене. Достаточно было прислушаться к Коржакову и отменить выборы. Ельцин мог получить все голоса даром — с помощью танков, спецназа и госбезопасности, а он старался их купить.

ПРЕЗИДЕНТ ОПЯТЬ ИСЧЕЗ

Накануне второго тура голосования Зюганов рассказал, что он намерен в случае победы сформировать правительство национального доверия. Он предложил войти в такое правительство Егору Строеву, Юрию Лужкову, Григорию Явлинскому, Александру Лебедю, президенту Башкирии Муртазе Рахимову, губернатору Новосибирска Виталию Мухе. Все отказались. Это был неблагоприятный сигнал для Зюганова.

Но самое ужасное состояло в том, что перед вторым туром у Ельцина произошел второй инфаркт.

Ельцин держался до последнего, не подавал вида, что ему совсем плохо. Но сердце не выдерживало таких нагрузок.

Его болезнь тщательно скрывали, но чем было объяснить внезапное исчезновение президента? Его нельзя было даже показать по телевидению. Администрация отменила все встречи. Новый пресс-секретарь президента Сергей Ястржембский демонстрировал чудеса изобретательности, рассказывая о напряженной работе Ельцина с документами.

Ястржембский произвел на страну самое благоприятное впечатление — сравнительно молодой, деятельный человек с оптимистическим складом характера. У него сильный, но интеллигентный голос, хорошая речь. Сначала, подставленный под объективы множества телекамер, он сильно волновался, потом почувствовал себя уверенно.

В Кремль он перебрался из Словакии. Сергей Ястржембский был самым молодым российским послом в самой молодой стране, только что провозгласившей независимость. В Братиславе российское посольство — удивительное дело! — пользовалось большей популярностью, чем американское. Сливки словацкого общества собирались у обаятельного и уверенного в себе российского посла.

В Братиславе Сергей Ястржембский вел себя совсем не так, как обычный посол, был прост и доступен, демонстрировал презрение к чинопочитанию, сам водил машину. И даже кабинет выбрал себе небольшой, как он мне сказал, «отвечающий моим представлениям о разумной достаточности».

В Кремле у него кабинет был побольше и очень уютный. Ему достался письменный стол, за которым когда-то сидел еще советский президент Михаил Иванович Калинин. А массивная приставная тумба — и вовсе музейный экспонат: это единственное, что осталось от Лаврентия Павловича Берия, который некогда тоже обитал в Кремле.

Я спрашивал тогда Сергея Ястржембского:

— Ты попал в Кремль в неудачное время, когда президент заболел, исчез. Тебе задавали очень неприятные вопросы. Ты спокойно пережил это?

— Назначение было для меня неожиданным. Я попал не то что с корабля на бал... Балом тут и не пахло. Ситуация была стрессовая. Физически и нервно...

Сергей Ястржембский выразился дипломатично.

Казалось, все рушится. Если страна поймет, в чем дело, люди не проголосуют за тяжело больного человека, и победит Зюганов. Тем не менее страна уже сделала свой выбор. В воскресенье 3 июля на втором туре голосования Борис Николаевич получил 53,82 процента голосов, Геннадий Андреевич — 40,3 процента. Одержав победу на выборах, президент Ельцин представил убедительное свидетельство своего политического здоровья. Но теперь окружающий мир был обеспокоен его физическим здоровьем.

Инаугурацию предполагалось провести на Соборной площади в Кремле под звон колоколов и пение од. Пришлось сократить всю церемонию до получаса. 9 августа Ельцин с трудом появился на публике, прочитал по телесуфлеру слова президентской клятвы и опять исчез. В день инаугурации страна увидела тяжело больного человека, который еле держался на ногах. Сидевшие в зале видели слезы на глазах его дочери Татьяны Дьяченко.

5 сентября страна узнала, что Ельцин страдает ишемической болезнью сердца и нуждается в серьезной операции. Это вызвало большое разочарование. Выходит, проголосовали за тяжело больного человека. И еще не известно, чем закончится операция. Такой была реакция обычных людей.

Но для политиков тяжелая болезнь Ельцина, грядущая операция с неясным исходом открывали неожиданные возможности. Так, может быть, в ближайшее время понадобятся новые выборы? И все взоры устремились на Лебедя. Вот человек, который на сей раз постарается не упустить власть. Тем более, что сам Александр Иванович выражался ясно и определенно: «Власть никто не может дать. Ее берут твердой рукой и держат».

Еще до болезни Ельцина шли разговоры о том, что Лебедь попытается при удобной ситуации захватить власть. Александр Иванович поспешил высказаться на сей счет:

— Президент, думаю, знает, что в моей биографии нет ни одного случая, когда бы я нарушил свое слово. Мои амбиции никогда не превышали реальностей. А они сегодня таковы. После первого тура выборов, оказавшись на третьем месте, я могу забыть о притязаниях на этот пост, как минимум, до выборов двухтысячного года. Каждый баран должен носить свои рога — эта грубоватая формулировка несет в себе глубокий житейский смысл...

За два дня до второго тура выборов появилось интервью Ельцина Интерфаксу. Среди прочего Ельцина спросили: а не отправит ли он Лебедя в отставку после второго тура выборов? Писавшие текст интервью сотрудники президента ответили от его имени так: «Под указом о назначении Александра Лебедя стоит не одна моя подпись. Считаю, что рядом стоят подписи тех миллионов избирателей, которые проголосовали за него 16 июня. Их доверие обмануть нельзя. Уверен, Александр Иванович пришел всерьез и надолго».

Но операция, которая ждала Ельцина, меняла ситуацию.

Тем более, что и позиции Лебедя изменились. Он заключил мир в Чечне, закончил войну.

Лебедю досталась не та должность. Роман с Лебедем оказался очень коротким. Александр Лебедь допустил большую ошибку, согласившись по наивности занять должность, которая не отвечала ни его политическому темпераменту, ни его долгосрочным целям.

Помощник президента и секретарь Совета безопасности — это по определению безвластная должность. Александр Лебедь же стремился к власти, чтобы доказать, на что он способен.

Аппарат Совета безопасности разместился в одном из бывших зданий ЦК КПСС, известном тем, что там до августовского путча находился аппарат ЦК компартии РСФСР. Совету безопасности отдали помещения на тех этажах, где находилась военно-промышленная комиссия ЦК. Эти комнаты, уверяют специалисты, надежно защищены от прослушивания. Любой посетитель Совета должен был миновать тройной кордон — у ворот комплекса, при входе в здание и при выходе из лифта на нужном этаже.

Охрану КГБ в этом здании заменили люди в штатском, но нравы остались прежними: проголодавшийся посетитель может заглянуть в буфет, но в столовую охрана пускала только по отдельным пропускам.

Скучные кабинеты сотрудников аппарата Совета безопасности обставили все той же цековской канцелярской мебелью, на окнах все те же белые занавески. Главное отличие состояло в том, что в кабинетах установили компьютеры, подключенные к закрытым правительственным информационным сетям. И появилась — по американскому образцу — ситуационная комната, где можно заседать в случае кризиса: здесь есть все виды связи.

Но в общем ничего особо таинственного в работе Совете безопасности никогда не было. По коридорам тоскливо броди-

ли такие же люди, как и в любом госучреждении, курили в отведенных для этого местах, жаловались на низкую зарплату и жадно прислушивались к слухам.

Как аналитический центр, способный облегчить президенту принятие ключевых решений, Совет безопасности за все эти годы никак себя не проявил. Возможно, в силу ограниченности интеллектуальных ресурсов аппарата Совета.

Надо еще иметь в виду, что сам по себе аппарат российского Совета безопасности фактически недееспособен. Он постоянно перестраивался и реорганизовывался. Сотрудники аппарата были заняты исключительно устройством личных дел и с испугом или безразличием ожидали очередного приказа о выводе всех за штат.

Иностранцы считали российский Совет безопасности новым политбюро, которое стоит выше правительства и втайне принимает ключевые решения. Или просто называли Совет безопасности тайным правительством, которое принимает все основные решения.

На самом деле есть как бы два Совета безопасности. Один — это учреждение, входящее в администрацию президента. Другой — просто собрание высших должностных лиц государства, которые нашли удобное название для своих заседаний по секретным делам.

Когда Борису Ельцину надо было обсудить какое-то сложное и опасное дело (скажем, военную операцию в Чечне), он собирал ключевых министров, и это называлось заседанием Совета безопасности. Но к работе самого Совета безопасности такое закрытое совещание обычно никакого отношения не имело.

После назначения Лебедя заседание Совета безопасности проходило только один раз, когда его представляли.

Со стороны казалось, что здесь находится один из центров власти, но работники аппарата властью себя не чувствовали. Сотрудники аппарата Совета в кулуарах жаловались, что настоящая власть — в руках ближайшего окружения президента, и что сам секретарь Совета безопасности отрезан от президента, и что его предложения просто не доходят до Ельцина.

Видимо, поэтому Александр Лебедь предусмотрительно прибавил к посту секретаря Совета еще и должность помощника президента, чтобы иметь гарантированный постоянный доступ к Борису Ельцину.

Самым логичным было бы назначить Александра Лебедя министром обороны. И он был бы на месте, и полномочий было бы у него предостаточно. Но его соблазнили пышной, красиво звучащей, но отрезанной от рычагов управления должностью. Почему он согласился? Должность вроде выше министерской, а тогда он еще не знал, где есть реальная власть, а где ее нет.

С самого начала было ясно, что Александр Лебедь не удовлетворится такой ролью. Он хотел сам принимать решения и проводить их в жизнь. В таком случае Совет безопасности вместо того, чтобы давать советы президенту, должен был заменять собой правительство. Так и получилось. Александру Лебедю понадобились дополнительные полномочия для работы в Чечне, а министр внутренних дел Анатолий Куликов все равно отказался ему подчиняться.

Тогда Лебедь вышел за пределы своих полномочий. Он пытался самостоятельно расставлять кадры и подписал с чеченцами документы, подписывать которые ему явно не по чину. Он решил, что в нашей стране не только суверенитета, но и власти берут столько, сколько смогут.

И очень быстро стала очевидной шаткость позиций Лебедя.

ХАСАВЮРТСКИЙ МИР

После второго тура президентских выборов боевые действия в Чечне возобновились. Военные обещали до конца года, если им не помешают, добить врага.

Но 6 августа в половине шестого утра в Грозный вошли отряды боевиков общей численностью около трех тысяч человек. Военные знали о возможности штурма, но не приняли предупреждение всерьез. Накануне из города — для проведения боевой операции — была выведена часть сил. Федеральные войска понесли большие потери, были раздроблены и блокированы в разных частях города. Только на шестой день боев федеральные войска прорвались к осажденным. Новый министр обороны Игорь Родионов действовал крайне неуверенно.

10 августа Ельцин объявил днем траура в связи с потерями в Чечне и назначил Лебедя своим представителем в Чечне.

Лебедь прилетел в Дагестан, оттуда добрался до Чечни и ночью в селе Старые Атаги встретился с начальником штаба чеченских сил Асланом Масхадовым. Это была опасная поезд-

ка, но мужества и храбрости Лебедю не занимать. Он договорился с Масхадовым о прекращении боевых действий.

Лебедь говорил:

— Нищая страна с полуразваленной экономикой не может позволить себе роскошь вести войну.

14 августа Ельцин принял Лебедя и одобрил его мирный план. На следующий день Лебедь встретился с Масхадовым и президентом Чечни Яндарбиевым в районе села Старые Атаги.

Вернувшись на следующий день в Москву, Лебедь назвал виновником трагедии в Чечне и противником мирного урегулирования министра внутренних дел Анатолия Куликова. Он призвал президента сделать выбор между ним и Куликовым:

— Два пернатых в одной берлоге жить не могут.

17 августа командующий федеральными силами генерал Константин Пуликовский подписал приказ о прекращении боевых действий на территории Чечни. А потом опять начались боевые действия. За августовские дни в Грозном погибло около пятисот солдат федеральных войск.

21 августа Лебедь в Чечне подписал вместе с Масхадовым документ об отводе войск и прекращении боевых действий.

Лебедь говорил о том, что усталые, равнодушные солдаты не могут и не хотят продолжать войну:

— Война будет прекращена, а те, кто будет мешать этому, будут отстранены.

На второй встрече с чеченцами Лебедь говорил:

— Я считаю, что это неправильно, когда лучшие солдаты убивают друг друга в грешной войне ни из-за чего. И нет здесь военного решения проблемы данного народа... Врагов у меня серьезных в Москве, есть подозрение, побольше, чем у вас. И все хотят, чтобы война не прекратилась. Все желают мне политического поражения.

30 августа в Хасавюрте Лебедь и Масхадов подписали совместное заявление «о принципах дальнейшего переговорного процесса». Договорились, что политическое соглашение о Чечне будет подписано до 31 декабря 2001 года.

Глава правительства Виктор Черномырдин одобрил действия Лебедя. Военные считали это предательством. В аппарате правительства и президентской администрации говорили, что Лебедь вышел за рамки своих полномочий и подписал то, что не имел права подписывать. Но теперь ничего нельзя поделать...

Доку Завгаев сказал, что Лебедь совершил государственный переворот в Чечне и сдал Грозный бандитским формированиям. Его заместитель Николай Кошман вспоминал позднее:

— В Грозном боевики сразу стали ездить на бэтээрах и кричать «Аллах акбар!». Хасавюртское соглашение превратилось в нашу капитуляцию. Нас оттуда выгнали.

1 октября начальник главного штаба вооруженных формирований чеченской оппозиции Масхадов заявил по телевидению:

— Как только российские войска уйдут, мы построим исламское государство.

2 октября в Государственной Думе министр внутренних дел Анатолий Куликов назвал хасавюртские соглашения лживыми — они выгодны только тем силам, которые стремятся уничтожить Россию. Куликов вел свою маленькую войну с Лебедем.

Выяснилось, что за машиной Лебедя ведется слежка. Генерал приказал узнать, кто этим занимается. Его охрана задержала четырех лейтенантов, сотрудников 9-го отдела оперативно-поискового управления МВД. У них отобрали оружие и видеоаппаратуру, да еще Лебедь велел показать их по телевидению.

Министр внутренних дел устроил пресс-конференцию и сказал на ней, что боевики не одерживали победу над федеральными силами в Грозном в августе:

— Был налет на город по типу буденновского, были те, кто разными способами содействовал успеху этого налета, и был достойный отпор, был полный контроль над ситуацией к моменту, когда начались крики о поражении и необходимости кого-то от чего-то спасать... Поэтому когда секретарь Совета безопасности ставит себе в заслугу то, что он предотвратил захват в плен тысячи российских военнослужащих и их позорное шествие под конвоем боевиков на глазах у всего мира, то он лжет. Лжет сознательно и осмысленно.

ЛЕБЕДЬ: «РАЗВЕ Я НЕ ПРАВ?..»

Когда Ельцин выбыл из активной политики, его фактически заменил Анатолий Чубайс, возглавивший президентскую администрацию. Чубайс рассказывал мне потом, что отчаянно сопротивлялся назначению:

— На всех предыдущих должностях у меня была очень содержательная работа. Были серьезные экономические проблемы,

для решения которых я вынужден был использовать политические методы, иногда весьма сомнительного свойства. Теперь все содержание моей работы состоит из такого рода политики. Мне это не нравится. Но я предлагал другого человека на пост руководителя администрации — Игоря Малашенко. Я написал секретное письмо Ельцину, где изложил все положительные его стороны и написал, как преодолеть негативные, которых очень немного. Ельцин согласился, а Малашенко отказался, и даже Гусинский не смог его переубедить. Тогда уж мне пришлось...

Чубайса обвиняли в узурпации власти, называли регентом, говорили, что он не имеет права руководить страной. Никто не думал о том, в каком сложном положении он оказался. Он должен был обеспечить исправную работу государственного механизма в тот момент, когда президент сам действовать не способен, но и свои полномочия никому не передоверяет. И Чубайс с этим справился. Он удерживал корабль на плаву до тех пор, пока Ельцин не обрел способность контролировать своих подчиненных. Чубайс один заменил Ельцину целую команду, потому что Анатолий Борисович обладает фантастической работоспособностью.

Он, конечно, возбудил против себя дикую ненависть среди политических противников.

«Насколько я понимаю, — пишет Борис Федоров, — вся личная жизнь Чубайса, вся его работа были многократно проанализированы противниками с использованием всего арсенала средств, доступных спецслужбам. Мне говорили, что допрашивали и пытались купить даже водителей и секретарей, которые работали с Чубайсом несколько лет назад. Ничего серьезного не нашли. Вопреки легендам даже мощные службы безопасности олигархов не нашли доказательств коррупции...»

У Лебедя не сложились отношения ни с главой правительства Черномырдиным, ни с руководителем президентской администрации Чубайсом. Черномырдина Лебедь не очень уважал, а вот Чубайс оказался для него крепким орешком.

Лебедя президент не принимал, ему предлагалось обращаться к президенту в письменном виде.

Лебедь возмутился тем, что стал получать поручения президента с факсимильной подписью Ельцина, о подготовке которых он ничего не знал. Тем самым Лебедь давал понять, что Ельцину эти документы даже не показывали, потому что тот не способен их подписать.

7 сентября 1996 года Лебедь дал интервью известному немецкому журналу «Штерн». Немецкие журналисты расспрашивали его о ходе чеченской войны, о том, кто давал войскам приказы, подчинялись ли командиры Москве или же действовали на свой страх и риск.

Лебедь пренебрежительно ответил:

— Большинство решений принимались в Москве. Как в анекдоте из брежневского времени: сегодня, после тяжелой и продолжительной болезни, не приходя в сознание, генеральный секретарь приступил к исполнению своих служебных обязанностей. В таком состоянии и принимаются сегодня решения в Москве.

Немецкие журналисты были несколько удивлены:

— Это звучит не очень лестно для Ельцина. До того, как вы на президентских выборах перешли на сторону Ельцина, вы говорили, что ваш нынешний шеф — старый, больной партийный функционер, который уже выполнил свою историческую задачу.

— Разве я не прав оказался?

— Вы также говорили, что ему пора уйти.

Лебедь повторил еще раз:

— Разве я не прав оказался?

КАК УБИРАЛИ ЛЕБЕДЯ

25 сентября консилиум с участием американского хирурга профессора Майкла Дебейки признал операцию необходимой примерно через два месяца.

4 октября Лебедя наконец принял Ельцин и уделил ему 28 минут. Это было до операции. Борис Николаевич выглядел ужасно. Лебедь, видимо, решил, что Ельцину недолго осталось руководить страной. С этой минуты он исходил из того, что надо готовиться взять управление государством на себя. Мысль о том, что президент может выздороветь, им отвергалась.

Лебедь говорил журналистам:

— Надо просто менять систему. Надо менять людей. Надо менять исполнителей. Вот я к этому готовлюсь — менять систему и менять исполнителей.

— А когда же вы предполагаете стать президентом? — спросили тогда Лебедя.

— Это как карта ляжет, — ответил он.

Лебедь и не подозревал, что в окружении Ельцина уже давно решили его убрать. Только сделать это было непросто.

В один из последних октябрьских дней 1996 года, уже после увольнения Лебедя, я беседовал в Кремле с человеком, занимавшим тогда один из высших постов. К сожалению, я и по сей день связан обязательством не называть его имя. Но он раскрыл мне весь механизм интриги вокруг Лебедя:

— Поступить иначе мы не могли. Лебедь сделал ставку на досрочный приход к власти. Он видел Ельцина в худшие дни перед инаугурацией, когда самочувствие президента было на крайне низкой точке. Потом долгое время президент его не принимал, а окружение Лебедя сообщало ему, что президент уже на смертном одре, — все бумаги на самом деле подписывает Чубайс. И Лебедь решил, что вот-вот дорога ему откроется...

В окружении Ельцина считали, что Лебедь сознательно шел на обострение, чтобы иметь повод в решительный момент выйти на площадь, присоединиться к бунтующему народу и повести его на Кремль. Сотрудники администрации уверяли, что им было известно о контактах Лебедя с силовыми структурами — не на уровне первых лиц, а на уровне третьих-четвертых — с десантниками, со спецназом, с военной разведкой. Эти люди выражали ему поддержку и были готовы за ним пойти.

В Кремле опасались, что Лебедь выступит в худший день для власти — в момент какой-нибудь всеобщей забастовки он внезапно бросит на чашу весов свои связи в силовых структурах и совершит военный переворот.

А были ли основания подозревать Лебедя в том, что он способен совершить подобное?

Мой кремлевский собеседник ответил так:

— Он человек, который пойдет на все. Вернувшись после подписания документов с чеченцами, он приехал ко мне сразу с самолета еще разгоряченный. Я стал расспрашивать его о том, что будет потом. Он, среди прочего, говорит: надо готовить киллеров. Для чего? Да с этими людьми — Яндарбиевым, Масхадовым — дело же иметь нельзя. Придется решать вопрос... Я человек не наивный в политике, но внутренне содрогнулся...

Мой собеседник был исключительно высокого мнения о талантах Александра Ивановича:

— У Лебедя поразительное политическое чутье и интуиция. Поразительная интуиция. Я несколько раз подталкивал его к ошибке, но он всякий раз уходил. Он почти не сделал ошибок...

Но повод его уволить все-таки нашелся.

Ельцин передал Юрию Батурину, секретарю Совета обороны, право руководить комиссией по высшим воинским должностям и высшим воинским званиям. Иначе говоря, Лебедя лишили возможности раздавать генеральские погоны. Это было очень обидно и лишало важнейшего рычага влияния на армию и силовые ведомства. Обозленный Лебедь позвонил главе администрации Чубайсу, обложил матом и сказал:

— Все, я с вами дела иметь не буду. Я найду настоящих мужиков.

Лебедь сгоряча написал заявление об отставке, правда, не отдал его президенту, но в Кремле исходили из того, что он это сделал. Теперь нужен был только повод.

15 октября на заседании военного совета воздушно-десантных войск Лебедь раскритиковал решение министра обороны Родионова сократить воздушно-десантные войска. Когда Лебедь выходил из зала, все офицеры встали.

16 октября министр внутренних дел Куликов заявил на пресс-конференции, что Лебедь намерен захватить власть. Он пытается сформировать пятидесятитысячный «Русский легион». Министр говорил, что у него информация относительно того, что чеченцы обещали Лебедю прислать полторы тысячи боевиков для прихода к власти.

Это и был заранее организованный повод, который позволял убрать Лебедя.

Александр Иванович не понимал, что происходит. Он собрал журналистов, чтобы опровергнуть все обвинения. Он говорил, что его «уже три недели пытаются втянуть в подковерную борьбу за власть». Почему его критикует Куликов? Лебедь сказал, что он отправил Ельцину документ с оценкой деятельности должностных лиц, ответственных за события в Грозном в августе: «Главным бездействующим и безответственным лицом в данном документе назван Анатолий Сергеевич Куликов».

17 октября с Лебедем встретился глава правительства Черномырдин. Лебедь принес документы, опровергающие заявление Куликова. Кроме того, направил письменный доклад президенту, попросил о личной встрече. Встречи не последовало. Трубку президентского телефона снимал дежурный.

17 октября Ельцин уволил Лебедя. Выступая по телевидению, президент сказал:

— Он просил у меня некоторое время назад об отставке. Я ему сказал, что надо научиться работать в контакте со всеми государственными организациями и руководителями. Надо научиться — тогда будет легче решать вам проблемы. А так — ни одной проблемы, если вы будете в ссоре со всеми, не решить. Я отставку не принял, считая, что он все-таки сделает выводы. Выводы он не сделал... Мало того, он за это время допустил ряд ошибок, которые просто недопустимы для России. Создается какая-то предвыборная гонка. Еще выборы в 2000 году, а уже сейчас создается такая обстановка, что, значит, все на выборы. Конечно, терпеть такую обстановку больше нельзя...

В 18.00 был обнародован указ о его освобождении от должности. В 18.01 у него отключили всю связь. Планировалось так, что в 18.00 Лебедь выйдет из кабинета, а вернуться уже не сможет. Но Лебедя за полчаса предупредили об указе, и он еще полтора часа находился в кабинете и мог разобраться со своими архивами.

Были предусмотрены все варианты действий. В том числе такой, что Лебедь заявит: я указ не признаю, пока меня не примет президент, а пока что созываю моих сторонников собраться у Кремля и приказываю верным мне частям взяться за оружие. В администрации президента хотели сделать так, чтобы не повторилась история с Коржаковым, после ухода которого исчез архив Службы безопасности президента. Но было два варианта: либо арестовать Лебедя, либо позволить ему уйти с документами. У Лебедя трое официальных охранников и полсотни людей с оружием, которые нигде не числятся. В окружении Ельцина выбрали второе, чтобы избежать крови...

Александр Иванович до конца не верил, что с ним так могут поступить. Лебедь казался одним из самых влиятельных людей в России, многие были уверены, что он наследует Ельцину, что если пройдут досрочные выборы, то именно он победит, а он в один день был выброшен из политики. Когда Лебедь это осознал, это было, наверное, тяжким для него ударом.

Генеральный прокурор Юрий Скуратов, уже отстраненный от должности, расскажет со временем, что с ним «заводили в свое время разговоры об аресте Лебедя, когда его отстраняли. Я на это не пошел». Проверяли и обвинения тогдашнего министра внутренних дел Анатолия Куликова относительно подготовки Лебедем переворота, создания «Русского легиона».

Генеральная прокуратура пришла к выводу, что деятельность Лебедя на посту секретаря Совета безопасности не противоречила российскому законодательству. Но Куликов тогда получил повышение, стал вице-премьером.

После операции Лебедь покинул Кремль, но он не ушел из политики. Мой кремлевский собеседник говорил:

— У него сейчас в стране шестьдесят девять процентов поддержки. Если выборы будут досрочными, он победит. Если через четыре года, то неизвестно...

Теперь все зависело от исхода операции и от того, как скоро Ельцин встанет на ноги. За несколько дней до операции у меня была возможность спросить Анатолия Чубайса о состоянии здоровья Ельцина.

— Перед инаугурацией было совсем плохо, общение было затруднено, — честно ответил Анатолий Борисович. — Теперь задача — постепенно поднять показатели, необходимые для операции. Американский хирург Дебейки, выйдя после осмотра президента, сказал с облегчением: все не так плохо, как я думал, операцию можно делать. Врачи говорят мне, что я срываю их работу. Одна встреча Ельцина с кем-то снижает все показатели, которые они с трудом улучшают. Я планирую как можно меньше встреч, но, скажем, президент Лукашенко добился пятиминутного разговора по телефону и тут же сказал: надо бы встретиться. Раз надо, значит, надо, соглашается Ельцин. Тут же мне указание: вставить в расписание встречу с Лукашенко. Почту он получает в прежнем объеме, все читает и возвращает мне с резолюциями...

5 ноября бригада хирургов во главе с профессором Ринатом Акчуриным сделала Ельцину удачную операцию аорто-коронарного шунтирования. Она продолжалась семь часов, еще несколько часов президент находился под действием наркоза.

7 ноября в обращении к россиянам Ельцин сказал: «Рад сообщить вам, что операция прошла успешно. Я вновь вернулся к работе. Как я вам и обещал, ситуация в стране была под контролем».

Все гадали, каким появится президент после операции, но в целом считали, что худшее позади. Он оправится и начнет работать. Но в январе 1997 года у Ельцина началось сильное воспаление легких, и с того времени он, по существу, переходил из одной хворобы в другую.

Я спрашивал тогдашнего помощника президента Георгия Сатарова:

— Когда вы почувствовали, что он перешел в стадию одряхления, превратился в постоянно болеющего человека?

— Как ни странно, не после самой операции, а после простуды, которую он подхватил уже после операции. Помните, он вышел после операции, какое-то время все шло, казалось, нормально, и вдруг очень сильно заболел...

У Ельцина было крупозное воспаление легких. Болезнь наложилась на послеоперационный фон, и произошло резкое ухудшение состояния. Он как-то сразу постарел и одряхлел.

Чубайс говорил, что у президента абсолютно ясная голова, что он все помнит и постоянно дает ему по телефону указания. Еще в более бодром тоне это рассказывал новый пресс-секретарь Сергей Ястржембский. Но администрации уже не верили.

— А до операции вы были спокойны, думали: прооперируют, и он придет в норму?

— Операция была достаточно серьезная, — вспоминает Сатаров. — Но после таких операций люди спокойно выполняют свои профессиональные обязанности. Особенного беспокойства не было. Наоборот, если хотите, появилась надежда. Вот сейчас его подлатают как следует, и он начнет работать. Отработает второй срок. Потом — бац! И как-то все пошло-поехало.

Глава восемнадцатая

ПРЕЗИДЕНТСТВО БЕЗ ПРЕЗИДЕНТА

Все пошло не так, как предполагал Ельцин. Он надеялся, победив на выборах, получить еще четыре года для решительного движения вперед в экономике. Ему хотелось завершить президентство, предъявив миру и истории вполне благополучное государство. Но он вдруг обнаружил, что у него нет больше сил для радикальных преобразований.

Беда не только в том, что он то и дело оказывался на больничной койке — воспаление легких, ангина, трахеобронхит, язва желудка... Он как-то сразу постарел и ослабел, лишился той кипучей энергии, которая позволяла ему встречаться с огромным количеством людей и поглощать приносимую ими информацию. Он вынужден был сократить круг общения и как-то замкнулся у себя в кремлевском кабинете.

ОЧЕНЬ УСТАВШИЙ ЧЕЛОВЕК

Что изменилось в общении с президентом после того, как он начал болеть?

Андрей Николаев, бывший директор Федеральной пограничной службы, рассказывал мне:

— Вокруг президента появились люди, которые стали играть роль фильтра. Это и привело меня к отставке. Пока я мог выполнять свои обязанности, представлять президенту соответствующие решения и обеспечивать интересы государства, многое можно было прощать. Когда между мной и президентом появились десятки людей, которые пытались давать указания вместо главы государства, я просто счел это недопустимым...

Генерал Николаев сказал президенту:

— Борис Николаевич, вы единственный руководитель в стране, которому я подчинен по службе. Вы должны принимать политические решения, мы должны их исполнять. Но я не подчинен вашему окружению и не буду подчиняться.

Генерал Николаев пользовался телефоном прямой связи с президентом, добивался личного приема и не представлял документы людям из ельцинского окружения, когда они этого требовали. Для этого в аппарате Николаева документам нарочито присваивали высший гриф секретности, чтобы иметь формальный повод их никому, кроме президента, не показывать...

— Но когда президент начал болеть, вы тем не менее попрежнему могли попасть к нему на прием?

— Да, но продолжительность встреч сократилась до получаса. Все встречи по тридцать минут, не больше. Может быть, с кем-то он беседовал более долгое время, не знаю...

Наступила эпоха нового застоя. И Ельцин, как когда-то Леонид Ильич Брежнев, стал предметом насмешек.

Президентская команда сменилась почти полностью. Из Кремля ушла вся блистательная группа помощников Ельцина — Сатаров, Батурин, Краснов. И причина заключалась не только в том, что команду, организовавшую избрание Ельцина на второй срок, следовало отблагодарить высокими должностями.

Георгий Сатаров объяснял это так:

— Наша команда перестала быть необходимой. Мы были востребованы в 1992—1993 годах, потому что была дико непонятная ситуация: столкновения, конфликты, полнейшая неясность в отношении будущего. А президента окружали два типа людей: клас-

сические чиновники и политики новой волны — Станкевич, Шахрай, Бурбулис. Чиновник мало чем способен помочь в нестандартной ситуации. А политики — не командные игроки, они работают только на себя. Вот и понадобились интеллектуалы, способные стать чиновниками. После президентских выборов ситуация перестала быть такой острой и непредсказуемой. И мы стали неудобными. Кому нужен самодостаточный интеллектуал, которого ни за что не зацепишь, который лепит правду-матку?..

Администрацией президента теперь управлял Анатолий Чубайс. Он предпочитал иметь под рукой не разрозненную группу помощников, избалованных вольницей, а исправно функционирующий аппарат. При больном и неработающем президенте он пытался наладить механизм государственного управления.

Тогда во время одной из бесед в Кремле Чубайс говорил мне:

— Власть должна быть властью, добиваться того, чтобы ей подчинялись. Сейчас губернаторы деньги получают от Москвы по разным каналам, а мы эти деньги сведем в один поток и тем самым будем держать губернаторов в руках. А Евгений Вадимович Савостьянов занимается сейчас тем, чтобы местные органы Федеральной службы безопасности, милиции, прокуратуры подчинялись Москве, а не губернаторам...

Евгений Савостьянов вспоминает:

— Весь второй срок Ельцина — это непрерывная болезнь. Он отсутствовал на рабочем месте и практически не работал. Начиная с 1996-го задачей администрации в значительной степени было создать образ работающего президента. И там, где это возможно, заменить его.

— Как часто вы видели президента?

— Нечасто. Регулярно с президентом общались глава администрации, руководитель секретариата, пресс-секретарь, руководитель протокола. Все остальные видели президента либо на редких совещаниях с его участием, либо когда он вызывал. Меня Борис Николаевич вызывал всего несколько раз.

— Какое он на вас производил впечатление?

— Очень уставшего человека.

— Человека полностью разбирающегося в ситуации или уже отдалившегося от практических дел?

— Об этом легче судить по тем документам, которые через него проходили. Это огромное количество бумаг! Иногда он просто ставил в тупик. Возвращается бумага, которую я считал выверенной, вычищенной. А напротив чьей-то фамилии

стоит восклицательный знак или галочка. Это значит: либо надо еще раз проверить эту кандидатуру, либо вовсе от нее отказаться. Поток информации, который к нему стекался, не имеет аналогов. По всем ключевым вопросам его нашпиговывали информацией в таком объеме и из таких источников, о которых мы порой даже не догадываемся.

— Как в такой ситуации полновластия ощущали себя руководители администрации? Ведь это вы все решали в стране. Наверное, и на министров свысока смотрели?

— Нет, мы прекрасно понимали, что министры — это политические фигуры, и в конечном счете повседневная жизнь варится на министерском уровне. Конфликты с правительством, конечно, случались. Но считать себя суперэлитой, которая над всеми? Такого у нас не было.

Что характерно, удавалось бороться с коррупцией. Нашему сотруднику предложили взятку в размере пятисот тысяч долларов за назначение на должность заместителя министра. Причем сделано это было так. Посетитель, играя визитками в руках, положил одну из них перед нашим работником. На визитке от руки было написано: пятьсот тысяч долларов. Естественно, на этой кандидатуре был поставлен крест...

КАКИЕ ОПАСНОСТИ ПОДСТЕРЕГАЮТ ГЕНЕРАЛОВ

— Президентская администрация, как когда-то ЦК КПСС, контролирует кадровые дела, назначения на все важные должности. А что такое президентская номенклатура должностей, которая заменила номенклатуру политбюро и секретариата ЦК? Кто в нее входит? — спросил я у Савостьянова.

— Президентская номенклатура — это военнослужащие в звании генералов и все, кто назначается на должности, которым соответствуют такие звания. Скажем, если полковник назначается на генеральскую должность, он попадает в сферу внимания президентской администрации... Это судьи — восемнадцать тысяч человек. Это послы, потому что они назначаются указом президента — при согласии Федерального Собрания. И — при разных премьер-министрах это было по-разному — мы участвовали в подборе кандидатур на министерские посты. Мы оценивали президентскую номенклатуру в двадцать семь—двадцать восемь тысяч человек.

— А каков же круг работников аппарата, который обслуживает такое количество?

— Управление кадровой политики администрации насчитывало примерно девяносто—сто человек.

— На каждого, кто входит в президентскую номенклатуру, у вас заводили личное дело?

— До нас этого не было. Мы поставили вопрос о том, что нужно вести сокращенный дубликат личного дела и хранить его в администрации.

— В советские времена при назначении на высокую должность запрашивали КГБ. И оттуда иногда приходила бумага, на которой было просто написано «Не рекомендуется». Карьере конец, а за что — непонятно.

— Такого у нас не было. Фигуры умолчания исключались. Отсутствие мнения рассматривалось как положительное заключение. Нам не нужна была лишняя переписка. Нам нужны были какие-то знаковые факты, характеризующие человека, не только негативного, но и положительного свойства.

Долго пришлось возиться с представителями президента на местах. Они привыкли отделываться писульками: «По мнению местного руководителя такого-то, человек такой-то...» Мы всегда задавали им вопрос: а ты сам знаешь людей на местах? Тогда высказывай свое мнение. Мы создали собственную систему региональных представителей, то есть управление кадровой политики располагало своим аппаратом на местах.

Задача кадровиков состояла в том, чтобы оценивать кандидатов на высокие назначения и следить за работой тех, кто уже вошел в президентскую номенклатуру. Эта многоканальная система сбора оценок позволяла избежать совсем уж фатальных ошибок...

Президент присваивает генеральские звания и определяет место службы всех генералов (судьбу остальных офицеров решает министр обороны). Это мощный рычаг влияния на армию и специальные службы. Поэтому так возмутился Александр Лебедь в бытность его секретарем Совета безопасности, когда у него отобрали возможность раздавать генеральские погоны. Первоначально администрация президента просто штамповала бумаги, поступавшие из министерства обороны. Канцеляристы проверяли, правильно ли они составлены, и писали указ, который шел на подпись к президенту.

— Мы ввели иную систему, — рассказывал мне Савостьянов. — Встречались с кандидатами на высокие должности, старались понять их уровень подготовки, амбициозность, стремление продвинуться. Ни один генерал не мог быть назначен без визита в администрацию президента.

С одной стороны, это, конечно, удлиняло процедуру принятия решения. Но часто это был результат ошибок в заполнении бумаг. Ведь обычно вносится на утверждение не одна кандидатура, а целый пакет — сразу несколько офицеров назначаются на новые должности. То выясняется, что в самом министерстве обороны решили кого-то в последний момент притормозить, то у нас появились материалы, свидетельствующие о неприемлемости назначения... Зато генерал, который перед назначением побывал на Старой площади, ощущал себя в определенном смысле политической фигурой. Он назначается не министерством, а самим президентом.

— А бывало так: вы отказали в назначении, а министр обороны обратился напрямую к президенту и уговорил его подписать указ?

— На первых порах такое случалось. Потом от этого излечились. Бывало, к сожалению, другое. Самый яркий пример — история с отстранением от должности главкома сухопутных войск генерала Владимира Семенова, который в 1999 году был избран президентом Карачаево-Черкесии. Тогдашнему министру обороны Игорю Родионову положили на стол некие материалы о генерале Семенове.

Министр оказался чересчур доверчивым и материалы, которые носили сугубо предварительный характер, воспринял как истину в последней инстанции. Доложил об этой информации президенту и добился от него согласия на отстранение генерала Семенова. А потом стал говорить, что это приказ президента. В администрации президента возразили: нельзя отстранять высшего воинского начальника только потому, что ты с ним не сработался.

— Говорили, что компрометирующие генерала Семенова материалы принес министр внутренних дел Куликов?

— Куликов показал Родионову сугубо предварительные материалы. Я министра внутренних дел потом спросил: «Анатолий Сергеевич, как же так?» Он мне объяснил: «Если у меня есть материалы, я не имею права не показать их министру обороны». Но никто не заставлял Родионова сразу

идти к президенту: мол, надо убрать нехорошего человека Семенова...

Когда Родионов уговорил президента, то прислал в администрацию представление об отстранении Семенова, ссылаясь на то, что это поручение Ельцина.

Савостьянов сказал министру:

— Так дело не пойдет, президент перед вами этого вопроса не ставил. Берите на себя ответственность. И если считаете нужным, то пишите, в чем именно Семенов виноват... Мы будем разбираться.

Игорь Родионов и написал: мол, генерал сам торгует, жена чем-то занимается и так далее. В администрации проверили. Оснований для того, чтобы отстранять главкома, не было.

Другое дело, считает Савостьянов, что надо было разобраться по существу его работы, то есть изучить роль Семенова в период первой чеченской войны. Он как главком сухопутных войск допустил просчеты в комплектовании подразделений, частей, соединений, воевавших в Чечне. Людей, которых посылали на театр военных действий, не учили тактике ведения боевых действий в тех условиях. Собирали бойцов с бору по сосенке, формировали чуть ли не временное подразделение и посылали воевать без боевого слаживания. Это вело к большим потерям. Вот это было действительно огромным просчетом...

— Так какие же материалы представил министр внутренних дел Куликов?

— Это были обычные оперативные материалы. «По сведению источников таких-то...» Таких материалов в МВД и ФСБ много. И если один министр не сообщает о таких материалах другому министру, то это надо рассматривать как интригу: значит, что-то затевает, намерен нанести удар в спину коллеге. Куликов правильно поступил, предупредив министра обороны, что у главкома есть проблемы. Эти материалы сугубо предварительные, они требуют проверки, но ты знай, что он попал в поле зрения МВД и что такая работа ведется...

Администрация президента контролировала назначение не только генералов, но и судей. Реально существующий статус самоуправления судейского корпуса привел к тому, что судьи неуязвимы, а претензий к ним бывает достаточно много.

— Задача министерства юстиции, судейской коллегии давать профессиональную, ведомственную оценку кандидату на должность или действующему судье, — объяснял мне Са-

восьянов. — Мы в это не лезли. Это не наше дело — оценивать, хорош судья или нет. Наше дело — давать общественно-политическую оценку, поэтому мы старались связаться с правозащитными организациями, с адвокатскими коллегиями, с МВД, ФСБ, чтобы понять, что представляет собой тот или иной судья.

Иногда выяснялись весьма неприятные факты. Например, к судье претензий вроде нет, а ее муж фигурирует как глава местной преступной группы. Формально жена за мужа не отвечает, но в реальности лучше, согласитесь, подыскать другую кандидатуру...

— Как именно осуществлялась проверка президентской номенклатуры: с помощью оперативных возможностей Федеральной службы безопасности?

— Не только. Мы запрашивали представителей президента на местах, общественные организации. Скажем, к нам поступают материалы на награждение орденами и медалями — это чисто президентская функция. До нас наградные листы просто подмахивали. Мы стали проверять каждое представление. Например, представляется к награждению директор завода. Мы спрашиваем местную профсоюзную организацию: нет ли задолженности по выплате зарплаты? Налоговую службу — не должник ли директор? Если ты не платишь зарплату и налоги, то извини, друг, награждать тебя не будем. А то, конечно, директор и его семья будут счастливы, а в коллективе скажут: ну, они там в Москве совсем дураки.

БЕЛЫЙ ДОМ — ОПАСНОЕ МЕСТО

Администрация президента под руководством Анатолия Чубайса и сменившего его в марте 1997 года Валентина Юмашева сделала все, чтобы отсутствие президента на рабочем месте было незаметным. Государственный механизм функционировал, но никакой аппарат не мог заменить главу государства с огромными полномочиями.

Наконец наступил момент, когда Ельцин, видимо, осознал: его силы исчерпаны, то, что он предполагал, ему уже не сделать, и задумался о преемнике. Говорил-то он об этом давно. Сначала он пошутил и сказал:

— У него должен быть рост такой, как у меня.

Шахрай и Гайдар обиделись. Все решили, что Ельцин имеет в виду статного Владимира Шумейко, вице-премьера... Но настал момент, когда поиск преемника перестал быть поводом для шуток.

Он явно перебрал много кандидатов на эту роль. Одно время казалось, что остановился на Черномырдине, который был рядом с ним столько лет и преданно ему служил. Потом Ельцину понравился молодой нижегородский губернатор Борис Ефимович Немцов.

Весной 1997 года Ельцин несколько взбодрился и произвел большие перемены в правительстве. Он вновь назначил первым вице-премьером Анатолия Чубайса, на сей раз с особыми полномочиями. Затем появился еще один первый вице — Борис Немцов — тоже с большими полномочиями и, как тогда думали, с большим будущим. Уговаривать Немцова перейти в правительство прилетела дочь Ельцина Татьяна Дьяченко.

О Борисе Ефимовиче ходило множество рассказов: что играть в карты он научился раньше, чем читать, и этим зарабатывал на жизнь, что в юности вел жизнь веселую и привольную, как положено приморскому плейбою. Но в Нижнем Новгороде Немцова любили и провожали в Москву с болью в сердце.

Борис Николаевич, созвав журналистов, торжествующе объявил о новом назначении Черномырдину и Чубайсу. При этом лицо главы правительства осталось непроницаемым — он понимал, как ему трудно будет иметь дело сразу с двумя полновластными замами. А Чубайс был, очевидно, доволен:

— Сильный ход, Борис Николаевич!

Ельцин и сам таял от удовольствия, думая о том, как он все здорово придумал. Он и в самом деле стал похож на заботливого, хотя и непредсказуемого дедушку, как его теперь за глаза именовали в Кремле.

Президент прилюдно обещал Немцову, что тот останется на этой должности до 2000 года. И все поняли, что Борис Николаевич примеривает Бориса Ефимовича на свою роль.

Но столичная карьера у нижегородского губернатора не сложилась. Вероятно, преодолевая некоторую неуверенность провинциала, он с первого дня повел себя чересчур самоуверенно, совершил несколько непростительных ошибок, заботливо преданных гласности, и сильно повредил своей репутации. И даже разумную затею Немцова, который хотел пересадить чиновников на отечественные машины, высмеяли.

Немцов мне потом так говорил:

— Белый дом — опасное место. Многие в него входили улыбаясь. Но никто из него с улыбкой не выходил.

Борис Федоров так отозвался о Немцове: «Он всегда мне казался самым энергичным и одновременно бесцеремонным человеком России, который мог выкинуть все, что душе угодно. С другой стороны, в нем чувствовалась такая редкая в высших слоях власти позитивная энергия и желание действовать».

Немцов извлечет уроки из своих ошибок и позднее, в правительстве Кириенко станет главной действующей силой. Он не боялся принимать самые непопулярные решения, например даже потребовал, чтобы «священная корова» российской экономики — «Газпром» платил налоги.

Борис Федоров проникся к нему симпатией: «Я тогда очень зауважал Бориса Ефимовича как единственного члена правительства, который был способен на мужественные поступки и проявил себя в минуты кризиса действительно крепким парнем».

— Мы заставили чиновников заполнять декларации о доходах, — говорил Немцов журналистам. — Благодаря этому народ узнал, сколько дач, квартир, машин и самолетов есть у наших чиновников, в том числе у Татьяны Борисовны, у Бориса Николаевича и у Юрия Михайловича... С каждым годом чиновник вынужден писать все больше и больше правды... Этот процесс запущен, и его невозможно остановить...

Но прежняя популярность к Немцову уже не вернется. Работа в правительстве, можно сказать, едва не погубила его как политика. В 1997-м он считался одним из вероятных кандидатов в президенты, а через два года с трудом прошел в депутаты Государственной Думы от Нижнего Новгорода, своей недавней вотчины...

С 1997 года начинается быстрая, даже слишком быстрая смена ведущих фигур в Москве. Ельцин перебирал варианты в поисках фигуры, которой он может доверить страну. Но это станет ясно позднее. А пока что страна недоумевает, злится и обращает свое раздражение против президента: с какой стати он постоянно меняет правительство, вновь и вновь ввергая страну в кризис? Он, понимаешь, утром не с той ноги встал, решил очередного премьера выгнать, а нам страдать...

Со стороны казалось, что Борис Николаевич пытается вновь запустить экономические реформы. В действительности ему нужен был преемник.

ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ УХОДИТ

23 марта 1998 года Ельцин отправил в отставку главу правительства Черномырдина — неожиданно для всей страны и для самого Виктора Степановича.

Никто не мог понять: что случилось? На публике Борис Николаевич многозначительно сказал, что поручил Виктору Степановичу готовить выборы. И кто-то даже наивно решил: Ельцин втайне выбрал в преемники Черномырдина и, заботливо убирая его из правительства, развязывает ему руки для ведения активной предвыборной кампании...

Один политик всерьез уверял меня, что Черномырдину при отставке твердо обещали:

— Виктор Степанович, сейчас финансы грохнутся, поэтому давай мы тебя отведем. Пусть они грохнутся при подставном каком-то дурачке, а ты потом вернешься разгребать то, что без тебя натворили...

Другие уверяли, что Виктор Степанович — такой опытный аппаратчик! — сам совершил непростительную ошибку, поверив, будто сменит Ельцина в Кремле, и потерял осторожность.

Это проявилось, когда глава правительства улетел в Америку на переговоры в рамках межправительственной комиссии Гор—Черномырдин.

Черномырдин и вице-президент Соединенных Штатов Альберт Гор вели себя как два будущих президента. Но в их положении была разница. Президент Клинтон поощрял амбиции Гора, потому что сам выбрал его на эту роль и обещал помочь на грядущих выборах. А Ельцин Черномырдину таких авансов не выдавал, поэтому и отправил в отставку.

Одни были удивлены уходом Виктора Степановича, который был надежным союзником президента, другие считали, что его давно пора убрать из правительства.

Евгений Савостьянов вспоминает:

— Уже в начале 1998 года стало ясно, что пирамида ГКО вот-вот рухнет, как рушатся все пирамиды. А правительство Черномырдина вообще ничего не делало. Виктор Степанович уклонялся от принятия решений. И вот тогда, кстати, от Бориса Березовского я услышал фразу: «Мы будем менять Черномырдина» (характерно это «мы»). Видимо, президенту докладывали, что ситуация ухудшается, а Черномырдин ничего не делает. Надо ставить новых людей...

Борис Николаевич, видимо, уже решил, что Черномырдин в преемники не годится, и потерял к нему интерес. Никакой личной обиды не было. Ельцин вскоре придет к уже отставному премьеру на пышно отмечаемое шестидесятилетие и произнесет длинную хвалебную речь. А через полгода — в критической ситуации — еще раз призовет возглавить правительство...

Президент, сообщив об отставке Черномырдина, сказал, что берет на себя исполнение обязанностей председателя правительства. Но уже через несколько часов новым главой правительства назначил мало кому известного Сергея Кириенко, которого Борис Немцов привез из Нижнего Новгорода и сделал заместителем министра топлива и энергетики.

Замену Черномырдину искали с начала года, рассматривались разные варианты — среди кандидатов наиболее вероятным казался недавний директор Федеральной пограничной службы генерал Андрей Николаев, которому Борис Николаевич всегда симпатизировал. И все-таки в последний момент президент остановился на Кириенко (через год Ельцин точно так же будет выбирать между Степашиным и Аксененко).

Невысокий, худенький Сергей Владиленович казался маленьким рядом с Борисом Николаевичем, который сам за руку отвел его в кабинет главы правительства. Президент хотел дать Кириенко шанс: а вдруг это новый Гайдар, столь же энергичный и твердый в преобразованиях?

Кириенко действительно олицетворял новое поколение — людей, которые формировались в перестроечные времена и законы рыночной экономики постигали на деле.

Но Кириенко и его кабинету не повезло. Ровно месяц ушел у Сергея Владиленовича на то, чтобы добиться утверждения его кандидатуры в Думе. Депутаты от оппозиции не хотели видеть в этом кресле еще одного молодого реформатора.

Месяц страна жила без правительства, а ситуация ухудшалась буквально на глазах.

НОВЫЙ АВГУСТОВСКИЙ КРИЗИС

Сергей Кириенко предупреждал, что экономике России нанесен тяжелый удар азиатским финансовым кризисом.

Люди слушали и не верили: о каком азиатском кризисе он говорит? У них в Таиланде и Индонезии что-то стряслось, а мы-

то здесь при чем? На самом деле ситуация была еще хуже, чем первоначально предполагал Кириенко.

Сергей Владиленович рассказывал мне потом, что когда он обосновался в кабинете премьер-министра в Белом доме, то обнаружил, что доходов государства не хватает даже на текущие расходы. Долги же просто не из чего было выплачивать. Это оказалось главным для него сюрпризом.

— При мне люди жили как люди, — несколько раз после августовского кризиса укоризненно скажет Черномырдин.

Он имел в виду твердый курс рубля, которого добилась команда Чубайса. Инфляция почти остановилась, цены перестали расти. Казалось, жизнь улучшается. Но этот благоприятный период быстро закончился.

В 1995 году правительство отказалось от кредитов Центробанка для финансирования бюджета, то есть перестало печатать деньги всякий раз, когда государственный карман пустел.

Надо было одновременно и сокращать расходы, чтобы жить по средствам: тратить не больше, чем зарабатываешь. Но не получалось — по политическим причинам: то война с Чечней, то выборы — парламентские и президентские. Невозможно отказать и губернаторам с депутатами, которые требуют денег для своих регионов и избирателей...

Три года правительство вело такую политику — взять кредит, с его помощью пережить несколько месяцев и взять новый. Деньги занимали и за границей, и внутри страны, продавая ГКО — государственные краткосрочные обязательства. Это была жизнь взаймы. Когда разом упали и цены на нефть, и разразился азиатский кризис, и инвесторы потеряли доверие к России, оказалось, что отдавать нечем.

Финансовый кризис вызревал постепенно. Деньги стали уходить из страны. Центральному банку, чтобы поддержать рубль, приходилось продавать двести—триста миллионов долларов в день. 20 июля 1998 года Международный валютный фонд принял решение выделить России стабилизационный кредит. Первые 4,8 миллиарда долларов поступили в конце июля на счета российского правительства. Атаки на рубль прекратились. Казалось, получение кредита стабилизирует страну.

Кириенко считал, что надо немедленно сокращать государственные расходы. Но Дума отвергла антикризисную программу правительства, которое лишилось возможности что-то сэкономить. Если бы в июле была принята антикризисная программа,

катастрофа бы не разразилась. Страна жила бы с таким же жестким бюджетом, который с большим опозданием пришлось готовить уже правительству Примакова, но обошлось бы без тех страданий, через которые стране суждено было пройти.

В начале августа 1998 года из-за падения цен на российские валютные бумаги банки оказались на грани банкротства. Частные банки и фирмы не могли вернуть кредиты, взятые в твердой валюте. Валютные запасы таяли на глазах. Помощь, которую Чубайс выбил из Международного валютного фонда, уже не помогала. Инвесторы испугались и стали забирать деньги. Это был прежде всего кризис доверия.

14 августа, в пятницу, российский валютный рынок практически прекратил существование. В понедельник от рубля могло остаться одно воспоминание.

В субботу и воскресенье на даче Кириенко руководители правительства и Центрального банка решали, что делать. Вариантов было два: либо выложить все резервы, напечатать побольше денег и расплатиться с владельцами ГКО — государственных краткосрочных обязательств, либо девальвировать рубль и частично отказаться платить долги.

Кириенко решил спасти банки и заодно пощадить государственную казну, которой надо было расплачиваться по ГКО.

Он объявил то, что стали именовать английским словом «дефолт» — мораторий на выплату долгов. 17 августа, в понедельник, после обнародования правительственных решений страну охватила паника. Рубль обвалился.

Реакция на решения правительства была в большей степени психологической. Кириенко не ожидал, что начнется настоящая паника. С экономическими проблемами можно было совладать. Но как успокоить общество? Дума потребовала немедленно уволить Кириенко. Только потом станет ясно, что его решения были не такими уж пагубными.

Кириенко девальвировал рубль — в общей сложности в четыре раза — и тем самым открыл дорогу для развития отечественной промышленности. Импорт сразу подорожал, и возник спрос на более дешевые товары российского производства. Вырос экспорт. Рухнула и пирамида ГКО, которая высасывала деньги из экономики. Доходы в бюджет увеличились, и это позволило платить зарплаты и пенсии. Плодами решений, стоивших Кириенко карьеры, в полной мере воспользовались его сменщики — Примаков, Степашин и Путин.

А в августе 1998 года на голову Кириенко обрушились все проклятия за тяжкие социальные последствия — девальвация бьет по тем, у кого нет больших доходов.

23 августа, в воскресенье утром, Ельцин вызвал к себе на дачу Кириенко. Кириенко рассказывал мне потом, что он понимал: назад он наверняка вернется уже не главой правительства. Так и произошло.

Немцов, который тоже ушел в отставку и был обижен на президента, говорил:

— Ельцин сдавал всех и всегда. Президент уволил пятерых премьер-министров, сорок пять вице-премьеров и сто шестьдесят министров.

Борис Немцов напрасно обижался. В увольнениях не было ничего личного. Ельцин расставался с людьми не потому, что ему кто-то разонравился. Он освобождался от тех, кто переставал быть нужным. Личные привязанности для политика такого уровня не могут быть сильнее политической целесообразности.

Однажды, еще до кризиса, Ельцин искренне сказал Немцову:

— Знаешь, устал вас поддерживать.

Борис Ефимович воспринял эти слова как свидетельство общей усталости президента от жизни. Ельцин же явно имел в виду другое: он нуждался в политиках и министрах, которые бы поддерживали его, которые бы приносили ему политические дивиденды, укрепляли его позиции...

ВНОВЬ ПОЯВЛЯЕТСЯ ЛЕБЕДЬ

Распрощавшись с Кириенко, Борис Николаевич неожиданно поручил сформировать новое правительство Черномырдину.

Это был акт отчаяния. Президент не верил в таланты Виктора Степановича, но чувствовал себя слишком слабым, чтобы удержать Кириенко и противостоять напору Думы. Рубль продолжал падать. Страна ожидала еще больших потрясений, полной экономической катастрофы, исчезновения еды и лекарств.

Виктор Черномырдин, вспоминает Борис Федоров, появился в Белом доме бодрым, энергичным, помолодевшим. Он буквально торжествовал: наконец-то увидели, что без него не обойтись!

Виктору Степановичу не терпелось взяться за дело. Отставка и несколько месяцев вне правительства помогли по-новому

взглянуть на происходящее. Ему, как говорил другой персонаж недавней истории, чертовски хотелось поработать.

Но произошло непредвиденное: несмотря на некие предварительные договоренности, коммунисты отказались поддержать Черномырдина. Дважды Ельцин просил Думу одобрить его кандидатуру, и дважды депутаты от оппозиции голосовали против.

Вероятно, у коммунистов возникла надежда на то, что Ельцин предложит им более приятную кандидатуру. А может быть, просто боялись опозориться. Ведь они весь тот год, несмотря на свои принципиальные речи и ненависть к «антинародному режиму», одобряли все, что от них требовало правительство. Над ними уже откровенно смеялись.

Россия опять осталась без правительства, стране грозил теперь не только экономический, но и политический кризис.

Если бы Дума и в третий раз проголосовала против Черномырдина, Ельцину следовало по конституции распустить ее и назначить новые выборы. Но депутаты могли в ответ сразу начать процедуру импичмента, что исключает роспуск Думы. Страна стала бы неуправляемой. В Кремле на этот риск не решились. Ельцин был слаб и болен.

В кабинете главы администрации Валентина Юмашева лихорадочно тасовали политическую колоду, перебирая возможных кандидатов. Прозвучало и имя московского мэра Юрия Лужкова. Юмашев и Татьяна Дьяченко с порога отвергли это предложение, причем, судя по словам участников этой дискуссии, весьма эмоционально.

Если другие кандидатуры можно было обсуждать, взвешивая плюсы и минусы, то Лужков рассматривался как какой-то монстр; не только что обсуждать, но и произносить саму его фамилию в главных кабинетах Кремля считалось неприличным.

Валентин Юмашев твердо стоял за Черномырдина, видимо полагая, что старый конь борозды не испортит. А личная преданность Виктора Степановича президенту вне сомнений.

А в Москве уже объявился Александр Лебедь, застоявшийся в своем красноярском далёко, и сразу на двух каналах телевидения предложил себя в спасители Отечества — по своей ли инициативе или по чьему-то совету. Говорили, что известный предприниматель Борис Березовский настойчиво предлагает поручить правительство Лебедю — более слабый политик просто не справится.

В конечном счете Бориса Николаевича уговорили не просить в третий раз Думу утвердить Черномырдина. А кого же назначать? Президент задумался и думал несколько дней.

Андрей Кокошин, Сергей Ястржембский, Евгений Савостьянов обратились к президенту напрямую с предложением подумать о кандидатуре Лужкова. Всем троим из-за этого придется уйти из президентского аппарата.

И в этот момент в Государственной Думе возникла кандидатура министра иностранных дел Евгения Примакова. Сначала это показалось очень странным выбором: академика Примакова — в прошлом журналиста, директора академического института, советника Горбачева, начальника разведки — меньше всего можно было считать хозяйственником. Но все фракции в Думе подхватили эту идею. Примаков ни у кого не вызывал аллергии. Спокойный, основательный, надежный, он казался подходящей фигурой в момент острого кризиса. Более того, он понравился не только политикам, но и значительной части общества.

Примаков искренне отказывался. Ему нравилось быть министром иностранных дел и не хотелось браться за практически неразрешимую задачу, хотя уже состоялся разговор о том, что у Черномырдина он возьмет на себя обязанности первого вице-премьера. Евгений Максимович честно говорил в Думе:

— Я даже не знаю, что для меня лучше: чтобы вы меня утвердили или провалили.

Евгения Максимовича совместными усилиями в Кремле уговорили — причем особенно старались те, кто потом его и уберет с должности, но в тот момент они все зависели от Примакова. А предчувствия у него были верные: и он тоже уйдет из Белого дома не по своей воле и не под аплодисменты... Но в тот момент подобный исход никому не мог прийти в голову. Выдвижение Примакова казалось счастливой находкой — ему доверяла вся страна.

ЧТО СДЕЛАЛ ПРИМАКОВ?

Главная заслуга Евгения Максимовича состоит в том, что он добился стабилизации политической ситуации в России. С его вступлением в должность исчез страх перед тем, что будет распущена Государственная Дума, что президент решит-

ся вновь применить силу против парламента, что страна пойдет вразнос и воцарится диктатура. И как-то сразу спало напряжение.

Люди увидели, что митинги проблем не решат, надо работать. Правительство получило несколько месяцев относительного спокойствия — для того чтобы что-то сделать.

Примаков сформировал коалиционное правительство. Первый вице-премьер Юрий Маслюков представлял коммунистов. Вице-премьер Геннадий Кулик — аграриев. Министр финансов Михаил Задорнов — «Яблоко» (Явлинский войти в правительство, по обыкновению, отказался). Министр труда Сергей Калашников был человеком Жириновского. Глава налоговой службы Георгий Боос — Лужкова. От «Наш дом — Россия» Примаков хотел взять вице-премьерами Александра Шохина и Владимира Рыжкова, но оба с большей или меньшей ловкостью уклонились от опасной работы в правительстве.

Когда Примаков представил публике свой кабинет, его называли розовым, красным, коммунистическим. Первые заявления новых министров насчет управляемой денежной эмиссии, национализации, поддержки военно-промышленного комплекса просто пугали.

Да еще Примаков обещал прислушаться к советам академиков-экономистов, своих старых знакомых. Предложения академиков на людей, которые разбираются в современной экономике, произвели гнетущее впечатление. Если бы правительство прислушалось к этим советам, страну постигла бы катастрофа.

Академики предлагали смело печатать деньги. Они, видно, думали, что если всем раздать большое количество купюр, то люди будут счастливы...

Но ведь это были бы просто бумажки, на которые ничего нельзя купить. Инфляция есть ограбление человека государством. Создавалось ощущение, что советчики Примакова не понимают, как в современной экономике функционируют деньги. В этом нет ничего удивительного. Всю свою жизнь они изучали и преподавали политэкономию социализма. Но такая наука просто не существует!

Директор-распорядитель Международного валютного фонда Мишель Камдессю по-своему реагировал на планы правительства Примакова: «Предоставление России кредитов сейчас не только невозможно, но и вредно. Лучшее, что мы сейчас можем

сделать для России, — это помочь правительству понять, что они сами должны делать в условиях рыночной экономики».

Но в Москве были уверены, что МВФ кобенится для виду, а деньги все равно даст. Первый вице-премьер Вадим Густов сформулировал это просто: куда они денутся!

Густов много лет работал на урановых рудниках, потом стал партийным работником средней руки и, наконец, был избран губернатором Ленинградской области. Примаков сделал его одним из двух первых вице-премьеров после короткого телефонного разговора. Густова президент первым уберет из примаковского кабинета...

Коммунисты, оппозиция были довольны: наконец-то появилось правительство, которое отбросило монетаристские бредни и займется развитием реального сектора.

Но прошло несколько месяцев, и о программе академиков благополучно забыли. Экономические ориентиры правительства Примакова радикально переменились. При назначении министры говорили одно, а делали совсем другое. Если закрыть глаза, то казалось, что слышишь Гайдара или Кириенко, а не Примакова или Маслюкова.

На правительство оказывали колоссальное давление губернаторы, военно-промышленный комплекс, крупные производители. Они требовали денег и были уверены, что именно это правительство пойдет им навстречу. И ошиблись. Денег правительство Примакова печатать не стало.

Как выразился один из коллег Примакова: когда становишься министром, нельзя не быть монетаристом. Нельзя раздать денег больше, чем есть в казне. Нельзя давать кредиты, если очевидно, что их не вернут.

Глава правительства и его министры осознали свою ответственность. Одно дело на митинге или с думской трибуны сулить избирателям золотые горы. Другое — понять, что от одного неверного шага может пострадать вся страна.

Вопреки первоначальным обещаниям, правительство Примакова не так уж сильно вмешивалось в экономику. Людям не мешали работать. Не сбылся ни один из катастрофических сценариев, которые сулили правительству Примакова.

Его кабинет, впервые за десять лет, составил честный бюджет, в котором доходы превышают расходы, и фактически удержал рубль, и через несколько месяцев наступило некоторое улучшение ситуации в стране, начался рост производства.

Девальвация рубля помогла отечественному производителю, и от этого выиграло село и небольшие города России, где сосредоточены производители.

После долгих споров в правительстве отказались от мысли, что в Международном валютном фонде сидят мальчики в коротких штанишках, ничего не смыслящие в российских делах. Выяснилось, что разумные предложения МВФ совпадают с целями правительства.

И вообще оказалось, что в стране уже все-таки сформировалась рыночная экономика, которая уже не так сильно зависит от правительственных решений и постановлений.

Примаков был очень осторожен, он продумывал каждый шаг, двигался как по минному полю, поэтому на посту премьер-министра он допустил куда меньше ошибок, чем кто-то другой сделал бы на его месте. Но вместе с тем его упрекали в том, что он не идет на решительные, радикальные, но непопулярные меры, которые только и могут вытащить нас из кризиса.

Либеральные экономисты ругали Примакова за пассивность. Если к хирургу пришел больной с нарывом, хирург, конечно, должен подумать о том, как сделать операцию максимально безболезненно, но вскрывать нарыв необходимо, иначе будет заражение крови. Примакова обвиняли в том, что он, ссылаясь на волю пациента, не решается вскрыть нарыв, а дает только обезболивающее. Но пациент-то может и умереть...

Вот и президент Ельцин в мае 1999 года объяснил стране, что расстался с Примаковым потому, что его правительство не преуспело по экономической части.

Некоторые экономисты согласились с президентом. Другие напоминали, что Примаков стал премьером, когда страна находилась в кризисе, люди были в панике. От этого он страну спас и дал экономике возможность восстановиться. А провинция была ему благодарна — ей стало легче. Кроме того, при Примакове стали выплачивать зарплаты и пенсии — без опозданий. Это связывали с его именем.

Примаков — человек честный и некорыстный, поэтому никто и не пытался искать у него счета в швейцарских банках или недвижимое имущество за границей. Но говорили, что он набрал в правительство коррупционеров.

Однако из всех премьер-министров именно Примаков менее всего поддавался давлению лоббистов. Сергей Генералов, министр топлива и энергетики в кабинете Примакова, расска-

зывал журналистам: узнав, что его заместитель Виктор Калюжный дал льготы нефтяным компаниям «ЛукОйЛ» и ТНК, решил его уволить, да не успел — сменился премьер. Генералов добавил:

— Если бы Примаков остался еще хотя бы на месяц, Калюжный был бы уволен.

Новый премьер-министр Сергей Степашин чувствовал себя не так уверенно и уволил министра Генералова. Буквально через час после увольнения Генералова его недавний заместитель Виктор Калюжный облагодетельствовал еще одну нефтяную компанию, а вскоре сам стал министром.

ПОЧЕМУ ПРИМАКОВ НЕ ПОНРАВИЛСЯ ЕЛЬЦИНУ

Евгений Примаков приступил к работе с большим, невиданным кредитом доверия. Ни один глава правительства не имел такой массовой поддержки. Это создавало ему запас устойчивости в отношениях с Кремлем.

Первоначально Ельцин зависел от Примакова и даже в определенном смысле заискивал. Примаков потом расскажет, что через две недели после его назначения президент вдруг многозначительно и доверительно заговорил с ним:

— Давайте думать о стратегических вопросах. Я мыслю вас на самом высшем посту в государстве!

Примаков благоразумно отказался развивать эту тему:

— Я не готов к такому разговору. Не готов и не хочу его вести...

Это были плохие дни для Ельцина.

В октябре он полетел в Узбекистан и Казахстан. Но чувствовал себя очень плохо. Прямо под прицелом телевизионных камер в аэропорту он едва не упал. Его удержал Ислам Каримов, президент Узбекистана. Поездку свернули, и президент досрочно вернулся в Москву. Врачи сообщили, что у президента был трахеобронхит с высокой температурой. Но по Москве поползли слухи, что президент совсем плох, что у него развилась болезнь Паркинсона.

Но едва кризис миновал, стало ясно, что Примаков неприятен Ельцину. Знатоки кремлевской жизни поняли, что и Евгений Максимович не задержится в своем кресле. В 1998 году сменилось три премьер-министра. На то, чтобы сменить главу пра-

вительства, у президента в любом случае сил хватит. Так и получилось. В 1999-м тоже сменилось три премьера.

Очень быстро заговорили о том, что между Ельциным и Примаковым пробежала черная кошка, что президент обижен на премьер-министра, который за его спиной договаривается с Государственной Думой о том, чтобы вывести правительство из-под контроля президента. Известно, как Ельцин любит, когда в его окружении кто-то занимается самостоятельной политикой...

Говорили и другое: что в момент обострения президентской болезни Примаков пытался взять под контроль силовые министерства. Это не так. Министры обороны, внутренних дел, директор Федеральной службы безопасности подчиняются только президенту. Это не значит, что они никогда не появляются в кабинете премьер-министра и не выполняют его просьб. Просто о каждом таком поручении премьер обязан поставить в известность президента, что Евгений Максимович и делал.

Другое дело, что с Примаковым силовые министры явно сотрудничали с большим удовольствием, чем с его предшественниками. И он, уйдя из разведки, не утратил контакта и с бывшими подчиненными, и со смежниками.

Так почему же Ельцин его уволил? Самый очевидный ответ — Борису Николаевичу не нравилась самостоятельность премьер-министра. Не в том примитивном смысле, что Примаков не слушался Бориса Николаевича или принимал решения, противоречащие указаниям президента. Просто премьер-министр вел себя независимо, не спешил по каждому поводу кланяться Кремлю и советоваться с президентским окружением — у Примакова в прямом и переносном смысле оказался негибкий позвоночник. От радикулита его спасла операция, а характер остался прежним.

Евгений Максимович никогда не был единомышленником Бориса Николаевича.

Примаков сожалел о распаде Советского Союза и о соглашении, подписанном Ельциным в Беловежской пуще.

Примаков не был сторонником гайдаровских реформ и не скрывал своей точки зрения, только его мнением тогда не интересовались, потому что он возглавлял разведку.

Примаков не разделял страстного желания Ельцина сблизиться и подружиться с Западом. И Примаков не питал такой ненависти к коммунистам, к лидерам левой оппозиции.

Одним словом, Примаков был первым непрезидентским премьер-министром. Его и выбрал-то не Ельцин. Примаков был ему навязан ситуацией. У президента осенью был выбор: либо распустить Думу, либо принять кандидатуру Примакова. Ельцин согласился на меньшее зло, потому что был в очень плохой форме, сильно болел.

Примаков сам сформировал правительство, чего не было ни до него, ни после.

Примаков в минимальной степени зависел от президентской администрации. Тем более, что в конце 1998 года Валентина Юмашева на посту руководителя администрации сменил новый президентский фаворит — Николай Бордюжа, строгий, подтянутый, располагающий к себе офицер.

Генерал Бордюжа значительную часть жизни прослужил в военной контрразведке КГБ, занимался кадрами, политико-воспитательной работой. Он сменил генерала Николаева на посту директора Федеральной пограничной службы. Бордюжа стал регулярно появляться в Кремле с докладами, понравился. Его сделали секретарем Совета безопасности, потом еще и главой президентской администрации. Ельцин возлагал на него большие надежды и хотел посмотреть, каков он в деле. Поиск преемника продолжался...

Но Бордюжа плохо ориентировался в коридорах власти и с уважением относился к Примакову. Не проявил он и других искомых качеств — беспредельной жесткости и твердости. Не хватило ему, видимо, и политического кругозора. Николай Бордюжа продержался в Кремле всего четыре месяца.

Секретарем Совета безопасности вместо него стал Владимир Путин, а главой администрации — экономист Александр Волошин, который в пух и прах стал разносить экономическую политику правительства.

Примаков с первого дня опирался на поддержку левой оппозиции, во-первых, потому, что она составляла большинство в Государственной Думе, во-вторых, потому, что — в отличие от президента — не видел в коммунистах ничего опасного.

Говорили: премьер-министр позволяет оппозиции использовать себя, он слишком ей удобен. В Кремле считали, что Примаков блокируется со злейшими врагами президента. Коммунисты готовили импичмент, а Примаков продолжал заседать вместе с ними, обсуждать дела.

У коммунистов в руках был сильный козырь: если отправим Ельцина в отставку, то управлять страной по конституции будет такой уважаемый человек, как Евгений Максимович Примаков. Со стороны казалось, что на сей раз давно готовившийся импичмент может увенчаться успехом. Уж как минимум, депутаты согласятся признать Ельцина виновным в чеченской войне.

Еще никто не знал, что затея с импичментом лопнет, как мыльный пузырь, поэтому контакты премьер-министра с оппозицией воспринимали в Кремле как враждебные.

ПРЕЗИДЕНТ РИСКНУЛ И ВЫИГРАЛ

Несколько человек из высшего эшелона власти говорили мне, что были против увольнения Примакова. Не потому, что его любили, — боялись народного возмущения. Евгений Максимович был очень популярен. И как выяснилось позднее, уходу Примакова в отставку предшествовала некая попытка организовать восстание против президента.

Глава компартии России Геннадий Зюганов рассказал «Независимой газете», что накануне отставки правительства у Примакова было совещание с лидерами фракций, с руководством Государственной Думы:

— Затем мы остались — я, Рыжков и Харитонов — и еще два часа вели с Примаковым и его заместителями обсуждение ситуации в стране. Мы прямо сказали, что Ельцин и его команда пойдут на отставку Примакова...

У Примакова была редкая возможность. Мы ему сказали, что завтра Ельцин отправит его в отставку, и просили рассмотреть сложившуюся ситуацию на совместном заседании Федерального собрания и правительства. К сожалению, правительству не хватило мужества это сделать. Мы пригласили их в Думу, но они не появились. А затем не появились и в Совете Федерации. Если бы тогда они решились, уверен, две палаты и правительство Примакова нашли бы выход...

Если бы законодатели и правительство обратились ко всем силовым ведомствам с совместным призывом соблюдать спокойствие и не поддаваться на провокации, уверял Зюганов, то ни один солдат, ни один генерал не выступили бы против законного правительства, поддержанного народом... Тогда была реальная возможность рассмотреть поправки к конституции и

перераспределить полномочия. Тогда была стопроцентная возможность поставить правительство под контроль двух палат...

Почему же, спросили Зюганова, коммунисты, как они это обещали, не вывели людей на улицы в знак протеста против отставки Примакова?

— Это можно было сделать при одном условии. Если бы Примаков сказал: «Да, я приду в Думу» — и официально обратился к стране. А когда он сказал, что уходит в связи с тем, что этого требует Ельцин, ситуация поменялась кардинально... Мы собрали Совет Федерации, но и там не хватило мужества честно оценить происходящее. Звать людей на улицы, когда сами отставляемые не делают шагу навстречу Думе, — смысла нет...

Ельцин опять рискнул и опять выиграл. Абсолютно непопулярный президент избавился от необыкновенно популярного премьер-министра, и ничего в стране не произошло — ни демонстраций, ни забастовок, ни массового возмущения! Примаков безмолвно ушел, невероятно страдая от унижения. Дума покорно проголосовала за нового премьер-министра Сергея Степашина.

Убрав Примакова, Ельцин нанес левым тяжелый удар. Когда еще и провалился импичмент, они просто растерялись. Еще вчера громогласно говорили о полевении России, о том, что вся страна поддерживает коммунистическую оппозицию, и вдруг замолчали. Коммунисты даже не решились сопротивляться назначению Степашина на пост главы правительства, хотя Сергей Вадимович — президентский премьер, полностью ему преданный человек и единомышленник.

Отставка едва ли была для Евгения Максимовича неожиданностью. Примаков помнил незавидную судьбу всех своих предшественников и наверняка понимал, что президент его не очень любит. Хотя обставлен был его уход с должности отвратительно — люди, которых он, по существу, спас в критические дни осени 1998 года, не нашли в себе силы сказать положенное в таких случаях «спасибо».

Отставку Примакова одобрили всего два процента опрошенных. У многих в стране осталось ощущение, что с ним поступили непорядочно. Еще ни один глава правительства не уходил со своего поста в ореоле народной любви. Примаков поставил рекорд. И сменщик не смотрел ему презрительным взглядом в спину, а говорил, что продолжит курс Примакова.

ЧТО ПРОИЗОШЛО СО СТЕПАШИНЫМ?

Угол поиска у Ельцина сузился. Борис Николаевич подбирал людей определенного склада: офицер Бордюжа, офицер Путин, офицер Степашин. Сергея Вадимовича Степашина президент знал давно. Преподаватель Высшего политического училища МВД полковник Степашин в 1990 году выиграл выборы в Ленинграде и стал народным депутатом РСФСР. В Верховном Совете Степашин возглавил Комитет по обороне и безопасности, стал членом президиума Верховного Совета. Он всегда поддерживал Ельцина, и Борис Николаевич обратил на него внимание. В 1994 году Степашин получил пост директора Федеральной службы контрразведки. Но его карьеру погубил буденновский рейд Шамиля Басаева. Он подал в отставку и четыре месяца сидел без работы. Потом ему предложили место начальника административного департамента в аппарате правительства. Он согласился.

Летом 1997 года разразился скандал из-за министра юстиции Валентина Ковалева, который развлекался в бане с профессионалками и позволил заснять эти развлечения на видеопленку (через два года по той же причине лишится должности генеральный прокурор Юрий Скуратов. А еще говорят, что все юристы — сухари...). Новым министром сделали Степашина. Сергей Вадимович на этой, прежде малозаметной, должности развернулся, обратил на себя внимание. Весной 1998 года его сделали министром внутренних дел.

И тут Ельцин еще раз к нему пригляделся и решил, что надо бы попробовать и Степашина.

27 апреля 1999 года он был назначен первым заместителем главы правительства, оставаясь на посту министра внутренних дел. Всем стало ясно, что вскоре он заменит Примакова. Это и произошло через две недели, 12 мая, когда Степашину было поручено возглавить правительство.

Сергей Степашин однажды произнес ключевую фразу: «Я пришел с этим президентом, я с ним и уйду». Но одной только искренней преданности президенту оказалось недостаточно, чтобы остаться на посту главы правительства.

Его назначение произошло при очень странных обстоятельствах. Ельцин до последнего момента колебался и не знал, кого предпочесть — Степашина или министра путей сообщения Николая Емельяновича Аксененко.

Сначала Ельцин вроде бы остановился на Аксененко и даже назвал его фамилию в телефонном разговоре с председателем Государственной Думы Геннадием Селезневым. А потом все-таки прислал в Думу письмо с просьбой одобрить кандидатуру Степашина. Селезневу оставалось только развести руками:

— У нашего президента семь пятниц на неделе.

Аксененко, говорят, чисто внешне приглянулся Ельцину. Он симпатизирует высоким, статным мужикам с рабочей биографией, которые так напоминают его самого в молодости. По этой причине в Кремле пользовались особым расположением Владимир Шумейко, который был вице-премьером и председателем Совета Федерации, Павел Бородин, управляющий делами президента...

Сергей Степашин при назначении услышал мало вдохновляющее напутствие: пока побудешь премьер-министром, а потом тебя сменит Аксененко. А может быть, и не сменит, если хорошо себя проявишь... Словом, премьер-министру Степашину дали испытательный срок — три месяца.

Сам Ельцин назидательно сказал Степашину:

— Надо еще посмотреть, как у вас получится...

А в разговоре с Аксененко Ельцин, видно, произнес нечто утешительно-обещающее:

— Вы будете первым заместителем главы правительства, единственным первым замом, и будете заниматься всем. Поработайте немного на этой должности, а потом...

На новичка в политике Аксененко интимное общение с президентом и такие громкие слова, видимо, произвели неизгладимое впечатление. Неискушенный в кремлевских интригах, Аксененко с прямотой и решительностью путейского генерала взялся проводить слова Ельцина в жизнь.

Николаю Аксененко было пятьдесят лет. Он закончил Институт инженеров железнодорожного транспорта и Академию народного хозяйства. Всю жизнь проработал на железной дороге. Политикой не занимался, ни в депутаты, ни в губернаторы не баллотировался.

Бывший первый вице-премьер Борис Немцов говорил мне:

— Это я предложил его сделать министром. Аксененко в своей области талантливый человек. Поставил дело. Он жесткий руководитель, у него дисциплина. Николай Емельянович в семь утра начинал летучки в Белом доме, где не привыкли собираться раньше девяти часов...

Дебют первого вице-премьера Аксененко произвел на публику невыгодное впечатление. Он с трудом формулировал свои мысли, зато громогласно заявлял, что будет заниматься решительно всем, даже тем, что входит в обязанности главы правительства. Николай Емельянович вел себя так, словно не Степашин, а он премьер, и преспокойно отменял распоряжения главы правительства.

Скоро станет ясно, что Николай Емельянович на премьера не тянет. Но Степашин-то оказался в неудачном и неприятном для него положении. Много ли может сделать премьер-министр, если ему в затылок жарко дышит дублер и тикают часы, неумолимо отсчитывая отведенное ему время?

Еще никогда общество не видело, чтобы администрация президента так откровенно командовала правительством, решала, кому быть министром, а кому нет. Именно в тот момент стало понятно, что все важнейшие кадровые решения в стране принимает узкая группа лиц, не наделенная никакими государственными полномочиями. Тогда и возник термин «Семья», обозначавший окружение Ельцина, которое обрело самостоятельность и проводило свою политику.

Да сможет ли Степашин, даже лишенный права подобрать себе заместителей, нормально работать? — многие тогда задавались этим вопросом.

Борис Немцов рассказывал мне:

— Мы когда работали в правительстве, то вместе с Чубайсом, конечно, спорили с Черномырдиным, но все-таки не претендовали на его кресло. По закону министров предлагает глава правительства. А тут дурацкая история. Если Татьяна Дьяченко хочет работать в правительстве, пусть идет...

Вместе с тем Сергей Степашин с такой легкостью прошел утверждение Думой, что далекие от кремлевских интриг люди задумались о том, каким будет его следующий политический пост — а не станет ли он баллотироваться в президенты? — и заранее подсчитывали его шансы на победу...

Общество торопилось. Примакову сулили еще более блистательное будущее, а он и года не пробыл на посту премьера. Так что и Степашин, говорили скептики, возможно, не станет последним премьер-министром президента Ельцина.

Сергей Степашин очень старался честно исполнять свои обязанности и в первые же дни успел вызвать симпатии в обществе. Когда все видели, что ему ставят палки в колеса, навязы-

вают не очень достойных министров, это вызывало ненависть к кремлевской администрации.

Со Степашиным, искренне преданным президенту Ельцину, вели себя столь пренебрежительно, будто хотели от него отделаться. Зачем тогда назначали?

Борис Немцов говорил мне:

— Обидно, когда Степашина вынуждают говорить, что он хозяин. Это крик отчаяния. Я не понимаю, почему в Кремле топят честного человека. Можно подумать, у них в резерве есть кто-то еще...

Борис Ефимович как в воду смотрел. Степашина сменили на Владимира Путина.

Степашин продержался в Белом доме три месяца.

5 августа 1999 года Ельцин вызвал к себе главу правительства. Это был, как выяснится позднее, предварительный разговор. У президента уже накопилось много замечаний к работе правительства и самого премьер-министра. Как можно было понять, главная претензия к Степашину заключалась вот в чем: премьер слишком мягок.

Вот этого никто, кроме Ельцина, не уловил: Степашину не хватает характера. Властители такой страны, как наша, делаются из другого, куда более жесткого материала.

На беседе президента с премьером присутствовал и Владимир Путин, тогда еще секретарь Совета безопасности и директор Федеральной службы безопасности. Учился? Постигал искусство управления правительством?

В тот день Степашин сумел, как ему показалось, переубедить президента, снять все его замечания и развеять сомнения. Разговор с президентом, по словам самого Степашина, получился «просто замечательный».

После чего Степашин по совету президента отправился в поездку по стране. В эти дни началось вторжение чеченских боевиков под командованием Шамиля Басаева и Хаттаба в соседний Дагестан. Казалось, вот-вот заполыхает весь Северный Кавказ.

В воскресенье премьер-министр прилетел в Махачкалу, оттуда позвонил президенту, получил санкцию на ведение военных действий против боевиков, прорвавшихся в Дагестан. Вернулся в боевом настроении в Москву, а на следующий день, 9 августа, в понедельник, рано утром Ельцин отправил его в отставку.

На сей раз разговор был очень коротким. Ельцин даже не пригласил премьер-министра сесть и сам не присел.

На прощанье Борис Николаевич, как всегда, многозначительно сказал ему:

— Сергей Вадимович, мы с вами остаемся в одной команде.

Президент произносил эту фразу всякий раз, когда с кем-то расставался. Но увольняемый слышал ее впервые и был благодарен. Так и Степашин искренне ответил:

— Борис Николаевич, я ни в какой другой команде не состою, а с вами я остаюсь — это факт. — Добавил, как положено офицеру: — Честь имею!

Приехав в Белый дом, Степашин, прощаясь с министрами, сказал очень достойные слова. Видно было, что он никак не ожидал отставки и потрясен, сильно переживает, чрезвычайно расстроен, что он еле сдерживается, чтобы не дать волю своим эмоциям. Он рассказывал, как рано утром его вызвал президент Ельцин, поблагодарил за работу... и отправил в отставку.

При этом Степашин произнес:

— Я был, есть и буду с президентом — до конца. Я благодарен ему за то, что он меня, мальчишку, ввел в большую политику.

Уже потом разочарованный и обиженный Степашин откровенно скажет журналистам, что разговоры о возможности, находясь во власти, оставаться порядочным — это чепуха. Надо быть абсолютно циничным человеком:

— Я никого обслуживать никогда не хотел, меня никто никогда не покупал. Не все же продаются и не всё же покупается в нашей стране... Ошибка это или не ошибка, но меня просто нельзя переделать. Я не стал обслуживать интересы определенной группы, которая посчитала, что в этой ситуации я ненадежен.

Степашин признавался журналистам, что у него есть одна слабость как у политика:

— Я доверяю людям. За неделю до снятия ко мне в гости приезжала, как говорится, группа товарищей. Жена приготовила ужин. Все было замечательно, а потом они же меня снимали. И ведь они в тот момент уже об этом знали, понимаете? Хотя бы сказали по-дружески!.. Не пришло еще время таких, как я. В очках, да еще и улыбается... Не пришло пока. Березовский так прямо мне и сказал: «Быдлу сейчас нужен Лебедь. А твое время еще не пришло»...

Борис Березовский несколько ошибся. Настало время не Александра Лебедя, а Владимира Путина.

Когда Ельцин снял с должности Степашина — без причин, без объяснений, — реакция общества была возмущенно-пре-

зрительной: да что же президент опять творит? Совсем опозорился.

Нового премьер-министра Владимира Путина никто всерьез не воспринял: ну и этого через неделю уберут. В Думе за него проголосовали совершенно равнодушно — какая разница? До выборов все равно придется терпеть ельцинские трюки... А потом стало ясно, что на сей раз Ельцин не промахнулся. Он нашел того, кого столько времени искал.

Глава девятнадцатая

«СЕМЬЯ» И ВТОРАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

Когда в начале августа 1999 года чеченские боевики вторглись в соседний Дагестан, а вслед за этим прогремели взрывы в Москве и в других городах, никто и представить себе не мог, что эти события радикально изменят политическую жизнь России.

В августе и даже в сентябре мало кто сомневался, что на грядущих парламентских выборах победу одержит мощный блок «Отечество — вся Россия» во главе с бывшим премьер-министром Евгением Примаковым.

Он оставался самым популярным политиком в России и после отставки. Судя по опросам общественного мнения, люди хотели видеть на посту президента именно Евгения Максимовича как олицетворение взвешенной, спокойной, разумной политики. Казалось, что серьезных конкурентов у него нет.

В один из сентябрьских дней на большой дружеской вечеринке я видел, как друзья и соратники Примакова совершенно искренне поднимали тосты «За Евгения Максимовича — надежду России!».

ГУБЕРНАТОРЫ ДЕЛАЮТ ВЫБОР

У Примакова были все основания баллотироваться в Государственную Думу, а потом и в президенты. Он тем не менее не спешил с решением.

Во-первых, после ухода в отставку он сделал операцию по замене тазобедренного сустава, которая избавила его от невероятных страданий. Но он не желал показываться на публике с

костылями. Ждал, когда сможет обойтись без костылей и даже без палки. Во-вторых, он не хотел идти на выборы в одиночку, а своей политической организации у него не было.

Впрочем, я, честно говоря, думал, что он вообще откажется от политической деятельности. Он ведь не принадлежит к числу политиков до мозга костей, которые себе иной жизни не мыслят. У него есть интересы за пределами политики: книги, друзья, семья. Правда, есть у него одно качество, возможно привезенное с Кавказа. Евгений Максимович вырос в Тбилиси, и он не прощает обид. А его сильно обидели, когда уволили так бесцеремонно.

Со всех предыдущих должностей Евгений Примаков уходил только на повышение. Почти вся его жизнь — в смысле карьеры — это стремительное движение вперед и вверх. И вдруг такое увольнение. Желание если не отомстить, то, как минимум, взять реванш, и конечно же притягательная сила большой политики, вероятно, и заставили его пойти на выборы.

За поведением Примакова многие следили с затаенным интересом, понимая, что он может сильно помочь избирательному блоку, к которому присоединится, и сильно помешать другим кандидатам в президенты, если бы решился участвовать в президентских выборах.

Первым ему предложил союз московский мэр Юрий Лужков. Он сам уже давно подумывал об участии в президентских выборах, но колебался, реально оценивая свои шансы. Тем не менее в 1999 году он создал свое движение «Отечество». Когда Примакова отправили в отставку, Лужков сразу заговорил, что Евгений Максимович очень близок к «Отечеству». Союз Лужкова и Примакова казался очень сильным.

Но Евгений Максимович не хотел быть чисто московским кандидатом. Тогда группа влиятельных губернаторов, создав свою организацию «Вся Россия», предложила Лужкову союз, с тем чтобы общий избирательный список возглавил Примаков.

Местные начальники по всей стране охотно строились под примаковские знамена, считая, что формируется новая партия власти, а в таких случаях главное — не опоздать.

Сергей Степашин, пока он возглавлял правительство, тоже готовился к выборам и пытался сформировать свою партию. Придумал для нее название — «Клуб губернаторов». Почти полсотни губернаторов были готовы его поддержать.

Летом 1999 года восемнадцать губернаторов собрались в кабинете главы президентской администрации Александра Волошина и прямо сказали:

— Мы готовы «выстроиться» под Степашина, но долго ли он пробудет премьером?

Волошин, который уже знал, что вскоре произойдет, им ничего не ответил. 9 августа Степашина отправили в отставку, и губернаторы взяли курс на Примакова.

Ельцина к тому времени списали окончательно, считая, что он тяжело болен, ни на что не способен и уже никому не опасен.

Говорили, что у Ельцина серьезные проблемы с сосудами головного мозга, что иногда во время беседы он вдруг выключается, теряет нить разговора и потом не может вспомнить, о чем говорил. В обществе были уверены, что его политическая карьера закончилась и ему пора уходить.

Лидер коммунистов Геннадий Зюганов уверенно заявлял:

— Режим уже изжил себя окончательно. Он агонизирует. Ельцин уже не может управлять по-старому, а по-новому он не умеет. В ближайшее время «Семья» его изолирует, чтобы он не мешал. Администрация президента растерянна, ослабленна, она не имеет авторитета. Время либералов ушло, народ их ненавидит...

Кто-то, правда, вспоминал, что прежде Борис Николаевич был хорош именно в критических ситуациях, когда его зажимали в угол. Но его взлеты и победы, казалось, все в прошлом. Он не в состоянии был целый день высидеть в Кремле и все больше времени проводил в загородной резиденции. Его появления на телеэкране производили странное и жалкое впечатление.

Он казался далеким не только от народа, но и от собственного правительства. Многие министры видели его только по телевидению. Он замкнулся в узком окружении, где главную скрипку играли его дочь и журналист, который написал за него книги.

Пошли разговоры, что за него все делает окружение. И, не спрашивая президента, выпускает указы с помощью резиновой печатки с факсимиле подписи Ельцина, которая хранится в сейфе заведующего канцелярией президента России.

Когда человек становится президентом, он понимает, что у него есть друзья, сторонники, подчиненные и враги. Потом с каждым днем друзей и сторонников у него становится меньше, а врагов все больше. Может так получиться, что к концу срока у него останутся только подчиненные и враги. Нечто подобное произошло и с Ельциным.

Власть в любом случае обрекает на одиночество. И жалобы на то, что Борис Николаевич слишком подвержен чужому влиянию, скорее отражали недовольство тем, что он слушал советы не тех, а других, что те лишились «доступа к телу», а другие его получили.

«А прислушиваться к чьим-то рекомендациям Ельцин никогда не любил, — говорил в интервью «Собеседнику» один из его бывших референтов Андрей Шторх, — то есть он всегда выслушает тебя с интересом, но думаю, что это тоже чисто русская черта — любопытство. Если он в душе не согласен, то на следующий день все сделает наоборот...»

Но пока Борис Николаевич был силен и здоров, он общался с огромным количеством людей. Постепенно состояние его здоровья привело к тому, что он стал встречаться со все меньшим числом людей, закрылся для общественного мнения. Он принимал только несколько человек из администрации и министров-силовиков.

Конечный результат оказался плачевным. Он остался один. А какой когда-то у него был круг соратников! Среди них попадались, конечно, и серые персонажи, и вовсе никудышные. Но были и блестящие политики. Он всех растерял.

Как только президент замкнулся в узком кругу особо близких и доверенных лиц, сложилось впечатление, что эти люди и принимают все ключевые решения в стране. Летом 1999 года общество было убеждено, что уже вся власть в руках этих людей. Появился даже термин «Семья», потому что часть этого доверенного круга была связана с президентом не только служебными, но и родственными отношениями.

ИЗ КОГО СОСТОИТ «СЕМЬЯ»

Никто твердо не мог назвать состав этой «Семьи». Критерием был постоянный доступ к президенту — важнейшая привилегия в чиновничьем мире. Обычно в этот круг включали дочь президента Татьяну Дьяченко, журналиста Валентина Юмашева, главу президентской администрации Александра Волошина, предпринимателя Бориса Березовского, управляющего делами президента Павла Бородина.

Ключевой фигурой в президентском окружении, судя по всему, стала Татьяна Дьяченко. Ее старшая сестра — Елена — ма-

мина дочка. Она такая же вспыльчивая, как Борис Николаевич, но унаследовала от Наины Иосифовны тягу к домашней жизни и политикой не занималась. Она вышла замуж за Валерия Окулова, который работал штурманом в Свердловском авиаотряде. Когда Борис Ельцин получил назначение в ЦК КПСС, Окулова тоже перевели в Москву, он стал летать на международных рейсах, а со временем возглавил весь «Аэрофлот». Елена Борисовна родила троих детей и жила с мужем отдельно от родителей.

Татьяна, напротив, папина любимица. Она постоянно жила с родителями, кроме тех лет, когда училась на факультете вычислительной математики и кибернетики МГУ, престижном в то время. Вела себя дочь первого секретаря Свердловского обкома КПСС очень скромно.

Первый брак у нее не сложился, и ее сыну Борису дали дедушкину фамилию, что весьма польстило Борису Николаевичу, мечтавшему о продолжении рода Ельциных. Второй брак с бизнесменом Алексеем Дьяченко оказался удачным, она родила еще одного сына, но домашние заботы захватили ее не полностью.

Татьяна Борисовна рано увлеклась политикой, переживала за отца и хотела быть рядом с ним. Ее вовлекли в работу предвыборного штаба в 1996 году, и это оказалось правильным решением. Говорят, что идея приобщить ее к политике принадлежит Анатолию Чубайсу. Ему нужен был надежный канал влияния на президента. Не более того. Татьяна Борисовна присутствовала на заседаниях штаба, вникала во все идеи и, оценив их, убеждала президента прислушаться к рекомендациям штаба. В тот период она только слушала то, что говорили другие.

После президентских выборов Татьяна Дьяченко была назначена советником президента и стала каждый день приезжать в Кремль. Она лучше других понимала, что больному отцу невероятно трудно справляться со своими повседневными обязанностями. И вдвоем с Валентином Юмашевым они старались сделать то, на что самому президенту сил уже не хватало.

Ей приписывали личные политические амбиции. Если они у нее и были, то ни в чем не проявились. Она преданно исполняла дочерний долг, помогая отцу, и покинула Кремль вместе с ним. Другое дело, что ее активное участие в политике многих в стране возмущало и в немалой степени способствовало дискредитации власти.

Андрей Козырев, бывший министр иностранных дел, с этим не согласен:

— Сначала говорили, что Ельцин никого не ценит, друзей не заводит, быстро расстается с людьми. Потом его стали критиковать за то, что он не расстается со своей дочкой. У президента должна быть свобода смены своей профессиональной команды. Но у президента нет возможности менять своих дочерей. Да и почему он не может пользоваться советами взрослой дочери? Его дочь — друг, единомышленник. Я знаю Татьяну хорошо, это человек демократических убеждений. Другое дело, что Ельцин мог быть более лоялен к своим бывшим соратникам. Он мог больше прислушиваться к другим людям и не только к родственникам. Но это вопрос меры. Злодейства тут нет...

Татьяна Дьяченко при первой встрече производит впечатление очень скромного, тактичного, вежливого и аккуратного человека. Она унаследовала от отца твердый характер, который прячет под внешней мягкостью. Приняв какое-то решение, от него не отступает.

Татьяна Дьяченко в Кремле редактировала все выступления президента, контролировала его рабочий график, просматривала список тех, кто получал право побывать у президента, участвовала в подготовке для него кадровых назначений — то есть в составлении списка кандидатов на ту или иную должность, из которого президент мог выбирать.

Борис Николаевич — не тот человек, который безоглядно прислушивается к просьбам и пожеланиям родных.

Его бывший помощник Георгий Сатаров говорил мне:

— Ельцин по натуре домостроевец. Мне приходилось слышать, что, когда дома ему пытались что-то сказать, он резко осаживал родных: не лезьте, бабы, не в свое дело! Вот это в его натуре... Понятно, что у близких больше возможностей ему что-то сказать, повлиять на настроения. Думаю, что это влияние преувеличивается и демонизируется, потому что в таком возрасте поздно перестать быть домостроевцем, поздно переучиваться. Ельцин — человек, который решения принимает самостоятельно...

О намерении уйти в отставку Ельцин сказал жене только 31 декабря 1999 года, уезжая в Кремль.

Наина Иосифовна была довольна:

— Какой ты молодец!

Она не поняла, что он сделает это прямо в тот же день.

В интервью «Известиям» Наина Ельцина уже после отставки мужа скажет:

— На протяжении всей жизни о всех решениях, какие он принимал, я узнавала последней...

Тем не менее Борис Николаевич знал, что может положиться на мнение дочери, которой движет желание помочь отцу, облегчить его жизнь. Президент ценил в ней надежного помощника и радовался, если она предлагала разумное решение.

Почти с таким же доверием Борис Николаевич относился к Валентину Юмашеву. У Ельцина, который мечтал иметь сына, он был на положении самого близкого человека.

Валентин Юмашев работал в «Московском комсомольце», затем в «Комсомольской правде». Он был автором сценария первого фильма об опальном Ельцине и сумел понравиться будущему президенту. Потом Юмашев официально работал в «Огоньке», писал за президента его книги и очень много времени проводил рядом с Борисом Николаевичем. Он был принят в доме как член семьи — настоящей, с маленькой буквы.

В том же 1996 году Юмашев тоже получил свою первую должность в Кремле и стал советником президента по вопросам взаимодействия со средствами массовой информации. Они работали на пару с Татьяной Дьяченко. Когда в марте 1997 года Чубайс перешел в правительство, Юмашев стал главой президентской администрации.

Для страны это был большой сюрприз; те, кто знал реальную ситуацию внутри Кремля, не удивились. Должность руководителя администрации особенная. Ее обыкновенно занимает человек, способный управлять большой государственной системой и одновременно приятный, комфортный для президента. Вторым качеством Юмашев обладал в полной мере. Большой государственный руководитель из него, судя по всему, не получился.

Но от Юмашева требовалось совсем другое: облегчить жизнь президента. С этой задачей они вдвоем с Татьяной Дьяченко справлялись.

Некоторые его подчиненные говорили мне, что Валентин Юмашев — гений ничегонеделания:

— Он очень способный человек в смысле человеческих отношений: уговорить, переубедить, свести кого-то с кем-то, уладить конфликт. Но работать с ним просто невозможно. Возникает проблема. Надо ее обсудить, говорит он, давайте проведем совещание. Обсудили, совещание заканчивается. Нормальный руководитель должен закончить совещание принятием какого-то

решения. Юмашев говорит: давайте-ка еще соберемся и все заново обсудим. А дело не двигается с мертвой точки...

Причем самого Юмашева эта каждодневная чиновничья работа тяготила. Его вполне устраивало положение неофициального советника. В конце 1998 года он ушел с поста руководителя администрации.

Никто не мог понять, почему это произошло. Гадали, за какие грехи Ельцин расстался со своим любимцем. А дело в другом: Юмашев почувствовал, что его отношения с Борисом Николаевичем становятся официальными. А он не хотел превращаться в еще одного чиновника. Он дорожил личными отношениями с президентом, поэтому ушел и сохранил свое место при дворе.

В «Семью» включали и управляющего делами президента Павла Бородина, который был российским депутатом и мэром Якутска. Он понравился Ельцину, и президент перетащил его в Москву.

Управление делами президента занимает здание, где раньше находилось управление делами ЦК КПСС. Но империя Бородина была много больше партийной. Как говорил сам Бородин, «после «Газпрома» мы — вторые по собственности и количеству работающих». Но «Газпром» снабжает нашу страну и пол-Европы газом. А империя Бородина обслуживала лишь начальство. Поликлиники, санатории и дома отдыха, дачи, квартиры, спецсамолеты, машины и ателье — все в ведении управления делами президента.

Подконтрольно оно только самому президенту. Попытки заглянуть в бумаги, выяснить, что же там делается в хозяйстве Бородина, никому не удавались. Ельцин не позволил Валентину Юмашеву и Татьяне Борисовне убрать Бородина и подчинить управление делами администрации президента.

Бородин имел постоянный доступ к президенту. Раньше, когда Ельцин куда-то ездил, он обязательно брал Бородина с собой. Павел Павлович умеет все, чему учила советская номенклатурная школа: выпить и закусить, побалагурить, позабавить начальство анекдотом. Бородин, веселый, довольный, доброжелательный, всегда с новой шуткой, производил на Ельцина просто лечебное действие.

Еще одним членом «Семьи» считался последний руководитель ельцинской администрации Александр Волошин, профессиональный экономист, который пришел в аппарат из бизнеса и быстро сделал карьеру. Считается, что он первым принялся

жестко критиковать экономическую политику правительства Примакова и тем пришелся ельцинскому окружению по душе.

Самое непонятное и загадочное место в «Семье» занимал преуспевающий предприниматель Борис Березовский, который быстро потерял интерес к бизнесу и стал заниматься политикой. Наиболее удачной сделкой Березовского было приобретение части акций Общественного российского телевидения, что обеспечило ему контроль над первым каналом, передачи которого принимаются во всех, самых отдаленных уголках страны.

Бешеная энергия, поразительное чутье и математический ум Березовского обеспечили ему место в высшем эшелоне российского политического истеблишмента. Он дважды занимал даже официальные должности — заместителя секретаря Совета безопасности и исполнительного секретаря Содружества Независимых Государств. Но его сила заключалась не в простых чиновничьих достоинствах, а в комбинационных возможностях его ума. Член-корреспондент Академии наук Березовский испещрял бумагу не абстрактными математическими формулами, а конкретными политическими построениями, в частности кадровыми.

Березовский — мягкий, вежливый и приятный в личном общении человек. Говорят, что он почти не спит, не умеет отдыхать и должен постоянно находиться в движении. Его мозг тоже не терпит простоя. Он наделен еще счастливой способностью не обижаться и не смущаться. Получив отказ, он подыскивает новые аргументы и продолжает добиваться своего. Он — гений пробивания придуманных им идей.

Татьяна Дьяченко и Валентин Юмашев ценили его цепкий и оригинальный ум. Дьяченко, разумеется, нравились и другие умные люди — Игорь Малашенко, один из руководителей НТВ, который наотрез отказался стать главой президентской администрации, и Анатолий Чубайс (даже подозревали, что у них с Татьяной Борисовной роман). Но все остальные были самостоятельными фигурами. И только один Березовский готов был как бы бескорыстно делиться идеями, круглые сутки рождать все новые и новые политические конструкции. Он наслаждался этими политическими играми, они составляли смысл его жизни.

Дьяченко, Юмашев и Березовский часто встречались и в неформальной обстановке, обсуждали важнейшие проблемы. Окончательное решение в любом случае принимал Ельцин, но они предлагали варианты.

Тем не менее влияние Березовского, видимо, не стоит переоценивать. Личного доступа к президенту у него практически не было. Способностями Березовского в Кремле охотно пользовались, но его положение никогда не было надежным и стабильным.

Во время премьерства Примакова был даже выписан ордер на его арест. Березовский отсиделся в Париже, а потом ордер аннулировали. А тут и Примакова убрали из Белого дома...

Зять Ельцина Валерий Окулов, генеральный директор «Аэрофлота», совершенно спокойно выставил Березовского из своего бизнеса и уволил всех его людей. Тут и особые отношения с Дьяченко и Юмашевым ему не помогли. Тем более, что они, вероятно, не были такими уж крепкими, поэтому Березовский всеми силами изображал себя более важной персоной, чем был на самом деле.

Узнав в Кремле о подготовке того или иного решения или, например, о предстоящем заметном назначении (а до подписания президентом указа все принято держать в тайне), он где-нибудь на пресс-конференции многозначительно говорил, что такого-то, с его точки зрения, стоило бы назначить на такую-то должность.

Через две недели назначение действительно происходило, и все изумлялись: «Ну, Березовский, все может! Только сказал, и уже решение принято». Так что Березовский, по мнению людей знающих, еще и талантливый мистификатор...

Всякие слухи ходили за кремлевской стеной. Конечно, внезапная отставка Бориса Ельцина оказалась невероятной удачей для Владимира Путина. Но многие сомневаются: сам ли Борис Николаевич принял неожиданное для страны и мира решение уйти? Или же был вынужден покинуть Кремль, подчиняясь чьей-то сильной воле? И вообще — в какой степени в последние месяцы и годы он решал, что и как будет, а в какой прислушивался к настойчивым советам других?

Ельцин, несмотря на возраст и болезни, остался человеком очень волевым и своенравным. Он не любит ездить по накатанной колее. Ему нравилось удивлять окружающих хорошо подготовленными экспромтами, которые потом обильно цитировались. Иногда его своенравие проявлялось самым странным образом. Скажем, в последние годы своего президентства он проводил встречи с военачальниками.

— К каждой встрече ему писали речь, — сказал в беседе со мной бывший глава президентской администрации Евгений Са-

востьянов. — Но не было случая, чтобы он не начал импровизировать.

— Импровизировал толково?

— К сожалению, он лишь своими словами повторял то, что есть в тексте, поэтому получалось неудачно. Он отклонялся от написанного, что-то говорил от себя, потом возвращался к тексту и зачитывал почти то же самое, что только что говорил.

Вообще лучше либо говорить по писаному, либо выступать с импровизированной речью. Но Борис Николаевич всегда инстинктивно пытался вырваться за установленные рамки. Яркий этому пример — встреча с Ельциным вновь назначенных военачальников. Тогда ввели практику их представления президенту, то есть восстановили традицию, которая была в царской России. Входит президент, останавливается на середине зала и вдруг громко произносит:

— Здравствуйте, товарищи!

И ждет ответа. Но на репетиции такой вариант не предусматривался, и генералы не сразу сообразили, что должны дружно ответить:

— Здравия желаем, товарищ верховный главнокомандующий!

Наступило абсолютное замешательство...

АТАКА НА «СЕМЬЮ». И ЕЕ ОТВЕТ

Самоуправство «Семьи» особенно наглядно проявилось летом 1999 года, в период премьерства Степашина, когда он не в состоянии был назначить министра против воли администрации. Это очень настроило людей против Ельцина и его окружения. И практически одновременно в мировой прессе появились сообщения о том, что в различных иностранных банках обнаружены личные счета Ельцина, его дочерей, зятьев и ближайших к президенту чиновников.

Западные газеты писали, что на имя Ельцина была оформлена кредитная карточка «Американ экспресс», но покупки делались чисто символические, словно владелец проверял, как работает эта игрушка. А вот его дочери Елена Окулова и Татьяна Дьяченко вроде бы пользовались карточками «Еврокард» и совершали с их помощью значительные покупки.

Эти сообщения — особенно в отношении Ельцина — вызывали большие сомнения. Президентская пресс-служба заявила, что

президент, его жена и их дети никогда не открывали счета в зарубежных банках. Борис Николаевич привык к тому, что все заботы о его жизни несет на себе государство. Ему никогда не надо было думать о деньгах, он сам ни за что не расплачивался. Для этого существовала Служба безопасности и управление делами.

Виктор Черномырдин сказал по поводу разговоров о счетах Ельцина в заграничных банках:

— Наш президент денег уже лет пять или десять в глаза-то не видел. Он даже не знает, какие у нас деньги...

Чаще других в западной прессе мелькало имя управляющего делами президента Павла Бородина, которым занялась прокуратура Швейцарии — он нанимал швейцарские фирмы для строительных работ в Москве.

«Отечество» подхватило эти сообщения и строило свою предвыборную программу на прямых обвинениях «Семьи» в коррупции и в том, что самозванцы (их же никто не выбирал) засели в Кремле и пытаются командовать правительством и всей страной. Это была очевидная, но не очень удачная идея.

«Семья» восприняла разговоры о кремлевских махинациях как личную угрозу. Тем более, что один из руководителей предвыборного штаба «Отечества» крайне неблагоразумно напомнил о судьбе семьи румынского вождя Чаушеску, сметенного волной народного гнева. Это прозвучало достаточно зловеще, потому что Николае и Елена Чаушеску были расстреляны, сына посадили на скамью подсудимых...

Многие люди решили, что приход к власти Лужкова и Примакова будет для них смертельно опасен. Юрий Михайлович призывал проверить, насколько честно была проведена в стране приватизация, и расторгнуть незаконные сделки. Евгений Максимович требовал расследовать сомнительный бизнес олигархов. Еще в роли премьер-министра он многозначительно сказал, что ожидаемая амнистия позволит освободить места для экономических преступников.

Слова лидеров «Отечества» воспринимались всерьез. Большая группа влиятельных и богатых людей считала, что победа Примакова и Лужкова может стоить им не только власти и положения, но и свободы. Поэтому они, зажатые в угол, дрались отчаянно.

Тогда, в начале осени 1999 года объединились разные силы — администрация президента и некоторые олигархи; их интересы совпали: во что бы то ни стало не допустить победы Примакова и Лужкова.

Стратегия была разработана такая: во-первых, разрушить репутацию обоих политиков в глазах общественного мнения, во-вторых, сформировать новую политическую партию, способную составить конкуренцию предвыборному блоку «Отечество — Вся Россия».

Они быстро перешли в контратаку. Ответ был симметричный. Поскольку жена московского мэра Елена Батурина занимается бизнесом, то принялись за нее. Московские прокуроры и чекисты, надо понимать, к этому не захотели иметь отношения. Нашли более исполнительных людей во Владимире, где Елена Батурина имела свои деловые интересы.

По указанию владимирского прокурора сотрудники областного управления Федеральной службы безопасности, расследуя дело о незаконном переводе денег за границу, занялись и компанией «Интеко», которую возглавляет жена московского мэра. В офис компании явились чекисты, забрали документы. Об этом рассказали по телевидению: жена Лужкова подозревается в незаконном вывозе денег за границу!.. Чем же в таком случае семья Лужкова лучше семьи Ельцина?

Разразился скандал. Юрий Лужков оказался к нему не готов. Он стал возмущаться, оправдываться, объясняться, и это еще больше повредило ему в общественном мнении.

«Дело Елены Батуриной» со временем оказалось полной липой, ничего противозаконного она не совершала, но ущерб репутации Лужкова был нанесен серьезный.

В начале сентября политическое пространство нашей страны превратилось в поле боя. Как в Чечне, здесь рвались снаряды и авиабомбы и орудовали снайперы. Соперники уже ощутили вкус политической крови, и на глазах пораженной, а может быть, и довольной публики они рвали друг друга на куски.

Теоретически в безжалостной атаке на политиков есть свои плюсы. Люди узнают о них много нового. Кандидаты в депутаты перестают быть небожителями и предстают перед нами обычными людьми, грешными и ошибающимися. В странах с давними демократическими традициями политику не прощается то, что любому другому сойдет с рук. Ошибки, допущенные политиками, часто непоправимы. Если они совершили нечто непорядочное и аморальное, им этого никогда не забудут.

В общем это логично — завоевав наши голоса, политики получают возможность распоряжаться не только нашими деньга-

ми, принимая бюджет и устанавливая налоги, но и нашими жизнями, например начав войну...

Но в избирательную кампанию 1999 года все получилось иначе. Теоретически в ходе кампании мы должны были услышать, что именно предлагают кандидаты, с какой политической и экономической программой они собираются войти в Государственную Думу, что могут для нас сделать.

Но вот об этом решительно никто не вспоминал и даже не спрашивал кандидатов! Избирательная кампания превратилась в натравливание общественного мнения на тех или иных лиц.

Лужкова пытались просто уничтожить. Для ОРТ он превратился в главную мишень. Ему предъявлялись самые фантастические обвинения. Юрий Михайлович неизменно подавал в суд и выигрывал процессы. Но это не имело никакого значения. Его продолжали смешивать с грязью. Даже те, кто возмущался такими методами, смотрел эти передачи. Они нанесли невероятный урон Лужкову. Из солидного и уважаемого хозяйственника он превратился в предмет насмешек.

Конечно же люди охотно верят, что все вокруг воруют, что все кругом преступники и негодяи, что любой начальник — взяточник и хапуга. Многие даже и не нуждаются в доказательствах. Они это знали заранее! А если им об этом еще и говорят с телеэкрана, то они всего лишь сладострастно убеждаются в собственной правоте.

Можно не любить Лужкова и быть его противником, можно расследовать его работу в качестве мэра или коммерческую деятельность его жены и шурина, но всякое обвинение должно строиться на доказательствах, фактах, документах.

Мы же видели пустое ерничество, издевку и просто глумление, заигрывание с чернью и обращение к низменным инстинктам. Люди, которые этим занимались, распространяли мерзкие нравы коммунальной кухни на сферу политической борьбы.

Они охотно разжигали в публике все ту же ненависть к преуспевающему соседу и непреодолимое желание нагадить ему в кастрюлю с супом или прищемить хвост его кошке. Вот поэтому все затхлое, тупое и ленивое, что есть в нашем обществе, с восторгом встречало мнимые разоблачения.

Лужков меньше других был готов к тому, что на него выльют такие ушаты грязи. Пока его политические интересы не выходили за пределы Москвы, его в основном хвалили. Похоже, он даже не подозревал, что политическая борьба — это драка без

правил. В последние дни перед выборами 19 декабря Лужков выглядел очень плохо. Ему эта кампания дорого обошлась.

Ошибка Лужкова состояла в том, что он с самого начала занял неверную позицию: реагировал на каждый выпад телевидения. Получилось, что политик Лужков ведет борьбу не с другими политиками, не со своими соперниками, а всего-навсего с телевизионным журналистом.

Досталось и Примакову, которого обвинили в попытке организовать убийство президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе. Наверное, это кому-то кажется логичным. Шеварднадзе намерен сделать Грузию членом НАТО, то есть вредит российским интересам. А Примаков такой крутой человек, что ему замочить, как у нас теперь выражаются, какого-нибудь президента ничего не стоит...

Но тот, кто придумал эту версию, плохо представлял себе, как функционирует система власти. Любая акция спецслужб, даже вербовка какого-то заметного иностранца, требует санкции высшего политического руководства. Раньше санкцию давал ЦК КПСС; когда речь шла о серьезной операции — сам генеральный секретарь, теперь, видимо, президентская администрация.

Так что же Примаков — в роли начальника разведки, а потом премьер-министра — приходил к Ельцину и говорил: есть идея убить Шеварднадзе? Все готово, вот служебная записка, подпишите, Борис Николаевич!.. У Ельцина было много недостатков, но дураком он никогда не был. И Примаков тоже.

Говорили еще, что Примаков так и не оправился после операции на позвоночнике, что его ждёт следующая операция и закончится все это инвалидностью. При этом на экране телевизора возникали лужи крови, которые должны были вызывать определенные ассоциации.

В те дни, когда стране рассказывали, что Примаков с трудом передвигается, я наблюдал Евгения Максимовича в неформальной обстановке. Он был в прекрасном настроении, за столом ни в чем себе не отказывал, а после застолья пел и пританцовывал. Но это видели человек двадцать, страна же верила телевидению. Тем более, что на телеэкране Евгений Максимович обычно появлялся мрачным и недовольным. Это не множило ряды его поклонников.

Примаков так и не сумел наладить отношения с прессой и телевидением и многих журналистов настроил против себя. Ев-

гений Максимович всегда обижался на критику в прессе, считая, что его критикуют несправедливо.

Тем не менее не стоит говорить, что выборы в Государственную Думу в декабре 1999 года выиграло телевидение. Несмотря на все усилия ОРТ, Юрий Лужков был переизбран мэром Москвы абсолютным большинством голосов. А вот за политический блок «Отечество — Вся Россия», в котором он играл ключевую роль, проголосовало значительно меньше людей, чем ожидалось.

В чем причина поражения блока «Отечество — Вся Россия», который казался очевидным фаворитом? Ответов много.

Главный предвыборный лозунг: избавиться от Ельцина в Кремле — уже устарел к моменту выборов. Никто и не сомневался в том, что Борис Николаевич вскоре уйдет. А вот кто и что будет после него? Жесткие атаки на Ельцина и «Семью», обвинения в коррупции не расположили к себе избирателя.

От политиков ждали не жесткой критики, а позитивной программы действий. А ее внезапно стал олицетворять новый премьер-министр Владимир Путин. Молодой премьер выгодно смотрелся и на фоне семидесятилетнего Примакова.

Да не только Примакову — всем политикам карты спутала вторая чеченская война и появление Путина.

СЛУХИ ОБ ОТРЕЧЕНИИ

Избирательная кампания поначалу носила разочаровывающий характер, рождая отвращение ко всем политикам. Средний избиратель ведь и так не верит в себя. Он не считает, что его голос на выборах имеет какое-то значение. Скорее наоборот. Он опускает в избирательную урну бюллетень, а уверен, что результаты выборов зависят от кого-то иного. И власть все равно достанется человеку, лишенному каких бы то ни было достоинств.

А тут еще избирателю со всех сторон внушали, что честных людей в политике нет и быть не может. Что же тогда трудиться голосовать? Чувство, что мы живем в состоянии универсального обмана, становилось всеобщим, и людей охватывало ощущение бессилия, растерянности и опустошенности...

На волне такого безверия победу обычно одерживают будущие диктаторы. Люди желали смены политических поколений, они были недовольны прежней политической элитой и мечтали увидеть новые лица.

Осенью 1999 года Москва полнилась самыми разнообразными слухами. Говорили, что одряхлевший Ельцин отменит выборы и назначит премьер-министром Александра Лебедя. В такой критической ситуации у него одного хватит характера удержать страну в руках.

Считается, что это была идея Бориса Березовского, который всячески поддерживал Лебедя, считая его наилучшим кандидатом в данный момент. Обнадеженный красноярский губернатор вспоминал старую китайскую пословицу: если долго сидеть на берегу реки, то рано или поздно мимо тебя проплывет труп твоего врага.

Лебедь действительно как-то воодушевился. Он стал объяснять журналистам, что власти демонстрируют бессилие, что страна взрывается и надо вводить чрезвычайное положение, а Ельцин — слишком пожилой и слишком больной человек. Красноярский губернатор красиво говорил, что ему понадобится полтора месяца, чтобы въехать в Кремль на белом коне. И неделя, чтобы перековать и почистить коня. Ведь неприлично появиться в Кремле на усталом и грязном...

При этом Александр Иванович вроде бы заранее отказался от должности, дескать, под руководством «Семьи» реально ничего сделать нельзя. Но публичный отказ всего лишь свидетельствовал о том, что реальное предложение ему не сделано.

Кресло премьер-министра кажется незавидным и несчастливым — не успел обжиться в кабинете, как приходится паковать чемоданы и освобождать место преемнику. Однако же нет ни одного политика, который бы отказался от предложения возглавить правительство, даже сознавая мимолетность сей славы. Верно, есть что-то упоительное в возможности — хотя бы ненадолго — взяться за штурвал управления страной.

Никто из бывших премьер-министров не сумел вернуться к прежнему делу — ни Гайдар, ни Черномырдин, ни Примаков, ни Кириенко, ни Степашин... Все отравлены властью и ни о какой иной жизни, кроме как в политике, и думать не могут.

Александр Лебедь наверняка мечтает о возвращении в Москву. Но возвращение должно быть триумфальным. Он потому и предпочел стать не депутатом Думы — одним из многих, а губернатором далекого Красноярска, потому как при его гордыне лучше быть первым в деревне, чем последним в Риме. Но если бы ему реально предложили пост второго человека в стране, он бы, наверное, согласился.

Потом появились другие слухи: под предлогом боев в Дагестане в стране будет введено чрезвычайное положение. Выборы, естественно, отменят, но страной будет управлять не давно отвергнутый Лебедь, а железный Путин, новый премьер-министр, которому «Семья» полностью доверяет...

Тогда в первый раз заговорили о том, что Ельцин в середине сентября неожиданно объявит о своей досрочной отставке. Тогда по закону президентские выборы должны пройти не позднее чем через три месяца, то есть 19 декабря, одновременно с парламентскими. Это поставит в труднейшее положение всех вероятных кандидатов — и Примакова, и Зюганова, и Явлинского, и Лужкова, и Степашина. Зато Владимир Путин, как действующий премьер-министр, получит все возможности для того, чтобы стать фаворитом и быть избранным на пост президента.

Рассказывали, что президентская дочка Татьяна Дьяченко запросила у юристов документы о процедуре отречения. А самому президенту будто бы грозит новая операция на сердце, и он работает над текстом последнего обращения к народу...

Эта идея реализуется, но позже, когда Путин проявит себя. А в тот момент этот слух пренебрежительно отвергли — Ельцин, даже старый и больной, не очень похож на человека, который способен по собственной воле отказаться от власти.

Позиции Ельцина казались настолько слабыми, что даже обычно очень осторожный председатель Совета Федерации Егор Строев в интервью американским журналистам позволил себе намекнуть, что президенту пора уходить.

Казалось, Совет Федерации готов поднять мятеж против Бориса Николаевича и обратиться к нему с просьбой досрочно уйти в отставку. Председатель Государственной Думы Геннадий Селезнев поспешил сказать, что, если Ельцин это сделает, Россия скажет ему «спасибо».

Но Совет Федерации на это не решился.

Говорят, что Ельцин оказывает на губернаторов прямо-то гипнотическое действие. У себя дома они клянут Бориса Николаевича на все лады. А как доберутся до Первопрестольной, их охватывает непонятная робость. В кремлевской приемной еще кулаками размахивают, а как войдут в президентский кабинет, так мигом забывают о своей фронде и покорно кивают: да, Борис Николаевич, конечно, Борис Николаевич... Даже главный его критик Геннадий Зюганов в присутствии прези-

дента терялся. Как заметил бывший референт Ельцина Андрей Шторх, президент никогда не кричал, но умел сделать так, что человек чувствовал себя полным ничтожеством.

Похоже на правду: начальства в России всегда смертельно боялись. Председатель Совета Федерации Егор Строев хотя от своих слов и не отрекся, но поспешил поправиться и сказал, что «в верхней палате бунта на корабле не будет». А Ельцин великодушно согласился считать интервью «недоразумением».

Но Борис Николаевич в те месяцы явно нервничал.

9 октября, в субботу, Бориса Николаевича госпитализировали с диагнозом «грипп», а в понедельник рано утром уже выписали. Конечно, врачи не любят, когда больные залеживаются. Это вроде как их плохо лечат. И пожилых людей неохотно кладут в больницу, потому что лечить их трудно.

Но в данном случае навряд ли больница управления делами президента так уж спешила избавиться от своего главного пациента... В возрасте Бориса Николаевича при гриппе провести на постельном режиме меньше недели — непростительное легкомыслие. Остаться в больнице было бы разумнее, но Ельцин потребовал его отпустить.

Создалось такое впечатление, что он не хотел валяться на больничной койке, а то все решат, что молодой и динамичный премьер-министр Путин уже практически заменил его в политической жизни страны.

Последние четыре года Ельцин часто болел. Любая его болезнь, даже просто посещение медицинского учреждения вызывало в стране раздражение и подозрения. Борис Николаевич в конце концов стал чувствовать себя неуверенно, боялся произвести дурное впечатление, показаться слабым и немощным.

Общество возмущалось больным президентом, как суровый работодатель — хилым и нерадивым подчиненным, который постоянно бюллетенит. Всякий раз, когда Ельцин попадал в больницу, от него требовали немедленно подать в отставку или на худой конец передать полномочия премьер-министру.

Ельцин, с одной стороны, нервничал и явно боялся провести в больнице лишний день, что едва ли шло ему на пользу. А с другой, испытывал неодолимое желание доказать всем и вся, что он полон сил. Поползли слухи, что и Путин не надолго, что и он нервничает, торопится себя показать. То ли боится не успеть, то ли не угодить.

ВАХХАБИТЫ ИДУТ

Вторжение чеченских боевиков под командованием Шамиля Басаева и Хаттаба в Дагестан в августе 1999 года оказалось для страны полной неожиданностью, хотя естественно было бы предположить, что армия и спецслужбы следят за тем, что творится на мятежной территории.

Бывший директор Федеральной службы безопасности Николай Ковалев рассказывал мне, что спецслужбы получали информацию о происходящем в Чечне и докладывали ее руководству страны.

— Но почему в таком случае Федеральная служба безопасности не смогла предупредить взрывы в Москве и в других городах, проникновение боевиков в Дагестан? — спросил я.

— Я разработал систему предупреждения террористических актов, — ответил Ковалев. — Этим занималось управление по разработке преступных организаций. И нам удалось предотвратить несколько акций, которые привели бы к массовой гибели людей. К сожалению, после моего ухода это управление было упразднено, а с ним разрушилась и система получения информации о готовящихся терактах.

— А как именно вы узнавали, что готовится та или иная вылазка боевиков?

— Это достаточно специфическая тема. В двух словах скажу, что у боевиков существует известная нам технология подготовки такого рода акций. Знание определенных деталей позволяло нам понять, что именно назревает...

Николай Ковалев, храня военную и государственную тайну, не захотел раскрывать детали, но я могу предположить, что речь в первую очередь шла о системе радиоразведки, что позволяло фиксировать телефонные переговоры лидеров боевиков. Когда определенные абоненты начинали оживленно переговариваться, становилось ясно, что готовится взрыв или нападение.

Но летом 1998 года премьер-министр Сергей Кириенко специально летал в Карелию, чтобы подписать указ об увольнении Ковалева. Вместо него директором Федеральной службы безопасности был назначен Владимир Путин. На этой кандидатуре вроде бы настоял Кириенко. Новый директор распустил управление по разработке преступных организаций.

Вторжение боевиков в Дагестан готовилось несколько месяцев, если не лет. Военные потом с раздражением говорили, что

там были созданы долговременные оборонительные сооружения, и возмущались поведением местных властей, которые ничего не замечали. Удивлялись, как это Федеральная служба безопасности проморгала и подготовку вторжения в Дагестан, и организацию терактов в Москве и других городах?

В реальности и ФСБ, и военные завалили высшее руководство предупреждениями.

Бывший премьер-министр Сергей Степашин рассказывал потом в газетном интервью: «Каждый день шли шифровки от разных спецслужб, соперничающих друг с другом: вторжение вот-вот начнется. А даты назывались разные. Есть у спецслужб такой элемент внутренней подстраховки: «если что — я доложил». И когда ничего не происходит — появляется элемент расслабления...»

Боевики вошли в Дагестан под зеленым знаменем джихада — священной войны против неверных и обещали создать исламское государство, которое должно было объединить Чечню и Дагестан. В самом Дагестане к ним присоединились ваххабиты. О них уже несколько лет говорили как о новых и опасных врагах, которые будут пострашнее обычных бандитов из Чечни, потому что ваххабиты намерены оторвать от России Северный Кавказ и создать самостоятельное исламское государство.

Кто такие ваххабиты? Откуда они взялись?

Ваххабизм — это религиозно-политическое течение в суннитском исламе. Оно возникло в Аравии в середине XVIII века на основе учения Мухаммада абд ал-Ваххаба. Он говорил о том, что мусульмане отошли от принципов, установленных Аллахом, польстились на ненужные новшества, но необходимо очистить ислам, вернуться к его изначальным установлениям.

Ранних ваххабитов отличали крайний фанатизм в вопросах веры и экстремизм в борьбе со своими политическими противниками. Ваххабиты призывали к джихаду, священной войне против мусульман, отступивших от принципов раннего ислама.

Ваххабиты есть в странах Персидского залива, в Индии, Индонезии, Восточной и Северной Африке.

В Саудовской Аравии ваххабизм — основа официальной идеологии. Считается, что ваххабизм проник на Северный Кавказ, когда мусульманам разрешили совершать хадж и они стали ездить в Саудовскую Аравию. Потом саудиты сами стали приезжать на Северный Кавказ. Они привозили с собой религиозную литературу и деньги на строительство мечетей, но, как минимум, часть этих средств уходила на закупку оружия.

Первая чеченская война способствовала распространению крайних форм ислама на Северном Кавказе, как, впрочем, и в других районах России, где молодые мусульмане сочувствовали своим единоверцам в Чечне.

Война в Чечне заставила исламскую молодежь в самой России осознать свою принадлежность к мусульманскому миру, почувствовать свое единство со всеми, кто исповедует ислам. Появились, говоря сегодняшним языком, новые мусульмане. Причем новое поколение, похоже, выбирает радикальный ислам.

Можно смело говорить о существовании всемирной исламской солидарности. Ведь ислам не признает границ, ислам безграничен. Любая страна, где исповедуется ислам, является родиной любого мусульманина. Вот почему исламисты считают возможным и необходимым приходить на помощь единоверцам по всему миру, в том числе в Чечне или Дагестане.

Есть одна ошибка, которую делают многие. Ислам воспринимается как идеология отсталости, как нечто устаревшее, реликт прошлого времени. Но для самих мусульман ислам — очень современная идеология, которой принадлежит будущее.

Подъем исламизма всегда имеет под собой социальную основу. Он возникает там, где люди недовольны жизнью. В современном мире ислам превратился в мощное орудие социального и политического протеста.

Исламский фундаментализм — это стремление вернуться к некоему идеальному прошлому. Фундаменталисты отвергают все формы политической демократии и требуют строжайшего подчинения законам шариата. На практике это ведет к религиозному фанатизму, когда культивируется стремление умереть за ислам в борьбе с неверными.

Преимущество исламской культуры перед западной, утверждают теологи, заключается в ее большей духовности. Исламские теологи запрещают есть мороженое мясо, играть в шахматы, слушать эстрадную музыку. Они запрещают разводы, требуют от женщин носить чадру и вводят телесные наказания, вплоть до отсечения руки вору и побивания камнями за супружескую неверность. Инакомыслие рассматривается как болезнь. Тюрьмы приравниваются не только к больницам, но и к университетам, где заключенные «познают правду об исламе, где они сознаются в своих проступках и раскаиваются».

Агрессивный фундаментализм быстро приводит радикально настроенную молодежь к идее террора. Террор — это метод, ко-

торый нравится всем, кто хочет очень быстро добиться своих целей и заполучить то, чего он желает, — власть, деньги, оружие. Террор — это попытка малыми средствами добиться больших целей. Исламские боевики в Чечне легко вербовали молодежь. Эти молодые люди охотно поддавались внушению и считали, что сражаются за благородное дело.

Вступление в боевой отряд возвышало молодого человека над сверстниками. Он получал доступ к оружию, взрывчатке.

Причем боевики, имея весьма слабое представление о религии, стремились выставить себя пламенными приверженцами ислама. В результате ваххабизм стал синонимом террора, экстремизма, радикализма.

Большая часть дагестанских ваххабитов далека от политики. Все, чего они хотят, — это иметь возможность исполнять каноны ислама так, как они считают нужным. Осенью 1998 года они завели свою власть в селах Карамахи и Чабанмахи. Но тогда Москва не видела оснований применять оружие. Министр внутренних дел Сергей Степашин сказал ваххабитам:

— Если хотите соблюдать исламские обряды и традиции — соблюдайте. Никто вам мешать не станет.

Но чеченские боевики видели в ваххабитах своих естественных союзников в создании исламского государства. Боевики, верно, считали, что Москва не решится на вторую чеченскую войну. Тем более, что правительство возглавлял Сергей Степашин, однажды погоревший на Чечне.

8 августа Степашин прилетел в Махачкалу, чтобы организовать отпор бандитам, но развязывать настоящую войну он не хотел, поэтому его сменили на человека, который без колебаний отдал приказ «мочить» боевиков. Желание Степашина избежать жертв стоило ему карьеры.

ДОБИТЬ ВРАГА В ЕГО ЛОГОВЕ

Боевики хорошо подготовились к операции в Дагестане. Федеральных сил было недостаточно. Хотя Степашин рассказывал потом журналистам, что еще начиная с марта готовился план ведения боевых действий в Чечне:

— Мы планировали выйти к Тереку в августе—сентябре. Так что это произошло бы, даже если бы не было взрывов в Моск-

ве. Я вел работу по укреплению границ с Чечней, готовясь к активному наступлению...

Федеральные войска умело действовали в Дагестане, не так как в первую чеченскую войну. Новая тактика формировалась под влиянием современного мирового опыта — подавление авиацией и артиллерией огневых точек противника, расчленение и окружение отрядов противника, отказ от традиции брать населенные пункты к заранее установленной дате или к празднику.

Когда проникших в Дагестан боевиков фактически уничтожили, в Москве и в других городах прозвучали взрывы. Это были хорошо подготовленные террористические акты. Погибло несколько сот человек.

С самого начала исходили из того, что взрывы — дело рук чеченских террористов. Эти взрывы не были ответом на поражение в Дагестане. Их готовили загодя. Когда один теракт следует за другим, это и есть классическая стратегия напряженности — попытка запугать целую страну.

Из всех видов терроризма мы столкнулись с худшим. Вести борьбу с исламским экстремизмом невероятно трудно, добиться настоящего успеха и полностью себя обезопасить практически невозможно.

Террористические группы исламистов очень трудно обнаружить. Это тесно связанные между собой кланы численностью в несколько сотен человек, из них лишь немногие посвящены в дела террора.

Кто-то разрабатывает такие операции — надо знать, что и как взрывать. Кто-то вербует и обучает боевиков. Кто-то предоставляет большое количество взрывчатки и умело собирает взрывное устройство. Кто-то снабжает группу поддельными, но надежными документами. Кто-то обеспечивает им поддержку — доставляет в город, снимает квартиры, предоставляет машины — угнанные или с фальшивыми номерами.

Взрывы в Москве и в других городах изменили настроения в стране. Люди почувствовали себя беззащитными, они хотели, чтобы их избавили от страха новых взрывов. И они приветствовали твердость премьер-министра Владимира Путина и решение генералов не останавливаться на административной границе с Чечней, а двигаться дальше, чтобы полностью ликвидировать источник опасности.

Сергей Степашин рассказывал журналистам:

— У меня был другой план. Он предусматривал продвижение наших войск до Терека и укрепление границ Чечни со Ставропольским краем, Ингушетией и Дагестаном. Но когда военные без потерь продвинулись до Терека, они решили, что дальнейшее продвижение тоже не вызовет никакого значительного сопротивления. Сработала инерция советской военной машины...

Сначала военные говорили о санитарном кордоне вокруг Чечни, о том, что войска остановятся на Тереке, чтобы не пропустить в Россию террористов. Но создание санитарного кордона — это лишь попытка обезопасить себя и отложить на потом решение проблемы Чечни.

Всем стало ясно, что даже успешная боевая операция в Дагестане не означает, будто конфликт закончен и на Северном Кавказе воцарились мир и покой. Не трудно было предположить, что через несколько недель, через месяц неминуемо произойдет новое вторжение, и опять начнутся бои. И так будет происходить до тех пор, пока не начнутся поиски политического решения главной проблемы — проблемы Чечни.

Только никто в Москве не знал, как быть. Отгородиться от Чечни, установить настоящую границу — значит отказаться от части российской территории. А пока нет границы — боевики будут ее переходить.

Утверждают, что именно Путин поддержал военных и уговорил Ельцина двинуть войска дальше в глубь в Чечни.

Армия перешла Терек и пошла дальше. Антитеррористическая операция превратилась во вторую чеченскую войну.

Руководители операции решили довести до конца то, что не удалось в первую войну: то есть полностью подавить организованное сопротивление в Чечне, взять республику под контроль и ввести войска во все населенные пункты. Они исходили из того, что гнойник нужно уничтожить, иначе гной будет отравлять всю страну.

С военной точки зрения эта задача выполнима. Но что будет дальше? Этот вопрос задавали специалисты по Северному Кавказу.

Не окажутся ли российские части в Чечне на положении оккупационных войск, которым стреляют в спину? Боевики уйдут, рассеются, переоденутся в гражданское, спрячут оружие, но сражаться не перестанут. Это означает, что нас ждет партизанская война и терроризм.

В Прибалтике и на Западной Украине после Второй мировой войны — то есть при сталинском тотальном контроле! — органам госбезопасности понадобилось семь-восемь лет, чтобы ликвидировать националистическое подполье...

В Чечне жертвами артиллерийских обстрелов и бомбардировок с воздуха становились мирные жители. А смерть кого-то из близких заставляет всю семью мстить за убитого. Военная операция в Чечне, которая привела и к жертвам среди мирного населения, и к массовому бегству людей, отнюдь не превратила чеченцев в друзей России.

ОТКУДА ВЫЛЕЗ «МЕДВЕДЬ»?

Решительность и твердость Путина в чеченской кампании более всего завоевали ему симпатии. Недаром министр внутренних дел Владимир Рушайло, прилетев в Чечню, поднял тост за Путина и сказал, что военная победа в Чечне — вклад в его предвыборную кампанию.

В Путине увидели молодого и уверенного в себе человека, который не только еще ничем не опорочен, но и не боится взять на себя ответственность. Он продемонстрировал те качества, которые люди хотели видеть в руководителе страны, по которым соскучились, — решительность и твердость. Вторая война в Чечне была воспринята как свидетельство восстановления былой мощи страны и единения общества, хотя бы на почве противостояния общему врагу.

Это привело к неожиданному эффекту: социологи зафиксировали ожидание позитивных перемен в стране. Хотя реальные сдвиги в экономике не происходили, люди стали более оптимистично смотреть на происходящее. А в Путине увидели лидера, сильную фигуру, которую надо поддержать.

Первыми эти настроения почувствовали местные начальники, которые всегда стараются оказаться в лагере победителя.

В сентябре тридцать девять губернаторов вдруг заявили о своем желании вступить в избирательную борьбу. Им не нравились те, кто уже баллотировался в парламент. Они хотели, чтобы в Думу пришли честные и ответственные народные избранники.

Обращение подписали настолько разные люди (курский губернатор Александр Руцкой, екатеринбургский — Эдуард Рос-

сель, приморский — Евгений Наздратенко), что было совершенно невозможно понять, что может их объединить, кроме желания не остаться в стороне от большой игры.

Такого рода губернаторский блок вроде бы пытался сколотить Борис Березовский в надежде создать базу для поддержки Александра Лебедя. Потом такой же блок собирали под Степашина. Но теперь за дело взялась президентская администрация — с задачей отобрать как можно больше голосов у Примакова и Лужкова.

В Кремле пустили в ход последний сухой патрон — министра по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Сергея Шойгу, далекого от политических игр и потому ничем себя не скомпрометировавшего. Ему Ельцин присвоил звание Героя Российской Федерации и попросил без отрыва от работы возглавить новый предвыборный блок «Единство» («Медведь»).

Шойгу пережил семерых премьер-министров. Он единственный министр, сохранившийся с первого кабинета Ивана Силаева.

В Москве Сергей Шойгу появился в 1990 году в роли заместителя председателя российского Комитета по делам строительства и архитектуры. Это было время, когда строитель Ельцин опекал свою отрасль и быстро приметил толкового и работоспособного молодого человека.

Шойгу учился в Красноярске, а работал в Кызыле и Абакане. В этих местах формируется крепкий характер. А Шойгу еще и увлекался тем, что ездил с добровольческими отрядами в районы стихийных бедствий.

Летом 1991-го он увлек Ельцина идеей создать Российский корпус спасателей. Это была первая военизированная организация, подконтрольная российскому правительству. 19 августа, когда начался путч, Ельцин образовал Государственный комитет по чрезвычайным ситуациям и поставил во главе Шойгу. После путча ему подчинили систему гражданской обороны. Теперь уже Ельцин имел в своем распоряжении настоящее силовое ведомство с солдатами и оружием. Но к счастью, в таком качестве помощь Шойгу не понадобилась.

Шойгу всегда благоразумно избегал политики. В 1993-м его включили было в избирательный список партии «Выбор России», но Шойгу уклонился от такой чести. Он попал и в оргкомитет черномырдинской партии «Наш дом — Россия», но опять-таки политиком не стал. Осенью 1999 года Шойгу не устоял перед искуше-

нием. После выборов — в благодарность за успех — Путин произведет его в вице-премьеры...

Губернаторы обеспечили блок своими людьми. Чем ближе к выборам, тем больше местных начальников присягали на верность Путину и обещали поддержать «Единство». Это был избирательный блок, фактически не имевший никакой программы. За исключением первой тройки лидеров — министр Сергей Шойгу, борец Александр Карелин и милицейский генерал Александр Гуров, — избирательный список состоял из никому не известной провинциальной номенклатуры средней руки.

Тем не менее «Единство» получило почти четверть всех голосов — только потому, что избиратели считали этот блок путинским. Владимир Путин публично заявил, что он сам проголосует за своего друга Шойгу и за «Единство». Но дело было не только в этом. Многие голосовали просто за новых людей, потому что старые — причем все! — надоели. У старых ничего не вышло, пусть другие попробуют...

Предвыборный блок «Единство» был создан для того, чтобы помешать Примакову победить на выборах. Если бы его партия оказалась сильнейшей, он превращался бы в мощную силу, противостоящую Путину. «Единство» раскручивалось как партия Путина. Избирателям объясняли — эта партия нужна для поддержки Путина, они вместе сумеют что-то сделать.

Многие избиратели охотно откликнулись на призыв голосовать за «молодых, энергичных, грамотных». Это был лозунг Союза правых сил, но он помог не одному только Сергею Кириенко, но и Путину тоже. Это новые люди, которые, в представлении многих наших сограждан, лучше знают, как устроен современный мир и как надо действовать. Люди, оставшиеся «со старого времени», уже исчерпали свой ресурс. Жажда обновления помогла Путину. Это был выбор между старым и новым поколениями.

«Единство» поддержали и люди, которые — не будь этого блока — отдали бы голоса за самые разные партии, в том числе и за компартию, и за Жириновского. Это люди, которые тосковали по сильной личности и увидели ее в Путине.

Руководители блока «Единство» («Медведь») в ночь с 19-го на 20 декабря, когда стали известны первые итоги голосования, собрались на загородной даче Шойгу в неформальной обстановке. Атмосфера была праздничная. Туда же приехал министр внутренних дел Владимир Рушайло, глава правительства Путин. Они поздравляли друг друга. Чуть позже появились руководи-

тель президентской администрации Александр Волошин и его заместитель Игорь Шабдурасулов, который занимался всеми избирательными делами.

Радостный Шойгу предложил спеть «Работа у нас такая, забота у нас простая, жила бы страна родная, и нету других забот...». Вместе с руководителями победившего блока пел и Путин. Собственно говоря, он и стал главным победителем на декабрьских выборах в Государственную Думу.

Впрочем, был еще один очень важный итог волеизъявления граждан Российской Федерации.

Впервые большинство избирателей поддержали нынешний строй в России, антинародный режим, как любят говорить Зюганов и его коллеги.

Конечно, существует масса различий между блоком «Отечество — Вся Россия», блоком «Единство», Союзом правых сил и «Яблоком». Но те, кто голосовал за эти партии, — а они все вместе получили большинство мандатов в Думе, — поддержали существующий в России политический и экономический строй. То есть люди наконец оценили демократию и рыночную экономику и поддержали их.

Люди не поддержали ни движение Илюхина и Макашова, ни сталинский блок Ампилова, ни Тюлькина и его бригаду. Все эти радикальные партии, даже вместе взятые, не собрали и пяти процентов голосов. Это означает, что общество отвергает национально-социалистическую идеологию. А то ведь за несколько месяцев до выборов казалось, что генерал Макашов или краснодарский губернатор Кондратенко и в самом деле выражают настроения широких масс...

Провал этих людей — большой удар по коммунистам. Они, как известно, собирались войти в Государственную Думу тремя колоннами. Не вышло.

Выборы вообще развеяли миф о том, что наше общество полевело, покраснело, что люди поддерживают только коммунистов и их союзников. КПРФ лишилась возможности определять решения Государственной Думы. То есть принимать или отвергать законы, влиять на бюджет, одобрять или не одобрять кандидатуру главы правительства.

Вообще-то коммунисты и в прошлой Думе делали то, что хотело правительство: и бюджет принимали, и премьеров одобряли. Но всякий раз за голоса коммунистов приходилось дорого платить. Фракция КПРФ заставляла правительство раздувать

бюджет, тратить деньги, которых в казне нет. И это разоряло страну и всех нас. Теперь появилась возможность жить по средствам, проводить нормальную политику и вновь приступить к экономическим реформам.

В связи с этим важен приход в Думу молодых политиков из Союза правых сил. Голосовала за правых молодежь. Это свидетельствует о том, что молодое поколение вообще уже выросло с новыми представлениями о жизни. Для них свободная рыночная экономика — вещь естественная и необходимая. И разговоры, которые велись после августовского кризиса 1998 года о том, что либеральные идеи мертвы, что они не подходят для России, что народ их не принимает, выборами были опровергнуты.

ПОСЛЕДНИЙ УКАЗ

Выборы декабря 1995 года заставили Ельцина еще раз вступить в борьбу за президентское кресло. Выборы декабря 1999 года дали ему повод покинуть Кремль.

Но до выборов положение самого Бориса Николаевича изменилось. Еще недавно чуть ли не все считали своим долгом продемонстрировать свое пренебрежение Ельциным, походя пнуть президента. Его называли жалким человеком, который ничем не управляет, которого никто не уважает. Но в последние месяцы на Ельцина вообще перестали нападать. Стихли и разговоры о том, что он сам давно ничего не решает и пляшет по указке своих советчиков.

Люди, близко соприкасавшиеся с ним в последние месяцы работы в Кремле, уверяют, что, хотя он выглядел больным стариком, его политические инстинкты, властность и хитрость сохранились полностью.

Его последний проект под названием «Путин» оказался невероятно успешным. И Борис Николаевич, казалось, непоколебимо сидит на пирамиде власти, которой все спешили присягнуть на верность. Но он где-то в октябре решил для себя, что уйдет. Его помощники заметили, что он как-то вдруг успокоился.

Он вполне доверял Путину, который в случае досрочной отставки Ельцина получал реальный шанс стать президентом. Да и трудно было бы представить себе Бориса Николаевича спокойно наблюдающим за голосованием на выборах, в которых он

не участвует, и ждущим, когда его попросят покинуть Кремль. Нет, он предпочел уйти сам.

22 декабря, сразу после выборов в Государственную Думу, Ельцин сказал об этом Путину. Глава правительства приехал к нему с обычным докладом, рассказывал об экономической ситуации, о положении на Северном Кавказе. Но президент думал о другом.

Борис Николаевич ходил по кабинету, смотрел в окно и говорил, что ему трудно расставаться с Кремлем, потому что многое связано с этими стенами, с людьми, которые здесь работают, тем не менее он повторил:

— Я думал и принял твердое решение. Я это сделаю.

Они разговаривали еще несколько раз. Все необходимые документы юристы подготовили давно — вариант досрочного ухода и в самом деле не раз рассматривался за закрытыми дверями в Кремле.

Текст последнего обращения Ельцина писали руководитель президентской администрации Александр Волошин и Валентин Юмашев — это никому другому не доверили.

30 декабря новогодний прием в Кремле давали от имени президента, хотя раньше такие приемы устраивал московский мэр Юрий Лужков. В последний момент Ельцин не приехал. Хозяином стал глава правительства Владимир Путин. Он произнес тост:

— За благополучие и покой в каждом нашем доме, в каждой нашей семье! За новые победы в новом году! За Великую Россию!

31 января в девять утра Ельцин подписал указ № 1761:

«1. В соответствии с частью 2 статьи 92 Конституции Российской Федерации прекращаю с 12 часов 00 минут 31 декабря 1999 г. исполнение полномочий Президента Российской Федерации.

2. В соответствии с частью 3 статьи 92 Конституции Российской Федерации полномочия Президента Российской Федерации временно исполняет Председатель Правительства Российской Федерации с 12 часов 00 минут 31 декабря 1999 г.

3. Настоящий указ вступает в силу с момента его подписания».

Это был последний указ президента Ельцина. Он всегда придавал особое значение этой процедуре. Никогда не ставил закорючку, подписывался очень аккуратно, тщательно выводя все

буквы своей фамилии. Подпись на указе ставил специальной ручкой — только перьевой. Когда ему приносили указ, Ельцин спрашивал:

— Где ручка, которой я буду подписывать?

В 9.30 к нему приехал Владимир Путин. Он подписал следующий по номеру указ — первый в своей жизни:

«В связи с отставкой Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина приступил в соответствии со статьей 92 Конституции Российской Федерации к временному исполнению полномочий Президента Российской Федерации с 12 часов 00 минут 31 декабря 1999 г.».

Вскоре к ним присоединился Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Он как бы освятил церемонию передачи власти. Почему-то волнующая всех передача «ядерного чемоданчика» прошла самым простым образом. Дежурный офицер-оператор, обладатель переносного терминала «Чегет», обеспечивающего постоянный доступ к системе связи «Казбек», стал теперь сопровождать не Ельцина, а Путина.

Эта система связи дает возможность в любой точке и в любой момент устроить совещание между министром обороны, начальником Генерального штаба и президентом и — в случае необходимости — принять решение о нанесении ядерного удара.

В восемь утра телевизионная съемочная группа уже была в Кремле, хотя для маскировки 28 декабря Борис Николаевич записал стандартное поздравление с Новым годом.

Телеобращение Ельцина вышло в эфир в полдень, потому что на Дальнем Востоке уже готовились отмечать Новый год.

Прощальное выступление Ельцина было, как всегда, ясным и точным. Конечно, речи президенту пишут помощники. Но они пишут такие речи, которые президент желает произнести.

Путин прочитал свое обращение в том же кабинете, только ему принесли другой стол.

После обращения Ельцин заплакал, заплакала и Татьяна Дьяченко. Ельцин приказал принести шампанского.

Договорились, что 1 января Путин, Волошин и министр обороны маршал Игорь Сергеев приедут к Ельцину обедать. Гостей угостят пельменями, которые так любят в семье Ельциных...

А на следующий день Татьяна Дьяченко соберет свои вещи и покинет кабинет в первом корпусе Кремля...

Руководитель президентской администрации Волошин отыщет на даче главного редактора «Российской газеты» Анатолия Юркова и попросит срочно опубликовать закон «О выборах Президента Российской Федерации». Любой закон вступает в силу только после публикации в «Российской газете». 5 января обещал собраться Совет Федерации, чтобы назначить президентские выборы на 26 марта. Если бы закон к тому времени не опубликовали, пришлось бы откладывать выборы. А этого в Кремле не хотели...

Путин подписал давно подготовленный указ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи».

Главное в этом указе состоит в том, что Ельцину предоставлен полный иммунитет от уголовного преследования: он «не может быть привлечен к уголовной или к административной ответственности, задержан, арестован, подвергнут обыску, допросу либо личному досмотру». Столь же неприкосновенными остаются его жилье и транспорт.

Забавно вспомнить, что в 1991 году Ельцин, завоевав Кремль, категорически отказался наделить такой же неприкосновенностью Михаила Сергеевича Горбачева, уходящего с поста президента СССР, и посоветовал тому сразу покаяться во всех своих грехах — пока не поздно...

Щедрый путинский указ сохранил за Ельциным практически все блага и привилегии, которыми он пользовался до отставки: государственную дачу, спецтранспорт, охрану, медицинское обслуживание, все виды правительственной связи и деньги на помощников и секретарей.

Ельцин и Путин проговорили еще примерно два часа. Пообедали вместе с силовыми министрами. Напоследок Ельцин еще раз зашел в свой кабинет, обвел его глазами, сказал:

— Здесь все государственное. Моего уже ничего нет.

Все его личные вещи и документы увезли на дачу. Путину он подарил ручку, которой подписывал указы.

Потом Борис Николаевич уехал из Кремля, сказав на прощанье: «Берегите Россию». Владимир Владимирович остался. Наступил Новый год, новый век и новая эпоха. Жизнь в Кремле продолжалась. Уже без Ельцина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5

Часть первая
МЕСТО В ИСТОРИИ

Глава первая. «Я сделал все, что мог» 7
Глава вторая. Владимир Путин: человек без прошлого 28

Часть вторая
ПЕРВЫЙ ВЗЛЕТ И ПЕРВОЕ ПАДЕНИЕ

Глава третья. Воспитание в Свердловске 51
Глава четвертая. Переезд в Москву 75
Глава пятая. Схватка на Старой площади 93
Глава шестая. Бунт и отставка 113

Часть третья
НАРОДНЫЙ ЗАСТУПНИК

Глава седьмая. Опала 132
Глава восьмая. Победы и скандалы 151
Глава девятая. На волосок от смерти 188
Глава десятая. Первый президент России 212
Глава одиннадцатая. Августовский путч 251

Часть четвертая
ИСПОЛНЕНИЕ МЕЧТЫ

Глава двенадцатая. Гайдаровские реформы 299
Глава тринадцатая. Бои местного значения 325
Глава четырнадцатая. Октябрьские события 354
Глава пятнадцатая. Свои и чужие при дворе царя Бориса . 393

Часть пятая
ЗАСТОЙ ИЛИ ЗАКАТ

Глава шестнадцатая. Первая чеченская война 419
Глава семнадцатая. Победа на выборах и операция на сердце 452
Глава восемнадцатая. Президентство без президента 506
Глава девятнадцатая. «Семья» и вторая чеченская война... 536

Литературно-художественное издание

Леонид Михайлович Млечин

ФОРМУЛА ВЛАСТИ. От Ельцина к Путину

Редактор *Ю.О. Бем*

Художественный редактор *И. А. Озеров*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Корректор *Е.Ю. Биткова*

OCR - Давид Титиевский, апрель 2017 г., Хайфа

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.03.2000.
Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура «Гельветика».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24. Уч.-изд. л. 35,91 + 2 альбома = 37,72.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 4791

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано в ГИПП «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

Леонид Млечин

Люди и власть

ФОРМУЛА ВЛАСТИ

От Ельцина к Путину

В чем состоит формула власти и как нашел ее Борис Ельцин? Как и почему президент передал эту власть Владимиру Путину?

Леонид Млечин рассказывает о судьбе Бориса Ельцина и его восхождении на самую вершину власти, он отмечает факты биографии преемника президента и дает свое объяснение решению передать власть.

Почему десять лет назад большая часть населения влюбилась в Ельцина и доверила ему управление страной? Автор книги предлагает свой ответ на эту загадку, так и не получившую до сих пор внятного объяснения.

Способен ли был Борис Ельцин управлять государством после того, как власть внезапно свалилась ему в руки? Автор убеждает читателя, что Ельцин из породы людей, которые неостановимо идут наверх, и вся его сущность была настроена на достижение и удержание власти.

Почему Ельцин начал первую чеченскую войну? В книге рассказывается тайная история этой национальной катастрофы.

Народ был уверен, что президент крепко пил. Насколько близко к истине это мнение и правдивы ли рассказы о том, что Ельцин страдал от приступов хронической депрессии и даже несколько раз пытался покончить жизнь самоубийством? Леонид Млечин комментирует многочисленные отклонения в поведении президента и дает им свое толкование.

Последний год правления Ельцина — это разговоры о неприглядной роли его семьи, которая захватила все рычаги управления страной. Действительно ли Ельцин перестал управлять государством? Автор книги подробно восстанавливает события этого года и показывает, что происходило на самом деле.

Книга известного телеобозревателя Леонида Млечина — это первая полная политическая биография человека, прошедшего путь от провинциального партийного работника до Президента России.

ISBN 5-227-00715-2

9 785227 007155

Ц... ...РАФ

25-00